

Михаил
ШЫЛЯЕВ

*Замечательные
будаки и оригиналы*

Михаил Иванович Пыляев

Замечательные чудаки и оригиналы (сборник)

Русский писатель, историк и краевед Михаил Иванович Пыляев (1842–1899) снискал популярность не только у своих современников. Его книги, наполненные любопытными сюжетами, с интересом читаются и сегодня.

«Замечательные чудаки и оригиналы» – это собрание курьезных рассказов о характерах российских людей и причудах быта аристократии в XVIII и первой половине XIX столетия. Обычаи, мода, игры, увеселения представителей разных общественных слоев дополняют картину русской жизни прошедших веков в книге «Старое житъе».

Содержание

Замечательные чудачки и оригиналы	0006
Глава I	0006
Глава II	0030
Глава III	0044
Глава IV	0070
Глава V	0084
Глава VI	0105
Глава VII	0114
Глава VIII	0135
Глава IX	0145
Глава X	0166
Глава XI	0190
Глава XII	0214
Глава XIII	0233
Глава XIV	0257
Глава XV	0282
Глава XVI	0295
Глава XVII	0316
Глава XVIII	0334
Глава XIX	0353
Глава XX	0368
Глава XXI	0391
Глава XXII	0414
Глава XXIII	0437
Глава XXIV	0458

Глава XXV	0477
Глава XXVI	0498
СТАРОЕ ЖИТЬЕ	0518
Старое житье	0518
Азартные игры в старину	0566
Моды и модники старого времени	0660
Начало зрелищ, балов, маскарадов и других общественных увеселений в России	0781
Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России	0861
Полубарские затеи	0932
Наш театр в эпоху Отечественной войны .	0979
День генералиссимуса Суворова	1004
Отец Суворова	1026
Стародавние старчики, пустосвяты и юродцы	1042
Исторические колокола	1215

М. И. Пыляев
Замечательные чудаки и
оригиналы. Старое житъе

Замечательные чудаки и оригиналы

Глава I

Чудачества Н-на; его расточительная жизнь. – Дорогой домик-игрушка. – Страсть к столоверчению. – Оригиналы-го-сти. – Историческая игрушка голландца Брандта. – Н-на цыганка и ее мальчик. – Эскулап-колдун. – Полковник Ч., филантроп-оригинал. – Причуды Аракчеева. – Его собачки. – Азартная поспешность графа. – Страсть к чистоте и привязанности к одной форме и внешности

В обыкновенной жизни чудака есть человек, отличающийся не характером, не нравом, не понятиями, а странностью своих личных привычек, образа жизни, прихотями, наружным видом и прочее. Он одевается, он ест и пьет, он ходит не так, как другие, он не характер, а исключение. Замечательно, что в простом сословии, близком к природе, редко

встречаются чудаки, там все растут, воспитываются, чувствуют, мыслят и действуют, как внушила им природа или пример других, но с образованием начинаются причуды, и чем оно выше у народа, тем чаще и разнообразнее являются чудаки.

В старину, даже не более пятидесяти лет тому назад, было гораздо более людей странных, с резкими особенностями, оригиналов и чудаков всякого рода, чем теперь. Такое явление понятно, причудливость есть следствие произвольности в жизни, и чем более произвольность господствует в нестройном еще обществе, тем более она порождает личных аномалий.

В двадцатых годах текущего столетия весь интеллигентный мир в Петербурге и Москве был в дружественных сношениях с симпатичным гвардейским офицером-измайловцем П.В. Н-м. Своеобразный ум последнего, его талантливая широкая натура и превосходное сердце высоко ценились всеми тогдашними нашими писателями; как Пушкин, так и Гоголь были его друзья.

Н-н воспитывался вместе с Пушкиным в

Царскосельском лицее. Несмотря на то, что Н-н прожил на своем веку не одну тысячу душ и спустил на разные затеи целый ряд наследств, Пушкин высоко ценил его житейскую опытность и любил следовать его советам. По его рассказу он написал «Дубровского», которого сам видел Н-н в остроге одного белорусского города; герой повести небогатый дворянин был доведен до нищеты богатым своим соседом; по просьбе Пушкина Н-н написал несколько очерков своего детства и рассказов о своих предках. Н-н не раз выручал в трудные минуты поэта. Существует предание, как после смерти Пушкина Н-н с Вяземским и еще с кем-то разделили последние деньги, нашедшиеся у него в бумажнике, с клятвою их хранить навсегда, в знак памяти. Это были три двадцатипятирублевки, на которых они написали год, день, число и час его смерти. Интересно, уцелели ли эти бумажки. Н-ну Гоголь посвятил несколько лучших глав во второй части своих «Мертвых душ». Известный петербургский откупщик, миллионер Бенардаки, близкий к Гоголю, предлагал Н-ну, когда его дела приняли тугой оборот,

принять у него место воспитателя его детей. Н-н был человек очень добрый; он прожил на своем веку несколько состояний; судьба почти до последней минуты баловала его. Случалось, что у него в доме не было копейки и он топил камин мебелью – и вдруг новое богатое наследство валилось ему с неба. Н-н, избалованный богатой матерью, почти с юношеских лет предался свободной и совершенно независимой жизни; живя на всем готовом в доме родительницы, он нанимал бельэтаж одного большого барского дома на Фонтанке для своих друзей. Сюда он приезжал ночевать с ночных игр и кутежей, и сюда же каждый из знакомых его мог явиться на ночлег, не только один или сам-друг, но мог приводить и приятелей, вовсе незнакомых хозяину, и одиноких и попарно. Многочисленная прислуга, под управлением карлика «Карлы-головастика», обязана была для всех раскладывать по полу матрацы со всеми принадлежностями приличной постели, парным – в маленьких кабинетах, а холостякам – в больших комнатах, вповалку на полу. Сам хозяин, являсь ночью, спрашивал только, много ли

ночлежников. Утром все обязаны были явиться к кофе и чаю. Случалось, что в торжественные дни рождения его гвардейская молодежь с красотками, после великолепного завтрака или обеда, сажали в четырехместную карету, запряженную четверкой лошадей, его карлика-дворецкого с кучей разряженных девиц, а сами, сняв мундиры, в одних рейтузах и рубашках, засеив на место кучера и форейтора и став на запятках, вместо лакеев – летели во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всем лучшим улицам! Конечно, все это могло совершаться в начале 20-х годов, а в 30-х об этом времени вспоминали только с сожалением.

Так, в период буйной и безумной молодости Н-на деньги были ему ни о чем: он удивлялся многих обстановкою своей холостой квартиры и своими рысаками и экипажами, выписанными прямо из Вены, и своими вечерами, на которых собирались все, как русские, так и французские актеры. Умный и образованный человек со вкусом, он бросал деньги, покровительствуя художникам и артистам; он любил жить и давал другим жить.

Залы у него были полны произведениями начинающих художников; одних собственных его портретов было более сотни, он их раздавал знакомым, как теперь дарят фотографические карточки; все его кучера, собаки, лошади были тоже перерисованы молодыми художниками. Он покупал все, что попадалось ему на глаза: фарфор, бронзу, бриллианты и бирюзу, которую считал за амулет. В особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисам. Причудам его не было конца, так что однажды за маленький восковой огарок, пред которым Асенкова учила свою лучшую роль, он заплатил ее горничной шальную цену и обделал в золотой футляр, который вскоре и подарил кому-то из знакомых. Н-н одно время был страстно влюблен в эту актрису и, чтобы вылечиться от безумной страсти, придумал следующую хитрую штуку. Он нарядился в женский наряд и прожил у артистки в качестве горничной более месяца. Это обстоятельство и послужило Пушкину сюжетом к его «Дому в Коломне». Щедрость Н-на к артистам доходила до того, что известному Вьетану он подарил скрипку, с которою

знаменитый артист объехал всю Европу. Подобные дорогие причуды, да вдобавок карточная игра, в которой он являлся, впрочем, не игроком, алчущим выигрыша, а страстным любителем сильных ощущений, в 30-х годах сильно порасстроили его состояние, тем более, что он обзавелся цыганкой, известной в то время в Москве красавицей Ольгой Андреевной, дочерью Стеши, прозванной Каталани. В то время любовь к цыганке была самая разорительная, песни чернооких красавиц разнеживали и одуревали всех кутящих богачей. На вечерах гитара такой цыганки наполнялась по нескольку раз золотом и ассигнациями, и много раз была опоражниваема и потом снова наполнялась. Эти приношения носили название «угольковых» и многим опустошали карманы. Н-н для цыганки держал экипаж с парой вяток и шведок, за нее он дал крупный выкуп хору; у нее собиралось самое разнообразное общество: цыгане, франты, актеры, литераторы, купцы, сюда заезжал и Пушкин слушать цыганские песни. Постоянным гостем ее был и известный князь Гагарин, тоже чудака большой руки, прозванный за свою

худобу «Адамовой головой»; он был бретер и храбрец, выигравший в 1812 году у офицеров пари, что доставит Наполеону два фунта чая. И доставил, и только по благосклонности императора благополучно возвратился в русский лагерь. У Н-на от цыганки был сын, дворняжка, ненавидевший комнаты. Находя в мальчике сходство с квартальным надзирателем их квартала, он велел портному сшить на мальчика полный мундир квартального того времени, указав и треугольную шляпу, и оправдывался в этой проделке, говоря «ведь наряжают же детей гусарами, черкесами, казаками, почему же мне не нарядить его квартальным, когда я так уважаю полицию».

Однажды у цыганки Н-н проиграл все, что у него было – часы, столовое серебро, наконец, карету с лошадьми и даже Оленькины сани с парой вятков. Выигравший, захватив серебро, вещи, в выигрышной карете еще темным утром поехал домой, приказав сани с вятками отправить за ним. Н-н добродушно посмеивался над подобной аккуратностью игрока. Цыганка, узнав утром об исчезновении вятков, нисколько не огорчилась: она привык-

ла или знала, что все скоро возвратится к ней, и, действительно, скоро зажила прежнею роскошною жизнью. Любовь к цыганке Н-на послужила Куликову сюжетом для его водевиля «Цыганка». Н-н сам рассказывал, что, сидя в театре, он видел на сцене себя и свою сожительницу. От этой цыганки он освободился тем, что, оставив ей весь свой дом в Москве, вместе с хорошей суммой денег в шкатулке, сам тайком уехал в подмосковную, к приятелю, где перевенчался на своей однофамилице и поселился на некоторое время в Туле.

Н-н, как мы заметили, любил хорошо покушать и также кормить своих гостей почти насильно. Обеды заказывать и говорить про кушанья он был большой охотник. За столом у себя он потчевал гостей до упаду, ежеминутно вскакивал и кричал на прислугу: видишь, мало взяли, попроси, поклоняйся, и если это было неуспешно, то сам упрашивал не хуже известного крыловского Демьяна. Не возьмет гость – он считал большой обидой. Редкий из его гостей выходил у него из-за стола не упитавшись так, что еле несли ноги. На обеды он приглашал за несколько дней, а в день обеда

присылал дворецкого напоминать, чтобы не забыли. У него нередко подавали на стол паштет, при вскрытии которого выходил карлик, держа в одной руке паштет уже съедобный, а в другой руке – букет с цветами.

Существует предание, что Петр Петрович Петух списан Гоголем с Н-на.

По смерти Пушкина Н-н переехал жить в Москву, тут уже пошла нерадужная сторона его жизни, но он не унывал и вел почти ту же самую петербургскую жизнь. Он ездил почти ежедневно в английский клуб, выписал себе из Парижа дорогой кий, хранившийся всегда под сбережением маркера, и продолжал мотать деньги, ссужая встречного и поперечного. Иногда, в критические минуты, ему вдруг падали наследства от какого-нибудь дальнего родственника, то уплачивал ему кто-нибудь старый карточный должок и т. д. Но все эти неожиданности скоро исчезли. Своей роскошной жизни он не покидал и понемногу стал распродавать свои богатые коллекции: монеты, картины, фарфор, бронзу и т. д. Между замечательными редкостями, находившимися в его квартире, был один двухэтажный стек-

Лянный домик аршина два длины, каждая отдельная часть и украшения которого были им заказаны за границей в Вене, Париже и Лондоне. На этот домик, стоивший ему до сорока тысяч рублей, съезжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество. Домик этот был потом заложен и перезаложен в Москве за двенадцать или тринадцать тысяч и теперь неизвестно у кого находится как редкая, трудно сбываемая игрушка. Домик был продолговатый, правильный четырехугольник, обрамленный богемскими зеркальными стеклами, и образовывал два отделения, верхнее и нижнее. В верхнем помещалась сплошная танцевальная зала со столом посередине, сервированным на шестьдесят кувертов. По четырем углам залы поставлены были четыре стола и бронзовые канделябры на малахитовых подстоях, на потолке, вылепленном в мавританском стиле, висели три серебряные люстры, каждая по пятидесяти свечей, в одном углу стоял рояль, в другом арфа, первый был работы Вирта, вторая – Эрара, на первом жена владельца играла небольшие пьесы, употребляя для ударов по клавишам вязаль-

ные спицы. В зале помещались ломберные столы с картами, были даже щеточки и мелки для карточной игры. Вся зала была украшена тропическими растениями, так искусно сделанными в Париже, что, казалось, эти растения были живыми. Нижний этаж представлял жилые покои и был наполнен всем, что только требовалось для какого-нибудь царственного жилища. Заказывая эту игрушку и долго обдумывая ее, он не позабыл ни малейшей безделицы богатого домашнего быта. В этих жилых покоях, стены которых были то мраморные, то покрытые разноцветным штофом, были и микроскопические картины, писанные масляными красками, и пианино, и ноты, и полная миниатюрная библиотека, и целый арсенал оружия, ящик с пистолетами Лепажя, сигары, бильярд и т. д. И все эти липипутные вещи, серебряные столовые тарелки и блюда, сделанные отдельно, замечательными художниками, должны им были стоить большого труда и терпения, начиная от рояля, фортепиано, до библиотеки; для печатания только одних заглавий книг необходимо было придумывать такой мелкий шрифт, ко-

торый можно видеть только на наших ассигнациях. Паркет в обоих этажах был мозаичный. Сводчатый подвал под домиком вмещал погреб, в котором в открытых ящиках хранились всевозможные дорогие вина, укупоренные за границей.

Не забыта ни одна мелочь, даже восковая свечка, приготовленная для зажигания канделябр. В одной из комнат сидят пестро одетые дамы, а в дверях – фигура военного, времен Очаковских. Хозяйка приветствует его рукой, в другой комнате хозяин и гость кушают кофе, в бильярдной идет игра, все фигуры одеты в надлежащие того времени костюмы. Жизнь старого русского дома искусно схвачена в целом ряде моментов.

Разорившись, Н-н заложил курьезную модель своего московского дома нотариусу Пирогову, последний рассчитывал с хорошим барышом продать ее чуть ли не в казну, как большую редкость, покупка не состоялась, и модель долю не продавалась у известного в Москве в пятидесятых годах антиквария Волкова. Эта старинная барская редкость несколько лет тому назад была выставлена

на ремесленной выставке и затем продавалась с аукциона.

Говоря о причудных игрушках доброго старого времени, мы не можем не упомянуть о другом таком же миниатюрном домике, который назначался для поднесения императору Петру Великому.

В Утрехте в начале XVIII столетия жил богатый негоциант Брандт, посвятивший себя искусству, для которого нет настоящего имени, но которое можно назвать миниатюрною механикою. Он достиг в этом такого совершенства, что все его работы ценились очень высоко. Когда Петр Великий приехал в Амстердам, Брандт находился в этом городе. Государь, увидев работы его, удивился терпению и искусству, с какими они сделаны. «Дорого бы я дал, чтоб иметь у себя какую-нибудь особенную отличную работу Брандта», сказал однажды государь. Брандт, узнав об этом, решился сделать для государя миниатюрный голландский домик со всем убранством, мебелью, домашними принадлежностями. Он работал не отрываясь только двадцать пять лет. И что это была за прелесть! Что за чудо! Это

настоящий дом со всеми мелочами, со всем голландским комфортом, до малейшей безделицы. Здесь были обои, сделанные на утрехтских фабриках Белье, вытканное лучшими утрехтскими мастерами, серебряная посуда была отлита в нарочно приготовленных самим Брандтом формах, которые он потом уничтожил. Фарфор был выписан из Японии. Этого мало, даже книга была напечатана в Майнце такая, что ее можно было спрятать в ореховую скорлупу. Потом хрустальная люстра, отделанная с удивительным искусством, клетка, в которой и муха едва могла бы поместиться, столовая комната с мраморным полом, чайный стол со всем прибором, картинная галерея, кабинет редкостей, спальная с кроватью, убранная самыми роскошными тканями, и проч. Окончив все это, Брандт послал в Петербург письмо, в котором уведомлял, что работа эта окончена, и просил позволения представить ее государю. Петру Великому в то время было не до игрушек – он находился в походе. Резидент, получивший в Петербург известие о том, велел, прежде доклада царю, осведомиться, сколько Брандт хо-

чет взять за свою работу. Такой вопрос огорчил художника, двадцать пять лет жизни посвятившего на эту работу и по богатству своему не имевшего нужды в деньгах, он не захотел после этого посылать в Петербург свое произведение, которое, таким образом, осталось в Голландии и, как любопытная вещь, показывается путешественникам в Гааге.

Возвращаясь опять к характеристике Н-на, мы находим, что иногда на вечера к нему собиралось немало оригиналов и чудаков того времени, он ловко умел их вызывать на разговоры и воспоминания. Так, у него бывала одна старушка княгиня, которая в молодости была страстно влюблена в Потемкина и выпросила у него на память голубую ленту, с которой всю жизнь не расставалась ни днем ни ночью. Притом, эта барыня отличалась необыкновенною скарედностью и не шила себе платьев чуть ли не с кончины великолепного князя Тавриды, вместо чепца носила она на голове шлык из платка – платье было заплатанное, грязное, и при всем своем неряшестве носила через плечо на груди потемкинскую ленту. Он особенно покровительствовал

также всем вралям и собирал их для потехи целыми десятками на свои вечера. В последние годы своей жизни Н-н предался модной тогда страсти к вызыванию духов и столоверчению. Он беседовал с духами посредством столиков и тарелок с укрепленными в них карандашами. Он вызывал большею частью умерших своих друзей – Пушкина, Брюллова. Исписав горы бумаги, он вскоре сжег все написанное и отслужил в доме молебн. После этого он познакомился с одним евреем-доктором, известным тогда в Москве и проживавшим в глуши – в Сокольниках. Этот эскулап привлекал к себе богатых москвичей тем, что будто бы нашел средство делать золото и при лунном свете, с помощью розы сгущать его на левой ладони руки в настоящие рубины. Н-н оказался одним из первых его адептов, он полюбил алхимию. Доктор стал тянуть у него деньги и обирать последние его крохи. При алхимических опытах он говорил ему:

– Нам недостает только одного растения, которого не найдешь в России.

– Какое же это растение? – спрашивал Н-н.

– Баранец.

– Что это за баранец?

– Трава, которая пищит по зарям, как ребенок, когда вытаскиваешь его корни.

– А где можно ее достать?

– В Азии, на горах.

– Что ж, – произносил решительно Н-н, – мы можем туда съездить. В скором времени я получу с князя десять тысяч рублей.

– Будем надеяться!

Н-н, получив эти деньги, повез их доктору, но последний за разные мошенничества был выслан на жительство в Сибирь. Н-н приуныл. Скоро полученные деньги были истрачены, кредита также нигде не было. Жил тогда в Москве полковник К., человек более чем богатый, добрый, известный франт и волоки-та до поездки за границу, но сделавшийся отъявленным филантропом по возвращении в Москву, про него ходили слухи, что будто он, как и Ч-ев, принял католичество. К., по первому требованию, вручал по пяти рублей бедным офицерам и по десяти – штаб-офицерам. Н-н стал обращаться к нему в критические минуты.

– Подай вспомоществование бедному

штаб-офицеру, Александр Степанович, – говорил он серьезным тоном. Н-н получал постоянно от К. этот пенсион, когда приходила ему крайняя нужда. К. тоже был большой оригинал. Перед смертью Н-н опять получил довольно порядочное наследство, принимал к себе калик перехожих, странников, странниц и разных бродяг, которые всегда что-нибудь у него воровали.

Известный граф Аракчеев, о котором в свое время иначе не говорили как шепотом и пред домом которого, на Литейной, проезжая мимо, всякий сдерживал дыхание и затаивал мысль, – отличался большими странностями. Аракчеев очень боялся отравы и за обедом каждое блюдо, прежде чем его начать, давал немного своей собачке Жучке[1] и после того уже ел сам; даже после стола, когда подавали кофе, то он сперва отливал немного собаке на блюдечко и после того уже пил из своей чашки.

Аракчеев безмерно любил быструю езду – в свое Грузино из Петербурга он ездил в восемь часов. Грузино от Петербурга отстояло на 121 1/2 верст; выезжал он постоянно из сто-

лицы в 6 час. утра, и в 2 часа пополудни был уже у себя в Грузине, – ему выставляли поставу на каждой полустанции. Таких верст между Петербургом и Грузино он сделал во всю свою жизнь около 90 тысяч. Был еще и другой такой любитель скорой езды – это военный генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков; за такую страсть последний поплатился жизнью, нажив смертельную болезнь в почках. Корсаков, несмотря на частые приезды в столицу из дальней Сибири, во всю свою службу не проехал и четверти того расстояния, что сделал на лошадях Аракчеев.

В числе странностей Аракчеева была какая-то во всем азартная поспешность, а затем ранжир. Он нетолько людей, но и природу подчинял своему деспотизму. Когда Грузинское имение поступило к нему, то ровнять и стричь было главною его заботою: ни одно дерево в саду, по дороге и деревням не смело расти выше и гуще назначенного ему Аракчевым; сад и все деревья в имении по мерке стриглись. Деревни все он вытянул в прямую линию, и если случалось по необходимости сделать поворот, то он шел или под прямым

углом, или правильным полукругом.

Все старое было истреблено с корнем – следов не осталось прежних сел и деревень; даже церкви, если они приходились не по плану, были снесены, а кладбища все заровнялись так, что не осталось и следов дорогих для родных могил. Немало было пролито и слез, когда солдаты ровняли кладбища; многих старух замертво стаскивали с могил, так они упорно отстаивали эту святыню, по русскому поверью. Берега реки Волхова, на которых было расположено имение, были покрыты лесом. Аракчеев приказал вычистить берега; лес рубился на свал и сжигался на месте. Все распоряжения были невозможно бестолковы. Так, канавы копались зимою, во время морозов, дороги насыпались в глухую осень под проливными дождями. Деревни строились разом и с такою поспешностью, точно будто к смотру!

Помещичья жизнь Аракчеева отличалась неслыханной дисциплиной. У Аракчеева был написан свой талмуд для крестьян, в котором излагались мельчайшие правила на все случаи жизни крестьянина, даже, напр., как и

кому ходить в церковь, в какие колокола звонить, как ходить с крестным ходом и при других церковных церемониях. Несколько тысяч крестьян были превращены в военных поселян: старики названы инвалидами, взрослые – рядовыми, дети кантонистами. Вся жизнь их была поставлена на военную ногу – они должны были ходить, сидеть, лежать по установленной форме. Например, на одном окошке № 4 полагалась занавесь, задергиваемая на то время, когда дети женского пола будут одеваться. Обо всех мелочах в жизни каждого крестьянина Аракчеев знал подробно; в каждой деревне был шпион, да еще не один, который являлся лично к самому Аракчееву каждое утро и подробно рапортовал о случившемся.

Чуть ли не первое шоссе в России от Чудова до Грузина было построено руками его крестьян. Строено оно было на остатки сумм, отпущенных на военное поселение. Обошлось оно в миллион рублей ассигнациями. Подряд взял голова грузинской вотчины или, вернее, сам Аракчеев, потому что барыши он брал себе, а задельная плата поступала в банк за бед-

ных должников: богатые крестьяне ничего не получали за свою работу. Зачем? Они и без того были богаты. Чистого барыша от этой постройки Аракчеев взял 600 тыс. рублей, остальные 400 поступили в банк за долги. Аракчеев любил ссылаться на свою бедность и бескорыстие. Так, при вступлении на престол императора Николая I, Аракчеев недомогал, в это время при дворе с особенным участием стали заботиться о расстроенном его здоровье и настойчиво советовали ему ехать за границу для лечения. Аракчеев говорил, что у него нет на это денег, тогда в уважение его стесненных обстоятельств ему было выдано высочайшее пособие в размере 50 тыс. рублей. Сконфуженный такой неожиданностью, Аракчеев пожертвовал эти деньги в Екатерининский институт, а чтобы вывернуться из затруднительного и неловкого положения, предложил чрез министра двора купить у него за 50 тыс. фарфоровый сервиз, подаренный ему императором Наполеоном I, мотивируя свое предложение тем, что сервиз с императорским гербом неприлично иметь в частных руках. Предложение Аракчеева было

принято, и сервиз куплен, и ему пришлось отпра- виться за границу. За границей Аракчеева принимали более чем равнодушно, здесь он, желая напомнить о своем прежнем величии, напечатал в Берлине по-французски письма к нему императора Александра I. Этот поступок усилил справедливое к нему негодование им- ператора и окончательно подорвал его по- прище. Когда Аракчеев выезжал во Францию, таможня отобрала у него серебряные вещи, предлагая возвратить ему при обратном вы- езде его из Франции или изломать их и от- дать ему. Он выбрал последнее, но когда та- моженный служитель стал разбивать сереб- ряный чайник, он пришел в бешенство, бро- сился на него и схватил за горло. Сопровож- давшие Аракчеева с трудом освободили его. По возвращении своем из-за границы Аракче- ев, лишенный уже всех своих должностей, проводил время уединенно, развлекаясь только в обществе молодых экономок. Так влачил дни до своей кончины этот замеча- тельный человек, только не по уму и способ- ностям, как говорит Михайловский-Данилев- ский в своих записках, цитируя слова импе-

ратора Александра I, а по усердию и трудолюбию, по холодности и жестокости, по отсутствию мысли в действиях, по привязанности к одной форме и внешности.

Глава II

Суевер и педант Н.И.Д-ов. – Боязнь его встреч с духовенством. – Манера его менять на себе сорочку. – Чудачества генерала В.Г. Костенецкого. – Спартанская его жизнь. – Феноменальная его сила. – Подражатель странностям Суворова, князь Г.С.Волконский. – Другой такой же чудаки граф М.Ф. Каменский. – Странности генерала Вельяминова. – Простота графа Платова.

Всему Петербургу, лет шестьдесят тому назад, был известен своими эксцентрическими странностями и своим служебным педантизмом, превосходившим самый педантизм известного графа Аракчеева – генерал Н.И. Д-ов, бывший начальником всех кадетских корпусов. Одно из главных его чудаществ было, на котором он был помешан до смешного, что он вылитый портрет императора Наполеона I,

сходство некоторое он имел с этим государем, но не до того поразительное, как он полагал. Кроме этого, он был суеверен до невозможного. У всех его дверей были прибиты найденные им подковы, как знак благополучия. В его спальне сидел в клетке петух для отогнания домового. К числу других его предрассудков принадлежал в особенности тот нелепый русский предрассудок, который считает встречу с священником самым несчастным предзнаменованием. Рассказывали хорошо знавшие этого генерала люди, что неоднократно, выехав со двора и увидев из окна кареты переходящего ему дорогу священника, он выскакивал из экипажа, испрашивал у бабюшки с почтительнейшим видом благословения и затем убедительнейше упрашивал его сесть в его карету. Как только священник исполнял его желание, Д-ов приказывал кучеру скорее ехать домой.

Приехав к себе, он учтиво высаживал священника из экипажа и вводил его в свои комнаты, где в одной из комнат с одною дверью он, делая вид, что ему нужно отдать какое-нибудь домашнее приказание, быстро выходил

из комнаты и столь же быстро запирает дверь на ключ, который брал в карман, суверенный в том, что этот священник уже не перейдет ему дорогу, сам быстро уезжал туда, куда призывали его дела. Такие похищения духовных лиц долго подавали повод к весьма странным недоразумениям. Затем уже местное духовенство (генерал жил на Васильевском острове) и причты, завидя высокую карету четверкою цугом, с двумя лакеями в военных ливреях на запятках, навастривали лыжи и быстро утекали, чтобы не попасть на несколько часов под ключ его высокопревосходительства.

Он имел весьма оригинальную манеру ментать на себе сорочку. Камердинер должен был держать перед ним чистую таким образом, чтобы он мог вскочить в нее. Д-ов, сняв рубашку, отходил от слуги шага на три, крестился, бросался к сорочке и опять назад, и так до трех раз; в третий раз он вскакивал в растопыренную перед ним рубашку и уже оставался в ней. В доме у него, находившемся в Москве, на Басманной, там, где теперь Константиновский межевой институт, была об-разная, наполненная множеством икон, раз-

мещенных в несколько ярусов. Однажды в образной с ним находился священник, к которому Д-ов был расположен. Генералу пришло в голову приложиться к какому-то образу, находившемуся наверху. Он был в затруднении, как это исполнить, уже хотел было приказать снять образ, но священник заметил, что это совершенно лишнее и что в подобном случае достаточно одного усердия почтить святыню. Что же делает генерал? Он складывает пальцы, целует их и посылает образу воздушный поцелуй.

Генерал очень любил играть в карты и, отправляясь на игру, входил предварительно в свою образную и там пред образом молился о выигрыше, обещаясь, в таком случае, принести ему в жертву какое-либо украшение.

Во время стоянки кадет в лагере вернейшее средство удержать его от прихода к кадетам, на которых он наводил тоску постоянными и однообразными нравоучениями, было положить на пути от его палатки к лагерю кресты из соломинок или из чего придется. Увидя такой крест, Д-в обыкновенно возвращался назад.

В числе больших причудников был известен в русской армии в царствование Александра I генерал В.Г. Костенецкий. Жизнь вел он необыкновенно оригинальную: одевался в длиннополый военный сюртук и носил какую-то необыкновенно высокую форменную фуражку. Комнат зимою никогда не топил, и ему в них не было холодно. Возле крыльца дома была всегда наметена большая куча снегу, и он как только поутру встанет с постели, т. е. с жесткого кожаного дивана, с такой же головной подушкой, без простыни и одеяла, тотчас же отправляется голым в эту кучу снега и в ней барахтается, и когда потом войдет в комнату, то пар идет с него, как после бани. Чай пил он тоже не по-обыкновенному: он обходился без чайника, клал чай прямо в стакан, наливал его горячей из самовара водой, и когда чай настаивался, тогда он пил его без сахара и потом жевал чайные листья. Пища его была самая простая: борщ, каша и изрезанная говядина. Водки и вина не пил вовсе. Костенецкий, несмотря на свой миролюбивый характер, боялся мщения и предполагал, что его когда-нибудь да отравят. Чтобы преду-

предить такую опасность, он хотел приучить себя не бояться никакой отравы, и для этого он носил всегда в кармане кусок мышьяку, который ежедневно поутру лизал языком по несколько раз, каждый день постепенно увеличивая количество лизаний, и таким способом довел себя до того, что уже довольно значительный прием мышьяка, который был бы смертельным для всякого другого человека, на него не производил никакого вредного действия. Он производил преоригинальные учения. Рано на заре он приказывал находившемуся при нем трубачу трубить тревогу, указывал куда скакать батарее, а сам, вскочив на коня, скакал туда во весь опор и, прискакав на место, в поле долой с коня – и голый катался по траве и росе. Это была его суворовская утренняя ванна. Между тем, батарея по тревоге летела туда же во весь опор и находила уже К-го выкатавшимся на росе, одетым и на коне, и тотчас же начиналось ученье все на марш-марше и по-боевому. Вдруг К-ий командует: «№ такой-то ранен!» И этот № должен был слезть с лошади и пешком отойти в сторону, а другой заступить его

место. Затем опять команда: «№ такой-то убит!» И убитый должен был упасть на землю и лежать, а другой заступить его место, и подобно тому в этом же роде. Генерал Костенецкий был высокого роста, широк в плечах, стройный и красивый мужчина с самым добрым и приветливым лицом и обладал необыкновенною физической силою. Характера был доброго, имел нежное сердце, но вспыльчив в высокой степени. Человек он был с сильными страстями, любил женщин, а еще более был любим ими, по никогда не был женат. Он был страстно влюблен в красавицу княжну Р-в и вел себя как влюбленный юноша-прапорщик, давая пищу насмешкам всего лагеря под Красным Селом. Генерал служил в артиллерии, знал превосходно свое дело и был в полном смысле военным. Много ходило в то время рассказов о его необыкновенной физической силе; он разгибал подковы, сгибал серебряные рубли. Однажды, в Киеве в одном обществе дамы, желая подшутить над ним, поднесли ему на тарелке очень искусно сделанную каменную грушу и просили его скушать. Костенецкий, заметя обман, взял

грушу в руку и, как бы нечаянно раздавивши ее, воскликнул – ах! – какая она мягкая.

Один из случаев его жизни рассказан Михайловским-Данилевским. В одном из сражений с французами в 1809 году, когда на батарею, которою он командовал, бросились польские уланы, перебили всю прислугу и, разумеется, взяли бы батарею, Костенецкий, схвативши банник, начал валять им направо и налево, многих перебил, а других прогнал. Когда император Александр Павлович благодарил его за такой подвиг, он сказал государю, что надобно бы ввести в артиллерию вместо деревянных железные банники. Государь возразил ему: «Мне нетрудно сделать это, но где найти таких Костенецких, которые могли бы владеть ими!» Генерал Костенецкий носил в обществе кличку всеславянского генерала и был известен шутками вроде таких: cabinet (как бы нет), domestique (дом мести) и т. д. Этими корнесловами известный адмирал Шишков хотел в свое время доказать, что все языки происходят от славянского. Костенецкий умер в Петербурге от холеры в 1831 году.

Великий Суворов, отличавшийся, как из-

вестно, большими странностями, которые даже у его современников рождали сомнения, в здравом ли он уме, имел также многих раздражителей. Особенно в ряду таких отличался чудачествами старик князь Гр. Сем. Волконский, живший долгое время в Оренбурге и командовавший тамошними войсками. Он вставал также рано, как и Суворов, и тотчас отправлялся по всем комнатам и прикладывался к каждому образу. Между тем все форточки в его доме были открыты, и в комнатах дул сквозной ветер. К вечеру ежедневно у него служили всенощную, при которой обязан был присутствовать дежурный офицер. Обедал он не раньше семи часов. Выезжал к войскам во всех орденах и, по окончании ученья в одной рубашке ложился где-нибудь под кустом и кричал проходившим солдатам: «Молодцы, ребята, молодцы!» Любил ходить в худой одежде, сердился, когда его не узнавали, выезжал в город лежа на телеге или на дровнях. Вообще корчил Суворова. Во время кампании 1806 года он просил императора назначить его командовать действующей армией. Император, ввиду его старчества, лас-

ково отказывал; старик не унимался, писал письма к покровительствовавшей ему императрице, жаловался, что Аракчеев мешает ему служить отечеству и проч.

Другой подражатель Суворова был уже фельдмаршал граф Михаил Федорович Каменский, личность бесспорно талантливая, с большим знанием военного дела и личной храбростью, но необыкновенно честолюбивая и крайне нервная в обращении с людьми. Императрица Екатерина II не любила с ним разговаривать. Вот что она сказала своему секретарю Храповицкому про Каменского: «к нам будет скучнейший человек в свете». Король прусский отзывался о нем: «это молодой канадец, однако же, довольно вылощенный». Император Павел любил Каменского, а граф Аракчеев был большой почитатель его воинских талантов. Каменский был строгий служака и педант, он в частной жизни подражал Суворову и также часто оригинальничал и юродствовал. У себя в деревне фельдмаршал жил в своих комнатах совершенно один, в кабинет его никто не впускался, кроме камердинера, у дверей комнаты были привязаны на

цепи две огромные меделянские собаки, знавшие только его и камердинера. Он носил всегда куртку на заячьем меху, покрытую голубою тафтою, с завязками, желтые мундирные штаны из сукна, ботфорты, а иногда коты и кожаный картуз; волосы сзади связывал веревочкою в виде пучка, ездил в длинных дрожках цугом, с двумя форейторами, лакей сидел на козлах, он имел приказание не оборачиваться назад, но смотреть на дорогу.

Чудачества Каменского этим не ограничивались – он также пел на клиросе, ел за столом сам только простую грубую пищу и очень оскорблялся всяким невниманием к его слугам. Так, когда перед второю турецкою войною императрица послала ему в подарок пять тысяч золотом, он захотел показать, что подарок слишком ничтожен, и нарочно израсходовал эти деньги на завтраки в Летнем саду, к которым приглашал всех, кто ему попадался на глаза.

Вызванный для войны с Наполеоном, предпринятой для защиты Пруссии, он явился в Петербург и поместился в убогом помещении, в третьем этаже, в плохой гостинице.

Женат он был на княгине Щербатовой, и относительно брака судьба его похожа на судьбу Суворова. Супруги виделись довольно редко, однако плодом их супружества были дочь и два сына. Старшего сына отец не любил и, по рассказам Энгельгардта, однажды, когда сын уже был в чинах, граф публично дал ему двадцать ударов арапником за то, что он не явился в срок по какому-то служебному делу. Младшего сына, известного театрала, граф очень любил. Каменский никогда не был любим никем за свой крутой и вместе вспыльчивый и жестокий нрав – фельдмаршал, как и многие вельможи того времени, был не разборчив в своих связях и подпал под влияние грубой необразованной и некрасивой простой женщины. Граф М.Ф. Каменский очень верно обрисован Л.Н.Толстым в его романе «Война и мир» под именем князя Волконского.

Большими странностями также отличался командующий на Кавказе и в Черномории генерал Вельяминов, известный славный сподвижник войн 1812 и 1814 гг. Проживая в Ставрополе со всем штабом, генерал высказы-

вал много оригинального в своем характере.

Так, он имел привычку говорить почти всем «дражайший», и его видали только тогда, когда он отправлялся в экспедицию против горцев, иначе он не выходил из комнат занимаемого им дома. Отправляясь в экспедицию, когда спрашивали его подчиненные генералы: «Куда?», он отвечал им: «Дражайший! Барабанщик вам это укажет». В походе он ходил подобно Наполеону I: сверх мундира в сером коротком сюртуке. У него был открытый стол, к которому приглашались все небогатые офицеры и штабные. Сам он никогда не выходил к столу, и кушаньев с этого стола не вкушал, а ему подавали в его кабинет одно особое кушанье – ужа, так называемого желтобрюха, под желтым соусом, откормленного прежде молоком. Это кушанье он чрезвычайно любил. Вельяминов был одинок и умер от полной апатии ко всему.

Герой отечественной войны знаменитый атаман донцов граф М.И. Платов был большой оригинал во многих привычках своей жизни, происходя из казаков, он ревниво оберегал патриархальные нравы своих соотече-

ственников и щеголял настоящей казацкой речью, часто очень нецензурной. Образ жизни его был самый простой. Когда армия наша покинула Москву и первопрестольная столица осветилась заревом пожара, Платов зарыдал, объявив всем окружающим его: «Если кто, хоть бы простой казак, доставит ко мне Бонапартишку – живого или мертвого – за того выдам дочь свою!» Это восклицание главного вождя дошло до Англии, и в 1814 году появился в Лондоне портрет девицы в национальном донском костюме с надписью «мисс Платов», «по любви к отцу – отдаю руку, а по любви к отечеству – и сердце свое». Впоследствии эта дочь Марья Матвеевна вышла замуж за донского генерала Т.Д. Грекова. В 1814 году Платов в свите императора Александра I ездил в Лондон, откуда привез молодую англичанку в качестве компаньонки. Известный партизан Денис Давыдов выразил ему удивление, что, не зная по-английски, сделал он подобный выбор. Я скажу тебе, братец, отвечал он, это совсем не для физики, а больше для морали. Она добрейшая душа и девка благоденственная, а к тому же такая белая и дород-

ная, что ни дать ни взять ярославская баба.

Тот же Денис Давыдов рассказывал, что когда Ростопчин представлял Карамзина Платову, атаман, подливая в чашку свою значительную долю рому, сказал: «Очень рад познакомиться, я всегда любил сочинителей, потому что они все пьяницы».

Глава III

Военные повесы былых времен. – Герой Нечволодов. – Полковник А-н. – Проказы К.Я. Бултакова

В доброе старое время отличительную черту характера, дух и тон кавалерийских офицеров – все равно, была ли это молодежь или старики – составляли удальство и молодечество. Девизом и руководством в жизни были три стародавние поговорки «двум смертям не бывать, одной не миновать», «последняя копейка ребром», «жизнь копейка – голова ничего!». Эти люди и в войне, и в мирное время искали опасностей, чтоб отличиться бесстрашием и удальством. Любили кутить, но строго помнили поговорки «пей, да дело разу-

мей», «пей, да не пропивай разума». Попировать, подраться на саблях, побушевать, где бы иногда и не следовало, все это входило в состав военно-офицерской жизни мирного времени. Молодые кавалерийские офицеры, по характеристике Ф. Булгарина, в молодости служившего в уланах, и сами того не зная, были почти то же, что немецкие бурши, они точно также вели вечную войну с «рябчиками», т. е. со статскими, как бурши с филистерами. Эта молодежь нашей кавалерии и знать не хотела никакой власти, кроме своей полковой и высшей военной, беспрестанно противодействуя полиции. Буйство хотя и подвергалось наказанию, но не считалось пороком и не помрачало чести офицера, если не выходило из известных условных границ. Стрелялись редко, только за кровные обиды, за дело чести, но рубились за всякую мелочь. После таких дуэлей обыкновенно следовала мировая, шампанское и т. д. Дуэль еще больше скрепляла товарищескую дружбу. По замечанию современников, в те годы не каждый решился бы говорить дурно про товарища и, хотя бы и не прямо в лицо, клеветать заочно

и распространять клевету намеками. За офицера одного полка сразу вступались по десятку товарищей. Офицеры в полку принадлежали одной семье, у них все было общее – честь, дух, время, труды, деньги, наслаждения, неприятности и опасность. Офицерская честь ценилась очень высоко. Офицер, который бы изменил своему слову, не вступился бы в потребную минуту за однополчанина или обманул кого бы то ни было, положительно не был терпим в полку. В случае крайности, офицеры складывались и платили денежный долг товарища, который впоследствии выплачивал им свой долг. Столпами службы в те времена были эскадронные командиры, многие из них были зрелых лет старики, прошедшие очень суровую военную школу и не раз надевавшие за дуэли и проказы солдатскую шинель, такие в критическую минуту и заменяли молодым офицерам «отцов командиров» не по одной пустой кличке. У эскадронных командиров, по установившемуся издавна обычаю, всегда был открытый стол для своих офицеров; обеды были, положим, неприхотливы: щи, каша, биток да стакан ви-

на. В кавалерии, по отзывам современников, жили не только весело, но отчасти и бестолково; щеголеватость фронта, разные тонкости и порядки в муштре и в службе перенимались армией у гвардии, но выпадали годы особенно после походов, когда и гвардия жила «по-армейски», подражая походной бивуачной жизни. Например, в старину существовал обычай в среде товарищей, хотя и знавших французский язык, говорить между собою всегда по-русски, в силу того принципа, что они – русские офицеры и служат русскому царю и отечеству, тех же, которые употребляли всегда французский язык вместо русского и старались отличиться светскою ловкостью, прозывали «хрипунами». Вообще, чванство, надутость, фанфаронство, важничанье не были терпимы в полках.

В описываемое александровское время у молодых военных повес была великая страсть к так называемым «гросс-шкандам» с немцами. Петербургские бюргеры и ремесленники любили повеселиться со своими семействами в трактирах на Крестовском острове, в Екатерингофе и Красном Кабачке, во-

енная молодежь ездила туда как на охоту. Начиналось обыкновенно с того, что заставляли дюжих маменек и тетушек вальсировать до упаду, потом подпаивали мужчин, наконец, затягивали хором: «Freut euch des Lebens», [2] упирая на слова «Pflucke die Rose» [3] – и пошло волокитство, а в конце концов обыкновенно следовала генеральная баталия с немцами. После кутежа всю ночь напролет тройки разлетались в разные стороны, и к девяти часам утра ночные повесы, как ни в чем не бывало, присутствовали на разводе – кто в Петербурге, кто в Стрельне, в Петергофе, в Гатчине. Через несколько дней обыкновенно приходили в полк жалобы, и виновные тотчас же сознавались по первому спросу. Кто был там-то – лгать было стыдно. На полковой гауптвахте частенько бывало тесно от арестованных офицеров. По словам кавалериста той эпохи, в Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках господствовал тогда особый дух и тон. Офицеры этих трех полков принадлежали к высшему обществу, отличались изяществом манер, утонченной изысканностью и вежливостью в отношениях

между собою, многие владели французским языком лучше, чем русским. Офицеры же других полков показывались в обществе только по временам, предпочитая жизнь товарищеской среды, жизнь нараспашку. Конногвардейский полк держался нейтрально, соблюдая смешанные обычаи. Но зато лейб-гусары, лейб-улань, лейб-казаки, измайловцы и лейб-егеря жили по-армейски и следовали тому духу беззаветного удальства, который являл собою главнейшую черту военного характера этой эпохи, которую так пылко и ярко воспел в своих стихах Денис Давыдов. О походе кавалергардских офицеров сохранилось много рассказов; особенно шалости их в Новой Деревне и на Черной речке в свое время наделали много шума. На Черной речке в конце двадцатых годов по ночам стал разъезжать черный катер с поставленным на нем черным же гробом; гребцы, сидевшие с факелами около гроба, все заунывно пели «Со святыми упокой» и этим будили и пугали крестьян и дачниц... Вскоре узнали, как это рассказывает в своих воспоминаниях дочь графа Толстого, что факельщики эти были не

кто иные, как молодежь-кавалергарды, а в гробу почил не покойник, а шампанское. Днем они тоже не сидели спокойно, а с криками и шумом галопом носились на своих собственных пожарных трубах, все стоя на ногах, в сюртуках без эполет, в голубых вязаных шерстяных беретах с серебряными кистями. Проказы молодых повес нередко пробирались и на дачи, где тогда жили актрисы французского театра. По тогдашним рассказам, веселая мундирная молодежь иногда пробиралась ночью в палисадник хорошенькой дачки, занимаемой одною известною итальянскою певицею, и, сняв осторожно ставни, любовались ночным туалетом красавицы; то устраивали засады в женских купальнях, то врывались через окошко в спальню какой-нибудь молоденькой дамы и затем учтиво извинялись ошибкой, полагая, что здесь живет их товарищ. Подобные проказы сходили в то время зачастую без особых последствий, но кто-то раз довел о них до сведения великого князя Михаила Павловича; тот доложил государю, и дело разыгралось для повес совсем неожиданным образом. Однажды

ночью их всех потребовали в ордонансгауз, и когда они явились, без дальних объяснений посадили их на почетные тележки вместе с фельдъегерями, и борзые тройки умчали их из Петербурга. Из таких шалунов был отправлен на Кавказ поручик Жерве; последнего вез целые две недели угрюмый фельдъегерь, не говоря куда он везет, и только когда он перенесся через Кавказские горы и приехал в Карагач и сдал его полковому командиру, Жерве узнал свою участь.

Многие из таких военных повес ссылались на Кавказ с лишением офицерского звания, прямо рядовым; понятно, это делалось не без суда. Из числа таких людей, замечательным по превратности своей судьбы, как рассказывает В. Потто, был некто Нечеволодов, служивший на Кавказе в 1822 г. Когда ему было более сорока лет, он был только простым рядовым. Жизнь его была полна приключений. Родился он в 1781 году, в Харьковской губернии, и жил в родительском доме брошенным без всякого призора. Рос он веселым, буйным и своенравным ребенком; четырнадцати лет от роду его взял к себе дядя, к великой радо-

сти соседей, не имевших от него покоя. Через четыре года Нечеволодов был уже офицером и участвовал в походе Суворова; здесь, при защите крепости Бреста, он помещился в амбразуре и, как отличный стрелок, бил оттуда французов на выбор, но вдруг ядро, пущенное с неприятельской батареи, сбило амбразуру, и ветхая каменная стена рухнула и придавила его; его вытащили полураздавленного и едва живого. В Италии Нечеволодов участвовал с Суворовым не раз в сражениях, переходил с ним Альпы, Чертов мост и из уст знаменитого полководца несколько раз слышал благодарность и похвалу. Окончил войну поручиком с брильянтовыми знаками св. Анны 2-й степени на шее, – награда в этом чине в то время была исключительная; пред ним развертывалась блестящая военная карьера, но обстоятельства сразу разрушили все честолюбивые надежды. Семейные предания смутно передают только, что это была какая то роковая дуэль, чуть ли не с родным братом, окончившаяся тем, что он получил сабельные удары в голову, а противник был изрублен насмерть. Нечеволодов был лишен чинов, орде-

нов и сослан в далекий пустынный город Колу. Жизнь ему здесь не понравилась, и он бежал на корабле в Англию, где, не имея средств к существованию, нанялся волонтером в английские войска, готовившиеся к отплытию в Индию. Его сюда хотя и манили помыслы, но план службы ему не удался. Слух о его похождениях дошел до нашего посла, графа СР. Воронцова, и он потребовал его к себе. Воронцов сумел оценить ум, таланты, даже пылкость нрава молодого несчастливца, отговорил его от его мечтаний, взял с собою в Россию и выпросил ему у императора Александра I полное помилование. В 1803 году он был определен с прежним чином в 20-й егерский полк, но ордена не были ему возвращены. К этому времени относится первая его романическая женитьба на одной из польских магнатов, графине Тышкевич. Гордая родня не соглашалась на брак с русским, но Нечеволодов, при помощи товарищей, увез графиню из ее великолепного замка и повенчался с нею в бедной деревенской церкви. Пока шло венчание, церковные двери были заперты наглухо и, на случай погони за беглянкой, стоя-

ли у них на страже офицеры-товарищи. Затем наступают непрерывные боевые походы и ряд новых сражений, в которых он добывает себе старые суворовские ордена, чин капитана.

В 1813 году он находился в составе летучего корпуса Платова. Кампания не обошлась для него без новых ран и увечий. Под Лейпцигом он в одной из атак был окружен французами, сбит с лошади тупым концом пика, и через него пронесся целый уланский полк; каждый француз считал своим долгом кольнуть его пикой или ударить саблей. Ударов этих было так много, что Нечеволодов был превращен, можно сказать, в кусок битого мяса. Но, при быстрой скачке французов, ни один удар не был смертельным; Нечеволодов догадался надвинуть на голову кивер и этим, быть может, обязан спасением себе жизни. Через несколько дней, несмотря на раны, он с лихвой отплатил неприятелю – он со своими солдатами положил лоском более 280 человек и 180 нижних чинов с офицерами и полковым командиром были им захвачены в плен. Он за это дело получил вторично орден св.

Владимира и чин подполковника. Но страшная судьба опять вмешивается в блестящую его карьеру. По возвращении из Франции он был переведен в один из драгунских полков, где он и проиграл 17 тыс. казенных денег. Его опять разжаловали в рядовые. Государь, помня его молодецкую боевую службу, приказал перевести его на Кавказ, где, после одного героического дела, Ермолов просил о полном и безусловном его помиловании, но его только произвели в прапорщики – и после четырех лет службы он возвратился в полк опять майором и с теми орденами, что заслужил еще при Суворове. Нечеволодов кончил жизнь в 30-х годах в с. Карагаче, на Кавказе; он был женат вторично на черкешенке.

В двадцатых годах командовал правым флангом большой чудак генерал-лейтенант Засс, имя которого туземцами произносилось стрепетом и им даже пугали маленьких детей. В доме его постоянно преобладала какая-то таинственность; часто случалось, что при гостях его вызывали, и он вдруг пропадал на неделю и более. В его комнатах и во всех углах постоянно дежурили загадочные лица.

Засс нарочно окружал себя тайной, чтобы сохранить к себе поболее уважения и страха, а эти два чувства сильно действуют на толпу. Про него существует много рассказов, почти половина которых, конечно, выдумки, но во всех их проглядывает какое-то таинственное влияние, которого и добивался Засс. Он разными шарлатанствами успел уверить всех сынов Кавказа, что сам знает с шайтаном и может узнавать их сокровеннейшие мысли. Часто он дурачил у себя диких горцев с помощью новейших открытий наук и не пренебрегал ни электрическою машиною, ни вольтовым столбом, ни гальванизмом. В поддержку проповедуемой Зассом идеи страха, на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа постоянно на пиках торчали черкесские головы и бороды их развевались по ветру. Тяжело и грустно было смотреть на это отвратительное зрелище. Войдя однажды в его кабинет, как рассказывал один из его друзей, все были поражены каким-то нестерпимым отвратительным запахом, но хозяин, смеясь, вывел всех из недоразумения, сказав, что люди его, вероятно, поставили под кровать

ящик с головами, и, в самом деле, вытащил пред гостями огромный сундук с несколькими головами, которые страшно смотрели на всех своими стеклянными глазами.

– Зачем они здесь у вас? – сказал кто-то из присутствующих.

– Я их вывариваю, очищаю и рассылаю по разным анатомическим кабинетам и друзьям-профессорам моим в Берлине.

Шутки Засса, нельзя сказать, чтобы отличались большим разбором и нередко могли стоить жизни человеку, с которым они были сыграны. У него проживал в доме старинный друг его, майор в отставке; майору, наконец, надоела вечная суета у Засса, и он решился расстаться с другом и уехать в ближайший город. Приближались праздники, майор получил приглашение от Засса приехать погостить к нему и отпраздновать Мартына Лютера жареным гусем с яблоками и черносливами. Майор собрался и пустился в дорогу; не доезжая до станицы, на экипаж мирного старого майора нападает партия черкесов, завязывают ему глаза и рот, берут в плен и связанного мчат в горы; пленник, окруженный

толпою горцев, громко говорящих на своем варварском наречии, предался горькому жребию и был ни жив, ни мертв; наконец, он чувствует, что находится подле огня, который несколько его согревает, а шум и спор между похитителями продолжаются; вероятно, думает бедный старик, они делят меня и спорят о праве владеть мною. Но вдруг снимают с него повязку и, к удивлению майора, представляется кабинет Засса и он сам, довольный, смеющийся генерал и много казаков. Майор рассердился на злую шутку, плевался, бранился самыми отборными словами и едва было не рассорился со своим другом, который только и умилоствовал своего разгневанного земляка-курляндца, что если б, чего Боже сохрани, подобная беда разразилась бы над майором в самом деле, то дружба заставила бы непременно освободить его из плена. Вкусно приготовленный гусь помирил друзей, однако майор долго прохворал от душевных тревог или от несварения желудка — неизвестно.

В тридцатых годах проживал на Кавказе отставной полковник, некто А-ни, родом рагу-

зинец, долго служивший в Черногории. Этот человек был замечателен тем, что очень счастливо играл во все игры в карты. По недоверию к нему играющих, когда приходила очередь сдавать ему карты, то он надевал на руки перчатки. Игрою в карты и разными пари он составил себе очень недурное состояние. Много денег он выиграл, держа самые сумасбродные пари. Так, он раз держал заклад, что проведет целый год на лошади, отдыхая только пять часов в сутки, – и выиграл. В другой раз он держал пари, что взойдет на крутую гору, делая три шага вперед и два назад, – и тоже выиграл. Он бился на заклад в несколько тысяч, что, привязанный к двум лошадям, он проскачет известное расстояние вскачь, рискуя быть разорванным во всякую минуту, – и тоже выиграл. Он держал пари в Таганроге с известным богачом А-ки, что в течение полугода будет питаться маслинами и корнем салепы, первых съедая полфунта, а второго пять золотников, и тоже остался с выигрышем.

В тридцатых годах в гвардии служил блестящий офицер Константин Яковлевич Булта-

ков, большой повеса и остряк, которого великий князь Михаил Павлович называл ужасное дитя. Фарсы Бултакова почти ежедневно рассказывали все в городе, разумеется, люди военного общества. Вот несколько проказ Бултакова. Раз, после попойки, он возвращался пешком с двумя приятелями из гостей ночью по Петербургской стороне. В числе его приятелей был известный силач артиллерист Чагин. Вдруг увидели они круглую будку будочника со спавшим в ней часовым, отложившим в сторону свою алебарду. Им пришлось в голову, в особенности Бултакову, своротить будку на землю, но так, чтобы дверь пришлась плотно на мостовую. При помощи такого силача, каков был Чагин, им это удалось. Бедный будочник в этой могиле поднял страшный крик, разбудивший всех окрестных дворников, поднявших будку и освободивших полумертвого часового. И только дядя Бултакова (почт-директор) упросил тогда обер-полицмейстера замять эту историю, кончившуюся смехом.

Из числа анекдотов о бултаковских повесничествах известен следующий. Император

Николай Павлович, заметив, что офицеры стали носить сюртуки до того короткие, что они имели вид каких-то камзолчиков, обратил на это внимание великого князя Михаила Павловича. По гвардейскому корпусу был отдан приказ с определением длины сюртучных пол, причем за норму был принят высокий рост. Военные портные тотчас же смекнули ошибку в приказе и, не пользуясь ею, стали шить сюртуки длины пропорциональной росту заказчика. Но шутник Бултаков, рост которого был гораздо ниже среднего, потребовал от своего портного сюртука точь-в-точь с полами именно той длины, какая определялась приказом, почему полы его сюртука покрывали ему икры и он был карикатурен до комичности, гуляя по Невскому и возбуждая смех не только знакомых, но и незнакомых офицеров. Едва успел он раза два пройти в таком виде среди гуляющей публики по тротуару Невского проспекта, как попался навстречу великому князю, который, увидя его в таком шутовском наряде, воскликнул: «Что это за юбка на тебе, Бултаков? На гауптвахту, на гауптвахту, голубчик! Я шутить не

люблю». – «Ваше высочество, я одет как нельзя более по форме и наказания, ей-богу, не заслуживаю», – возразил почтительно Бултаков, держа пальцы правой руки у шляпы, надетой по форме. «Я одет согласно приказу по гвардейскому корпусу. И вот доказательство!» При этом он вынул из кармана пресловутый приказ и подал великому князю. Его высочество, прочитав приказ, засмеялся, назвав Бултакова шутком гороховым и приказал ему вместо гауптвахты тотчас же ехать к корпусному командиру и чтобы тот немедленно сделал дополнение к приказу с обозначением трех родов роста.

В другой раз, Бултаков, куда-то торопившийся, забыл вдеть в портупею шпагу и шел по улицам без шпаги. На беду его ветретила великий князь. «Офицер расстается с своею шпагой или саблей только в двух случаях: в гробу и под арестом!» – воскликнул он. – «В гроб тебя я не положу, а на гауптвахту посажу, но прежде отправления на гауптвахту в Чекушу, я хочу дать тобою полюбоваться твоему полковому командиру и полковым командирам всей гвардии. Садись ко мне в ко-

ляску». Бултаков сел в коляску великого князя, который и привез его в Михайловский дворец и, сказав: «ты мой арестант», оставил его в своем кабинете, а сам вышел в приемный зал, где его уже ожидали полковые командиры, ежедневно являвшиеся к нему перед разводом. Великий князь долго говорил им о распущенности гвардейских офицеров и в подтверждение своих слов обещался показать одного такого. Говоря это, он отворил дверь своего кабинета и позвал Бултакова, который смело выступил для осмотра. «Любуйтесь, любуйтесь вашим офицером», – сказал великий князь полковому командиру Московского полка, где служил Бултаков. Генерал, осматривая провинившегося офицера со всех сторон и во всех подробностях, не находил провинности в амуниции.

– Ну, видел, каков молодец! На месяц на гауптвахту.

– Ваше высочество, – объяснил полковой командир, – я не нашел в нем никакой ошибки.

– Ты и не мог найти того, чего нет, – вскричал великий князь. – А где же его шпага?

– Шпага на своем месте, – отвечал начальник Бултакова. И действительно Бултаков был при шпаге. Великий князь назвал его новым Пинети, приказал командиру взять шпагу и возвратить тому офицеру, которого арестовал вчера, и ославил его шпагу в кабинете у себя, позабыв отослать к коменданту.

– А все-таки пусть Пинети отправится на гауптвахту на Сенную, и я, может быть, постараюсь одурачить этого фокусника.

На другой день Бултаков отбыл свое дежурство как нельзя более счастливо. Но, однако, спустя некоторое время Бултакову снова надо было быть в дежурстве на той же гауптвахте. День пришелся как раз в именины Бултакова, и вот, зная, что великий князь в Павловске, Бултаков устроил такой фестиваль, что перепоил всех, включая солдат и арестованных. Великий князь, ночью возвращаясь из Павловска, заехал на Сенную, где нашел всех полупьяных и спящих; он распорядился, за отсутствием часового у барабана, своему лакею взять барабан и отвезти его в Павловск. На следующее утро в Московском полку получается приказ, чтобы к 12-ти ча-

сам полк был на полковом дворе в сборе. Бултаков, проспавшись, понял, какое ожидает наказание. Он призывает к себе одного из рядовых, у которого на дежурстве пропал барабан. Рядовой во всем полку пользовался репутацией отъявленного вора. Бултаков обещал ему 25 руб. награды, ежели до смотра барабан будет, а если нет, то получит строгое наказание. Часа через два рядовой имел двадцатипятирублевую бумажку. Он ловко украл его в Гвардейской артиллерийской батарее. При осмотре рота была с барабаном. Изумленный великий князь потребовал объяснения у Бултакова, который, принимая вину на себя, объяснил, как было дело. В другой раз великий князь встретил кутящего в компании, в ресторане, Бултакова в сюртуке за несколько верст от лагеря. «Как ты здесь, Бултаков, ведь ты в лагере дежурный по полку! Хорош гусь, хорош!» И вслед затем он крикнул кучеру: «В лагерь, живо, к Московскому полку». – Коляска быстро донесла великого князя до лагеря, гневный великий князь крикнул: «Дежурные по полкам сюда!» Мигом все дежурные в форме собрались к великому князю, и в числе их

был и Бултаков. Великий князь глазам своим не верил и, вышедши из коляски, отозвал Бултакова в сторону и сказал ему: «Даю тебе, Бултаков, слово, что тебе ничего не будет за твою неисправность, скажи мне только, каким образом ты здесь в одно время со мною?» – «Самым простым образом, ваше высочество, – отвечал Бултаков, – вы сами меня привезти изволили в вашей коляске, только на запятках». Существовал и другой вариант такого же случая с Бултаковым. Однажды его высочество был в театре, и, к его удивлению, Бултаков сидел напротив в ложе, хотя, по распоряжению великого князя, должен был сидеть на арсенальной гауптвахте под арестом. Великий князь выходит из театра и едет на гауптвахту. Бултаков опять в караульной. Его высочество возвращается в театр, и снова Бултаков напротив него в ложе; великий князь вторично едет на гауптвахту и опять застаёт Бултакова спокойно сидящего под арестом. Удивленный этим, великий князь спрашивает Бултакова: «Я тебя прощу; скажи, как ты это сделал?» – «Очень просто, ваше высочество, я всякий раз ехал у вас на запятках».

В другой раз великий князь встречает его на Невском; Бултаков делает ему фронт, великий князь замечает, что он одет не в порядке; он сажает его к себе в сани, Бултаков не успел еще сесть, как великий князь оттолкнул его и уехал. «Ну, что?» – спрашивает его товарищ. «Его высочество лично хотел посадить меня под арест и приказал сесть к нему в сани, а я нечаянно наступил ему на мозоль, он меня выбранил, а я ему в ответ: имею счастье доложить вашему императорскому высочеству, что надо мной оправдалась пословица: „Не в свои сани не садись“, его высочество рассмеялся и оттолкнул меня».

Михаила Павловича немало забавляла находчивость этого офицера.

Однажды Михаил Павлович встречает Бултакова у Аничкина моста. На этот раз его высочество видит, что Бултаков в полной форме с головы до ног. «Ваше высочество, – говорит он, подойдя к нему, – осмелюсь просить оказать мне великую милость: дозволейте пройти с вами по Невскому». – «Для чего тебе это нужно?» – спрашивает его великий князь. – «Чтоб поднять мой кредит, который сильно

упал». Великий князь дозволил ему дойти до Казанского моста.

В двадцатых годах особенным повесничеством отличались армейские гусары; изящная внешность мундира, щедрость, лихость и беззаветная удаль были отличительными их признаками; жизнь кавалеристов тех годов текла, как веселый пир. Удаль гусарская по сейчас слывет чуть не пословицей. Вероятно, неизвестен читателям факт, как один молодой офицер побился об заклад, что проскачет нагим по Петербургу, и выиграл пари. По рассказам современников, гусары в Варшаве устраивали на улицах целые облавы на женщин, оставляя более красивых в плену; в евреев, приходивших за получением долгов, прямо стреляли, только не пулями, а солью; по узким мостовым носились в карьер на четвернях, сокрушая все попадавшееся на пути. Для развлечения в театр привозили с собой громадные астрономические трубы и в них рассматривали дам. Известный эксцентрик гусар Лунин иначе не выходил гулять в Виляновский парк, как в сопровождении большого ручного медведя: владетельница его при-

казывала запирать все окна и двери при виде косматого гостя на прогулках. Изобретательность гусар достигла однажды до того, что они устроили бал в одном из губернских городов в квартире командира полка и пригласили весь город. Чтобы избавиться от ревнивых взоров маменек, папенок и тетушек, а также, чтобы иметь более свободного пространства для танцев, придумано было следующее: когда гости съехались и мамы чинно расселись с ридикюлями в руках по длинным, обтянутым сукном, скамьям с платформами, раздались страшный визг и крики: десяток дюжин гусар вздернули на блоках всех маменок на платформах к потолку, где они оставались во все время бала и только с птичьего полета могли наблюдать за танцующими. В старые годы нетолько что юный корнет проказничал, но были кавалеристы, которые не покидали шалости даже в генеральских чинах.

Глава IV

Эксцентричности князя В-ского. – Странности графа Бенкендорфа. – Замечательная рассеянность графа Лонжерона и графа Остермана. – Оригинал Козловский

Из оригиналов двадцатых годов в Петербурге был довольно известен вельможа екатерининских времен, князь В-ий, генерал-аншеф, отличавшийся различными эксцентричностями, которые, впрочем, не мешали ему быть всеми любимым за его доброту и ум. Князя можно было встретить во всякую пору года разъезжавшим по Петербургу с обнаженной седою как лунь головою, высокий лакей в военной ливрее, стоявший на запятках, держал торжественно над его головою генеральскую шляпу с огромным белым султаном. Сам же князь почти всегда имел в руке калач, морковь или яблоко, которое изволил жевать во время езды в открытой коляске, запряженной шестернею с двумя форейторами, предлинноногими парнями, а горбатый кучер-карлик с подвязанною черною широчай-

шею бородою сидел на козлах и покрикивал на фореиторов.

У В-го была одна загадочная привычка, которая была всеми замечена. Каждое утро, ровно в 11 часов, появлялась на Невском его коляска, в ней сидел один князь. Поровнявшись с собором, коляска поворачивала налево и, подъехав под колоннаду, которая выходит на Казанскую улицу, останавливалась под колоннами. Там генерал выходил и на некоторое время скрывался за экипажем. Проходящие по улице обходили колоннаду. Затем князь садился в коляску и уезжал обратно. Это случалось каждый день, час в час, минута в минуту.

Этот князь, будучи андреевским кавалером с времен императора Павла I, так любил этот орден, что носил его звезду не только на мундире, но и на шубе, халате, ватном сюртуке, надеваемом на случай холода. Князь очень любил быть на воздухе, несмотря ни на какую непогоду, и у себя в саду он обедал, ужинал и проводил большую часть дня. Посещавшим его гостям тоже нередко приходилось делить с ним там часы, и когда гости ви-

димо зябли с ним, он приказывал подавать свои теплые вещи, сюртуки, халаты с нашитыми звездами. Таким образом, все прозябшие его гости превращались в импровизированных андреевских кавалеров.

В числе лиц отличавшихся чрезвычайно рассеянностью, известен отец графа А.Хр. Бенкендорфа, один из самых близких людей при дворе Павла Петровича и Марии Федоровны. Однажды он был у кого-то на балу. Бал окончился довольно поздно, гости разъехались. Остались друг перед другом только хозяин и Бенкендорф. Разговор не вязался, оба хотели отдохнуть и спать. Хозяин, видя, что гость его не уезжает, предлагает, не пойти ли им в кабинет. Бенкендорф, поморщившись, отвечает: «Пожалуй пойдём». В кабинете было им не легче. Бенкендорф, по своему положению в обществе, пользовался большим уважением. Хозяину нельзя было сказать ему напрямик, что пора ехать домой.

Прошло еще несколько времени, наконец хозяин решился ему заметить:

– Может быть, экипаж ваш еще не приехал, не прикажете ли, я велю заложить вам

свою карету.

– Как вашу карету? Да я хотел предложить вам свою. Дело объяснилось, оказалось, что Бенкендорф воображал, что он у себя дома, и сердился на хозяина, который у него так долго засиделся.

Бенкендорф был до того рассеян, что раз, проезжая какой-то город, зашел на почту узнать, нет ли там писем на его имя. «А как ваша фамилия?» – спрашивает его почтмейстер. «Моя фамилия», – повторяет он несколько раз и никак ее не может вспомнить, с тем и уходит из почтамта. На улице встречается он с знакомым, у которого он и спрашивает, как его фамилия, и, узнав, тотчас же бежит на почту.

В последние годы своей жизни, проживая в гор. Риге, ежегодно в день тезоименитства и день рождения императрицы Марии Федоровны он писал ей поздравительные письма. Но он был чрезвычайно ленив на письма и, несмотря на верноподданнические чувства, очень тяготился этою обязанностью, и когда подходили сроки, мысль написать письмо беспокоила и смущала его. Он часто говори-

вал: «Нет, лучше сам отправлюсь в Петербург с поздравлением. Это будет легче и скорее».

Известный одесский военный генерал-губернатор граф Ланжерон также был чрезвычайно рассеян и часто от рассеянности мыслил вслух в присутствии других, что нередко делало его очень, смешным и подавало повод к разным анекдотам и комическим сценам.

Раз у него был обед, на котором было несколько иностранных негоциантов. За обедом он выхвалял удовольствия одесской жизни и, указывая на негоциантов, сказал, что с такими образованными людьми можно приятно провести время. На беду его, в то время был он особенно озадачен просьбою о прибавке ему столовых денег – «А не дадут мне прибавки, я этим господам, – стал он мыслить вслух, – и этого не дам!». При этих словах схватил с тарелки своей косточку, оставшуюся от котлетки.

Кто-то застал его в кабинете – он сидел с пером в руках и писал отрывисто, с размахом, и после подобного размаха повторял на своем ломаном русском языке: «Нье будет, нье будет». Что же оказалось? Он пробовал, как бы

подписывал фельдмаршал граф Ланжерон, если бы его пожаловали в это звание, и вместе с тем чувствовал, что никогда фельдмаршалом ему не бывать.

В другой раз, чуть ли не в заседании какого-то военного совета, заметил он собачку под столом, вокруг которого сидели присутствующие члены. Сначала он неприметно для других стал пальцами призывать ее к себе, затем стал ласкать, когда она подошла, и вдруг, причмокивая, обратился к ней с ласковыми словами. Все эти выходки Ланжерона не сердили, а только забавляли и смешили зрителей и слушателей, которые уважали в нем хорошего и храброго генерала. В турецкую войну, в армии, известно сказанное им во время сражения подчиненному, который неловко исполнил приказание, ему данное: «Вы пороху нье боитесь, но за то вы его нье видумали».

Ланжерон был умный и довольно деятельный генерал, но ужасно не любил заниматься канцелярскими бумагами – он от них прятался или скрывался из дому, выходя по черной лестнице, и пропадал из дому на несколько часов. Во время турецкой войны молодой Ка-

менский у него в палатке объяснял планы будущих военных действий. Как нарочно на столе лежал французский журнал. Ланжерон машинально раскрыл его и попал на шараду. Продолжая слушать положение военных действий, он невольно занялся разгадыванием шарады. Вдруг, перебивая Каменского, вскрикнул он: «Что за глупость!» Можно представить себе удивление Каменского. Но вскоре дело объяснилось, когда он узнал, что восклицание относилось к глупой шараде, которую он разгадал.

Во время своего начальства в Одессе был он недоволен чем-то купцами и собрал их к себе, чтобы сделать им выговор «Какой вы негоцыянт, вы маркитант, – начал он свою речь, – какой вы купец, вы овец», – и движением руки своей выразил козлиную бороду.

В приезд Александра I в Одессу, как рассказывал князь Вяземский, был приготовлен для него дом, занимаемый Ланжероном. Встретив государя и проводив его до кабинета, после разговора, продолжавшегося несколько минут, он откланялся, вышел из кабинета и, по своей привычке, запер дверь на ключ. Госу-

дарь оставался несколько времени взаперти, но наконец постучался, и его освободили из заточения. Встречая же государя, он хотел представить его величеству рапорт о благосостоянии вверенного ему края, долго искал в своих карманах и, не найдя, сказал: «Право, не знаю, государь, куда положил мой рапорт». Император улыбнулся и пожал руку покорителю Монмартра.

Граф Ланжерон по происхождению был француз, вступил на службу при Екатерине в 1785 году прямо в чине полковника и вскоре успел в наших войсках стяжать славу храброго и распорядительного офицера. Граф Ланжерон участвовал почти во всех наших войнах при императрице и двух императорах и в течение многолетней своей боевой службы и девятнадцати сделанных им походов заслужил все знаки отличия и много сделал в мирное время в бытность свою градоначальником Одессы.

Граф Ланжерон, столько раз видавший смерть перед собою во многих сражениях, не оставался равнодушным перед холерою. Он так был поражен мыслью, что умрет от нее,

что, еще пользуясь полным здоровьем, написал духовное завещание, начинающееся так: умирая от холеры и пр. Предчувствия его не обманули, уже в отставке, прибыв в Петербург в 1831 году, он внезапно заболел и скончался также скоропостижно 4-го июля. Император Николай I приказал его останки похоронить в Одессе, в католической церкви.

Необыкновенною рассеянностью славился также граф Федор Андреевич Остерман. Особенно последняя одолевала его под старость, так что садясь в кресла, часто кричал, чтобы везли его в сенат, чесал за обеденным столом ногу у соседа, вместо своей ноги, плевал в его тарелку, выходил на улицу из кареты и более часа неподвижно стоял подле какого-либо дома, уверяя лакея, что он еще не кончил своего занятия, между тем как с крыши лил дождь, являлся иногда в гости в таком наряде, что приводил в стыд прекрасный пол, вступал с хозяином в ученый разговор и, не окончив, мгновенно засыпал. Остерман очень любил науки и вел переписку на латинском языке с митрополитом Платоном, у которого в старости учился богословию. Рассеянность его бы-

ла просто изумительна. Однажды шел он по паркету, по которому было разостлано посредине полотно, он принял его за свой носовой платок, будто выпавший, и начал совать его в карман. Только общий хохот присутствующих дал ему опомниться. В другой раз приехал он к кому-то на большой званый обед. Перед тем как войти в гостиную, зашел он в уединенную комнатку. Там оставил он свою шляпу и вместо ее взял деревянную крышку и, держа ее под мышкою, явился с нею в гостиную, где уже собралось все общество. Граф Остерман, несмотря на свою безмерную доброту, иногда умел быть и злопамятным. Думая, что граф Кутайсов был его врагом в царствование императора Павла I, он его не принял к себе, когда тот сделал ему визит, проживая в Москве в царствование Александра I, но тотчас же после его визита прислал ему свою карточку. После того Остерман продолжал в большие праздники посылать ему ответные визитные карточки. Остерман жил очень открыто, и каждое воскресенье у него были обеды на пятьдесят и более кувертов. Раз кто-то, разговаривая с Кутайсовым о его странном

платеже визитов Остерману, выразил удивление, что граф сам не поедет когда-нибудь в воскресенье обедать к гордому барину? «Ну, как я поеду? Остерман никогда не зовет меня». – «Э, ничего, – отвечал тот, – никто не получает приглашений на его воскресные обеды и все к нему ездят. У него дом открытый». Думал, думал Кутайсов и поехал к Остерману перед самым обедом. В гостиной Остермана тогда уже сидели все тузы и вся сила Москвы. Кутайсов вошел. Остерман как увидел незваного гостя, тотчас с приветствиями пошел навстречу к нему, усадил его на диван и, разговаривая с ним, через слово величал «ваше сиятельство, ваше сиятельство»... Долго ждали обеда... Наконец камердинер доложил, что кушанье готово. «Ваше сиятельство, – сказал Остерман Кутайсову, – извините, что я должен оставить вас, теперь я отправляюсь с друзьями моими обедать». И, приветливо обращаясь к другим гостям, проговорил «Милости просим». Граф Кутайсов остался один в гостиной. Он не помнил, что с ним было и как его привезли домой.

Отец этого Остермана, известный дипло-

мат, отличался тоже большими странностями и необыкновенною неряшливостью. Комнаты его были постоянно не прибраны и грязны, прислуга ходила в лохмотьях, серебряная посуда, которую он каждый день употреблял, походила на оловянную, и только в торжественные дни был у него порядочный обед. Одежда графа, особенно под старость, так была замарана, что поселяла во всех отвращение.

Такими же странностями страдал и другой дипломат александровской эпохи, князь Козловский, внук того человека, которого Екатерина отправила к Вольтеру как образец русского просвещения и русской вежливости. Князь Козловский признан был в обществе одним из умнейших людей своего времени, разговор его был исполнен разнообразия, огня и красноречия. Князь был в милости у императора Александра I, которого забавлял своими остроумными выходками. После венского конгресса Козловский занимал место русского посланника при штутгартском дворе, позднее провел он довольно много времени в Англии. В этой стране он был предметом раз-

ных карикатур. Эти карикатуры впрочем относились более до его физического сложения и необыкновенного дородства. Так, например, в одной из них он был представлен танцующим с княгиней Ливен, которая была очень худощава. Под карикатурою была надпись долгота и широта России. Вигель про него говорит, «он всегда смеялся и смешил, имел, однако же, искусство не давать себя осмеивать». Несмотря на свое обжорство и умышленный цинизм в наряде, которым прикрывал он бедность или скупость, Козловский блистал остроумием во всех салонах избранного петербургского общества. Жуковский и князь Вяземский часто навещали его и заставляли то в ванной, то на кровати. Несмотря на участие в его недугах, нельзя было без смеха видеть барахтавшуюся в воде эту огромную человеческую массу. Пред нами, говорит Вяземский, копошился морской тюлень допотопного размера. До цинизма доходящее неряшество обстановки комнаты его было изумительно. Тут уже не было ни малейшего следа, ни тени англomanии. Он лежал в затасканном и засаленном халате, из-за

распахнувшихся халата и сорочки выглядывала его жирная и дебелая грудь. Стол обставлен и завален был головными щетками, окурками сигар, объедками кушанья, газетами. Стояли склянки с разными лекарствами, графины и недопитые стаканы разного питья. В нелицемерной простоте виднелась здесь и там посуда вовсе не столовая, и мебель вовсе не салонная. В таком беспорядке принимал он и дам, и еще каких дам, самых высокорожденных и самых изящных. Все это забывалось и исчезало при первом слове чародея, когда он в живой и остроумной беседе расточал сокровища своих воспоминаний и наблюдений.

Глава V

Чудачества Андрея Борисовича. – Живой скелет. – Таланты моряка Б-на. – Оригинал Кий. – Поэт-эксцентрик Кр-ов. – Его прошения министрам. – Золотопромышленник Н-ов и его банкеты

В Москве, в тридцатых годах, проживал восточный человек, не то армянин, не то переkreщенный персиянин, по имени Давьяк, по профессии колдун, предсказатель и алхимик. В его квартире можно было найти все атрибуты средневекового волшебника и астролога. У него в полумрачной комнате, с очагом в середине, сидела на печке сова, был и ручной ворон, черный кот и другие аксессуары колдунов и ведьм. Несомненно, что Давьяк был большой шарлатан, но интересны были и его посетители, ездившие к нему, чтобы узнать свою будущую судьбу и секрет делать золото и драгоценные камни. Одним из самых ревностных посетителей этого кудесника был некто Андрей Борисович, некогда очень богатый барин, масон-филантроп, у которого от

прошлых времен оставалось только знатное имя, важный чин, многочисленная, богатая родня, но очень мало денежных средств, чтобы расточать их по-прежнему и вправо и влево, с полною барскою щедростью. Главною целью Андрея Борисовича было стремление на пользу страждущего и бедствующего человечества. Мистик от рождения, он более всего вдавался в месмеризм, в переселение душ. Его библиотека была полна книгами, в которых говорилось о таинствах природы. Сведенборг и Эккартсгаузен были его любимыми авторами. Он с трудолюбием пчелы высасывал все, что только было заманчивее его воображению и недоступнее простому человеческому смыслу. Дитя сердцем, он постоянно окружал себя детьми и бегал от взрослого человечества, только одних детей он считал честными и благородными, хотя эти честные и усердно обкрадывали его сад и оранжереи. Заботливость о детях была очень оригинальна. Он был крестным отцом всей своей деревни и давал своим крестникам такие мудреные для крестьян имена, что последние так и умирали, не умея правильно затвердить своего на-

звания. У него был крестный сын то Фусик, то Садик, то Тихик, то Зотик, то Капик, то Псой, то Дада, то Кукша, то Пуд. Крестницы его именовались: Стадулиями, Праскудиями, Кикилиями, Пуплиями. «Ишь имена какие выбирал наш барин, – говорили крестьяне. – Ум за разум у него зашел, не знаем, когда и праздновать их именины». И в такие минуты обращались к барину, спрашивая, когда надо праздновать их именины. Барин торжественно разрешал их сомнение. «Как, бишь, твоего сынишку-то зовут?» – спрашивал, бывало, он пришедшего. «Да Кукшею, ваше сиятельство, его именовали», – отвечал крестьянин, тоскливо махнув рукой. «Празднуется 21 —го августа. А твой?» – обращался барин к пришедшей бабе. «Уж и не выговоришь, батюшка! Сиглия, кажется». – «Сиглии нет, – отвечал, бывало, барин, – Сиглителия – так есть. Празднуется января 5-го, октября 24-го». – «В какое же число праздновать прикажете, ваше сиятельство?» – «А когда родилась Сиглителия?» – «Да в самой серединке. Месяцы-то мы плохо помним». – «Ну, так 5-го января праздновать надо». – «С панталыку спятил наш ба-

рин», — говорили крестьяне. И, действительно, добрый к своим крестьянам, попечительный и заботливый, он последние годы стал сходить с ума. Он завел у себя на дому школу для своих крестников и крестниц, но вместо того, чтобы учить их грамоте, он приказал им затверживать параграфы масонской логи, к которой он сам принадлежал, строго наблюдая, чтобы эти параграфы были твердо заучены. Барин хотел всех своих крестьян сделать масонами и образовать их верными сынами отечества. Наставления его не были многочисленны и ограничивались всего тремя параграфами. Под конец он даже впал в галлюцинацию: ему стали представляться ожившие души, с которыми он будто бы беседовал и прозревал будущее, а то мысли его бродили в подземном пространстве, и ему виделись гномы, над которыми он воображал себя властелином. На гномах, созданных кабалистами, и сосредоточились все его любимые мечтания и надежды. Когда строилась московская железная дорога, он подавал прошение генералу Клейнмихелю, предлагая ему сотрудничество своих подчиненных гномов,

уверяя своим честным словом, что эта сволочь, которая разрабатывает подземные жилы благородных металлов и бронзовых руд, будет гораздо полезнее всех инженеров и землекопов в мире. Он так часто подавал Клейнмихелю прошения, что его даже формально просили не предлагать более своих услуг. Разумеется, на такой ответ он сильно негодовал и каждому из своих знакомых, встречая, жаловался: «Вообразите, мне отказали, я бы с ними кончил дорогу менее, чем в год. Вообразите, на этой неделе они в моей спальне праздновали свадьбу; вообразите, вернулся я от Давьяка усталый и лег; вдруг слышу шороху моей постели; открываю глаза и вижу, что к моему матрацу маленькие существа приставляют лестницу. „Что вам нужно?“ – вскрикнул я в изумлении. – „К вам с покорнейшею просьбою: позвольте нам сыграть у вас свадьбу, в вашей спальне“. – „Как это можно? – возразил я. – У нас есть другие комнаты“. – „Нам их не надо, – отвечал один, – необходимо только одно ваше присутствие“. Нечего было делать, я согласился, вижу через несколько минут вся моя спальня осветилась,

из всех щелей вылезли маленькие уродцы, все одежды их блистали золотом, брильянтами, изумрудами, вдруг явились столы, сервизы и пошел пир, мысли мои мешались, я начал дремать под их музыку, как слышу, что кто-то ползет ко мне на кровать, то был гном, он тащил с собою три огромных мешка с брильянтами, рубинами и изумрудами, с просьбою принять их в знак благодарности, и сунул ко мне под подушку, я чувствовал, как голова моя высоко поднялась от этих мешков. „Только берите завтра их левою рукою, ваше сиятельство“, – добавил мне гном и скрылся. «А наутро нашли вы ваше сокровище?» – спрашивали барина. – «Нет, вообразите, я полез под подушку правою рукою, позабыв главное условие». Андрей Борисович под конец своей жизни занялся составлением жизненного эликсира, благодаря которому хотел прожить Мафусаиловы годы; он был убежден, что молодеет, принимая какую-то вонючую жидкость, он даже начал танцевать, чтобы показать, что молодость к нему возвращается, и собирался жениться; он умер, говоря, что секрет бессмертия им найден.

Лет сорок назад в Гостином дворе и по Апраксину, по линиям, бродил худой старик из отставных чиновников, по рассказам, некогда занимавший довольно видное место в служебной иерархии, но за какие-то проступки принужденный покинуть службу. Эта личность имела одну замечательную физиологическую способность; он мог по неделям и более ничего не есть, а также употреблял непременно пищу испортившуюся, прокисшую и с запахом. Для него купцы нарочно гноили мясо, пироги, которые давали ему, и он все это истреблял у них на глазах; ему нередко предлагали по полусотне протухлых яиц, которые он съедал не поморщась, даже со скорлупой. Этот субъект однажды был найден на улице умирающим и страшно худой, видимо от голода. Подобные приключения, кажется, нельзя отнести к довольно редким, но в данном случае представляется одна редкая своеобразная сторона. Дело в том, что этот отставной чиновник до того исхудал от ненормальной пищи, что тело его уподобилось скелету и, казалось, создано было лишь для анатомических занятий. Он попытался

воспользоваться этим как средством для своего существования, и в своем небольшом углу начал за известную плату показывать себя как живой скелет. Спекуляция удалась гораздо лучше, чем можно было ожидать. Привлечены были не только любопытные купцы, но и доктора приходили исследовать этот живой костяной остов. Спустя несколько лет у него было достаточно средств, чтобы удовлетворить свой голод, но, увы, благословение обратилось ему в проклятие. Чем он больше ел, тем, конечно, становился жирнее, пока, наконец, принужден был прекратить свое ремесло, и так как в сытые дни он ничего не скопил, то и принужден был возвратиться к своему старому ремеслу уличного нищего. На этом поприще его и унесла смерть.

В тридцатых годах текущего столетия, в петербургском высшем обществе был известен офицер-морьяк Б-н, красавец собой, очень образованный, владевший свободно несколькими языками. Это был, что называется, «душа общества», он имел, кажется, все веселые таланты, был забавный рассказчик, прекрасный музыкант на нескольких инструментах,

комический актер, редкий чревовещатель, очень искусно подражавший пению многих птиц, жужжанью пчелы, мухи, лаю собак, мяуканью кошки и проч. Куда бы он ни появлялся, его неистощимая веселость и таланты всюду вносили всеобщий смех и веселье. Пел он превосходно как романсы, так и комические куплеты, ловко подражая немцам, евреям, англичанам, в роли пьяного англичанина он был неподражаем. Все свои песни, рассказы он исполнял с художественной мимикой, его густые черные волосы на голове отличались необыкновенной подвижностью и сползали, как парик, на лоб и на бока, стоило их только тронуть. Он мог свободно шевелить и своими ушами. Он устроил в кругу своих приятелей тайное общество «кавалеров пробки», все члены которого носили в петлице сюртука пробку. Заседания этого веселого общества происходили в доме известного богача Н-на, жившего в своем роскошном палаццо, вблизи Исаакиевского собора. Члены этого общества садились между дам и пели известную застольную песню. «Поклонись сосед соседу, сосед любит пить вино, обними сосед соседа, со-

сед любит пить вино». После каждого припева по уставу исполнялось пропетое. Автор этой песни был Б-н, и он же был гроттмейстер общества. В то время часто практиковалось у разгулявшихся господ под конец попойки хоронить напившихся мертвецки пьяными, и вот таких импровизированных похорон был всегда режиссер Б-н, он костюмировал всех и учреждал кортеж. Опьяневшего до бесчувствия несли со свечами, с пением, все серьезные, и хоронили летом в сене, а зимою в сугробе снега. Б-н впоследствии долго жил в Сибири, и по возвращении умер в Петербурге чуть ли не девяностолетним стариком, в большой бедности, любимая его страсть была в последние годы читать Библию и Иоанна Златоустого, которого он знал чуть ли не наизусть. Родная сестра его отличалась поэтическим талантом и писала стихи.

В описываемые годы в Петербурге славился умом и отличной способностью писать превосходным слогом бумаги, в особенности проекты, некто К-ий, человек небольшого роста, приземистый, толстенный, рябой, с чрезвычайно узким лбом и блистающими карими

глазами. Он был сын сельского священника и долго служил в канцелярии начальника Главного Штаба, где в самое короткое время, благодаря своим замечательным талантам, достиг чина действительного статского советника, но вскоре был уволен в отставку и над ним учредили опеку. Он жил на Петербургской стороне в своем богатом доме. К нему нередко езжали за советами министры и значительные сановники, как, напр., Е.Ф. Канкрин, А.И. Татищев, А.А. Аракчеев, баронет Виллис и многие другие. Он имел значительное состояние, хорошие экипажи, лошадей, но сам ходил всегда пешком, более чем в нищенском наряде; под байковым сюртуком он надевал все свои ордена и, вдобавок, на груди носил нарамник еврейского первосвященника, называемый эфудом, с двенадцатью драгоценными камнями, которые символически изображали двенадцать колен Израиля. В его кабинете стены были окрашены в семь цветов, также и все вещи в его комнате были в количестве семи штук: семь свечей, семь стульев, семь столов и т. д. Он имел слугою одну женщину экономку, которая на него имела

большое влияние и вмешивалась во все его дела, даже по службе, что, как говорили тогда, и послужило к выходу его из штаба. Он умер в конце тридцатых годов и в духовном своем завещании назначил похоронить себя в гробе с изображением на нем двенадцати крестов. Несомненно, что он принадлежал к числу каких-то сектантов.

Между нашими моряками в начале текущего столетия был известен большой остряк и поэт, некто Кр-ов. Выпущен он был из Морского корпуса еще в 1796 году. Он бойко владел стихом, но имел несчастную страсть придерживаться чарочки; эта-то страсть и сгубила его. Прослужив до 1805 года во флоте, он вследствие неодобрительной аттестации своего командира был отставлен от службы с тем же чином. Положение его в отставке было самое печальное: он, не имея никаких средств и по милости своего аттестата, даже не мог получить никакого частного места. И вот в этом-то бедственном состоянии он и начал подавать прошения всем тогдашним министрам. Прощения были настолько оригинальны и курьезны, что списки с них в свое время

ходили по рукам в тогдашнем обществе. Вот извлечения из некоторых писанных им к высокопоставленным лицам прошений. Так, к министру юстиции князю Лопухину он писал: «Светлейший князь! Тебе Фемида вручила весы свои, яко мудрому патриоту, взвешивающему тяжесть истины. Прикинь на чашу правосудия хотя золотника три твоего внимания к бедственной моей участи и исторгни жребий мой из урны злополучия» и т. д. К министру внутренних дел Козодавлеву он писал: «Если бы взяли на себя труд анатомировать и раскрыть порученную в ведомство ваше внутренность, сколько бы вы нашли в недрах ее испорченных сильною несправедливостью кишок, вы бы увидели, что мой тощий желудок трое суток страдает спазмами, сколько бы вы нашли поврежденных нервов в порученной вам внутренности, служащей для варения всеобщего благоденствия, но угнетение остановило в них кровь патриотического усердия. Я уверен, что ваше превосходительство пришлете мне спасительную микстуру». Взывал он и к министру народного просвещения Завадовскому: «Тебе премуд-

рая Минерва вручила факел просвещения, дабы посредством одного невежество наше преобращал ты в пепел и озарял истинные таланты, в которых у меня, грешного, крайняя недоимка. Воспитывался я в Морском корпусе, учили меня всему и, не хочу обманывать, чтобы я чего не понял, но такое множество приобретенных мною наук, при настоящих обстоятельствах, столько же делают мне пользы, сколько голодному запах жареной говядины. Я всем систематически доказываю, что мне надобно дать место, надобно дать пропитание, мне философски отвечают: – подожди до завтра! Я посредством математических истин, для убеждения бессовестного нашего откупщика, в просьбе моей, послал к нему пропорцию: как тощий мой желудок к толстому его животу, как пустой мой кошелек к его кошельку, который почти тучнее самого хозяина, невежа натурально мое предложение опроверг каким-то порядком скупости. Я доказываю, что без пропитания должен умереть с голоду, мне метафизически отвечают: умирай, это обыкновенное дело; смерть – есть общий удел человечества! Я одного бога-

того доктора (который за самый пустой рецепт не берет меньше десяти рублей) старался посредством химии убедить, что голод есть такая пища, которой желудок не варит; он, чтоб не дать мне ни копейки, помощью медицины доказал, что нет ничего для здоровья полезнее, как самая строгая диета». К министру финансов графу Васильеву он писал: «Девять лет я болтался, плавая на дне между „водяными“, наконец пузырь моего счастья лопнул, я всплыл на верх злополучия и нашел себя из водяных выключенным! Прикажите, ваше сиятельство, поместить меня в „лесные“, крайность моего положения превосходит меры. Я хотел поступить к какому-нибудь помещику в „домовые“, но все говорят, что по аттестату своему не гожусь и в „лунатики“. Товарищу министра морских сил П. Чичагову он докладывал в прошении: „Девять лет ходил я по морю, аки по суку, во все сие время дул для меня чистый фордевинт; наконец, в последние три месяца плавания нашел шквал и бурною капитана N аттестациею бросило меня на мель отставки. Теперь десятый месяц без руля, без мачт, без провизии, без такелажа, и,

что всего печальнее – экстраординарной ни копейки! В сем критическом положении неоднократно я заводил верп, в намерении притянуться к какому-нибудь департаменту, но в аттестате моем грунт коллегского мнения так невыгоден, что якорь самой снисходительной доверенности не может задерживаться. Камень отчаяния у меня под носом; в пространном океане света не осталось никого, кто бы подал мне буксир сострадания“.

Мичман Кр-ов наконец был принят на службу, после прошения, поданного им министру военно-сухопутных сил Вязмитинову. Вот это прошение: «Целые шесть месяцев капитан N бомбардирован в укрепление моего поведения начиненными злословием его протестами. Я, по возможности, отпаливался добрыми аттестатами прошедшей девятилетней службы моей, но, наконец, он выбил меня из моих ретраншаментов, и я по необходимости ретировался в отставку, в намерении в столице сделать новые укрепления, но ужасная бедность атакует меня на каждом шагу. Я отпаливался от сановников, пока не вышел весь порохтерпения. Я скорым маршем отпра-

вился на биваки в вашу прихожую, в надежде получить сикурс великодушного благоволения. Страшный мой неприятель – голод штурмует в моем тощем желудке и, предчувствуя свою скорую победу, кричит „ура!“. Если вы не подадите мне скорой помощи, то отчаяние примет меня в штыки!»

В сороковых годах в Петербурге проживал очень богатый иногородний купец Н-в. Он лет шесть был золотопромышленником; когда открылась в Сибири так называемая «золотая лихорадка» на Олекме, его поиски так были счастливы, что в пять-шесть лет он сделался миллионером. По приезде с приисков в Петербург он зажил по-барски. Дом его по изобилию всего просто поражал посетителя. Балы его напоминали нечто сказочное: еще далеко до его дома виден был свет от его палат, а у подъезда стояла целая праздничная иллюминация. Сам хозяин встречал гостей в передней и подносил каждой из дам по роскошному букету из камелий или других редких цветов. Все комнаты этого богача убирались и уставлялись цветами и деревьями, несмотря на зимнее время, здесь были в цве-

ту бульденежи, сирени, акации, розы и другие цветы не по времени.

Освещение в комнатах было тоже поразительное, всюду горели карсельские лампы в таком количестве, что температура в комнатах была часто тропическая. Аромат в комнатах был тоже редкий, – точно на какой-нибудь парфюмерной фабрике, и для того, чтобы запах держался долго, на шкафах и под диванами всюду лежали благовонные товары, мыла, саше, пудра и т. д. На одно куренье комнату него выходило духов в вечер около полупуда. Мало того, что комнаты его представляли нечто вроде тропических садов, но, вдобавок, сады эти были оживлены пернатыми: здесь с куста на куст порхали ручные птицы, которые садились на плечи дам и пели громогласные свои песни. Возле зала была устроена большая уборная для прекрасного пола. В ней все высокие стены были зеркальные, кругом стояли столы, на которых лежало все, что душе было угодно – и перчатки, и башмаки, духи, помада, мыло, фиксатуар, шпильки в коробках, булавки, различные щетки, губки, и все это дамы брали у него даром. Но един-

ственно, что было невыносимо в этих апартаментах, это духота; последняя происходила от ламп, которые своим светом превращали ночь в день; этому, впрочем, хозяин очень радовался – гостям ужасно хотелось пить. И амфитрион только и делал, что ходил по комнатам и кричал официантам: принеси гостям напиток. Но напиток воды здесь было нельзя. Хозяин говорил, что у нас воды и в заводе нет, а шампанского сколько угодно. Дамам, впрочем, было разрешено подавать ананасное прохладительное. Интересным к концу такого вечера был и ужин; последний состоял из бесконечного количества блюд. Любопытны выходили и дневные приемы этого золотопромышленника. Хозяин сидел в своем кабинете в мягких вольтеровских креслах. В халате из китайского атласа чуть не в три пальца толщины, светло-зеленого цвета, с золотыми фигурами, такой халат стоил тысячи три, по крайней мере. Мебель в его кабинете представляла ценность тоже немалую, что ни вещь, то золотая или серебряная, сигары гостям предлагались лучшие гаванские и величиною чуть не в поларшина, дорогая мадера,

так называемая тогда «ягодная», ост-индская, в больших графинах стояла на столе. В углу помещался накрытый стол с разными закусками, салфеточной икрой, балыками и другими съедобными деликатесами.

Про этого золотопромышленника рассказывали, что он прежде был довольно бедный вязниковский разносчик-офеня, разбогатев так быстро на золотых промыслах, он не знал, куда девать деньги. Приехав в Петербург, он не имел никаких знакомых и каждое утро выходил на улицу и рассматривал физиономии проходящих, кто ему нравился, тех он звал к себе на обед. Если встречались бедные люди, ремесленники или просто рабочие, он начинал с того, что спрашивал каждого из них, сколько они надеются сегодня заработать в продолжении дня? Избрав, таким образом, дюжину гостей мужчин, женщин и детей, он возвращался к себе домой с ними, выдавал рабочим плату за весь день, потом приказывал подать роскошный завтрак, после завтрака играла музыка и гости плясали до обеда, затем следовал богатый обед. Добродушный золотопромышленник говорил, что нет выше

удовольствия, как видеть около себя людей довольных, счастливых и веселых.

Прожив так несколько лет в Петербурге и прожив только небольшую часть своих миллионов, он потом объехал всю Европу на своих орловских лошадях в богатом дормезе – цель его путешествия была изучение гастрономии – посетил все кухни, изведаль всю глубину этой науки, узнал все ее системы и методы и возвратился на родину всесовершеннейшим гастрономом. Все служители в доме его были повара, лакеи, кучера и даже конюхи все умели готовить. Кроме того, он нанимал более десятка поваров всех наций. Но проесть всего своего состояния он все-таки не мог и, пожив несколько лет в столице, уехал умирать к себе на родину в Вязники или Ковров.

Глава VI

**Вельможа-оригинал граф Литта. – Страсть
Вего к мороженому. – Жертва предсказания
гадальщицы или вечно спящий барин**

В тридцатых годах на улицах Петербурга можно было встретить колоссальную фигуру величественной осанки, члена Государственного Совета графа Юлия Помпеевича Литта, известного главного деятеля в доставлении мальтийскому ордену покровительства императора Павла I. Граф Литта в высшем петербургском обществе являлся истинно блестящим обломком екатерининского двора. Современник его говорит: «Мы так привыкли видеть графа Литту в каждом салоне, любоваться его вежливым и вместе барским обхождением, слышать его громовой голос, смотреть на шахматную его игру, за которою он проводил целые вечера, любоваться его бодрою и свежею старостью, что невозможно было не вспоминать о нем каждую минуту, особенно тогда, когда его не стало». Гр. Литта принадлежал к древнему миланскому роду,

он с юности посвятил себя морской службе, в 1789 г. он переехал в Россию и отличился в войне с Швецией, под предводительством принца Нассауского, где заслужил орден св. Георгия 3-й степени и шпагу за храбрость. При императоре Павле он был вице-адмирал, кавалер ордена св. Александра Невского и граф Российской империи, в 1799 г. – наместником великого магистра Мальтийского ордена.

Граф Литта отличался несколькими эксцентрическими особенностями: во-первых, голос его громкий и сильный, звучный, густой, бархатный бас слышался везде и покрывал собою все другие не только голоса, но иногда и звуки оркестра. Так, на гуляньях ли, в театрах, в первом ряду кресел у самой рампы оркестра, на постоянной прогулке по Невскому или Английской набережной, – везде всегда необыкновенно громко звучал его голос. Голос графа в обществе получил наименование «трубы архангела при втором пришествии». Во-вторых, граф, не будучи вовсе большим гастрономом, страстно любил мороженое и поглощал его страшными массами,

как у себя дома, так везде, где только бывал. Так, во время каждого антракта в театре ему приносили порцию за порцией мороженого, и он быстро его уничтожал.

Граф считался баснословным потребителем мороженого – известные в то время кондитеры: Мецапелли, Салватор, Резанов и Федюшин почитали графа своим благодетелем. Граф Литта жил совершенно в одиночестве в своем доме на Большой Миллионной, близ арки, в доме, теперь принадлежащем Министерству Финансов. Окна большого барского дома Литты никогда не были освещены и являли собой какой-то унылый и грустный вид.

Вдруг, в одну ночь, когда медики объявили графу, что ему остается жить не более нескольких часов, к удивлению всех соседей, мрачный дом озарился огнями сверху донизу, загорелись и яркие плашки у подъезда графа. У римских католиков обряд приобщения святых тайн совершается с некоторою торжественностью, граф и приказал засветить все люстры, канделябры и подсвечники в комнатах, через которые должен был проходить священник со святыми дарами. Умиравший

в памяти и совершенно спокойно приказал подать себе в спальню изготовленную серебряную форму мороженого в десять порций и сказал: «Еще вопрос, можно ли мне будет там в горних лакомиться мороженым!» Покончив с мороженым, граф закрыл глаза и перекрестился, произнеся уже шепотом: «Салватор отличился на славу в последний раз» – и перешел в лучший из миров, где он не знал, найдет ли мороженое. Все огни погорели вместе с жизнью графа, и осталась догорать только одна небольшая спальная лампада, в головах усопшего, освещавшая распятие.

Граф умер 24 января 1839 года. Император Николай I поручил барону М.А. Корфу, бывшему в то время государственным секретарем, опечатать и разобрать бумаги покойного, между которыми, как предполагалось, могли находиться любопытные документы относительно мальтийского ордена. Но ничего важного между ними не отыскалось. Самое любопытное, что нашли в бумагах, это проект сочиненной им себе самому эпитафии следующего содержания: «Julius Renatus Mediolanensis natus die 12 aprilis 1763, obiit in

Domino... augusti 1836». На чем было основано это предсказание, впрочем, не сбывшееся, — неизвестно. Граф Литта, как видно из завещания его, оставил огромное состояние, которым был обязан не только своей женитьбе на племяннице Потемкина, рожденной Энгельгардт, но и собственному своему состоянию, а также своей расчетливости. Он отказал внучке своей, графине Самойловой, жившей постоянно за границей, 100 тысяч рублей ежегодной пенсии, затем по такой же сумме единовременно в пользу тюрьмы, в инвалидный капитал и для выкупа из процентов содержащихся за долги. 10 тыс. для раздачи бедным в дань его похорон, камердинеру 15 тыс. и пенсии ежегодно по 1000 руб. Но деревни, дом драгоценные движимости и огромные капиталы завещаны двум родным племянникам Литтам, жившим в Милане. Неизвестно только, что он оставил своему побочному сыну, известному провинциальному актеру Аттилу, имевшему громкую романическую историю в конце шестидесятых годов. Граф Литта был в родственных связях со всею нашею русскою аристократиею. Племянник его, кн. Владимир

Голицын, раз спросил его: «А знаете ли вы, какая разница между вами и Бегровым? Вы граф Литта, а он литограф».

В Москве была известна в тридцатых годах одна оригинальная личность, которая, где бы ни появилась, сейчас же засыпала. Это был очень богатый помещик, имевший много родных и знакомых. Одевался он по образцу инкroyблей времен первой французской революции, вечно в одном синем фраке с золотыми пуговками. Из жилетного его кармана торчала массивная золотая цепочка от двух дорогих золотых брегетов. Впрочем, часы, так как и цепочки, часто у него возобновлялись: обе эти дорогие вещи у него часто срезывались охотившимися по нем ворами в продолжение его суточных путешествий по разным улицам Москвы, несмотря на то, что он никогда не выезжал один, а в сопровождении двух гайдуков-лакеев и его любимицы, старой ключницы-калмычки, и жирного мопса. «Где ваши часы?» – спрашивали его знакомые. «Что-с?» – встрепенувшись от своей спячки прошамшит он. «Часы ваши где?» – «А! часы срезали, украли когда я был на похоронах». – «У кого это,

где?» – «Не знаю, спросите у калмычки». Все знали, что обокрасть его не было хитрости, даже лакеи его обирали и снимали с рук кольца. Он вечно спал, но это сонливое состояние не было результатом болезненности организма и дряхлости лет, а просто следствием одного предсказания. В бытность свою в молодых годах в Париже он посетил известную предсказательницу Ленорман. Ловкая гадалщица, заметив его недалекость, позабавилась над ним вволю. Наговорив ему много приятного и неприятного, она, наконец, окончила свое пророчество словами, заставившими побледнеть нашего чудака: «Теперь я должна вас предупредить, что вы умрете на своей постели». – «Когда? Когда? В какое время?» – спрашивает он в ужасе. «Когда ляжете на постель», – dokonчила, улыбаясь лукавая предсказательница. И вот с тех пор его покойная мягкая перина, подушки из лебяжьего и гагачьего пуха, шелковые одеяла были брошены и вынесены из квартиры, чтобы такие дорогие предметы его не соблазнили. Напрасно друзья смеялись ему в глаза, упрекая его в легковерии и не раз доказывая ему, что по его

богатству, положению и жизни нельзя было и ожидать другой более покойной смерти. Но слова Ленорман звучали в его ушах хуже погребального колокола. Он не внимал никаким убеждениям, и с тех пор на всех публичных собраниях в гостях, в театрах, – всюду стала появляться постоянно дремлющая его личность, не имевшая никакой возможности уже отдохнуть у себя на постели. Образ его жизни был очень оригинален: он вставал почти со светом, проводя ночь в обществе, потому что ему было скучно без общества, тяжело и невыносимо было отдыхать в полусогнутом положении более часа. С утра закладывали ему четверместную карету, и он уже выезжал во фраке и белом галстуке в сопровождении своей калмычки и старого мопса Бокса. Без калмычки он не мог сделать шага, она убаюкивала его сон разговорами и сказками. Утренние его прогулки были по крику лакея: «Пошел по ельничку!» Кучер и фореитор двигались, объезжая столицу, отыскивая, нет ли где похорон. Из всех удовольствий ему нравился только процесс погребения, возможность поспать под унылое пение и проводить

покойника до последнего его жилища. На обязанности калмычки также лежало, по возвращении домой, рассказать барину все виденное за день, сам барин этого не мог сделать, — он спал всюду. В Москве говорили, что ловкая калмычка, пользуясь беспросыпным положением его и присутствуя в церквях на всяких церемониях, чуть-чуть не сыграла с ним злой шутки и не обвенчала с одной из своих знакомых. Только непредвиденный случай спас его. Это так напугало его, что с ним сделался нервный удар, от которого он и умер. Больного его никак не могли уложить на постель. Он умирал, дремля, полусогнувшись на своем кресле и ворча и брыкаясь ногами, когда калмычка со слезами просила его успокоиться на ее постели. Перед кончиной, несмотря на его последние усилия, на жалобный стон, на слезящиеся глаза, его все-таки силою уложили на кровать. Предсказание Ленорман сбылось после пятидесятилетнего добровольного нравственного мученичества.

Глава VII

Чудачества помещика Т-ва и его братья. – Причуды графа Михаила Румянцева. – Исторический чудак Чупятов. – Собиратель сургучных печатей князь Гор-ов и его коллекция. – Камер-юнкер «Рококо» и его похождения. – Чудаки: Поздняков и Новосильцев

В числе других таких же чудаков, которые в силу какой-либо боязни по ночам не ложились спать и бодрствовали, к числу таких чудаков принадлежал богатый помещик Пензенской губернии Т-ь, который никогда не спал ночью, а ложился только тогда, когда все вставали. Чтобы ночью не дремать, он держал у себя в спальней кого-нибудь из своих дворовых, и они должны были стоять перед ним всю ночь на ногах, так как перед баринном сидеть неприлично. Правда, он их менял, призывая то одного, то другого по очереди, только бы не оставаться одному. Рассказывали, что он делал это из страха, причиною этого же была кровавая история, в которой он еще молодым человеком принимал участие

говорили, что отец его был убит своею женою в сообществе с учителем-французом, с которым она была в нежных отношениях и за которого впоследствии вышла замуж. Это случилось, когда дети были еще маленькие, когда же они выросли и возмужали, то отплатили непрошеному отчиму тем же, т. е. отправили его на тот свет. Все четыре брата, участвовавшие в смерти отчима, были какие-то странные: лобызались друг с другом самым нежным образом, целовали друг у друга руки, а между тем постоянно судились, потому что не могли разделиться. Они не могли между собою стовориться даже в самых мелочах – деревянный двухэтажный отцовский дом они распилили на три части, так как не могли устроить, чтобы он достался в одни руки. Даже дети одного из них были тоже какие-то странные. Один уже женатый, живя в деревне, вместо развлечения, приказывал зашивать себя в медвежью шкуру и ходил на четвереньках по двору. Дворовые собаки, разумеется, бросались на него и рвали, и это доставляло ему удовольствие. С женою, на которой он женился по любви, влюбившись в нее в те-

атре, где видел ее только один раз, он ссорился и мирился по несколько раз в день. И это делал он не только дома, но и в гостях, при чужих людях, делая их таким образом невольными свидетелями его семейной жизни, потому что ссоры происходили большею частью из ревности к кому только можно и сопровождались или неприличными упреками, или же лобзаниями, с испрашиванием на коленях прощения, и тому подобною обстановкою, иногда очень приторной.

Сын известного победителя при Лагре и Кагуле – Румянцева, граф Михаил, страдал тоже довольно странною причудою, которая и довела его впоследствии до опеки над ним. Он стал воображать, что служит у строгих господ и исполняет обязанности экономки. Его старый, преданный слуга, чтобы помочь этому горю, принужден был сам наряжаться в женское платье и помогать ему в разных женских занятиях, вроде починки белья, штопанья чулок и т. п. Роль же господ играли два дюжих солдата-гвардейца, которые в известные часы приходили смотреть на работу экономки и, если находили ее неудовлетвори-

тельною, ругали и били ее. Побои графу так нравились, что после них он успокаивался на несколько дней. Солдаты, по приказанию ближних Румянцева, платили графу жалованье медными пятаками, на которые последний покупал деревянное масло и теплил его в лампадке у своего фамильного образа. Пишущий эти строки видел в 60-х годах, у старика-сенатора кн. П. А. Голицына, портрет Румянцева и его слуг и Иона Ивановича в женских платьях; оба они изображены сидящими за пьезцами. Причина такого помешательства графа, как рассказывал кн. Голицын, была нелюбовь к нему его отца. Известно, что фельдмаршал рано разошелся с женою и совсем не знал своих детей. Рассказывали, что один из его сыновей в отроческом возрасте явился к нему в армию просить его о принятии на службу. «Да вы кто такой?» – спросит его фельдмаршал. – «Сын ваш», – отвечал тот. – «А-а... весьма приятно... Вы так выросли». После нескольких таких родительских вопросов молодой человек осведомился, где он может иметь помещение и что должен делать. «А вы, – отвечал отец, – поищите, у вас

верно найдется здесь, в лагере, кто-нибудь знакомый из офицеров»...

К ряду замечательных чудаков екатерининских времен надо отнести Чупятова, во все, как кажется, не помешанного, прикидывавшегося легковерным до помешательства, из желания избежать тюрьмы за долги. Дурачество выдавать себя за жениха мароккской принцессы, при искусной игре Чупятова, принималось за чистую монету, и он жил себе припеваючи, забрасывая время от времени в разные коллегии вздорные претензии, еще более поддерживавшие убеждение властей, что этот человек не в своем уме. Личность этого субъекта до того интересовала современников, что они собрали о нем много анекдотов. Чупятов носил название мароккского принца. В конце 50-х годов на Смоленском кладбище существовала еще каменная плита над могилою этого чудака. Вот надпись: «Под камнем сим покоится ржевский купец Василий Анисимович Чупятов, под названием принц мароккский, в сем лестном звании странствовал 27 лет и на 64 году жизни своя скончался 1792 г. сентября 16-го дня». Чупятов

несомненно был человек просвещенный, по своему времени, и не лишенный ума, он был мужчина высокого роста, ходил во французском кафтане и с мишурными знаками, по словам современников, он поражал своею величавою скромностью. Чупятов принадлежал к старинному именитому купечеству из города Ржева, но неудачные дела за границей и большой пожар расстроили его состояние. По словам Державина, он торговал с Любеком и Гамбургом, с Англиею и Голландиею, посылая туда на кораблях пеньку и масло. Другие полагают, что главною причиною расстройтва его дел было неудачное сватовство за дочь известного богача Володимирова, которую сватал ему ее дядя, известный тоже чудак, Прокофий Акинфиевич Демидов. Чупятов в деле своего сватовства прибежал к содействию всесильных в ту пору Орловых и даже доходил с просьбой до самой императрицы. Графы Григорий, Алексей и Федор Орловы, а также граф Ив. Гр. Чернышев поочередно брались быть сватами Чупятова у Володимирова. Сама императрица приказывала высватать ему невесту Д.В. Волкову, но последний пред-

ложил ему других невест благородных. Чупятов, однако, отказался. Все усилия высокопоставленных благодетелей и милостивцев не могли победить упорства и уклончивости Володимирова. Чупятов не хотел еще считать свое дело проигранным и входил с формальным прошением в коммерц-коллегию к прокурорским делам. Коммерц-коллегия не вошла в рассмотрение такой странной просьбы, и Чупятову оставалось склониться пред волею судьбы. Тут-то, вероятно, как говорит Л.Н. Майков в своих литературных мелочах екатерининского времени, он, не имея возможности выполнить свои торговые обязательства, «теснимый кредиторами, и объявил себя банкротом», как уверяли некоторые, притворно. «Затем, избегая неприятностей от своих верителей, – рассказывает Державин, он представился помешанным и навесил на себя разноцветных лент и медалей, присланных к нему будто бы влюбленною в него мароккскою принцессою». Чупятов в петербургском обществе был предметом постоянных насмешек, к нему присылали по почте ленты и грамоты будто бы на пожалованные ему ордена,

иные писали к нему и просили, чтобы он оказал им свое покровительство, когда взойдет на мароккский престол, которого состоит наследником. Чупятов не замечал, однако, глумления и даже утешался присылками.

Державин в своей «Оде к вельможе» упоминает о нем:

*Всяк думает, что он Чупятов,
В мароккских лентах и звездах.*

Чупятов в обществе, ради его странного помешательства, был всегда желанным гостем, даже у высокопоставленных лиц. Являясь в гости, он вел разговор как человек здравый до тех пор, пока не покажут ему, ради потехи, курицу, разукрашенную лентами. Как только Чупятов увидит такую курицу, так и понесет всякий вздор, воображая, что курица есть воплощенный дух, присланный ему от мароккской королевы.

Существует рассказ, что когда государыня, после осмотра Вышневолоцкого канала в 1785 г., находилась в Успенском соборе, вдруг протеснился вперед Чупятов, разукрашенный лентами и звездами. Государыня спросила

главнокомандующего, кто это, и, услышав, что это какой-то помешанный, сказала: «Почему он у вас на свободе? Для подобных людей место в заведении».

Что касается приведенного рассказа, то трудно допустить возможность приказа Екатерины II, ко всем снисходительной, о лишении свободы чудака, никому не вредившего.

В человеческой натуре бывают очень странные вкусы. Лет двадцать тому назад еще здравствовал один довольно высокопоставленный человек, который из любви к искусству выучился рвать зубы. Он никогда не выходил из дому без футляра с зубными инструментами в кармане, как другой без портсигара. Ко всем он в зубы так и заглядывал. Беда тому, кто при нем заикнется, что у него зуб болит или болел: он так на него сейчас и кинется и с инструментом в рот залезет. Нередко за свое искусство он претерпевал даже личные неприятности, но все-таки своей «дантистики», как он выражался, не покидал. До коллекционерства почтовых марок существовало несколько собирателей сургучных печатей. Из числа любителей таких редко-

стей был известный князь Гор-в, который начал с того, что хранил печати всех полученных писем, потом просил всех своих знакомых, чтобы они отдавали ему конверты писем, и, наконец, начал отыскивать и платить за печати и собрал больше тридцати тысяч оттисков на сургуче. В коллекции князя было много редких печатей XVI, XVII и последующих веков. В числе таких любопытных у него была печать, на которой изображен открытый ящик Пандоры с надписью: «любопытство погубило свет»; на другом изображен амур, держащий записочку, а вокруг него слова: «полиции нечего тут смотреть»; на третьем – бежит собака с письмом и надпись говорит: «скорее и вернее почты». На одном вырезано: «распечатано по приказанию». На печати, принадлежавшей Виктору Гюго, вырезаны слова: «делать и делать», на печати Мишле «Крылья»; на печати Бальзака вырезано старинным правописанием: «Ум обязывает»; на печати Альфреда Мюссе видны таинственные слова, напоминающие время, памятное одному, забытое другими: «С того времени». На письме Фридерики Сулье странный девиз:

«Нет выхода в смерти». На печати Александра Дюма было написано: «Ничто не вечно под луной», Эмиля Сувестра – слова: «Надеяться и не бояться». На печати Шарля Нобле виднелось банальное изображение: пылающее сердце, пронзенное стрелой, с надписью: «Разум этого хочет». На печати Адольфа Адана: «Я надеюсь, но боюсь». На печати певца Нурри изображен был Гарпократ, держащий палец на губах со словами: «Тише, тише, тише!» Эта печать была подарена Нурри одним его поклонником. Нурри имел привычку, когда он должен был петь вечером, молчать весь день и только шикал, если кто говорил. На печати композитора Герольда стояли слова: «Ничего прекрасного без случайности». Самую большую коллекцию таких печатей Горюв купил у француза Бландо за 30 000 руб., всех печатей там было 30 000 штук. Цена, как видим, довольно высокая за несколько фунтов сургуча!

В тридцатых годах вся Москва знавала одного очень богатого помещика, делавшего с раннего утра визиты по своим знакомым. Он не жил никогда в деревне, а вечно проживал

В Москве или в своей подмосковной, близ Сокольников; придворное звание его не позволяло ему покинуть столицу: еще юношей, благодаря своему родовому положению, он был пожалован в камер-юнкеры и с этим званием прослужил чуть ли не до семидесяти лет. В обществе он был известен под именем камер-юнкера Рококо.

Кличку эту он заслужил вот по какому случаю: средств у него было много, даже слишком; один дом его занимал почти целую площадь – с садом, огородом, прудами и т. д., пристроек в его доме было множество, на дворе так было много разных домиков, павильонов, хижин, что все это казалось чуть ли не целым уездным городком. Про его дом в Москве ходило немало рассказов; уверяли даже, что там находило себе убежище немало темного люда. Самый же дом, в котором жил камер-юнкер Рококо, состоял из двух длинных этажей; один огромный бельэтаж с нескончаемою анфиладою комнат мог бы послужить казармой для целого полка солдат. Комнаты эти были убраны великолепно, в них было много царской пышности – парча, бархат, ат-

лас, позолота, мрамор, гобелены, статуи, античная бронза, китайский фарфор, словом все, что могло служить украшением царственного жилья.

Но все это в этих барских апартаментах было расставлено, развешано, размещено с таким безвкусием и в таком беспорядке, что с первого взгляда казалось, что все эти драгоценные вещи были свезены сюда на продажу, как в лавку, и только дожидаются покупателей, чтобы быть вынесенными для приведения их в более стройный порядок. Когда посетители спрашивали хозяина об этом хаотическом беспорядке в его апартаментах, об этой дорогой китайской бронзе, смешанной с простыми глиняными деревенскими кубарями, с чугунами или ухватами, о прекрасных старых картинах вместе с разными мазилками крепостных Рафаэлей, хозяин слушал равнодушно все подобные замечания, и, казалось, его даже это еще радовало. Камер-юнкер Рококо был страшно упрям. «Знаю, очень хорошо знаю, – отвечал он, – но я, знаете, люблю, чтобы у меня все было „рококо“, – видимо, сам не разумея этого слова. И пошел с тех пор

гулять наш камер-юнкер под этим именем – Рококо. Этот оригинал жил не для себя, а для своих многочисленных знакомых, веселился не сам, а веселил своих знакомых. Все его увеселения носили отпечаток неподражаемой оригинальности, он тешил себя и других дорогими игрушками. Он только и мечтал о том, что бы изобрести для вечера или для обеда. Он, как и гоголевский Петух, призывал к себе по утрам своего старика-повара Яшку и дворецкого Прошку, грабивших своего барина без милосердия. Особенно обеды и завтраки стоили ему много дум и забот; задумав раз угостить своих гостей в посту по-монастырски, он закатил обед более чем в сто блюд. В меню входили: папошники, пироги длинные, косые и круглые из щучьей телесы, пирожки маленькие с телом рыбы, пряжья, кашка молочная с пшеном сорочинским, присол из живых щук, щука колодка, огнива белужья в ухе, звено лосося, звено семги, полголовы осетра и белуги просольной, лещи паровые, стерляди и т. д. Но особенно отличился он за десертом, где цукатные пироги, кремы, марципаны, желе и другие сладкие яства подавались на дос-

ках – на обыкновенных блюдах поместиться последние не могли.

Прислуга при русских обедах из простых лакеев превращалась в прислугу, бывшую в княжеской и боярской среде, т. е. в стряпчих, стольников, кравчих, чашников и т. д.; последних он наряжал в археологические одежды. В другой раз придумал он угостить своих гостей лебедями, чтобы достать эту птицу, командирует он в подмосковное село Ц-но, и здесь ловкий дворецкий покупает декоративную птицу у немца управляющего за баснословные деньги.

И вот такая птица, с раззолоченными носами и растопыренными крыльями, подается целиком на стол; начинка ее была самая мудреная, с шафраном, лимонами, имбирем и разными пахучими травами. Для обедов в древнем вкусе он закупал по дорогой цене павлинов, журавлей, рысей, лосей, но на такие обеды редко стали ездить гости, крепкие желудки их не могли выдерживать, и с сожалением говорил наш амфитрион, что измельчали желудки у людей. Рассердившись за такое невнимание к «чревобесию предков», он

сделался французским гастрономом, перема-
нил к себе лучшего повара из английского
клуба и задумал соперничать с Рахманиным,
известнейшим гастрономом, тратившим на
свои немногочисленные угощения шальные
деньги.

После этого его кухня преобразилась на
рахманинский лад: в ней появились большие
пальмовые и мраморные столы, полки крас-
ного дерева, бронзовые карсельские лампы и
дорогая мебель, на которую он сажал своих
гостей, приготавливая сам некоторые блюда. Не
раз он давал лукулловские обеды на своей
кухне. Но главное, что любил наш камер-юн-
кер Рококо, это неожиданные сюрпризы, на
них он был помешан. То он приглашал гостей
собирать в саду белые грибы, которые за два
дня скупал возами по всей Москве и застав-
лял их натывать в одном месте своего сада,
чтобы не ходить далеко гостям. То он разда-
вал билеты на уженье в его прудах рыбы –
около его пруда стояли беседки-плоты, и в
этих местах втыкались удочки. Каждая дама
вынимала билет, как в лотерее, на счастье,
что кому Бог пошлет, и в самом деле, счастье

было удивительное для рыболовов; то выуживали из тинистого пруда стерлядь, уже давно уснувшую, то огромного осетра, то налима или другую какую-нибудь замечательную рыбу. Однажды, как уверяли, кто-то выудил даже малосольную севрюжину.

Искание персиков, абрикосов, апельсинов на деревьях тоже не было редкостью. Как только сходил снег весной, то гости уже приглашались для искания в саду клубники и земляники. Сюрпризы в его доме не переводились: он устроил у себя в зале особенный пол, который опускался вниз в подвальный этаж по данному знаку и оттуда поднимались кушанья. Вместе с тем он придумал и особого рода свечи, о составе которых у него долго хлопотал какой-то выписанный немец-пиротехник. В вечер, когда новоустроенный пол должен был действовать, приглашены были гости. Сюрприз вышел действительно неожиданный: во время мазурки, когда растанцевавшиеся дамы и кавалеры отчаянно притоптывали, при общем крике вдруг пол опустился в кухню. Этого и сам хозяин не предвидел, хотя и приказал, чтобы по первому стуку в

пол последний опускался и поднимался. Сюрпризы на балах камер-юнкера Рококо редко проходили без приключений: то у кого-нибудь нос был обожжен, у кого платье испорчено, у кого ноги чуть-чуть не были переломаны.

Но история с опускаемым полом еще не окончилась. После невольного опускания на нем был сервирован стол. «Теперь скорее свечей, свечей», – кричал хозяин. Свечи были принесены, гости сели ужинать. Кушанья мигом подымались из кухни и разносились, потом исчезали и заменялись новыми. – «Хорошо, хорошо», – говорил хозяин, посматривая на часы, как будто ожидая какого-то сюрприза. Ужин уже подходил к концу, вдруг свечи, казавшиеся восковыми, стали постепенно меркнуть и из фитилей полетели бриллиантовые фонтаны огней, римских звезд, фальшфейеры, и вся зала наполнилась удушающим запахом пороха. Дамы ахали и визжали, отряхивая с своих плеч искры огня. «Неправда ли, вы не ожидали такого сюрприза?» – всех спрашивал гостеприимный хозяин.

Камер-юнкер Рококо умер тоже сюрприз-

зом. Его повар Яшка накормил его с пьяных глаз какими-то вредными грибами, известными в простонародье под именем «самоплясов», не догадавшись порядочно рассмотреть их. Говорят, что гастроном-чудак ранее, чем расстаться с этим светом, принужден был, несмотря на свой возраст, неистово отплясывать «danse macabre», по действию этих грибов.

В Москве, в начале текущего столетия, отличался большим чудачеством помещик Поздняков; он почти ежедневно давал спектакли, маскарады и балы, вся Москва так и рвалась и называлась к нему на приглашения – особенно парадны выходили его маскарады, на которых он сам важно расхаживал наряженным в какой-то восточный костюм.

Грибоедов о нем сказал в своей комедии: на лбу написано: «театр и маскарад». Не забыл он и его бородача, который во время бала в тени померанцевых деревьев щелкал соловьем: «певец зимой погоды летней».

К этому московскому хлебосолу и увеселителю добровольно прикомандировал себя некто г. Лунин – он был при нем в роде гоф-

маршала, хозяйничал при дворе его, приглашал на праздники и проч. В Москву, как рассказывает кн. Вяземский, ожидали турецкого или персидского посла. Разумеется, Поздняков не мог пропустить эту верную оказию и занялся приготовлениями к великолепному празднику, в честь именитого восточного гостя. К сожалению, смерть застала его в приготовлениях к этой тысяче и одной ночи. Посол приезжает в Москву, и Лунин к нему является. Он докладывает о предполагаемом празднике и о том, что Поздняков извиняется перед ним за приключившуюся смертью его, праздник состояться не может.

В числе чудаков, живших в Москве в грибоедовское время, был известен выеденный им в его комедии под именем «Максим Петрович», это был приятель гр. Растопчина, некто Новосильцев, бывший «в случае» при Екатерине. По связям и богатству он имел сильное влияние, по способности принижаться – не знал соперников. В царствование императора Александра I Новосильцев жил замкнутый в своем роскошном таинственном нелюдимом доме, никого не принимал и сам никуда не ез-

дил, впрочем иногда в орденах он садился на крыльце своего дома и пугал прохожих, бросая в них хлопушками. Иногда он выезжал прогуливаться на великолепном коне, покрытом вышитым золотом чепраком, вся сбруя была составлена из богатых золотых и серебряных отличного чекана цепочек. Во время таких пышных своих уличных поездок в сопровождении богато одетой свиты он курил трубку. Последнее обстоятельство особенно всех поражало и заставляло всех снимать перед ним шапки, недоумевая, как величать этого стамбульского пашу.

Глава VIII

Легендарный силач моряк Лукин. – Рассказы
про его невероятные подвиги. – Силач Ча-
гин и Телегин

Славный русский силач моряк Лукин, по-
мимо своей геркулесовской силы, отличался
тоже многими странностями. Про капитана
Лукина во флоте посейчас живы еще самые
невероятные анекдоты, по большей части ри-
сующие дух лихих моряков того времени. Рас-
сказывали, что во время пребывания Лукина
в Англии один англичанин заспорил с ним
насчет смелости и решительности русских и
англичан, он утверждал, что русский никогда
не решится на то, что сделает англичанин.
«Попробуй», – сказал Лукин – «Вот, например,
ты не смеешь отрезать у меня носа», – выра-
зил англичанин. «Почему же нет, если ты за-
хочешь», – отвечал Лукин. «На, режь!» – вос-
кликнул англичанин в азарте. Лукин
прехладнокровно взял нож со стола, отрезал у
англичанина конец носа и положил на тарел-
ку. Рассказывали, что англичанин, старый и

отважный моряк, не только не рассердился за это на Лукина, но подружился с ним и, вылепившись, приезжал навестить друга своего в Кронштадте.

Лукину в Англии предложили кулачный поединок. Вместо одного он вызвал вдруг четырех лучших боксеров и каждого из них по очереди перекинул через свою голову, ухватив за пояс.

Однажды он был выслан на берег для приема такелажа с двадцатью матросами. Лукин вмещался в спор английских моряков с их канонирами, и, наконец, вступил в борьбу с обеими партиями и в кулачном бою с своими двадцатью удальцами прогнал всех. В городе заперли лавки; жители спрятались в домах, и Лукин с песнями возвратился на корабль.

Раз, сидя в креслах во французском театре, он заметил, что сидевший с ним рядом фронт перемигивается с дамами, сидевшими в ложе, и кивает головой на него. Лукин сперва не обратил внимание, но вскоре француз заговорил с ним: «Вы, кажется, не понимаете по-французски? И не хотите ли, чтобы я объяснил вам, что происходит на сцене?» – «Сде-

лайте одолжение», – сказал Лукин. Франт стал объяснять и понес чепуху страшную; соседи прислушивались и фыркали, в ложах тоже не могли удержаться от смеха.

Вдруг, не знающий французского языка, Лукин спросил по-французски: «А теперь объясните мне, зачем вы говорите такой вздор?» Франт сконфузился «Я не думал, не знал!» – «Вы не знали, что я одной рукой могу вас поднять за шиворот и бросить в ложу к этим дамам, с которыми вы перемигивались?» – «Извините». – «Знаете вы, кто я? Я Лукин». Они оба встали, Лукин сказал франту: «Идите за мной!» Франт пошел. Они отправились к буфету.

Лукин заказал два стакана пунша. Пунш подали. Лукин подал стакан франту. – «Пейте». – «Не могу, не пью». – «Это не мое дело. Пейте». Франт, захлебываясь, опорожнил свой стакан.

Лукин залпом опорожнил свой и снова скомандовал два стакана пунша. Напрасно франт отнекивался и просил пощады, оба стакана были выпиты, а потом еще и еще. На каждого пришлось по восьми стаканов. Толь-

ко Лукин, как ни в чем не бывало, возвратился на свое кресло, а франта мертво-пьяного подобрала полиция.

Анекдотов про Лукина было множество, но, при всем удалстве, он был добрейший человек. Лукин командовал кораблем во флоте Синявина и первый бросился на один из турецких кораблей, где и погиб геройскою смертью. Император Александр Благословенный облагодетельствовал семейство Лукина по просьбе известного своего лейб-кучера Ильи, который был прежде крепостной Лукина и тоже обладал феноменальной силой.

Лукин воспитывался в морском корпусе, откуда выпущен мичманом 1 мая 1789 года. Лукин был среднего роста, плотный, коренастый, при своей удивительной телесной силе, он был кроток и терпелив, даже, будучи рассержен, он никогда не давал воли своим рукам.

Сила его была поразительная, но трудно было заставить его что-либо сделать; только в веселый час, и то в кругу знакомых, он иногда показывал подвиги своей силы. Например, он легко ломал подковы, мог держать пудовые

ядра полчаса в распростертых руках, одним пальцем вдавливал гвоздь в корабельную стену. При такой необычной силе был еще ловок и проворен; и беда тому, с кем бы он вздумал вступить в рукопашный бой. Подвиги в этом роде, несомненно немного преувеличенные, прославили его в Англии; там с большим старанием искали с ним знакомства, впрочем, и в России редко кто не знал капитана Лукина. Знал ли вполне Лукин в первые годы своей молодости о той страшной силе, которою он обладал, неизвестно; но первый опыт этой силы грустно и тяжело отозвался в его доброй душе.

Вскоре по выпуске из корпуса Лукин поздно ночью шел по Адмиралтейской площади. В то время Адмиралтейская площадь от Зимнего дворца до Сената представляла громадное пустое пространство, еле освещенное ночью чуть мелькавшими масляными фонарями. Лукин шел в шубе, левая рука была в рукаве, а правая на свободе под шубой; вдруг на него сзади нападают два человека: один схватывает его за левую руку и тащит шубу, другой уже успел ее сдернуть с правого плеча; но

В этот момент Лукин правой рукою наотмашку дает удар в лицо человека, стащившего шубу, тот как сноп грянулся на землю; другой же, видя падение товарища, бросился бежать. Оправившись от такого неожиданного нападения, Лукин идет на адмиралтейскую гауптвахту и заявляет о случившемся караульному офицеру. Принесенный человек оказался адмиралтейским плотником; кулак Лукина буквально раздробил и своротил челюсть несчастного. Эта история тяжелым камнем легла у Лукина на душу.

Первый опыт силы, выказанный Лукиным в Англии, в которой он пробыл два года, случился при следующих обстоятельствах. Лукин обедал в трактире; после обеда вошел он в бильярдную посмотреть на игравших. Там он спросил себе стакан пунша; отпив немного, он поставил стакан на подоконник отворенного окна, а сам начал продолжать смотреть на игру. Через несколько времени он обращается к своему пуншу и находит стакан пустым. Это удивило Лукина; не говоря ни слова, он спросил себе другой стакан пунша, отпив от него, поставил и этот стакан на то

же место и, смотря на играющих, стал незаметно наблюдать и за стаканом. Не прошло нескольких минут, как к стакану подходит джентльмен и разом его осушает. Такая дерзость взволновала Лукина, но он умел себя удержать и спокойно, как будто ничего не бывало, приказывает слуге принести миску пунша, да побольше, взяв эту чашу, он подходит к выпившему его стаканы и говорит: «Вы, кажется, большой любитель пунша, не угодно ли вам выпить эту посудину. Покорно прошу». Джентльмен вошел в амбицию; все находившиеся в бильярдной, видя Лукина с чашей, подошли к нему. Лукин уже серьезно заметил: «Вы выпили два моих пунша; русские не скупы на угощение; если не выпьете теперь этой миски, то я вылью ее вам на голову». При этих словах в толпе послышался недружелюбный говор, а любитель чужого пунша ответил крупною дерзостью. Тогда Лукин, недолго думая, приподнимает миску и окатывает джентльмена пуншем с ног до головы. Вся бильярдная тут разразилась бранью, и все бывшие тут англичане с киями и кулаками подступили к Лукину. Он подошел

к окну и приготовился к обороне. Вдруг из окружавшей его толпы выходит человек огромного роста, плечистый, с сжатыми кулаками, готовый дать хороший бокс, но Лукин моментально предупреждает боксера, схватывает его поперек туловища, в воздухе только мелькают две ноги, и боксер уже за окном. К счастью, оно не было высоко. Спровадив боксера, Лукин проворно схватывает одну рукою за ножку стоявший близ него деревянный увесистый табурет и с этим оружием становится в оборонительное положение. Англичане, озадаченные такими подвигами, невольно отступили от Лукина и вступили с ним в переговоры. Когда же выяснилось дело, то Лукин единогласно был объявлен правым. На другой день все лондонские газеты рассказывали про силу Лукина. У Лукина была любимая собака Бомс, такая же сильная и скромная, как хозяин. Однажды, когда он возвращался с нею по довольно глухой местности, вдруг его останавливают два мошенника, один к груди Лукина приставляет пистолет, требуя хриплым голосом кошелек, другая же личность становится в отдалении. Лукин хо-

тя и был озадачен таким требованием, но не растерялся. «У меня денег нет, а есть часы!» – ответил он флегматически, запуская левую руку за борт своего сюртука и в тот же момент правой рукою схватывает руку и пистолет мошенника; а верный Бомс по знаку хозяина кидается на грудь другого товарища и сваливает его на землю. Мошенник с пистолетом неистово заревел, когда Лукин своею рукою стиснул его руку и пистолет вместе. После нескольких пожатий Лукин выпустил руку мошенника: она и пистолет оказались измятыми и крепко изуродованными. Отобрав от мошенника пистолет себе на память, Лукин покинул грабителей, дав им добрый совет быть осторожнее.

Однажды императрица Мария Федоровна, зная лично Лукина, пригласила его обедать в Павловск и за обедом пожелала видеть его силу. Лукин взял две серебряные тарелки в обе руки, свернул в дудочку самым легким образом и поднес государыне, сверчены обе тарелки были так искусно, что нельзя было сказать, что тут две тяжелые серебряные тарелки. При отправлении из Кронштадта синя-

винской эскадры Александр I посетил корабль «Рафаил», которым командовал Лукин, и заметил, что он очень грустен. На вопрос о причине, Лукин отвечал, что он чувствует, что не воротится более на родину (что и случилось: неприятельское ядро разорвало Лукина на две части в Афонском сражении); государь сказал ему несколько милостивых слов и пожелал от Лукина иметь что-нибудь на память о его силе. Тогда Лукин достал из кармана целковый, слепил из него, как будто из воску чашечку и подал государю.

Говоря выше о наших исторических силачах, как о Лукине, Чагине и др., мы не можем не упомянуть об обладавшем феноменальной силой поручике Телегине, служившем в былые годы на Кавказе, в Нижегородском драгунском полку. Офицер этот – лихой во всех отношениях – имел одну физическую особенность: при большой силе он обладал такою крепкою головою, что ею, как тараном, отворял любую запертую дверь. Таран этот он употреблял с особенным успехом против армян-духанщиков и против персиян, имевших привычку надоедать назойливым предложе-

нием фруктов и чуреков. Телегин, не любивший персиян за брата, убитого под Дербентом, подзывал разносчика и затем наносил ему в живот такой удар головою, что тот отлетал кувырком на несколько сажень и, распластавшись на земле кричал: «Аллах, Аллах». Телегин приезжал в Екатериноград, где товарищи, шутки ради, сами вызывали его на единоборство; составлялись пари, собьёт ли он с ног или не собьёт того или другого офицера. Это был своего рода спорт.

Глава IX

Загадочный миллионер граф В-ский. – История ожерелья Марии-Антуанетты и финал его в России. – Графиня де-Ламот. – Похищение ее бриллиантов. – Барон Жерамбо. – Граф Визанур

В первой четверти текущего столетия в Петербурге жило немало загадочных иностранцев; в ряду таких был известен миллионер граф В-кий, происхождением поляк, он находился в самых приятельских отношениях с выдающимися людьми всей Европы; его хоро-

шо принимали при многих дворах. Обхождение, манеры, образ жизни, все обнаруживало в нем человека, привыкшего к высшему обществу, а жил он в Петербурге, как настоящий герцог времен Людовика XIV. Обеды его считались самыми гастрономическими, вина тончайшие, щедрость его была изумительная, вкус во всем изящный, речь увлекательная и характер самый веселый и уживчивый.

Судя по его расходам, он считался богатейшим человеком в мире, вроде графа Монте-Кристо. В доме его играли в карты, и он играл превосходно во все игры, выигрывал большие суммы, но и проигрывал иногда приятно; его называли хладнокровный, невозмутимый игрок, что тогда считалось весьма хорошим качеством в светском человеке. Многие предполагали, что В-кий составил себе состояние игрою, но где и как – никто не знал. В те годы азартные игры процветали всюду; тогда правосудие думало, что публичная открытая игра не так опасна, как тайная.

Несколько раз искусные шулера составляли против В-кого союзы, чтобы обыграть его

наверняка, и каждый раз жестоко платились. С мошенником надо быть еще большим мошенником, говаривал В-кий и очищал шулеров до последней копейки; иногда он возвращал деньги некоторым, если они ему нравились, а чаще отдавал выигранное на бедных.

Неизвестно, был ли В-кий таков всегда, например, в молодости, но и зрелых летах он играл честно, чрезвычайно искусно и счастливо. Как клевета ни изощрялась на выдумки, но истины о нем она никогда не узнала, хотя несколько рассказов и доходило до общества. Так, были люди, которые видывали В-ского за границей и не в блестящем виде, впрочем, он и сам никогда не запирался, когда ему говорили правду, не объясняя, однако ж, подробностей и не распространяясь в рассказах. Например, его спрашивали:

– Правда ли, что князь Сапега встретил вас в крайней бедности в Галиции?

– Правда, – отвечал он, – я был без куска хлеба и без гроша денег, и князь сделал мне добро, которого я никогда не забуду.

– Как это было? – приставали к нему. На этот вопрос В-кий уже отвечал неохотно.

– Это для вас неинтересно, а для меня скучно. Действительно, в молодости он имел большую страсть к картам и доигрался в одном из карточных притонов до того, что должен был ради куска хлеба поступить в маркеры в трактир. В то время между богатыми и знатными поляками было немало эксцентриков, которые, несмотря на свое положение и состояние, искали повсюду приключений. Таким был и богатый князь Сапега, постоянно рыскавший по Европе и в течение своей жизни сделавший много тайного добра, с него, как думали, Евгений Сю и списал своего князя Рудольфа в «Парижских тайнах».

В Польше повсюду в городах метали банк и штос, и всюду там были шайки игроков, которые разъезжали по ярмаркам, как купцы с товарами. Из исторических игорных домов известны в старину были, как теперь Монако, «Серебряная зала» в Вильне, «Зала Нейман» в Варшаве, в которой была после главная квартира князя Баркляя-де-Толли, затем «Hotel de Nambourg» и многие другие.

В старинной Польше родители бедных дворян отправляли детей своих в свет для иска-

ния счастья, или, как говорили тогда, «на волокитство за фортуной». Перед отправлением имели еще обычай растянуть их на ковре в гостиной, т. е. в лучшей комнате своего дома, и всыпать сто ударов плетью ни за что ни про что, без всякой вины, единственно для внушения осторожности и притупления гордости.

Обычай польской знати и с нею шляхты посещать Петербург и искать там счастья начался со времен Екатерины II; государыня очень покровительствовала полякам, как и ее наследник, император Павел I, и почти все приезжавшие получали места, как при дворе, так и в военном и гражданском ведомствах. Граф А.С. Ржевуский рассказывает, что он, возвратясь домой из Петербурга, встретил на станции графа Северина-Потоцкого, ехавшего в Петербург. Это было в начале польской революции, в 1793 году. Они были приятели, и Ржевуский спросил, зачем он едет в Петербург. «В Польше у меня ничего не осталось, – отвечал Потоцкий, – а теперь единственная пора, что человек с именем может все приобрести при русском дворе. Еду за всем!» – при-

молвил он, смеясь. И, действительно, Северин-Потоцкий приобрел все в России – он был сенатором и попечителем Харьковского университета.

Императрица Екатерина II привлекла своими милостями многих поляков и посредством браков старалась соединить таких поляков с русскими, которые были особенно покровительствуемы императрицею. Граф Сологуб, князь Любомирский и князь Ленинский женились на трех дочерях Л.А. Нарышкина, граф Виелгорский на графине Матюшкиной, Д.Л. Нарышкин женился на княжне Марии Антоновне Четвертинской, граф В. Зубов на Потоцкой и т. п. Родителям предоставлено было на волю избрать вероисповедание для их детей, в той уверенности, что в третьем поколении дети от русских отцов и матерей примут православие, что и исполнилось почти без исключения – сын графа Сологуба был католик, а внук его (писатель) – православным, равно, как и князья Любомирские и т. д.

Граф В-кий жил в Петербурге, в доме графини Браницкой (теперь дом князя Юсупова, на Мойке), затем купил собственный дом на

Большой Морской, на углу Почтамтского переулка. Комнаты В-кого были меблированы с большим великолепием. По возвращении Крузенштерна из путешествия вокруг света привезенные на кораблях «Надежда» и «Нева» товары продавались с аукциона на Гороховой, в правлении российско-американской компании, и вся знать съезжалась туда ежедневно любоваться произведениями Китая и Японии. Граф В-кий купил лучшие вещи на несколько больших комнат, шелковые обои, китайские и японские вазы, фарфор, бронзу и т. д. которыми и убрал комнаты. Он имел богатое собрание картин лучших мастеров. Но что составляло истинное богатство этого миллионера – это коллекция драгоценных камней и редких ювелирных вещей, которые находились в витринах за стеклами в его кабинете. Коллекция его золотых эмалированных табакерок считалась первою в Европе. Между ними находились известные в целом свете двенадцать эмалированных табакерок с живописью знаменитого Петито. Табакерки эти некогда принадлежали французскому королю, и о них существовало много

рассказов. Несколько столовых сервизов В-кого изумляли тоже богатством и изяществом, – особенно золотой сервиз со вставленными драгоценными камнями. Между редкостями В-кого был известный целому свету его сапфир, изменявший свой цвет после захождения солнца и послуживший известной французской романистке г-же Жанлис предлогом написать повесть. В настоящее время такие камни, как описанный сапфир, теряющий свою окраску при искусственном освещении, не представляют редкости, сапфиры, переходящие при свечах в фиолетовый и розоватый цвет, ценятся в десять раз ниже тех, которые не теряют своей настоящей синей окраски. Таких камней и помимо сапфиров в настоящее время существует много, как напр., хризоберилы, дихроиты и т. д.

Все высшее петербургское общество навещало В-кого, – у него была тьма друзей, он обладал помимо всегдашней своей любезности еще двумя важными качествами, которые в свете имеют силу волшебных талисманов, – умел отлично угощать и кстати дарить. При таких светских добродетелях граф отличался

широкою благотворительностью, он сыпал деньги во все благотворительные учреждения. Виленскому университету он подарил свою редкую коллекцию минералов, которая теперь хранится в Киевском университете.

Говоря об источниках его богатства, мне кажется, нельзя ошибиться, если сказать, что он приобрел его торговлей драгоценными камнями, картинами и табакерками. Все петербургские ювелиры собирались у него ежедневно, как на биржу, по утрам и приносили вещи или брали их из его витрин. У него известный ювелир Я.Д. Дюваль вел даже переписку с Парижем, Лондоном и Амстердамом, и через тогдашнего банкира барона Раля им переводились за границу и получались оттуда огромные суммы денег. В делах В-кого все обнаруживало торговлю, повел он ее секретно, через других. В то время в обществе охотнее принимали ловких шулеров и разных темных авантюристов чем купцов. Граф В-кий имел внешность вельможи, он выезжал в нарядной польской или венгерской шорной закладке, в богатой собольей шубе, крытой зеленым бархатом, с звездою Станислава на по-

крышке, и в таком виде никто не мог бы заподозрить в нем продавца алмазов. Покупать бриллианты в те годы было очень выгодно, да и знатоков было очень немного. Я знал одного старика, продавца дорогих камней, которому удалось купить в одном аристократическом доме у наследника все фамильные бриллианты за какие-нибудь сто рублей, когда цена их колебалась в сумме свыше трехсот тысяч рублей. В том виде, в каком были куплены бриллианты, даже самый опытный глаз искусного ювелира не мог бы признать их за настоящие. Покупка случилась как раз в год смерти Александра Благословенного. При дворе был тогда траур, и придворные дамы, которые являлись ко двору, не надевали бриллиантов, но как избавиться от укоренившейся привычки? И вот одна владелица замечательных бриллиантов, чтобы не разлучаться с ними придумала следующую хитрость для того, чтобы отнять у них сильный блеск, она покрыла их густо лаком, иначе сказать прикрыла их траурным крепом, такие потускневшие бриллианты впоследствии и были проданы наследниками за простые стекла.

О старых выгодных покупках драгоценностей существуют целые легенды. Век романов, я думаю, и теперь не прекратился, человеческие страсти всегда были сильны. Старые петербургские ювелиры все знали, что знаменитое алмазное ожерелье Марии-Антуанетты, наделавшее столько шума в Европе своим скандальным процессом, было продано в Петербурге графу В-кому одним таинственным незнакомцем, впоследствии довольно известным лицом в Москве. Знаменитое алмазное ожерелье было сделано парижским ювелиром Бемером. Это великолепное украшение стоило 1 800 000 ливров. Царское украшение состояло из многих рядов и один из них в 17 великолепных бриллиантов в орех величиною.

В 1784 году придворные ювелиры представили королеве Марии-Антуанетте это бриллиантовое ожерелье редкой красоты. Людовик XVI отказался от покупки, – цена была слишком высока, и сказал, что на эти деньги можно построить целый корабль. В это время был придворным епископом кардинал де-Роган, некогда посланник в Вене, не одобряв-

ший брака с Марией-Антуанеттой, чего впоследствии не прощала ему королева. Де-Роган хотел быть первым министром, а вместе с тем он был страстно влюблен в королеву. Это обстоятельство хорошо знала графиня де-Ламот, женщина с довольно подозрительной репутацией. Она вкралась в доверие кардинала и убедила его в мнимой своей близости к королеве. К Рогану также явился на подмогу знаменитый алхимик Калиостро, у которого кардинал просил сверхъестественного содействия в его страсти к королеве. При помощи Калиостро де-Ламот уверила де-Рогана, что ожерелье будет желанным подарком для королевы, за которым последует взаимность. Была приискана девица Олива, очень похожая станом на королеву, и вечером в Версальском саду Роган был обманут: мнимая королева оказала ему внимание.

Ювелирам графиня де-Ламот сказала, что королева покупает ожерелье тайно от короля, но с рассрочкою платежа, графиня взялась доставить ожерелье королеве, но вместо того украла его. Ювелиры, не получая денег, бросились в Версаль. Королева пожаловалась ко-

ролю. Кардинала в полном облачении перед обеднею арестовали и привели в кабинет к королю, а оттуда его уже прямо отвезли в Бастилию, арестовали и графиню де-Ламот, которая от всего отказалась, свалив вину на волшебника Калиостро, последний тоже был схвачен.

Процесс вышел очень скандальным, судьи не столько обвиняли преступников, сколько делали для власти оскорбительные намеки. Разбирательство длилось долго, возникла даже целая литература по делу ожерелья. Парламент оправдал Рогана и подставную девицу Оливу.

Калиостро был подвергнут изгнанию, графиня де-Ламот подверглась публичному наказанию плетью и клеймению, а так как она вырывалась у палачей, кусала их зубами, вертелась, почему клеймо у плеча вышло неясно, то оно было повторено, посаженная потом в тюрьму, она успела бежать и, как свидетельствуют иностранные источники, умерла в Англии, но на самом деле она бежала в Россию, сперва жила в Петербурге, где сошлась с последовательницами известной г-

жи Крюднер и затем проживала на южном берегу Крыма. В шестидесятых годах пишущий эти строки хорошо знал одну старушку швейцарку, мадам А-ге, которая некоторое время была у де-Ламот компаньонкой; де-Ламот жила здесь под именем графини де-Гаше, это была довольно красивая, худая старушка, ходившая в сером полумужском платье, на голове она носила черный бархатный берет с перьями.

Баронесса М.А. Бодэ в своих воспоминаниях говорит, что она имела лицо умное и приятное, с живыми блестящими глазами; она говорила бойко и увлекательно изящным французским языком, о ее странностях и намеках, о ее таинственных приключениях ходило много рассказов, она это знала и молчала, не отрицая и не подтверждая догадок; иногда она даже любила возбуждать их, будто ненарочную обмолвкой с людьми образованными, а легковверных и простых местных жителей нарочно сама запутывала таинственными намеками.

О короле Людовике XVI и графе Калиостро и о разных личностях той эпохи она говори-

ла, как о лицах своего знакомого кружка. Графиня де-Ламот умерла в Крыму, оставив своим душеприказчиком барона Боде. Служившая ей старая армянка, как говорит дочь барона Боде, передавала еще, что она, как только почувствовала себя дурно, провела всю ночь, разбирая и бросая в огонь свои бумаги, запретила трогать свое тело и велела похоронить себя в чем была, говорила, что ее тело потребуют и увезут, что много будет споров и раздоров при ее погребении.

Эти предсказания однако, не сбылись, ее хоронили православный и армянский священники за неимением католического. Служившая ей армянка мало могла удовлетворить общему любопытству, покойница редко допускала ее к себе и употребляла ее лишь для черной работы, только обмывая ее после смерти, армянка заметила на плече ее два пятна, очевидно, выжженные железом.

Вигель в своих воспоминаниях говорит о ней, что она никогда не снимала лосиной фуфайки. Это также передавала мне некогда служившая у ней швейцарка, мадам Л-ге; последняя добавляла, что графиня нередко пе-

ред смертью прихварывала и часто бредила бриллиантами, и по ночам рассматривала драгоценности, которые она хранила в железном ларце, и что этот ларец, как она сама видела, взял перед ее смертью сосед ее. М-те Лге не отвергала и того, что прибывшим после ее смерти офицером из Петербурга были запечатаны все ее вещи, последних, впрочем, оказалось очень немного, один большой сундук набит был разным мужским платьем.

Похищение бриллиантов соседом не составляло большой тайны для многих крымских старожилков, они рассказывали это не стесняясь. Баронесса Боде в своих воспоминаниях передает, что едва успел дойти в Петербург слух о смерти графини, как приехал курьер с требованием ее запертого ларчика, который будто бы и был немедленно отправлен в столицу.

Она слышала, что за этой женщиной власти наблюдали давно, полиции хорошо было известно, что она графиня Ламот-Валуа, укрывшаяся в Россию под именем графини де-Гаше; последнее имя она получила от эмигранта, за которого вышла замуж где-то в Ан-

Глии.

Та же баронесса передает, что император Александр I случайно услышал от известной англичанки Бирч, во время разговора последней с императрицей, о графине де-Гаше; при этом имени он невольно воскликнул: «Она здесь?! А сколько раз меня о ней спрашивали, и я всегда отвечал, что ее нет в России. Где она?». М-м Бирч пришлось повторить императору все, что она знает про эту эмигрантку – «Привезите ее завтра сюда». Бирч отправилась к ней с этим известием. «Что вы сделали, вы меня погубили, – с отчаянием говорила графиня, – я погибла». После свидания с государем графиня возвратилась успокоенная и очарованная его благосклонностью. «Он обещал мне тайную защиту», – говорила она. После этого графиня переехала из Петербурга в Крым. Графиня де-Ламот похоронена на кладбище Старо-Крымской церкви.

Надо думать, что о целостности знаменитого ожерелья у де-Ламот знал и приезжавший в Россию при императоре Павле I аббат Жоржель, автор известного труда «Дело о колье. Париж. 1875». Собственно, это не книга, но пе-

реплетенное собрание тех судебных документов, которые были напечатаны и изданы разными сторонами в этом знаменитом процессе об ожерелье. Эти бумаги, переплетенные в два тома in quarto, с портретами, картинами, с заметками, пасквильными песнями и тому подобное, иногда самого нецензурного свойства. Это один из обширнейших сборников лжи, какие только существуют в печати.

В первых годах текущего столетия приезжал в Москву довольно загадочный человек, выдававший себя за барона Жерамба. Он носил всегда черный гусарский мундир и на груди серебряную мертвую голову. Он уверял, что этот мундир и мертвая голова были присвоены полку, который он сформировал в Австрии во время войны. Барон был очень ловкий, остроумный и любезный человек, принятый в лучшие дома. Он, кажется, был известен в обществе и литературными произведениями. Так, во время пребывания своего в Москве он обратил сердечное внимание свое на одну девицу и, не смея в том признаться, написал в альбоме ее брата: «Prince, je vous adorerais, si vous etiez votre soeur».[4] Он разъ-

езжал по Москве в щегольской карете цугом, играл широко в карты и проигрывал довольно значительные суммы. Наконец, денежные средства его, по-видимому, истощились. В подобной крайности, как рассказывает кн. Вяземский, он обратился к известной княгине Дашковой с письмом такого содержания: он видел Родосский колосс, египетские пирамиды и подобные тому чудеса и не умрет спокойно, если не удостоится увидеть княгини Дашковой.

Старушка была тронута этим лестным приветом и пригласила его к себе. В первое же свое посещение он попросил у княгини дать ему займы 25 т. руб. Княгиня, разумеется, их не дала, и знакомство их на этом и кончилось.

Известно, что Дашкова отличалась большою скупостью, и если давала деньги, то едва ли иначе, как за проценты, у меня имеется заемная расписка орловской помещицы Кокуриной, по которой была взята крупная сумма денег на проценты от княгини, чрез посредство графа Сантиса, бывшего поверенным в денежных делах Дашковой.

Жерамба кончил жизнь монахом. Когда русские войска вступили в Париж, многие офицеры, знавшие Жерамба в Москве, нашли его трапистом, под именем отца Жерамба.

До нашествия Наполеона на Москву проживала там весьма загадочная личность, некто граф Визапур, происхождением араб, черный, как смоль, с характерными чертами негра. Он был очень образованный человек, прекрасно объяснялся по-французски, писал недурно стихи и был принят в высшем обществе, к которому, видимо, и сам принадлежал по воспитанию. Он долго искал себе невесту, пока одна из дочерей одного помещика, бывшего богатого купца-сахароторговца З. не вышла за него. Этот брак для молодой девушки считали неравным, и кто-то сложил по этому случаю стишки:

*Нашлась такая дура,
Что, не спросясь Амура,
Пошла за Визапуром.*

От этого брака рождались дети двух цветов – черные и белые, последних тогда называли в Москве «сахарными».

Граф Визапур, благодаря достатку своей жены, широко угощал высокопоставленных москвичей и кормил редкими в те годы хорошими устрицами. Визапур рассылал устрицы даже незнакомым лицам. Князь Долгоруков, известный поэт, бывший владимирский губернатор, рассказывал, что «этого черного человека, по происхождению араба, я никогда не видал в лицо, и он мне совершенно был незнаком, но вдруг получил от него с эстафетой большой пакет и кулечек; я не знал, что подумать о такой странности, в пакете я нашел коротенькое письмо на свое имя, в четырех французских стихах, и двенадцать самых лучших устриц, и с тех пор по странной случайности:

*Которых где при мне за стол ни
подадут,
А в памяти моей граф Визапур,
как тут.*

В записках С.П.Жихарева находим упоминание об этом Визапуре следующее: «в церкви у Димитрия Солунского, черномазый Визапур, не знаю – граф или князь, намедни пришел в такой восторг от певчих, что осмелился

аплодировать; полицмейстер Алексеев приказал ему выйти».

Визапур до прихода Наполеона куда-то скрылся из Москвы, но существует известие, он вскоре был пойман в окрестностях столицы нашими казаками, у него найдены были подозрительные письма и зашифрованные депеши, за что он и был расстрелян в поле.

Глава X

*Исторические самодуры Д.И. Т-н и В.В. На-
в. – Губернатор Т-н, сибирский Аракчеев. –
Похождения его жены. – Богатство Т-на. –
Канцлер князь Куракин и его пышная жизнь. –
Брат канцлера в своем орловском имении*

В числе исторических замечательных самодуров в екатерининское время известны были два сибирских губернатора – Д.И.Ч-н и В.В. На-н. Первый из них у сибиряков был известен под именем «батюшки», второй – «шалуна». Д.И.Ч-н был роста среднего, красив лицом, ловок и телосложения крепкого, вспыльчив он был до бесконечности. По крутости характера, легко выходил за пределы, но при са-

моуправстве, которое делало его страшным в народной молве страны, он скоро смягчался, в разговоре любезничал, любил веселое препровождение времени, давал балы, вечера.

Обычные народные праздники, как, например, масленицу, Ч-н праздновал так: в избранный день у губернаторского крыльца стояли нарядные огромные сани, устланные коврами, с беседками-балдахинами, мягко и богато убранными. Ч-н с дамами и свитой садится в сани и отправляется в сопровождении гайдуков и драгун, а впереди другие, также огромные сани, с музыкантами.

У известных домов поезд останавливается, музыканты бегут в прихожую, хозяин и хозяйка ждут гостей у дверей. Первый гость подает руку хозяйке и, под музыку приплясывая, проходит комнаты, при общем подражании всех гостей, и тотчас выходит, уводя с собою хозяйку и хозяина. Таким же образом заезжают в прочие дома и увеличивают поезд. Потом катаются по городу и около гор с шумною музыкою и оканчивают веселый день в доме гостеприимного губернатора.

Ч-н жил очень пышно: дворня – с гайдука-

ми, скороходами, гусарами, арабами и проч. Таких прислужников у него считалось более трехсот человек. В высокаторжественные дни, сопутствуемый военными и гражданскими чиновниками, он ходил с азиатскою пышностью в собор, сам облечен был в мантию ордена св. Александра Невского, со скороходами и пажами впереди, а в заключение кортежа следовали гайдуки.

Ежедневно за столом он угощал более пятидесяти человек, а в праздничные дни давал большие обеды. В делах он был трудолюбив и не оставлял дел даже и тогда, когда у него танцевали гости, сам он являлся только к ужину. Страдая постоянно бессонницей, он по месяцам превращал ночь в день, издавая приказы, чтобы работали чиновники только ночью, а днем спали. В дни своего величавого губернаторства он раз задумал у себя создать целый сенат, вроде римского, и сенаторами произвел всех учителей семинарии, которые и были наряжены в римские тоги.

Когда он приезжал в сенат, ему говорилось латинское приветствие, на которое он отвечал по латыни же. В дни его губернаторства

утренняя и вечерняя заря, в летние месяцы, по отбитии барабана, сопровождались особенным церемониалом: перед губернаторским домом становилась музыкальная и певческая капеллы, и когда все затихало, после отбоя барабана, разносились над городом усладительные мелодии из кларнетов и скрипок, оживляемое тенором или альтом пение божественного стиха: «О всепетая Мати, рождающая всех святых Светлейшее Слово, нынешнее приемши приношение, от всякой напасти избави всех и будущия нам муки Тебе вопиющих: аллилуйя!»

Ч-н, несмотря на любовь к нему государыни, вскоре впал у нее в немилость и получил выговор за лишнюю, во время голода, в Сибири закупку провианта, – он израсходовал 1800000 р. сверх определенных ему ста тысяч рублей медною монетою из Екатеринбурга.

При дворе у него было много врагов и завистников, которые воспользовались случаем представить поступок его действием неограниченного властолюбия. Он подал в отставку, которую вскоре и получил.

По получении отставки жил он в орлов-

ской деревне, в с Ильинском, где вначале не бросал своей прежней пышной жизни, но, наконец, деревня становилась ему скучна, он сделался угрюмым, задумчивым, начал чуждаться людей, заперся в свой кабинет, никого не видал и умер в 1785 году, отвергая пищу и все услуги своей дворни.

Второй из этих администраторов-самодуров Вас. Вас. Н-н представляется личностью тоже очень сумасбродной, но еще не вполне разгаданной. Он был – широкая русская натура, хорошо знакомая с возникшим тогда учением энциклопедистов, судя по некоторым его поступкам, он обнаруживал демократические и социальные убеждения, для того чтобы приобрести популярность в среде русского и бурятского населения, имея, впрочем, целью достигнуть отделения Забайкалья от российской короны. Действия его, пожалуй, можно объяснить и примерами общего произвола и ненормальностью тогдашнего строя жизни.

В.В.Н-н был крестник императрицы Екатерины II. По приезде из Петербурга в Нерчинский завод, Н-н одиннадцать месяцев не выходил из дома, окна его квартиры были за-

крыты ставнями. Он ревностно занялся делами, заботился о крестьянах, о хлебопашестве, о школе и т. д. Но, выйдя на Пасхе в церковь, он заставил сначала служить обедню, а потом утреню. В следующие дни в церковь его вводили под руки две толстые барыни, а он по дороге приплясывал и пел песни; чиновники, шедшие позади, тоже подпевали и притопывали.

После этого Н-н продолжал нередко поучать народ изустно и письменно, объясняя обязанности к Богу, государю и ближним; кроме того, делал крестьянам умные и практические наставления по домохозяйству. Затем учредил праздник – «открытие новой благодати», и приказывая всем каяться во грехах, остановил заводские работы и стал задавать народу обеды, приготовляемые на несколько сот человек.

На этих празднествах разжаловывал чиновников, а арестантов производил в чины, садил с собою обедать и заставлял первых прислуживать последним. В служебном штате у Н-на состояло несколько человек из секретных арестантов, вероятно людей с образо-

ванием. Из них двое при нем были секретарями; кроме того, Н-н приблизил к себе двух князей Гангимуровых, замешанных перед тем в истории самозванца Петра III.

Во время церемониальных празднеств, которые устраивал Н-н, происходила пальба из пушек и разбрасывались народу казенные деньги, а когда денег в казне уже не оказалось, то он потребовал у купца Сибирякова и, окружив дом его пушками, угрожал в случае отказа бомбардировкой. Испуганный Сибиряков вынужден был вынести ему на серебряном блюде несколько тысяч рублей.

Н-н катался по городу в экипаже, запряженном провинившимися перед ним чиновниками. Под конец своего губернаторства Н-н предпринял военный поход против иркутского губернатора Немцова – из соперничества во власти. Поход этот вышел каким-то опереточным, веселым шествием толпы бурят и местных жителей с даурским красных гусар полком, который он сформировал из бурят, с песнями и музыкой; в процессии везли пушки и колокола. По дороге в деревнях звонили и стреляли, а чтобы увлечь еще более народа,

поили всех вином и разбрасывали в толпу казенные деньги. В степи, на отдыхах, кипели огромные котлы, в которые сваливали цибиками чай и сахар; вино выставялось бочками. Все это забиралось с встречных обозов. Н-н совершил таким образом шумный тысячеверстный поход до Верхнеудинска, и только воевода этого города Тевяшев успел положить предел завоеваний этого «шалуна», как наименовала императрица Екатерина II этого сумасброда.

В первых годах текущего столетия в Сибири служил губернатором Т-н, прозванный у жителей вторым Аракчеевым. Родом Т-н происходил из смоленских священнических детей. Это был величайший оригинал, он не был зол и жесток, но, как власть, был очень строг; вся полиция при нем была доведена до совершенства, и зато во всей И-й губернии не было ни грабежей, ни воровства; рассказывали, что всякий проезжий, забывший в доме крестьянина какую-нибудь вещь, непременно был догоняем и получал забытое. Дороги и мосты были превосходны, деревни чисты, крестьяне были зажиточны, скота и лошадей

много. О преступлениях в городе не было слышно. Что такое был Т-н в этом городе – теперь трудно иметь понятие. Т-н и законы были синонимы.

По праздникам Т-н позволял дамам целовать свою руку; из мужчин допускались к руке только старшие чины и купцы первой гильдии. Все дамы целовали ручки у его супруги и у дочерей.

Рассказов о деспотической власти его множество.

Жалобы не доходили до Петербурга, а если редкая и прорывалась, то для того, чтобы не повторяться. Т-н был замечательно деятелен, работал он с раннего утра и до глубокой ночи, вникал во все мелочи. Город при нем превратился в военное поселение. Не знали, когда спит Т-н: его можно было встретить во всякое время дня и ночи, и встретить скорее всего там, где не ожидаете. Он, как сказочный халиф Гарун-аль-Рашид, гулял в простом платье, заходил в частные дома, замечал все: плохи ли были калачи на базаре, плох ли гороховый кисель, бывший в постах в большом употреблении в Сибири. Зайдет, бывало, в

частный дом и видит – муж с утра ушел на работу, а жена сидит и попивает чаек. «А что ты, матушка, приготовила мужу поесть?» – и в печь, а в печи ничего нет, – тотчас расправа. Он ходил всегда один, но полицейские зорко следили издали и тотчас являлись, куда нужно.

Наружное безобразие города сильно возмущало Т-на и он его в три года переломал и перестроил. Это была настоящая архитектурная революция, но он сломил ее. Управляя при военном губернаторе Пестеле обширнейшей в мире провинцией, он не имел понятия о том, что такое статистика и вообще терпеть не мог ученых, считая науки занятием пустым и бесполезным. Он держал в своих руках местного архиерея, приказывал ему являться на свои вечера; даже проповеди в торжественные дни последний говорил не иначе как с распоряжения или по приказанию его, отдаваемым чрез полицмейстера.

Он держал себя со всеми как восточный властитель, заставляя даже вице-губернатора подавать ему шубу. Ежедневные официальные приемы у него происходили в девять ча-

сов утра; большая его прихожая всегда была полна служебного люда – казаки, полицейские офицеры, дежурные чиновники. Тишина полная, у глухой стены на раз назначенных местах стояли чиновники с бумагами, ни один чиновник не смел пошевелить даже ногой или кашлянуть. Более часа чиновники, как каменные, ожидали его выхода, не сводя глаз с маленькой двери, где должен был появиться Т-н. Появление его было очень характерное; являлся он, как мраморная белая статуя Командора. На нем был как снег белый колпак, из-под колпака длинные белые волосы, рубашка со стоячим воротником, без галстука, как снег белый халат, подпоясанный белым кушаком, из-под халата внизу видно нижнее белье, чулки и мягкие туфли без задков. Он не шел, а двигался, скользя туфлями.

Взятки лично он не брал, брала, по сибирскому выражению, его супруга Трещикха. Она задалась задачей собрать для своих детей, которых было восемь, на каждого по пуду ассигнаций. Жена его имела огромное влияние на дела, она всегда была окружена молодыми, красивыми чиновниками, которых называла

своими детками.

Она раздавала должности и брала взятки по важным делам. Губернатор, говорили, не берет, а Трещихе надо поклониться.

Прием у ней был следующий: купи у нее мех соболий. Принесут мех, сторгуются тысяч на пять: и мех возьмут назад, и деньги. Другому и третьему тоже. Один этот мех раз пятьдесят продавали. В большие праздники, в именины и т. д. Трещиха запросто угощала у себя купцов, съезжавшихся по этим дням исправников и бурятских тайшей, играла с ними в карты и, понятно, выигрывала, не говоря уже о подносившихся ей подарках и всевозможных припасах, доставлявшихся в этот день в дом губернатора.

У нее был любимец откупщик Кузнецов, тоже замечательная личность, ловко обделывавшая свои кабацкие дела. Впоследствии он открыл богатейшие золотые прииски, сделался миллионером, статским советником и украсился орденами. Дочерей своих он отдал за титулованных особ. Мотовство его было безгранично: он однажды за один визит заплатил доктору 50 000 рублей, а в другой раз

25 000 рублей.

При Т-не в Сибири взяточничество доходило до высшей степени; подарки разного рода от разных обществ и частных лиц ему уже некуда было девать – и жена его открыла в гостинном дворе лавку, где последние и продавались. Он ежегодно отправлял обозы всякого добра в Москву на сохранение к своему брату; все присланное им до 1812 года сторело при нашествии французов, но и после этого он продолжал присылку обозов.

После своей смены он, поселившись в Москве, притворился бедняком, водил дочерей в заячьих салопах и, по бедности, просил даже у государя пособия; он входил с прошением, прося известного сановника Нарышкина. Кто тогда не знал о миллионах Т-на... Существует предание, что он вывез из Сибири пуды ассигнаций в замороженных осетрах; говорят, что после его смерти в одном из его диванов нашли в подушке более 500 тысяч рублей депозитками; предполагали, что об них забыл покойный.

С опалой Т-на, по сибирским преданиям, в чиновничьем мире началась паника, вроде

той, какую описывают древние летописцы перед падением царств. Не появлялось только невидимой руки, которая написала бы на стене его кабинета огненные слова: «мани-факел-фа-рес», по видения вроде этого были.

Так, ему докладывали, что «некошной» (черт) в губернаторском доме давил часового; в полночь отворялись двери, под полом бречали кандалы, часовой от казначейства видел в губернаторском доме носимую большую свечу с огнем, а другой, стоявший на противной стороне, был осыпан камнями и видел человека в белой рубахе.

Пошли несчастья воочию, – советник Кузнецов стал мешаться в уме, бегал по улицам и хотел топиться в Ангаре; другой секретарь его – Белявский тоже впал в острое помешательство, стал неистовствовать и буянить. Несчастья, казалось, опережали одно другое, пришла из Петербурга весть, что сын губернатора, еще молодой человек, в азарте и неприличной компании убил бутылкой актрису и находился под судом.

К довершению всего, пришло крайне печальное известие из Верхнеудинска о смерти

самой губернаторши. Во время путешествия за Байкалом с двумя любимцами ее понесли лошади и убили до смерти. Узнав об этом, Т-н рвал на себе волосы и горько плакал, замечательно, что все эти горестные события делались известными губернатору по четвергам и почти в один час, невежество и суеверие, видимо, и здесь играли видную роль, сибирское общество не верило, чтобы кто-нибудь мог поколебать могущество этого человека, который придерживался строго одного только правила: кто не за нас – тот против нас, и преследовал всех ему непокорных. Советника Корсакова за непокорность он выслал из И-й губернии и предписал, от имени военного генерал-губернатора, всем губернаторам не позволять ему ни где жить дольше трех дней и в то же время не выпускать за пределы Сибири. Корсаков целых четыре года кружил по Сибири, как легендарный Вечный Жид.

Сперанский сменил Т-на и главных его пособников, насчитал на них взысканий на 2 847 000 руб. Под суд было отдано более 600 человек. Т-н был лишен чинов.

Выдающимся хлебосольством и гостепри-

имством отличались многие из наших вельмож и помещиков старого времени. Из таких больших хлебосолов был представитель сластолюбивого XVIII века великолепный, покрытый бриллиантами и окруженный всегда множеством всякой прислуги, канцлер Александр Борисович Куракин, правнук знаменитого дипломата и свояк Петра Великого.

При Екатерине II этот вельможа был сослан в ссылку в свое саратовское имение. Причиной ссылки князя была обнаруженная во время путешествия секретная переписка его с флигель-адъютантом П. А. Бибиковым.

Когда проживал князь в своем Надеждине, все кипело жизнью шумной и полной всякого довольства, учтивая, внимательная барская дворня прежнего времени по уши была занята услугами: большой наплыв посетителей всегда был приятен князю, часто многие из бедных дворян жили здесь по несколько месяцев, не смея, из скромности, представляться князю; они все-таки пользовались всеми удобствами широкой барской жизни. Во дворе для выездов были всегда готовы экипажи и верховые лошади, а на прудах ждали желаю-

щих шлюпки с молодцами-гребцами.

Каждому из приезжих гостей подавалась следующая печатная инструкция. «Обряд и правила для здешнего образа жизни в селе Надеждине». Первое правило гласило: «хозяин, удалясь от сует и пышностей мирских, желает и надеется обрести здесь уединение совершенное, а от оногo проистекающее счастливое и ничем непоколебимое спокойствие духа»; второе – «хозяин почитает хлебо-сольство и гостеприимство основанием взаимственного удовольствия в общежитии. Следственно, видит в оных приятные для себя должности»; третье – «всякое, здесь деланное посещение хозяину будет им принято с удовольствием и признанием совершенным», четвертое – «хозяин, наблюдая предмет и пользу своего сюда приезда, определяет в каждый день разделять свое время с жалующими к нему гостями от часу пополудни до обеда, время обеда и все время после обеда до 7-ми часов вечера»; пятое – «хозяин по вышеуказанному наблюдению определяет утро каждого дня от 7-ми часов до полудни – для разных собственных его хозяйственных объ-

ездов, осмотров и упражнений, а вечер каждого дня, от 7-ми до 10-ти часов, определяет он для уединенного своего чтения или письма», шестое – «хозяин просит тех, кои могут пожаловать к нему на один, или на два дня, или на многие дни, чтобы, быв в его доме, почитали себя сами хозяевами, никак не помня о нем единственно в сем качестве, приказывали его людям все подобные для них услуги и, одним словом, распоряжались бы своим временем и своими упражнениями от самого утра, как каждый привык и как каждому угодно, отнюдь не снравливая в провождении времени самого хозяина, который чрез то с новою к ним благодарностью получит всю свободу им принятое безостановочно и с продолжительным тщанием выполнять; седьмое „хозяин никогда не ужинает, но всякий день, в девять часов вечера, будет у него ужин готов для всех, прибывших к оному, и он, прося дозволения от оного всегда отлучаться, просит также своих случающихся гостей, несмотря на его отсутствие, за оный садиться и за оным самим хозяйничать“.

С восшествием на престол Павла Петрови-

ча князь был отозван в Петербург, и на него тотчас посыпались нескончаемые царские милости. В течение одного месяца Куракин получил чин тайного и действительного тайного советника, звание канцлера, орден св. Александра Невского и св. Андрея Первозванного, 5 т. душ, 20 т. десятин земли в Тамбовской губернии и рыбные ловли на Волге.

При императоре Александре I на его долю также немало выпало почетных должностей. Так, в 1808 г он был назначен русским послом в Париже, где и пробыл до 1812 г.

Там в 1810 г. его постигло большое несчастье, он едва не погиб во время пожара на празднике, данном австрийским послом князем Шварценбергом, по случаю бракосочетания Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой. Он очень обгорел, у него совсем не осталось волос, голова повреждена была во многих местах, и особенно пострадали уши, ресницы сторели, ноги и руки были раздуты и покрыты ранами, на одной руке ожог оказался настолько силен, что кожа слезла, как перчатка. Спасением своим он отчасти был обязан своему мундиру, который весь был за-

лит золотом; последнее до того нагрелось, что вытащившие его из огня долго не могли поднять его, обжигаясь от одного прикосновения к его одежде. Независимо от здоровья, Куракин лишился еще во время суматохи бриллиантов на сумму более 70 000 франков, до которых он был очень большой охотник.

Существует редкая гравюра, изображающая князя Куракина и больном виде после этого пожара. Князь Куракин был вытасчен в обмороке из толпы доктором Кффеф при содействии французских офицеров. Платье на нем тлелось, и его тушили водою из лужи, между тем как другие отрезывали бриллиантовые пуговицы его одежды. На этом балу погибло до двадцати жертв, в числе которых и жена князя Шварценберга. Потеря драгоценностей исчислялась в несколько миллионов.

Выздоровление Куракина долгое время считалось сомнительным, хотя лучшие парижские врачи окружали его, в том числе доктор Наполеона. Получив немного облегчение, он велел перенести себя в бархатных креслах, халате и в соломенной шляпе в загородный свой дом, находившийся в окрестно-

стях Парижа. Служители его шли впереди по два человека в ряд, свита следовала за ним, многочисленная толпа народа толпилась вокруг него. Прибыв в Нельи, князь Куракин произнес приветственную речь жителям, вышедшим к нему навстречу.

Под конец своей жизни князь Куракин, состоя членом Государственного Совета, жил в Петербурге, где он часто давал пышные обеды и блистательные балы в обширном своем доме на Большой Морской. Палаццо Куракина по вечерам горело огнями, огромный оркестр гремел полонезы, толпа ливрейных слуг и официантов кишела в комнатах, скороходы, расставленные на крыльце, встречали и провожали гостей.

На балах у Куракина разыгрывались бездежно, в пользу прекрасного пола, лотереи из дорогих вещей. В кругу лучшего петербургского общества и всего дипломатического корпуса гостеприимный хозяин не раз имел счастье принимать у себя царскую фамилию. Князь Куракин носил всегда глазетовый или бархатный французский кафтан, на котором, как и на камзоле, все пуговицы были брилли-

антовые, звезды, как и кресты на шее, – из крупных солитеров. На правое плечо он надевал эполет бриллиантовый или жемчужный, пряжки и шпагу имел алмазные, даже петлю на шляпе – из бриллиантов, кружева носил на груди и рукавах.

Куракин был большой педант в одежде: каждое утро, когда он просыпался, камердинер подавал ему книгу вроде альбома, где находились образчики материй, из которых были сшиты его великолепные костюмы, и образцы платья, при каждом платье были особенная шпага, пряжки, перстень, табакерка и т. д.

Однажды, играя в карты у императрицы, князь внезапно почувствовал дурноту, открыв табакерку, он увидел, что перстень, бывший у него на пальце, совсем не подходит к табакерке, а табакерка не соответствует остальному костюму. Волнение его было настолько сильно, что он с крупными картами проиграл игру, но, к счастью, никто, кроме него, не заметил ужасной небрежности камердинера.

В александровское время, когда сам импе-

ратор ездил в одну лошадь и когда исчезли богатые экипажи и обложенные галунами ли-вреи, в Петербурге только один Куракин со-хранял прежний екатерининский обычай и ездил в вызолоченной карете о восьми стек-лах, цугом, с одним форейторм, двумя лакея-ми и скороходом на запятках, двумя верховы-ми впереди и двумя скороходами, бежавши-ми за каретой.

Князь Куракин во всю свою жизнь не оскорбил никого, отличительная его черта была – за всякую безделицу быть благодар-ным.

С благоговением он хранил у себя стол, за которым провел лучшее время своей жизни, обучаясь вместе с Павлом Петровичем.

Куракин умер в 1818 году, в Веймаре; тело его перевезено и погребено в Павловске. Им-ператрица Мария Федоровна воздвигла ему памятник с надписью: «другу супруга моего», а брат его, Алексей Борисович, бывший тогда министром внутренних дел подле церкви, где был похоронен князь, выстроил дом для ин-валидов.

Этот Куракин жил тоже пышно, но отли-

чался необыкновенной гордостью. В его имении, Орловской губернии Малоархангельского уезда, был целый штат придворных – полная пародия на двор; даже были и чины полиции – на кладбище сельской церкви села Куракина посейчас еще целы могилы куракинских крепостных полицмейстеров и камергеров.

При дворе князя соблюдался самый строгий этикет и нередко даже родная его дочь дожидалась выхода князя по пяти и более дней. Дочь его была замужем за графом Зотовым, она выведена в романе «Война и мир». Роскошный деревенский дом князя Куракина был в пятьдесят комнат, с залами в два света, галереей в помпейском стиле и со всеми затеями былого барства.

В конце шестидесятых годов эта диковинка конца XVIII века была в неделю сломана каким-то молодым управляющим, одного железа было продано из него более чем десяток тысяч пудов, и место, где он стоял, было распахано на конопляник. Золотые кареты и разные портшезы были тоже уничтожены тем же управляющим как ненужные вещи,

занимающие только место в сараях. Этому погрому был очевидцем пишущий эти строки.

Глава XI

Странности фамилии Луниных. – Проказы Дм. Кологривова. – Оригиналы кн. Ц-ов и братья С. – Правнук Меншикова и его остро-ты и анекдоты

В старину был известен в Москве и Петербурге остряк П.М. Лунин, замечательно падкий на разные ордена, которыми, впрочем, он самовластно себя жаловал. После многолетнего пребывания за границей возвращается он в Москву. Генерал-губернатор, старый его приятель Д.В.Голицын, приглашает его на большой и несколько официальный обед. Перед обедом кто-то замечает хозяину дома, что у Лунина какая-то странная орденская буто-ньерка на платье. Князь Голицын, очень бли-зорукий, подходит к нему и, приставя лорнет-ку к глазу, видит, что на этой пряжке – звезды всех российских орденов, не исключая и геор-гиевской. «Чем это ты себя, любезнейший, разукрасил?» – спросил его князь с улыбкой. –

«Ах, это дурак-Николашка, камердинер мой, все это мне пришилил». – «Хорошо, – сказал князь, – но все же лучше снять». Разумеется, так и было сделано.

Вся фамилия Луниных отличалась большими странностями, даже женщины из этого рода были большие чудачки. Так одна из близких родственниц вышеназванного Лунина во время нашествия Наполеона на Москву осталась в столице, и, во все время его пребывания там, ничего не боялась и разъезжала то и дело по городу цугом. Она была пожилая женщина и очень богатая. И только что бывало услышит, что мы одержали какую-нибудь победу над неприятелем, велит заложить свою карету, сама разрядится как только возможно. Приедет на какую-нибудь площадь и махает платком из окна лакею, приказывая остановиться. «Стой, стой!» – кричит; народ сбежится смотреть, что за диковинка такая сидит в карете, в цветах и перьях, со спущенными стеклами, а она то к одному окну бросится, то к другому и кричит проходящим: «Эй, голубчики, подите сюда; слышали, мы опять одержали победу, да, победу, да и ка-

кую, голубчики: разбили маршала тако-го-то!». Потом высунется из другого окна и то же самое повторяет. Накричится вдоволь и отправится дальше. Там опять на рынке или на площади опять закричит: «Стой!» И опять кричит проходящим: «Победа, голубчики, победа!» И так все утро и разъезжает по городу из конца в конец.

В Петербурге в эти же годы проживала м-лле Лунина, про эксцентричности которой в столице ходило очень много рассказов, зло-словие про эту барышню тогда почти не зна-ло границ.

Лунина была львица большого света. Она не была красавица. Лунина много путеше-ствовала с матерью, была во Франции и Гер-мании, знала хорошо музыку и обладала пре-красным голосом. В Париже, в салоне короле-вы Гортензии, она имела такой успех, что На-полеон просил ее петь в дружеском кружке, в Тюльери. Этого было достаточно тогда, чтобы имя ее сделалось знаменитым.

Жила она в Петербурге, в нижнем этаже дома князя Гагарина на Дворцовой набереж-ной. – Рассказывали, что однажды рано утром

император, совершая свою любимую прогулку по набережной, увидел, что кто-то вылезал из окна нижнего этажа. Потом через обер-полицмейстера он послал сказать хозяйке квартиры, чтобы она остерегалась, потому что ночью к ней могут влезть и похитить все, что у ней есть драгоценного. Рассказ этот в Петербурге повторялся со многими вариантами.

У Луниной хотя были живы отец и мать, но в петербургском обществе все говорили: салон m-ле Луниной. Лунина вышла в Италии замуж за какого-то певца Роччи. Но дуэт окончился неудачно. Она в сороковых годах проживала в Москве, в большой бедности, страсть к пению была причиной ее разорения.

Но кто был замечателен по странностям из Луниных, то это декабрист Михаил Лунин. Он слыл за чрезвычайно остроумного и оригинального человека. Тонкие его остроты отличались смелостью, хотя подчас и цинизмом, но это ему, как и его бесчисленные дуэли, сходило с рук. Лунин сперва служил в кавалергардском полку, но колоссальные долги заставили его покинуть службу и уехать за грани-

цу; здесь он сделался католиком и проживал в Париже, на чердаке, перенося всякие лишения, давая уроки и трудясь над трагедией «Лжедмитрий»; это произведение Лунин написал на французском языке, который знал лучше родного, вследствие тогдашнего воспитания.

По смерти своего отца он неожиданно сделался владельцем громадного состояния, приносившего ежегодно более 200 тыс. дохода. Он возвратился в Россию тем же манером, как и уехал из нее – не испросивши дозволения на возвращение, так как не считал себя беглецом. Он сел просто на корабль, прибыл в Петербург и отправился прямо без доклада в кабинет к князю Волконскому, жившему в Зимнем дворце. Волконский, увидев внезапно Лунина, просто остолбенел.

Лунин был принят государем на службу тем же чином, только в армию, служил в Варшаве у цесаревича и был самым близким к нему человеком. Участвуя в заговоре, сосланный в Сибирь, он проживал в Чите и Петровском заводе, затем жил на поселении. Резкие его статьи, которые он печатал в Англии, на-

влекли на него новую немилость правительства, он был арестован и заключен в акатуевскую тюрьму, где и умер скоропостижно.

Эксцентричность Лунина во время его военной службы доходила до невозможности так, будучи молодым кавалергардским офицером он побился об заклад, что проскачет нагим по Петербургу – и выиграл пари.

В Петербурге в двадцатых годах проживал Д.М.Кологривов. Он, несмотря на свой крупный чин и весьма важное звание, любил дурачиться, как школьник. Особенной страстью у Кологривова была страсть куличным маскарадам, последняя доходила до того, что он иногда наряжался старой нищей чухонкою и мел тротуары. Завидев знакомого, он тотчас кидался к нему, требовал милостыню и в случае отказа бранил по-чухонски и даже грозил метлою. Он дошел до того, что становился в Казанском соборе среди нищих и заводил с ними ссоры. Сварливую чухонку отвели раз даже на Съезжую, где она сбросила свой наряд и передней же извинились.

Граф Сологуб про него рассказывает: однажды государь готовился осматривать кавалергардский полк, и граф Сологуб, будучи в то время

лерийский полк, вдруг перед развернутым фронтом пронеслась марш-маршем неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опор необыкновенно толстая дама в зеленой амазонке и шляпе с перьями. Рядом с ней на рысях рассыпался в любезностях отчаянный щеголь. За ними еще следовала небольшая свита. Неуместный маскарад был тотчас же остановлен. Дамою наряжился тучный князь Ф.С.Голицын, любезным кавалером оказался Кологривов. Шалунам был объявлен выговор, но карьера их не пострадала.

Однажды к известной благотворительнице Тат. Бор. Потемкиной пришли две монахини просить подаяния. Монахини были немедленно впущены, войдя в приемную, они кинулись на пол, творили поклоны и умоляли о подаянии. Растроганная Потемкина пошла в спальню за деньгами но, вернувшись, остолбенела от ужаса, монашенки неистово плясали вприсядку. То были К^ологривов и другой проказник.

В Москве в первой четверти этого столетия проживал большой оригинал князь Ц-в, который также весьма любил наряжаться в ни-

ценский костюм и на улицах играть роли Гарун аль-Рашида исправляя народные нравы. Почти каждый день в заплатах и в заплатанном костюме ходил он, похожий на лакея, и в этом виде бродил по рынку и заходил в лавки и, где только встречал обман или грубость, то тотчас, распахнув свои сюртук, под которым виднелась орденская звезда, нередко собственноручно наказывал виноватого, либо писал записку к обер-полицмейстеру и неосторожно тотчас же привлекали к ответу.

В числе больших оригиналов в Москве в начале нынешнего столетия были два брата С. Они, собственно, не принадлежали к аристократическому обществу, но в некоторых дворянских кружках пользовались даже знаменитостью. Оба были очень красивые, видные мужчины, в них выражался некоторый разгул, некоторое молодечество, признаки царствования императрицы Екатерины II.

В 1806 г находились они ополченцами в одном отдаленном губернском городе. В самое то время, пред 12 декабря, днем рождения императора Александра, губернатор входил с представлением к высшему начальству, ис-

прашивая дозволения пить на предстоящем официальном обеде за здоровье государя императора малагою, а не шампанским, потому что все шампанское, имевшееся в губернском городе и в уездах, выпито братьями С.

Правнук знаменитого Александра Даниловича Меншикова, князь Александр Сергеевич, один из последних сподвижников императора Александра Благословенного, славился своим остроумием. Остроумие его наделало ему множество врагов, но часто на него взваливали слова каких он никогда не говорил. Воспитанник энциклопедистов XVIII века, он стыдился мягкосердия и скрывал его под личиною насмешки, между тем на деле он был впечатлителен и сострадателен. Одному из близких ему лиц случилось один раз увидеть в глазах его слезу, которую он не успел стереть. «Зачем скрываете вы добрые волнения души? – сказал он князю, – и то говорят про вас, что вы не способны ни к какому человеческому чувству». – «Когда вы доживете до моих лет, – отвечал князь, – вы убедитесь, что люди не стоят того, чтобы беспокоиться о их мнении».

Огласки своей благотворительности он опасался так, как будто она была делом позорным, придумывал способы, как бы лучше это уладить, беспокоился о том, не разгласилось ли его благодеяние, и на замечание, что его опасения доходят до странности, он отвечал, смеясь: «Я имею репутацию скупца, я дорожу этою репутациею и не хочу ее портить». П.А. Бартенев говорит, когда ему был пожалован дом в Петербурге на Английской набережной, он внес в инвалидный капитал от неизвестного сумму, равную стоимости дома.

Едва ли можно встретить другого человека, оцениваемого столь различным образом не только различными, но и одними и теми же судьями, как князь Меншиков. Ума обширного, соображения необыкновенно быстрого, памяти изумительной, князь с независимостью мнений соединял беспредельную преданность и покорность самодержавному своему монарху.

До самой смерти князь сохранял свойственную ему одному художественность повествования. Он не украшал рассказов ни одним отборным словом, ни одною эффектною

фразою, ни возвышение голоса, ни жест не шли к нему на помощь. Устремив свои глаза на слушателя, князь спокойным, почти ленивым голосом обстанавливал прежде всего сцену, потом излагал события с такою отчетливостью, что в представлениях слушателя обрисовывалась живая картина, которая так сильно врезалась в память, что уже не могла быть забыта. Князь прослужил 64 года и все время не переставал ни на минуту следить за всеми политическими событиями и за всеми успехами науки.

Когда Меншиков был назначен в Дрезден посланником, то это назначение он счел немилостью и подал в отставку. В отставке он страдал от бездействия. Вот его личный рассказ об этом времени: «Измученный праздностью, страдая бессонницею, от нечего делать, я отправился за советом к А.П. Ермолову. „Вы тоже были в опале, – сказал я ему, – тоже в отставке после деятельной жизни, скажите мне, что вы сделали, чтобы не сойти с ума?“ – „Любезный Меншиков, – отвечал Ермолов, – я нанял деревенского попа учить меня полатыни; прочитал с ним Тита Ливия, Тацита, Гора-

ция, это чтение наполнило праздное время, укрепило во мне дух и дало мне тот слог, который так нравится нашей молодежи“. Я последовал было его совету взял деревенского священника и стал повторять латынь, но учитель мой редко бывал в совершенно нормальном виде, а между тем подвернулся мне сосед, мой почтенный Глотов, автор морской практики. Я вспомнил, что мне предлагали черноморский флот, и что я не мог принять его потому, что не имел понятия о морском деле – и стал учиться у Глотова».

Меншиков в течение своей жизни был известен на многих поприщах жизни. Из одиннадцати мундиров, право носить которые было ему предоставлено, он избрал и предпочитал морской и носил его постоянно в Севастополе, когда был его защитником. Ему раз сказал известный Денис Давыдов: «Ты, впрочем, так умно и так ловко умеешь приладить свой ум ко всему по части дипломатической, военной, морской, административной, за что ни возьмешься, поступи ты завтра в монахи – в шесть месяцев будешь ты митрополитом». Меншиков был самый усердный придворный

и ничто не могло заставить его не быть во дворце в дни, назначенные для приезда ко двору.

Какой-то шутник утверждал, что когда в придворной церкви при молитве «Отче наш» поют: «но избави нас от лукавого», то князь Меншиков, крестясь, искоса глядел на Ермолова, а Ермолов делал то же, глядя на Меншикова. Однажды, явившись во дворец, Меншиков, став перед зеркалом, спрашивал у окружающих: не велика ли борода у него? На это бывший здесь же Ермолов отвечал ему: «Что ж, высунь язык, да обрейся!»

В другой раз великий князь Михаил Павлович сказал про Меншикова: «Если мы будем смотреть на лицо князя с двух противоположных сторон, то одному будет казаться, что он насмехается, а другому – что он плачет». Это замечание великого князя и острота Ермолова очень хорошо выражают характер Меншикова.

На лице Меншикова улыбка всегда была поддельная, чтобы скрыть впечатлительность, которой, как уже мы выше сказали, он всегда стыдился.

У князя Меншикова с графом Клейнмихелем были какие-то личности. В шутках своих князь не щадил ведомства путей сообщения. Когда строились Исаакиевский собор, постоянный мост чрез Неву и Московская железная дорога, он говорил: достроенный собор мы не увидим, но увидят дети наши; мост мы увидим, но дети наши не увидят, а железной дороги – ни мы, ни дети наши не увидят.

Во время работ железной дороги и моста было много толков. Дорогу все обещали кончить, а не было видно окончания работ, мост делали быстро, но не многие были уверены в его прочности.

Когда же скептические пророчества его не сбылись, он при самом начале езды по железной дороге говорил: «Если Клейнмихель вызовет меня на поединок, вместо пистолета или шпаги предложу ему сесть нам обоим в вагон и прокатиться до Москвы – увидим, кого убьет».

Перед окончанием постройки петербургско-московской железной дороги Клейнмихель отдал ее на откуп американцам, заключив с ними контракт. На основании этого

контракта в первый год (с октября 1851 года) американцы пускали поезда только по два, потом по три раза в день, и каждый поезд составляли не более, как из шести вагонов. От этого товары лежали горами на станциях в Петербурге и Москве, а пассажиры третьего класса по неделе не могли получить билеты на проезд. Кроме того, американцы, раздробив следующую им плату по верстам, обольстили Клейнмихеля копеечным счетом, с каждой версты они назначили себе по $\frac{1}{2}$ копейки серебром; но из этого, по-видимому, ничтожного счета выходила огромная сумма, и все выгоды остались на стороне американцев.

В феврале 1852 года, когда общий ропот по этому случаю был в разгаре, прибыл в Петербург персидский посланник со свитой. Император приказал показать ему все редкости столицы, в том числе и новую железную дорогу. Сопровождавшие персиян, исполнив это поручение, подробно докладывали, что показано ими, и на вопрос его величества: «Все ли замечательное показано на железной дороге?» отвечали: «все». Меншиков, находивший-

ся при этом, возразил: «А не показали самого редкостного и самого достопримечательно-го!» «Что такое?» – спросил государь. «Контракта, заключенного графом Клейнмихелем с американцами», – отвечал Меншиков.

В описываемое время на графа Клейнмихеля возлагались чрезвычайно разнообразные обязанности. Он возобновлял Зимний дворец после пожара, ему подчинена была Медико-хирургическая академия, он строил железную дорогу. Такие многосторонние обязанности возбуждали в обществе остроты и большие толки.

В одном иностранном журнале явилось известие, что возобновление Зимнего дворца поручено доктору медицины Клейнмихелю, и в столице при каждом открытии вакансии важной государственной должности тотчас носились слухи, что на это место определен будет Клейнмихель. Его назначили, по городским слухам, и военным министром, и министром внутренних дел, и шефом жандармов.

В 1843 г., когда Клейнмихель был уже главноуправляющим путями сообщения, умер митрополит Серафим. Слушая разговоры и

предложения о том, кто будет назначен митрополитом в Петербурге, Меншиков сказал: вероятно, назначат графа Клейнмихеля.

В 1843 году военный министр князь Чернышев был отправлен на Кавказ; предполагали, что он будет назначен главнокомандующим, а на место его будет Клейнмихель. В то время известный военный историк Михайловский-Данилевский, заботившийся в своем труде о том, чтобы выдвинуть на первый план подвиги тех генералов, которые могли бы быть ему полезны, и таким образом проложить себе дорогу, готовить новое издание описания войны 1813–1814 гг. Это издание уже оканчивалось печатанием. Меншиков сказал: «Данилевский, жалея перепечатать книгу, пускает ее в ход без переделки; но вначале сделал примечание, что все написанное о князе Чернышеве относится к графу Клейнмихелю». Когда умер Михайловский-Данилевский, Меншиков сказал: «Вот и еще баснописец умер!»

Меншиков тоже недолго любил графа Закревского, и когда тот после восемнадцатилетней отставки был назначен московским

военным генерал-губернатором и вскоре после назначения получил звезду св. Андрея Первозванного, не имея ни александровской, ни анненской, ни Владимира 1-й степени, то Меншиков говорил: «Чему тут после того удивляться, что волтижерка Мо-жар скачет через ленту: Закревский вот и на старости перескочил через две».

Когда весной в 1850 г. Меншиков был в Москве вместе с государем, то, рассуждая о храмах и древностях Москвы, император заметил, что русские справедливо называют ее святою. «Москва действительно святая, – сказал с смирением князь Меншиков, – а с тех пор как ею управляет граф Закревский, она и великомученица!»

В морском ведомстве в прежнее время производство в генеральские чины шло очень туго и генеральского чина достигали только люди весьма старые, а полного адмирала очень уже престарелые. Этими стариками был наполнен адмиралтейств-совет и генерал-аудиториат морского министерства в память прежних заслуг. Очень понятно, что смертность в этих учреждениях была боль-

шая. И вот при одной из таких император Николай Павлович спросил Меншикова: «Отчего у тебя часто умирают члены адмиралтейств-совета?» – «Кто же умер?» – спросил в свою очередь Меншиков. «Да вот такой-то, такой-то» – сказал государь, насчитав три или четыре адмирала. «О! ваше величество, – отвечал князь, – они уже давно умерли, а в это время их только хоронили!»

Во время венгерской кампании австрийцы дрались очень плохо, и венгерскую кампанию, как известно, окончили одни русские. В память этой войны всем русским войскам была дана медаль с надписью. «С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!» Меншиков сказал, что австрийский император роздал своим войскам медаль с надписью «Бог с вами!»

В 1859 году, когда начались натянутые отношения между дворами российским и турецким, Меншиков был отправлен в Константинополь чрезвычайным послом. Он был принят там с большою торжественностью, навстречу ему вышел патриарх, по всей дороге были расставлены турецкие войска. Мен-

шиков отнесся к туркам с большою гордостью, как посол монарха не просящего, но повелевающего. На смотре войск он был в пальто с хлыстиком, даже свита его была одета довольно небрежно. С этой небрежностью князь являлся на переговоры, когда первые чины дивана встречали его со всеми почестями. Переговоры длились, султан изъявлял согласие, но недоброжелатели России – англичане и французы – принуждали его пускаться в азиатские хитрости. Меншиков говорил, что диван здесь на английских пружинах.

В то время везде стали заниматься верчением столов и много говорили об открытии новой силы, которая заставляет от прикосновения человеческих рук ходить столы и другие вещи. Когда Меншикову говорили об этом, он сказал: «У вас вертятся столы, шляпы, тарелки, а от моего прикосновения – диван завертелся!»

Отпуская из Константинополя чиновника, на вопрос последнего, не прикажет ли его светлость еще что-либо сказать, «Больше ничего, – отвечал Меншиков, по обыкновению морщась и грызя ногти, – разве прибавь, по-

жалуй, что я здоров, что часто езжу верхом, что теперь объезжаю лошадь, которая попалась очень упрямая, и что лошадь эту зовут Султан».

Во время Крымской войны командование армиею ему неудалось, но ум его не мог и здесь не обозначиться. Меншикова не любила армия, в нем было много такого, что отталкивало от него. Всегда наморщенный и недовольный, он никого не дарил ни приветом, ни одобрением. Солдаты почти не видели его, генералы и офицеры не получали никаких наград. Перед сражением не было молебствия, после сражения главнокомандующий не объезжал поля битв, не выражал соболезнований об умерших и раненых.

В одной из первых стычек наших войск с неприятелем казак притащил пленного французского офицера на аркане. Этот офицер, явившийся к князю, жаловался, что казак бил его плетью. Князь обещал строго взыскать с виновного. Потребовав к себе казака, Меншиков расспросил его, как было дело. Донец рассказал, что офицер во время битвы три раза стрелял в него из пистолета, но ни разу не по-

пал, что за это он накинул аркан на плохого стрелка и притащил его к себе, точно дал ему столько же ударов плетью, сколько раз тот прицелился. Князь расхохотался.

Пригласил к себе пленного офицера, при нем обращаясь к казаку, Меншиков начал делать строгий выговор, объясняя ему, что он обязан уважением и к пленным офицерам. Все это князь говорил ему на французском языке, и казак, ничего не понимая, только моргал глазами. С гневом подал знак рукою, чтоб казак вышел вон, князь обратился к пленному и спросил, доволен ли он решением. Французский офицер низко кланялся и не находил слов благодарить князя. По удалении пленного Меншиков снова потребовал казака, благодарил его уже по-русски за храбрость и ловкость и наградил его орденом.

В бытность князя морским министром во флоте служил капитан-лейтенант Ю-р, который вынужден был, по разным обстоятельствам, перейти в штат полиции, где вскоре назначен был частным приставом. Получив эту должность, Ю-р счел обязанностью откланяться министру. Князь принял его благо-

склонно и, обратясь к своим подчиненным, сказал: «Вот человек, все части света обошел, а лучше второй Адмиралтейской – не нашел!»

При одном многочисленном производстве генерал-лейтенантов в следующий чин (полного генерала), Меншиков сказал: «Этому можно порадоваться, таким образом многие худые генералы наши пополнеют».

Известные в свое время Бибиковы, Дмитрий, Илья и Гаврило Гавриловичи, в петербургском обществе известны были; первый – за гордеца, выводившего свой род чуть-чуть не от Юпитера, второй – за игрока, а третий – за хвастуна. Князь Меншиков говаривал, что из Бибиковых один надувается, другой продувается, а третий других надувает.

Особенно много анекдотов Меншиков рассказывал про бывшего министра финансов Вронченку, но большая часть из них не годится для печати, когда же после смерти графа Вронченки был назначен министром финансов товарищ его, П.Ф. Брок, то Меншиков заметил: «Видно, плохими оставил наши финансы Вронченко, когда уж прибегнули и ко Броку (к оброку)».

После освящения Кремлевского дворца император роздал многие награды, но всех более был награжден вице-президент комитета для построения дворца тайн. сов. барон Боде, ему дан был следующий чин, алмазные знаки св. Александра, звание камергера и медаль, осыпанная бриллиантами, ценою в 10 000 р. сер. На это Меншиков сказал: «Что тут удивительного? Граф Сперанский составил один свод законов, и ему дана одна награда – св. Андрея, а вон Боде – сколько сводов наставил!»

Когда приехал в Россию итальянский певец Рубини, он еще сохранял все пленительное искусство и несравненное выражение пения своего, но голос его уже несколько изменял ему. Спрашивали князя Меншикова, почему он не поедет хоть раз в оперу, чтобы послушать Рубини. «Я слишком близорук, – отвечал он, – не разглядеть мне пения его».

Император Николай Павлович однажды посетил Пулковскую обсерваторию. Не предупрежденный о посещении высокого гостя, начальник ее, Струве, в первую минуту смутился и спрятался за телескоп. «Что с ним?» – спросил император у Меншикова. – «Вероят-

но, испугался, ваше величество, увидав столько звезд не на своем месте».

Глава XII

Замечательные скряги Ку-вы. – Доктор-скупец. – Богач-раскольник и его странности. – Княгиня В-я и ее скупость. – Чудачества князя Г-на и его неряшливость. – Краснобаи и брат князя Ш-к. – Князь Д.Е. – Импровизация графа Красинского. – Баснословные рассказы Веревкина

Скупые русские люди, по общности своей страсти, мало отличаются от скупых других стран, все их действия более или менее одинаковы. Скряга меряет все на вес золота, кроме денег, для него не существует ничего, и страсть к ним с годами не только не слабеет, но, напротив, усиливается все более и более. Скряга вечно трепещет за свое богатство и старается как можно искуснее скрыть его от посторонних взоров; один прячет свои деньги в подвалы, другой опускает капиталы свои под пол, третий никогда с ними не расстаётся, четвертый беспрестанно перекладывает с

одного места на другое, и так далее до бесконечности.

В Москве лет сорок тому назад, на Мясницкой улице, жили в своем пустынном доме муж и жена Ку-вы, страшные богачи; помимо дома, имели большое подмосковное имение и несколько десятков тысяч десятин земли в великорусских губерниях. Старики Ку-вы были именно тем и замечательны, что не знали, куда бы им спрятать свои деньги. Мысль эта терзала их постоянно, она мучила их днем и бросала в жар и холод ночью, когда не спят воры. Ку-вы ежечасно перемещали свою шкапулку: они относили ее в коровники, зарывали в саду перед окнами, и сами стояли на карауле день и ночь, раз они схоронили свои капиталы на городском кладбище, в другой раз они более месяца каждую ночь развозили свои деньги по городу в карете и только утром, когда рассвело, возвращались домой.

Однажды летом, собираясь в деревню, они, как на беду, перед самым отъездом получили много банковых билетов; чтобы спрятать их, они придумали зарыть билеты в золу под лежанку, на которой десятки лет лежала сле-

пая, разбитая параличом, жена их дворника.

Возвратясь домой, – представьте себе весь их ужас, – они вдруг видят, что дворник развел под лежанкой огонь, чтобы согреть больную свою старуху. Быстрее птицы бросаются они к месту преступления, хватают воду, заливают огонь и руками разбрасывают горящие головешки. В отчаянии кричат: «Нас разорили, разорили, сожгли наши деньги». Бранясь и плача, им кое-как удалось, наконец, высвободить большую часть денег, до половины истребленных огнем. Много хлопот наделали им эти деньги, старик так и умер, ходя к министру и по банкам, прося их разменять или переменить. Много ходило рассказов в Москве про их скупость. Вечером их комнаты никогда не были освещены, когда им докладывал единственный их слуга-дворник о приезде кого-нибудь, то он или она, смотря по приезжему, т. е. его ли это гость или ее, выходили из внутренней комнаты со свечкою в руке. Когда же гость был общий, то муж и жена, встречаясь в противоположных дверях и завидя друг друга, спешили задуть свечу, так что гость оставался совершенно впотьмах.

Рассказывая про стариков Ку-вых, которые не знали, куда прятать деньги, нельзя не вспомнить другого богача-скрягу, бывшего доктора Б-го, который, чтобы напугать воров, украсил свои комнаты разными предметами ужаса: он расписал стены своей квартиры картинами, которые изображали ужасные или отвратительные сцены и возбуждали страх или отвращение зрителя, у входной двери в его квартиру стоял скелет женщины, убившей своего отца. Этот скелет заменял ему вешалку. У кровати красовался колоссальный скелет бывшего солдата, казненного за убийство. Третий скелет повесившейся старухи помещался у стола; между ребрами помещал он салфетки, ножи, ложки и вилки. Сахарница его состояла из распиленного наполовину черепа детоубийцы, а должность щипцов исправляла большая бедренная кость. Трубка его была выдолблена из локтевой кости отравленного ребенка, а разные небольшие кости употреблялись для чистки трубки, вместо зубочисток и т. д.

Посреди такой угрюмой обстановки жил скряга-доктор. Этот образцовый скупец зане-

мог с горя и досады на возрастающую за последние годы дороговизну съестных припасов, которых он, впрочем, и не был большим потребителем; его единственная старуха-кухарка утверждала, что он давно бы повесился, если б ему не жаль было денег на веревку. Наконец болезнь его приняла опасный оборот и свела его в могилу. За несколько минут до смерти он с трудом приподнялся на постели и последним вздохом своим задул свечу, стоявшую подле него на столе; вероятно, он думал в эту минуту, что можно умереть впотьмах.

На той же петербургской улице, где жил доктор-скряга, проживал другой богач, проводивший дни свои в уединении, окруженный одними деньгами всех сортов. Это был купец-раскольник. Вместо того, чтобы прятать свои деньги, он раскладывал их по полу своей комнаты. В его комнате, куда никто не входил, потому что нечего было в ней убирать, лежало несколько сот тысяч рублей. Однажды в эту комнату забежала со двора собака, толкнула нечаянно стол, у которого недоставало ножки, стол упал, и деньги рассыпались по полу. В продолжение двух десятков лет, ко-

торые суждено было еще прожить этому чудаку, он не поднял ни стола, ни денег, а удовольствовался только тем, что раздвинул их ногами и проложил таким образом тропинку от постели к двери и окошку.

После его смерти потребовалось несколько дней, чтобы собрать все его деньги. Большая часть его богатств была найдена за шкафом, часть за половиком и много золота в проеденных молью валенках. Странная судьба постигла богатства этого чудака. Когда умер старик, никто не мог сказать; труп его был найден чуть ли не на второй неделе после смерти, – родственников у него не оказалось в Петербурге, и приводить в порядок наследство стал местный квартальный надзиратель с понятыми.

История наследства передает следующее: одних золотых монет было собрано пять мешков, а серебра и бумажек целых два сундука; но наследники вряд ли получили и один сундук с серебром: деньги куда-то испарились.

В числе лиц, обуреваемых большою скупостью, была известная княгиня В., жена высокопоставленного сановника. Она одевалась

более чем скупой, в какие-то лохмотья. Из экономических видов она не имела никогда при себе горничной, и все ее обязанности исправлял при ней старый лакей.

В жизни она была скупа до смешного, до крайности. Так, являясь в гости к своим знакомым, она имела обыкновение прятать в свои карманы сахар, сухари, булки. Путешествуя за границей, она приехала к своему старому знакомому, у которого и поселилась в его палатку; он уступил ей лучшую комнату с тем, что она будет заботиться об ее отоплении.

Княгиня часто ходила гулять одна по городу, и раз, когда она возвращалась с прогулки, он встретил ее сам в передней, хотел снять с нее бурнус, но она, не допустив этого, поспешила в свою комнату. Но, увы! посреди этих церемоний ротонда распахнулась, и из-под нее к ногам хозяина выпало большое полено. Княгиня, заручившись им во время своей прогулки, несла его для своей печки. Можно представить себе последовавшую комическую сцену. При всей своей скупости княгиня, однако, не была глуха к бедным и благотвори-

ла истинно нуждающихся щедрою рукою.

В тридцатых годах нынешнего столетия вечером или рано утром на Миллионной улице можно было встретить прогуливающегося невысокого роста, с умною добродушною физиономией, старика, летом всегда без шляпы с ермолкою на лысой голове и в халате, подвязанном красным фуляром вместо пояса.

Старику этому всегда сопутствовал одетый в ливрею лакей. Эта оригинальная личность в свое время пользовалась большою известностью в столице. Дом его на Миллионной был самый богатый аристократический, а владелец его, князь Г-н, служил генерал-адъютантом у двух императоров – Павла I и Александра I.

После смерти своей красавицы жены князь сделался философом-отшельником и, разочаровавшись в людях, возлюбил одних птиц и собак; о своей наружности, прежде очень красивой, князь не помышлял более и ходил таким неряхой, какого другого и не найти. Смерть жены подействовала на него вначале так сильно, что он заперся, никуда не выходил, никого не принимал, даже род-

ных; не было друга, который мог бы ободрить, успокоить, утешить его.

В первое время единственным его развлечением была прогулка по саду, устроенному на дворе над конюшными и сараями, в котором посредине стоял мраморный бюст его жены. Князь жил в третьем этаже, куда вела круглая лестница. Первая зала была освещена сплошными окнами, упирающимися в пол. Все стены этой комнаты были заставлены полками с книгами, за неимением места на полках множество книг валялось на полу.

Петербургские книгопродавцы обязаны были все вновь вышедшие или полученные из-за границы книги немедленно доставлять князю. По прочтении или просмотре книжка бросалась в библиотечную кучу. Следующая затем комната была бильярдная. По стенам висели прекрасные картины, из которых многие подарены были императором Павлом, с его печатью сзади картин. В этой комнате по всем углам и около бильярда поставлены были сосновые и еловые большие ветви, на которых сидели, порхали, чирикали сотни чижей, снегирей, синиц и других птичек.

Все это летало по воле, ело и пило из расставленных сосудов, портило мебель и картины, из которых некоторые так были залеплены, что нельзя было рассмотреть сюжета. Остальные роскошные комнаты князя были в высшей степени загрязнены целыми сотнями собак. Эти животные имели право ложиться на коврах, на диванах и креслах.

Князь всякий раз во время своих прогулок по городу, если встречал какую-нибудь уродливую, хромую, кривую или забитую уличную собаку из числа тех, которых фурманчики по ночам в те времена убивали, приводил домой, вылечивал и поселял в своем кабинете. В известный час князь из своего кабинета через балкон по маленькой витой лестнице выходил на террасу, которая соединялась с его висячим садом; здесь он, несмотря ни на какую погоду зимой и летом, открывал приготовленные его слугами корзины, наполненные крошками хлеба и разным зерном. При появлении князя все галки, голуби, вороны, воробьи с соседнего Мраморного дворца и со всей Миллионной бесчисленными стаями, с оглушительными криками бросались на

террасу и поглощали все то, что рассыпал князь.

Замечательно, что он лет за пятнадцать до смерти вылечился от описанных странно-стей, сделался балетоманом, женился на танцовщице и затем разъезжал с доезжачими и борзятниками по окрестностям Петербурга. Умер он на своей даче на берегу Невы.

Как бы в пару этому князю-неряхе в описываемые годы жил в Петербурге граф Аракчеев, которого до такой невероятной степени была развита любовь к опрятности, что доходила до смешного. К выше уже рассказанным чудачествам добавим следующие черты его характера. Так, его сад в Грузии славился такою чистотою, что трудно было найти в саду на дорожке хоть один блеклый листик. Дети его крестьян таились в кустах; их обязанность состояла подбирать листья, падающие с деревьев.

Существует рассказ по какому-то случаю, кажется, по случаю пожара в городе. Государь однажды ночью прислал за ним, чтобы ехать вместе. Вскочив с постели, Аракчеев начал поспешно одеваться; на беду, когда он почти

совсем был одет, камердинер по неосторожности капнул со свечи на палевые штаны. Как ни спешил Аракчеев, однако разделся, несмотря на то, что за другими штанами нужно было пробежать несколько комнат. Своим переодеванием он заставил государя прождать минут пять лишних, – до такой изысканности доходило у него требование чистоты.

В ряду острых краснобаев и больших вралей, забавлявших в двадцатых и тридцатых годах петербургское общество своими затейливыми выходками и неожиданными рассказами вроде знаменитого барона Мюльгаузена, был известен князь Ш-ов.

В начале нынешнего столетия Адмиралтейский бульвар был центром, из которого распространялись по городу вести и слухи, часто невероятные и нелепые. Бывало спрашивали: «Да где вы это слышали?» – «На бульваре», – торжественно отвечает вестовщик, – и все сомнения исчезали. Бульварных вестовщиков тогда называли «гамбургской газетой». Князь Ш-ов был известный бульварный вестовщик и почти ежедневно здесь тешился

такими проделками. Выдумает какую-нибудь победу и начнет о ней рассказывать на бульваре от Дворцовой набережной до средних ворот Адмиралтейства, но всегда с прибавлением: «Так я слышал, может быть это неправда». Пройдет до другого конца бульвара, у Сената, и поворотит назад. Встречные уже останавливают его: «Слышали ли вы? Победа, сто тысяч пленных, двести пушек, Бонапарт ранен, Даву убит». «Быть не может, – возражает сочинитель бюллетеня, – это вздор, выдумка!» – «Вот еще! Я слышал от верных людей. Видели фельдъегеря, весь в грязи и в пыли. Худой же вы патриот, если не верите!»

В Москве в первых годах нынешнего столетия жил большой хлебосол князь Д. Е., вместе с этим радушным качеством обладавший еще необыкновенным талантом врать без запинки, князь в своих рассказах не уступал даже барону Мюльгаузену. Обед у князя был всегда чудесный, и, как говорил хозяин, стряпала его кухарка – провизия тоже все домашняя – стерляди и осетры из его прудов, громадные раки ловились тоже в небольшой речке, протекающей по Люблину, телятина белая как снег со

своего скотного двора, фрукты тоже из своих оранжерей, а персики чуть ли не выращенные на открытом воздухе, шампанское тоже свое, из крымского имения.

Происшествия, случавшиеся с ним, были так необыкновенны, что нельзя было им не удивляться. Так он, между прочим, говорил о каком-то сукне, которое он поднес Потемкину, вытканном по заказу его из шерсти одной рыбы, пойманной им в Каспийском море. Каких чудес он не видал на свете! Во время проливного дождя он является как-то к своему приятелю: «Ты в карете?» – спрашивает тот его – «Нет, я пришел пешком». – «Да как же ты вообще не промок?» – «О, – отвечает он, – я умею очень ловко пробираться между каплями дождя». Императрица Екатерина отправляет его курьером в Молдавию к князю Потемкину с собольей шубою. Нечего уже говорить о быстроте, с которою проехал он это пространство. Он приехал, подал Потемкину письмо императрицы. Прочитав его, князь спрашивает: «А где же шуба?» – «Здесь, ваша светлость!» И тут вынимает он из своей курьерской сумки шубу, которая так легка бы-

ла, что уложила в виде носового платка. Он встряхнул ее раза два и подал князю.

Таким же вдохновенным и замысловатым в своих импровизациях был в старину и польский граф Красинский. Кн. Вяземский рассказывает, что он сам наслаждался своими импровизированными рассказами. Граф был блестящей храбрости генерал, но его вдохновение было еще храбрее. После удачного и смелого нападения на неприятеля, совершенного конным полком под его командою, прискакивает к нему на месте сражения Наполеон и говорит: «Vincent! je te doiska souгоппе», [5] и тут же снимает с себя звезду Почетного Легиона и на него надевает. «Как же вы никогда не носите этой звезды?» – спросил его простодушный слушатель. Опомнившись, Красинский сказал: «Я возвратил ее императору, потому что не признал действия моего достойным подобной награды».

Однажды он занесся в своем рассказе так далеко и так высоко, что, не зная как выпутаться, сослался для дальнейших подробностей на своего адъютанта, тут же находившегося. «Ничего сказать не могу, – заметил тот, –

вы, граф, вероятно, забыли, что я был убит при самом начале сражения».

Две приятельницы, рассказывал Красинский, встретились после долгой разлуки где-то неожиданно на улице. Та и другая ехали в каретах. Одна из них, не заметив, что стекло поднято, опрометью кинулась к нему, пробила стекло головою, но так, что оно насквозь перерезало ей шею и голова скатилась на мостовую перед самую карету ю ее искренней приятельницы. Таких рассказчиков, как выше названные, нельзя называть лгунами — это скорее поэты-импровизаторы.

Такой же краснобай и рассказчик был еще придворный века Екатерины II некто М.И. Вревкин, автор комедии и переводчик Корана, издатель многих книг, напечатанных без имени, а только с подписью деревни его: Михалево. Князь Вяземский рассказывает, что он сделался известным императрице Елизавете Петровне по следующему случаю. Однажды перед обедом, прочитав какую-то немецкую молитву которая ей очень понравилась, изъявила она желание, чтобы перевели ее на русский язык.

– Есть у меня один человек на примете, – сказал Шувалов, который изготовит вам перевод до конца обеда, – и тут же послал молитву к Веревкину.

Так и сделано. За обедом принесли перевод. Он так полюбился императрице, что тотчас же или вскоре наградила она переводчика 20 000 руб. Вот что можно назвать успешной молитвою!

Веревкин любил гадать в карты. Кто-то донес Петру III о мастерстве его: послали за ним. Взяв в руки колоду карт, выбросил он на пол четыре короля. «Что это значит?» – спросил государь. «Так фальшивые короли падают перед истинным царем», – отвечал он. Шутка показалась удачною, а гадания его произвели сильное впечатление на ум государя. И на картах ему посчастливилось. Вслед за этим отпустили ему казенный долг в сорок тысяч рублей.

Император сказал о волшебном мастерстве Веревкина императрице Екатерине и пожелал, чтобы она призвала его к себе. Явился он с колодою карт в руке. «Я слышала, что вы человек умный, – сказала императрица, –

неужели вы веруете в подобные нелепости?» – «Ни мало», – отвечал Веревкин. – «Я очень рада, – прибавила государыня, – и скажу, что вы в карты наговорили мне чудеса».

Когда Веревкин приезжал из деревни в Петербург, то с шести часов утра прихожая его наполнялась присланными с приглашениями на обед или вечер, хозяева сзывали гостей на Веревкина.

Отправляясь на вечер или на обед, говорят, он спрашивал своих товарищей: «Как хотите, заставить ли мне сегодня слушателей плакать или смеяться?» И с общего назначения то морил со смеха, то приводил в слезы.

Веревкин был директором Казанской гимназии, когда Державин был там учеником. «Помнишь ли, как ты назвал меня болваном и тупицею?» – говаривал потом бывшему начальнику своему тупой ученик, переродившийся в министра и статс-секретаря и первого поэта своей нации.

Старинные комедии всегда любили личности. Таковы комедии и Веревкина, первая «Так и должно» написана на подъячих, вторая, небольшая шутка, написана на Суворова,

в ней осмеяны странные причуды его; третья его комедия «Точь-в-точь», сочиненная в Симбирске, что означено на ее заглавии. Ив. Ив. Дмитриев говорит, что он помнил еще воеводу и секретаря, изображенных в последней. В старые годы аристофановскою вольностью страдали все драматурги. Комедия кн. Дашковой «Господин Топсеков» была тоже копиею с лица известного. О комедии Лукина «Мот, любовью исправленный» говорит Новиков в своем «Словаре писателей», что сочинитель ввел в свою комедию два смешных подлинника, которыми представлявшие актеры весьма искусным и живым подражанием, выговором, ужимками и телодвижением, также и сходственным к тому платьем, весьма много смешили зрителей. Комедия Крылова «Проказники» была написана на семейство Княжнина. Комедия князя Шаховского «Новый Стерн и Липецкие воды» возбудила негодование многих современников тоже за намерение изобразить известных лиц. Несколько эпиграмм по этому случаю были написаны на Шаховского. В «Горе от ума» Грибоедова тоже в Москве узнавали людей известных, и в

Фамусове – Алексея Федоровича, дядю сочинителя.

Комедия Веревкина «Так и должно» была дана на открытие тамбовского театра, пьеса эта, как пишет Державин, была им избрана с нравоучительною целью, она была направлена против подъячих и крючкотворцев, которых Державин немало застал в Тамбове.

Глава XIII

Оригинал П.Г. Демидов. – Чудачества князя Грузинского. – Страсть его укрывать беглых и бродяг. – Странности адмирала Ф.Ф. Ушакова. – Остряк генерал Львов. – Помещица Ра-на и ее двор. – Князь Г. Г-н и гофмаршал, камергеры и фрейлины. – Придворный штат села князя Куракина. – Самодурства князя «Юрки». – Чудачества князя Голицына, прозванного *Jean de Paris*. – Князь «*Cosa rara*» и его баснословная расточительность

Известный создатель Ярославского лицея Пав. Гр. Демидов – пожертвовавший не один миллион науке и народному просвещению, отличался большою скромностью, гранича-

щею с чудачеством. Нравственная сторона его жизни достойна подражания. Он был всегда тих, кроток, прямодушен, честен, справедлив и во всем чрезвычайно умерен. Его строгая жизнь и умеренность были изумительны.

При своих несметных богатствах он тратил на стол шесть, семь рублей в месяц. Утром обыкновенно он пил чашку кофе или шоколад, обед его состоял из самого слабого бульона и одной котлетки, из которой он сосал только сок. После обеда пил чай с молоком, не более одной чашки, а зимой ел пять, шесть ложек кислого молока, хлеба употреблял в день не более четверти фунта.

Будучи врагом всякой роскоши, носил несколько лет один кафтан. Он целый день проводил в письменных ученых занятиях, музыку любил страстно и сам играл на скрипке и фортепиано. Никогда, никаких праздников и обедов у себя не давал, и его называли скупым за то, что он не давал никому займы денег. «Всякий должен довольствоваться тем, чем его благословил Бог», – говорил он. Со своих многочисленных крестьян он брал в год оброку с семейства только пять рублей Своего

рода филантропом считал себя проживавший в начале нынешнего столетия в богатом при-волжском своем имении, с. Лыскове, Нижегородской губернии, князь Е.А. Грузинский; он вообразил, что послан, чтоб покровительствовать всем бедным и угнетенным, в силу чего он принимал к себе с большим радушием всех беглых и несчастных, а также укрывал у себя и бежавших крепостных, чем-нибудь недовольных от его соседей. Число таких призреваемых у этого богатого князя возросло до нескольких сот человек. Лысково известно было на сотни верст как странноприимный приют, в котором принимались с большим разбором и с удостоверением в том, что прибежавший к помощи был не вор, не убийца, а только простой бродяга.

На земскую полицию князь наводил почти какой-то ужас – у него были под домом подземелья и таинственные в лесах становища. Князь был суров нравом, и суд его над беглыми был более чем жесток иной раз. Князь И.М. Долгорукий говорит про князя, что этот человек – отважный буян, он вмешивался в дела каждого, судил и рядил по произволу и

каждому доказывал вину его и правоту коренными русскими аргументами, т. е. кулаками: кому глаз выбьет, кому бороду выдерет – такова юстиция его светлости, все жители губернии не смеют на него жаловаться, все запугано пышным его именем. Селение его наполнено беглыми, они у него торгуют, водворяются, и никто их пошевелить не смеет. Правительство местное все это знает, но молчит, а то князь по своим связям надует такие тучи, от которых никто не спасется.

Когда князь, наконец, был предан суду за притоно-держательство беглых, то он воскликнул с удивлением: «Как суд? Суду за добрые дела! Да я сколько хлеба одного ежегодно издерживаю на таких гостей».

Известный своими победами на море в екатерининское время адмирал Федор Федорович Ушаков в частной жизни отличался большими странностями: при виде женщины, даже пожилой, приходил в страшное замешательство, не знал, что говорить, что делать, стоял на одной ноге, вертелся, краснел.

Отличаясь, как Суворов, неустрашимую храбростью, он боялся тараканов, не мог их

видеть. Нрава он был очень вспыльчивого: беспорядки, злоупотребления заставляли его выходить из приличия, но гнев его скоро утихал. Камердинер его, Федор, один только умел обходиться с ним, и когда Ушаков сердился, он сначала хранил молчание, отступал от Ушакова, но потом сам в свою очередь возвышал голос на него, и барин принужден уже был удаляться от слуги, и не прежде выходил из кабинета, как удостоверившись, что гнев Федора миновал. Ушаков был очень набожен, каждый день слушал заутреню, обедню, вечерню, и перед молитвами никогда не занимался рассматриванием военно-судных дел; утверждая приговор, был исполнен доброты.

Ушаков был долго грозою и бичом турок, которые иначе его не называли, как паша-Ушак; он приобрел все чины и все знаки отличия только личною своею храбростью.

Происходил он родом из бедных тамбовских дворян, Темниковского уезда, и очень любил всем рассказывать, как он в молодости ходил в лаптях.

В 1801 году Ушаков определен был главным командиром Балтийского порта и всех

корабельных экипажей, находившихся в Петербурге. Он представил в 1806 году в дар отечеству алмазную челенгу; но император возвратил ему, сказав, что знак этот должен сохраняться в потомстве его как памятник подвигов его на водах Средиземного моря.

Суворов очень уважал Ушакова. Когда в бытность его в Италии к нему приехал курьер с депешами от Ушакова, начальствовавшего то время соединенным российско-турецким флотом в Средиземном море, то, прочитав некоторые бумаги, Суворов вдруг обратился к привезшему их и спросил: «А что, здоров ли мой друг Федор Федорович?» Посланный курьер-немец не сразу догадался, о чем спрашивает Суворов, и, не знавший еще всех причуд героя, смутившись сказал: «А, господин адмирал фон Ушаков! Я оставил его в добром здоровье, и он поручил мне засвидетельствовать вашему сиятельству свое искреннее почтение». — «Убирайся ты с твоим „фон“! Этот титул ты можешь придавать такому-то и такому-то, потому что они нихтбешмирзагеры, немогузнайки, а человека, которого я уважаю, который своими победами сделался гро-

зою для турок, потряс Константинополь и Дарданеллы и который, наконец, начал теперь великое дело – освобождение Италии, отнял у французов крепость Корфу, еще никогда не уступавшую открытой силе, этого человека называй всегда просто – Федор Федорович!» Ушаков умер в 1817 году в своем тамбовском имении, ведя жизнь почти отшельническую.

К числу больших причудликов и остряков надо отнести любимца Потемкина, генерала от инфантерии Сергея Лаврентьевича Львова. Этот придворный, вместе с острым умом, отличался примерною храбростью и редким присутствием духа – его воинские подвиги известны при осаде Очакова и взятии Измаила, где он командовал первою колонною правого крыла.

Известный Spada в своих *Ephemerides Russes* (St Pe'tersbourg, 1816) приводит несколько остроумных замечаний этого генерала.

Вот некоторые анекдоты Львова. Лорд Витворт подарил императрице Екатерине II огромный телескоп, которым она очень восхищалась. Придворные, наводя его на небо,

уверяли, что на луне различают даже горы. «Я не только вижу горы, но и лес», – сказал Львов. «Ты возбуждаешь и во мне любопытство», – произнесла императрица, вставая с кресел. «Торопитесь, ваше величество, – продолжал Львов, – лес уже начали рубить; подойти не успеете, как его срубят».

«Что ты нынче бледен?» – спросил его раз Потемкин. «Сидел рядом с графинею Н., и с ее стороны ветер дул, ваша светлость», – отвечал Львов. Графиня Н. сильно белилась и пудрилась.

«Давно ли ты сюда приехал и зачем?» – спросил Львов своего друга, встретив его на улице. – «Давно и, по несчастью, за делом». – «Жаль мне тебя! А у кого в руках дело?» – «У Н.». – «Видел ты его?» – «Нет еще». – «Так торопись и ходи к нему только по понедельникам. Его секретарь обыкновенно заводит его по воскресеньям, вместе с часами, и покуда он не размахается, путного ничего не сделает». Львов говорил про секретарей, что они имеют сходство с часовой пружиной, потому что невидимо направляют ход. По словам Храповицкого, императрица Екатерина II, едучи в

Крым, исключила из своей свиты Львова, сказав: «Бесчестный человек в моем сообществе жить не может», но потом государыня простила Львова и всегда щедро награждала по представлениям Потемкина. Гнев императрицы на Львова, как полагать надо, вышел за неплатеж долгов Львовым: он был очень небогатый человек и всегда запутанный в своих денежных делах. Львов с воздухоплавателем Гарнереном летал в воздушном шаре. Известный тоже остряк Александр Семенович Хвостов напутствовал его вместо подорожной следующим экспромтом:

*Генерал Львов
Летит до облаков,
Просит богов
О заплате долгов.*

На что Львов, садясь в гондолу, отвечивал без запинки такими же рифмами:

*Хвосты есть у лисиц, хвосты есть
у волков.
Хвосты есть у кнутов, берегись,
Хвостов.*

На вопрос известного адмирала Шишкова,

что побудило его отважиться на опасность воздушного путешествия с Гарнереном, Львов объяснил, что, кроме желания испытать свои нервы, другого побуждения к тому не было. «Я бывал в нескольких сражениях, – сказал он, – больших и малых, видел неприятеля лицом к лицу и никогда не чувствовал, чтоб у меня забилося сердце. Я играл в карты, проигрывал все, до последнего гроша, не зная, чем завтра существовать буду, и оставался так же спокоен, как бы имея миллион за пазухою. Наконец, вздумалось мне влюбиться в одну красавицу-полячку, которая, казалось, была от меня без памяти, но в самом деле безбожно обманывала меня для одного венгерца; я узнал об измене со всеми гнусными ее подробностями и мне стало смешно. Как же, я думал, дожить до шестидесяти лет и не испытать в жизни ни одного сильного ощущения! Если оно не давалось мне на земле, дай пищу его за облаками: вот я и полетел. Но за пределами нашей атмосферы я не ощутил ничего, кроме тумана и сырости, немного продрог – вот и все».

Император Павел I, разговаривая однажды

с Львовым на разводе, облокотился на него.

– Ах, государь, – произнес с сожалением Львов, – могу ли я служить вам опорой?

Однажды Потемкин рассердился на Львова за что-то и перестал говорить, но Львов не обратил на это особенного внимания и продолжал каждый день обедать у фельдмаршала.

– Отчего ты так похудел? – спросил, наконец, его Потемкин.

– По милости вашей светлости, – отвечал сердито Львов.

– Как так?

– Если бы вы еще немного продолжали на меня дуться, то я умер бы от голода.

– Я ничего не понимаю! – возразил Потемкин. – Какое может иметь отношение к голоду моя досада на тебя?

– А вот какое, и очень важное: прежде все оставляли меня в покое и не нарушали моих занятий, а чуть только показали бы мне хребет, я не стал иметь отдыху. Едва только поднесу ко рту кусок, как его отрывают вопросами. Не смел же я не отвечать, находясь в опале.

Любимая племянница Потемкина, графиня

ня Браницкая, забавляясь однажды при Льво-
ве примериванием разных нарядов, обернула
себе голову драгоценным собольим боа.

– Как я в этом буду? – спросила она Львова,
кокетничая.

– Просто будете с мехом (смехом), – отве-
чал он. «Какое различие между трутом и
школьником? – спросил он однажды, и когда
все затруднялись ответом, сказал: – То, что
трут прежде высекут, а потом положат, а
школьника сперва положат, а потом высе-
кут».

По рассказам С.П. Жихарева Львов в обще-
стве был неистоцимый рассказчик разных
любопытных происшествий в армии при
фельдмаршалах Румянцеве и князе Потемки-
не: он забавлял людей, которые, кажется, от
роду своего не смеялись никогда.

Лет пятьдесят, шестьдесят тому назад у нас
в России, особенно в провинции, мудроно бы-
ло удивить самодурством. Редкий из зажи-
точных помещиков не отличался особыми
причудами. На такие причуды ушли колос-
сальные состояния.

В Орловской губернии, в Малоархангель-

ском уезде, жила помещица старушка Ра-на, помещанная на всевозможных придворных церемониях. Зал, в котором она принимала своих знакомых и «подданных» (как величали тогда своих крепостных людей), представлял нечто до нелепости странное; это была большая комната в два света, расписанная в виде роши, пол которой изображал партер из цветов; посредине был устроен из зеркальных стекол пруд, на котором плавали искусственные лебеди; по дорожкам стояли алебастровые фигуры богов и богинь древней Греции.

Клумбы из искусственных цветов во время выходов помещицы напрыскивались одеколоном и «альпийской водой». На больших деревьях, там и сям поставленных, порхали снегири, синицы и другие певчие птицы. Сама помещица сидела на золотом троне, в ногах ее стояли и лежали пажи и арабчики.

Каждое воскресенье и двенадцатые праздники здесь происходили приемы после обедни; первым являлся сельский священник с причтом, о. диакон нес торжественно на серебряном блюде большую просфору. Несмот-

ря на то, что церковь от усадьбы была в расстоянии полуверсты, помещица к обедне ездилла всегда со свитой не менее, как в пятьдесят человек. Кроме господского, экипажей в поезде было не менее десяти; сама владелица ехала в громадной откидной колымаге, называемой «Лондоном», запряженным восьмериком. Кучер сидел так высоко, что был на уровне с коньками крестьянских изб. Второй экипаж был дермез, запряженным четверкой, третий – четырехместная коляска в шесть лошадей, потом коляска двухместная, потом крытые дрожки, потом две польские брички; наконец, две-три линей и несколько кожаных кибиток. Барыня была жена генерала, любила почет и уважение. Торжественные приемы ее, как говорили, доходили до Петербурга, но им только посмеивались; таких помещиц и помещиков было тогда немало.

Князь Г. Г-н, один из самодуров тоже замечательных, в своем подмосковном поместье учредил даже нечто вроде маленького двора из своих «подданных». У него были гофмаршалы, камергеры, камер-юнкеры и фрейлины, была даже и «статс-дама», необыкновен-

но полная и представительная вдова-попадья, к которой «двор» относился с большим уважением: она носила на груди род ордена – миниатюрный портрет владельца, усыпанный аквамаринами и стразами. Князь Г. своим придворным дамам на рынках Москвы скупал поношенные атласные и бархатные платья и обшивал их галунами. В празднику него совершались выходы; у него был составлен собственный придворный устав, которого он строго придерживался.

Балы у него отличались особенным этикетом, – на его балах присутствовали только его придворные. В зале, ярко освещенном, размещались приглашенные, и когда все гости были в сборе, с хор неслись звуки торжественного марша, сам барин входил в зал, опираясь на плечо одного из своих гофмаршалов. Бал открывался полонезом, причем помещик вел «статс-даму», которая принимала приглашение князя, предварительно поцеловав его руку. Князь удостаивал и других дам приглашением на танец, причем они все прежде подбострастно прикладывались к его руке. Бал завершался шумным галопом, а последний

нередко превращался в веселую барыню.

В Орловской губернии, в нескольких верстах от уездного города Малоархангельска, существует большое село князей К-ных. Там, на обширном дворе, в виду сельского храма, виднеется небольшое кладбище, обросшее пирамидальными тополями. Кладбище это переносит нас к бывшим барским причудам одного из владельцев, причуды которого мы уже рассказали выше. Там между несколькими уцелевшими весьма недурными каменными мавзолеями еще в шестидесятых годах можно было отыскать несколько с особами пышной дворни князя К. В одной могиле похоронена «девица Евпраксия, служившая до конца дней своих при дворе его сиятельства камерюнгферой», на другой могиле написано, что «в ней покоится Сенька Триангильянов», бывший в ранге полицмейстера в придворном штате его сиятельства, далее находим «Стремяной Иаким Безупречный, проливший кровь за своего властелина 9-го октября 1819 года» и т. д.

Что только ни происходило при жизни этого гордого вельможи! Окруженный много-

численной дворней, он, как и брат его, разыгрывал при ней роль немецкого принца и мечтал, что он в своем владельческом княжестве. Он давал такие обеды, за которыми как хозяин, так и гости бывали так пьяны, что не могли ни дверей сыскать, ни без помощи слуги сесть в свою карету. Это называлось на языке князя «обеды при закрытых дверях». Он принимал приезжих гостей обыкновенно у себя в спальне, когда ему мылили бороду; по сторонам его стояли шуты в золоченых камзолах. Гордость князя граничила до смешного, он рассчитал своего старого домового доктора за то только, что тот осмелился ночью, во время приступа болезни князя, явиться не во фраке. Кто, впрочем, в былые годы не доходил до сумасбродства в деревне, чтобы показать себя своим вассалам и чинить там суд и расправу?

Известный своим самодурством Голицын, по прозванию «Юрка», рассказывает, как он в юношеских своих годах приехал в свое родовое имение по выпуске из Пажеского корпуса, где он окончил курс с первым гражданским чином. До выезда из Петербурга он послал в вотчинную контору приказ, которым уведом-

лял, что будет в Троицын день, в престольный праздник; позднюю обедню он предполагал слушать в приходском своем соборе, о чем предписывал уведомить как духовенство, так и окрестных помещиков, и подлинный его приказ прочесть на мирском сходе. Ему казалось, – как он сам иронически замечает, – что величественнее этого приказа до сих пор еще ничего не было; для пущей важности приказ был написан на бристольской бумаге, вложен в огромный конверт казенного формата, с гербового печатью в ладонь, и отправлен по эстафете, т. е., – думал он про себя, – «таким образом посылаются только царские грамоты».

Ну, вот и поехал он в свои владения в зеленой коляске как император, с двумя лакеями: первый был в ливрее, второй – в военной форме; почему он нарядил его так, он и сам разъяснить не мог. В коляске барина лежал еще большой черный водолаз. Сзади его в другой коляске ехали секретарь, приживальщик, повар и казачок.

Помещик, как и следовало ожидать, был встречен хлебом-солью от крестьян. При этой

депутации явилось также в вицмундирах несколько чиновников земского и уездного судов и дворянской опеки, имевших, вероятно, в виду продолжать эксплуатацию, начавшуюся со времени взятия имения в опеку.

Не доезжая до села, дежурная тройка поскакала дать знать становому, который и приехал почтительно встретить юного владельца и с полверсты скакал перед ним до церковной паперти. Лишь только экипажи показали на плотину, с колокольни послышался благовест; народ перекрестился и побежал к барину навстречу. «Меня самодовольно передернуло, – рассказывал князь, – и я, обратясь к камердинеру, приказал подложить под меня третью кожаную подушку, чтобы многочисленные мои дети могли лучше рассмотреть своего отца благодетеля. Народ так и валит». Картина выходила торжественная, но безмолвная толпа не производила на владельца села сильного впечатления, – он ожидал, что будут кричать «ура». А когда подъехал к церкви и увидел, что «духовенство с крестами меня не встречаете решительно пришел в негодование и подумал: „Ну, я заве-

ду свои порядки и задам себя знать!“». И действительно, не прошло и двух минут, как он к таким порядкам и приступил. Войдя в церковь, он увидел пономаря в стихаре с распущенными волосами, ругающегося с старушками. Тут он пришел в такую ярость, что подошел к пономарю, закрутил руку его волосами и таким образом прошелся с ним по всей церкви и привел его в алтарь к священнику, совершавшему проскомидию, и сказал ему:

– Посмотрите, какие беспорядки у вас делаются в церкви. Священник, не поняв в чем дело, ответил:

– Извините, ваше сиятельство, этого впредь не будет. Если так был требователен юный коллежский регистратор, то что мог делать в ту эпоху министр в отставке.

В павловское время много было выключенных из службы дворян, которые охотно принимали всякие, даже низкие должности у знатных вельмож. Известный любимец императора Павла I – князь Куракин, как уже выше сказано, в своем богатом саратовском имении Надеждине сделал у себя, наподобие посещенных им дворов владетельных кня-

жеств, собственный двор. Совершенно бедные дворяне за большую плату принимали у него должности главных дворецких, управителей, даже шталмейстеров и церемониймейстеров. У него жил один видный собою майор, которого обязанность состояла только в том, чтобы с палкою в руках ходить перед князем, когда он шел в свою домовую церковь. Но и помимо его у него было множество любезников без должностей, которые составляли его свиту. Всякий день, даже в будни, за столом гремела у него музыка, а в праздники были большие выходы; разделение времени, дела, как и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображение Павла I находилось у него во всех комнатах; в саду, в роще, там и сям встречались весьма изящные памятники знаменитым друзьям и родственникам. Он наслаждался и мучился воспоминаниями Трианона и Марии Антуанетты, посвятил ей деревянный храм и назвал ее именем длинную, ведущую к нему, аллею; такие державные затеи имели довольно смешную сторону.

В двадцатых годах текущего столетия был

известен своими чудачествами князь Иван Александрович Голицын, носивший в обществе прозвище Jean de Pans (название современной оперы), князь отличался большою расточительностью в Париже, во время пребывания наших войск, выиграл в одном игорном доме миллион франков, а спустя несколько дней проигрался так, что ему не на что было выехать из Парижа. Он был женат на Всеволожской, и разошелся тотчас же по совершении брачного обряда; выходя из церкви, жена его подала ему портфель и сказала: «Вот половина моего состояния, а я – княгиня Голицына, и теперь все кончено между нами!» Эта характерическая черта довольно ясно обрисовывает эту женщину. Она впоследствии принадлежала к обществу женщин-мечтательниц, главою которых была г-жа Крюднер.

Голицына была главною распорядительницею в деле переселения этой колонии женщин на южный берег Крыма. Отплыли они из Петербурга водою, в большой барке. Голицына поражала всех своим мужественным видом; она ходила в длинном сюртуке и суконных панталонах, с плетью в руках, которою

собственноручно расправлялась с своими домашними и даже окрестными татарами. Не только они, но исправники, заседатели и прочие трепетали перед деспотической женщиною. Ездил она верхом, как мужчина, и подписывалась в письмах: *La vieille des Monts*, что остряки переводили *La vieille Demon*. [6]

Муж ее, *Jean de Paris*, служил адъютантом у великого князя Константина Павловича; по рассказам современников, он был очень забавен, при своей сановитости в обстановке и кудреватости в речах. Князь был от природы немного трусоват. Однажды он ехал в коляске с великим князем, и скакали они во всю лошадиную прыть.

Это Голицыну не очень нравилось. «Осмелюсь заметить, – сказал он, – и доложить вашему высочеству, что если малейший винт выскочит из коляски, от вашего высочества может остаться только одна надпись на гробнице: здесь лежит тело его императорского высочества великого князя Константина Павловича». «А Михель?» – спросил великий князь (Михель был главный вагенмейстер при дворе великого князя). «Приемлю сме-

дость почтительнейше повергнуть на благоусмотрение и прозорливое соображение вашего высочества, что если, к общему несчастью, не станет вашего высочества, то и Михель его высочества бояться не будет».

Князь, как мы выше уже сказали, был страстный игрок; житье в то время в Варшаве носило характер бивуачный, и азартная игра велась сильная, проигрыш его в самое короткое время достиг чудовищных размеров. Он вышел в отставку, имея до пяти миллионов долгу.

Судьба этого князя очень аналогична с судьбой его однофамильца – тоже названного именем любимой тогда оперы Cosa гага. Этот Голицын имел 24 000 душ крестьян, и также громадное состояние пустил прахом: частью проиграл в карты, частью потратил на неслыханное сумасбродство. Он ежедневно отпускал кучерам своим шампанское, крупными ассигнациями зажигал трубки гостей, бросал на улицу извозчикам горстями золото, чтобы они толпились у его подъезда, и прочее. Прожив таким образом состояние, он подписывал векселя, не читая, на которых суммы вы-

ставились не буквами, а цифрами. В конце своей жизни он получал содержание от своих племянников и никогда не сожалел о своем прежнем баснословном богатстве, всегда был весел духом и часто навеселе.

Глава XIV

Князь Григорий Го-н, прозванный пензенским Людовиком, страсть его к церковнослужительству и церемониям французских королей. – Англоман Зыбин. – Граф А-н – любитель орденов и остряк. – Чудак помещик Струйский. – Его Парнас. – Страсть его к стихотворству и печатанию своих сочинений. – Костров. – Его добродушие. – Бард Кремля. – Поэт Петров

В первых годах нынешнего столетия в Пензенской губернии губернаторствовал князь Г-н, известный более под именем князя Григория. Это был представитель старинного русского барства, только еще с большими странностями, прихотями и причудами. Князь Григорий был большой оригинал; в нежной юности своей он хорошо помнил своего дедушку

князя Потемкина; он помнил открытую его грудь, босые ноги, халат нараспашку, в котором принимал он первых вельмож, сырую репу и морковь, которые, всем пресыщенный, при них же он грыз; помнил также царскую его представительность и все бриллианты и жемчуга, помнил и его фавориток. Но всего этого ему показалось еще мало: он захотел превзойти его и избрал образцом его не одного, а многих еще чудаков того времени.

Князь Григорий полагал, что для вида необходимо иметь фавориток, и вот завел он себе двух таких старых женщин. Первую из них он назвал маркизой де Монтеспань. Она составляла его партию в бостон и сверх того давала ему деньги взаймы только за высокие проценты; за это качество к ее титулу он прибавил еще второй – мадам ла-Рессурс.

Вторая платоническая метресса пензенского Людовика была тихая, богомольная, пожилая женщина, – ее он посвятил в девицы дела-Вальер. Князь Григорий был женат, жена его была кроткая и нежно любила мужа, в свою очередь и супруг был к ней верен. Но что всего забавнее – он заставлял жену пока-

зывать чрезвычайную холодность к обеим этим мнимым метрессам.

Князь Григорий был большой затейник: вместе с копировкой Людовика и Потемкина ему вдруг захотелось скопировать иудейского царя Давида, и вот он выучился довольно изрядно играть на арфе. По утрам находили его иногда в каком-то древнебиблейском костюме, с лирою в руках, на которой он играл, припевая разные псалмы, арии, и песни, как «Lison dortait un bocage» или «При долинушке стояла». Князь имел также страсть к церковным обрядам. В деревне наряжал он самого себя и любимейших слуг в стихари, певал с ними на клиросе и читал апостольские послания.

Со стороны любви к церковнослужительству он сблизился с великим Суворовым и высокомощным дедом своим. Из своих чиновников он составил себе целый придворный штат. Для молодых писцов канцелярии своей, из простого происхождения, он нанял где-то танцмейстера, одел их на свой счет и представил в свет, где все девицы обязаны были с ними танцевать. Он называл их своими ка-

мер-юнкерами, и они отличались от других однообразным цветом жилетов. Секретарь жаловался, что некому переписывать в канцелярии, что они ничего делать не хотят; он велел набрать других и их считать сверх штата, и дал им от себя содержание.

Всему, что до него относилось, умел он давать какой-то торжественный вид. Занеможет ли у него жена, по всем церквам велит он служить молебствия о ее выздоровлении; родится ли у него сын, он собственноручно пишет церемониал его крестин; от губернаторского дома до собора по улице несут младенца на подушке, окруженного разряженными повивальною бабкою, нянькою, кормилицею и девочками; впереди и сзади два ливрейных лакея; курьер открывает шествие, другой замыкает его.

Во время отъезда в деревню соблюдались также официальные формы, писался маршрут, поезд делился на три отделения, назначались роздыхи, ночлеги и по дороге рассылались копии с письменного распоряжения.

Он любил распространять все новомодное, но и держался старины, особенно во всем том,

что могло умножить личное его величие.

О святках на маскарадах являлся один без маски, в богатом длинном платье старинных русских бояр. Гости же, в угождение ему, были в масках и как можно смешнее наряжены.

Такой образ жизни этого губернатора в то время многим очень нравился. «Ну, подлинно, – говорили они, – можно сказать, что барин, так барин, не то что иной другой какой-нибудь наш брат рядовой дворянин». «И как такому вельможе захотелось у нас поселиться?» – говаривали иные.

Во время отечественной войны князь Григорий жену свою одел в сарафан и кокошник, а сам нарядился в казацкое платье темно-зеленого цвета с светло-зеленой выпушкой. Из губернских чиновников и дворян, все те, которые желали ему угодить, последовали его примеру. Слуг своих одел он также по-казацки, и двое из них, вооруженные пиками, ездили верхом перед его каретою.

Но особенно где княжеские проказы выказывались, так это в его деревне. Дом его постоянно перестраивался и был великолепно отделан внутри, со всеми затеями барства.

Маленький двор его составлен был из увезенных им писцов губернаторской канцелярии, одет был однообразно – в казачьи кафтаны серого цвета, из холщовой материи, с синим холстинным стоячим воротником, на котором белыми нитками было вышито название села. Дворня его была разделена на три класса, из коих каждый отличался цветом жилета; по праздникам происходило производство в эти классы и допущение к целованию руки, лакейские балы, в которых, исключая князя и княгиню, должна была еще принимать участие и самая мелочь из соседних дворян, угощение на последних состояло из моченых яблок и брусники.

Были в век старого барства и такие из бар причудники, которые век свой разъезжали по чужим краям, совсем позабывали родной язык или, вернее, старались корчить из себя таких псевдоиностранных. Так, в Москве, в описываемое нами время, проживал чудак Зыбин, долго живший в Англии, притворявшийся, что совсем забыл русский язык, например, выходя из театра, он кричал: «Зибен-карет!» Тогда была мода на высокие фаз-

тоны для гулянья, Зыбин в этом уродливом экипаже проехал из Петербурга в Москву, на станциях все на него смотрели как на шута, и мальчишки за ним бежали с криком. Зыбин это сам рассказывал, относя это к невежеству нашего народа.

В ту эпоху были и такие русские, как например граф А., известный в обществе под именем «Васиньки», которые, занимая место на лестнице, известной под именем табели о рангах, не умели правильно подписать даже свою фамилию, но при этом имели способности разнообразные: живопись и музыка были для них почти природными талантами. Граф А. не знал истории, ничего никогда не читал, но раз услышанное так мог остроумно и забавно применять в разговорах, что считался большим остряком. Этот Василька имел еще две большие страсти: к орденам и духам. У него была точно лавка склянок духов, орденских лент и крестов, которыми он был пожалован. Уверяют даже, что по его смерти нашли у него несколько экземпляров и в разных форматах звезды Станислава второй степени, на которую давно глядел он с страст-

ным вожделением. Васинька, по словам князя Вяземского, так любил орденские знаки, что часто во время самого живого разговора опускал вниз глаза свои на кресты, развешенные у него в щегольской симметрии, с нежностью ребенка, любующегося своими игрушками, или с пугливым беспокойством ребенка, который смотрит: тут ли они?

В характере и поведении его не было достоинства нравственного. Его можно было любить, но не уважать, он был образцовое дитя светского общежития. Множество карикатур и острых слов им потрачено было на варшавское общество, когда он служил при великом князе Константине Павловиче.

Польский генерал Гельгуд носил стеклянный глаз. Перед каким-то праздником Васинька говорил, что ему пожалуют глаз с вензелем. При этом же случае он говорил, что Куруте будет пожаловано прекрасное издание в великолепном переплете. «Жизнь знаменитых мужей» Плутарха.

Генерал Чаплиц, известный своею храбростью, любил говорить очень протяжно, плодovито и с большими расстановками. Васинь-

ка приходит однажды к великому князю и просит отпуск на 28 дней. Между тем в Варшаву ожидали императора. Великий князь, удивленный этою просьбою, спрашивает, какая необходимая потребность заставляет его отлучиться из Варшавы в такое время. «Генерал Чаплиц, – отвечал он, назвался ко мне завтракать, чтобы рассказать мне, как попался он в плен в Варшаве во время первой польской революции. Посудите сами, ваше высочество, раньше 28 дней никак не отделаюсь!»

Его спрашивали о некотором лице, известном по привычке украшать свои рассказы красным словцом не едет ли он в Россию на винные откупы, которые только что открылись в Петербурге. Нет, отвечал он, а едет, чтобы снять поставку лжи на всю Россию.

Когда разнесся слух, что папа умер, многие старались угадывать, кого на его место избрет новый конклав. О чем тут и толковать, – перервал он эту речь, – разумеется, назначен будет военный! Это слово, сказанное в тогдашней Варшаве, строго подчиненной военной дисциплине, было очень метко и всех рассмешило.

В московском обществе, в тридцатых годах, пользовалось некоторое время правом гражданства слово анкураже. Это слово вторглось в русскую речь по следующему случаю, как это рассказывает поэт князь Вяземский. При московской театральной дирекции служил один забавный чудака, который, как следует русскому чиновнику, был охвачен болезнью чиновлюбия и крестолубия. Он беспрестанно говорил и писал кому следует: «Я не прошу кавалерии через плечо или на шею, а только маленького анкураже (encourage)[7] в петличку». Это слово так понравилось тогда, что даже Пушкин его применил к любовным похождениям в тех случаях, когда в обращении не капитал любви, а мелкая монета ее, то есть с одной стороны – ухаживание, а с другой – снисходительное и одобрительное кокетство.

Не менее странен был в образе жизни, в обращении, в одежде и во всех своих поступках другой богатый пензенский помещик, Н.Е. Струйский, проживавший в своем с. Рузаевке. Владения его простирались верст на тридцать кругом. Рузаевка была с тремя церк-

вами, из них две выстроены Струйским, все селение было обведено валом. Барский дом был огромный, зала с мраморными стенами и тройным светом, в 40 арш. длины, на карнизе дома виднелась надпись: «16-го декабря 1772 год», год основания дома. За одно железо хозяин отдал купцу подмосковную деревню с 300 душ.

Кабинет Струйского был в самом верху дома, назывался он «Парнас». В это святилище никто не хаживал, потому что барин говорил: «Не должно метать бисера свиньям» В кабинете царствовал неслыханный беспорядок – на столе рядом с сургучом лежал бриллиантовый перстень, возле большой рюмки стоял поношенный бюст. Такой беспорядок Струйский, по словам спрашивающих, допускал для того, что пыль была его сторож: по ней он тотчас узнавал, был ли тут кто-нибудь и трогал ли что-либо. В этой комнате у него было много разного оружия; Струйский боялся нападений на себя. Носились слухи, что он был большой тиран, любил юридические процессы и делал сам своим людям допросы. Разбирательства он производил по-нынешнему и

судил говоря за и против обвиняемого. Но в своих разбирательствах прибегал и к пыткам, разумеется, тайно.

Струйский был некогда владимирским губернатором. Одевался он очень странно: с фраком носил парчовый камзол, подпоясывался розовым, шелковым кушаком, обувался в белые чулки, на башмаках носил бантики, а на голову повязывал длинную прусскую косу. Но главная страсть Струйского была стихотворство и типографское дело. Типография его была богатейшая, печатание у него было доведено до наилучшего в то время в России искусства. Он выписывал из-за границы всевозможные шрифты, подносил императрице Екатерине II разные свои стихотворные труды. Она любовалась изданиями и хвасталась перед иностранными посланниками, что у ней, за тысячу верст от столицы, в глуши, процветает искусство и художество. Государыня не раз посылала ему бриллиантовые перстни за его труды.

На типографию Струйский тратил весь свой доход с имения. Книги у него нередко печатались на атласе и почти всегда на алек-

сандрийской клееной бумаге, с превосходной виньеткой. Типография составляла единственную его страсть, а стихи – единственное занятие Струйский никогда не покидал своей Рузаевки. Последняя у него была устроена великолепно, особенно прекрасны были в ней сад и цветники. Стихи, или, вернее вирши Струйский писал запоем, иногда по два дня, запершись на Парнасе и не принимая никакой пищи, в это время он переодевался Аполлоном.

Кроме своих сочинений, Струйский ничего не любил печатать на своих станках, печатание шло у него очень быстро. Посетивший его известный поэт прошлого столетия князь И.М. Долгорукий рассказывает: «Меня он удостоил ласкового своего приема на Парнасе, за который дорого заплатил, однако один из моих товарищей, ибо он, читая ему свое одно стихотворение, по его мнению лучшее, вошел в такой восторг, что щипал слушателя до синих пятен». «После „Телемахиды“ ничего нет на свете потешнее, как его произведения», – замечает Долгорукий. Струйский уважал очень оптику и говорил, что многие сочине-

ния наших авторов теряют свою цену оттого только, что листы не по правилам оптики обрезаются, что голос от этого ожидает продолжения речи там, где переход ее прерывается, и от нескладности тона теряется сила мысли сочинителя.

Все приказания по имению Струйский отдавал на Парнасе, у подошвы же Парнаса происходило наказание. Иногда непросвещенный народ оказывался виновным и в том, что помешал вдохновению Ив. П. Бекетов, служивший вместе с сыном Струйского в одном гвардейском полку, видел одно сочинение его отца и просил у него просмотреть его, но последний дал его под одним условием: немедленно прислать его назад по первому требованию. Причина этому была следующая: от времени до времени Струйский требовал от сына уведомления, «какой стих находился в его сочинениях на такой-то строке такой-то страницы?». Эти внезапные вопросы служили ему удовлетворением, что сын не разлучается с его сочинениями.

Правописание и пунктуация у Струйского были тоже свои особенные, так что расста-

новка знаков препинания, кажется, не представляла ничего, кроме каприза и произвола. В стихах Струйского была одна плоскость – его нельзя ставить рядом с Третьяковским и графом Хвотовым: у этих иногда встречаются смешные бессмыслицы – у Струйского стихи были до крайности плохи мыслями и путаницей речи.

Струйский был великий почитатель Сумарокова. Смерть этого чудака последовала тоже довольно странная: его сильно поразила кончина императрицы Екатерины. Услышав это печальное известие, он тотчас же слег в постель, лишился языка и умер очень скоро.

Из редких, но пустых книг этого чудака типографа-помещика известны: «Апология к потомству от Ник. Струйского», затем первое издание «Камина», стихов И.М. Долгорукова, и «Блафон». К этой великолепно изданной книге, поднесенной Екатерине II, приложена превосходной работы гравюра, представляющая живописный плафон (потолок) залы дома Струйского в Рузаевке, с аллегорическим значением. Императрица изображена в виде Минервы, сидящая на облаке, окруженная ге-

ниями и различными атрибутами поэзии, попирающая крючкотворство и взяточничество, пресмыкающиеся с эмблемами лихоимства, как-то: сахарными головами, мешками с деньгами, баранами и проч. Все это поражается стрелами изображенного за богинею двуглавого орла. Подлинник гравюры написан крепостным художником Струйского. Из роскошно изданных книг его же известна: «Епиталама, или брачная песнь», на вождеденный для россиян брак е. и. в. благоверного государя вел. кн. Александра Павловича. Это сочинение посвящается «яко жертва усердия и восхищения».

Стихи отпечатаны на белом атласе. В своей «Епиталаме» плодовитый рузаевский стихотворец сзывает на брачное торжество чуть ли не всех богов Олимпа. Стихотворение оканчивается обращением к холмам, долинам и токам, чтобы те внимали его песне, и затем приглашает знакомых ему как стихотворцу, фавнов почтить играми своими торжество и, отбирая у Эрота лук и стрелы, заставляя его плясать.

Известно еще «Письмо о российском теат-

ре нынешнего состояния». Письмо написано Струйским к актеру Дмитревскому, в нем он вспоминает о блестящей эпохе, когда на сцене шли трагедии Сумарокова, и скорбит о настоящем времени, когда вместо бессмертных творений «стремятся игрищи вводить». Особенно гневно нападает он на Княжнина за его Вадима, называя его рыгающим на закон, открывающим в себе явно изменника и возмутителя. Обличает его в безверии и посягательстве на власть, представляет картину тех страшных последствий для автора трагедии и актеров, которые повлекло бы за собою представление ее на сцене. Несмотря на нелепо выраженные и пересыпанные бессмысленною бранью суждения автора о Княжнине, нельзя не видеть в них отголоска тогдашних воззрений относительно этого как самой императрицы, так и окружавших ее высших государственных сановников. Это сочинение Струйского было тоже им поднесено императрице. Всех книг, отпечатанных Струйским в его деревенской типографии, известно не более 20 штук.

Из старинных наших поэтов был большой

чудак Ермил Иванович Костров; знавшие его коротко рассказывают о нем много забавных странностей. Входил он в гости к приятелям в комнату всегда в треугольной шляпе, снимал ее для поклона и снова надевал на глаза, садился куда-нибудь в уголок и молчал. Только тогда примет участие в разговоре, когда услышит речь любопытную или забавную, и тогда приподымет шляпу, взглянет на говорящего и опять ее наденет. Костров был небольшого роста, головка маленькая, несколько курнос, волосы приглажены так, как все тогда носили, букли и пудрились; коленки согнуты, на ногах стоял нетвердо и был вообще, что называется, рохля. И.И. Дмитриев говорит, что рядом с ним на улице ходить было совестно: он и трезвый шатался. Какая-нибудь старуха, увидев его, скажет с сожалением: видно, бедный, больнехонек! А другой, встретясь с ним, пробормочет: эх нахлюстался!

Костров был добродушен, прост и чрезвычайно безобиден и незлопамятен, податлив на все и безответен; в нем было что-то чисто ребяческое. Нравственности он был непорочной. Но когда он был навеселе, то любил чи-

тать роман Вертера и заливался слезами. В таком поэтическом положении, лежа на столе, обращался он мыслию и словами к какой-то любезной, которой у него никогда не было, называл ее по имени и восклицал: «Где ты? На Олимпе? Выше! В Эмпирее! Выше! Не постигаю!!» – и умолкал.

В доме известного мецената Ив. И. Шувалова ему была отведена комната возле девичьей. Тут он переводил «Илиаду». Домашние Шувалова обращались с ним, почти его не замечая.

Однажды Ив. Ив. Дмитриев приехал к Шувалову и, застав его дома, посетил Кострова и застал его в девичьей: он сидел в кругу их и сшивал разные лоскутки. На столе, возле лоскутков, лежал греческий Гомер, разогнутый и обороченный вверх переплетом. На вопрос, чем он это занимается, Костров отвечал очень просто «Да, вот, девчата велели что-то сшить!» и продолжал свою работу.

Добродушие Кострова было пленительное. Его вывели на сцену в одной комедии, и он любил заставлять при себе читать явления, в которых представлен был в смешном виде.

«Ах, он пострел! – говорил он об авторе, – да я в нем и не подозревал такого ума. Как он славно потрафил меня!» Часто в гостях у Бекетовых друзья, подпоивши Кострова, ссорили его с молодым братом Карамзина.

Костров принимал эту ссору не за шутку, дело доходило до дуэли. Карамзину давали в руки обнаженную шпагу, а Кострову ножны. Он не замечал этого и с трепетом сражался, боясь пролить кровь неповинную. Никогда не нападал, а только защищался.

И.И. Дмитриев с ним сыграл следующую шутку: поддерживая Кострова в веселом настроении некоторое время, он увез его из Москвы и, поив всю дорогу, полупьяного привез в Петербург и выпустил его на самой многолюдной улице. «Где я? – произнес Костров. – Я не узнаю Москвы!»

В Петербурге князь Потемкин пожелал видеть Кострова. Прошло несколько времени, пока его совершенно не протрезвили, но надо было снарядить Кострова, и этим занялись его друзья. Всякий уделил ему из своего платья – кто французский кафтан, кто шелковые чулки и проч. После продолжительного ожи-

дания Костров был введен в кабинет светлейшего князя. Костров отвесил Потемкину поклон. «Вы перевели Гомерову „Илиаду“?» – спросил вельможа. Потом пристально посмотрел на него, кивнул головою, тем свидание и кончилось.

Костров вышел из кабинета, радуясь, что счастливо отделался от надменного сановника, и уже с поспешностью пробирался сквозь толпу, как был остановлен его адъютантом, сказавшим ему, что светлейший приглашает его к своему обеденному столу. За обедом у Потемкина Костров не забыл себя, не пропустил ни одного напитка, ни одного блюда, и потом, когда все встали с своих мест, его принуждены были взять слуги под руки и усадить в карету.

Императрица Екатерина II в бытность свою в Москве пригласила Кострова к обеденному столу, возложив это поручение на Шувалова. Слабость поэта была известна меценату; он призвал его к себе, велел одеться и просил непременно явиться к нему в трезвом виде, чтобы вместе ехать во дворец. Настает час; Шувалов посылает за Костровым, но его ни-

где не находят. Вельможа отправляется один к государыне и оправдывает поэта перед царицей, сказав, что он заболел. Недели через две Костров является к Шувалову. «Не стыдно ли тебе, Ермил Иванович, – говорит последний, – что ты променял дворец на кабак?» «Побывайте-ка, Ив. Ив., в кабаке, – отвечал Костров, – право его не променяете ни на какой дворец!»

– «О вкусах не спорят», – сказал Шувалов.

На языке Кострова пить с воздержанием – значило так чтобы держаться на ногах. Однажды шел он из трактира с Верещагиным, тоже поэтом, студентом, который, пивши не с воздержанием, пополз на четвереньках. «Верещагин! – закричал ему Костров. – Не по чину, не по чину!»

В другой раз, после обеденного стола у Карина, тоже поэта, но богатого барина, Костров так напился, что закинул голову на спинку дивана. Один из присутствовавших, желая подшутить над ним, спросил его: «Что Ермил Иванович, у тебя мальчики в глазах?» – «И самые глупые!» – отвечал Костров.

За несколько дней до кончины его Карам-

зин встретил Кострова в книжной лавке. Он был измучен лихорадкой. «Что это с вами случилось?» – спросил его Карамзин. «Да вот такая беда! – отвечал он. – Всегда употреблял горячее, а умираю от холодного!»

Существует театральная пьеса Кукольника «Ермил Иванович Костров», фабула которой построена на случае, характеризующем душевную доброту поэта. В 1787 году императрица пожаловала ему 1 000 руб. новыми ассигнациями за перевод «Илиады». Костров с этими деньгами отправился покутить в любимый свой Царегородский трактир. Здесь, попивая вино, он встретил убитого горем офицера; поэт участливо разговорился с ним и узнал его печальную повесть – офицер потерял казенных денег 800 рублей и должен быть разжалован в солдаты. Услышав этот рассказ, Костров сказал ему: «Я нашел ваши деньги и не хочу воспользоваться ими!» и с этими словами положил на стол 800 руб. перед удивленным офицером и тотчас же скрылся. Но Кострова все знали в Москве, и добрый поступок его вскоре стал известен городу.

Суворов высоко ценил Кострова, называл его своим другом и не расставался с его переводом Оссиана. Заслуги, оказанные Костровым нашей литературе, памятны посеичас, но литературные труды его не обогатили. Костров вечно нуждался и умер в нищете, как и Гомер.

Существует рассказ, что за остальные шесть песен «Илиады» ему московский книгопродавец предложил только 150 рублей, но тот их не принял и бросил свой перевод в печку. Неизвестно, каким образом сохранилась седьмая, восьмая и половина девятой песни, которые были напечатаны в «Вестнике Европы» 1811 года. Костров умер 9-го декабря 1796 года и похоронен в Москве, на Лазаревском кладбище. Происхождением он был крестьянин Вятской губернии, но сказывал сам о себе, что он сын дьячка.

Из старинных поэтов был еще замечательный по своим странностям – это В.П. Петров. Костров перевел «Илиаду», Петров – «Энеиду», и оба шестистопными ямбами. Петров имел важную, напыщенную наружность; он был друг Потемкина; произведения его теперь за-

быты – виною тяжелый, выпренный слог.

Этот бард писал свои оды, ходя по Кремлю; за ним носил бумагу и чернильницу его ливрейный лакей. При виде Кремля он наполнялся восторгом, останавливался и писал. Костров не любил стихов Петрова, но пьяный за пуншевою чашею любил их слушать.

Князь Вяземский рассказывает, что при одной барыне-старушке читали раз оду Петрова к графу Гр. Орлову:

*Блюститель строгого Зенонова
закона
И стоик среди великолений
трона.*

При первом стихе старая барыня прервала чтеца. «Какой вздор! Совсем не Зенонова: законная жена графа Орлова была Зиновьева; я очень хорошо знавала ее».

Глава XV

*Странствующие литераторы. – Духовный
Смайор Д-ов. – Вице-губернатор Ш-в; люби-
тель печальных церемоний. – Заботы его о
своем гробе. – Другой любитель похорон, Луж-
ков. – Богатые помещики оригиналы Кротков
и Мацнев. – Богач Фалеев*

В былые годы в Малороссии существовали странствующие поэты, которые проживали в домах богатых панов и оживляли семейные празднества своими импровизациями. В XVIII веке по Малороссии в каникулярное время расхаживали киевские студенты и представляли духовные драмы, бандуристы распевали возле церквей духовные гимны, а на площадях и в домах – думы (род баллад) и патриотические песни. Из всего этого не осталось теперь и следа, но у русских помещиков еще в начале текущего столетия проживали в подмосковных и в приволжских усадьбах домашние поэты и сочинители, которые в дни тезоименитств своих помещиков писали на эти торжества вирши, сочиняли пьесы, шарады в

лицах и т. д. Из таких дворовых сочинителей известны по оставленным ими печатным трудам: Матинский, дворовый человек графа Разумовского, и Вроблевский, такой же крепостной графа Шереметева; первый из них написал комическую оперу «Петербургский Гостиный двор», которая долго не сходилась с репертуара; второй известен также, помимо театральных пьес, многими учеными переводами с немецкого и других языков. В старину поэзия и бедность были почти синонимы, и многие такие прислужники или жрецы Аполлона ходили по линиям Гостиного и Апраксина двора в рубище, в дырявых сапогах по лавкам, подавая каждому встречному четко написанный акростих, в довольно звучных стихах, начальные буквы которого воспроизводили фамилию поэта, а остальные гласили, что автору нужны сапоги и кусок хлеба.

Помимо таких странствующих литераторов, еще в начале сороковых годов можно было встретить объявление в газетах, что «Т-в жительствует на Выборгской стороне в доме такого-то, что он сочиняет стихотворения на разные случаи, как-то: поздравительные, те-

атральные, погребальные надписи на памятники и пишет различные письма, как амурные, так и деловые».

Долгое время в Москве пользовался большою популярностью прозванный духовным майором отставной гусар павловских времен Д-ов, который изобрел себе особого рода занятие – предшествовать все погребальные процессии и присутствовать при всех архиерейских и митрополичьих служениях. Он на богатых похоронах всегда шел впереди печального кортежа в отставном гусарском голубом мундире, с напудренными завитками на висках и с косою на спине; на голове его была огромная треугольная шляпа с полуаршинным белым плюмажем.

На митрополичьих служениях он прочищал путь владыке и во время служения ставил к образам свечи, поправлял лампы и суетился всюду. Когда, бывало, говорили о похоронах, то при этом прибавляли: «Да, похороны были богатые, с майором».

Купеческие похороны были особенно приятны для старого гусарского майора, потому что он тут был всегда почетнейшим гостем и

угощаем был на славу. Занимаясь таким почетным занятием, он считал себя почти официальным лицом в городе и, проживая по квартирам, не платил домохозяевам ничего. Нанимая квартиру, он не давал хозяину никакого задатка, но заявлял, что благородное его слово вернее всяких контрактов. И в самом деле, если до переезда его на квартиру хозяин, зная его привычки, просил не задерживаться у него, то он сдерживал слово и переезжал в назначенный день. По большей же части дело выходило так: когда истекал месяц, являлся хозяин с требованием платы за квартиру; жилец отвечал, что не может теперь отдать. На другой и на третий месяц повторялось то же.

Выведенный из терпения хозяин обращался в полицию. «Да чего же вы хотите?» – спрашивали у него в участке. – «Конечно, денег». – «От Д-ва то? Да он даром живет, это всем известно и так, ведь он духовный майор, у преосвященного состоит. Мы на него и жалобы не принимаем, и если вы искать станете, то только время потратите. А вы лучше приищите-ка для него приличную квартиру, за-

платите за месяц вперед, а там поклонитесь ему и попросите его переехать». И хозяин, следуя этому благоразумному совету, поклонится павловскому служаке, сделает надлежащее приношение ему же и перевезет духовного майора к новому домохозяину.

Лет пятьдесят тому назад или немного более проживал и в Петербурге такой же любитель всяких богатых покойников. Это был отставной вице-губернатор Ш-ев, последний до того обожал усопших, что, узнав от гробовщика, что в таком-то доме скончался такой-то, брал из дому небольшую подушку и прямо переселялся в квартиру мертвеца, он его обмывал, читал по нем псалтырь, провожал на кладбище и покидал последним могилу.

Материально обеспеченный, он всю жизнь проводил в таких хлопотах и даже сам, видимо, желал поскорей умереть. Он прежде служил у известного мистика, министра императора Александра I князя Голицына, был масоном и чуть ли не принадлежал к татариновской секте. Старик шел восьмидесятый год, и смерть не приходила, старик очень скучал. Но вот легкое нездоровье посетило его. Он

просто обрадовался, послал за старым своим приятелем-гробовщиком. «Что вам угодно?» – спросил последний. «Сними мерку с меня да поспеши, не медли работой. Гроб сделай из дубового дерева, полированный, под лак, лучшей работы, ручки поставь серебряные, да приделай и замок с ключом к нему. На крышке, против того места, где будет лежать моя голова, вырежь отверстие и вставь в него толстое стекло».

Но гроб простоял еще два года, Ш-в два раза в неделю ходил его осматривать. За два дня до смерти он писал гробовщику: «Приготовьте мне мое жилище, обметите его и почистите. В прошедший раз я заметил, что ручки потускли... пожалуйста, содержите гроб в чистоте...» Через два дня он умер.

В Петербурге, в первой четверти нынешнего столетия проживал другой такой же любитель похорон – это был Иван Федорович Лужков, служивший при императрице Екатерине II в Эрмитаже, в должности библиотекаря и консерватора драгоценных вещей. Императрица очень любила говорить с Лужковым; последний был человек строгой честности и

говорил государыне одну правду, иногда в очень резкой форме. Екатерина часто, разбирая эстампы и камеи, спорила с ним и, выходя из Эрмитажа, нередко говорила Лужкову: «Ты всегда споришь и упрям, как осел». Лужков на это, вставая с кресел, отвечал: «Упрям, да прав!»

Император Павел I был также очень милостив с Лужковым, но, зная его упрямый характер, при вступлении на престол наградил его чином и дал отставку с пенсионом в 1200 руб., что по тогдашнему времени считалось очень щедрым.

Лужков при императрице в чине титулярного советника служил более 25 лет. Император, зная это, велел ему купить еще дом... Лужкову государя попросил, чтоб он ему дал клочок земли на Охте, вблизи кладбища, на котором он мог бы себе выстроить небольшой домик. Павел приказал исполнить его просьбу, и Лужкову была отведена на Охте, подле кладбища, земля и выстроен дом, Лужков жил на Охте до своей кончины. Занятия его были: каждый день ходить к утрени в церковь, возвратившись из храма домой, он пил

чай и потом писал свои записки. Обедать ему приносили из харчевни, при нем жили два отставных солдата. Под конец своей жизни он рыл на кладбище для бедных покойников могилы и любил писать эпитафии, нередко очень игривые. Вот одна из его эпитафий, сохранившаяся на Охтенском кладбище: «»Паша, где ты?» «Здесь, а Ваня?»» Подалее немного: «»А Катя?» «Осталась в суетах!»»

В екатерининское время были известны своими странностями два помещика – С.Е. Кротков и С.Т. Мацнев. Первого из них императрица выставляла всем русским помещикам как образцового хозяина; действительно, он к своим 300 душам родовых сумел в сорок лет нажить еще 10 тыс. душ крестьян. Кротков был неутомимый хозяин, седые густые брови его почти совсем закрывали глаза, но зоркое око его еще в 70 лет пристально следило за ходом хозяйственной его машины.

Жихарев говорит, что богатство Кроткова имело источником совершенно романическое приключение. Кротков был прежде очень бедный дворянин, обремененный семейством. Пугачев во время разгрома Сим-

бирской губернии, проезжая мимо деревушки Кроткова, полюбил местоположение этой деревушки и обратил ее в главное свое становище, а из гумна, риги и овинов поделал магазины и кладовые для всего награбленного им в губернии имущества. Когда налетевшие отряды войск выгнали самозванца из его становища, Кротков, следовавший за отрядами, немедленно возвратился в свое имение и нашел в риге, овинах и даже в хлебных скирдах множество всякого добра и, между прочим, несколько баулов с деньгами, серебряной посудой и другими разными драгоценными вещами, всего тысяч на триста. Тут накупил он имений и, будучи хорошим хозяином, год от году приобретал все более и более. Благово рассказывает в своих воспоминаниях, что Кротков нашел у себя много церковной утвари, которую он и возвратил по монастырям. Но не впрок пошло богатство, доставшееся так неожиданно. У Кроткова было несколько сыновей, это были лихие молодцы и ловко спускали с рук пугачевские деньги. В особенности один из них был большой кутила и шалун на всякие проказы; он ни перед чем не

останавливался: когда что задумает, то и поставит на своем. Отец был скуп и нравом крут, и очень не хотел давать детям деньги на мотовство, а проказника сына частенько и бивал из своих рук и раз даже велел конюхам выпороть на конюшне. Это в старину водилось и не считалось бесчестьем – не от чужого побои, а от отца. Сын, однако, задумал отомстить родителю и придумал следующее: без ведома отца взял да и продал одно из лучших его имений и в число крестьян во главе подворной описи поместил в продажу и самого родителя своего под скромным званием бурмистра Степана сына Кроткова. Это дело наделало в свое время много шума, и старик едва выпутался из беды, и ежели бы он не смиловался над своим сыном, тому не миновать было бы ссылки за подлог и ужасный поступок с отцом.

Впрочем, не один этот сын был замешан в этом деле: и другие братья тоже принимали в нем участие. Продавши отца, Кротков из шалости и от долгов распустил слух о своей смерти и выехал из Петербурга в гробу в свою Симбирскую губернию. Историк и критик

Болтин был его пасынком, вотчим заставлял его петь в хорах, составленных из дворовых людей, и утешал себя на веселых и приятельских попойках. Пасынок урывками от пьяных бесед потихоньку, втайне предавался литературе. Чтобы наказать своих сыновей за непочтительность и чтобы они не выжидали корысти ради отцовской смерти, – старик Кротков задумал жениться на молодой женщине, бедной дворянке Марфе Яковлевне. Последняя тоже была не без крупных странностей. Она известна была в до-пожарной Москве под именем Марфы Кроткой; ей принадлежало известное подмосковное «Молоди».

В те же годы, как мы уже сказали, в России никто так не славился своими экономическими талантами, как орловский помещик Спирид. Тим. Мацнев. Он служил секретарем в орловской провинциальной канцелярии, затем вышел в отставку и принялся хозяйничать, и в несколько лет нажил и заработал так, что имел более шести тысяч душ и лесную дачу в 18 тыс. десятин. Хозяйство его было почти беспримерное: ему были ведомы все нужды его крестьян, ни один из его крепост-

ных ни за чем не должен был ездить в город, все нужное для себя он находил в экономии своего барина и все от него покупал. Но у Мациева, по пословице «лег и встал», надзор над всем был самый рачительный. Помещики его называли «хлебного маткою».

Сам он, при всем богатстве, по внешности не отличался ничем от своего мужика. Ходил в лаптях и простом мужицком наряде, ел на деревянных тарелках и деревянными ложками, и, больше от скупости, морил себя голодом. Самый парадный его выезд в поле был в холстинном халате, облитом масляною краскою, часто без седла, на одном потнике. Нравственности он был невысокой, со всеми ссорился и притеснял соседей. Все его богатство не пошло впрок! Был у него один сын, но и тот при нем умер. После него остался внук, который хотя и женился на богатой аристократке, родной сестре любимца Екатерины II, но из всего своего и жени на уберег только имение в 400 душ, на котором, впрочем, долгов было больше, чем оно стоило. Дети его тоже отличались большими причудами.

В екатерининское время приобретать име-

ния и населять их крестьянами между ловкими прожектерами считалось не особенно трудно. Известный купец Фалеев, впоследствии дворянин, любимец и компаньон в коммерческих делах Потемкина, до того эксплуатировал свою власть, что даже землю пахивал на рекрутах. Фалеев, благодаря покровительству своего друга, имел силу настолько беспредельную, что захватывал однодворческие земли и населял их целыми сотнями и тысячами рекрутов и составлял таким образом целые себе деревни. Иногда случалось у некоторых бар и наоборот. Так, к числу странных московских происшествий 1795 г. надо отнести и пропажу целых двадцати тысяч душ у известного вельможи графа Кириллы Григорьевича Разумовского. Это обстоятельство случилось между четвертою и пятою ревизиею и сделано было так искусно и скрытно, что по множеству деревень и поместий и дознаться было трудно, пропали крестьяне не в одном месте, а понемногу и в разных местах. Учинено это было, как ходили тогда слухи, главным управляющим с согласия фаворитки графа. Крестьяне очутились во владе-

нии последних двух.

Глава XVI

Граф-бродяга Р-ш. – Его загадочная судьба. – Воронский, игрок-автомат. – Кладоискатель генерал Б. – Замечательный охотник К-ий. – Откупщик-изверг П-ов. – Его печальная судьба

Один из внуков известного вельможи, графа Р., принадлежал к числу самых странных людей и мог назваться совершенным чудачком, его избаловали в детстве, дав ему полную свободу. Мать его, проживавшая всегда в роскоши за границей, внушила ему склонность к бродяжничеству, к исканию приключений. Он несколько раз убежал из богатого родительского дома, скрывался у людей самого низкого звания, – у разносчиков и рабочих, снискивая у них скудное себе пропитание. Лет четырнадцати от роду он пропадал более двух лет, скитаясь по ярмаркам с цыганами и ворами. Замечательно, что при такой бродячей жизни он не потерял познаний в разных науках и не забыл знание языков. Отыскав

его, заставили заниматься делами, которые даны ему рождением и богатством. Спустя год он бросил все дела, начал кутить, мотать и задолжал до того, что должен был бежать за границу. Там, без всяких средств, он рыскал по всей Европе и пускался в сумасбродства разного рода, по его рассказам, он был конюхом у своего двоюродного брата в Австрии, где нанялся под чужой фамилией, затем был кучером, почтальоном, хлебопашцем, огородником, слугою веселого дома в Париже.

Долго так странствуя за границей, он через Бесарабию перебрался и Россию, здесь он поступил в шайку очень ловких мошенников и более пяти лет разъезжал по ярмаркам, где сбывал фальшивые виды на жительство и поддельные ассигнации. Под конец он попал в скит к раскольникам, там он подвизался более двух лет и был самым ярым поборником одного из самых вреднейших изуверских толков – самосожигателей.

После этого он был арестован и содержался более пяти лет в Соловецком монастыре, откуда уже был, по принесении полного раскаяния, выпущен на свободу. Получив родо-

вые богатства по смерти своей матери, он отправился жить в один из наших приморских городов, где выстроил довольно большой каменный дом с хитро устроенными тайниками, подземельями, в последнем у него был устроен такой мудреный лабиринт, выход из которого был известен одному ему. Здесь была одна комната, отделанная в азиатском вкусе так роскошно и пышно, что живо напоминала одну из сказок из «Тысячи и одной ночи», в ней он и уединялся по целым месяцам и более, пищу и напитки он получал от дворецкого по запискам, которые клал ночью в одной комнате своего дома.

В такие дни его самозакупоривания слугам был дан строгий завет не встречаться с ним под угрозой смерти. Чем кончил свою жизнь этот более чем странный чудаков, так и осталось неизвестным. Кто говорил, что он тайно бежал в Турцию, рассказывали также, что он был убит в своем тайнике ловкими мошенниками, нашедшими возможность пробраться в его заповедную комнату.

В числе таких же чудаков, посвятивших себя на вечное одиночество, только в самом

небольшом пространстве, был один из польских шляхтичей, Воронский. Вот его история. В конце царствования Екатерины II по России разъезжал механик Кемпелен со своим автоматом, знаменитым игроком в шахматы, с которым не могли совладать самые искусные игроки-шахматисты. Автомат Кемпелена в первый раз показывался в Варшаве 10 октября 1776 года. Автомат был сделан в рост человека и одет в турецкое платье, он сидел за ящиком длиною в три фута и три дюйма и шириною в девять дюймов, на середине ящика находилась шахматная доска. Перед началом партии механик показывал публике все затейливые пружины, колеса и цилиндры, устроенные в ящике; под конец вынимал из того же ящика шахматы и подушку, на которую должен был облокотиться турок-автомат. Затем снимал с куклы платье и таким образом показывал его внутреннее устройство. После того механик заводил пружину ключом. Турок, кивнув головою и знак приготовления, брал пальцами пешку, переносил ее на другое место и клал руку на лежавшую возле него подушку. Так как автомат не мог

объясняться, то механик предупреждал, что троекратное наклонение головы будет значить шах королю, а двоекратное – шах королеве.

Как бы ни был силен игрок, а автомат его побеждал и был несравненно опытнее противника. Выставка автомата шахматного игрока, изобретенного и составленного механиком Кемпеленом, наделала много шума не в одной России, но и в целой Европе. Сама императрица Екатерина II пожелала видеть знаменитого шахматного игрока и убедиться в его искусстве. Государыня даже изъявила желание купить чудесного автомата, но Кемпелен умел ловко отклонить это предложение, объявив, что личное присутствие механика для шахматного игрока необходимо.

Но позднее открылось, что шахматный автомат был колоссальная мистификация. В автомате помещался безногий и с одной левой рукой поляк Воронский, пострадавший во время смут первого раздела Польши; человек он был очень умный и энергичный, и крайне небольшого роста. Во время уличной схватки он был ранен в обе ноги и руку, но успел

сползти в ров и укрыться от победителей. Один хирург сумел его вылечить, отнял ноги и руку, пораженные уже гангреной. Выздоровев после такого увечья, Воронский поклялся не показываться уже людям в своем натуральном виде и сам придумал механизм, в котором он мог бы действовать как автомат шахматной игры. Механик Кемпелен был не кто иной, как его простой помощник.

К числу людей легковерных, надеявшихся разбогатеть, отыскав большой клад, принадлежал один из героев кавказской войны, генерал Б. Страсть его к поискам кладов доходила до того, что он месяцами и более жил в какой-нибудь глухой лесной местности со своими копачами, питаясь скудной пищей. Генерал, выйдя в отставку, по зимам жил в Петербурге, но только лишь приходила весна, он уже снимался с места и отправлялся куда-нибудь на юг в степи или на Волгу в лесные места.

В былые годы у нас господствовало среди всех классов поверье в клады. Основанием этому служило то, что иногда зажиточные люди боясь покражи или истребления пожа-

ром некоторых вещей и денег, зарывали их в землю, потом умирали, не взяв спрятанного ими из потаенного, известного им только одним, места. По прошествии же многих лет иногда находили случайно зарытое добро, стоимость которого слишком преувеличивала народная молва. Точно так же и разбойники зарывали иной раз награбленное ими в лесах и других намеченных ими местах.

На Волге нет, кажется, оврага или горы, о которых народная молва не рассказывала бы, что будто здесь зарыт клад. Стенькой Разиным или Кудеяром. Много также рассказывается и про Пугачева; в Пензенской губернии есть одно место по реке Мокше, о котором идет молва, что там зарыта Пугачевым целая лодка с серебром. Зарывал ли Пугачев клады — это неизвестно, но в его время действительно было немало случаев зарытия в землю денег и дорогих вещей, и с тех пор с особенною силою пошла в ход молва о богатых кладах.

Державин передает слух, что после разгрома Железняка предводительствуемые им казаки, беспощадно грабившие польских панов,

шляхту и евреев, зарыли в лесах несметные богатства: золотую и серебряную посуду, а также пушки, набитые жемчугом и золотом. Вспомним также пресловутые гайдамацкие клады, зарытые в сухих колодцах Малороссии.

Генерал Б. имел старинные записи о многих зарытых кладах, он даже верил и тому народному поверью, что клад не дается в руки без соблюдения известных обрядов заклинаний и без знания приговоров. Приговоры же при зарытии кладов бывают весьма различны. Иногда, как рассказывают, прячут в землю клад на голову или на несколько голов человеческих. И в этом случае тот, кто захотел бы его достать, должен погубить известное заговоренное число людей, и тогда клад достанется ему без всяких затруднений. Если подозревают, что кто-нибудь собирается зарыть клад, то близкие к нему люди подстерегают его, и когда он примется за работу, тогда подслушивают его слова и переговаривают их, после чего заклятый клад переходит легко.

Иногда клад зарывают на счастливого, и

после этого клад является ему петухом, курицей, кошкой и собакой. Если клад явится в таком виде, то следует идти за ним, и когда он остановится, то не плошать, а ударить его наотмашь, чем попало, вскрикнуть аминь – рассыпья! – а где он рассыплется, там и следует копать землю. Бывают клады, известные многим, но взять их невозможно. У генерала был и мастер искать клады, это был моряк-боцман, человек весьма опытный в этом деле; он много разрыл могил в Крыму. Б. с ним искал клады более десятка лет.

Расчет на легкое верование в возможность отыскивать клады доходил до того, что еще к Петру Великому явился один серб и подбивал государя отыскивать клад царей персидского Дария Кодомана и македонского Александра Великого. По рассказам серба, клад этот находится в Венгрии и состоит из слитков золота, царских корон и золотого змия, в устах которого «учинен камень диамант, золотого болвана – бога жидовского, золотого льва и пр.».

Б. так усердно занимался кладоискательством, что, прокопав три своих богатых поместья и не встретив ни одного случая, где бы

мог найти хотя одну монету, он кончил очень печально – чуть ли не в доме умалишенных.

Лет тридцать тому назад в богатом Орл-имении проживал по-царски богатый помещик Н. К-ий, страсть которого к охоте, собакам и садовым беседкам доходила до смешного. Усадьба его издали представляла какой-то восточный заколдованный город, огромное его состояние позволяло ему вести широкую жизнь. Многие окрестные помещики составляли обычную свиту этого барина, сопровождая его на псовую охоту. Об обедах и подарках его говорили на целую губернию. Тургенев в своем «Гамлете Щигровского уезда» коснулся одного такого обеда К-го. Съезды на праздник гостей, по большей части охотников, собачев, этого помещика выходили очень многочисленными. Один из домов в усадьбе его был отделан, как лучшая гостиница: здесь могли останавливаться более сотни приезжих, жить по неделям и даже не являться на глаза хозяина. Все желания, все прихоти гостей исполнялись в точности его дворецким. Барский дом был громадный. Главный корпус соединялся с каждой стороны длинными галерея-

ми с флигелями, отчего строение принимало огромные размеры. Большие залы в доме были в два света. По прихоти хозяина все украшения, как наружные, так и внутренние, представляли непривычному взгляду довольно странный вид. Начиная с решетки до флюгера на крыше дома, все изображало одни принадлежности охоты. Из окон выглядывали медвежьи головы, в углу притаился пушной зверь, вместо ковров владелец набросал звериные шкуры. На стенах висели картины, изображавшие псовую охоту. Вся мебель была из оленьих и лосиных рогов, кабаньих голов, лошадиных ног и т. д.

Странные причуды были у этого помещика, собирателя охотничьих предметов. В одной из беседок в его саду, богато отделанной в виде надгробного мавзолея, внутренность здания была украшена более чем странно, здесь были собраны все враги пернатых. Над самою дверью парила с распростертыми крыльями и разинутым клювом огромная сова. По стенам, окрашенным черным цветом, прибиты крылья и головы филинов, орлов, коршунов, копчиков, ворон, обведенные каймою

из мышей, крыс, хорьков, ласточек, все эти хищники прибиты к стене узорами и составляли звезды, треугольники, розетки, словом все украшения, которые только умудрилось большое воображение нарисовать крыльями, головами, ногами и корпусами птиц и животных. Так же отделан и потолок. В простенках между окнами прибиты головы кошек, под ними укреплены накрест их лапки в том положении, как на надгробных камнях ставят кости над мертвыми головами. Это головы казненных кошек. Над каждой надпись, когда и за какое преступление виновная лишена жизни. Например «Приговорена к смерти за покушение на жизнь голубя», на другой надписи виднелось «лишена жизни за убийство воробья» и т. д.

Но самая любопытная особенность этой беседки была другая комната, она отделана была в мавританском вкусе, где потолок и стены были убраны золотыми арабесками, лучистыми венками и целыми двестишиями из наших поэтов доброго старого времени, и все эти хитросплетения букв, венков делались из мышинных и крысиных хвостов, которые из-

вестным путем очищались, сортировались, делались твердыми, полировались и покрывались позолотой. Для этой работы у помещика жил специалист по части крысоистребления – старик-венгерец, должность его состояла в том, что он ходил по усадьбе, отыскивая норы крыс. Способ ловли его был замысловат и любопытен: он раскладывал у всех щелей и прогрызенных крысами дыр кусочки сала. Крысы, как известно, отличаются прекрасным чутьем, и долгохвостые лакомки являлись в первую же ночь, чтобы удовлетворить свой аппетит.

Так делалось в продолжение двух-трех дней, наконец, в одни сумерки венгерец, вооружив свой каблук стальным острием вроде долота, насаживал под пятку кусок сала и становился на страже при одной из щелей, где клал приманку. Крысы, не подозревая, к какому низкому предательству способен человек, вылезали из нор своих, и как только рты разверзлись, чтобы схватить добычу, венгерец делал прыжок назад – и крыса была обезглавлена. Он никогда не делал промахи и продолжал эти убийственные скачки, переходя от

щели к щели, от подвала к чердаку до тех пор, пока целое поколение крыс не истребилось.

В былые годы имение К. кипело жизнью шумной и полной всякого довольства; внимательная барская дворня ловила желание гостей, многолюдство посетителей всегда было приятно владельцу этого роскошного сельского уголка. Часто многие из бедных дворян жили здесь по нескольку месяцев, не смея из скромности представиться хозяину. Они все-таки пользовались всеми удобствами широкой барской жизни. Более десятка линейек, шарабанов, троек всегда были готовы для выезда гостей. На пруде ждали желающих шлюпки, лыжи, гондолы с гребцами. Сад был прохладный, дремучий, разбитый на сорока десятинах; были аллеи, где не видно было голубого неба – все зелень и тень. По главной аллее стояли статуи, памятники. В куцах деревьев виднелись храмики с названиями, значение которых было особенно приятно только одному владельцу. Они были построены во имя дружбы, истины, любви и терпения и т. д. Но особенно были великолепны беседки. Помещик имел к ним особенную слабость и

не жалел десятки тысяч. Одна из таких была построена над прахом его любимого кобеля «Любезного» и стояла владельцу около пятидесяти тысяч, другая – в память ахалцихского дела, была вся выстроена из железа и окрашена очень искусно под цвет кашемировой ша-ли; стоимость этой беседки чуть ли не превышала названную стоимость первой.

Особенно пышными выходили у этого ба-рина так называемые «отъезжие поля»; стая его гончих состояла более чем из двухсот смычков «выжлецов и выжловок», выжлят-ники были одеты в красные куртки и синие шаровары с желтыми лампасами; у ловчих, для отличия, были куртки, обшитые позументом, рога у всех висели на красной тесьме с кистями, каждый имел борзых собак на своре не более трех; хортых собак К-ий не любил, борзые у него были чистопсовые и густопсо-вые. К походу всегда играли борзятники «по-зов». Выезд тянулся с обозами ими чуть ли не на версту, так много приглашалось гостей на травлю волков и русаков. На болотную дичь К-ий отъезжал тоже не с меньшим парадом, один обоз состоял не менее как из сорока те-

лег. Сам барин с почетными гостями ехал в линии, остальные гости в тарангасах и беговых дрожках. Охотничьих ружей у него было более сотни, здесь были также и драгоценные, как-то: Пюр-де, Мортимер, Ланкастер. Затем, в лучших образцах и старых мастеров, как Лебеда и Лепажа, и такие древние, как шведский Стар-бук, и работы испанского оружейника Лазаро-Лазарини; стволы последнего мастера, по преданию, отличались такою мягкостью, что, будучи измятыми, после первого выстрела выпрямлялись. Сам К-ий имел ружье необыкновенной легкости, весом немного более четырех фунтов, над работой которого известный французский оружейник Гастон Ренет трудился чуть ли не десять лет. Бой этого ружья был удивительный – дробь приносилась в цель кучно в окружности чайного блюдечка. К-ий прожил в своем имении более пятидесяти лет не выезжая иначе, как только на охоту.

Особенною его странностью была еще нелюбовь к прекрасному полу, и как ни хлопотали соседки хоть одним глазком взглянуть на роскошное житье соседа, но доступ

им в усадьбу, как на Афон женщинам, был невозможен.

В первых годах текущего столетия в Курской губернии проживал богатый откупщик-помещик П-в; он считался одним из крупнейших землевладельцев – его владения были на пространстве 80 000 десятин. П-в приобретал имения, не стесняясь никакими незаконными средствами. Он был так богат, что самые дикие и бессердечные его выходки сходили ему с рук. После его смерти у него в кабинете нашли большой куль, наполненный золотыми табакерками и бриллиантовыми перстнями; в его сараях стояло около сотни новых экипажей, еще зашитых в чехлы и рогожи. Табакерки, перстни, экипажи были назначены «на подарки» губернским чиновникам.

Люди, не занимавшие видных мест в губернской иерархии, трепетали перед именем П-ва и творили всякие беззакония по воле этого денежного мешка. В своих приобретениях этот помещик-откупщик не брезговал никакими мерами. Так, раз облюбовав именице одного мелкопоместного дворянина,

он позвал его к себе и предложил ему продать свое имение. Дворянин наотрез отказал ему. Тогда П-в стал настаивать, бедняк упрямылся; наконец, выведенный из терпения, П-в объявил ему, что не отпустит его домой, пока не будет составлена запродажная запись, и эта угроза не подействовала на бедняка; тогда П-в позвал своих слуг и приказал запереть его в сырой погреб, где несчастный провел целых два года.

Сырая тюрьма и вечная непробудная темнота сокрушили силы несчастного, он согласился на требование откупщика и совершил купчую крепость. П-в возвратил ему свободу и вручил сторублевую ассигнацию.

Но еще и не такие драмы разыгрывались в доме этого бессердечного палача; под домом его было устроено подземелье, в котором содержались провинившиеся пред этим богачом лица; рассказывали, что после смерти его было здесь найдено несколько костяков с цепями. Исход всякого уголовного следствия против П-ва можно было заранее предугадать: не было таких денег, которых бы он не дал следователям.

Много шума наделало в губернии одно из таких дел. На его земле у него были устроены шлагбаумы, у которых стояли сторожа – ни один из приезжающих не мог здесь проехать. Но раз случилось, что один из петербургских сановников хотел без пропуска проехать, сам спустил цепь, и когда коляска уже тронулась, то в ту же минуту стражник успел спустить цепь, и поднявшийся шлагбаум быстро опустился и ударил по голове сидевшего в коляске камердинера сановника; удар был настолько силен, что последний пролежал более двух недель в уездном городе. Сановник доложил об этом случае императору, наряжено было строгое следствие. П-в, узнав, что едет на следствие чиновник по фамилии М., велел тотчас же донести ему, когда он приедет в город.

Вскоре приехал в город господин, носивший такую фамилию, для покупки себе имения; П-в, полагая, что тут кроется хитрость, приехав в город, поселился в одной с ним гостинице и, разузнав, что он не сторговал имение за недостатком нужной суммы, предложил ему банковский билет, превышающий

требуемые деньги. Последний воспользовался таким великодушным предложением, взял деньги и уехал. Вскоре открылось, что М. – был не тот, а только однофамилец. Настоящий следователь, носивший фамилию М., тоже был уловлен этим богачом; он после долгих переговоров не устоял от крупной взятки, – вложил ломбардные билеты в конверт, переслал жене и детям, а сам застрелился.

П-в от закона возмездия не ушел – смерть его вышла более чем странная, об ней говорили во всей России. Миллионер-палач был найден прислугой в одно утро при следующей печальной обстановке. При входе в его роскошную спальню, на расстоянии одного аршина от постели виднелась целая куча пепла, в которой можно было различить две целые ноги, от пяток до колен, и руки. Между ногами лежала голова. Остальное тело превратилось в пепел, имевший то особенное свойство, что от прикосновения к нему на пальцах оставалась жирная и зловонная мазь. При этом замечено было, что воздух в комнате был наполнен точно сажей. Карсельская лампа оказалась без масла, а две свечи

на ночном столике истаяли, только одна светильня висела. Вся постель и драпировка были покрыты сероватой сажой. В соседней комнате тоже слышался запах жареного и виднелась всюду сажа.

Смерть П-ва была объяснена, что он сгорел от внутреннего и невидимого огня. Камердинер его рассказывал, что за последнее время он имел обыкновение натираться каким-то ароматическим спиртом, который он употреблял в большом количестве, и думали, что это снадобье было одной из причин замечательной смерти его.

После уже, спустя несколько лет, ходили слухи в губернии, что он был убит своими дворовыми самым безжалостным образом: у него живого были выжжены внутренности. Убийство происходило в теплице-ананаснице, палачами этого палача были – камердинер, садовник и два доезжачих.

Глава XVII

Князь Голицын. – «Фирс». – Актеры-любители. – «La princesse Moustache» старушка Загряжская. – Странности красавицы П-вой. – Чудак-сенатор. – Старосветская помещица. – Сутяга-оригинал. – Меховщик-путешественник

В сороковых годах в петербургском высшем обществе было несколько князей Голицыных, известных под разными кличками. Был Голицын «рябчик», был еще Голицын «кулик» и был Голицын, известный под именем «Фирса». Последний играл замечательную роль в тогдашней петербургской молодежи. Роста и сложения атлетического, веселости неистощимой, куплетист, певец, рассказчик, балагур, куда он только ни являлся, начинался смех, и он становился душою общества, причем постоянное дергание его лица придавало его физиономии особый комизм.

Про свое прозвище «Фирс» он рассказывал, что оно всюду ему мешало, потому что было связано с днем 14 декабря.

Любопытно происхождение этого названия. Сначала никто не понимал, почему и отчего оно произошло; но потом оно объяснилось следующим образом.

Князь С.Г. Голицын, прекрасный певец-бас, был почти домашним человеком в доме Чернышева, впоследствии графа и князя. Он был приятный собеседник и притом всегдашний певец у них романсов и оперных арий, почему дети Чернышева и прозвали его в шутку Тирсисом, по-русски – Фирс. Но как по русским святцам празднуется 14 декабря память св. мученика Фирса и других с ним, то при производстве следствия над декабристами возникло подозрение, не имело ли прозвание Фирс какого-нибудь отношения к событию 14 декабря 1825 года, и от князя С.Г. Голицына потребовано было объяснение, которое и оказалось единственно означенною выше детскою шуткой. Но это прозвание с тех пор осталось ему на целую жизнь.

Фирс-Голицын ввел в петербургском свете представления, известные под именем шарады в действии (*charade en action*), что в свое время долго считалось последним словом

изящной новизны. Разыгрывались они так. В известный день у какого-нибудь великосветского барина или барыни назначался вечер, в который вдруг к ним являлось несколько замаскированных актеров-любителей, нередко в очень богатых костюмах; с ними являлись и музыканты. В зале перед публикой ставился стул или кресло, богато убранное, на которое садился султан или паша в своем сказочном наряде, и перед ним уже происходили представления. Один пел, другой декламировал; случалось, что являлись баядерки и протанцовывали перед изумленными зрителями танец ночи или другой какой-нибудь. Такая странствующая труппа состояла более чем из десяти актеров.

На этих представлениях все женские роли занимали мужчины. Так, в исполнениях женских оперных партий часто являлся известный впоследствии композитор М.И. Глинка. Например, в «Дон Жуане» он играл роль Донны Анны, в белом пудрмантеле, в женском парике, с распущенными волосами, что, при его небольшом росте представляло довольно забавную фигуру, но пел он голосом кон-

тральто очень хорошо.

Любительские спектакли всегда заключались балетными дивертисментами – танцевали преимущественно русские танцы, в мужских и женских крестьянских одеждах. Все участвовавшие в спектакле разделены были на пары, которых бывало до двадцати, если не более; в каждой паре один был в мужском и другой в женском национальном костюме – конечно, театральном, в сарафане с кисейными рукавами и кокошнике. Все были в полумасках. Дивертисмент открывался польским, в котором пары проходили перед зрителями несколькими кругами взад и вперед, а затем некоторые из пар протанцовывали отдельно русскую пляску, так как она ставилась на театре известным в то время балетмейстером Огюстом, который ставил танцы и здесь. Танцевали всегда под оркестр известного богача того времени Всеволожского. Лучшие такие спектакли происходили в присутствии высшего столичного общества – в доме одного из важнейших государственных людей, графа В.П. Кочубея, на Фонтанке, близ Летнего сада, где долго помещалось III отделение.

В числе актеров считался и князь Василий Голицын, неизвестно почему прозванный «рябчиком», это был певец, исполнявший очень мелодраматично романсы. Так, известное стихотворение «Гречанка», слова Пушкина, музыка Верстовского, он пел с большим выражением, в конце выхватывал из-за пояса кинжал и кидался на изменницу. Голицын был меценат, тип на Руси более не существующий, он положил огромные деньги на устройство и украшение художественными предметами своего дома на Владимирской, теперь, увы, обращенного в приказчиный клуб, с мясными, зелеными лавками, как бы в насмешку над судьбами искусства. Актеры этой труппы подвизались в лучших тогда аристократических домах, очень часто у княгини Н.П. Голицыной, известной под именем «La princesse Moustache», матери московского генерал-губернатора светл. князя Дмитрия Владимировича, сын, несмотря на свое высокое положение в свете, относился к ней не только с крайнею почтительностью, но чуть ли не подобоострастно. В свете княгиня властвовала, всеми признанная. К ней везли каж-

дую молодую девушку на поклон. Гвардейский офицер, только что надевший эполеты, являлся к ней, как к главнокомандующему.

В Петербурге в те года имела еще большее влияние одна весьма оригинальная и остроумная старушка Наталья Кирилловна Загряжская, известная по записанным Пушкиным ее анекдотам. Это была живая хроника царствования Екатерины II, и многие из ее рассказов не раз были повторяемы в печати. Замечательная старушка жила на Фонтанке, близ Цепного моста, в доме бывшего III отделения. Вот малоизвестные черты ее характера. Она сохранила обычай прошлого столетия принимать визиты во время одевания. Росту она была небольшого, кривобокая, с одним плечом выше другого, глаза нее были большие, серо-голубые, с необыкновенным выражением пронизательности и остроумия, нос прямой, толстый и большой, с огромною бородавкою у щеки. На нее надевали сперва рыжие букли, потом, сверх чепчика, навязывали пестрый платок с торчащими на темени концами, потом ее румянили и напяливали на уродливое туловище капот, сбоку приколо-

тый, шею обвязывали широким галстуком.

Она выходила в гостиную ковыляя и опираясь на костыль. Впереди бежал ее любимый казачок Каркачек, а сзади шла, угрюмо наступившись, ее неизменная спутница, приживалка Авдотья Петровна, постоянно вязавшая чулок и изредка огрызавшаяся. Старуха чудила много и рассказывала про себя многие диковинки. Она очень боялась воров и не любила ездить по Цепному мосту, возле Летнего сада, – «вдруг как из леса выскочат разбойники и на меня бросятся».

Однажды она услышала, что воры влезли к кому-то в окно, и она, для того чтобы быть обеспеченной от такого нежданного визита, приказала дворнику купить балалайку, с тем чтобы он всю ночь ходил по тротуару, играл и пел. Так и сделано. Мороз был трескучий, дворник побренчал и ушел спать. Ночью она просыпается. Кругом тишина... Звон, крик, вбегает испуганная приживалка – «Что случилось?» – «Скажи, матушка, чтобы Каркачек побежал на улицу и спросил, отчего дворник не веселится? Я хочу, чтобы он веселился».

Она сама смеялась над своими капризами

и рассказывала, что даже покойный муж потерял однажды терпение и принес ей лист бумаги и карандаш: – «Нарисуй мне, матушка, как мне лежать в кровати, а то всего ногами затолкала».

В гостиной этой живой хроники прошлого века появлялась вся интеллигенция того времени. Самый способ ее приема был оригинальный. Когда вошедший гость добирался до кресла, на котором она сидела у карточного стола, она откидывалась боком к спинке кресла, подымала голову и спрашивала: «Каркачек, кто это такой?» Каркачек называл гостя, и прием был обыкновенно радушный.

Но однажды явился к ней вечером сановник, на которого она была сердита. Услыхав его имя, старушка крикнула, несмотря на толпу гостей: «Каркачек, ступай к швейцару и скажи ему, что он дурак! Ему велено не пускать ко мне этого господина». Сановник помялся и вышел. Загрязская была положительно силою по благоволению двора и по своим близким родственным связям к князю Кочубею, тогдашнему председателю Государственного Совета, и, наконец, по собственным

достоинствам.

В двадцатых годах, недалеко от Загряжской, проживала еще другая знаменитость тех дней, красавица П-ва, о сыне которой, большом шалуне, мы расскажем ниже. По положению в обществе она не была в высоком ранге: мужу нее был только секретарем какого-то учреждения. Но П-ва представляла силу – ее боготворил известный А-ев. Перед ее домом, на Фонтанке, дежурил унтер-офицер и доносил генералу о бывших у нее лицах.

П-ва отличалась многими странностями, она боялась покойников, крика и всякого уличного шума. Но особенно чего она страшилась, это – грозы, и только что показывалась на небе туча, как у ней зажигались лампы, наглухо запирались окна, спускались шторы, гардины, спальня ее наполнялась перинами и подушками, под ее кровать подкладывались стеклянные ножки, воздвигалась даже над креслом, где она сидела, стеклянная палатка, из комнаты изгонялось все шерстяное, кошки и собаки относились в подвал, прислуга одевалась в одни шелковые платья и целой толпой наполняла ее спальню.

Барыня ложилась на кровать, а прислуге приказывалось как можно сильнее ходить, говорить громче, словом, делать побольше шуму, чтобы заглушить раскаты грома. Эта причудница питала также большое доверие ко всяким гадалкам и предсказательницам и свято верила в то, что ей предсказала одна цыганка. Предсказание, по счастливым обстоятельствам, сбылось наполовину, и вот она ждала и конца предсказания, которое ей сулило в женихи чуть ли не владетельного князя.

П-ва отличалась большим долголетием, она умерла чуть ли не девяноста лет. Под конец своей жизни, чтобы лучше скрыть от всех свою старость, она почти изгнала из своих комнат всякий свет. Днем ее окна были тщательно завешаны шторами, а вечером вся длинная анфилада ее комнат освещалась двумя свечками; в зале горела одна лампа, а в гостиной – одна восковая свечка в высоком подсвечнике.

В старые годы многие помещики не находили ничего предосудительного в причудах и выходках, нередко совершенно невозмож-

ных. Известен анекдот, как один сенатор М-й имел случай угодить графу Аракчееву, посетившему тогда Москву. Граф в продолжение обеда, данного ему сенатором, заметил у него соловья, пение которого было превосходно.

На другой день сенатор приказал одному из своих слуг взять клетку с птицей, обратившей на себя внимание знатного посетителя, и отправиться с ней к графу в Петербург пешком, потому что так было лучше для соловья и дешевле для сенатора. Слуга, прошедши туда и назад более тысячи верст, в пору слякоти, по дороге самой скверной, вернулся с докладом, что соловья донес благополучно и что граф приказал очень благодарить сенатора за подарок.

Лет шестьдесят назад проживал в Пензенской губернии один почтительнейший сын, который в год раз двадцать, если не более, посылал своих дворовых к матери, живущей в Орловской губернии, то с десятком куриных яиц, предназначенных для высиживания, из редкой тогда еще кохинхинской породы, или с пятифунтовой банкой ежевичного варенья или липового меда. Маменька этого помещи-

ка была вполне дама прошлого столетия, она всегда была одета в шелковое платье «молдаван», старинного покроя, на голову надевала разные мудреные куафюры старинных времен, румянилась, накладывая румяны на щеки яркими неестественными пятнами, и прилепляла одну мушку возле другой.

Челядь в своем доме она имела многочисленную; толпа горничных, под начальством барыни, дежурила во всех комнатах; у каждой двери господских покоев стоял огромный малый. Встать с кресел и сделать несколько шагов для того, чтобы взять нужную вещь, она считала действием неприличным и обращалась к малому у двери с приказаниями Феньке, чтобы она прислала рыжую Шурку подать ей карты, хотя карты лежали на столе в той же комнате, где сидела барыня.

У этой барыни была особая комната для болонки и для приставленных к ним девушек; два попугая у ней тоже имели своих слуг, которые получали сухари и сливки для птиц. Болонки были у барыни очень злобные от слишком целомудренной жизни, их даже не выпускали гулять из комнат. Собаки кусали

слуг ежеминутно: нередко слуга, подавая чай, стоял, танцуя перед барыней с подносом в руках. Наливая сливки в чашку, барыня замечала слуге:

– Скажи, зачем ты так трясешь подносом?

– Фиделька больно ноги кусает!

– Должно ли из-за этого трясти подносом, когда ты подаешь мне чай?

Это говорилось совершенно простодушно, в ту среду, в которой она родилась, не проникали иные понятия.

Петербургская сторона в старые годы изобиловала чудаками и оригиналами. Там можно было найти людей, убивших весь свой век и состояние на тяжбы. Такие несчастные по вечерам и ночам сидели дома над бумагами, выводя в тишине крючки на прошениях. Рано же утром их встречали уже на Мытном перевозе. Сюда они собирались, чтоб переехать в Сенат, обремененные связками и свертками бумаг.

Лет пятьдесят тому назад почти ежедневно видели здесь одного худого, чахлого старичка, который с видимым усилием приносил под мышкой тяжелое толстое березовое

полено, тщательно завернутое в клетчатый бумажный платок; садясь в лодку, он бережно клал его к себе на колени, любовно глядел на него и укутывал заботливо, словно мать ребенка.

– Берегите, берегите его, – говорили часто, смеясь, старичку молодые чиновники, – не равно простудится ваше полено, станет кашлять, спать не даст.

– Полно-те смеяться, – отвечал старичок, – оно мне и так сорок лет не дает спать.

– Да отчего же?

– Разве я вам не рассказывал?

– Нет, право, нет!

– Ой, рассказывал!

– Нет, нам не рассказывал, может быть, другим рассказывал, а нам нет.

– Это дело прелюбопытное, – начинал старичок, – от этого полена зависит все мое состояние, оно, извольте видеть, не простое полено, оно мое сердечное, образцовое... В 1798 году я ставил подряд на дрова...

И старик в тысячный раз рассказывал своим обычным слушателям, как он ставил куда-то дрова по подряду, как ему не заплатили

вполне всех денег, потому, будто бы, что дрова были короче, нежели положено по условию; как он с секунд-майором А. и провинциальным секретарем Б., призвавши их в свидетели, взял собственными руками из кучи своих дров полено, так, без wyboru, зря, спрятал его, завел дело и проч., и теперь для доказательства, в случае потребует надобность, постоянно отправляясь в Сенат, берет свое полено, высчитывает, сколько носовых платков износило это полено и т. п.; словом, говорил, пока лодка не причаливала к другому берегу и его слушатели не разбегались по разным направлениям; тогда он, вздохнув, давал копейку лодочнику, брал бережно полено под мышку и отправлялся в Сенат.

На Петербургской стороне существовала Плуталова улица, названная так от одного домовладельца, жившего на ней, за то, что последний, выходя из дому, потом уже никак не мог возвратиться домой; он обладал такой слабой памятью, что узнать ворот своего дома без помощи других не мог – его или приводил всегда к крыльцу будочник, или его вела старуха-кухарка. Старик весь век так и про-

жил в ней, жалуясь всем на свою гадкую память. «Трудно, трудно мне, – говорил он, – но еще труднее было бы, если б опять меня в школу».

В начале шестидесятых годов, в Гостином дворе на верхней линии торговал старик, купец-меховщик, человек довольно высокого роста и очень тучный, известный между гостинодворцев за свою неудержимую страсть к поездкам под именем «всемирного путешественника». Он был замечателен тем, что изумлял всех тем количеством верст, которые он проехал. По его вычислениям, если принять окружность всего земного шара в 37 800 верст, то выходит, что он земной шар объехал тридцать раз в свою жизнь, или проехал более одного миллиона верст. Чтоб исчисления этого купца не показались преувеличенными, надобно сказать, что при хорошем устройстве дорог в Сибири и чрезвычайно скорой езде, до открытия золотых промыслов, весьма легко было на вольных лошадях проезжать в сутки летом от 200 до 250, а зимою от 300 до 350 верст, платя за версту от 5, 7 и 10 коп. за тройку.

Купец или приказчик меховыми товарами в старину проводил большую часть года в разъездах, мог проезжать в четыре зимние месяца от 36 000 до 42 000, в четыре летних месяца (полагая два месяца на прожитие в городах и селениях), от 24 000 до 30 000 в течение одного года, при двухмесячном отдыхе, объехать от 60 000 до 72 0 00 верст, а в десять только лет проехать ужасное пространство от 600 000 до 720 0 00 верст.

Но этот купец разъезжал по сибирским дорогам, закупаая пушные товары, в Якутск, Иркутск, Кяхту, Ирбит и в Нижний, слишком срок лет, начав разъезды с юношеского возраста. По его рассказам, первые тарантасы в Сибири явились в 1826 году, их называли там «карандасом», и что ранее приказчики и купцы ездили в обыкновенных повозках. Сколько должны они были вытерпеть толчков и ударов при непрерывных разъездах! Сколько с каждым случалось таких происшествий, где жизнь их подвергалась опасности! Сколько им нужно было претерпеть от непрерывных дождей или тридцатиградусных морозов. По его словам, от морозов они спасались тем, что

зажигали в повозках свечи, и это очень согревало, тогда существовали большие фонари для свечей. Такие продолжительные поездки редко кто выносил, по большей части умирали от болезней почек. Известный военный генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков, проехавший не одну сотню тысяч верст, умер от блуждающей почки. С постройкой железной дорога в Сибири, рассказы о быстрых поездках на обывательских лошадях отойдут в область мифа. Кто поверит, что по льду на Байкале ездят 54 версты в два часа? Во время сильного ветра здесь невозможно даже ехать тихо: легкая повозка скользит по зеркальной поверхности озера и сбивает лошадей с прямого пути.

Вот примеры продолжительной скорой езды. Во времена иркутского гражданского губернатора Трескина, с 1806 по 1819 год, казаки, посланные по каким-либо нужным делам, проезжали от Иркутска до города Верхнеудинска 310 верст в 18 часов. Казаки, отправляемые в Якутск, 2 620 верст иногда проезжали в 7 и 7 1/2 дней – более 15 1/2 верст в час, не считая остановок. Но в последнем пути зи-

мою встречались весьма важные остановки. Ямщик, проехав несколько верст, принужден иногда остановиться и оттирать у лошадей лед, образовавшийся около ноздрей. Самый изумительный пример скорой езды и беспримерной неутомимости показал иркутский казачий офицер Чеусов. Он зимою в 1809 году из Петербурга в Иркутск проехал в семнадцать дней. От Петербурга до Иркутска тогда считалось 6 016 верст.

Глава XVIII

Д-ский, помещик К-в, ростовщик. – Маргаритка. – Художник Ор-ий. – Граф С-б. – Граф Х-в. – Моряк Аполлон Бельведерский. – Американец Рандольф. – Бригадир Брызгалов. – Князь Окропир

Пятьдесят-шестьдесят лет тому назад столичная уличная жизнь представляла еще много свободы в костюмах. На главных улицах Петербурга попадались люди чисто в маскарадных нарядах; в первых годах царствования императора Николая I было в живых и несколько людей екатерининского века, кото-

рые ходили по улицам в звездах, в плащах и золотых камзолах с раззолоченными ключами на спине, виднелись и старые бригадиры в белоплюмажных шляпах; немало было и таких аристократов, которые по придворной привычке при матушке царице приходили на Невский с муфтами в руках и с красными каблуками, этот обычай считался самым аристократическим и шел со времен королей французских. Молодые модники ходили зимою в белых шляпах и при самых бледных лучах солнца спешили открыть зонтики; светские кавалеры тех времен носили из трико в обтяжку брюки и гусарские с кисточками сапожки; жабо у них было пышное, шляпа горшком, на фраках – ясные золотые пуговицы, воротники в аршин. У часов висели огромные печати на цепочках, у других виднелись небольшие серьги в ушах, обычай носить серьги в ушах у мужчин явился с Кавказа, от грузин и армян, нередко тоже протыкали уши мальчикам, по суеверию, от некоторых болезней. Мода на серьги особенно процветала у военных людей в кавалерийских полках, и трудно поверить, что гусары преж-

них лет, «собутыльники лихие», все следовали этой женской моде, и не только офицеры, но и солдаты носили серьги. Первый восстал на эту моду генерал Кульнев, командир Павлоградского гусарского полка. Он издал приказ, чтобы все серьги из ушей были принесены к нему. Уверяют, что известная пословица для милого дружка и сережка из ушка, придумана в то время солдатами. Лет 50 тому назад не считалось странным белиться и румяниться, и иной щеголь так изукрашивал себе лицо румянами, что стыдно было глядеть на него. Военные ходили затянутыми в корсеты, для большей сановитости штаб-офицеры приделывали себе искусственные плечи, на которых сильнее трепетали густые эпoletы. Волокиты того времени ходили с завитыми волосами, в очках и еще с лорнетом, а также и с моноклем, жилет непременно бывал расстегнут, а грудь – в батистовых брыжах. В конце сороковых годов типом для наряда щеголя считался актер, игравший роль первых любовников. Теперь, я думаю, редко кто будет рабски следовать моде драматических любовников александрийского театра и завивать

себе волосы «тюрбушонами», но тогда, за неимением хороших образцов, франты средней руки копировали во всем актеров. Первые любовники описанной эпохи ходили на улицу и на публичные гулянья в венгерке оливкового цвета и с красным шарфом на шее. Шиком в то время считалось только мять часто шарфы, а не платье. Молодые театры, подражая актерам, являлись тоже на улицах в таком наряде. Нынешние брюки сверхсапог вошли в моду тоже в начале царствования императора Николая I, перенял эту моду Петербург у приезжавшего тогда в наш город герцога Веллингтона, генерал-фельдмаршала английской и российской армий. Такие брюки стали называть «велингтонами». Знаменитый сподвижник императора Александра I ввел у нас и узкий, длинный плащ без рукавов, называемый тогда воротником (cools).

В описываемую эпоху на улицах Петербурга попадались и модные на головах «боливары», это были шляпы необычайной величины, не сняв такой шляпы, трудно было пройти в узкую дверь, но были также гулявшие по улице, усвоившие себе привычку ходить с

непокрытой головой. К таким принадлежали приезжавшие по торговым делам англичане из секты квакеров, они ходили по улицам без шляп в силу того, что снятие шляпы перед кем бы то ни было им было запрещено. Квакеры отвергали музыку, пение, всякие игры, посещение театров и всякую роскошь, но продавать предметы роскоши им не возбранялось. Квакеры первые познакомили нас с входившими тогда в моду гаванскими сигарами. В екатерининское время почти все чиновные и важные люди не носили шляп, а, гуляя, держали их под мышкою. Высокая прическа, пудра и тупеи не давали возможности накрывать шляпой голову.

В числе уличных оригиналов в сороковых годах часто попадался на улицах небольшой худенький старичок, по профессии учитель французского языка. Он суетливо, почти бегом шагал по тротуарам, но всегда, зимою и летом, с непокрытою головою, шляпы у него совсем не было. По рассказам, он приехал в Петербург в суровое царствование императора Павла I, и раз ему случилось проходить мимо Михайловского замка, где жил государь, и

это было в последний раз, что он имел шляпу на голове. Возле дворца его увидали, догнали и не очень вежливо сбили с головы шляпу, а самого отвели в крепость. Когда узнали, что он иностранец, не знавший тогдашних порядков, то его выпустили; но испуг так на него подействовал, что он помешался на этом и никогда уже не надевал шляпы.

В сороковых годах в Царском и Петергофе близ дворцов все ходили с открытыми головами, как в комнатах. Этого требовал этикет и вежливость к царскому жилищу.

В пятидесятых годах на улицах был замечен еще другой невысокого роста старичок, гладко выстриженный под гребенку и с головой, густо намазанной черной помадой, так что со лба его всегда текла помада. Он также зимой и летом ходил без шляпы: она всегда у него была в руках. Это был сенатор Д-ский, большой любитель церковного пения. Его крепостной певческий хор славился в столице. Крепостных хоров в былое время было в Петербурге несколько.

Обращал на себя внимание также разгуливавший по улицам со своим хором певчих бо-

гатый костромской помещик К-в, приезжавший по зимам в столицу. К-в был большой оригинал, необыкновенно тучный, одетый всегда в коричневый фрак и в огромном парике.

Все певцы его хора были подстрижены в скобку, в черных кафтанах и все брюнеты, т. е. окрашены в черную краску. Этот барин водил своих певчих в приходские церкви, где сам, становясь на клирос, правил хором. После церковной службы его усталого, в поту увозили певчие домой в маленькой коляске на рессорах, в которую по очереди и запрягались.

К-в очень боялся лошадей и в столицу приезжал чуть не шагом на своих старых конях, которых всю дорогу кормили одним сеном и очень скудно, из боязни, чтобы они не раздобредли и не понесли хозяина.

В описываемые годы Петербург немало видел уличных оригиналов. Такие по большей части встречались на линиях Гостиного двора.

Из заметных здесь лиц каждому бросались в глаза два бродивших старика индуса в сво-

их национальных костюмах; первый из них – в широком темном балахоне, надетом на нем сверх шелкового пестрого халата, подпоясанного блестящим с камнями кушаком, на котором блеснул небольшой золотой цилиндр с священной водой Ганга; на голове его был тюрбан из дорогой кашемировой шали; бронзовое лицо его было татуировано разноцветными красками, черные зрачки его, как угли, блистали на желтоватых белках с кровавыми прожилками; черные широкие брови, сросшиеся на самом переносье, грозно украшали суровые черты его лица.

В правой руке у него была постоянно длинная бамбуковая палка с большим костяным набалдашником, а в левой он держал перламутровые и янтарные четки. Он был стар и еле ходил от тучности. Когда он умер, то был сожжен на Волковом поле, по индусскому обряду. По профессии этот индус был ростовщик. По рассказам, он особенно любил ссужать деньгами актеров, и затем каждый месяц являлся спозаранку в театральную контору с ворохом векселей и записок, где и взыскивал со своих горемычных заемщиков. Дру-

гой индус, одетый также в живописный восточный костюм, был тоже очень богатый продавец драгоценных камней, и тоже главной отраслью его коммерческих оборотов было ростовщичество, только еще в больших размерах, чем у первого.

Судьба его была очень трагическая: он был убит в Москве в номерах черкасского подворья, и убийца его не был найден. После его смерти все его сокровища были найдены в целости, пропали одни векселя, выданные ему одною графинею.

Спустя несколько лет продавались с аукциона его драгоценные камни; одной бирюзы было продано около четырех пудов, но лучшая, высокого качества, пропала при расценке товара. Рассказывают, что оценщик, рассматривая мешки с бирюзой, самую дорогую из каждого мешка вынимал и клал отдельно в коробку; бирюза была в кусках, не отшлифованная. После расценки он выпросил ее у квартального надзирателя за труды, последний беспрекословно и отдал ему, не придавая ей никакой цены.

Впоследствии этот оценщик, татарин, вы-

строил себе около десяти домов в Татарской слободке. Ходил по Гостиному двору и другой не менее известный ростовщик, обдeldывая свои делишки при встрече с военными, у купцов он слыл под именем Хаджи Мурата, но он не был турок, а нежинский грек (Маргаритка), он долго служил в наших войсках лазутчиком и маркитантом, давал он деньги на проценты преимущественно военным, векселей, как говорили, у него в бумажнике было на сотни тысяч рублей.

Этот Маргаритка не гнушался и мелкой торговлей: на Вербной неделе он первый стал торговать турецкой халвой и рахат-лукумом. Кончил он жизнь также трагически – был зарезан своим воспитанником.

Азиатцев в те времена на улицах Петербурга попадалось немалое количество, встречалось много и подражателей носить восточные костюмы. Из таких мнимо восточных людей были известны – светлейший князь С-ов, десятки лет путешествовавший по Индии, и еще другой богатый аристократ Н-н, экс-лейбгусар. Он щеголял в живописном наряде кавказского горца. Н-н, как говорили, для боль-

шого сходства с настоящим представителем племени шапсугов, привил себе на лице даже коросту, присущую этому горскому племени.

Немало встречалось и других подражателей кавказцам. Так, известный художник Орловский очень часто выходил из дому в наряде лезгинца, с кинжалом и в папахе. Орловский был мужчина высокого роста, смуглый, черноглазый и силы большой, наряд черкеса очень шел к нему, нередко ему сопутствовали два его камердинера, из которых один желтолицый, узкоглазый калмык в своем родном одеянии, и другой – черный как смоль араб в широких шальварах, куртке и чалме.

Другой, известный граф С-б, первый столичный щеголь своего времени, выдумывал разные костюмы. Между прочим он изобрел необыкновенный в то время синий плащ с белыми широкими рукавами. И плащ, и рукава были подбиты малиновым бархатом. В таком плаще приехал он раз в Михайловский театр и сел в первом ряду кресел. Приятель, сидевший с ним рядом и восхищавшийся плащом, стал незаметно всовывать в широкие рукава заготовленные медные пятаки. Когда граф в

антракте поднялся с кресел, пятаки покатились во все стороны, а приятель начал их подбирать и подавать с такими ужимками и прибаутками, что все, сидевшие рядом, покатились со смеху.

Были еще два графа в петербургском высшем обществе, которые тоже прославились своими маскарадными переодеваниями. Первый из них, граф Х-в, ходил по улицам в фризовой старой шинели, с повязанной щекой, загримированный пьяницей, с красно-синим носом. Другой – известный потомок любимца императрицы Екатерины II и министра государыни, ходил в белой куртке немецкого булочника, обмазанный тестом и осыпанный мукой, и когда его узнавали, то он отрекся и сердился. Он начал свою карьеру блистательно, еще юношей был пожалован в камер-юнкеры. Но вскоре влюбился со страстью гимназиста в известную танцовщицу и поклялся честью, что если кто делается счастливым его соперником, то должен будет иметь с ним смертельную дуэль. Такой трагический эпизод вскоре представился – противник был убит на дуэли, и с тех пор в нем раз-

вилось врожденное расположение к мизантропии и пессимизму.

В описываемые времена театральными и маскарадными костюмами многие не стеснялись. Некоторые из актеров в дни своих бенефисов, отправляясь продавать билеты к вельможам-милостивцам и купцам, облакались в шутовские костюмы, в париках, с разрисованными физиономиями. Мало того – брали с собою своих ребятишек, наряженных в русские или цыганские платья, и заставляли их плясать под аккомпанемент гитары или торбана. Случалось также, что артисты играя где-нибудь на домашнем спектакле, возвращались домой испанцами и рыцарями.

Известный балетмейстер Дидло, высокий, худой и долгоносый, окончив свою роль какого-нибудь олимпийского бога в Большом театре, шел домой пешком по Невскому в Трицкий переулок, в свой дом, в таком театральном костюме, имея на голове на место шляпы лавровый венок или фантастическую корону.

Купцы тоже не стеснялись своими костюмами, и не только в баню ходили в халатах,

но и в ложе Александрийского театра можно было видеть в дни спектаклей почтенного отца семейства, заседающего по-домашнему, в халате, в кругу своих чад и домочадцев.

Очень долгое время в Петербурге был грозой и страхом женщин полупомешанный моряк, ходивший по Невскому и Летнему саду в одежде прародителей, – снаружи завернутый в один модный тогда плащ *a la Quiroga*. Этот плащ был необъятной ширины, им можно обернуться три раза, видоизменение такого плаща, под названием «альмавивы», долго было любимым одеянием наших художников и актеров. Моряк воображал, что он был по сложению Аполлон Бельведерский, и скрывать свои классические формы пошлыми модными одеяниями не считал нужным. И вот, когда он встречал, по его мнению, достойных ценителей и ценительниц красоты, то тотчас распахивал плащ и являлся древним изваянием. Такую прогулку он раз проделал в саду Виндзорского парка, когда проезжала королева Виктория, за что получил вместе с отставкой чуть ли не европейскую известность.

Было немало в те годы охотников ходить босиком зимой и летом. Из таких дам была известна в Петербурге орловская помещица С-ва и одна немка таинственного происхождения, для которой великосветские дамы устраивали благотворительные концерты и вечера в Павловске. Приезжал еще по зимам в Петербург какой-то малороссийский помещик, очень тучный и высокий старик, который тоже гулял, несмотря на снег и мороз, всегда босой. Привычка эта у него явилась после какой-то хронической болезни, от которой этим средством его вылечил известный знахарь Ерофеич.

Обращал на себя внимание ходивший в грязном холстинном халате, таких же штанах за голенищами, высокий, с лысиной во всю голову мужчина, очень богатый орловский помещик М-в, известный больше под именем Спиридона Хлебной Матки; родом он был из однодворцев; в немногие годы он успел при своей феноменальной скаредности так нажитья и разбогатеть, что имел более 8 000 душ крестьян; он был женат на сестре известного любимца Екатерины II Ланского, от кото-

рого также к своему солидному состоянию получил огромное наследство.

Это был прототип Плюшкина. Несмотря на свое более чем нищенское одеяние, он вращался в высшем петербургском обществе, в котором имел немало родных и знакомых.

В ряду уличных оригиналов был известен американский посланник Рандолф, прозванный извозчиками «немым барином». Он ходил по улицам в одном фраке, в белом галстуке и ярко-зеленом жилете; его можно было видеть всегда пешком на улицах, с любопытством рассматривавшего дома, вывески, останавливающегося на ушах, чего-то ожидавшего; он рыскал всюду, как полупомешанный. Про него между дипломатами ходило много анекдотов. На главных улицах в описываемое время замечалась странная фигура бывшего некогда кастеляна Михайловского замка Брызгалова, в красном длиннополном мундирном фраке французского покроя, богато шитом золотом; белый суконный жилет, белые замшевые панталоны, огромные ботфорты со шпорами и треугольная шляпа с белым плюмажем дополняли его наряд. В таком виде

Брызгалов ходил во всякую погоду пешком, ведя за руки своих детей – мальчика и девочку, ковылявших на ногах, страшно искривленных английскою болезнью.

Группа эта была так комично-карикатурна, что проходившие мимо останавливались со смехом, а Брызгалов сердился и бранился. Он серьезно утверждал, что дожидается возвращения императора Павла из дальнего путешествия и что тогда напляшутся все, которые считали его умершим. Сомнительно, – говорит в своих воспоминаниях Ципринус, – но несомненно то, что он был ростовщик и страшный ябедник.

Как бы в pendant к этой странной фигуре, в те же годы жил один старый сенатор. Живя в Большой Морской, он в хорошую погоду ходил в сенат по Адмиралтейскому бульвару в красном сенаторском мундире. За ним, нога в ногу, следовал старый лакей и вязал чулок. Красный мундир сенатора накликал однажды на него беду. Козел, выпущенный из конюшен Конногвардейского полка, увидев красную фигуру, накинулся на сенатора и повалил его ранее, чем лакей успел предотвра-

тить это комическое приключение. Катастрофа эта для здоровья сенатора не имела вредных последствий, но строжайшее следствие все-таки было произведено полицией.

Не меньшее любопытство встречал на улицах катавшийся шестериком с форейтором на вынос, в богатой восьмистекольной карете, всегда с дымящимся кальяном в зубах и с десятком жирных котов, бывший владетельный кавказский князь, известный под именем князи Окропира. Это был большой оригинал. Восточный наряд его был высокой цены: одних изумрудов и рубинов, нашитых на нем, было более, чем на сотни тысяч.

Князь был помешан на церемонии и этикете; его вносили и выносили на руках десятки лакеев, одетые в зеленые и малиновые бархатные кафтаны, за ним всегда следовал целый ряд карет с его придворными-дворянами; штат их был очень многочисленный. Князь был очень щедр и за раскурку своего кальяна платил своему придворному по червонцу. Ему все подавалось на золотых блюдах. Он любил, чтобы и пенсию, получаемую им от правительства, ему подносили чинов-

ники при церемониале, и он каждого такого наделял щедро червонцами. Кредитных бумажек он не брал, будь их хотя на сто рублей или более: все они оставались на долю казначейского чиновника.

В многочисленный штат этого князя входило несколько заклинателей от разных болезней; он их считал единственными знатоками и практиками медицины. Но когда первая холера посетила столицу, заклинателей у князя заменили кошки. Как-то покушав не в меру жирного пилава, он почувствовал припадки страшной гостьи и сейчас же прибежал к заклинателям, но последние не принесли пользы. В отчаянии он разослал всех своих людей за докторами и, оставшись один, кидался из угла в угол, не зная, что делать, и нечаянно наткнувшись на своего любимого кота, с грустью прижал к своей груди. И каково же было его изумление, когда, согрившись прикосновением своего фаворита, он почувствовал облегчение и вскоре задремал. Когда же открыл глаза, толпа докторов стояла в безмолвии перед его креслом. Болезнь его миновала. С тех пор князь Окропир кошек считал

единственной панацеей не только от холеры, но и от всех болезней, и более сотни разношерстных таких четвероногих стали обитателями его апартаментов.

Глава XIX

Чудак Акакий Демидов. – Антагонист пьяниц П-в. – Архимиллионер В.Н. Всеволожский и его праздники. – Паша Бултаков и его проказы. – Последние дни его брата

В числе больших чудаков был один из известных богачей Демидовых, Акакий Прокофьевич; воспитание он получил в Голландии, и потому по-русски говорил весьма плохо, как иностранец. Он доживал свой век в нижегородской своей вотчине.

Эксцентричность его состояла в необыкновенном гостеприимстве: когда гость въезжал к нему во двор, то по его приказу ворота запирались на несколько дней и никто не выпускался уже из усадьбы. В обильном его подвале хранилось много старых дорогих вин. Он любил особенно, чтобы за его столом пили и ели как можно более. Он не выносил, когда

на тарелках его гостей оставалось недоеденное кушанье или в больших его рюмках недопитое вино. «Что ты, душенька, не пьешь?» – говорил он гостю, заметя, что вино не допито. – «Не могу, Акакий Прокофьич, многопил». – «А зачем же ты, душенька, наливал? Пей, или я велю, душенька, вылить тебе за пазуху...» Гость, зная Акакия Прокофьича и что его спокойно сказанная угроза неотразима, – выпивал.

Так же точно он заставлял гостя доедать взятое излишне на тарелку кушанье, обещаясь, в противном случае, выложить остатки гостю за пазуху. Вина в его подвале были распределены по числу лет. Спрашивая, например, рейнвейна или венгерского, он только показывал дворецкому знаками, поднимая вверх то одну, то другую руку с растопыренными пальцами. Одна поднятая рука значила пять лет, две руки – десять лет; вторично поднятая первая рука – пятнадцать и т. д. Для почетных и редких гостей счет этот восходил до восьмидесяти и более лет.

Воспитанник чужой земли, он, вопреки духу своего времени и уставу православной

церкви, не соблюдал постов и не ходил в церковь, но раз в год, в великую пятницу, весь день не ел ничего и только около вечера выпивал рюмку вина.

Он к себе, несмотря на свои богатства и угоды, допускал только старосту, которого он звал Кондрант Степанычем, и затем еще ключницу, которую называл Барушкой. Когда управляющий приходил к нему с докладом, он приказывал ключнице подавать ему чаю. Управляющий был очень плутоватый мужик и делал что хотел бесконтрольно в богатых имениях Демидова. Барин по уму был чисто младенцем и ничего не понимал в хозяйстве. Раз ему доложил Кондрант, что на его мельницах мыши все жернова проели.

Когда этот Демидов отдавал старосте приказания по хозяйству, то тот только мрачно говорил барину: слушаю-сь! слушаю-сь! слушаю-сь! Это слушаю-сь он повторял, то возвышая, то понижая голос на все тоны. Несмотря на все «слушаю-сь», Кондрант распоряжался, как ему казалось лучше и выгоднее.

В ряду чудаков, любивших смотреть похоронные процессии и слышать надгробный

плач и вопли над покойником, и это каждодневно, был известен очень богатый помещик Л-ев, очень образованный и чрезвычайно приличный старичок, весьма приветливый и любезный. Он ездил на все похороны, о каких случалось только ему узнавать: богатые или бедные, это все равно. Он входил в церковь, стоял при отпевании, потом провожал покойника до последнего жилища, затем шел в дом покойного, отведывал кутьи и сидел за поминальным обедом. Он не разбирал, кто был умерший, бедняк или богатый аристократ, ему все равно, он провожал людей, которых никогда не знал и о которых никогда даже не слыхивал. Для чего он это делал, это была его тайна, которую он унес с собой в могилу. Было ли это постоянное *momento topi*, чтобы поддерживать в себе христианское смирение, или другое что, так и осталось для всех загадкой. Многие думали, что присутствие на похоронах было новым средством помогать бедным в такие минуты, когда помощь всего необходимее.

Лет сорок тому назад, в Петербурге был известен богатый барин, П-в, особенно не лю-

бивший пьяных. Прислуга у него получала жалованье очень большое по тогдашнему времени и вся жила по контрактам – где были пункты, по которым за неумеренное питье водки было вменено телесное наказание.

Так, в контракте его камердинера и кучера был включен пункт, по которому ему позволялось напиваться только раз в месяц, если же он напьется в другой какой-нибудь день, то ему, помимо денежного штрафа, полагалось довольно суровое телесное наказание на конюшне. Камердинер этого барина редко преследовался за пьянство, но кучер сильно придерживался хмельного, и наказания ему были довольно часты; П-в отсчитывал ему собственноручно удары, после чего кучер выдерживался в запертой комнате, где шло довольно строгое лечение от пьянства; все методы здесь применялись, но более в ходу были разные простонародные, симпатические – и чтобы отвратить поклонника алкоголя от водки, ему давалась водка, настоянная тухлыми раками. Под конец ему разрешалось только пить одни ароматические спирты вроде киндер-бальзама, одеколона, о-делавад и да-

же духи. Над своеобразным лечением надзирал домашний врач причудника барина.

Мы уже не раз говорили о былой роскоши некоторых русских богачей начала нынешнего столетия. К числу таких петербургских крестов принадлежал В.Н. В-ий; впрочем, этот богач считался не только одним из первых в России, но даже во всей Европе. Его знаменитые железоделательные заводы и соляные промыслы давали ему годового дохода более чем миллион рублей. В-ий был сын последнего пензенского воеводы, погибшего на службе в пугачевщину. Он первый в России устроил на Волге пароходы и первый совершил на одном из них поездку из своих заводов до Казани; он также первый ввел выделку железа английским способом, занялся разработкою каменного угля на Урале и открытием многих золотоносных россыпей, он не задумался рафинировать свекловичный сахар у себя на даче за Охтой и радовался, как ребенок, что в своем домашнем обиходе не употреблял ни фунта колониального сахара, сделанного из привозного песку. Когда в 1836 году в Петербурге учреждалось газовое общество, он

устроил у себя на даче чугунолитейный завод, на котором отливал трубы, которые выходили наполовину дешевле выписанных английских.

Купив себе имение за Охтой, у обер-полицмейстера Эртеля, он в два года привел его в изумительный порядок, расчистил в нем рощи в виде парка и сделал в нем дорог более чем на 25 верст; его оранжереи стоили ему более полумиллиона рублей.

Он ежегодно поздравлял императрицу в день Нового года, по русскому обычаю, поднося на золотом блюде персики, сливы, виноград и ананасы. Его барский дом состоял из 160 комнат, расположенных в двух этажах. Гостилица для приезжающих гостей помещалась в двух больших флигелях; гостей к нему съезжалось в день его именин несколько сот человек и для всех были устроены особые помещения, причем приняты были меры, чтобы привычки каждого гостя не встретили ни малейшего стеснения, почему предварительно собраны были самые точные сведения от прислуги о привычках их господ и что для каждого нужно. Трудно теперь поверить, что одной

прислуги у В-го было до четырехсот человек. Конюшни его вмещали до ста двадцати породистых лошадей; экипажей тоже было не менее ста. За стол, когда В-ий жил на даче, ежедневно садилось не менее ста человек. Крепостные музыканты, певчие, актеры и актрисы составляли у него довольно многочисленную труппу.

Тогдашние драматурги – Хмельницкий, Ф. Глинка, Крылов, А.А Шаховской, И.П. Мятлев – писали для них комедии, водевили; музыку для куплетов писал известный А. Верстовский и Маурер и часто аккомпанировал на гитаре замечательный виртуоз на этом инструменте Аксенов, кажется, чуть ли не первый автор школы для гитары. Праздники у В-го выходили очень оригинальные; в его именины в комнатах устраивалась «ярмарка» самая разнохарактерная: в залах между тропической зеленью были устроены лавки с разными товарами, также буфеты, в которых заседали разные народности, продавая произведения своей страны. Эти лавочки и импровизированные караван-сарай прихотливо освещались различными фонариками; там сиде-

ли китайцы, персияне, турки, армяне – все костюмы продавцов были строго выдержаны. Где дымилась самовары и чайники, сидели китайцы и китайки; где подавалось мороженое – сторожили последнее камчадалы, кутаясь в свои оленьи дохи. Персияне подносили фисташки и сушеные фрукты, турки разносили кофе, шербет и подавали дымящие кальяны и трубки с турецким табаком; ярославки и ярославцы, в своих национальных костюмах, потчевали гостей сбитнем, бубликами и медовым квасом. Все эти лавочки имели свои вывески; в составлении этих вывесок и надписей участником был сын В-го, известный каламбурист и острослов того времени. Замечательно, что талант его перешел и к его сыну, недавно умершему Н.Н. В-му.

Вот некоторые надписи на вывесках. Над мелочную лавкою вывеска изображала три картинки: на первой представлен был пьяный мужик, которого вяжет будочник, и тут же большой башмак с надписью «Le sou-lie». На другой картинке старик с большим носом и надпись: «Quel beau nez», и тут же висит чепчик (bonnet). На третьей – мальчик снима-

ет щипцами с сальной свечи нагар и тут же носовой платок: надпись гласит: «Мои – choir». У китайцев, торгующих готовым чаем, изображена была красавица, подающая, с нежною улыбкою, руку своему возлюбленному, который восклицает: «Quel bon the» (bonte).

Интересны были и разыгрываемые там так называемые «шарады в лицах», входящие в наше высшее общество теперь опять в моду. Они были разных названий. Так, «Омоним» разыгрывался на сцене таким образом. Выходили трое: первый, математик, становился у доски и писал ломаные числа; второй, с барабаном, посередине бил дробь; затем третий, рядом, в охотничьем платье, насыпал дробь в патроны, и каждый по очереди читал:

ПЕРВЫЙ.

*В словах я – целое, но в цифрах состою
Я частью целого, не боле.*

ТРЕТИЙ.

*Не то с охотником я птиц и зайцев
бью.*

ВТОРОЙ.

Не то меня же бьют на барабане в поле.

Из всего этого и выходило значение «Омонима» – дробь.

Для представления шарады было выбрано слово, напр., трех значений, что и составляло три части представления. В первой части на авансцене открывался бал; несколько особ из общества танцевали польский, мазурку, вальс. Во второй части на середине сцены появлялась в богатом наряде, на воздушной колеснице, предшествуемая и окруженная Лелями, в виде крылатых детей, с венками, богиня Лада; за колесницею стоял Полев с венком и факелом. В третьей части сцена наполнялась призраками и тенями. Когда все это размещалось живописными группами, на средину сцены выходила в русском платье и в мантии, украшенной эмблемами, Баллада и читала известное стихотворение Жуковского: «Раз в крещенский вечерок» и проч.

Во время чтения известной А.М. Колосовой, впоследствии Каратыгиной, были представлены в лицах мечты и видения поэта, из числа которых, в живых картинах, были раз-

личные наши святочные гадания: с башмачком, бросаемым за ворота; с петухом, кормимым отборным зерном; с зеркалом, в котором видится изображение суженого, и проч.

Загадка изображалась по-французски. С одной стороны на сцену выходил мудрец в черной мантии, углубленный в чтение огромной книги (*livre*), а с другой – разносчик с весами и фунтовыми гирями. – *Le livre* (книга) и *la livre* (фунт).

Логогриф – тоже по-французски: с одной стороны, ученый с книгою (*livre*), с другой – пьяница, пишущий ногами мыслете (*ivre*).

Каламбур представлялся по-русски. При поднятии занавеса публика видела на сцене охотника, держащего нож над убитым тетеревом; затем на сцену являлся чтец и читал оду Третьяковского, смысл которой понять было очень трудно. Каламбур выходил – «дичь порет».

Анаграмма изображалась по-французски так: деревенский бальи, в треугольной шляпе, в старинном французском кафтане и штиблетах, при трости, украшенной огромным бантом, отказывает толпе просителей и

просительниц, говоря: «Je cause au suppliant une douleur extreme. – Retournezmoi». Его поворачивали на другую сторону, и те же просители подходили и опять получали отказ. После чего лицо, игравшее бальи, обращалось к партеру и произносило: «И я все один и тот же» («нет»). Затем, в транспаранте, появлялось слово «поп». Мы выше рассказывали о Константине Бултакове, умевшем остроумными шалостями не только составить себе известность в гвардии, но и заслужить себе пощадку со стороны великого князя Михаила Павловича. Меньшой брат его, известный под именем «Паши», тоже немало напроказил в свое время. За одну дикую выходку в театре он понес строгое наказание на Кавказе. В сороковые года вся московская молодежь, чуткая на все изящное, черпала свои восторги в балете. Балет в те годы в Москве украшали танцовщицы: Санковская, Ирка-Матьяс и Андрянова; танцы последней, некрасивой, но грациозной, привлекали довольно много публики в театр. Она была действительно пленительна, особенно при полете через сцену на развевающемся шарфе, и тогдашний поэт-ба-

летоман пел:

*Когда волшебницей в «Жизели»
На легкой дымке вы летели.*

И вдруг этой-то Андреевной Паша Бултаков кинул на сцену мертвую кошку с привязанною к хвосту надписью «первая танцовщица».

Бултаков был «санковист», почитатель танцовщицы Санковской; орудием его был какой-то дюжий мещанин, который и бросил кошку из райка, с правой стороны сцены. Андреенова в это время танцевала в балете «Сатанилла». В тот момент, когда танцовщица и ее партнер Монтасю, окончив рас, остановились в чрезвычайно грациозной позе, к ногам Андрееновой упала кошка с длинной широкой лентой. Монтасю, поднял упавший предмет и, разглядев его, взглянул на публику и, откинув от себя далеко за кулисы кошку, выразил мимикой знаки укоризны, относящиеся к публике. Андреенова закрыла лицо руками и видно было по судорожным движениям груди и плеч ее, что она плакала. Смятение в публике и на сцене трудно было передать: в

партере и ложах все встали, начали раздаваться крики участия к невинно пострадавшей артистке. Сцена наполнилась актерами в обыкновенных костюмах; они подходили к Андреевской с знаками участия, публика кричала, топала ногами, стучала стульями и креслами; дамы махали платками. Затем на сцену посыпались венки, букеты, и буквально артистка была закидана ими. Полиция заметалась, мгновенно оцепили все ложи и раек, и в этот же вечер открыт был виновник глупого поступка.

Старшего брата, некогда блестящего остроумца, характеристику которого мы выше рассказали, в те года в Москве видели ходившим сторбленным стариком; у него после отнялись ноги, и он доживал свой век на квартире у отца. Видеть этого оригинала можно было часа в три или четыре, – это было самое показательное его время, к которому он успевал отмыть и приодеть себя от полуночного пьянства.

Он жил в одной просторной комнате, с прекрасным роялем и весьма незатейливой мебелью. На двухколесном кресле сидел он,

свесив неподвижные, тщательно обутые в полосатые чулки и лаковые башмаки ноги, бодрый на вид, одетый с некоторым щегольством. Он днем по большей части играл на рояле в четыре руки с проживающим у него музыкантом и то и дело прикладывался к графинчику, стоявшему у него в шкапчике. Играл он довольно хорошо и вдохновенно; нередко музыка вызывала обильные слезы у нервнобольного Бултакова.

Глава XX

Индеец-ростовщик. – Алхимик Антон Маркович Гамулецкий. – Кабардинский принц. – Любитель гадалок. – Петербургские Филимон и Бавкида. – Человек-пушка. – Ходячая реклама портного. – Литература вывесок

В описываемые годы на стогнах столицы ежедневно можно было встретить одного или двух индейцев в живописном восточном наряде – и что замечательно было, такие все были ростовщики. В числе таких, о которых мы уже выше говорили, был еще один замечательный оригинал индеец Мунсурам.

Большая часть жителей, особенно те, кото-

рые хворали безденежьем, знали его под именем ростовщика Мажерама. Он жил более тридцати лет в доме Лаптева, в Малой Коломне, по Торговой улице, где занимал две небольшие комнаты. В первой комнате был простой письменный стол, четыре стула и небольшой кожаный старый диван; во второй комнатке был тоже диван с кожаными подушками, два стула и большой, окованный железом, сундук. Мунсурам вел жизнь правильную, строгую, летом и зимою он вставал в пять часов утра и ложился спать зимою в восемь, а летом в десять часов. Пища его была более чем умеренная, по утрам стакан молока с полуторакоепечным французским белым хлебом, за обедом каша из сарачинского пшена и небольшой белый хлеб с медом; он никогда не ужинал и не пил ни вина, ни чаю. Несмотря на свою глубокую старость, он был бодр и свеж, ему было далеко за восемьдесят лет.

Старик вел жизнь отшельническую, он был не словоохотлив, говорил по-русски хорошо, но писать не умел.

Из его рассказов видно, что он родился на

Малабарском берегу, в городе Пуне, родителей своих не помнил, до пятидесяти лет он жил в Калькутте, занимался там торговлею и нажил порядочный капитал, в Россию приехал он в 1808 году, три года жил в Астрахани, а с 1811 года поселился в Петербурге. По религии он принадлежал к почитателям Браммы. Мажерам был ростовщик: он в первых числах каждого месяца постоянно являлся во многие присутственные места для получения вычета из жалованья задолжавших ему чиновников. В прихожей он смиренно дожидался по нескольку часов выхода экзекутора или казначея; разговаривал в это время с чиновниками и тут же иногда давал им деньги взаймы. Всем служащим вообще он давал деньги в ссуду под расписки за поручительством двух или трех чиновников, товарищей бравшего у него в долг деньги, и с засвидетельствованием на расписке экзекутора или казначея в верном платеже денег из жалованья должника.

Людям же незнакомым и неслужащим он давал взаймы не иначе как под верный залог. Мажерам был добрый и честный ростовщик,

иногда бедным и особенно вдовам он давал без поручительства, на одну расписку, беря только одни законные проценты. Этот оригинал умер в Петербурге 14 октября 1833 года; еще за несколько дней до смерти он говорил: «Брама в лице Шивы зовет меня к себе. Я стар, пожил довольно, пора костям на покой». Желание его исполнилось, и душа его предстала на суд единого Бога, Бога христиан и язычников. Погребение Мунсурама, по обряду индусов, происходило на холерном кладбище, на Волковом поле, в ночь 17 октября, на среду. Кроме незначительного числа зрителей, привлеченных любопытством на зрелище сожигания трупа, собралось не более десятка его соотечественников. Тело Мунсурама лежало в деревянном гробу, в котором были разбросаны деньги, разноцветные драгоценные камни и разные безделушки. Подле одного болота сложен был костер дров, на нем поставлен гроб с покойником. Гроб обложили дровами, сверху набросали соломы и все это полили маслом. На это редкое в нашей столице зрелище публика смотрела с любопытством.

Огонь охватил понемногу весь костер и

вдруг поднялся высокий столб яркого пламени, отражавший блеск свой на бледных лицах зрителей и на печальных могильных памятниках. Тишина и мрак ночи придавали этой картине какую-то таинственную торжественность. После некоторого времени пламя начало более и более понижаться, и, наконец, среди облака дыма представилась взорам груда пылающих углей, на которой лежало полуобгоревшее тело усопшего индейца. На вопрос одного из зрителей, – с какою целью сожигаете вы ваших мертвецов, – один из индейцев ответил: «Вы возвращаете тело одной стихии, а мы всем четверем – теперь предаем его огню, потом оставим пепел три дня на месте, чтобы земля и воздух взяли должную себе часть, а остатки бросим затем в море».

В начале нынешнего столетия на улицах Петербурга пользовался большою известностью между жителями столицы живой, веселый старичок, седой как лушь, всегда ходивший пешком, несмотря ни на какое расстояние, и до самой смерти не употреблявший никогда очков. Кто не слышал о его замечательном кабинете дорогих замысловатых механи-

ческих вещей и разного рода редкостей! Имя и фамилия этого общего любимца, слывшего у всех за алхимика и волшебника, были – Антон Маркович Гамулецкий. Сын полковника войск короля прусского, родился он в Царстве Польском в 1753 г.; в 1794 г. он переехал в Россию и определен на службу в рижскую полицию, в 1798 г. переведен в с. – петербургскую таможню, а в 1799 г. определен в с. – петербургскую полицию брантмайором; в этой должности, за отличное и усердное действие при тушении пожара на даче гр. Кушелева-Безбородка, именным указом императора Павла I, награжден чином коллежского регистратора и годовым окладом жалованья. После разных переходов служебных, в 1808 г. Гамулецкий определен был на службу в ведомство московского почтамта; в следующем году он оставил службу и завел контору комиссионерства. В Отечественную войну, потеряв от нашествия неприятеля все свое состояние, он оставил Москву и переселился в Петербург. Гамулецкий до последних дней своей глубокой старости не бывал болен, хорошо сохранил память, зрение и постоянно был весел

и шутлив: он умер почти ста лет. По его словам, достиг он старости очень просто: до сорока лет он вел жизнь довольно рассеянную и не всегда правильную, впоследствии уже вошел в определенные границы, стал наблюдать за собою, подчинять себя умеренности и аккуратности, никогда не оставался без дела и, будучи постоянно в хлопотах и заботах, не падал духом и не предавался унынию.

Смерть его была тихая, покойная; похоронен он на Смоленском кладбище. Как мы выше сказали, Гамулецкий был большой охотник до всяких фокусных машинок и редкостей. У него был волшебный кабинет, между многими диковинками которого находилась большая голова: отделанная под бронзу и поставленная в особом месте на зеркальном стекле, голова явственно отвечала на предложенные вопросы.

Добрый старичок очень охотно показывал свой кабинет не только коротким приятелям, но и всякому шапочному знакомцу; в древности он бы весьма хорошо мог занять место гимнософиста в каком-нибудь египетском храме или управлять механическою частью

дельфийского оракула, но в средние века он бы сильно рисковал попасть на костер инквизиции.

Мы уже рассказывали раньше о чудеке Чупятове, выдававшем себя за мароккского принца. Как бы в pendant к нему в тридцатых годах появлялся часто на Невском проспекте, в Летнем саду, на всех общественных гуляньях, другой такой полусумасшедший старик, очень приличного вида. Седая его голова внушала к нему почтение; носил он старый французский кафтан черного цвета, черное исподнее платье, черные шелковые чулки, летом башмаки с пряжками, которые заменялись иногда зимою обыкновенными сапогами. Кланяясь почтительно народу, он вызывал всякого на такой же поклон. На лице его, умном и почтенном, не заметно было и признаков помешательства. Он был принят во многих домах петербургского общества. Разговор его был приятен, умен, обхождение величественное, вполне соответствовавшее той роли, которую он на себя принимал. Старик воображал, что он происходил от царской крови владетельных кабардинских князей, и

если разговор этого не касался, то речь старика была светская, живая, разнообразная, остроумная, но как только кто-нибудь начинал говорить о его высоком происхождении, то он вдруг принимал на себя вид претендента и с важностью, с достоинством, с силою и одушевлением, но без неприличия, не смешно и не глупо начинал доказывать права свои на престол, будто бы несправедливо похищенный у него кем-то. «Известно, – говорил он, – что в землях моих живут многие дикие горцы, которые враждуют с Россиею; они могут выставить войска от 70–80 тысяч человек; это мои подданные. Я должен бы был управлять всеми ими, но отец мой, который утеснял некоторые племена, восстановил их против себя, и они убили его раз ночью, а меня, еще грудного ребенка, спасла кормилица и вывезла в Россию, где я и вырос.

Я писал ко всем дворам Европы и просил участия их в моем деле и вспоможения, но не получил ответа. Я просил у разных лиц двадцать миллионов в ссуду. С этими деньгами я мог бы явиться к своим подданным, которые помнят меня и хотят видеть на троне. Впро-

чем, одно только племя ко мне враждебно, но остальные мне преданы.

Я хотел жениться на одной принцессе владетельного германского дома, и она согласна была принять мою руку; но здесь интриговали французский двор и Австрия. Невеста моя вышла замуж, и я очень скучал». Он говорил обо всем очень основательно, пока только не касалось его слабого пункта.

В обществе, когда ему предлагали чашку чая или рюмку вина, то он обыкновенно вставал со стула и, обращаясь к хозяину или хозяйке дома, почтительно кланялся, как бы напоминая, что по уставу придворного этикета они должны были испросить предварительно его позволения, как принца крови, подать ему рюмку вина.

Он не принимал ни вина, ни чашки чая из рук слуги, и хозяин или хозяйка дома сами должны были держать перед ним поднос, если хотели, чтоб он принял поданное.

В тех домах, где он часто бывал, знали это и исполняли его требования. Точно так же трудно было заставить его принять платье, сапоги, когда он нуждался в таких вещах, —

надо было сапоги или платье зашить в клеенку, адресовать на имя принца и надписать, что они присланы из его страны. Так же, а не иначе, принимал он и деньги. Старик этот принадлежал к купеческому сословию, фамилия его была Яковлев. Проживал он очень бедно, в убогой комнатке, где-то на Петербургской стороне.

В тридцатых годах на улицах Петербурга обращал на себя внимание чисто одетый старик, чиновник, экзекутор в отставке, вечно отыскивающий в самых отдаленных частях города: на Песках, в Гавани, в дальних краях Коломны, Измайловского полка, жилище какой-нибудь гадалки, старухи-чухонки, отставной содержанки, заштатной кухарки или просто полоумной женщины, часто пьяной, владеющей будто бы искусством предсказывать будущее.

И вот с раннего утра и до позднего вечера бродил этот старик, посещая жилища этих полупьяных пифий, любительниц кофе и водки, чтобы узнать свою будущность, скорбеть или радоваться и потом, по бестолковым ответам часто полупомешанного или пьяного оракула

располагать поступками своей жизни впрямь до нового предсказания, купленного за какой-нибудь полтинник или двугривенный.

В те же годы на улицах столицы встречали старика и старуху, отличавшихся патриархальными странностями прошлого века. Это были муж и жена, прозванные всеми Филимон и Бавкида; и действительно, супружеское их согласие не было ничем нарушено во всю их долгую жизнь. Старичок необыкновенно нежно относился к своей старухе, та также строго повиновалась мужу и заимствовала от него все его качества, привычки, склонности, даже странности.

Они жили вдвоем в мире и любви более полустолетия и детей не имели. Имея всегда постоянное жилище, они обыкновенно приходили к своим родственникам, зажиточным купцам, с просьбою – взять их к себе жить. «Ведь вот в этой комнате у вас никто не спит, – говорили они, показывая на зал или гостиную, – так почему же нам здесь не спать?» И когда родственники старались внушить им, что не все пустые комнаты в доме могут быть обитаемы постояльцами, то они

всегда уходили спокойно, не сердясь за отказ, но покачивая головою и говоря: «Какие странные люди! Им тесно в таком большом доме, а мы, старики, жмемся в углу!»

Старушка имела своих любимцев – кошку и птичек; первую она ужасно баловала, приносила для ней игрушки, поила кофеем и устраивала даже елку. Своих пернатых друзей она любила еще более, – каждый из них носил свое имя; она кормила их червяками, ягодами и разными кашками.

Старик друзей не имел, но в жизни имел более странностей, чем его жена. Покупая, например, себе новые нитяные перчатки, он, принеся их домой, обыкновенно говорил жене своей: «Федосья Захаровна! Нашей, душенька, здесь на ладонях две заплатки. Перчатки мои всегда скоро изнашиваются на ладонях: так пусть же изнасятся прежде заплатки, а потом я их спорю и буду носить перчатки заново!» Также делал он и с новым платьем своим, приказывая жене нашивать заплатки на локтях сюртуков, чтобы прежде изнасились заплатки, и делать это не из опасения отличиться странностями или шутов-

ством, а так спроста.

Жена исполняла приказания его безусловно.

Долго жили они в счастливом браке своем и не надолго пережили один другого; кто умер первый – жена или муж, неизвестно. Эти два оригинала пользовались большим уважением у всех, знавших их, за смирение, благонравие и кротость. Они слыли по уличному прозванию под именем: «два гудка».

В описываемые годы можно было встретить на улицах Петербурга одного сумасшедшего, – старого чиновника, с типичной канцелярской физиономией, который пользовался свободой гулять по свету и который доказывал, что он пушка. Разговаривая о чем-нибудь с вами, он вдруг искривлял лицо свое, надувал щеки и производил ртом своим звук наподобие пушечного выстрела. Это действие он повторял несколько раз каждый день. Разгуливал он, по большей части, близ крепости и Адмиралтейства, где, как известно, нередко происходила пальба из пушек.

В ряду уличных чудаков, служивших ходячими рекламами портного, в тридцатых го-

дах на тротуарах Невского проспекта, набережных и в Летнем саду были заметны два брата, крайне любопытно разодетые. Кто они были – никто порядочно не знал; известно только было, что они учили русской грамоте и французскому языку с полдюжины арапчат у графа 3-го, имевшего особенную склонность к черной прислуге.

В те года обыкновенного теперь пальто никто не носил. Тогда в моде был английский каррик, т. е. большею частью коричневый или гороховый суртук с маленькою пелеринкою или капюшоном, вроде тех, какие нынче, и то редко, встречаются у одних только выездных кучеров при английской закладке. Помимо каррика тогда входил еще в моду широкий синий, подбитый бархатом черным, а часто и малиновым, плащ, называвшийся «альмавива», по имени известного персонажа в пьесе Бомарше.

Тогда в Петербурге модным портным был Руч, и вот, чтобы рекламировать эти два мужских одеяния, он в виде живых вывесок пустил братьев ходить по Невскому, для одного он сшил даром величественную синюю «аль-

мавиву» с малиновым бархатным подбоем, а на другого напялил щегольской светло-гороховый каррик. Вместе с этим в листках, разносимых при афишах, было объявлено об альмавивах и карриках, заказы на которые принимаются в портняжном заведении на углу Невского и Малой Морской; ежели кому угодно будет удостовериться в красоте фасона этих новомодных одежд, тот может их видеть на двух известных столичных алегантах ежедневно на Невском проспекте между часом и четырьмя пополудни.

Для этих живых вывесок бралась ежедневно из манежа английская лошадь, на которой в означенные часы ехал шагом один из братьев, великолепно задрапированный в альмавиву, другой же в английском каррике шел рядом по тротуару. Братья перекидывались французскими фразами очень своевольного перевода. Так один из братьев говорил: «Votre cheval est dans le savon» (лошадь ваша в мыле). «J'ai vu aujourd'hui le long de matin le prince Boris qui est arrive de l'Aigle» (я сегодня утром видел князя Бориса, который приехал из Орла).

Через полчаса опять встречали братьев, но их роли переменялись, верхом на лошади ехал уже другой брат, а первый выступал по тротуару, драпируясь в альмавиву. Братья где-нибудь под воротами менялись и костюмами, надевая каррик брата, бывший в альмавиве, заметив на каррике конскую шерсть, восклицал: «Voyez donc le cheval deteint» (смотрите, лошадь линяет). Братья говорили на таком своеобразном французском языке, что их приглашали аристократы на свои ужины и обеды, только бы слушать их разговоры, и, точно, редкостны и замечательны были их французские фразы.

Если кто потрудился бы пройти лет пятьдесят назад с карандашом в руке по главным улицам Петербурга, тот собрал бы богатый запас диковинок из литературы вывесок. Особенно курьезны были вывески с вольными переводами. Так на углу Синего моста долго красовалась вывеска портного: «И. Гельгрюн. I. Hellgrun, Tailleur du vert clair». К вольным переводам должно еще причислить вывеску на углу Троицкого переулка и Невского проспекта: «Мужской и салопный мастер (Herrn

und Saloppen-Master»). На углу Гороховой, над ломбардом, существовала вывеска на французском и немецком языках, но оба языка так перемешаны между собою, что весьма любопытно было бы узнать, на каком языке написаны слова: «Vude de Moel», – должно быть, на французском, потому что тут же находилась немецкая надпись совершенно правильная. У Пяти углов несколько лет существовала надпись над парикмахерской: «Фершельное заведение (Ferchelnoe Savedenies)»; в Гороховой имелась вывеска: «Рецик печатей, Rectik retchatee». На Выборгской стороне, на углу Вуль-фовой улицы, над табачной лавкой красовалась вывеска: «Продажа табаку и разных товаров, Prodaja tabacu i rasnich tovaroff». Не менее достойна была примечания, как по русскому правописанию, так и по переводу, вывеска в офицерской улице: «Кухмистер Яков Михайлов отпускает порционный стол. Koh-Meister Gakof Michailof verfertig Porsigon Tische». В Мещанской улице, нынешней Казанской, была вывеска: «Щеточный мастер Егор Фед. Равин, Rammonetier Georg Th. Rawen». На углу Гороховой и Садовой улиц, на

вывеске гребенщика Бараева, существовала надпись следующая: «Фабрика черепаховых изделий, Fabrique de manufactures tortues». Существовали в те годы также вывески необыкновенно простодушные; например, в Измайловском полку была вывеска: «Домашнее табачное заведение отставного унтер-офицера Куропатко».

На углу Владимирской и Невского проспекта над цирюльнею красовалась: «Здесь бреют и крофь а творяют»; у Аничкина моста была вывеска сапожника, могущая служить загадкой, ребусом. «Време. це. маст. Кузьма Федоров» – это означало: «Временный цеховой мастер Кузьма Федоров». Были вывески иллюстрированные: так, на Сенной была пивная лавка, на вывеске которой было изображение бутылки, из которой пиво переливается шипучим фонтаном в стакан. Под этим рисунком была лаконическая надпись: «Эко пиво!» Замечательная иллюстрированная вывеска красовалась у Аничкина моста: на ней был изображен огнедышащий Везувий, дымом которого копятся окорока и колбасы.

На углу одного из домов Невского проспек-

та виднелась вывеска: «Фортепьянист и роялист»; за Казанским собором жил «стеклователь», он же «стеклянный художник»; над игрушечной лавкой в Офицерской улице была вывеска «Детское производство»; над лабазом по Гороховой: «Продажа разных мук»; в Спасском переулке была мясная лавка с вывеской: «Лавка Ивана Капустена»; на Гороховой улице долго проживал «Портной Иван Доброхотов из иностранцев»; близ Столярного переул-ка жил портной, у которого на одном углу дома была вывеска: «Военный Прохоров», на другом «Пантикулярный Трофим». Была вывеска у одного из красильщиков: «Здесь красят, декатируют и такожде пропускают машину». На главных улицах столицы, как на Невском проспекте, вывески чаще попадались на французском и русском языках. В доме, бывшем Энгельгардта, на углу Невского и Казанского моста, долго красовалась вывеска: «Plumassicre de Paris, парижская перечница»; над лавкою, где продавали ковры: «Vente de Tapisses»; на Гороховой долго висела вывеска: «Живописец вывесок, одобренный начальством и экзаменованный и производит вся-

кое художество».

У одного мозольного оператора была вывеска: «Соирег des cors». У одного гробовщика висела вывеска с надписью: «Кгари». По объяснению этого гробовщика, эта надпись была сделана для тону и чтоб французы, здесь умирающие, знали, что могут достать прочные гробы. По стародавнему обычаю, гробы на вывесках всегда изображались не гробами, а красными сундуками или шкатулками.

В двадцатых годах в Петербурге была фабрика табаку Смекаева, на вывеске которой виднелось следующее: за круглым столом сидел с одной стороны господин с стаканом в руке, с другой – стояла дама, она подавала господину трубку и старалась отнять от него стакан, внизу находилось следующее четверостишие:

*Оставь вино, кури табак,
Ты трубочкой разгонишь всю кручину;
Клянусь, что раскуражишь так,
Как будто выпил на полтину!*

В старину на вывесках виднелись и аллегорические картины, многосложные рисунки

из арабесков, цветов и разных атрибутов, сообразно с характером лавки или мастерства.

В музее Павла Свинына хранилась железная вывеска питейного дома в Петербурге с портретом Петра I и с аллегориями и надписями, современными основанию Петербурга.

В старину лучшие трактиры вывесок с надписями не имели. Так, на вывеске одной из гостиниц Невского проспекта в начале текущего столетия представлены были султан и султанша огромного роста – дама и кавалер в национальной одежде, и они читали «Сенатские Ведомости». На других трактирных вывесках изображались баснословные фениксы в пламени, медведь в задумчивости с газетой.

Над простыми трактирами рисовали мужиков, чинно сидящих вокруг стола, уставленного чайным прибором или закускою и штофами; живописцы обращали особенное внимание на фигуры людей: они заставляли их разливать и пить чай в самом грациозном положении, совсем непривычном для посетителей таких мест.

На вывесках иногда людские фигуры были заменены предметами: чайный прибор, за-

куски и графин с водкой, – последнее изображение еще красноречивее говорило за себя. Существовал близ Сенной трактир с такою вывеской: «Здесь трактир для приезжающих и проходящих с обеденным и ужиным расположением». На вывесках винных погребов изображали золотые грозди винограда, а также нагих правнучат и потомков Бахуса верхом на бочках, с плющевыми венками на голове, с чашами, с кистями винограда в руках. Также рисовали прыгающих козлов, – полагая, что греки этому четвероногому приписывали открытие вина. На вывесках табачных лавок и сигарных фабрик писались толстые голландцы, американцы, арабы с сигарою в зубах или мастера, изготавливающие сигары и крошащие табак. Также нагие негры или группы амуров, как белых, так и черных – и все это курит сигары. Изображали и турок в чалмах, задумчиво курящих из кальяна. Акушерки в старину выставляли вывеску с надписью: «бабка-голландка». Где-то на Песках существовала такая вывеска, на которой изображен был рог изобилия, из которого падали новорожденные младенцы, – но до пол-

ного падения руки акушерки не допускали и подхватывали младенцев колоссальными акушерскими щипцами.

Глава XXI

Собиратель антиков провиантский чиновник Д-в. – Замечательный его музей русских предметов. – Колоссальный аппетит Д-ва. – К характеристике князя Ивана Голицына. – Эксцентричности князя Х. – Моряк-проказник С. Л-н. – Книгопродавец Л-ов

В ряду заметных чудаков первой четверти текущего столетия был провиантский чиновник, генеральского чина, Д-ов; наружным видом он ничем не отличался от известного Собакевича. Д-ов был страстный любитель всяких «антиков», как он выражался, из которых и составил себе большой музей, собирая их в течение пятидесяти лет своей службы во время своих служебных поездок по всем почти губерниям России и Сибири. Описание этого любопытного кабинета могло бы рассмешить, кажется, чуть не умирающего человека, так он был примитивен, не хитростен и своеобразен.

зен. Музей его состоял, нельзя сказать, чтобы из особенно ценных вещей. В коллекции его редких вещей были экземпляры, которые для не посвященного в происхождение их не представляли никакой ценности.

В большом собрании его тростей и палок, напр., самыми драгоценными считались: палица из высушенного лопуха, трость, сделанная из одного корня хрена, крепкая, как кость; затем дорожный посошок, простой, железной, выкрашенный черною краскою, в который вливался полуштоф полугара; далее шли такие диковинки, как железная кочерга, более чем в полвершка толщиною, свитая и согнутая рукою силача в дугу, с надписью «кто кочергу эту спрямит, тот нашу дружбу прекратит»; лежал у него на почетном месте и простой обыкновенный кирпич из города Царева, взятый будто бы из развалин дворца Мамаева.

Был и старый барабан из кожи одного волжского разбойника, сделанный по приказу грозного астраханского воеводы. Хранилась в спирту в узкогорлом сосуде огромная груша, видимо, запрятанная туда, когда она

была только зародышем, и росла в сосуде до полной зрелости, привязанная к дереву. Была табакерка, сделанная из мужицкого лаптя, на котором написано «и счастье, как табак, со смертными играет, иного веселит, иного в нос щелкает».

Находился у него алебастровый слепок с кулака великана Преображенского полка тамбур-мажора Митрофана Случкина, сверенный с подлинным у него в квартире. Была и портретная галерея кисти суздальских богомазов.

В числе замечательных таких портретов обращали внимание изображение крестьянина Якова Кирилова, которому первая его жена Федосья родила 57 живых детей, а вторая 18; был и другой портрет такого же плодовитого крестьянина Федора Васильева, которому первая супруга подарила 69 детей, а вторая 16. Существовал портрет и девицы француженки Дюбуа; эта ветреная парижанка вела список своих обожателей и в двадцать лет насчитала их 16 527 человек!

В числе серебряных вещей у него хранилась вистовая марка, серебряная с чернью,

принадлежавшая графу Аракчееву; на одной стороне были изображены тrefы, а на другой герб и надпись: «без лести предан»; куплена она была на аукционе у Свиньина, – как гласила другая надпись на ней, сделанная рукою Д-ва, – «купил для того, чтоб хранил с почтением таковой памятник!»

В коллекции скульптурных вещей под стеклом у него хранилась из яблочных зерен сделанная мышь; под этим изваянием было приписано рукою бывшего провиантского чиновника: «от сего насекомого у нас произошло слово „мышьяд“, которое усердием и попечением некоторых смотрителей казенных магазинов уничтожается и от коих, по словам Кронау (?), описывавшего в 1789 году чему люди научились от животных: „от мышей научились мы портить все, что ни попадет!“»

В числе редких сокровищ в музее Д-ова хранился в пузырьке в довольно измельченном виде необходимый предмет всех кладоискателей «разрыв-трава»; по народному поверью, без нее клада не взять, она отпирает все замки, она составляет ключ к открытию всех сокровищ. Д-в, как рассказывал, отыскал

эту траву у одного простого кузнеца за большие деньги; к отысканию этого сокровища ему содействовал один известный московский купец-миллионер, пробу над нею производили в кузнице, действие травы вышло изумительно, полоска железа почти в четверть аршина длиной и в шину толщиной, положенная на наковальню, от одного прикосновения волшебной травы с треском, наподобие выстрела, разлеталась на четыре части.

По мнению скептиков, чудодейственность разрыв-травы была не что иное, как «гремучее серебро», травка же для вида была только примешана.

Был у этого собирателя такой же мифический высушенный цвет папоротника, по его рассказу, здесь был один лепесток цветка, весь же цветок случайно попал в лапоть мужика в Иванову ночь и сообщил счастливцу всеведение, так что он в эту ночь знал, где закопаны клады; мужик, не зная чудодейственного действия цветка, был счастлив только одну ночь, пока в лапте цветок им не был растоптан.

Д-в имел феноменальную способность есть много – обедая часто у купцов-подрядчиков, имевших с ним дела, он обыкновенно накануне обеда давал реестрик, в котором подробно означал, какое именно кушанье для него приготовить; он уверял своих знакомых, что у него желудок треховчинный.

Вот образчик одной такой росписи любимых им блюд: щи кислые, жирные, подать непременно в горшке, с крынкой сметаны; к ним сто подовых пирожков – пятьдесят пустить в разноску, а остальные пятьдесят положить возле моего прибора; это, как объяснял он, в промежутках (т. е. пока разносят кушанье, чтобы не сидеть праздно). Пирог или кулебяку он непременно велел делать длиною в аршин восемь вершков, шириной двенадцать вершков, а высота какая только возможна. В один ее угол надо было положить семги, в другой рыбных молок, в третий курицу с рублеными яйцами, а в четвертый разного фарша. Окорок ветчины он приказывал подать большой, какой только можно было найти. Жареную четверть теленка наказывал всегда обложить парой уток, парой тетеревей и де-

святком рябчиков. Пирожное, добавлял он, какое хотите, это не мое кушанье. За таким обедом, если какое-либо блюдо ему особенно нравилось, то он на него так чихал, что охотников есть его уже не находилось, и блюдо целиком предоставлялось его аппетиту.

Однажды подрядчик встретил Д-ва стоявшим возле строящегося дома в размышлении с приятной улыбкой на устах – перед бревном огромной величины. «Что вы, ваше превосходительство, думаете здесь?» – спросил подрядчик. – «А вот что: ну, если бы эдакая колбаса! а! один ломтик был бы мне достаточно на закуску после рюмочки сивушки». Д-в никакого вина, за исключением браги и квасу, не пил, пил же он перед обедом, завтраком и ужином «сивушку» – это был настой из мелко истолченных корней и трав, которые ему присылал известный малороссийский знахарь Трофимович.

По его методу от всякой простуды и болезни он принимал ежедневно ножную ванну из льда, в котором он держал ноги не более пяти минут; по совету того же знахаря он ходил еженедельно в баню, где терли его тело

мелким песком.

В прежних наших рассказах о чудаках Голицыных мы говорили об известном князе Иване Голицыне, прозванном «Jean de Paris», который выиграл в игорном доме в Париже миллион франков и спустя несколько дней проиграл их. Кличку свою он получил вот по какому случаю. Князь женился в Париже на известной певице Комической оперы, которая была особенно хороша в опере Боальдьё «Jean de Paris»; певица эта разбогатела на богатые средства князя, и когда у последнего не осталось ничего от его громадного состояния, то и вышла за него замуж – от этого и стали называть князя Jean de Paris.

Получив за женой три миллиона франков, князь задумал возвратиться на родину – уселся с нею в великолепный дормез и пустился в дальний путь. Проезжая по лицам Парижа, князь вдруг увидел вывеску известного в то время оружейника Лепажя. Он тотчас же вспомнил, что ему придется проезжать через Варшаву и там явиться к своему прежнему начальнику великому князю Константину Павловичу – вспомнил он, что цесаревич

страстно любил охоту с ружьем и потому решил, что будет кстати, если он купит у Лепажка лучшее охотничье ружье в подарок цесаревичу. Когда он выбрал ружье и хотел расплатиться, Лепаж, зная хорошо страсть князя, предложил лучше не платить за ружье, а сквитаться с ним на зеленом поле, пригласил сразиться. И вот игроки сели; с первой же карты князю не повезло, и в какие-нибудь полчаса он проиграл все женины миллионы. Осталась в кармане только небольшая сумма на путевые издержки от Парижа до Варшавы.

Прибыв в Варшаву, князь поднес цесаревичу великолепное ружье. Константин Павлович, любуясь им, спросил: «А что может стоить это ружье?» – «Угадайте, ваше высочество». – «Несколько тысяч франков?» – «Около того; три миллиона франков». – «Ты шутишь?» – «Увы! говорю сущую правду». И тут Голицын рассказал печальную историю поднесенного ружья и окончил свой рассказ следующим: «И вот теперь я остался без куса хлеба и обращаюсь к вашему высочеству с просьбою дайте мне какое-нибудь место, чтобы не умереть с голоду вместе с моею женою

и дочерью». – «Какое же дам я тебе место? Хочешь, как бы сказать, место моего забавника? Согласен?» – спросил великий князь. – «Но только с тем, что моя должность не должна идти дальше следующего: я буду смешить и забавлять ваше высочество рассказами о всех глупостях, сплетнях, смехотворных или скандальных историях Варшавы, но ни о чем более» – «Идет!» – отвечал цесаревич. И таким образом он вступил в должность официального буфона при особе его высочества. И все знали его за такого в Варшаве, и все любили и уважали, он никому не делал ни малейшего зла, а, напротив, делал много добра, отстаивая и выручая из беды прибегавших под его защиту угнетенных и несправедливо преследуемых.

В первые годы царствования Александра Благословенного между светскою петербургскою молодежью, как мы не раз уже рассказывали, существовало несколько тайных обществ, цель которых была не политическая, а разгульная, и было много таких, где преследовались любовные цели. Любовные похождения были в то время в большой чести и при-

давали светскому человеку некоторый блеск и известность. Нравы регентства были не чужды нам, и у нас были в своем роде герцоги Ришелье. В числе отечественных волокит был некто X, впоследствии посланник при одном из итальянских дворов. Похождения его, кажется, по числу побед были ничуть не менее донжуановских. Он не знал непокорившейся ему красавицы. Его ум и светскую любезность умели ценить, впрочем, и не одни женщины.

Почти каждый вечер он проводил у известного в то время ресторана Кулона, где собирался весь цвет тогдашнего общества, и как тогда говорили, «premier Petersbourg». Очень понятно, что оригиналов и разных эксцентриков здесь было довольно много, и частые пари и заклады между ними были весьма распространены. Так, как X побился об заклад, что оставит в дождливую ночь всех посетителей Каменного (Большого) театра, не имеющих собственных экипажей, без извозчиков, а ресторан Кулона без воды.

В тот вечер в Большом театре был бенефис какой-то театральной знаменитости, театр

ломился от публики. Площадь у театра была заставлена извозчиками, но ни один из них не хотел везти нанимателя, все были заняты. Взбешенная публика едва не перебила извозчиков, но должна была разойтись по домам, шлепая по лужам и ручьям. После спектакля вся эта цепь извозчиков потянулась к Кулону и остановилась перед рестораном;

из него вышел Х и закричал «ванькам»: «Теперь можете ехать по домам». И все возницы помчались в разные стороны с шумом.

Вторую часть заклада он исполнил так: выйдя в зал ресторана, он поместился за маленьким столиком, заказал себе ужин и спросил графин воды. Все обратили на это внимание, потому что он никогда не пил ничего, кроме шампанского. Тщательно вытер он графин салфеткою, потом вынул из кармана микроскоп и стал пристально глядеть на воду сквозь свет лампы.

Покачав сомнительно головою, он обратился к буфетчику: «Ваше заведение, конечно, лучшее в Петербурге, но, этой воды пить нельзя! Посмотрите сами». Буфетчик взглянул в микроскоп и вскрикнул от ужаса; то же

повторилось и с прочими посетителями. Они увидели в графине с водою микробы всяких водяных чудовищ.

За минутным ужасом последовал единодушный хохот, но графины с водою были убраны и заменены бутылками с шампанским. Пари X выиграл; воды никто не пил.

В первые годы текущего столетия был моряк С-н, побочный сын известного вельможи павловских времен графа К-ва, человек блестящего образования, лингвист, необыкновенно остроумный, отважный до дерзости и в высшей степени благородный и честный; он не мог равнодушно слышать ни о малейшем нечестном или злом поступке. Это не был то, что называют шалун, — его шалости иногда доходили до грандиозного. За его проделки и проказы, несмотря на сильные родственные связи, его услали из Петербурга на службу в Ар-ск, где он и прослужил несколько лет. Памятен он долго был тому городу, куда судьба его закинула, по той необычной роли, которую он взял на себя и которую исполнял с необыкновенною смелостью, решительностью и редким счастьем. Он играл роль како-

го-то мстителя за угнетенных и слабых. Это был в полном смысле слова каратель пороков и довел ужасный страх на весь Ар-ск или, вернее, на всех тех, у кого на совести лежало недоброе, несправедливое или злое дело.

Он перепорол если не всех взяточников и притеснителей, то большую часть угнетателей этого города. Особенно он лют был с местными Шемяками и Держимордами. И все ему сходило с рук благодаря большим денежным средствам, он подобрал себе ватагу из десяти отчаянных матросов, преданных, ему душою и телом и готовых за него в огонь и воду.

Много платил он и своей тайной полицией, которую имел как в судебных местах, так и в частных домах, ему сейчас же доносили, кто, где и когда совершил какую-нибудь мерзость. Вслед за этим у него составлялся суд и исполнение по возможности в скорейшем времени. Наказание, смотря по вине, большею частью состояло в отсчитывании виновному от пятидесяти до ста линьков.

Для достижения этой цели несколько тайных агентов С-на неусыпно следили за каждым шагом обреченной на линьки жертвы и

рано ли, поздно ли подкарауливали, будучи в масках, набрасывались на нее, завязывали рот, скручивали ей руки и увлекали в какое-нибудь глухое, пустынное место и там, под председательством мстителя, тоже замаскированного, исполняли приговор над осужденным. Немногим из мелких архских пакостников удалось избежать наказания. А с одним крупным взяточником сделано было однажды следующее: просидев долго в своем присутствии, возвращается он домой, но дома своего не находит, – он весь был разобран по бревнам и сложен во дворе в правильную кучу. Все знали, что это были штуки С-на, все трепетали перед ним, но ничего нельзя было сделать, так хитро и ловко было все это учинено. По своим связям, по своему богатству, уму и образованию, он был принят во всех лучших домах города. Начальником был там тогда добрейший человек С. П-в, любимый и уважаемый всеми, но супруги его никто не терпел. Она была женщина необыкновенно гордая, заносчивая и вспыльчивая до полной невежливости.

Раз, играя в карты с нашим героем, она

вспылила и дошла до того, что бросила ему в лицо карты, сильно поранив глаз картою, так что он принужден был долго не глядеть глазом.

На эту дерзость С-н не промолвил ни слова, подобрал с пола карты, стасовал их и снова сдал и, когда кончился робер, он сделал расчет, положил на стол деньги, им проигранные, и, сказав тихим и спокойным голосом: «Я не могу продолжать игру», раскланялся и оставил дом гордой помпадурши. Терпение и смирение, высказанное благовоспитанным моряком, сильно рассердило и озлобило ее. Ненависть ее к нему дошла до того, что она принялась чернить его всюду и добилась того, что из страха к этой важной губернской даме С-ну стали все отказывать от дома и на улицах перестали некоторые, самые угодливые, даже узнавать и кланяться. Умный моряк смекнул в чем дело и поклялся строго наказать виновницу этого несправедливого поступка. И он выполнил наказание следующим образом. Начал он с того, что тотчас купил богатым подарком горничную своей превосходительной обидчицы и гонительницы.

Горничная обязана была ежедневно доносить ему все верные сведения о том, что ее госпожа делает, куда собирается, где бывает и т. д.

Вскоре был назначен маскарад в Купеческом собрании. Обидчица заказала со своей приятельницей у модистки довольно характерный костюм. По получении этого известия у моряка явилась мысль жестоко отомстить барыне; он поехал к одному своему приятелю, у которого жила кухарка шведка, довольно красивая, молодая женщина, имевшая много наружного сходства с его обидчицею. Кухарка была из разбитных женщин, — он упросил ее сыграть для него роль в будущем маскараде; та без труда согласилась на предложение. Он отправился к модистке, у которой были заказаны платья. Последняя подрядилась сшить такой же костюм и для кухарки.

В день маскарада моряку дано знать, что важная барыня уже одевается и скоро будет в маскараде. Тогда кухарка, одетая в известный костюм, едет с моряком в карете. Приехав и не снимая салопа, она стала ожидать приезда барыни. Моряк идет в зал, у входа ловит одного довольно глуповатого гостя, завязывает с

ним оживленный разговор и как будто невзначай загораживает вход в зал, делая так, что не было возможности никому войти. Поэтому все приехавшие на бал говорили ему: «Позвольте пройти». Моряк тотчас дает дорогу и снова занимает свою позицию у входных дверей. Но вот он замечает, что сзади приближаются две стройные дамы в костюмах – и одна из них важный его недруг. Постояв несколько минут при входе, в надежде, что моряк сам догадается очистить вход в зал, под конец она не выдержала и, не желая сказать «позвольте пройти», схватывает моряка своею могучею рукою за шитый воротник мундира, толкает его в грудь и вламывается в бальный зал.

Отважный моряк в этот момент, отскочив от входа, говорит: «Дерзкая маска» и со всего размаху послал ей ногою сильнейшего шлепка, который очень звучно раздался по залу.

В одно мгновение все стихло, все повернули головы на даму. В эту самую минуту появляется в дверях другая высокая замаскированная женщина, в костюме совершенно таком, как и дама, получившая шлепок. Более

дерзкая, чем находчивая, дама, вместо того, чтобы поскорее вмешаться в толпу масок и затем подобру-поздорову убраться, сдернула с себя маску и кричит, задыхаясь от бешенства: «Дерзкий! Разве вы не знаете, кто я?» – «Ах, это вы! Простите меня великодушно, ваше превосходительство, я полагал, что это кухарка моего приятеля, известная всему городу. Я видел вчера на ней точь-в-точь такой же костюм, как и на вас. Если бы я знал, что это не кухарка, а вы, я никогда не позволил бы себе того, что я сделал. Сообразите сами, могли я предполагать, что кто-либо из дам общества мог меня хватить за воротник и толкнуть в грудь в публичном месте. Я предполагал, что только кухарка могла это сделать. Да вот и она, – сказал он обратясь к ней, – прошу тебя снять маску». Кухарка сняла маску и продолжала довольно дерзко рассматривать важную даму. Важная барыня в сильном гневе пошла отыскивать своего мужа, чтобы пожаловаться на дерзкого офицера. Муж, выслушав ее, только пожал плечами и заметил: «Ты сама виновата во всем, вольно же быть тебе такою дерзкою? На месте офицера я сам сделал бы

то же, что и он».

Рассказывают, что этот губернский каратель нравов не чужд был странностей и в своей частной жизни. Оригинальным был и дом, где жил этот моряк-проказник, – дом помещался на окраине города, но какво удивление было каждого подъезжавшего к нему увидеть вместо обыкновенного загородного дома – корабль! В самом деле, здание имело вид корабля – виднелась чистая палуба, на лафетах лежали пушки, качались паруса, флаги, виднелась и мачта с целым лесом веревочных снастей. Внутренность тоже ничем не отличалась от настоящего корабля, каюты содержались в совершенной чистоте, качались койки вместо постелей. Хозяина встречал старик матрос, в полной форме; хозяин привык жить на море, все обычаи морской жизни он перенес и на сушу, он не изменил ничего и на своем сухопутном корабле.

Большими странностями в Петербурге отличался известный книгопродавец И.Т. Ли-ов; он торговал более тридцати лет на Садовой, в доме Пажеского корпуса и после того переселился в Гостиный двор, на верхнюю линию,

которую он называл в своих объявлениях бельэтажем и местом рандеву аристократов. Магазин Ли-ова, действительно, в свое время служил рандеву отечественных литераторов; сюда сходились: И.А. Крылов, Н.И. Гнедич, А.Ф. Воейков, А.С. Пушкин, Ф.В. Булгарин, Б.М. Федоров, В.Г. Соколовский и многие другие. Многие из них, как например Гнедич, питали к нему даже и дружбу, которую признательный книгопродавец нежно чувствовал. Так еще при своей жизни Ли-ов вырыл себе могилу в Невской лавре рядом с переводчиком «Илиады» и водрузил на ней весьма любопытный саркофаг с витиеватыми образцами стихов всевозможных поэтов, начиная с Державина, затем испестрил его нотными знаками и изукрасил разными аллегорическими изображениями. Ли-ов был одним из первых книгопродавцев, который прибегал к рекламе о своих изданиях; по его словам, Гомер и юноше, и мужу, и старцу – дает столько, сколько кто может взять, а Александр Македонский всегда засыпал с «Илиадой», кладя ее под изголовье.

Он издавал маленькие детские книги и из-

дания на отлично сатинированной веленовой бумаге, форматом в визитную карточку, «полезные и приятные для взрослых; домовитая хозяйка найдет в них полезные советы, отец семейства развлечение и нравственные правила для своих детей и т. д.».

Особенно любил заходить к Ли-ову Пушкин. По рассказам первого, он часто бывал у него, когда издавал свой «Современник»; ему нужно было знать о новых книгах для помещения беглого разбора о них в журнале; иногда ему приходила охота острить в магазине над новыми сочинениями: взявши в руки книгу в прозе, он быстро пробежал ее, читая вслух одно лишь предисловие, и по окончании приговаривал, что он имеет о ней полное понятие; стихотворные книги он просматривал еще быстрее и забавнее, и Ли-ов иногда невольно хохотал, и сам Пушкин улыбался, читая только одни кончики рифм, и, закрывая книгу, произносил иногда: «А бедньш», а заглавия их выписывал дома из газет.

Но как литераторы не все были достаточны, то Ли-ов одолжал их без процентов на короткое время, но время это проходило иногда

до конца их жизни. Так, по смерти Пушкина Ли-ов получил по акту 5 тысяч рублей от попечителя семейства его, графа Строганова, но многие акты Лисенкову остались недоплаченны и поныне.

В последний раз Пушкин был у Ли-ова за три дня до своей смерти, где в магазине оставался более чем два часа и вел довольно жаркий разговор с известным Б.М. Федоровым. Это было последнее мимолетное их знакомство и окончилось через три дня навеки. Первый известил Ли-ова о смерти Пушкина Б.М. Федоров. При Ли-ове Л.В. Дубельт с другими лицами со стола переложили покойника в гроб и при нем же живописец стал писать с покойника портрет.

Ли-ов написал свои воспоминания, которые хранятся не напечатанными у его сына. Одинокий, весьма достаточный Ли-ов торговал по привычке и для препровождения времени до восьмидесяти лет своей жизни. Он не был скупым человеком и много жертвовал на благотворения, не обидел он и литературный фонд своими пожертвованиями. Ли-ов умер лет двадцать назад.

Глава XXII

Капельмейстер О.А. Козловский. – Тайные кружки: Общество любителей прогулки. Общество признательности, «Зеленой лампы» и т. д. – Квакеры. – Проказы Вакселя. – Герой краснословия. – Полковник Тобиев. – Кулачный боец «Турка». – Казак Зеленухин

Гигантскою уличною популярностью пользовался в первой четверти текущего столетия ходивший по рынкам и где только собирался народ старик невысокого роста, с худощавым, изрытым оспою лицом и белокурыми с проседью волосами; это был известный капельмейстер О.А. Козловский, автор знаменитого полонеза с хорами, сочиненного на торжество, данное князем Потемкиным в честь императрицы Екатерины II в Таврическом дворце: «Гром победы раздавайся, веселися храбрый росс» и проч. Слова эти сочинял Державин, и если прочитать их далее, то в них найдутся пророческие места, как например: «Воды грозного Дуная уж в руках теперь у нас». Известно, что воды грозного Дуная по-

пали в наши руки уже только при императоре Николае Павловиче. Другой его полонез, написанный им на коронавание Александра I – «Росскими летит странами на золотых крылах молва» – того же Державина, не менее первого имел успех в петербургском обществе.

Известный полонез Огинского, про который существует легенда, что он сочинен несчастным, умершим от любви к высокой особе, современники предполагали, написан тоже не без участия Козловского, который жил в доме князя и учил музыке Михаила Огинского.

Козловский служил при Екатерине II капельмейстером императорских театров, он отличался большими странностями: ходил в крестьянском тулупе, любил заходить в харчевни, кабаки, где прислушивался к народным песням; его нередко встречали на площадях с гусями под мышкою, в обществе полупьяных мужиков и деревенских баб, которых он заставлял петь свои песни прямо у возов и ларей продавцов. Любимым его тоже занятием было рассказывать детям сказки – де-

тей он любил до обожания.

Козловский написал много народных мелодий; известнейшие из них, на слова Нелединского-Мелецкого, популярнейшая лакейская песня «Барыня» сочинена тоже им; в первый раз «Сударыня-барыня» была исполнена в 1817 г. театральным оркестром в одном из маскарадов. Мотив этой песни произвел необыкновенный восторг, долгое время был в большой моде и распевался во всех петербургских обществах. Козловский пользовался дружбою Державина, с которым вместе любил играть на гусях. Большим приятелем его был Яблочкин, известный исполнитель русских песен и скрипач эрмитажной камерной музыки. Яблочкин был учеником знаменитого скрипача и балалаечника Хандошкина. Козловский умер в 1831 году, в глубокой старости, в чине статского советника; происходил он родом из белорусских дворян и в молодости служил органистом в костеле св. Иоанна в Варшаве.

В двадцатых годах в столице было немало тайных обществ, имевших шутливый характер. К таким кружкам принадлежало обще-

ство театралов, членами которого была военная молодежь. Общество это было прекрасно организовано, никаких отношений оно ни к драматическому, ни к хореографическому искусству не имело. Цель его была одна – ежедневно посещать театры и садиться на места, не платя за них денег. Иной такой член во все время спектакля только и делал, что перемещался с места на место. И когда уже свободных мест не хватало, то выходил из театра.

На это общество было обращено серьезное внимание третьего отделения и члены его все переписаны. Затем было еще «с. – петербургское вольное общество любителей прогулки». Предводителем гуляющих в нем числился известный в то время доктор Иван Ястребцов; церемониймейстером прогулок граф Соллогуб, советником общества П. Безобразов; цензором благочиния Василий Соц и непременным секретарем Осипов. Члены общества имели очень красивые дипломы, с аллегорическими изображениями времен года во всех углах красивой голубой рамки. Лорнет, висящий на черной ленте, служил знаком отличия почетного пешехода и считался знаком

отличия от других пешеходов или собственно прохожих, – его давали носить, наблюдая, впрочем, некоторые разделения. Так, по статьям статута, в буднично-рабочие дни прогулки лорнет мог быть и в движении, и в покое, по собственному усмотрению, но в празднично-гулевые дни лорнет должен, по установленным законам движения гулевой головы, непрестанно мотаться перед глазами, и не прежде, как при возвращении домой, дозволялось спустить его на черной ленте рыцарского ордена, протянутой через плечо по камзолу, в карман, или оставить в виде триумфа на камзоле, в фигурном положении.

Надо предполагать, что «общество любителей прогулки» возникло или на чисто гигиенической почве, или чтоб осмеять существовавшие тогда правила езды в экипажах. Вспомним, что в те годы пешеходной прогулке придавали мещанское значение. Все, что имело чин и дворянство, должно было ездить в каретах, по установленным еще императрицею Екатериною отличиям – по рангам.

В описываемые годы еще существовало другое «общество друзей признательности»,

президентом которого числился известный впоследствии финансовый деятель А.М. Княжевич. Это общество носило тоже частный характер и было организовано в остроумно-шутливом тоне. Оно устраивало своим сочленам заседания с приличною трапезою, музыкой и пением.

Существовали также в те годы еще и другие веселые общества, как, например, «Галеры» и «Зеленой лампы». Заседания последних двух, как надо думать, были чисто в анакреоническом вкусе, с веселыми женщинами и с бурными возлияниями. Председателем «Галеры» был известный богач Всеволожский, в его доме, напротив Морского собора, и собирались веселые сочлены.

В александровское время в Петербург приезжали квакеры, своим оригинальным костюмом, своими обрядами и несниманием шляпы перед людьми и другими нравственными особенностями они обращали на себя внимание, имея вид больших чудаков. Квакеры в столице знакомились со всеми различными сферами русского общества; они появлялись в школах, тюрьмах, в аристократиче-

ских домах. Бывали у важных духовных лиц. Известны, например, их беседы с митрополитом Михаилом и епископом Филаретом, впоследствии московским митрополитом. В Петербурге квакеры жили по несколько месяцев. Все власти принимали их с почетом; квакеры вообще старательно отыскивали секты, в которых находили сходство с своими верованиями. Из русских сектантов особенно молокане почувствовали к ним большое расположение, потому что в их религиозных понятиях квакеры нашли много общего со своими собственными.

Особенно своими странностями бросался в глаза на улицах столицы Томас Шилитэ. Это был один из первых проповедников трезвости. Он был маленький человек, лет семидесяти, с живыми движениями, довольно оригинальной головой и лицом; выдавшийся лоб, глубоко лежавшие глаза с густыми бровями, крючковатый нос и сильно выдавшаяся нижняя челюсть, показывавшая решительность. Нервность его темперамента доходила почти до помешательства. Он слышал голоса, говорившие его внутреннему чувству. Уви-

деть мышь стоило бы ему болезни. Он часто пугался из страха, чтобы чего-нибудь не испугаться. Рассказывали, что в течение нескольких недель он воображал себя чайником и очень боялся, чтобы люди, подходившие к нему близко, его не разбили. Он думал, что ему надо бежать бегом через мост, чтобы мост не сломался под его тяжестью. Один поразительный случай убийства так подействовал на его воображение, что он несколько недель скрывался, чтобы его не приняли за убийцу. Но в других случаях этот человек был неустрашимым, как герой; он не пил вина и питался одной растительной пищей. Концом его бесед в обществе было молчание, в ожидании осенения Св. Духа, а после молитва.

В царствование императора Александра I, в кругу военной молодежи славился своими остротами и уличными проказами Ваксель, офицер, служивший в конной артиллерии. Ваксель был лично известен императору. Он знал хорошо военную службу, лихо ездил верхом, за что ему и спускалось много проказ. Не проходило дня, чтобы Ваксель не выкинул какой-нибудь штуки на улицах столицы.

Рассказывали, что однажды император, прогуливаясь верхом по городу, увидел большую толпу народа, стоявшую на Казанском мосту и на набережной канала. Народ с любопытством смотрел на воду и чего-то ждал «Что это такое?» – спросил государь у одного из зевак. «Говорят, ваше величество, что под мост зашла кит-рыба», – отвечал легковерный зритель. «Верно, здесь Ваксель!» – сказал государь громко. «Здесь, ваше величество!» – воскликнул тот из толпы – «Это твоя штука?» – «Моя, ваше величество». – «Ступай же домой и не дурачься!» – промолвил государь, улыбаясь.

Рассказывают, что еще в царствование императора Павла Петровича Ваксель побился об заклад, что на вахт-параде дернет за косу государя. Ему не хотели верить, но побились с ним ради шутки. В первый же вахт-парад Ваксель вышел из строя, быстро подбежал к императору и легонько дернул его за косу. Император обернулся, Ваксель снял шляпу и, поклонившись, как требовала тогда форма, сказал тихо: «Коса лежала криво, и я дерзнул поправить, чтобы молодые офицеры не заме-

тили». – «Спасибо, братец!» – сказал государь. И Ваксель с торжеством возвратился на свое место.

В тогдашнем высшем обществе сильно недолюбливали Наполеона, и в это время французским чрезвычайным послом прибыл в Петербург бывший адъютант императора, любимец и доверенное его лицо, генерал Савари, – выбор этот был довольно неудачный. Савари был известен Александру Благословенному с Аустерлица; он приезжал к императору от Наполеона с предложением перемирия после битвы, а затем Савари был известен как один из судей и главный виновник смерти принца Энгийенского, члена одной из древнейших европейских династий.

В кругу русской аристократии была сильная агитация против Савари, и его в высшем обществе принимали чрезвычайно холодно. Ваксель поклялся насолить Савари; он нанял карету четверней у знаменитого тогда извозчика Шарова, нарочно с тем, чтоб столкнуться с каретой генерала Савари. Ваксель выехал, когда Савари возвращался из дворца и, пустив лошадей во всю рысь, сцепился с каре-

той французского посла на Полицейском мосту. Одну карету надо было осадить; посланник, высунувшись в окно, кричал Вакселю: «Осадите ваш экипаж!» – «Это вы должны осадить! Вперед», – отвечал Ваксель, и генерал Савари, чтобы избежать несчастья, принужден был выйти из кареты и велел ее осадить.

Ваксели были бедные смоленские дворяне; родственник этого Вакселя был также замечательный человек: он, при сметливом уме, искусным межеванием составил себе несметное богатство. Этот ловкий землежеватель прослыл в обществе под именем Вольтера, он сам, шутя, говаривал: «Вот добился же я чего-нибудь в свете! Меня все называют Вольтером, хотя я отроду не был грешен ни в одном стихе». По наивности он не догадывался, что его называют Вольтером по каламбурному значению *vol-terre*. [8]

Не менее этого Вакселя в сороковых годах в Петербурге был известен Ваксель-охотник, человек с превосходным образованием и начитанностью, он от природы был одарен острым умом, был знаток в живописи и отлично сам рисовал, хотя и левой рукой. В особенно-

сти он был замечательный карикатурист и, что еще замечательнее, заглазно, на память, его портреты-карикатуры выходили всегда удачнее, имели более сходства. Нарисует он какого-нибудь толстяка худым, чуть не скелетом, а худого – толстяком, и оба как вылитые. Меткие карикатуры Вакселя памятны и теперь, вероятно, многим старожилам.

У известного орловского помещика Н.В. Киреевского находился целый альбом карикатур, и очень будет жаль, если он утратился, как вещь, не имеющая никакой ценности в глазах наследников.

В описываемые годы были лгуны, которых теперь совестно называть лгунами; речь их была увлекательна и не без сказочной поэзии, пред ними раскрывались настежь двери аристократических салонов, около них теснился кружок внимательных слушателей; эти лгуны у стариков носили название «Гамбургской газеты».

Обеды в старину у ресторана Фельта, на Большой Морской, отличались большим многолюдством и оживлением; в числе постоянных посетителей было несколько лиц, отли-

чавшихся своим красноречием, никому не обидным, а только каждому забавным. В ряду таких болтунов пользовался всеобщей известностью полковник Тобъев, старый служака времен очаковских; его рассказы поражали необъятною хвастливостью – это был русский барон Мюльгаузен.

Однажды за общим обедом речь зашла о Потемкине «Вы знаете, я служил при нем адъютантом, – сказал Тобъев, – и скажу, не хвастаясь, я пользовался любовью князя более, чем кто-либо из его приближенных. Раз, в веселый час, князь просит меня ехать курьером в Тобольск, дело было очень серьезное, и другим светлейший не мог его доверить. Князь лично дал мне наставление, и я думал уже откланяться его светлости, как Потемкин остановил меня вопросом. „Что, Тобъев, бывал ли ты когда-нибудь в Сибири?“ Я отвечал, что не был. „Ну, рекомендую тебе, – промолвил Потемкин, – Сибирь – страна редкостей. Смотри же, исполни главное, что я тебе приказывал, и затем привези для меня из страны редкостей какую-нибудь диковинку, а затем – прощай!“

Привезти для великолепного князя Тавриды, дивившего всех и уже не удивлявшегося ничему, согласитесь сами, вещь, право, не шуточная; однако ж я не терял надежды. По особому счастью, которое так частенько гонялось за мною, мне удалось окончить дело так успешно и скоро, как иному бы и во сне не приснилось. Я летел из Петербурга, как голубь, загнал за дорогу более ста лошадей, шесть троек положил на месте, – ну, словом, летел так, как никому не удавалось прежде и, конечно, никогда уже не удастся после меня; вообразите три тысячи верст я прокатил в шестеро суток. «Ну, Тобьев, молодец ты, удивил меня», – встретил меня этими словами Потемкин. Явился я к светлейшему весь в пыли, донес ему о деле, князь остался очень доволен. «Ну, недаром просил тебя привезти мне диковинку из Сибири, – диковинка теперь – ты сам!» – «Простите, ваша светлость, я не забыл и про диковинку для особы вашей» – «Не забыл», – сказал князь с рассеянным видом и, подойдя к окну, стал барабанить по стеклу в задумчивости. «А ты здесь еще?» – спросил он, спустя несколько минут, оборо-

тясь от окна. – «Да». – «А где же твоя диковинка?» – «Со мною, ваша светлость». – «Что же я не вижу, или она уже так мала?» – «Извините, князь! Как раз на ваш рост». С этим словом я разжал правую руку и распахнул перед князем чудеснейшую соболью шубу. Разумеется, князь так и ахнул. «Как, неужели целая соболья шуба могла поместиться в вашем кулаке?» – сказали изумленные слушатели? – Ну, конечно! – отвечал полковник. – Чем же иначе мог я удивить Потемкина, как не такой диковинностью меха».

Из таких же невероятных рассказов Тобьева вот и другой. «Раз после обеда, выходя от Фельта, мне с приятелем захотелось побывать в театре. Дорогою к театру пошел проливной дождь; я отдал приятелю зонтик, а сам отказался. Дождь пошел еще сильнее; приятель опять просит меня укрыться под зонтиком, я отказываюсь. Приходим к театру, у приятеля шляпа мокрая и пальто тоже промокло, я же сух, на мне ни одной капли дождя; представьте, я так ловко и искусно умел во всю дорогу отпарировать палкою каждую каплю, что решительно ни одна не упала на

мое платье и шляпу.

Тут только разгадал мой приятель, что значит свист, который всю дорогу гудел в его ушах: вы догадываетесь, конечно, что он происходил от непомерной быстроты палки». Эти два рассказа, кажется, приписывали многим из наших вралей.

Лет пятьдесят тому назад по линиям Гостиного и Апраксина двора бродил старик в красном замаранном кафтане охотника-доезжачего. Этот обломок былой помещичьей жизни, несмотря на свои преклонные годы, владел феноменальной силой: он кулаком разбивал небольшое полено в мочалку, гнул и ломал подковы, свертывал в клубок кочергу и делал другие невероятные по силе штуки. Старик происхождением был пленный турок и долго жил доезжачим в охоте известного самодура князя Грузинского.

Но главное художество этого «турка», как его звали, что он не позволял себя «с чистоты снять», т. е. победить на кулачках.

В те годы кулачные бои у нас еще процветали, старики помещики и купцы любили эту жестокую охоту и нередко, собравшись где-

нибудь за городом повеселиться, сводили своих бойцов для потехи и держали за них большие пари и заклады. Кулачный бой с незапамятных времен на Руси был любимой потехой. Охотники выходили против охотников, били друг друга кулаками в голову, в грудь, в живот. Бились до последнего истощения сил; нередко увечили один другого, иногда даже платили жизнью за потеху. Кто падал, того уже не били, в силу закона кулачных бойцов – «лежачего не бьют». Кулачные бои происходили в известные дни. Обычно время боев начиналось с зимнего Николая, т. е. с 6 декабря, и продолжалось до сборного воскресенья. Самый большой разгул был на масленицу. Летом бои не бывали.

В Петербурге кулачные бои, по свидетельству иностранцев, еще в петровское время происходили на Адмиралтейской площади. Лет сорок назад страшный кулачный бой был на берегах Невы зимой, на Малой Охте; здесь дрались охтяне с крючниками Калашниковой пристани. Старожилы Петербурга, я думаю, еще хорошо помнят эту потеху. На вызов к бою или на «затравку», как тогда говорили,

высылали детей; те задевали детей противников. Любопытные собирались смотреть, после охотники являлись на защиту детей; тут-то и разыгрывалась молодецкая кровь. Избитые дети мало-помалу уходили, а между взрослыми начиналась свалка. В других городах на кулачные бои выходили селение против селения, одна часть города против другой, охотник против охотника, татары против русских, мещане против посадских и т. д. Прославившихся бойцов возили из города в город и вызывали против них охотников биться. Бойцы городские, привыкшие к ловкости, почти всегда брали верх над деревенскими; из городских славных бойцов были казанские, калужские и тульские.

Таких бойцов богатые купцы привозили зимою в Москву и в Петербург, и они держали бой с татарами, привозившими рыбу и икру. Слабые, но хитрые бойцы иногда закладывали в рукавицы камни, свинчатки, чугунные бабки, чтобы удар был сильнее. Но таких, если ловили, то били уже не на живот, а на смерть.

Видов боев в старину были три: «один на

один», «стена на стену» и «сцеплялка-свалка». Бойцы один на один считались выше других и никогда не ходили стена на стену. Лучшими из них считались в тридцатых годах тульские: Алеша Родимый, Никита Долговяз, братья Походкины, семейство Зубовых, Тереша Кункин – их с почетом развозили купцы по городам, их называли «чудо-богатырями». Пить как можно больше вина считалось у них доблестью, а брать деньги в подарки – бесчестьем. Лучшими бойцами стена на стену славились казанские суконщики; всегдашними соперниками их были татары. В Херсоне суконщики дрались с евреями-караимами. В Туле известны бои оружейников с посадскими; в Костроме – дебрян с сулянами, на Молочной горе. Когда бились стена на стену, лучшие бойцы выдерживались в стороне с толпою зрителей, их называли почетным прозвищем: «надежа-боец». Их обязанность была поддержать своих, когда одолевали противники. Когда неприятели пробивали стену, «надежа-боец» летел на подмогу с шапкою в зубах, бил кулаками на обе стороны и, пробив вражескую стену, возвращался при громких

похвалах. Угощение в кабаке было неизменною наградою «надежи-бойца». В сцеплянке-свалке противники шли врассыпную и тузились в толпе. Этот род боя употреблялся очень редко.

Замечательною уличною знаменитостью в Петербурге после отечественной войны был донской казак Зеленухин. Этого донца народ и общество просто носили на руках. Александр Зеленухин был очень типичный казак, 60 лет, с седою большою бородою, с Георгиевским крестом и многими медалями на груди. На службе он был более тридцати лет. Слава его начинается с посещения им Лондона, куда он был послан из Гамбурга к нашему посланнику графу Ливену. Англичане, предуведомленные о его приезде, ожидали на пристани в количестве нескольких тысяч человек, и лишь только он появился, как повсюду раздался восторженный крик: «ура, казак!» Эти возгласы сопровождали его во все его пребывание в Лондоне, как только он показывался на улицах. Его наперерыв хватали за руку, лишь бы поздороваться с ним, давали ему разные подарки; от денег казак отказывался,

говоря: «Наш батюшка царь наделил нас всем, мы ни в чем не нуждаемся, сами в состоянии помогать бедным. Спасибо за ласку вашу!» Эти слова Зеленухина были приведены в то же время во всех английских газетах, и никто после того не предлагал ему более денег. Зеленухин не принял от принца-регента даже тысячи фунтов стерлингов, тогда стоивших около 24 тыс. руб. на ассигнации.

Такой редкий пример бескорыстия привел в совершенное изумление всю английскую нацию. Принц-регент приказал сделать казаку военную сбрую на казачий образец, стальную пику, два пистолета, ружье, саблю, трость с выдвигающеюся зрительного трубною, лядунку, перевязь, вышитую серебром, и проч. Все же собственное вооружение казака принц взял себе на сохранение как достопамятность и воспоминание, что был некогда храбрый казак в Лондоне.

Зеленухина возили в театр, где он сидел в парадной ложе между первыми сановниками; в антрактах спектакля восторженные овации ему не умолкали. Вся знать желала видеть у себя гостем казака, все пили за него и

за здоровье русских воинов – «победителей злодея вселенной». Зеленухина возили в парламент, где лорд-канцлер говорил речь перед ним. «Посмотрите на старика, покрытого сединами, – вещал оратор, – забывая свои утомленные летами силы, он поспешил принести их на поле сражения и привел в трепет и ужас изверга Бонапарта. Не он один, но и многие старее его прилетели защищать свою землю, гробы своих праотцов, сражаться за Бога и царя. Последуйте геройскому примеру великого народа – и злодей исчезнет перед оружием всеобщего ополчения!»

Зеленухина в Лондоне заставили показывать все военные приемы донцов; триста конных гвардейцев были назначены в его распоряжение. На это зрелище съехалось несколько сот тысяч зрителей из всех городов Англии. Его учение привело всех в восторг, народ неистово кричал: «Виват донское войско!» Зеленухина просто закидали подарками, женщины снимали с себя платки, шали и другие вещи, прося принять казака на память.

Некоторые из дам просили у него волос из

бороды или с головы. По этому случаю было немало комичных сцен. Зеленухин в Петербурге рассказывал, что не имей он законной жены и будь немного моложе, его непременно женили бы. Все дамы досадовали, что он стар и женат и что предложение выйти за него замуж было бесполезно. Ему давали дом и землю в Лондоне и просили поселиться у них на житье, но все предложения Зеленухин отверг; он отвечал всем, что хочет умереть у себя в хате, где его старуха и протекает тихий Дон. После заграничной своей поездки Зеленухин вскоре был отпущен в отпуск и умер у себя на Дону.

Глава XXIII

Немой барин. – Откупщик К-ов. – Богатый помещик Щ-ай. – Уличные проказники и их шалости. – Матвей Иванович. – Оригинал О-ич

К разряду более заметных былых петербургских чудаков, разгуливавших по Невскому и другим улицам, следует причислить одного знатного иностранца – мистера Рандольфа, посланника Северо-Американских штатов в первые годы царствования императора Николая I. Он был в первый раз в Европе и всему удивлялся – все для него было ново. Рандольф рыскал пешком по улицам, вечно в одном фраке, в белом галстухе и ярко-зеленом жилете. Прочитывал надписи вывесок, заносил их в свою карманную записную книжку и все рассматривал со вниманием. Извозчики, которых он никогда не нанимал и на зазывания которых не отвечал, прозвали его «немым барином». Из таких же уличных оригиналов пользовался известностью в описываемые годы откупщик и крупнейший из петербургских домовладельцев некто К-ов. Огромней-

шие дома его выходили на Дворцовую площадь, потом были куплены в казну и обращены в здание главного штаба, их соединили через улицу аркою.

Другой большой дом его был на Невском, у Казанского моста – он его отдал в приданое за дочерью, вышедшей за Энгельгардта. К-ов был большой оригинал. Он служил в милиции в 1807 году и сохранил за собою право носить особый костюм, состоявший из кафтана с нашитыми украшениями и треугольной шляпы, с большим зеленым пером. Но иногда богач разыгрывал сказочного Гарун-Аль-Рашида и ходил по улицам в нанковом длинном полумесяце, подвязанный кушаком и в лаптях. Любимым его занятием было заходить на пути в лавки и в магазины. «Эй, милый! – кричал он, входя в какую-нибудь колониальную лавку, – подай мне бутылку шампанского». Малый с изумлением смотрел на бедно одетого прохожего и после минутного молчания замечал ему, что бутылка шампанского стоит три рубля, «Три рубля, – повторял незнакомец, – это недорого, только хорошо ли оно?» – «Отличное», – отвечал сиделец. – «Так

подай две бутылки». Сиделец, еще более изумленный, бежал к хозяину и рассказывал ему о требовании бедняка. «Подай шампанское, – говорил хозяин, – только присматривай, чтоб он не ушел не заплативши». Малый приносил шампанское, ставил на прилавок вино и становился у двери, не спуская глаз со странного посетителя. «Что ты на меня смотришь? – спрашивал незнакомец, улыбаясь. – Видно, тебе самому хочется выпить стаканчик. Принеси стакан, я попотчую тебя».

Малый не приходил в себя от изумления и со страхом выпивал стакан, к крайнему удовольствию громко смеявшегося незнакомца. «Правда твоя, шампанское хорошо», – говорил незнакомец, вытаскивая из кармана кожаную рукавицу, из которой высыпал на прилавок целую кучу червонцев. Взяв два червонца из них, он подавал малому в расплату за вино и приказывал остальные оставить себе на водку.

Пока слуга, не доверявший глазам своим, повертывал в руках червонцы, к дверям лавки подъезжал великолепный экипаж цугом, в который мнимый бедняк и сел. Так лю-

бил потешаться богатый откупщик.

В другой раз в одежде бедного мужика он входил в магазин ювелира, держа в руках лукошко с яйцами или бочонок с сельдями, и требовал какую-нибудь дорого стоящую бриллиантовую вещь. Ювелир после долгих споров нехотя показывал требуемую вещь, недоверчиво оглядывая странного покупателя.

После долгих переговоров более ценная вещь вынималась из витрины – и надо было видеть изумление бриллианщика – как за нее тотчас же следовала расплата, не торгуясь, чистым золотом.

Обыкновенно же К-ов разгуливал по улицам Петербурга в своем ополченском мундире времен первой милиции; по пятам за ним ходил его выездной лакей, с чулком в руках, и усердно вязал; иногда за ним следовал конторщик с пером, чернильницей и счетами под мышкой. Нередко где-нибудь на углу барин останавливался, конторщик записывал какой-нибудь расчет, пришедший откупщика в голову, и озабоченно щелкал костяшками по счетам, выводя итог будущего тысячного предприятия. К-ов занимался по смерть ка-

зенными подрядами и откупами.

Редкий, конечно, из петербургских жителей не знал этого добродушного, остроумного и приветливого человека – храброго воина в свое время и сердобольного гражданина, оставившего добрую по себе память в сердцах тех, которые имели к нему какое-либо отношение. К-ов любил правду и шутку; беседы, как на улицах, рынке и в лавках, так и в гостиных высшего общества, в коих он часто появлялся по своему положению, всегда оживлялись весельем и его любезностью.

В первой четверти текущего столетия на стогнах столицы часто попадался малороссийский богатый помещик по фамилии Ш-ай, большой оригинал. Ходил он в холстяном сюртуке с анненскою звездой, человек он был очень умный, но большой кляузник; он проживал в столице для того лишь, чтоб, бывая у своих высокопоставленных земляков – Трощинского и Кочубея, в смешном виде рассказывать о делах малороссийских губернаторов, которых он сильно недолюбливал. Его все страшно боялись, старик был очень злой на язык. При Екатерине он служил в почто-

вом ведомстве, затем был долго губернским полтавским предводителем. При императоре Павле I он добивался места малороссийского генерал-губернатора и подавал ему прошение, где рекомендовал себя человеком, хорошо знающим народ малороссийский. На это ему император ответил, «что достижение в империи высших почестей позволительно всякому, и желание ваше быть малороссийским генерал-губернатором похвально, но для сего мало одного вашего желания, необходима к этому и моя воля, а я вам ее не соизволяю». Ш-ай ходил по улицам всегда с большою свитой мелкопоместных дворян, которые у него исполняли разные домашние должности; один носил за ним трубку, другой кiset с табаком и т. д.

Он под конец своей жизни был переименован в генерал-майора императором Александром I и после долго был предводителем, когда и давал роскошные балы и обеды, на которые являлся по обыкновению в холстинном или нанковом сюртуке с анненскою звездою. Он захотел увековечить получение этой награды, и в родовой вотчине выстроил велико-

лепный дворец, долженствовавший из роду в род передавать потомкам о чести, которой некогда удостоился его строитель. Дворец сооружен был в форме анненского креста, в середине его – круглый зал наподобие круга, имеющегося в середине анненского креста, а на куполе – изваяние св. Анны, соответствующее такому же изображению на кресте.

Неизвестно, умер ли почтенный кавалер в этом кавалерственном замке, хотя предание и говорит, что он скончался чуть ли не столет от роду. Но известно, что наследство его, странствуя по боковым и женским коленам, с сопряженным с сим знатного рода умалением, попало, наконец, течением обстоятельств, в руки новоявленного боярина от сахарной коммерции.

Такова уж, видно, рука исторической Немезиды. Участь орденобразного замка вышла даже довольно плачевна, тронутый зубом всеокрушающего времени, замок оказался подлежащим ремонту на основании правил купеческой эстетики. Стоявшее на куполе изваяние св. Анны до того пришло в ветхость, что требовалось заменить его новым.

Наш эстетик обратился к одному киевскому зодчему, и вот тот за приличный гонорар водрузил сюда тройку лошадей, до которых новый владелец был большой охотник.

В двадцатых годах в Петербурге существовали кружки уличных весельчаков и проказников, преимущественно из гвардейских офицеров, деятельность которых состояла в том, чтобы всячески потешаться над уличными зеваками. Общество было довольно хорошо организовано и имело даже свой ритуал вроде масонских лож. Заседания происходили попеременно у членов сходки, назначались на рынках и улицах, где, словом, было много народа. По большей части проказы их состояли из распускания разных невероятных слухов. Чем нелепее был слух, тем скорее распространялся он по городу.

Трудно было перечесть все чудеса и создания их фантазии. Ходили эти шутники всегда попарно, нередко и целым обществом, и, сочинив новость, разглашатели шли в разные концы города, останавливались на углах улиц, смотрели на дома и тем привлекали бездну зевак. Вот какие распространяли они

слухи. В одной из глухих улиц Выборгской или Петербургской стороны лежал на мостовой человек в длиннополом сюртуке, видимо из купцов или приказчиков.

Наши шалуны быстро кидаются к нему. «Боже мой! Какое несчастье! Мертвый!» – вскричал один. «Убитый», – повторяет другой. И в ту же минуту оба, со страхом и не оглядываясь по сторонам, пускаются бежать от трупа в разные стороны.

И через полчаса Петербургская и Выборгская стороны толковали о том, что в такой-то улице найден труп купца П., известного миллионера, зарезанного – кем же? – о, ужас! – чудовищем, родным племянником, которого он лишил наследства за его распутную жизнь. Бесчеловечно обобрав все деньги у своего дяди, он забрался в его кассу и, пойманный на месте купцом, без сожаления убил его и, снявши с пальцев несчастной жертвы все кольца и перстни и даже с груди крест, выбросил труп в окно, а сам бежал в Америку, с женою покойника, своею родною теткою!

В то же время в другом конце столицы, где-нибудь на Мещанской, Сенной или Коломне,

про этот труп рассказывали совсем другую историю. Один молодой человек страстно любил одну красавицу Петербургской стороны, которая отвечала ему взаимностью. Но положение в свете любящих было разное, и людские предрассудки сильно восстали на них: она была знатна и богата, он – бедняк и без всякого положения. Суровый отец велел дочери готовиться к браку с ненавистным ей стариком графом. Накануне дня, назначенного для бракосочетания, несчастный юноша в последний раз явился к своей возлюбленной, чтобы поцеловать ее, сказать ей «навек прости» и броситься из пятого этажа, где была ее комната, на каменную мостовую, для того, чтобы не видеть больше своего несчастья. Труп бедного юноши был утром найден под окном красавицы. В руке безвременно погибшего несчастного был сжат медальон с портретом особы, имя которой лепетал он при последнем издыхании.

Но если бы в то время кто-нибудь пожелал узнать настоящую историю этого мнимого трупа, то объяснение он нашел бы в полицейском участке или у него самого, когда он, по-

сле вытрезвления, отправился опять в тот же кабак, близ которого он был найден.

Бывали и другого сорта новости, фабрикованные этими шутниками. Так, однажды возле Измайловского моста, по Фонтанке плыла шляпа. Шляпа, как все шляпы – круглая, черная, не слишком новая, не слишком старая, шляпа плыла себе, да и только.

Казалось, кому до нее какое дело, – но зеваки любят посмотреть на все, и толпы стали собираться на набережной смотреть на шляпу, тол ковать о ней и наблюдать, как она продолжает свой путь. На это дешевое зрелище подоспели и наши проказники. Жильцы домов на Фонтанке, увидя из окон стечение публики, посылали горничных и лакеев узнать, что такое случилось, и в разных частях города получались разные ответы, которые усердно рассказывали шутники.

Так, у Пантелеймонского моста говорили, что шляпа эта принадлежала чиновнику, утопившемуся с горя, потому что ему не дали никакой награды, тогда как все, кто был ниже его чином и местом, получил по Станиславу.

У Симеоновского моста утонувший чинов-

ник превратился в молодого коломенского поэта, бросившегося в Фонтанку оттого, что издатель одного журнала не хотел печатать его стихотворений.

Далее говорили, что погибший был не поэт, а купец, утопившийся с отчаяния, что ему не удалось взять подряд в казенное место; уверяли также очень серьезно, что эта шляпа принадлежит какому-то волшебнику, и что она заколдована, потому что, как ни старались ее поймать, она никак не поддавалась и ускользала из рук, и даже один слишком усердно погнавшийся за нею мужик поплатился жизнью – сам упал в воду и утонул.

Далее повествовали, что шляпа принадлежала упавшему по неосторожности и утонувшему шестнадцатилетнему мальчику, единственному сыну богатейших родителей, другие тут же уверяли, что мальчик погиб от безнадёжной любви к одной жестокосердной и неумолимой актрисе.

Уверяли здесь же, что погибший был известный красавец миллионер, на днях получивший еще миллион в наследство, но прекративший самовольно жизнь свою, потому

что проиграл его одному купцу, содержателю трактиров и фруктовых лавок. Говорили также, что в ней зашито было 200 000 руб. и что ее снесло ветром с головы одного скряги, переезжавшего на другую квартиру и опасавшегося, чтобы у него во время переезда не украли этих денег.

Далее, уже у Аничкина моста, за верное утверждали, что шляпа эта принадлежала одной девушке, переодевшейся в мужское платье, чтобы бежать с своим любовником, и уронившей шляпу по неловкости в Фонтанку, отчего волосы несчастной рассыпались по плечам, и она, узнанная преследовавшею ее роднёю, была возвращена обратно в дом разгневанных родителей.

Затем у Обуховского и Измайловского мостов, наконец, они уверяли, что эта шляпа привязана за ниточку к руке одного англичанина, который вследствие крупного пари плывет под водою от самого Прачешного моста.

Нередко распускаемые этими проказниками слухи принимали даже колоссальные размеры. Петербургские старожилы помнили

один такой случай, собравший несметные толпы народа к Казанскому собору по поводу ходившего слуха, что в собор будет привезен покойник с рогами и когтями, словом – верное подобие черта. Ходившие рассказы были так упорны, и народ шел в такой массе на это воображаемое зрелище, что никакие увещания полиции не помогли и потребовалось вмешательство пожарных команд, которые из труб и поливали народ, чтобы очистить Казанскую площадь и Невский проспект от зевак.

Впоследствии тонкие политики уверили, что этот нелепый слух был пущен самим Аракчеевым, чтобы отвлечь умы петербуржцев от царивших тогда в обществе рассказов про убийство его любовницы Настасьи Минкиной.

Большую популярностью и страхом в описываемые годы, как на улицах Петербурга, так и по линиям Гостиного и Апраксина дворов, пользовался высокий старик, очень худой, в старинных очках, ходивший в фризовой шинели, с большим ридикюлем в руках – и в какую бы лавку он ни входил и что бы ни

брал, купец не решался просить за товар деньги в былые, протекшие дни не одни его превосходительства пугали купцов своими громами.

Судьба в те годы нередко зависела от лиц, отнюдь не высоко стоявших на лестнице общественной иерархии.

Так, описываемый старик, известный всем под именем Матвея Ивановича, был дворецкий или камердинер одного господина, столь же ветхого летами и столько нищего совестью, сколько богатого силой – Матвей Иванович был своего рода Зевс-громовержец. Место ли кому нужно, подряд ли, милость ли, какую награду – все валило к Матвею Ивановичу, и самое законное дело нередко покупалось у Матвея Ивановича.

Расположение Матвея Ивановича давало счастье, гнев его был страшен. Народная молва из Матвея Ивановича сделала миф. Начало своей карьеры, как уверяли тогда, он сделал тем, что был стеклоед, и за это художество полюбился он своему барину. Возьмет, бывало, он рюмку, проглотит водку, и в тот же миг и рюмку в рот, погрызет ее и съест всю без

остатка: Матвей Иваныч, говорили, умирая, оставил миллион; у него были дома и дачи в Петербурге.

В первой четверти текущего столетия в петербургском обществе был известен художник О-ч. Это была замечательная личность, его благотворительность не слушалась никакого расчета, он всегда был без гроша, раздавая все бедным, он жил один и небогато, его прислуга была старуха кухарка Фекла; он не ел никогда мясной пищи и строго соблюдал правило индейских браминов не убивать никакой жизни – в этом последнем убеждении он доказывал, что если не мучить и не убивать животных, то они не станут причинять никакого вреда человеку.

На этом основании он не выводил у себя ни клопов, ни блох, ни тараканов, которые во множестве у него водились. Когда он ехал на извозчике, то не позволял гнать быстро и стегать лошадь.

В этих случаях во всю дорогу извозчику он читал проповедь о том, как он должен беречь свою лошадь и ласково с ней обращаться. «Ведь она тебя кормит, – говорил он, – а ты

бьешь; она идет таким шагом, как ей следует идти, а ты заставляешь ее бежать и запыхаться – зачем? Нехорошо, брат, плохо».

Он имел особое пристрастие к кошкам – они были его страстью. Штатных было у него двенадцать и немало сверхштатных; ему подкидывали новорожденных котят; он их принимал и воспитывал.

Когда же приемыши достигали положенного возраста, то раздавал их по будкам, которые в то время составляли в Петербурге полицейские посты.

Будочникам он давал приданого: за кошку десять, за кота пять рублей, потом обходил сам эти посты или посылал свою кухарку наведываться о житье-бытье своих питомцев.

Таким образом у будочников завелся обычай иметь кошек; жители Петербурга замечали их почти у каждой алебарды, но мало кому было известно происхождение этого обычая. Каждая кошка имела имя и отчество какой-либо дамы или мужчины из близких друзей хозяина.

Его любовь к ближнему, милосердие и доброта доходили иногда до эксцентричности по-

чти невероятной; известен, например, следующий случай. Он имел очень дорогие часы Нортонa и для него неоценимые, потому что они были подарены ему тогдашним военным губернатором графом Милорадовичем. Часы эти всегда лежали у него на столе. Раз один молодой человек, его знакомый, взял их, чтоб посмотреть, и затем ловко спустил их к себе в карман и ушел.

О-ч это видел, глубоко вздохнул и не сказал ничего воришке. Кухарка потом рассказала его знакомому, и тот немедленно отправился на квартиру воришки и отобрал часы от него и принес их к владельцу, чему он очень обрадовался. Когда же его упрекали за непростительную снисходительность к похитителю, то он сказал: «Эх, господа, не будьте так строги, может быть, он был вынужден крайностью».

Другой случай был еще более характерен. Он пил кофе в кофейной, в комнате не было никого. Туда входит незнакомец и, обращаясь к нему, просит разменять двадцатипятирублевую бумажку, но сам не показывает ее. Когда же О-ч достает мелких ассигна-

ций, то незнакомец вдруг выхватывает у него из рук пятирублевую бумажку и убегает. Художник за ним; догоняет дерзкого мошенника у самой будки и говорит ему: «Милостивый государь, вы конечно решились на этот поступок из последней крайности; вам необходимы деньги, так возьмите еще десять рублей, на этот раз не могу дать более».

Когда впоследствии знакомые упрекали его за то, что он поощряет мошенников, то в ответ слышали: «Вы полагаете, что я поощряю дурных людей, ошибаетесь. Я уверен в том, что то, как я обошелся с ним, послужит к исправлению. Вряд ли лучше подействовал бы на него позор и наказание».

И в самом деле, не был ли он прав в этом? Он был женат, но жена нежила с ним, хотя супруги были очень между собою дружны. Жена его осталась в доме одной знатной дамы, у которой была компаньонкой. Это было условлено при заключении брака. Он говорил, что женился для того, чтобы из невольницы, какою есть каждая девица, сделать свободную женщину.

Раз, только один раз, вышел он из своего

характера снисходительной кротости. Это было на масленице. Проходя по площади Большого театра, где тогда строились балаганы, он у одного из них услышал странные, но слишком его сердцу близкие голоса. Какой-то приезжий итальянец завел у себя хор из кошек. Штук двадцать или более этих животных с подобранными по диапазону голосами составляли нечто вроде фортепиано, хвосты четвероногих музыкантов положены были под клавишами, а в них вделаны булавки. Когда маэстро играл на этих клавишах, то кошки уколотые издавали одна за другой «мяу», и из этих звуков составлялся некоторый гармонический ансамбль.

Он с ужасом выслушал этот концерт и побежал к графу Милорадовичу с жалобой на такое варварство, и кошачий импресарио в тот же день был выслан из столицы, а его труппа выпущена на свободу. О-ч умер в 1830 г.; последние минуты его были трогательны. Толпа его друзей дежурила у его постели, он со спокойствием ждал всеобщего «конца всякой плоти».

Несмотря на свои страдания, он много го-

ворил, и речи его были назидательны. Перед самой смертью он распорядился всем оставшимся и все вещи раздарил. Кошек распределил поименно между приятелями. Животные эти были очень привязаны к своему хозяину и, когда он скончался, поняли, что его не стало и наполнили дом жалобными воплями.

Похороны его представляли редкое зрелище за убогим гробом, который несли на руках его знакомые, тянулась нескончаемая вереница экипажей, шло очень много пешеходов высшего общества, но самую трогательную часть печального шествия составляла толпа нищих в слезах.

Глава XXIV

Богачи-самодуры. – Откупщик К-цев. – ГнекЗой Павлович. – Его «Пелегрина». – Любитель собачьей комедии. – Чревовещатель Ватерман. – Старик Яша и его собака. – Г-жа Рединг. – Чудаки князь Т-ев и Тр-кий

С сентября месяца, лет пятьдесят тому назад, весь фешенебельный Петербург предпринимал ежедневно загородные прогулки верхом. Туман, сырая осень в те годы считалась порою верховой езды, и все разъезжали по островам, обрамленным еще яркою золотистою зеленью берез и лип, в джентльмен-рейтерских костюмах, в черных пальто, подбитых легкою байкой синих и желтых цветочками, с эластическими хлыстиком, в жокейских сапогах с желтыми лоцовой кожи отворотами, всегдашними спутниками джентльменов были легкие английские борзые и огромные терневы.

В числе таких денди, на ангажированных скакунах пронизывающих болотистые прибрежья Невы, был известный всему Петербур-

гу, как самый зажиточный из людей того времени, винный откупщик К-цев. Придя в Петербург с рублем в кармане и с «родительским благословением», он сперва занялся торговлею зеленью, но вскоре умножил состояние подрядами в казну мяса и хлеба и затем взял на откуп одну из приволжских губерний; дела его настолько пошли хорошо, что по прошествии десяти лет он держал уже три откупа, от которых имел более миллиона в год дохода.

К-цев был оригинал большой руки: он одевался необыкновенно пышно и даже летом носил внакидку богатейшую шубу из редких камчатских розовых соболей, ценою в двадцать тысяч; пуговицы на его жилете были из бриллиантовых солитеров, а в день коронации императора Николая I он явился во фраке, пуговицы на котором были с музыкой; К-цев был большой охотник и до табакерок с мелодиями и имел таких более трехсот, т. е. на каждый день новую.

До меховых вещей он был страстный охотник, — вероятно, за их высокую стоимость: один халат на меху из баргузинской темной

белки стоил ему более тысячи рублей, а дорожная его шуба из черно-бурых лисиц, собранная в течение двадцати лет знатоком пушного товара, обошлась ему свыше тридцати тысяч рублей; вес меха не превышал двух фунтов.

Наружностью К-цев был очень невзрачный – высокий, тучный блондин с весьма апатичным лицом, глаза его всегда были полужакрыты, как у спящего человека; он страдал параличом век. Проживал он по большей части в родном своем захолустном уездном городке и приезжал в Петербург только во время торгов в Сенате и по зимам.

Дом его на родине отличался необыкновенным устройством: стены комнат были разрисованы картинами из жизни века маркизов, птиметров и фавориток Людовика XIV, карнизы высоких его потолков были расписаны медальонами лучшими итальянскими художниками; за работу последним были заплачены баснословные деньги – свыше ста тысяч рублей, а чтобы любоваться картинами – были сделаны золотые лестницы. Палаты этого откупщика были полны разными диковинка-

ми, всюду были потайные двери, богатые разноцветные карсельские лампы; прислуга его вся в париках, преимущественно арапы. По редкости настоящих негров, многие из слуг были загримированы такими. Мебель в его комнатах стояла тяжелая, покойная, по большей части золотая, в густых роскошных коврах нога утопала. Стоило гостю этого откупщика похвалить какую-нибудь из виденных им вещей, будь это хоть за границей или в Сибири, как немедленно посылался туда слуга за покупкой. Причуды его доходили до больших размеров, чем у великолепного князя Тавриды. Так, проживая в Петербурге, ему раз вздумалось попить чайку на воде из своего деревенского родника, и вот более чем за тысячу верст посылается приказчик для привоза таковой. Особенно он любил угощать свыше меры, ловя встречного и поперечного, пока не истратит всех захваченных его артельщиком денег. Приезжал он в рестораны всегда в сопровождении последнего, у которого был в руках целый узел депозиток, артельщик и дежурил до конца пиршества своего хозяина, заседая скромно в углу с узлом, где

шла баснословная по щедрости трапеза.

Любимыми местами таких лукулловских ужинов были «Hotel du Nord» – в Офицерской улице и ресторан «Роше де-Канкаль» – у Николаевского моста, известного Борреля. «Таможенный квасок», как называли тогда шампанское вино, истреблялся десятками ящиков, им поили не только всех слуг, но спаивали и извозчичьих лошадей, дожидавших у крыльца гостей. Кутеж его дошел до таких колоссальных размеров, что раз, выходя из ресторана в дождливую погоду, чтобы не промочить ног, садясь в карету, он велел артельщику рассыпать депозитки по грязи, и по ним ступая уже сел в карету.

Откупщики, благодаря своей винно-откупной деятельности, загребали огромные капиталы. При Екатерине II, как видно из «Дневника» Храповицкого, известными винными откупщиками не брезговали быть князь Юрий Долгоруков, Сергей Гагарин и князь Куракин. Откупная система для всей империи утверждена была только в 1795 году, по проекту купца Кандалинцева.

Откупщик того времени пользовался

неограниченным правом делать все, что угодно. В великороссийских губерниях, где до этих пор по старине пробавлялись пивом и брагой, тогда явилась одна водка, и с ней вдруг появилось страшное пьянство, и в мире народных поверий возродился образ Ярилы, бога водки, русского Бахуса, и праздник Ярилы, почти забытый, разом появляется в губерниях Тверской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской, и в Петров пост, 30 мая, в последний день празднования Ярилы, в Воронеже, на площади стояли бочки с вином, валялись пьяные, в это время является на площади епископ воронежский Тихон, начинает кротко поучать любимый им народ, народ его слушает, потом разбивает бочки с вином, и с тех пор праздник Ярилы навсегда прекращается в Воронеже.

Но преосвященному Тихону подвиг этот даром не прошел. Всесильные откупщики донесли, что он смущает народ, учит его не пить водки и тем подрывает казенный интерес, и вследствие этого доноса святитель должен был отправиться на покой.

Уничтожение откупа составляет лучшую страницу из царствования Императора Александра II. 1 января 1863 года открыла свои действия новая акцизная система и дешевая водка, столь для народа необходимая, стала его достоянием. Народ, как гласили тогда газеты, собравшись пред домом одного откупщика, пропел ему анафему, в другом городе, на святках, кто-то ходил по трактирам, замаскировавшись в надгробный памятник откупу. Ходящий памятник представлял большой четырехгранный столб, широкий снизу, узкий кверху, по сторонам его были написаны приличные эпитафии, оплакивающие откуп. Явились и лубочные картинки – похороны откупа и т. д.

Откупщики делались в самое короткое время известными миллионерами. Из числа таких богатейших лиц были: Лукин, Шемякин, Кандалинцев, Походяшин, Рюмин, Логинов. Последний устроил однажды народный праздник, на котором излишком оставшейся у него водки перепоил парод допьяна, так что несколько человек замерзло, причем полиция, как тогда уверяли, подобрала до 400 тел.

Логинов данный им народный праздник считал как сделанное им пожертвование. Откупщики, наживаясь от народа, вместе с тем расстраивали казну. Так, на одном Логинове недочет простирался до двух миллионов рублей.

Последними богатыми откупщиками были: Бенардаки, Кокорев, Каншин. По большей части все такие откупщики обыкновенно забывали разумные осторожные расчеты, задавались большими предприятиями и в конце концов лопались и обращались в таких же бедняков, какими они были до своей первой разживы.

С уничтожением же откупов, за откупщиками осталось недоимок свыше 50 миллионов рублей.

В смеси народностей, составляющих население Петербурга в описываемые нами времена, немало встречалось на улицах в нарядах древнеэллинского королевства. В ряде таких личностей, ходивших в фустанелах и красной феске, очень часто попадался на людных улицах столицы низенький старичок, всеобщий знакомец, известный под именем

«Зоя Павлыча». Это был выходец из угнетенной Греции, очень зажиточный уроженец Янины, страстный ревнитель древней славы Эллады и истинный покровитель классического образования. Едва ли было какое-либо благотворительное или ученое предприятие, особенно касавшееся его соотечественников, в котором бы он не принимал деятельного участия. Зой Павлыч был собиратель разных редкостей, его кабинет открыт был для всех, его посещали ученые, путешественники, он охотно всем показывал свои богатые собрания редких рукописей, монет и медалей, драгоценных камней и особенно свою «Пелегрина», составлявшую его гордость и отраду. Пелегринна была высокой красоты жемчужина, весом около 28 карат и совершенно круглая; отблеска и высокого глянца она казалась прозрачною. Жемчужина была куплена им в Ливорне у капитана одного купеческого корабля. Зой Павлыч хранил ее в трех коробочках, одна в другую вложенных, и с торжеством показывал ее любопытным на листе белой бумаги.

Эту жемчужину в конце концов один его

же соотечественник грек успел у него похитить, являсь переодетым в мундир адъютанта генерал-губернатора. Похититель был вскоре найден, но жемчужину он успел попортить. Это так поразило Зоя Павлыча, что он вскоре с горя и умер. Все редкости и драгоценности, по предсмертному его желанию, были отправлены в Афины для основания там греческого музея.

В конце сороковых годов в Летнем саду бросалась в глаза гуляющих стройная фигура видимо молодого мужчины, постоянно одетого в глубоком трауре, с обшитыми по кантам сюртука плерезами, а на рукавах и шляпе с черной повязкой; но всего страннее было в наряде этого господина то, что лицо его скрывалось всегда под черной плотной маской. Много ходило тогда толков в обществе об этом таинственном незнакомце, приезжавшем всегда в карете, в сопровождении одного старика слуги. По рассказам, судьба этого незнакомца была очень трогательная. Несчастье постигло в день его свадьбы на нежно обожаемой им особе.

После свадебного пира, когда гости уже

разъехались и он находился в своем кабинете, вдруг ему слышится запах дыма; в ужасе он кидается на половину жены и тут видит, что весь дом уже объят пламенем. С трудом он пробирается к ней, схватывает ее и уносит сквозь пламень, но у выхода силы его оставляют и он вместе с женою падает без чувств.

Пока сбежался народ и приехали пожарные, дом уже был весь в огне. Несчастных супругов нашли обгорелыми, молодая жена его уже была без признаков жизни, а он лежал с лицом, не имевшим уже подобия человеческого. Три дня он был без чувств и уже делали приготовления к его погребению; желая похоронить его, с женой, не засыпали могилы последней. Но доктора возвратили его к страдальческой жизни. И вот с тех пор лица его, кроме слуги, никто уже не видел.

В числе лиц, обрекших себя на уличное шутовство и гаерство, был известен отставной чиновник, крайне невзрачной наружности, с золотушными шрамами на лице, ходивший по рынкам и улицам всегда со свитой собак-ублюдков, одетых в костюмы. Одна была в зеленом фраке, желтых штанах и красном

жилете, другая в обтянутом пестром кафтане, синих штанах, третья в каком-то бурнусе с колпачком, в шапочке, с разноцветными перьями, четвертая в фижмах, роброне и парике с тупеем, пятая в дамском капоте и шляпке, какие носили в сороковых годах.

Все эти костюмированные собаки носили имена современных франтов и франтих, известных в тогдашнем обществе. Появление этого полупомешанного чиновника со своей свитой возбуждало всеобщий хохот. Толпа мальчишек бегала за ним; кто угощал собак сахаром, кто давал пряник, сухарь и т. д.

Большую популярностью в описываемые года на улицах и рынках пользовался еще бродячий фокусник Апфельбаум, упоминаемый Гоголем в одной из его повестей. Апфельбаум видом был очень приличен, ходил он во фраке, с большим жабо. В руках у него всегда была палочка из слоновой кости, которая и помогала при его манипуляциях.

Он ловко вынимал у извозчиков из носа картофель; ломал у пирожника пироги, в которых находил червонцы, сковывал висячим замком рот какого-нибудь ротозея, выпускал

из рукава голубей, морских свинок и т. д. Апельбаум все это проделывал даром, видимо, только ради одной рекламы.

Ходил и другой такой же ловкий фокусник, – высокий старик итальянец с серьгой в ухе. Это был пленный итальянский офицер, пришедший в Россию с Наполеоном в двенадцатом году. Последний, помимо фокуснических штук, чинил зонтики, делал курительную смолку и продавал замечательный по целебным свойствам пластырь от мозолей. За рецепт этого пластыря известный придворный доктор Арендт предлагал ему более пятисот рублей, но итальянец не хотел открыть его и за большую цену.

Много чудесного тогда в народе рассказывали и про одного наезжавшего в Петербург иностранца француза-чревоушателя Александра Ватермара. Про него говорили, что он раз довел будочника, стоявшего на часах у будки, до того, что он стал ломать будку алембардой, полагая, что в углу постройки скрывается нечистый.

В другой раз он довел бабу, несшую в охапке дрова, до полного отчаяния, разговаривая с

нею из каждого полена.

Этот чревовещатель обладал знаменитой коллекцией рисунков и автографов различных знаменитостей. В числе многих редкостей в ней находились рисунки русских императоров. В коллекции автографов было тоже значительное число русских знаменитостей, между которыми особенно интересны две строчки на французском языке в его альбоме, выражающие удивление великого поэта к редкому подражательному таланту знаменитого чревовещателя:

*Vorte nom est legion,
Car vous etes plusieurs.[9]*

с подписью А. Пушкина. St-Pet 16juin 1834 г.

В те года на улицах Петербурга можно было встретить и другого иностранца, в старом мундире итальянского моряка, невысокого роста старичка с развевающимися седыми волосами, с доброю улыбкою на устах; у него вечно под мышкою находился портфель с разноцветною бумагой и акварельными красками. Бедняга снискивал себе пропитание, вырезывая очень художественно за мелкую мо-

нету модные в те года силуэты со всякого, а также делая виньетки на бумаге для поздравительных писем и поминальных книжек. Рассказывали, что этот бедняк был обнищавший эмигрант, граф или виконт.

В числе таких же уличных лиц и знаменитостей мостовой был известен всем петербуржцам стоявший на тротуаре Невского проспекта горбун Даниэль Тиайнен, под навесом кожаного фартука с походною лавочкою трубок, ножей, ножниц, зубочисток и зонтиков. Сколько обычных лиц Невского сменилось перед ним. Сколько богачей, известностей, героев прошло мимо него! Сложив руки, смотрел он из-под длинного козырька на проходящих по проспекту или читал газету. Говорят, что этот горбун был не прочь от ручного залога.

Петербургским старожилам был известен и другой такой уличный торговец, который тоже встретил не одно сменившееся поколение. Это был старик с седыми бакенбардами, известный под именем Яши таким лицам, как Карамзину, Сперанскому, Крылову, Пушкину и Грибоедову. Более полувека сидел он на скамейке в Гостином дворе, по Зеркальной

линии, против Публичной библиотеки, и торговал мягкими, как бархат, мелками для карт и светильней для лампад. Он помнил, когда игра в карты была допущена в маскарадах и в Большом театре была «горница для карт». Карты в то время выписывались из-за границы и стоили два рубля дюжина. Впоследствии карты были отданы на откуп; цена на них возвысилась вследствие сбора за клеймение карт, установленного в пользу Воспитательного дома. В первое время Александровская мануфактура делала по 14 тысяч колод ежедневно, но, несмотря на это, не могла удовлетворить требованиям тогдашнего общества, и карты распродавались каждый раз без всякого остатка.

Этот же продавец карточных мелков был известен, вместе со своим отцом, как хороший дрессировщик собак. Когда в начале 50-х годов в театре-цирке была возобновлена драма «Обриева собака», белый одноглазый пудель Яши очень эффектно разыгрывал свою роль. Собака в этой драме, по чутью, отыскивает могилу своего барина, разрывает ее и бежит к знакомой барину старушке – известить

ее о случившемся несчастье. Старушка, ничего не понимая, выходит с фонарем и ставит его на пол; собака лает и тащит ее за платье за собой. Наконец, собака хватается поставленный на пол фонарь и бежит за сцену, старушка следует за собакой. Но самая эффектная сцена была в последнем акте, когда собака узнает убийцу и бросается на него. За каждое представление собака получала после спектакльную плату. Вся же суть была в колбасе, которую дразнили голодную собаку.

В начале же 50-х годов уличную знаменитостью был мужичок-волшебник, родом москвич, обыкновенно дававший представления под открытым небом, на каком-нибудь многолюдном дворе. Это был укротитель змей совсем вроде индийского факира. Представление начиналось тем, что укротитель притворяется пьяным, вынимает из-за пазухи довольно большой клубок и бросает его на землю.

По его слову, клубок разворачивается – это две змеи, длиною по аршину. Укротитель идет к ним и приказывает им ползти за собою; змеи извиваются по земле, поднимают

головы, высовывая языки и сверкая глазами. Затем он берет одну из змей головою в рот, а остальную часть ее тела обвивает вокруг своей шеи, и потом проделывает то же самое с другой из них. Восклицаниям и аханью не было конца, и медные деньги так и сыпались в карман кудесника.

В числе столичных фланеров, все поступки и жизнь которых в высшей степени были странны, в 50-х годах замечалась одна бедная женщина, г-жа Рединг. Она зимой и летом ходила босиком, в чепце, спереди которого пристегнут был шифр в виде эмблемы – веры, надежды и любви. О ней знали только то, что она была когда-то богата и хороша собою и впала в крайнюю бедность вследствие какого-то тяжелого несчастья.

В числе лиц, отвергавших совсем головной убор и обувь в описываемое время на улицах Петербурга, как нам сообщает один из старожил, были известны князь Те-ев и д. ст. с. Трцкий.

В николаевское время на улицах столицы встречалось много азиатских народностей, поражавших петербуржцев своими костюма-

ми. Так, посреди таких выделялись хан Нахичеванский, хан Карабагский и шамхал Тарковский. Особенно пользовался популярностью второй хан, очень красивый, высокого роста мужчина в своем колоритном национальном наряде с неизбежной бараньей шапкой и на шее с большою золотою медалью, окруженной крупными бриллиантами.

Этот хан был большой охотник до карт, и его крупная пожизненная пенсия почти целиком расходилась по карманам шулеров. Что же касается до шамхала Тарковского, то он был генерал-лейтенант российской службы, видом был очень толст и неуклюж и возраста весьма почтенного. Он был типичный образец полудикого кавказского властелина. Его сопровождала всегда многочисленная толпа слуг, с которыми он распоряжался по-своему, отрезая уши и носы за небольшие проступки. Благодаря таким расправам, он умер в плотно закрытой карете, в сильные июньские жары, в которой лежал в подушках. Не любившие его служители устроили ему такую кончину от апоплексии, — по дороге во время его следования в Дагестан.

В сороковых годах на петербургских улицах еще встречалось несколько военных времен Екатерины II, в своих характерных кафтанах, с тростями в руках; попадался один ветеран в елиса-ветинском мундире светло-зеленого цвета с красными отворотами и золотым галуном, в треугольной шляпе с коротким белым султаном, это был столетний старик майор Щегловский.

Глава XXV

Феноменальные силачи Д-в и К-ин. – Чудак-балетоман Ч-ев. – Гр. Потемкин. – Театрал Каменский. – Оригинал В-ский. – Путешественник К-о. – Идиллик-учитель

Между знаменитыми русскими силачами был известный небогатый помещик П.Л. Д-в. Это был восьмидесятилетний старик высокого роста, белый, как лунь, и необыкновенно крепкого сложения; ходил он всегда – зимою и летом – в одном синем, довольно длинном сюртуке с палкою в руках, на которую иногда садился верхом и скакал, а иногда махал ею в воздухе, как саблей. Он был крепок и здоров,

как самый крепкий юноша, и никто не помнил, чтоб он когда-нибудь был нездоров. Он не чувствовал слабости и усталости в ногах, у него еще скрипели кулаки, когда он их сжимал. Не было силача, который мог бы с ним сладить, он сам говорил, что у него сила непомерная, и при этом показывал огромность своих крепких кулаков и наслаждался их скрипением. Он только надевал рукавицы и подвязывал платком уши. Однако ж не любил этих рукавиц и платка, и если надевал их при ком-нибудь, то всегда с горечью замечал: «Вот уж и я, батюшка, старею, рукавицы надо надевать».

В молодости он служил в армии Потемкина и Суворова в гусарах и был во многих походах и сражениях. Из его рассказов памятен один о турке страшном – тоже силаче. Это было на Кинбурнской косе; при этом он вспоминал слова солдатской песни: «Наша Кинбурнска коса наделала чудеса!» Вот что рассказывал богатырь.

Во время одной схватки с турками был взят в плен необыкновенной силы турок, который содержался потом при нашей армии,

хвастался своей силой и вызывал русских на единоборство. Многие отваживались с ним биться, но никто не мог его одолеть. Иных он даже изувечил и некоторое время единоборство с ним было запрещено. Вдруг узнает о турке командир того полка, где служил богатырь Д-в. Послали за ним; он находился в главной квартире, оттуда, где содержался турок, в нескольких верстах. Д-в чрезвычайно обрадовался случаю показать свою силу и немедленно отправился в путь с тем провожатым, которого за ним послали. На дороге им случилось брести водою целых восемь верст. По приходе Д-ва ввели в подземный зал, весь увешанный коврами с турецкими диванами по стенам. На полу были тоже ковры. Собрались зрители, состоявшие из главных начальников войск, и был приведен турок. Д-в признавался, что турок ему показался очень страшным. Он был необыкновенно огромен и широк. Но Д-в, никем еще не побежденный, надеялся на себя крепко и стал читать суворовскую молитву, которую он читал во всех случаях жизни и которой, как он говорил, научил их сам батюшка Суворов.

Бойцам велели раздеться донага и потом подали им два богатых турецких платка, которые они тут же повязали каждый сам себе на шею. Потом, взяв друг друга левой рукой за платок под горлом, стали ходить. Д-в был предуведомлен, что турок бьется обыкновенно головой в грудь, и потому, заметив, что платок у него повязан на шее свободно (чтобы при ударе головой было свободнее рвануться вперед), остановился и потребовал, чтобы платок у турка перевязали снова несколько туже. Платок перевязали, и они, схватившись снова, начали ходить. Турок много раз покушался ударить Д-ва в грудь, но никак не мог сломить его руку. Бой продолжался долго, самым ожесточенным образом. Наконец турок был побежден.

Вскоре после этого подвига, при первой схватке с неприятелем, Д-в был произведен в корнеты и потом вышел в отставку.

Он жил то у одного, то у другого знакомого, а летом и просто где-нибудь в поле или в лесу. Он обладал еще одной странной способностью – он умел укрощать всякую злую и неизвестную ему собаку и не было примера, что-

бы его собаки кусали. Когда его спрашивали, как он это делает, он обыкновенно отвечал: «Я, батюшка, суворовскую молитву читаю!»

К таким же феноменальным силачам принадлежал Ал. Ст. К-ин, орловский дворянин; росту он был два аршина и 13 вершков, толщины необъятной – он служил тоже при Екатерине II в кавалергардах и затем в Гатчине у Павла Петровича – сила у него была колоссальная, он крестился пятипудовыми гирями, поднимал одной рукою двенадцать пудов, играл в мячики пятипудовыми гирями, разрывал канат в два дюйма толщины, стибал и разгибал широкую железную полосу, поднимал более 20 пудов.

При вступлении императора Павла I на престол – государь лично знавший и любивший его, спросил, куда он хочет быть назначен. К-ин отвечал, что он по тяжести своей в кавалерии служить не способен, потому что никакая лошадь его не выдержит, а в пехоте потому, что не может ходить в строю, и потому просил у царя службы гражданской на родине. Император приказал его произвести в коллежские асессоры с назначением в Орел

городничим. Предание гласит; что он имел право писать государю лично, и даже получал ответы.

К-н, служа городничим, на всех наводил такой страх, что им пугали матери детей, и продавцы на базаре бегали от возов, только бы не попадаться богатырю-городничему, в гневе бывшему неумолимым, зная, что его проделки всегда сходили ему с рук.

В досаде он поднимал купцов за бороды выше своей головы и перебрасывал через забор; лошадь убивал кулаком с одного раза.

Одного мещанина, в чем-то провинившегося, городничий не хотел ударить рукою, а толкнул пальцем в бок и переломил ему ребро. Он раз остановил за рога бешеного быка и держал его до тех пор, пока подоспевшие люди не спугали его ног. Сила этого городничего была чисто сказочная.

В двадцатых годах в Петербурге, в числе проказников был некто Ч-ев. Он был предводителем тогдашних балетоманов, который неоднократно делал репетицию аплодисментов и вызовов и отряжал в раек наемных хлопальщиков, где по установленному знаку они

должны были вызывать дружно. Но нередко по поводу таких вызовов происходили и ошибки. Раз в каком-то балете, пред появлением одной из балерин, показалась на сцену незначительная танцовщица. Ч-ев в эту самую минуту, по рассеянности, выдернул платок из кармана, хлопальщички приняли это за сигнал и такой произвели оглушительный прием, что бедная танцовщица смущена была до крайности и в недоумении скрылась за кулисы.

У Ч-ева были проказы еще забавнее. Театральные кареты, возившие воспитанников для кордебалета из школы в театр, находились тогда в самом жалком виде, они тянулись всегда на тощих, по суткам не кормленных клячах, одна за другою. Этот проказник пред разездом из театра имел обыкновение раздавать на водку кучерам, возившим эти кареты, чтобы они слушали на пути его команду, и забавлялся тем, что, проезжая на резвой своей паре в дрожках мимо целой вереницы карет, он кричал: «Стой, равняйся!» – и по команде его все кареты и фургоны оставались неподвижными.

Он не раз появлялся и на сцене в одежде какого-нибудь пейзажа в дивертисментах, переодетый так, что сразу его было очень трудно узнать; только по дружному хохоту его товарищи узнавали мистификатора, и долго начальство разыскивало, как он мог попасть на сцену.

В описываемые нами годы в лучшем петербургском обществе было много людей, которые в закулисных делах актрис принимали самое горячее участие; известно несколько случаев, где публика нелюбимых актрис встречала в неподходящих для них ролях самым дружным шиканьем и не давала им сказать ни одного слова, приводя полицию и театральное начальство в недоумение. За такие проделки театралы часто платились арестами и даже высылкой из столицы, как это было с известным Катениным, высланным графом Милорадовичем в его костромское имение.

В Москве раз театральный скандал дошел до того, что вышло приказание из Петербурга арестовать таких зачинщиков и рассадить военных или военно-отставных по гауптвахтам,

а статских по съезжим домам. В числе временных жильцов съезжей был известный всему Петербургу богатый граф СП. Потемкин, внучатый племянник светлейшего Потемкина-Таврического. Этот театрал перенес весь свой дом на одну из таких съезжих, всю свою роскошную обстановку – и там задавал самые лакомые и веселые обеды.

В своем заточении граф пробыл там с неделю, и когда узнику была объявлена свобода, то он тотчас же покинул белокаменную и переехал навсегда в Петербург. Петербургские старожилы помнят хорошо еще сановитую фигуру графа; Потемкина лет сорок тому назад можно было каждый день встретить в первом ряду кресел александрийского театра. Он был оригинал, каких немного, рожденный с склонностями ко всему изящному и прекрасному. Он был тонкий ценитель драматического искусства, стихов, музыки и архитектуры. Он любил драму, комедию, балет и оперу и везде был полезен справедливостью и основательностью своих приговоров. Тогдашний директор императорских театров Геденов высоко ценил его мнения и очень часто

обращался к нему за советами. Все артисты знали его, уважали его суждения и собирались часто к нему, встречая самый радушный прием. Граф начал свою службу в Преображенском полку. В Тильзите он стоял в почетном карауле у Наполеона, который, узнавши его фамилию, вступил с ним в разговор вопросом: «Vous etes, n'est ce pas, le neveux du celebre Prince de la Tauride?»[10] и потом расспрашивал его о службе, родных и проч. Граф Потемкин был петербургским старожилом, он вышел в отставку в 1810 году. С молодых лет он вращался в литературном кругу, перевел стихами известную «Гофолию», которая с успехом давалась долго на сцене, хотя и не была напечатана. Он издал свои стихотворения «И мои мечтания» и написал несколько остроумных театральных пьес. Одна из них «Последняя песнь Лебеда», была сочинена им в 1853 году, для прощального бенефиса Веры Васильевны Самойловой.

Артистическая изящная натура его делала бесспорно замечательным лицом в нашем обществе; с графом Потемкиным, кажется, умерло предание о старинном хлебосольстве,

которым так прежде славились наши богачи; граф жил на Невском в небольшом каменном доме напротив Аничкина дворца – на месте которого теперь воздвигнут банковский частный дом.

Граф обладал многими и другими добрыми качествами; кто знал его, тот никогда не забудет его приятного ума, любезности, привлекательной простоты в обращении, великодушия, готовности услужить, наконец, так сказать, младенческой беззлобности, того непоколебимого добродушия, которые не многим счастливым удается сохранить до старости.

Из известных чудаков театралов был неподражаем граф СМ. Каменский, сын фельдмаршала, проживал он в Орле в большом деревянном доме или лучше в нескольких больших постройках к дому, занимавших почти целый квартал, он наследовал после своего отца до семи тысяч душ крестьян, но до того разоренных, что граф нуждался даже в сотне рублей. В большом доме его, как внутри, так и снаружи, царствовала неописанная грязь и нечистота, более чем в половине окон

торчали какие-то тряпки и подушки, заменяя стекла, лестницы и крыльца были без одной, а то и без двух и более ступеней, без балясок, перила нанялись на земле, одним словом – беспорядок страшный. В этих комнатах, более похожих на сараи, помещался сам граф и с ним четыреста человек прислуги и театр.

Он проживал в Орле на широкую ногу, стараясь подражать старинным вельможам. У него всегда был накрыт стол на пятьдесят персон, к столу мог приходиться всякий порядочно одетый человек, совершенно незнакомый хозяину, стол был обильный, вин много, прислуги при столе толпилось очень много, но больше ссорившейся и ругавшейся громко между собой, чем служившей. Сервирован стол был очень грязно, скатерти немытые, потертые, порванные и залитые в пятнах, салфетки тоже, стаканы, рюмки разных фасонов; одни – граненые, другие – гладкие и некоторые с отбитыми краями, ножи и вилки тупые, нечищенные. Сам хозяин за обедом занимал гостей рассказами про свой театр и о талантах своих крепостных артистов. Как пробивало пять часов, граф с последним боем вставал

с своего места и, не взирая на гостей, просил извинения и бегом отправлялся за кулисы, подготавливая сам все к спектаклю, который начинался в 6 1/2 часов. Актеры у него все были крепостные его люди и некоторые куплены за большие деньги.

Так за актера Кривченкова с женою и с блетнею дочкою, которая танцевала модный тогда «тампет», им была уступлена деревня в 250 душ. Музыкантов у него было два хора, роговой и инструментальный, каждый человек в сорок, все они были одеты в форменную военную одежду – у него и вся дворня жила на солдатском положении, получала паек и ходила к общему столу – собиралась и расходилась по барабану с валторной, и за столом никто не смел сидя есть, а непременно стоя, по замечанию Каменского, «что так будешь есть досыта, а не до бесчувствия». Пьесы в его театре беспрестанно менялись, и с каждой новой пьесой являлись новые костюмы. В театре графа была устроена особая ложа, и к ней примыкала галерея, где сидели так называемые пансионерки, будущие актрисы и танцовщицы – для них было обязательно по-

сещение театра. Нередко граф требовал от них повторения какого-нибудь слышанного ими накануне монолога или протанцевать вчерашнее па.

В ложе перед хозяином театра лежала на столе книга, куда он собственноручно вписывал замеченные им на сцене ошибки или упущения, а сзади на стене висело несколько плеток, и после всякого акта он ходил за кулисы и там делал свои расчеты с виновными, вопли которых иногда доходили до слуха зрителей. Он требовал от актеров, чтобы роль была заучена слово в слово, говорили бы без суфлера, и беда тому, кто запнется, но собственно об игре актера он мало хлопотал. Во время спектакля он приходил и в кресла.

Публики собиралось к нему всегда довольно, но не из высшего круга приезжала к нему только чтоб посмеяться, но он всегда замечал насмешников и, заметив шутки, приказывал тушить все лампы кроме одной или двух, которые чадили маслом на всю залу – иногда даже и приостанавливал спектакль. В антрактах публике в креслах разносили моченые яблоки, груши, изредка пастилу, но чаще всего

вареный мед.

Граф лично с 7 часов утра открывал кассу театра и сам раздавал и рассылал билеты, записывая полученные деньги за билеты, при этом спрашивал, от кого прислан человек за билетом, и если кто ему не нравился, то ни за какие деньги не давал билета. Кто же был у него в милости, тому давал даром билеты. С девяти часов до четырех у него шли репетиции, на которых присутствовал всегда сам. У него в доме была комната, где висели от потолка до самого пола портреты актеров и актрис всех возможных наций.

В двадцатых годах наша Фемида особенно страдала слепотой и в некоторых учреждениях допускались вопиющие злоупотребления; особенно во время управления министерством финансов графом Гурьевым, взяточничество, особенно по департаментам государственных имуществ, неокладных сборов и внешней торговли (таможенном), достигло колоссальных размеров. Империя была наводнена контрабандой. Места в таможах были самые прибыльные из мест государственной службы, не исключая провиантской и ко-

миссариатской того времени. Чиновники не краснея хвастали своими доходами. То же самое было по другим частям управления: горной, соляной, лесной.

Из питейного сбора, как говорит один из современников, можно сказать положительно, что одна треть, если не более, расходилась по карманам чиновников. По ревизской части, например, в одной казенной палате (гродненской) для взыскания подушных податей велись два списка народонаселения: один для самой палаты, где означено действительное число платящих подати, другой, почти вполовину меньше, для казны. И это продолжалось более десяти лет, и кто знает, не то ли самое делалось в других палатах? Казнокрадство при Гурьеве, наподобие какого-то чудовищного многонога, обвивало своими лапами всю империю.

И вот в это время поголовного лихоимства существовал оригинал, чудак, составляющий единственное в своем роде исключение. Он до того боялся взяток и разных подкупов, что не желал иметь никаких сношений, никакого знакомства с заинтересованными лицами, и

до того был строг в этом отношении, что с целью оградить себя от внезапных посещений выпросил у обер-прокурора позволение не записывать адреса своей квартиры в общем адресном списке чиновников. Фамилия этого, как его прозвали товарищи, «дикаря», заслуживает того, чтобы сделаться исторической, он назывался Вилинский. Местослужение его было в сенате обер-секретарем.

Так как на нем лежала обязанность принимать прошения, то его можно было вызвать в приемную комнату. Он являлся всегда в сопровождении курьера, в почтительном отдалении осматривал просителя исподлобья, и как только узнавал, что проситель пришел не для подачи просьбы, тотчас же, не отвечая ни на какие вопросы, убегал опрометью из комнаты. У него в жизни была одна страсть, это – духовная музыка. Страстно любя звуки церковного органа, он ходил по праздникам в католическую церковь, где, с опущенными книзу глазами, с видом испуганного зверя, слушал церковную музыку. В умиленном экстазе проводил он эти часы. Имевшие к нему нужду просители пытались заговорить с ним при

выходе из церкви, но он, узнавши их, спасался бегством. В тридцатых годах известен был богатый помещик К-о, которого все знали под именем «путешественника», несмотря на то, что он никогда не выходил из своего дома. У него была единственная в мире коллекция графинов, штофов и полуштофов с разными водками. Вся эта коллекция помещалась в нескольких десятках дорожных погребцов. На каждом погребце была надпись, например, Новгородская губерния, Псковская, Киевская, Черниговская и т. д. В погребце было столько штофов с водкою, сколько в губернии городов. Вечный путешественник обыкновенно отправлялся с утра по губерниям и иногда объезжал две и три губернии в день. В каждом городе он находил знакомых или родных; здоровался с ними, разговаривал, прощался и ехал далее.

Иногда путешественник совсем не вставал с постели, а возле себя на столике ставил колокольчик и, просыпаясь, звонил. Входил слуга «А! а! мы на станции, – говорит путешественник, – пуншу!» Приносили пунш, он выпивал его и ложился. В полдень просыпался и

звонил. «А! а! мы на станции, – говорил он слуге, – давай обедать» и, пообедав, ложился спать. Вечером опять просыпался и звонил. «Сколько мы отъехали!» – спрашивал он вошедшего слугу. «Двести верст», – отвечал тот – «Хорошо, хорошо, давай же ужинать...» Ужинал, ложился спать и спал до утра.

На другой день ехал опять таким же образом, и путешествовал этот господин так до тех пор, пока не отправился в самое дальнее путешествие – на тот свет.

Между оригиналами Петербурга, в тридцатых годах встречался на улицах столицы старичок лет восьмидесяти, маленький, в соломенной пастушеской шляпе; он прогуливался по улицам в каком-то коротеньком красном камзоле и таких же коротеньких панталонах, красном жилете и в башмаках тоже красных.

Шляпа его с широкими полями украшена была лентами и цветами, преимущественно же гирляндами из алых роз, это был, впрочем, его праздничный наряд, в будни же он появлялся на улице в цветах желтых и голубых. По профессии он был учитель французского языка, приехал в Россию с женою в царство-

вание императора Павла I и за что-то был арестован на улице, долго содержался в крепости, и когда был выпущен на свободу, то не нашел уже в живых своей жены, это обстоятельство так на него повлияло, что несчастный стал заговариваться и уверять, что жена его не умерла, и в доказательство чего нарявился в самые праздничные веселые цвета и очень возненавидел все темные, цветным же не изменял до конца своей жизни.

Когда он появлялся на улицах, то его постоянно преследовала толпа зевак, на которых он, впрочем, никогда не сердился; он отличался редкою честностью; небольшие деньги, приобретаемые им уроками, он разделял на три части: одну для бедных, другую брал себе на пищу и третью на свой туалет, т. е. на покупку светлых материй; он разорялся на тафту и бархат.

Обед себе он готовил сам, стол его состоял из горсти риса, нескольких штук картофеля, изредка говядины, и никогда он не ел хлеба, он уверял, что от хлеба всякое кушанье получает хлебный вкус, и рот от этой однообразной пищи перестает различать приятность

других блюд.

Он спал, не раздеваясь, в кресле, вставал летом и зимою очень рано, до света. Чувствуя какую-нибудь болезнь, он отправлялся при малейшем недомогании в больницу, где и просил врачей продержатъ его до выздоровления, он не верил в смерть: по его мнению, интеллигентные люди не умирают, а только исчезают на время, они продолжают жить на земле и ходят между людьми, невидимые для других; он умер тихо, как тихо жил, он впал в беспамятство, сидя на скамейке в Летнем саду, и когда к нему подошли, то он не обнаруживал уже ни малейшего признака жизни.

Глава XXVI

Великосветские старухи. – Старуха Офросимова и ее сын. – Хитрова. – Княгиня Юсупова. – Архарова. – Протасова. – Кошколюбивые дамы

В старом русском обществе было много типичных старух, которые были отражением своего века. В московском обществе в начале нынешнего столетия долго была воеводою старуха Офросимова. Таких, впрочем, старух в описываемую эпоху было несколько. Так, в Пензе жила старуха Золотарева, известная под кличкой «Пензенская Офросимова».

Настасья Дмитриевна Офросимова была старуха высокая, мужского склада, с порядочными даже усами; лицо у нее было суровое, смуглое, с черными глазами; словом, тип, под которым дети обыкновенно воображают колдунью. Офросимова в свое время имела большую силу и власть. Силу захватила, власть приобрела она с помощью общего к ней уважения. Откровенность и правдивость ее налажили на многих невольное почтение и даже

страх. Это был суд, как говорит князь Вяземский в своих воспоминаниях, пред которым докладывались житейские дела, тяжбы; молодые барышни, только что вступившие в свет, не могли избежать осмотра и так сказать, контроля ее. Матери представляли ей девиц своих и просили ее, как мать-игуменью, благословить их и оказывать им и впредь свое начальническое благоволение.

Благово в своих Записках говорит: «Все, и знакомые и незнакомые, ей оказывали особый почет. Бывало, сидит она в собрании, и Боже избави, если какой-нибудь молодой человек или барышня пройдут мимо нее и ей не поклонятся: „Молодой человек, поди-ка сюда, скажи мне, кто ты такой, как твоя фамилия?“ – Такой-то. – „Я твоего отца знала и бабушку знала, а ты идешь мимо меня и головой мне не кивнешь; видишь, старуха, ну и поклонись, голова не отвалится; мало тебя драли за уши, а то бы повежливее был“.

И так каждого ошельмует, что от стыда сторит. Все трепетали пред этой старухой – такой она умела нагнать страх, и никому в голову не приходило, чтобы возможно было ей

сгрубить или ответить дерзко. У Офросимовой был ум не блестящий, но рассудительный и отличающийся русскою врожденною сметливостью. Когда генерал Закревский был назначен финляндским генерал-губернатором, она сказала: «Да как же будет он там управлять и объясняться? Ведь он ни на каком языке, кроме русского, не в состоянии даже попросить у кого бы то ни было табачку понюхать!»

Старуха Офросимова была вдова генерал-майора, она выведена графом Толстым в его романе «Война и мир». У Офросимовой было несколько сыновей, с которыми она обходилась довольно грубо. Старший ее сын Алекс. Павл. был тоже большой чудак и забавник. Офросимов был в мать – честен и прямодушен. Он говорил оригинально, чистым, крепко отчеканенным русским словом и любил речь свою пестрить разными русскими прибаутками и загадками.

Про себя он рассказывал, как говорит князь Вяземский: «Я человек несчастный, человек безвинный, но не бездушный. А почему так? Потому что часов не ношу, вина не пью,

но духи употребляю». Он некогда служил в гвардии, потом был в ополчении, и в официальные дни любил щеголять в своем патристическом кафтане, с крестом Анны второй степени непомерной величины. Впрочем, когда он бывал и во фраке, то постоянно носил на себе этот крест, вроде иконы.

Проездом через Варшаву отправился он посмотреть на развод. Великий князь Константин Павлович заметил его, узнал и подзвал к себе. «Ну, как нравятся тебе здешние войска?» – спросил он его. «Превосходны, – отвечал Офросимов. – Тут же не видать клави-кордничанья!» – «Как? Что ты хочешь сказать?» – «Здесь не прыгают клавиши одна за другою, а все движется стройно, цельно, как будто каждый солдат сплочен с другими». Великому князю очень понравилась эта оценка, и он долго смеялся выражению, которое применил Офросимов.

В старой Москве много жило подобных оригиналов, но почтенных и почетных старух еще больше. Так, в числе уважаемых оригинальных старух была известна многие годы в Белокаменной старушка Хитрова, дом кото-

рой был всегда открыт для всех и утром и вечером, и каждый приезжавший бывал принят так, что можно было подумать, что именно он-то и есть самый дорогой и желанный гость. Хитрова была очень красивая маленькая старушка, слегка напудренная, в круглом чепце, то что называли в старину старушечьим чепцом (a la vielle) с большим бантом, в робронде, но со шлейфом, на высоких красных каблуках и нарумяненная во всю щеку; в приемах, в обращении – в полном смысле большая барыня. До последнего времени езжала она цугом в золоченой карете, с двумя лакеями. Хитрову все знали в Москве и все знавшие ее любили. Она была контраст Офросимовой: последнюю все боялись за ее грубое обращение, и хотя ей оказывали уважение, но более из страха, а другую, напротив, все любили, уважали чистосердечно и непритворно.

Много странностей имела эта Хитрова, но все эти прихоти и особенности были так просты и милы, что над ними не смеялись. Одевалась она, как мы сказали, на свой лад, причесывалась она также своеобразно, на висках

у ней было по пучку буклей мелкими колечками, платье капотом с поясом и маленьким шлейфом, высокие каблуки носила она для того, чтобы казаться выше. Лицо ее в преклонных летах было очень миловидно, глаза очень оживленны.

Она была очень мнительна и при малейшем нездоровьи тотчас ложилась в постель, клала себе компрессы на голову из калуферной воды и привязывала укусовые тряпочки к пульсу, и так лежала в постели, пока не придет к ней кто-нибудь в гости. Поутру она принимала у себя в спальне лежа в постели часов до трех; потом она вставала, а иногда обеживала со всеми.

Вечером она выходила в гостиную и любила играть в карты. И чем было больше гостей, тем она была веселее и довольнее. А когда вечером не бывало гостей, то она хандрила, скучала, ей нездоровилось, она ложилась в постель и обкладывала себя компрессами, посылала за своей карлицей или другой какой старухой, которая пользовалась ее милостями и носила с плеча ее обноски и донашивала старые чепцы.

Она была любопытна, любила все знать, но была очень скромна и умела хранить тайну, так что никто и не догадается, знает ли она или нет. Она не любила слушать рассказов о покойниках, и если кто-нибудь бывал болен – домашние и хорошо знакомые всегда это от нее скрывали. Когда же ей, особенно ночью, не спалось, то она позовет, бывало, девушку и велит принести свою «шкатулочку». Когда принесут ей этот сундучок, она отопрет его и начнет вынимать оттуда мешочки: в одном изумруды, в другом яхонты, в третьем солитеры. На другой день и рассказывает приезджим. «Мне ночью что-то не послалось, я перебирала все свои солитерчики, которые для внучки готовлю».

Еще одна особенность в характере ее была, это собирание разных вещиц и безделушек. Она особенно любила, когда ей привозили в именины, в рожденье или в Новый год какую-нибудь безделушку. Она не смотрела, дорогая ли вещь или безделка, и трудно было угадать, что ей больше нравилось. Для всех этих вещей у ней было несколько шкапов в гостиной, и там за стеклом были расставлены

тысячи разных мелочей, дорогих и грошовых. Она любила и сама смотреть на них и показывать их другим. Хитрова была очень богомольна, под каждое воскресенье и под праздник непременно у ней на дому была всенощная. Если у кого из знакомых было горе или семейная потеря, так уж наверно первою в этом доме можно было встретить эту добрую старушку.

В ряду таких же почтенных женщин занимает видное место и княгиня Татьяна Васильевна Юсупова, слывшая в обществе за очень скупую женщину, но на деле последнее качество было только одной из причуд княгини. По рассказам хорошо знавших Юсупову, ей надо было услышать только об истинно нуждающемся человеке, и как по волшебству последний получал такую сумму, какая ему требовалась – будь это двадцать и больше тысяч. И только случайно позднее узнавали, что деньги были присланы княгиней Юсуповой.

Вот что передавала ее невестка, Татьяна Борисовна Потемкина. По известному скопидомству своему, княгиня очень редко возобновляла свои туалетные запасы. Она долго

носила одно и то же платье, почти до совершенного износа. Однажды, уже под старость, пришла ей в голову следующая мысль, «да, если мне держаться такого порядка, то женской прислуге моей немного пожитков останется после моей смерти». И с самого этого часа произошел неожиданный и крутой поворот в ее туалетных привычках. Она часто заказывала и надевала новые платья из материй на выбор и дорогих. Все домашние и знакомые ее дивились этой перемене, поздравляли ее с щегольством и с тем, что она как будто помолодела. «Вы, которая знаете загадку этой перемены, – говаривала она невестке своей, – вы поймете, на какую мысль наводят меня эти поздравления». И в самом деле, она, так сказать, наряжалась к смерти и хотела в пользу прислуги своей пополнить и обогатить свое духовное завещание.

Очень типичной в характеристике старых женщин прошлого времени является Архарова, жена известного сенатора Ивана Петровича. Дом этой доброй старушки всегда был полон гостей. Все оставшееся шло на подарки и добрые дела. Старушка была самого симпа-

тичного вида, наряжалась она своеобразно, в будни носила она зеленый зонтик над глазами, в праздничные дни он сменялся паричком с седыми буклями под кружевным чепцом с бантиками. Лицо у нее было гладкое и свежее, глаза голубые, приятные, на щеках играл румянец, правда искусственный, по моде прежнего времени. В лице выражалось спокойствие, непоколебимость воли, совести, ничем не возмущаемой, и убеждений, ничем не тревожимых. От улыбки сияло приветливостью. Одевалась она в шелковый особого покроя капот, к которому на левом плече пришиливалась кокарда екатерининского ордена. Через правое плечо перекидывалась старая наследственная желтоватая турецкая шаль. В руках была золотая табакерка, в виде моськи, и костыль.

Когда выезжала она со двора, то провожал ее целый штат домашних, выводила ее из горницы жившая у ней старая полковница, рядом шли две дворянки-сиротки, а после — старшая горничная и две младшие горничные. Калмык и морщинистый карапузик-карлик всегда вязали чулок. Перед шествием сует-

тился дворецкий, с взъерошенным хохлом, в белом жабо, округленным веером, под белым галстухом. У кареты дожидались в треугольных уродливых шляпах два ливрейных рослых лакея.

Карету Архаровой знал весь Петербург. Она спаслась от московского пожара. Четыре клячи тащили ее в упряжи первобытной. На улицах, когда показывалась карета, прохожие останавливались с удивлением или весело улыбались, или снимали шапки и набожно крестились, воображая, что едет прибывший из провинции архиерей. Когда старушка ездила на придворный обед к императрице, то возвращения ее ожидал нетерпеливо весь дом. Старушка, несколько колыхаясь от утомления, шла, опираясь на костыль, впереди выступал дворецкий, несуетливо и важно. В каждой руке он держал тарелку, наложенную конфетами, фруктами и пирожками, все с царского стола. Когда за столом обносили десерт, старушка не церемонилась и, при помощи соседей, наполняла две тарелки лакомою добычею. Гоф-фурьер знал, для чего это делалось, и препровождал тарелки потом в каре-

ту.

Возвратившись домой, Архарова разоблачалась, надевала на глаза зонтик, нарядный капот заменяла другим, более поношенным, садилась в свое широкое кресло, перед которым становили стол, на который помещали привозимые тарелки, и начиналась раздача в порядке родовом и иерархическом: никто в доме не был забыт. За стол у ней гости садились по старшинству. Кушанья подавались преимущественно русские, нехитрые и жирные, но в изобилии. Квасу потреблялось много. За стол никто не садился не перекрестившись. Блюда подавались от хозяйки вперепрыжку, смотря по званию и возрасту. За десертом хозяйка сама наливала несколько рюмочек малаги или люнелю и потчевала ими гостей.

По окончании обеда дворецкий подавал костыль, Архарова подымалась, крестилась и кланялась на обе стороны, приговаривая: «Сыто не сыто... а за обед почтите. Чем Бог послал...» День неизменно заключался игрою в карты. Играла она летом в одни игры, зимою – в другие. Зимой избирались бостон,

вист, реверсы, ломбер, летом шла игра: мушка, брелак – игра более легкая, дачная. В одиннадцатый часов игра кончалась, старушка шла в спальню, долго молилась перед образами, ее раздевали, и она засыпала сном младенца.

Граф Соллогуб рассказывает, что в юности ему удалось подслушать исповедь Архаровой, а исповедником был старик-священник, такой же глухой, как и она. «Грешна я, батюшка, – каялась старушка. – В том, что я покушать люблю». «И, матушка, ваше превосходительство, – возражал духовник, – в наши-то годы оно и извинительно». «Еще каюсь, батюшка, – продолжала грешница, – что иногда сержусь на людей, да и выбраню их». «Да как же и не бранить их, – извинял священник». – «В картишки люблю играть, батюшка». «Лучше, чем злословить», – довершал духовник. Этим исповедь и кончалась.

В доме Архаровой бывало всегда множество гостей. Своей родне она счет давно потеряла. Бывало, приедет из захолустья помещик и прямо к ней, и вместе с собой привозил и своих деток, которых Архарова рассовывала по казенным заведениям, а по праздникам те

гостили у нее в доме. Родитель же, покинув последних, уезжал к себе в деревню.

Старуха относилась весьма серьезно к своим заботам добровольного попечительства. Она сплошь и рядом делывала визиты по учебным заведениям. Подъедет карета к кадетскому корпусу, и лакей отправляется отыскивать начальство. «Доложите, что старуха Архарова сама приехала и просит пожаловать к ее карете».

Начальник тотчас же является охотно и почтительно. Старуха сажает его в карету и начинает расспросы. Речь шла, разумеется, о родственнике или родственниках, об их успехах в науках, об их поведении, об их здоровье, и затем призывались и родственники в карету. Достойные удостаивались похвалы, виновные наказывались выговором и угрозой написать к отцу или матери. Жизнь Архаровой является испарившейся идиллией быта патриархального, исчезнувшего навсегда. В жизни ее все дышало чем-то сердечным, невозмутимым, убедительно покойным. Родилась Архарова в 1752 году, в день гибели Лиссабона, воспетый В.К. Третьяковским в

следующих стихах:

*С одной стороны гром!
И с другой стороны гром!*

и т. д., а умерла в 1836 г. и похоронена она в Невском, на Лазаревском кладбище. Урожденная она была Римская-Корсакова.

Мать ее отличалась тоже большими странностями – она была очень скупа и расчетлива. Особенная ее странность была та, что она не любила дома обедать, что в старое время в особенности было очень редко: она каждый день кушала в гостях, кроме субботы. С вечера, бывало, призовет своего выездного лакея и велит наутро сходить в три-четыре дома ее знакомых и узнать, кто кушает дома сегодня и завтра, и ежели обедают дома, то узнать от нее о здоровье и сказать, что она собирается приехать откушать. Вот и отправится с дочерьми.

В старину блюда выставлялись все на стол. Когда ей понравится какое-нибудь блюдо, холодное которое-нибудь, или один из соусов, или жаркое, она и скажет хозяйке: «Как это блюдо должно быть вкусно, позвольте мне

его взять», и обращаясь к своему лакею, стоявшему за ее стулом, говорит «возьми такое-то блюдо и отнеси его в нашу карету». Все знали, что она имела эту странность, и так как она была почтенная и знатная старушка, то многие сами ей предлагали выбирать какое угодно блюдо. Так она собирает целую неделю, а в субботу зовет обедать к себе и потчует вас вашим же блюдом. Но более она угощала гостей чаем. В старину чай пили только вечером. В гостиную приносили большую жаровню и медный чайник с горячей водой. Хозяйка сама заваривала чай. Ложечек чайных для всех не было, размешивали чай палочкой простой деревянной или корицей, пили более с медом и патокой, сахар нынешний был большая редкость, и первый сорт был цветом желтый, очень дурно очищенный, пили также и с изюмом.

В числе женщин, особенно известных своими причудами и оригинальностью, отличалась в Петербурге в первой четверти нынешнего столетия графиня Толстая, урожденная Протасова. Эта барыня за много лет до учреждения Общества покровительства живот-

ным устроила у себя нечто вроде приюта для всех бродячих собак и бесприютных кошек. У ней в доме была целая богадельня для таких четвероногих, и когда уже не находилось более места, то она развозила их по городским будкам, уплачивая будочникам известную месячную плату на содержание и харч питомцев. В прогулках своих она объезжала свои колонии, приказывала вносить в карету к себе призреваемых, и когда казалось ей, что они не довольно чисто и сытно содержатся, она будонникам делала строгий выговор и грозила им, что переведет своих приемышей на другую застольную. Графиня Толстая, несмотря на свои странности, была женщина образованная и очень умная. Она говорила, что не желала бы умереть скоропостижною смертью: как-то неловко явиться перед Богом запыхавшись.

По словам ее, как это рассказывает хорошо знавший ее князь П.А. Вяземский, первую заботою ее на том свете будет разведать тайну о Железной Маске и о разрыве свадьбы графа В. с графинею С, который всех удивил и долго был предметом догадок и разговоров петер-

бургского общества.

Наводнение 1824 года в Петербурге произвело на нее такое сильное впечатление и так раздражило ее против Петра I, что еще задолго до славянофильства дала она себе удовольствие проехать мимо памятника Петра Великого и высунуть перед ним язык. Муж ее тоже чуть-чуть не сошел с ума во время наводнения. Встав с постели довольно поздно, подходит он к окну (жил он на Большой Морской), смотрит и вдруг страшным голосом зовет к себе камердинера, велит посмотреть на улицу и сказать, что он видит на ней. «Граф Милорадович изволит разъезжать на двенадцативельном катере», – отвечает слуга. – «Как на катере?» – «Так, ваше сиятельство, в городе страшное наводнение». Тут Толстой перекрестился и сказал: «Ну, слава Богу, что так; а то я думал, что на меня дурь нашла!»

Когда была воздвигнута колонна в память императора Александра Благословенного, графиня Толстая крепко-накрепко запретила кучеру своему возить ее по площади поблизости от колонны. «Неровен час, – говорила она, – пожалуй и свалится она с подножия

своего».

Таких же кошколюбивых дам, как графиня Толстая, у нас найдется множество. В Москве в двадцатых годах проживала одна княгиня Долгорукая, дом которой уже за несколько шагов охватывал прохожего кошачьим духом. Во всех комнатах и на всей мебели у этой барыни лазили, сидели, спали и хозяйничали одни кошки. На окнах и на горшках с цветами у ней видны были всегда доказательства, что кошки занимаются ботаникой больше, чем сама хозяйка.

Лет десять тому назад в Рязанской губернии, в Михайловском уезде, еще живы были две сестры богатые помещицы, усадьба которых по замкнутости представляла нечто вроде крепости в военное время.

В этой усадьбе, в богатом большом барском доме, обнесенном каменной стеной, жили помещицы со штатом из нескольких старушек, обязанности которых были ухаживать за целым стадом из нескольких сот штук всевозможной масти и возраста кошек, призреваемых этими барынями.

Каждая из этих четвероногих носила свое

имя и кличку. Страсть к своим воспитанникам-кошкам помещицы питали самую нежную, и в случае нездоровья или потери аппетита одной из Зизи или Фифи, они сами делались больны и ложились в постель.

В Петербурге, на одной из улиц, примыкающих к Владимирской, и в наши дни рано утром можно встретить старушку с большим ридикулем в руках, в котором в небольших свертках разложены печенка, сырая говядина, рыба и другие лакомые блюда кошек. Старушка ежедневно обходит соседние дворы, где и кормит бесприютных кошек.

Любовь к этим четвероногим сердобольная кормилица получила по следующему случаю, проживая долгие годы где-то в углу с любимцем своим котом Полташей, она как-то додумалась на его счастье взять на последние свои деньги билет внутреннего займа, на который в скорейшем времени и выпал выигрыш в 75 000 рублей, и вот с тех пор у старушки и явилась самая нежнейшая любовь к кошкам.

СТАРОЕ ЖИТЬЕ

*Как ели в старину
Сера утица ества моя Красна девица
невеста моя
Старинная песня*

Старое житье

I

Еда в XVII веке. – Порядок угощения. – Французы-повара. – Вельможи-гастрономы: Потемкин, Строганов, Остерман и Разумовский. – Гастрономические праздники Н.В. Всеволожского. – Путеводитель по лучшим петербургским ресторациям

В XVII столетии еда наших предков была крайне неприхотливая: обыкновенную пищу простого народа был ржаной и ячменный хлеб с чесноком, или ячменная каша. Щи составляли уже роскошное кушанье и даже больше того, если в них было ржаное свиное сало. В военное время в войсках пища была – сухари и толокно. По свидетельству ино-

странных посланников, поваренное искусство русских состояло из множества блюд, но нечистота и еще более чесночный и луковый запах делали их почти несъедобными, притом почти все кушанья приправлены были конопляным маслом или испорченным коровьим. В старину коровье масло приготавлилось в печах и без соли, от этого оно скоро горкло. Петр Великий первый научил русских делать его по голландскому способу, из сметаны и сливок. Иностранцы говорят, что единственно хорошими кушаньями у русских были холодные (Мейерберг). До конца семнадцатого столетия русские не знали другой огородной зелени, кроме простой капусты, чесноку, луку, огурцов, редьки, бураков и дынь. Указом 1660 года ноября 11-го велено разводить в Чугуеве арбузы и, когда они поспеют, присылать в Москву. Салата предки наши не сеяли и не ели; Брюин говорит, что в его время русские стали разводить «саллери», но спаржи и артишоков не знали, несмотря на то, что первая росла у них дико на полях. Первые артишоки в Петербург были привезены из Голландии в 1715 году. Русские в старину не ели ни

телятины, ни заячьего, ни голубинового мяса, ни раков и вообще ничего, что само по себе умирало (Рейтенфельс), также они считали нечистыми всех животных, которые были убиваемы женщинами. Из мясных яств самые обыкновенные были: говядина, баранина и свинина, также домашняя и дикая птица. Индейки появились у нас около 1625 года. Приготовление мясных блюд было весьма просто: почти все мяса варили в одной воде с небольшим количеством соли, лука и перца, и нередко различные роды мяса варились в одном горшке. К мясным кушаньям на стол ставили в приправу соленые огурцы, соленые сливы и кислое молоко.

Чтобы судить о мясных и других блюдах того времени, приведем, что было подано царю Алексею Михайловичу в сенник во время бракосочетания его с Наталией Кирилловной Нарышкиной: «...квас в серебряной лощатой братине, да с кормового двора приказных еств: папорок лебедин по шафранным взварам; ряб, окрошиван под лимоны, потрох гусинный; да к государыне царице подано приказных еств: гусь жаркой, порося жаркое, ку-

ря в колее с лимоны, курия в лапше, курия в щах богатых, да про государя же и про государыню царицу подаваны хлебные ествы: перепеча круричетая в три лопатки недомерок, четь хлеба ситного, курник подсыпан яйцы, пирог с бараниною, блюдо пирогов кислых с сыром, блюдо жаворонков, блюдо блинов тонких, блюдо пирогов с яйцы, блюдо сырников, блюдо карасей с бараниной. Потом еще: пирог росольный, блюдо пирогов подовых, на торговое дело, коровай яцкий, кулич недомерок» и проч.

Но самые любимые блюда русских были рыбные, особенно такими любили они хвалиться перед иностранцами. Рыба в старину не была дешева, и волжская свежая стала в цене несравненно дороже мяса домашних животных и дичины.

Путешественник Танер говорит, что иногда одну половину рыбы едва три сильных мужчины в состоянии были подать на стол. Множество рыб, по его свидетельству, совсем не имели собственного своего вида, но искусством поваров обращены были в индейских петухов, кур, гусей и проч.

Во время стола 1671 года патриарх подносил великому государю «домового кушанья в три статьи по четыре ествы: первая статья: щука паровая живая, лещь паровой живой, стерлядь паровая живая, спина белорыбицы, вторая статья: оладья, тельная живой рыбы, уха щучья живой рыбы, пирог с телом живой рыбы; третья статья: щуки голова живая, полголовы осетрей живой, тешка белужья; питья подносили ренское, да романею, да бастр».

Постные яства у нас в старину были, как и теперь, разные: в иные дни позволялось есть рыбу, а в другие – нет. Так, «в среду первые недели Великого поста (1667 года) святейшему патриарху готовлено кушанья: хлебца четь, папошник, взвар сладкий с пшеном и с ягод, с перцом да с шафраном, хрен, греночки, капуста топаная холодная, горошек зобанец холодный, киселек клюковный с медом, кашка терта с маковым сочком и проч. Того же дня было к патриарху прислано: кубок романей, кубок ренского, кубок малвазии, хлебец крупчатый, полоса арбузная, горшечек паточки с инбирем, горшечек мазули с инбирем, три шишки ядер».

Стол домашний у русских бывал простой и сытный и не отличался большим обилием блюд, но если стол был званый, как, например, когда нужно было угощать иностранных посланников, то число блюд доходило до пятисот. При столах русских бояр подаваемые яства и напитки были несравненно дороже, нежели была столовая и для питья ежедневно употребляемая посуда. В бытность Бухава в Москве богатые вельможи едали и пивали по большей части из деревянной посуды, которую дельвали монахи и у которой края бывали обыкновенно позолочены. Оловянные блюда и тарелки составляли тогда большую редкость, но каждый боярин имел непременно серебряный кубок, из которого подавали гостям пить за здоровье.

В бытность Мейербера в Москве, в царствование Алексея Михайловича, у бояр столовая посуда была оловянная; ложки, ножи и вилки, как и тарелки были подаваемы одним только почетнейшим гостям. Бухав, бывши при столе Иоанна Грозного, говорит, что он не имел ни тарелки, ни ножа, а пользовался ими от сидевшего подле него боярина.

Позднее, при Петре Великом, столовая посуда у его вельможи была почти у всех серебряная, а у придворных императрицы Екатерины II – нередко и золотая. Граф Сегюр рассказывает, что когда он сопровождал императрицу на одном из праздников в селе Кусково графа П.Б. Шереметева, то его поразило, что стол графа был сервирован золотой посудой на шестьдесят персон; граф Комаровский, видевший этот праздник, замечает в своих записках; «...что всего более удивило меня, так это плато, которое было поставлено перед императрицей. Оно представляло на возвышении рог изобилия, все из чистого золота, а на том возвышении был вензель императрицы из довольно крупных бриллиантов».

Порядок угощения был совсем другой в XVII, чем в XVIII столетии. Так, в XVII веке столы при дворе начинались с жаркого и притом жареными павлинами. В следующем же столетии, напротив, сперва подавали студень из говяжьих ног или икру.

При Петре Великом в домах его вельмож стол был установлен окороками, колбасами и другими солеными и копчеными мясными

блюдами, приготовленными с деревянным маслом, чесноком и луком. После этих холодных подаваемы были разные похлебки, жаркие и другие теплые кушанья и наконец закуски, состоявшие из свежих и вареных в сахаре плодов, по большей части в дынях и арбузах.

Десерты и закуски были особенно богаты в XVII столетии. Так, по случаю рождения Петра Великого царю Алексею Михайловичу было подано на стол в числе других лакомств: коврижка сахарная большая – герб государства московского; вторая коврижка сахарная же коричная – голова большая расписана с цветом, весом два пуда двадцать фунтов; орел, сахарный большой литой белый и другой орел, сахарный же, большой красный с державами, весу в них по полтора пуда, лебедь сахарный литой весом два пуда; утя сахарная литая весом двадцать фунтов. Затем шли еще сахарные попугай, голубь. Но верхом кондитерского дела здесь были город Кремль сахарный с людьми конными и пешими, башня большая с орлом, башня средняя с орлом, город четверугольный с пушками, две трубы сахарных

весом в 15 фунтов, марципан сахарный большой на пяти кругах, другой – леденцовый, две спицы сахару-леденцу белого да красного, весом по двенадцать фунтов каждая; сорок блюд Сахаров узорочных людей конных, пеших и разных статей, по полуфунту на блюде. Следовали дальше блюда смоквы, цукату, citronу, шампалы, яблоч мушкатных и иных индейских овощей; всего таких блюд было наряжено и подано 120.

Из напитков русских самые древние были меды. Пиво в старину называлось *олуй*; меды были вареные и ставленные, первые варились, вторые только наливались (Русская Правда)... При Петре Великом, при дворе и в домах знатных вельмож стало входить в моду венгерское вино – его употребляли при питье в торжественных случаях. При императрице Елизавете Петровне стало уже входить в моду шампанское; первый привез его в Россию французский посланник маркиз де ла Шетарди, а пропагандировали его Андрей Шувалов и Кирилл Разумовский.

Обыкновенным напитком русских был квас, пили его все от царя до крестьянина.

Употребление чая стало известно в России только около половины XVII столетия. Сперва употреблялся он при царском дворе как лекарство, и настоящий китайский чай привозим был чрез Сибирь. Его еще тогда употребляли у нас так мало, что Кильбургер в бытность свою в Москве в 1674 году покупал его по 30 коп. за фунт. Кофе впервые стал известен в начале прошлого столетия, первый кофейный дом был заведен Петром Великим в Петербурге в 1704 году, но кофе вошел в употребление только с половины нынешнего столетия. Императрица Екатерина II была большая охотница до кофе и пила необыкновенно крепкий. У нас в старину был в большой моде так называемый *взварец*, род напитка, составленного из пива, вина и меду с пряными кореньями; его пивали обыкновенно ковшами. У малороссов такой напиток известен под именем *варенуха*. Сахарные фабрики у нас заведены в начале XVII столетия. Петр I указом 1718-го и 1721 года запретил привозить из-за границы головной сахар — можно было ввозить только сахарный песок.

В царствование императрицы Екатерины

II русское поваренное искусство теряет свой национальный характер: в моду входят приглашенные к вельможам-гастрономам французы-повара; вкус русского стола и простые русские яства уступают место чужеземным многосложным. В это время русский стол состоял из четырех подач: 1) холодные; 2) горячие или похлебки; 3) взвары и жаренье и 4) пирожные. Великолепие пиршественных столов заключалось не столь в изяществе, сколько и изобилии и множестве блюд. Так, стол ужинный на пятьдесят кувертов в зимнее время состоял более чем из восьмидесяти блюд; в первой подаче из десяти супов и похлебок, затем двадцать четыре средних антриме вроде индейки с шио, пирогов королевских, теринов с крылами и пуре зеленым, уток с соком, руладов из кроликов, пулярд с кордонами и проч; далее следует тридцать два ордевра, в которые входят маринады из цыплят, крыла с пармезаном, курицы скатанные и т. д. На смену им идут «похлебки большие блюда»; далее: семга глазированная, карп с приборами, торнбут гласированный с кулисом раковым, окуни с ветчиною; послед-

ние сменяют курицы жирные с прибором, пулярды с трюфелями. После на смену этих идет тридцать два ордевра, в которые входят; рябчики по-испански, даже черепахи, чирята с оливками, вьюны с фрикандо, куропатки с трюфелями, фазаны с фисташками, голубята с раками, сальми из бекасов. После идет жареное; большие антрме и салаты – здесь и ростбиф из ягненка, дикая коза, гато компиенский, зайцы молодые, двенадцать салатов, восемь соусов и проч. После следует двадцать восемь средних антрме и горячих, и холодных, в числе последних – ветчина, языки копченые, торты с кремом, пирожное, тартелеты, хлебцы итальянские; далее идут смены салатов: померанцы и соусы с тридцатью двумя антрме горячих, где входят: потроха по-королевски, цветная капуста, сладкое мясо ягнячье, буконы, гателеты из устриц и проч. и проч.

В Екатерининское время многие из наших вельмож щеголяли своими изысканными столами; к числу таких гастрономов-бар принадлежали: Потемкин, Строганов, Остерман и Разумовский. У первого из этих вельмож стол

отличался всеми диковинками кулинарного искусства: у князя было до десяти главных поваров всех национальностей, начиная от француза и кончая молдаванином, который готовил князю кукурузную похлебку. По преданию, у Потемкина вся кухонная посуда была из чистого серебра и с такими чанами-кастрюлями, в которые входило по двадцати ведер жидкости; в такой кастрюле князю готовили уху из аршинных стерлядей и кронштадтских ершей. Стол великолепного князя был баснословный: у него были чудные повара. Иногда все блюда были приготовлены из одних рыб, но кушая, вы бы и не подозревали, что это рыбы: вам бы казалось, что это дичь, баранина, свинина; каждое такое блюдо имело не только свойственный ему вид, но даже вкус и запах. Его повар-француз ввел первое блюдо *бомбы а ла Сарданал*: это не был один картофель, как теперь это делают; в то время это были котлеты, сделанные из фарша всевозможной дичины. Императрица Екатерина II особенно их любила, несмотря на то, что государыня недолго любила изысканных блюд, а предпочитала всему разварную говя-

дину с солеными огурцами и соус из вяленых оленьих языков.

Потемкин очень любил гусиную печенку, которой искусные повара, посредством размачивания в меду и молоке, давали размеры почти невероятные. Точно так же и свиную печень увеличивали в то время до колоссальных размеров; для этого кормили свинью грецкими орехами и винными ягодами, а перед тем как убить ее, поили допьяна лучшим венгерским вином. Такая свинья за столом являлась почти целиком на вид невыпотрошенной; искусники повара делали, что половина ее была сжарена, а другая – сварена; для этого свинью убивали, делая в паху небольшую ранку, и когда кровь стекала, ее тщательно вымывали вином, а внутренности вынимали из горла, затем брали колбасы и сосиски и пропускали их через горло, заливая от времени до времени вкусным питательным соусом. После этого обмазывали одну часть тела ее толстым слоем теста, замешанного на вине и масле, и ставили жариться в самый вольный дух. Когда жаркое было готово, тесто снимали; та часть свиньи, которая

была обложена, оказывалась как бы сваренною. Этот способ приготовления был самый древнейший, он был известен римским гастрономам и носил название троянская сви- нья в честь Троянского коня.

Так же тогдашним русским гастрономам был известен необыкновенно пикантный со- ус, или, вернее, соя; ею приправляли почти все кушанья и даже устриц. Она делалась из молок какойто рыбы, просаливалась, суши- лась на солнце, затем превращалась в поро- шок и снова с уксусом и пряными специями в жидком виде подавалась на стол. В цене эта соя стояла выше всякого вина.

Вот меню изысканного обеда времен По- темкина:

Похлебка из рябцев с пармезаном и каштанами.

Филейка большая по-султански.

Говяжьи глаза в соусе, называемом «поутру проснувшись».

Говяжья небная часть в золе, гарниро- ванная трюфелями.

Хвосты телячьи по-татарски.

Телячьи уши крошеные.

Баранья нога столитовая.

Голуби по-станиславски.

Гусь в обуви.

Горлицы по Ноялеву и бекасы с устрицами.

Гато из зеленого винограда.

Крем жирный, девичий.

У Разумовского, графа Строганова и Остермана обедали каждый день по полтора человека и более: такое многочисленное собрание гостей вредило изготовлению блюд. Еще римляне говорили, что число гостей за столом не должно быть меньше числа граций и больше числа муз. Это правило даже перешло в поговорку: семь гостей – еда, десять – беда (*septem – convivium, novem – convicium*).

В царствование императора Павла роскошь стола значительно падает; сам император дает пример умеренности и довольствуется простыми блюдами, которые ему изготовляет кухарка. В следующем царствовании опять лукулловские обеды и праздники воскресают в быту нашего барства, и целые миллионные состояния проедаются нашими вельможами, как, например, сыном графа Завадовского, который жарил себе дичь на ко-

рице и гвоздике, употребляя последнюю вместо дров.

В это время входит в моду у нас дорогое изобретение французского кулинарного искусства, *roti à l'impératrice* (жаркое императрицы). Рецепт этого блюда заключается в следующем: возьми лучшую мясистую оливку, вынь из нее косточку, и на место ее положи туда кусочек анчоуса. Затем начини оливками жаворонка, которого по надлежащем приготовлении заключи в жирную перепелку. Перепелку должно заключить в куропатку, куропатку – в фазана, фазана – в каплуна и наконец каплуна – в поросенка. Поросенок, сжаренный до румянки на вертеле, дает блюдо, которое через смешение всех припасов по вкусу и запаху не имеет себе подобного. Величайшая драгоценность в этом блюде – оливка, которая находится в середине, – напитывалась тончайшими соками окружавших ее снадобий.

В гастрономических летописях Александровской эпохи у нас занимает почетное место министр финансов граф Д.А. Гурьев; прежде своей финансовой деятельности он

долго путешествовал за границей и там усовершенствовался в гастрономических тонкостях. Его имя носит манная каша, изготовляемая на сливочных пенках, вместе с грецкими орехами, персиками, ананасами и другими фруктами; также под его именем известны еще паштеты и котлеты. В свое время его дом считался первым, где можно было бы хорошо поесть.

Такой же славой больших гастрономов пользовались еще другие два министра царствований императора Николая – Уваров и К.В. Нессельроде; особенно последний был неистощим по части изобретений в области кулинарного искусства: его пудинги, мороженое и rotagbi (супы) по сейчас удерживают его имя. В доброе старое время почти вся наша знать отдавала своих кухмистеров на кухню Нессельроде, платя за науку баснословные деньги его повару.

В конце сороковых годов в Петербурге гремел своими гастрономическими праздниками Никита Всеволодович Всеволожский. В барском доме этого богача в селе Рябово, лежащем недалеко от Охты, в праздники на-

крывался стол на 120 кувертов, за которым нередко гости ели в декабре свежую землянику со сливками и почасту за стол вносились одна рыба четыремя дюжими кухонными мужиками, такая рыба получалась по почте с Урала. Меню этих обедов были полны каламбуров и острот. Род Всеволожских издавна славится своим остроумием. Всеволожский говаривал, что порядочный человек прежде всего должен позаботиться о своем столе. Хорошая кухня есть сытный корм чистой совести. Вот несколько гастрономических афоризмов: «Картофель – мягкий воск в руках хорошего повара; он может сделать из него все. Но и в невинном природном костюме картофель имеет для многих любителей неодолимую прелесть, и в этом виде они обращаются к нему, как нежный Парис к Елене. Яйцо – всегдашний обязательный посредник в спорных делах между обедами. Трюфель при всей его неблаговидности можно считать алмазом кухни; паштет, каково бы ни было его основание, но наполненный трюфелями, – табакерка с портретами, осыпанная бриллиантами. Десерт без сыра – то же, что кривая красави-

ца. Свинина – герой праздника. Как пылкая юность, она надевает на себя всевозможные маски, но и в самом красивом наряде всегда выказывается ее оригинальность, станем ли мы искать ее под покровом кровяной колбасы или под белым кителем колбасы ливерной, в курточке колбасы из рубленого мяса или в мантилье сосиски».

Для полноты гастрономического очерка приведем дневник или, вернее, путеводитель по всем лучшим петербургским ресторациям, веденный за шестьдесят лет тому назад: «1-го июня 1829 года обедал в гостинице Гейде, на Васильевском острове, в Кадетской линии, – русских почти здесь не видно, все иностранцы. Обед дешевый, два рубля ассигнации, но пирожного не подают никакого и ни за какие деньги. Странный обычай! В салат кладут мало масла и много уксуса. 2-го июня. Обедал в немецкой ресторации Клея, на Невском проспекте. Старое и закопченное заведение. Больше всего немцы; вина пьют мало, зато много пива. Обед дешев; мне подали лафиту в 1 рубль – у меня после этого два дня болел живот. 3-го июня обед у Дюме. По качеству обед

этот самый дешевый и самый лучший из всех обедов в петербургских ресторациях. Дюме имеет исключительную привилегию – наполнять желудки петербургских львов и денди.

4-го июня. Обед в итальянском вкусе у Александра, или Signor Alesandro, по Мойке, у Полицейского моста. Здесь немцев не бывает, а более итальянцы и французы. Впрочем, вообще посетителей немного. Он принимает только хорошо знакомых ему людей, изговоря более обеды для отпуска на дома. Макароны и стофато превосходны! У него прислуживала русская девушка Марья, переименованная в Марианну, самоучкой она выучилась прекрасно говорить по-французски и по-итальянски.

5-го. Обеду Леграна, бывший Фельета, в Большой Морской. Обед хорош, в прошлом году нельзя было обедать здесь два раза сразу, потому что все было одно и то же. В нынешнем году обед за три рубля ассигнациями здесь прекрасный и разнообразный. Сервизы и все принадлежности – прелесть. Прислуживают исключительно татары во фраках.

6-го июня. Превосходный обед у Сен-Жоржа, по Мойке (теперь Донон) почти против

Alesandro. Домик на дворе деревянный, просто, но со вкусом убранный. Каждый посетитель занимает особую комнату, при доме сад; на балконе обедать – прелесть: сервизы превосходные, вино отличное. Обед в три и пять рублей ассигнациями. *1-го июня* нигде не обедал, потому что неосторожно позавтракал и испортил аппетит. По дороге к Alesandro тоже на Мойке есть маленькая лавка Диаманта, в которой подаются страсбургские пироги, ветчина и проч. Здесь обедать нельзя, но можно брать на дом. По просьбе хозяин позволил мне позавтракать. Кушанья у него превосходны, господин Диаман – золотой мастер. Лавка его напоминает мне парижские *guinguettes* (маленькие трактиры). *5-го июня*. Обедал у Simon-Grand-Jean по Большой Конюшенной. Обед хорош, но нестерпим запах от кухни. *9-го июня*. Обедал у Кулона. Дюме лучше и дешевле. Впрочем, здесь больше обеды для живущих в самой гостинице; вино прекрасное. *10-го июня*. Обед у Отто; вкусный, сытный и дешевый, из дешевых обедов лучше едва ли можно сыскать в Петербурге». В тридцатых и сороковых годах Петербург в Великом посту

славился своими постными яствами, подаваемыми в наших русских ресторанах и даже немецких кафе-ресторанах. Так, в Строгановском трактире, на Невском близ Полицейского моста, посещаемом биржевыми и береговыми калашниковскими купцами, обеденная трапеза, на первой и Страстной неделях поста, ничем не отличалась от строго монастырской, и в эти дни в этом трактире рыбной пищи достать нельзя было ни за какие деньги, и весь обед ограничивался одними грибными блюдами. Зато в перечне последних находились такие, которые теперь совсем позабыты. Так, в то время известны были грибы, гретые с луком, капуста шатковая с грибами, грибы в тесте, галушки грибные, грибы холодные под хреном, грузди с маслом, грузди, гретые с соком. Кроме грибов в обеденную карту входили горох и кисели; первые были мятые, битые, цеженные; вторые – ягодные, овсяные и гороховые с патокой, сытой и миндальным молоком. Чай в эти дни пили с изюмом и медом, варили и сбитень для постников. В остальные недели поста, когда уже некоторые ели рыбу, в числе рыбных блюд подавали

там очень вкусную «прикрошку тельную» – нечто вроде котлет, затем не менее лакомый «кавардак», род окрошки из разных рыб, кашу из семги, визигу с хреном, стерляжий при-сол, схаб белужий паровой, щуку-колодку, рассольный сиг, уху карасевую, на сковородке и т. д. Из любопытной карты кафе-ресторана И.И. Излера, помещавшегося тоже на Невском в доме Армянской церкви, видим, что в Великий пост здесь пасли особенные пирожки-расстегаи, которые у нас вошли в моду в 1807 году, когда в Москве цыганка Степаша своим соловьиным голосом действовала на сердца и карманы своих слушателей и поклонников: особенно хорошо она пела романс «Сарафанчик-растеганчик» – в честь последнего и стали печь расстегаи. Вот недельная карта излеровских пирожков. Воскресенье: 1) расстегаи излеровские, 2) скромные, 3) безопасные, 4) музыкальные (скромные); понедельник: 5) с рыбкой-с! б) с живыми картинами (скромные), 7) успокоительные, 8) без танцев (скромные); вторник: 9) с вариациями, 10) просто прелесть! 11) на здоровье, 12) мал золотник, да дорог!; среда: 13) без рыбы,

но со вкусом! 14) с загадкой? 15) любо и дешево! (скромные), 16) с боровичками; четверг: 17) астрономические, 18) на всех правах пирога, 19) концертные, 20) с фиоритурой (скромные); пятница: 21) настоящие русские, 22) нескучные, 23) в добрый час, 24) бодрые; суббота: 25) пчелка или что в рот, то спасибо! 26) фельетон без писем (скромные), 27) повтори, 28) без рассказов (скромные). Сверх того, всякий день приготавливались особые пирожки под названием: «кларнетист-солист» и «вечера Новой Деревни» (скромные). Цена на эти пирожки была 10 и 5 коп. Вся наша знать ходила есть к Излеру его пирожки. Эти пирожки носили название «утренних».

II

Гастрономический стол графа Строганова. – Обеды князя Репнина. – Хлебосольный дом графа Остермана. – Роскошные обеды чудака Демидова. – Любители хорошо поестъ

Пышным гастрономическим столом отличался в Екатерининское и Павловское времена граф Александр Сергеевич Строганов. Этот гостеприимный вельможа любил на своих

роскошных обедах соединять вокруг себя лучших представителей русской интеллигенции. Он, как Шувалов, носил в то время название мецената: почти все писатели и художники находили у него открытый стол. Загородный его дом, носящий его имя, воспел Гнедич в идиллии «Рыбаки». Здесь по воскресным дням он давал свои лукулловские обеды и ужины. Граф Строганов не жалел на них денег, и все что стоило из яств безмерно дорого, подавалось у него за столом; императрица Екатерина II, представляя его Австрийскому императору, говорила: «Вот вельможа, который хочет разориться и никак не может».

У графа Строганова, как у римского гастронома, был устроен триклиний – род столовой, где, подобно изнеженным грекам или римлянам, гости лежали за столом на постели, облокотясь на подушку. Здесь убранство напоминало великолепие и роскошь древнего Рима; полы были устланы мягкими дорогими коврами, стены были покрыты живописью с изображениями сатиров, собирающих виноград, охотящихся за зверями, видны были плоды, гроздья винограда, всякая живность,

рыбы и т. д. Подушки и матрасы были набиты лебяжьим пухом и имели великолепные покрывала пурпурного цвета с золотом. Столы не уступали в роскоши: они были мраморные с мозаикой или из дорогого какого-нибудь пахучего дерева, по углам дымились благовонные куренья; столы гнулись под тяжестью золотой, серебряной и хрустальной посуды. Число гостей на таких пиршествах всегда было ограничено; приглашенные ели полулежа на ложах. Мальчики, все одного возраста, молодые и красивые, прислуживали за каждым из гостей; перемен блюд было не особенно много, но зато все было изысканное; первое – закуска, которая состояла из блюд, возбуждающих аппетит: икра, редиска, даже фрукты вроде слив и гранат входили тоже в состав ее; самым ценным из закусовых блюд были щеки селедок, на одну тарелку такого блюда шло более тысячи селедок. Во второй перемене подавались тоже пикантные блюда: лосиные губы, разварные лапы медведя, жареная рысь. Кстати сказать, это самое старинное русское блюдо, теперь совсем забытое, употребляемо было при дворе царя Алексея

Михайловича – рысь не считалась тогда несъедобной: мясо этого зверя отличается близною. Затем шли жареные в меду и масле кукушки, налимьи молоки и свежая печень палтуса; третья перемена была устрицы, дичь, начиненная орехами, свежими фиговыми ягодами. Как салаты здесь подавались соленые персики, очень редкие тогда ананасы в уксусе и так далее.

Если гость чувствовал себя сытым, то он, как древний эпикуреец, щекотал себе в горле пером, производил тошноту и давал место для новой пищи. Этот обычай за ужином повторялся не раз даже после каждой перемены блюд и не считался вовсе неприличным. После ужина шла попойка. Наши русские питухи, чтобы возбудить жажду, ходили даже в баню и ели там паюсную икру. У древних в этом случае дело доходило и дальше, и некоторые любители до питья вина принимали цикуту, чтобы страх смерти заставлял больше пить; другие пили толченую пемзу и даже валялись в грязи.

Латинские и греческие поэты научали древних надевать во время попойки на голо-

ву венки из цветов: существовало поверье, что цветы уничтожают хмель. Лучшей зеленью в этом случае считалась трава сельдерея. Наши русские эпикурейцы тоже венчали свои головы венками и, снимая пудренные парики, умащали свои головы душистыми мазями. Иногда по распоряжению хозяина дома на стол приносилась мертвая голова, но при виде голого скелета иной «питух» не робел и, слегка задумавшись, еще сильнее, как бы с горя, начинал пить.

На таких попойках гости избирали царя пира – царь пира отличался способностью пить много вина, он должен был пить неуставяемо, и ему безусловно повиновались все гости. Таким царем пира в Екатерининское время славился некогда тульский купец Иван Гаврилович Рожков. Помимо этой особенности, Рожков отличался своим умением петь русские песни; голос у него был бархатный; не один граф Строганов звал его на свои трапезные пирушки – граф Безбородко считал его своим постоянным гостем и каждую неделю доставлял и себе, и своим посетителям удовольствие послушать этого очарователь-

ного русского артиста-торговца. Жихарев в своих воспоминаниях говорит, что если хотели похвалить какого-нибудь певца, то говорили о нем «Он поет, как Рожков».

Дар песен был только второстепенным качеством Рожкова, а главными, помимо способности пить много вина, были еще необыкновенные удаливость и смелость, которые и доставляли ему покровительство тогдашних знаменитых гуляк. За него нередко держали огромные пари и заклады, и не было примера чтобы проигрывали. Так, раз граф В.А. Зубов держал за него заклад в тысячу рублей, что Рожков верхом на сибирском своем иноходце въедет в верхний этаж одного дома в Мещанской улице, где жила одна из дам полусвета, и Рожков не только въехал, но, выпив залпом бутылку шампанского, не слезая с лошади, той же лестницею съехал обратно на улицу. «Когда я въехал к ней в фатеру, – рассказал Рожков, – меня окружили все гости, особо знатных до десяти будет, да и кричат „Браво, Рожков! шампанского!“ И вот ливрейный лакей подает мне на подносе налитый бокал, но барышня сама схватила этот бокал и выпила,

не поморщась, промолвив „Это за твое здоровье, а тебе подадут целую бутылку“».

Имена многих литераторов и художников конца прошлого столетия и первых лет нынешнего тесно связаны с именем графа Строганова. Начиная от Фонвизина и Державина и кончая Крыловым и Гнедичем и почти все художники находили в нем истинного покровителя и ценителя своих произведений. Духовный наш композитор Бортнянский был один из его приближенных друзей. Талантливый строитель Казанского собора Воронинин был воспитанником его. Предание говорит, что сам Строганов при постройке этого храма трудился без устали и, несмотря на свое хилое уже здоровье, взбирался по лесам осматривать постройки. Народное поверье гласило, что граф как строитель немногими днями переживет освящение нового храма, и точно — 15 сентября 1811 года храм был освящен, а ровно через двенадцать дней граф Строганов скончался. Говорили, что граф сам твердо верил в это предопределение и после окончания первой службы в соборе подошел к митрополиту под благословение, проговорив

«Ныне отпускаеши раба твоего, владыко, с миром». Умирая, Строганов выразил свое последнее желание, чтобы и отпевание его останков происходило в том храме, где у него явилось предчувствие о своей смерти. На похоронах графа присутствовал сам император, вместе с августейшим семейством, и сопровождал гроб его до могилы, которая находится в Александро-Невской лавре.

Биограф Строганова Н. Колмаков рассказывал, что за графом есть еще большая заслуга, когда он был директором Публичной библиотеки, то по перевозе его в Петербург из Варшавы у лиц, производивших разборку книг, явилось предположение: не следует ли предать сожжению все книги, которые по своему содержанию и направлению противны нравственности и политическому настроению того времени. Строганов всею своею мощью восстал против такого варварского проекта.

Много говорили также в прошедшем столетии о лукулловских обедах, дававшихся князем Н.В. Репниным в Варшаве. Репнин был один из блистательных вельмож века Екатерины II, отличавшихся властительны-

ми замашками. По словам современников, он играл в Варшаве более значительную роль, чем король Английский посол Джеймс Гаррис, видевший его ежедневно, говорит ничего не могло быть поразительнее высокомерия его с самыми важными лицами и его преувеличенной донельзя любезности с женщинами. В заседаниях он затыкал каждому рот, говоря «Такова воля императрицы». Он обращался также бесцеремонно со всеми, даже с королем. У него был маскарад. Король для начатия танцев после ужина хотел подождать, чтобы столы из ужинной залы были вынесены, потому что это была самая большая комната. Репнин напротив того хотел, чтобы танцы начались сейчас же в другой зале, и настоял на своем, король преспокойно стал танцевать.

В театр актеры ожидали приезда князя Репнина, чтобы начать представление даже тогда, когда король уже сидел в своей ложе целый час. Репнин в среду на Страстной неделе назначил спектакль в Варшавском театре, но кроме него и его свиты зрителей никого не было.

Известный князь Карл Радзивилл, великий гетман Литовский, бывший одно время врагом Екатерины II и выведший на сцену несчастную самозванку княжну Тараканову, несмотря на все свое своеволие, побаивался Репнина. Один раз, когда сейм был в сборе, чтобы воздержать кутившего Радзивилла от безобразного поведения, он поставил в его дом полковника с командою из шестидесяти человек.

В день рождения Екатерины Репнин дал праздник, на котором было более трех тысяч замаскированных гостей и при этом было выпито кроме множества других вин тысяча бутылок шампанского. Двадцать пять поваров едва успевали готовить ежедневно кушанья для огромного числа посетителей его дома. Комнатные дворяне (покойовцы) служили у него во время обеда с тарелками в руках: они стояли за креслами князя, услуживая при столе и разрезывая на воздухе пулярки и прочее.

Пасхальный стол Репнина ничем не отличался от таких же столов королей Сигизмунда и Владислава. На середине огромного стола лежал целый ягненок, изображавший агнца

Божия. Это блюдо по польскому этикету могли есть только дамы, высшие светские и духовные лица. Затем стояли четыре больших кабана соответственно четырём временам года. Внутри каждого кабана были колбасы, куски ветчины и поросят. Двенадцать оленей с золочеными рогами, зажаренные тоже целиком и начиненные дичью, изображали двенадцать месяцев года, иногда вперемешку с оленями лежали и зубры, убитые в Беловежской пуще. Вокруг этих чудес кулинарного искусства было 365 куличей, затем мазурки, жмудские пироги и лепешки, украшенные сушеными в сахаре фруктами. За ними столько же баб, бабы эти украшены были вензелями и надписями. Четыре большие стопы с вином изображали тоже четыре времени года, вино в них было от старых времен. 12 серебряных больших кубков с вином изображали двенадцать месяцев в году, 52 маленьких бочонка, наполненные вином испанским, кипрским и итальянским, соответствовали пятидесяти двум неделям в году, 365 бутылок с венгерским вином означали число дней в году.

Для прислуг ставилось 8 760 кварт меду со-

ответственно числу часов в году.

Такое широкое и так идиллически патриархальное кормление, бесспорно, было заимствовано Репниным у поляков, впрочем, кухня последних у нас уже стала входить в моду в Москве со времен Дмитрия Самозванца. Карамзин говорит, что жена последнего, Марина Мнишек, особенно отличалась своим лакомым столом. У нас в старину должности при столе занимали стольники. Они носили кушанья и подавали вина, один из них, попочетнее, как говорит И. Забелин, «наряжал вина», т. е. приготавливал к столу и вообще распоряжался винами, другой – пить наливал. С большим великолепием и обрядностью царские столы давались иноземным послам: тогда в сенях устраивалось несколько поставцов – государев, боярский, посольский – с винами и яствами. Число стольников и дворян, которые «перед гостей пить носили и есть ставили», доходило иногда до сотни и более. После царских столов справлялась всегда «государева чаша», т. е. пили государево здоровье, причем царь сам подавал боярам чашу, которой они и подходили по порядку родо-

го старшинства, т. е. так, как сидели за столом.

Нередко государь посылал обед к иноземному послу на дом. В Дворцовых разрядах сохранились довольно подробные описания таких случаев: так, царь Михаил Федорович, посылая стольника Собакина к Якову Русселю, немчину короля Шведского Густава, повелевал стольнику, приехав к нему на двор, выйти из саней у лестницы и идти к Русселю в хоромы, а за собой велеть несть скатерть и судки (солонку, уксусницу и перечницу) и еству, и питье. Далее следовал подробный церемониал, как скатерть на стол постлатъ и судки поставитъ, и вина и еству, и питье велеть подать и проч., и как, взяв ковш питья, молвить «о чаше великого государя» и проч.

Но обращаясь опять к прежним временам, мы видим, что в старой Москве лукулловскими обедами отличался сын графа Валентина Мусина-Пушкина, обладатель более чем сорока тысяч крестьян; он был первый по роскоши в то время в столице. Никто не равнялся с ним ни в экипаже, ни в нарядах, ни в образе жизни. На одни конфеты у него расходовался

лось в год 30 тыс. рублей, а стол его стоил ему более 100 тыс. рублей; расточительность его на все редкое съестное доходила до того, что он выкармливал индеек на трюфелях, а телят отпаивал на сливках и держал их в люльках, как новорожденных младенцев. Домашняя его птица, предназначенная к столу на убой, в корм на место овса и круп получала лущенные кедровые и грецкие орехи и на пойло вместо воды сливки и рейнское вино. Поросят у него мыли ежеминутно и чуть ли не пеленали, как грудных детей.

Также хлебосольно и открытым домом жил в Москве граф Иван Андреевич Остерман. Приезжающих к нему на обед, особенно по воскресеньям, иногда было до ста и более персон обоего пола. Граф почти девяностолетним стариком сохранял здоровье и полную память о прошлом. Хлебосольство его теперь покажется почти сказочным – гостей за его столом угощали почти на убой, сам Остерман ходил и смотрел, чтобы его гости ели, перемен блюд бывало у него до сорока и более. Во все время стола гремела музыка на хорах, и когда за столом преобладали дамы, то в конце

обеда граф, взглянув на хоры, давал знать в ладош и, чтобы начинали другую музыку, и тогда гремел польский Козловского, и гости, вскочив из-за стола, тянулись парами в гостиную и далее по залам. Обыкновенно же, если у него не обедали дамы, музыка кончалась с десертом.

Своими роскошными обедами и празднествами в былое время в Москве славился также известный чудак Прокопий Акинфиевич Демидов, в его доме на Басманной, где теперь Елизаветинский институт и школа топографов, было собрано столько диковинок, мраморов, картин и редчайших коллекций, что, как говорили тогда, Демидов обобрал всю Европу. Действительно, оригинал Демидов, путешествуя за границей, не жалел на покупки денег: так, проживая в Саксонии, он удивлял тамошнее население как закупкою на их рынках всего продаваемого там – по-видимому, вовсе не нужного для него, – так и роскошными своими по русской натуре угощениями, сидевшие за его огромным столом гости говорили друг другу на ухо: «Какой мот! С чем-то он выедет отсюда?» Между тем Демидов

вслух смеялся над бедностью столичного их города Дрездена, говоря, что некуда ему девать здесь денег: купить нечего. Если верить Кастеру, то он устроил в Петербурге в 1778 году такой народный праздник, который вследствие непомерной выпивки был причиной смерти более пятисот человек.

Богатый чудак Демидов рядил в ливрею прислуживающих за столом лакеев так, что она бросалась всем в глаза: одна половина ее сшивалась из галунов, другая – из самого грубого сукна, одна нога лакея обувалась в шелковый чулок и изящный башмак, другая – в лапоть. В великолепный сад его, в котором было собрано более двух тысяч редких растений, допускались все; но, заметив, что дамы в нем рвут плоды и редкие цветы, он однажды снял все статуи и на место их поставил обнаженных мужиков. Разгневанный за что-то на одного из своих гостей, он прислал к нему на званый обед наполненный червонцами мешок и живую свинью, приказав ее угощать за столом как бы его самого.

Пригласил тоже раз к себе на обед всю тогдашнюю знать. Накануне он, призвав маля-

ров, приказал выбелить у себя все комнаты кроме столовой и устроил перед каждой дверью леса. Явившимся на этот обед хозяин объявил, что рабочих навели в его дом в его отсутствие, и гости должны были несколько раз сгибаться под лесами, пока наконец доходили до столовой.

Внука этого Демидова Павла Григорьевича называли скупым, потому что он не давал обедов и тратил на себя не более 6–7 руб. в месяц и вообще вел жизнь крайне воздержанную: поутру обыкновенно пил чашку кофе или шоколаду, обед его состоял из самого тонкого бульона и одной котлетки, из которой он сосал только сок. После обеда пил зимою чай с молоком по одной чашке, а летом – кислое молоко по 5–6 ложек; хлеба употреблял не более четверти фунта в сутки, зато любил свежие фрукты, которыми и снабжала его собственная оранжерея. Этот Демидов был человек строгой честности, делал также много добра и составил себе богатую библиотеку. Он основал Демидовский лицей в Ярославле.

Гостеприимство наших вельмож для простых смертных иногда выходило очень при-

зрачно. Так, существует анекдот, как у некоего из таких князей мира всегда обносили слуги во время обеда одного из скромных гостей. И амфитрион узнал об этом только тогда, когда на вопрос его, все ли он ел, несолоно хлебавший гость ответил: «Благодарю, ваше сиятельство, все видел». Другой такой же вельможа, граф Алексей Орлов, на свои обеды принимал только дворян в мундирах и, если находил нечиновного и не в мундире, то подходил и спрашивал его: «От кого вы, батюшка, присланы?»

Многие из наших помещиков в старину строго соблюдали посты, и по средам и пятницам не ели скоромного; у таких были и повара, которые готовили одно постное, а у некоторых богатых доходило и до того, что для каждого кушанья был особый повар. Так, у известного эксцентрика Головина было их чуть ли не тридцать, и каждый из них в белом фартуке и колпаке сам приносил свое кушанье на стол барина. Такие повара, поставя блюда, снимали колпаки и с низкими поклонами уходили. Обеды у этого помещика тянулись по три часа; он садился обедать за стол

непременно со своим приходским священником, который и благословлял трапезу. Кушаний за столом считалось семь, но число блюд доходило до сорока и более. Служили официанты, одетые в красные кафтаны кармазинного сукна, с напудренными волосами и длинными белыми косынками на шее. После стола в гостиной ожидали гостей сотни блюдечек с десертом или заедками вроде пастилы, варенья, моченых яблок, груш и т. д.

Мороженое у нас на вечерах стало подаваться только в начале нынешнего столетия, и прежде о нем не знали. Ананасы начали разводить также не более как восемьдесят лет тому назад. Первый, кажется, занялся культурой их в Москве богатый купец Гусятников, вышедший потом в дворяне. Ананасы истреблял во множестве старший сын графа Завадовского – последний ел их не только сырыми и вареными, но даже квашеными: у него ананасы рубили в кадушках, как простую капусту, и делали потом из них щи и борщ; этот Завадовский умер в положении, близком к нищете. На кухне этого гастронома готовили повара всех национальностей и бы-

ли, как и у Потемкина, даже простые мужики-пекари подовых пирожков и гречневиков, квасы Завадовского славились в былое время на всю Россию.

В глубокой провинции в свое время было немало помещиков, любивших хорошо поесть; так, в Орловской губернии, в Малоархангельском уезде, жила генеральша Рагзина, обед у которой длился по семи часов, и на столе подавалось до двадцати разных каш в небольших горшочках, приготовленных из незрелых зерен ржи, пшеницы и т. д., а маринов и солений было бесчисленное множество; в сортах последних находились и такие малосъедобные вещи, как сердцевина трав дятливины и свиргибуса. Генеральша эта была большая привередница и летом обыкновенно обедала на плоту своего пруда.

В том же уезде, в пятидесятых годах, жили два брата Боны – эти братья славились своим превосходным аппетитом. На обед их готовилось не более пяти блюд, но зато в таком количестве, что последние могли упитать не один десяток голодных людей. Один из братьев говорил про гуся, что эта птица – самая

неудобная, потому что одного гуся на жаркое мало, а двух много; братьям всегда к обеду жарилось три гуся. И вот, скушав их вместе с двумя поросенками и тарелками пятью борща или щей и гречневой каши, один из братьев начинал вздыхать; тогда другой говорил ему в утешение:

– Не вздыхай, брат, мы еще ужинать будем!

Чуть ли не на одного из этих братьев было написано следующее стихотворение:

*Ботвинью я всегда хвалю,
Селянку ем без принужденья,
Уху я тоже страсть люблю!
Зреть не могу без умиленья:
Кишки ко щам, бараний бок,
Крупюю с маслом начиненный,
И лучший ветчины кусок —
Суть три предмета несравненны.
Пирог любимый мой есть тот,
С трудом в руках несут что трое,
Когда кладешь кусочек в рот —
Насытились бы оным двое
Про пирожки что вам сказать:
Они пятками исчезают,
Но – чтоб меня им насыщать —*

*Они лишь голод возбуждают.
Капусту, спаржу, крес-салат,
Все, все считаю пустяками;
Черкасский бык, тебя пою,
В тебе зрю мира совершенство,
Ты услаждаешь жизнь мою
И мыслить о тебе – блаженство!*

Превосходными гастрономическими ужи-
нами в сороковых годах в Петербурге корми-
ли держатели некоторых игорных домов. У
этих господ все было обставлено с известным
блеском кулинарного изящества. Особенно
чудовищных размеров они достигали в одной
улице и Петербурге, у Большого театра. Здесь
был обыгран один богатый одесский грек
чуть ли не на миллион рублей. Его заманили
на роскошно приготовленное блюдо из отвар-
ных кефалей, выписанных по почте с берегов
Черного моря. Долго помнил этот грек петер-
бургские кефали.

Но самой заслуженной славой большого
гастронома в Москве в пятидесятых годах
пользовался богатый тамбовский помещик
Рахманов. Получив двухмиллионное наслед-
ство от своего дяди, известного в свое время

игрока, он ухитрился его проесть менее чем в восемь лет. По рассказам, кухня этого гастронома отличалась всевозможными приспособлениями для кулинарного искусства, вся она выстлана была для чистоты голландскими изразцами и всюду увешана пирометрами. Стол этого необыкновенно тучного барина был баснословный, и иногда один простой домашний обед для двух или трех гостей стоил не одну тысячу рублей. Рахманов имел качества, которыми обладает не всякий: тонкий вкус и умение есть приготовленные блюда. Особенно много у него было приложено старания к приготовлению домашней птицы – его цыплята, индейки кормлены были особенной кашей с трюфелями, а гуси после выкормки для увеличения печени подвергались различным истязаниям – их содержали перед пылающими каминами, где они обгорали почти заживо. Налимов для этой же цели травил аршинными голодными щуками и т. д. Когда подавали на стол Рахманову цыпленка, то он брал его в руки и, немного помяв, вынимал из него все кости, как из кошелька. Перед ним на столе обыкновенно стояла огромная

кружка вина. На стол его подавались не все части названных нами птиц: например, в пулярке он ел только верхнюю часть грудинки, в утке – тоже грудинку и мозг, в свинье – вымя, в борове – голову. Жирный раковый бисквит ему подавали замороженным в виде студня; раки для этого тоже готовились особенно: их держали вместо воды в сливках с пармезаном. Также необыкновенно вкусна у него была и простая гречневая каша: ее варили в соку рябчиков и с рокфором. Рахманов почти каждый день изобретал новые блюда и в роскоши стола старался превзойти даже римских гастрономов. Постные блюда у него готовились на миндальном и кедровом масле, сделанном за полчаса. Из рыб он любил одну редкую, *вырезуб*, которая ловится только в реке Сосне, впадающей в Дон; ее привозили ему живую на перекладных; известное «московит» изобретено Рахмановым. Лучший его повар был из беглых дворовых людей: это был своего рода великий артист, он жил впоследствии у известного изобретателя автоматической стрельбы А.П. Давыдова.

Азартные игры в старину

I

Происхождение карт. – Первая колода карт. – Игра в зернь, тавлеи и шахматы в древности на Руси. – Законы и постановления против азартной игры. – Старинные карточные игры. – Шулера-иностранцы. – Преследование игроков в Екатерининское время. – «Картежные академики». – Ростовщики-менялы

Происхождение игральных карт теряется в глубокой древности – колыбель игральных карт историки относят к арабам. Существует предание, что карточная игра привезена из страны сарацинов, где именовалась наиб, другие утверждают, что карты явились к нам прямо из Индостана и занесены будто бы кочующими цыганами.

В Испании карты носят название *наипест*, в Италии – *науби*. Слово *науби* на арабском языке значит пророк. По другим сказаниям, карты дошли до нас из Китая и изобретены в Небесной империи задолго до Рождества Христова. Если карты пришли к нам из Китая, то

должны сознаться, что они на пути очень изменились. Китайские карты вырезались на дощечках и разрисовывались разными красками. Во Франции карты были в употреблении уже в начале XIII века.

Карты нынешнего вида изобретены, или вернее усовершенствованы в последней половине XIV столетия. Изобретателем их называют королевского шута и живописца Жакелина Гренгонера. Последний нарисовал три колоды для забавы слабоумного короля Карла VI. Карты эти для игры не были пригодны. На картах Гренгонера, состоявших из фигур, тузов и восьмерки, королевскую корону имел только один бубновый король, изображавший короля Карла VI, все же прочие короли имели короны герцогские. Валеты изображали влиятельных в ту эпоху придворных, дамы – фрейлин королевы, а пиковая дама и в то время была при печальном интересе и имела на голове высокую шапку и над нею корону, а на ногах вместо пальцев дьявольские когти, изображала она королеву Изабеллу Баварскую. Карты были нарисованы с большим искусством. Гренгонер получил за

них 1 500 золотых ефимков.

Изобретенные Гренгонером карты скоро получили печальную известность, их стали употреблять для азартной игры в Париже, в отеле Нельской башни. Отель этот скоро сделался притоном разврата, мошенничества и страшной адской картежной игры. Очень понятно, что первые игральные карты там не были сделаны Гренгонером, но только по его образцу в Нюрнберге и Регенсбурге художниками этих городов. Первоначальные карты служили только для азартной игры, состоявшей в следующем: на карту известной масти ставилась произвольная сумма, и если три или даже четыре карты той же масти непосредственно следовали за первой, то поставленная сумма была выиграна. В 1397 году карты были запрещены как во Франции, так и в Германии.

Самые древнейшие карты – 17 карт тарокко, называемые *нартами Карла VI*, и *нарты тарокко-висконти*, о времени появления которых можно заключить по шестой фигуре, на которой соединены гербы названного принца и Беатриче ди Тенда, на которой он

женился в 1413 году и которую казнил в 1418 году.

Самая древнейшая колода карт в Париже хранится в Публичной библиотеке, она относится к 1390–1393 годам. С XV столетия распространилась карточная игра на деньги. В основании карточной игры лежала идея о сражающихся сторонах и первоначально состояла из восьми солдат (2–9 очков), валета (valet), шталмейстера, королевы, дамы и короля. Туз служил знаменем каждого отдела. Карты имели различные названия у разных народов. Во Франции королю, даме и валету давали имена исторические.

В России карты, как и шахматы, зернь и тавлеи, или шашки, были уже известны в XVI столетии. Особенно процветала в эту эпоху зернь. Зернь были небольшие косточки с белой и черной сторонами. Выигрыш определялся тем, какую стороною упадут они, будучи брошены, искусники умели бросать их так, что они падали тою стороною, какую хотелось. Эта игра, как и карты, считалась самым предосудительным препровождением времени, и в каждом наказе воеводам пред-

писывалось наказывать тех, кто будет заниматься ею.

Костомаров говорит, что при царе Алексее Михайловиче жадность к деньгам однажды пересилила эту нравственную боязнь власти – в Сибири в 1667 году зернь и карты отданы были на откуп, но в следующем году правительство устыдилось такого поступка и опять уничтожило откуп и подвергло их преследованию. Допустить эти игры тем более считалось предосудительным, что они были любимым занятием лентяев, гуляк, негодяев, развратных людей, пристанищем которых были корчмы или кабаки, где им для игры отводили тайные кабацкие бани. Эти запрещенные игры особенно были распространены между служащими людьми. Русские распространили употребление их между инородцами Сибири – остяками, татарами и другими, – а так как русские играли лучше инородцев, то оставались всегда в выигрыше и приобретали от них дорогие меха.

Карты не были в таком большом употреблении, как зернь, но как забава были допущены даже при дворе, так при царе Михаиле Фе-

одоровиче для забавы маленькому Алексею Михайловичу с своими сверстниками куплены были карты. Что касается шахмат, то эта игра была любимым препровождением времени царей и бояр, да и вообще русские очень любили их в старину, как и тавлеи или шашки. Однако благочестие и эти игры причисляло к такой же бесовщине, как зернь, карты и музыку.

Как игра в зернь или в кости, так и в карты у нас при царе Алексее Михайловиче строго преследовались и, наконец, совсем были запрещены (см.: ст. 15 главы 21 Уложения).

Император Петр Великий никогда сам в карты не играл и картежной игры при дворе своем нетерпел. Но есть основание предполагать, что карточные игроки в то время уже действовали. Так, по уставу Петра в армии и во флоте не дозволялось проигрывать в карты более одного рубля. Петр, впрочем, любил играть в шахматы с своим крестовым священником Хрисаноровым. За искусство выигрывать партию царь прозвал его поп Битка.

В царствование императрицы Анны Иоанновны при дворе входит в моду игра в карты,

и любимцы государыни Бирон и Остерман играют на крупные суммы с иностранными послами. При дворе в это время сильно царствует разорительная игра в *фаро* и *квинтич*. При императрице Елизавете азартные игры не прекращаются: граф Алексей Разумовский почти ежедневно проигрывает большие суммы и в не трезвом виде даже поколачивает своих партнеров. Щедрый и не дороживший деньгами, он держал у себя в доме большой банк и проигрывал тем, с кем хотел поделиться деньгами. Случалось, что иные из его гостей делились с ним его капиталами без его ведома и выносили деньги полными карманами и шапками.

В петербургском обществе в это время уже существовало много игорных домов и один из них, у Вознесенья у известной Дрезденши вел свои обороты открыто.

При Петре III картежная игра не имеет уже той силы; этот государь указом воспрещает играть в *фаро*, *квинтич* и в прочие всякого звания азартные игры, а только позволяет употреблять игры в знатных дворянских домах и то не на большие, но на самые малые суммы

денег, и не для выигрыша, но единственно для препровождения времени, как-то: в ломбер, в кадрилию, в пикет, в контру, и в памфиль.

В царствование императрицы Екатерины II входят в моду следующие карточные игры: реет, вентэн, кучки, юрдон (самая азартная: от нее происходит имя проюрдонился), гора, макао, штос, три и три, рокамболь, тентере, алалушь и совершенно выходят из моды старинные игры, как: тресет, басет, шиниш-нап-шнур, марьяж, дурачки с пар, дурачки в навалку, дурачки в две карты, ерошки или хрюшки, три листка и семь листов, носки и никитишны.

Екатерина II в Уставе благочиния (8 апреля 1782 года) запрещает играть картами или иным чем в игры, основанные единственно на случае или «газартные» и предлагает администрации следить, чтобы никто не мог: 1) дом свой или нанятой открыть днем или ночью игроками и ради запрещенной игры; 2) в доме, открытом днем или ночью, игрокам и ради запрещенной игры играть; 3) от запрещенной игры иметь единственное пропита-

ние; 4) купцам или ремесленникам или маклерам быть, или находиться тут при запрещенной игре, или в той игре записывать, или счет держать, или замечать чем, или способствовать игре, или для той игры носить с собою, или посылать, или займы дать, или брать, или обещать, или иначе прямо, или стороною доставить для той игры золото или серебро, монетою или в деле, или ассигнациями, или медные деньги, или драгоценные камни в деле, или не в деле или вещи, или иной товар, какого бы звания ни был, или вексель; 5) в игре во всякой употребить воровство – мошенничество.

Замечательно, что в законах против игр в прошлом столетии обозначаемы были поименно игры, признанные запрещенными, потом было прекращено именование их, в том, конечно, убеждении, что игроки могут и простым играм придавать свойства азартных.

Еще ранее этого указа в 1771 году указом от 13 октября, воспрещено было платить долги по карточной игре и велено отказывать в уплате денег займодавцам, ежели заведомо на игру давали оные. В этом указе сказано бы-

ло, что «отцы и матери детей неотделенных платить за них долгов карточных неповинны» и «данные от сих последних векселя и закладные почитаются недействительными».

Шулеров в Екатерининское время было множество, особенно этой профессией занимались разные иностранцы-авантюристы.

Во время пребывания Екатерины II в городе Могилеве и даже ранее ее приезда, за месяц этот город уподобился самой многолюдной столице, и здесь, по рассказам современников, на беспрестанных праздниках и балах кипела такая карточная игра, каковой, конечно, ни прежде, ни после в России не бывало.

Один князь Сапега проиграл тогда все свое состояние, равнявшееся многим миллионам. В это время здесь на зеленом поле отличались два далматинца, графы Зановичи. Эти искатели приключений начали свои шулерские подвиги еще в Венеции, и их портреты за разные мошеннические проделки были там повешены на виселице рукою палача.

Зановичи позднее были уличены у нас в подделке фальшивых сторублевых ассигнаций, и меньшей. Занович был схвачен в

Москве у самой заставы; при нем найдено было с лишком 700 000 фальшивых ассигнаций, все сторублевого достоинства. Зановичи долго содержались в Балтийском порте, и во время нападения на этот порт шведов в 1789 году по малочисленному гарнизону братья явились защитниками последнего, где разумными советами и личною храбростью оказали большие услуги русским, за что были освобождены и высланы за границу.

Не менее такой известностью крупного шулера пользовался в Екатерининское время некто барон Жерамбо. Он ходил в каком-то фантастическом черном костюме, обшитом серебром, на груди у него была мертвая голова. Он писал латинские стихи и ездил на собаках, но, в сущности, он был шулер самый ловкий, и если кто-нибудь ему попадался в руки, то выходил проигравшимся до последней рубашки.

Но несмотря на строгие законы и запрещения, азартная игра в царствование Екатерины II велась даже при дворе, а от двора распространялась и во всех слоях общества. Энгельгардт в своих записках утверждает, что

азартные игры, хотя были запрещены законом, но правительство на то смотрело сквозь пальцы.

Случалось однако, что императрица иногда и преследовала игроков. Так, письмом от 7 августа 1795 года к московскому главнокомандующему Измайлову, она предписывает: «Коллежских асессоров Иевлева и Малимонова, секунд-майора Роштейна, подпоручика Волжина и секретаря Попова за нечистую игру сослать в уездные города Вологодской и Вятской губерний под присмотр городничих и внеся притом имена их в публичные ведомости, дабы всяк обмана их остерегался». У Волжина притом было отобрано векселей, ломбардных билетов и закладных на 159 000 руб. и кроме того множество золотых и бриллиантовых вещей. Все эти богатства приказано было «яко стяжание, несправедливым образом снисканное и ему не принадлежащее, отдать в Приказ общественного призрения Московской губернии на употребления полезные и богоугодные».

В том же году Бантыш-Каменский писал к князю Куракину: «У нас сильный идет о кар-

тежных академиках перебор. Ежедневно привозят их к Измайлову; действие сие в моих глазах, ибо наместник возле меня живет. Есть и дамы...»

Через несколько дней он пишет опять к Куракину «Академики картежные, видя крепкий за собой присмотр, многие по деревням скрылись».

Из рассказов современников видно, что в Екатерининское время в каждом барском доме по ночам кипел банк, и тогда уже казенный ломбард более и более наполнялся залогом крестьянских душ. Не к добру в первое время послужило дворянству это учреждение дешевого и долгосрочного кредита. Двадцать миллионов, выданные помещикам, повели еще к большему развитию роскоши и разорению дворянства. Быстры и внезапны были переходы от роскоши к разорению.

В большом свете завелись ростовщики-менялы; днем разъезжали они в каретах по домам с корзинами, наполненными разными безделками, и променивали их на чистое золото и драгоценные камни, а вечером увидались около тех несчастливцев, которые

проигрывали свои имения, давали под залог вещей деньги и выманивали у них последние средства.

У Загоскина в воспоминаниях находим описание одного из таких ростовщиков сиятельного происхождения, отставного бригадира князя Н., промотавшего четыре тысячи душ наследственного имения. Вот как описывает он место его действия на одном из московских великосветских вечеров, где в ту эпоху подобный ростовщик-торговец был необходимой принадлежностью: «Посреди комнаты стоял длинный стол, покрытый разными галантерейными вещами; золотые колечки, сережки, запонки, цепочки, булабочки и всякие другие блестящие безделушки расположены были весьма красиво во всю длину стола, покрытого красным сукном. За столом сидел старик с напудренной головой, в черном фраке и шитом разными шелками атласном камзоле. Наружность этого старика была весьма приятная и, судя по его благородной и даже несколько аристократической физиономии, трудно было отгадать, каким образом он мог попасть за этот прилавок. Да, прилавок,

потому что он продал при нас двум дамам: одной – золотое колечко с бирюзой, а другой – небольшое черепаховое опахало с золотой насечкой; третья, барышня лет семнадцати, подошла к этому прилавку, вынула из ушей свои сережки и сказала:

– Вот, возьмите! Маменька позволила мне променять мои серьги. Только, воля ваша, вы много взяли придачи: право, десять рублей много!

– Ну, вот еще, много! – сказал продавец. – Да твои-то сережки и пяти рублей не стоят.

– Ах, что вы, князь! – возразила барышня. – Да я за них двадцать пять рублей заплачу...»

Игра в бриллианты

II

Игра в бриллианты. – Игроки: Потемкин, Чертков и Левашов. – Случай с П.Б. Пассеком. – Гроза на игроков. – Проигрыш казенных денег. – Всеобщая страсть к картам. – Шутки Безбородко и Демидова. – Выигрыш Державина, проигрыш Пушкина. – Игра в клюковку. – Карточные откупщики Злобин и Чеблоков. – Число карточных фабрик в Петербурге. – Ино-

странные колоды карт. – Гадальщицы на картах: Ленорман, Штольц и Марфуша

Императрица Екатерина II игрывала сама в карты, но большею частью с чужестранными министрами или с тем кому прикажет, для такой игры карты подавали гостям по назначению камер-пажи, но случалось, что на парадных и торжественных вечерах государыня играла, расплачиваясь бриллиантами. Так, на праздник Азора в комнатах Эрмитажа 13 февраля 1778 года, данного в честь рождения первого внука императрицы, розданы были избранным гостям афиши от имени «Азора, африканского дворянина», который «как представитель страны золота, серебра и драгоценных камней и чудовищ не мог выбрать минуты более благоприятной для своего праздника, как такое время, как земля, небо, воды и всякого рода твари призваны ознаменовать блестящую эпоху». Далее сказано, что на каждом из столов, приготовленных для игры в макао, будет стоять коробка с бриллиантами, и каждая девятка будет оплачиваться камнем в один карат. Императрица

в одном из своих писем к Гримму рассказывает, что на этот вечер гости поднялись по узенькой лестнице в комнаты музея, и игрой в золото и драгоценные камни были особенно поражены дипломаты – *les soures aux rois*. [11] После полуторачасовой игры гости поделили между собой оставшиеся бриллианты. В соседних залах в этот вечер горели два огромных вензеля «А» из самых крупных бриллиантов и жемчугов, а под ними стояло двадцать пажей, одетых в глазет, с голубыми шарфами через плечо. В виде десерта против зеркал стояли в разных сосудах сервиза Бретейля все драгоценные камни четырех шкапов Эрмитажа. Несомненно, что под именем Азора являлся переодетым сам князь Потемкин, который был устройтелем праздника. Кому бы могла войти в голову такая разорительная затея, как игра в бриллианты, как не князю Потемкину, великолепный князь Тавриды часто, играя в карты, только один мог платить не деньгами, а бриллиантами.

Про большую игру в карты Потемкина существует несколько анекдотов. Любимым его партнером был один калмык, который имел

привычку всем говорить «ты» и приговаривать «Я тебе лучше скажу». Он вел крупную игру и игрывал со всеми вельможами.

Однажды, понтируя с каким-то знатным молдаванином против калмыка, Потемкин играл несчастливо и, разгорячившись на неудачу, вдруг с нетерпением сказал банку-мету:

– Надобно быть сущим калмыком, чтобы метать так счастливо – А я тебе, – возразил калмык, – лучше скажу, что калмык играет, как князь Потемкин, а князь Потемкин, как сущий калмык, потому что сердится.

– Вот насилу-то сказал ты «лучше»! – подхватил, захохотав, Потемкин и продолжал игру уже хладнокровно.

В другой раз Потемкин наказал одного из своих партнеров довольно строго за то, что последний, пользуясь его разъяренностью, обыграл его нечестным образом...

– Нет, братец, – сказал ему Потемкин, – я с тобою буду играть только в плевки, приходи завтра.

Приглашенный не преминул явиться.

– Плюй на двадцать тысяч, – сказал князь.

Партнер собрал все силы и плюнул.

– Выиграл, братец, смотри, я дальше твоего носа плевать не могу! – произнес Потемкин, отдавая проигрыш.

Императрица Екатерина II часто, играя в карты и делая ошибки, терпеливо сносила выговоры от своих партнеров. Камергер Чертков имел обыкновение делать ей такие выговоры, а раз, играя с нею и проигрывая, забылся до того, что с досады не окончил игры и бросил карты на стол. Императрица ни слова не сказала ему и, когда кончился вечер, встала, поклонилась и молча ушла в покои. Чертков просто остолбенел от своего поступка. На другой день, когда гофмаршал вызвал лиц, которые были назначены к ее столу, Чертков стоял в углу ни жив ни мертв. Когда гофмаршал произнес его имя, он ушам не верил и когда робко и нерешительно подошел, то государыня встала, взяла Черткова за руку и прошла с ним по комнате, не говоря ни слова. Возвратясь же к столу, сказала ему:

– Не стыдно ли вам думать, что я могла быть на вас сердита? Разве вы забыли, что между друзьями ссоры не должны оставлять

по себе никаких неприятных следов.

Как мы уже упомянули, Екатерина недолго любила азартных игроков. Про них она говорила: «Эти люди никогда не могут быть полезными членами общества, потому что привыкли к праздной и роскошной жизни. Они хотят всю жизнь свою провести в этой пагубной игре и, таким образом лишая себя всего своего имущества и нисколько об этом не заботясь, делают несчастными и других, которых они обманывают и вовлекают в игры».

Наказанием для игроков в Екатерининское время был арест в тюрьме под крепким караулом. Но иногда прибегали и к более крутым мерам. Так, узнав, что в Москве завелись карточные игроки, она писала к главнокомандующему: «Иностранцев высылайте за границу, а своих унимайте, а если нужно будет, то пришлите ко мне именно список их. Я велю публиковать об них в газетах, чтобы всякий мог их остерегаться, зная ремесло их».

Существует предание, что наши общественные клубы учреждены были в ее время для того только, чтобы иметь надзор за азартными игроками. Так, не раз появлялись в то

время указы, гласящие, что клубы посещают люди не только такие, что ищут в длинные зимние вечера средства лишь «рассыпать мысли свои», но и такие, которые впадают в «подлые поступки» и особенно умножают страсть к карточной игре.

Императрица знала всех своих придворных, которые вели крупную карточную игру. Узнав, что у ее статс-секретаря Попова по ночам съезжаются для большой игры, она спросила его:

– Играете ли вы в карты?

– Играем, государыня, – отвечал он.

– В какую игру?

– И в ломбер (L'ombre) играем.

– Ваш ломбер разорительный, – рассмеявшись, сказала императрица.

До сведения Екатерины дошло, что генерал Левашов ведет большую азартную игру. Государыня при встрече говорит ему:

– А вы все-таки, несмотря на запрещение, продолжаете играть?

– Виноват, ваше величество, играю иногда и в коммерческие игры.

Двусмысленный ответ обезоружил гнев

императрицы.

Этот В.И. Левашов не изменял своего образа жизни до самой смерти и то и дело выигрывал и проигрывал большие деньги.

Уже позднее, в царствование императора Александра I, Левашов был замешан в каком-то крупном проигрыше. Государь, встретив Левашова, сказал ему:

– Я слышал, что ты играешь в азартные игры?

– Играю, государь, – отвечал Левашов.

– Да разве ты не читал указа, данного мною против игроков?

– Читал, ваше величество, – возразил Левашов, – но этот указ до меня не относится: он обнародован в предостережение «неопытных юношей», а самому младшему из играющих со мною пятьдесят лет.

В Екатерининское время слыл за самого отчаянного азартного игрока известный вельможа века императрицы Петр Богданович Пассек. Проигрыши и выигрыши этого страстного игрока ежедневно доходили до многих десятков тысяч рублей. Про Пассека существует следующий рассказ. В одну ночь он проиг-

рал несколько десятков тысяч рублей, долго сидел у карточного стола и задремал. Как вдруг ему приснился седой старик с бородою, который говорит: «Пассек, пользуйся, ставь на тройку три тысячи, она тебе выиграт соника, загни пароли, она опять тебе выиграт соника, загни сетелева, и еще она выиграт соника». Проснувшись от этого видения, Пассек ставит на тройку три тысячи, и она сразу выигрывает ему три раза.

Существует также очень характерный анекдот про одного из вельмож из «стаи славной» императрицы: играя в присутствии самой Екатерины и почти всего двора чуть ли не с Прусским королем, и видя неминуемую гибель всего своего огромного состояния принужден был съесть пикового короля, чтобы только игра эта считалась неправильною.

Как мы уже говорили выше, в конце царствования Екатерины II в Москве особенно сильно развилась азартная карточная игра. Это обстоятельство заставило государыню принять крутые меры. Августа 7-го 1795 года императрица писала к главнокомандующему Москвы, действительному тайному советнику

ку Михаилу Михайловичу Измайлову: «Не оставьте подтвердить всем тем, кои в представленном от вас списке поименованы, дабы они от упражнений в разорительных играх всемирно воздержались под страхом нашего гнева и неизбежного взыскания по законам».

В списке картежников, посланном Измайловым к Екатерине II, были такие вельможи и сановники, как, например, Ив. Арханов, князь А. Урусов, князь Василий Сибирский, Ал. Давыдов, Ал. Акулов, Ал. Бибииков, князь Мих. Хованский, С. Тимирязев, Ив. Гарновский, князь Ив. Шаховский, Як. Ханьков, Ст. Лачинов, князь Дм. Голицын, князь Ал. Мещерский, Федор Рахманов, Ник. Болтин, Юрий Нелединский; были и иностранцы, содержатели игорных домов, как Бахтазар, Манчалли, Штироли и Пиндорелли. Поводом к составлению этого списка, как говорит А.Т. Болотов, послужил проигрыш казенных денег московским почтамтским кассиром Шатиловичем. Он проиграл 26 тыс. и из боязни наказания отравился, но умерший оставил после себя список, с кем он играл. Этим реестром воспользовался главнокомандующий Измай-

лов, распределил сумму между игравшими и тотчас же ее собрал. Говорили, что попало в список много таких, которые кассира Шатиловича и в глаза не видали.

После этого случая в Москве ходило много слухов про игроков. Так, рассказывали, что, несмотря на величайшие строгости относительно карточных игроков, где-то в игорном доме были забраны приказные с отставными офицерами и последних посадили на три месяца в смиренный дом, а приказных публично на перекрестках наказывали плетьюми. И после этого был выдан приказ, что всем квартальным майорам дана привилегия в частях своих въезжать в дома, как скоро где усмотрят они собрание и карет много, и посмотреть, в чем упражняется хозяин. Эти меры, по слухам, многих удерживали от азартной игры.

По словам современников, в последние годы царствования Екатерины II карточная игра усилилась до колоссальных размеров — дворяне почти только и делали, что сидели за картами; и мужчины, и женщины, и старые, и молодые садились играть с утра, зимою еще

при свечах и играли до ночи, вставая лишь пить и есть, заседания присутственных мест иногда прерывали, потому что из самого заседания вдруг вызывали членов к кому-нибудь на карты, играли преимущественно в коммерческие, но много и в азартные игры. Составлялись компании обыграть кого-нибудь наверняка; поддерживать себя карточного игрою несколько не считалось предосудительным. Карточная игра больше всего содействовала тому, что многие тратили больше, чем получали, что стали продавать свои имения и даже завели обычай, на первое время всех сильно поразивший, продавать людей без земли, особенно в рекруты, чиновники – растрачивать казенные деньги, дворяне – вступать в откупы и т. п.

В эти годы дошло до того, что зимой в Москве в публичных собраниях и клубах и в маскарадах вовсе почти не танцевали, и все садились за карточные столы. Даже музыка больше часа не играла, и, как пишет А.Т. Болотов, плясывали иногда по-русски, но и тут с топаньем и кричаньем и дурно – и то при разъезде, подгулявши.

Почти все сановники Екатерины II были большие охотники до карт, так, канцлер Безбородко нередко целые ночи проводил за зеленым столом. В карточной игре Безбородко не был счастлив, что можно заключить из писем к нему А.И. Моркова; последний от 5 апреля 1782 года говорит: «Сожалею, что вы так худо ведете свои дела в картах. С этой стороны я гораздо вас спокойнее. Как в день гульденов шесть выиграю, так вся Гага мне завидует. Женщины здесь прескверные и по большей части мошенницы: воруют в игры так, что глазом мигнуть нельзя». В другой раз он пишет, поздравляя Безбородко с Новым годом: «Позвольте мне при сем поднести вам маленький календарь, весьма полезный не для чисел, но для ведения карточных счетов».

Богатый граф С.П. Румянцев, блестящий вельможа времен Екатерины, человек высокого ума, большой образованности, был до глубокой старости подвержен картежной страсти, которой предавался, так сказать, запоем. Он запирался иногда на несколько дней с игроками, проигрывал им баснословные суммы и переставал играть впредь до нового

запою.

Относительно карт существует рассказ, что Безбородко просил у Екатерины II позволения стрелять из пушек на своей даче на Неве. Государыня, удивленная просьбою, не отказала своему любимому секретарю. Вскоре лейб-медик Роджерсон, играя в вист, по рассеянности начал делать ошибки (ренонсы), а хозяин-граф приказал каждый раз извещать об этом пушечными выстрелами. Шутка эта так раздражила вспыльчивого лейб-медика, что едва не кончилась крупной ссорой.

Наши баре в старину любили тешиться над своими партнерами, как мы выше уже говорили. Потемкин любил играть в карты с калмыком. А известный эксцентрик П.А. Демидов тоже имел у себя такого же чудака для игры в карты – армянина, известного в то время в Москве под именем Тараса Макарыча, человека недалекого ума, но страстного игрока и пьяницу. Демидов играл с ним в карты, отмечая выигрыш на его лице углем, и нередко, напоив мертвецки пьяным, он отвозил домой в гробу этого партнера вместе с выигрышем.

Карточною игрою в молодости увлекался до страсти и поэт Державин; вскоре по возвращении в Петербург, после Пугачевщины, в конце 1775 года, он на оставшиеся у него 50 руб. выиграл в короткое время 40 000 руб. (см.: «Записки Державина»). Потом, познакомься с князем Вяземским, он часто у него бывал и проводил с ним дни, забывая время в карточной, тогда бывшей в моде игре в вист. Впоследствии Державин, хотя и не оставлял совсем карточной игры, однако ж более уже не предавался ей с увлечением.

Державин в своей страсти к картам сознается так: «Иногда на торжище праздности и любостыжания сидел я за горами золота, передвигал его туда и сюда, желая и у ближнего притянуть к себе не принадлежащее имение или ему свое бросить. И тут я чего не делал? то в кости, то в карты, то в шары, то в шашки, а иногда – о, грешен окаянный! – загибал я и уголки. Иногда принимался я важничать, морщился и протирали глаза свои и сказывал, что у меня от работы голова кругом катится, хотя, впрочем, так же как и прочие люди, чужими руками жар загребал; проигрывал я

ночь в рокамболь, а поутру за делами дремал на диване». Пушкин тоже во время пребывания своего в южной России куда-то ездил за несколько верст на бал, где надеялся увидеть предмет своей тогдашней любви. Приехав в город, он до бала сел понтировать и проиграл всю ночь до позднего утра, так что прогулял все деньги свои, и бал, и любовь свою.

В прошлом столетии карты положительно владели всем высшим обществом. При императрице Елизавете, как говорит императрица Екатерина II, игра в *фараон* составляла занятие всех придворных дам сутра до поздней ночи. Сама императрица в то время должна была принимать участие в таком препровождении времени; позднее, в царствование Екатерины II, в известные дни в Эрмитаже, куда собирались придворные дамы и гвардейские офицеры, всегда составлялись партии в *ламуш*, *бостон*, *реверси* и *пикет*. В частных домах в ее время у наших бар, кроме этих игр, играли очень сильно в *банк*, *штос*, *квинтич*, *крепе*, *пасдис* и *ландскнехт*.

Князь Вяземский в своих записках рассказывает, что он знал одного неллицеприятного

и беспристрастного сына, который говорил ему, что покойный отец его в конце прошлого столетия выиграл у приятеля своего 20 тыс. руб. на клюкве. Вот как это происходило. Он предложил добродушному приятелю своему угадывать, в которой руке его цельная клюква, в которой – раздавленная. Разумеется, заклад был определен в известную сумму. Игра продолжалась около двух часов. Нужно ли добавлять для простодушного читателя, что вызванный на игру назначал решительно всегда невпопад?

На всех почти публичных маскарадах, гуляньях сто лет тому назад были «горницы для игранья в карты». Так, в Большом театре в Петербурге, давая маскарады, машинист Данпери и танцовщик Ганцомес извещали публику, что у них будет допущена и игра в карты.

Самые же карты в то время стояли невысоко в цене, и, как видно из публикации в «С.-Петербургских ведомостях», цена их на публичных маскарадах была 2 руб. 60 коп. за дюжину. Карты в то время были выписаны из-за границы, а также и петербургского изделия. Карты отдавались на откуп. Откупщиками

карточного дела были именитый гражданин Злобин и с. – петербургский купец Чеблоков.

Император Павел I, когда в 1797 году 16 декабря запретил привоз иностранных карт и возвысил сбор за клеймение карт, установленный в пользу Воспитательного дома, то дал Чеблокову шпагу и медаль на голубой ленте, а Злобину – одну медаль. Злобин не пожелал выйти из купеческого звания. Он считался богатейшим из откупщиков, но при всем своем богатстве отличался большой простотой, видом он был очень некрасив, неуклюже толст, из лица красен и вдобавок кос и при том большой заика, ходил он в русском платье и с бородой. Сыновья у него были очень хорошо воспитаны, и один из них был зятем графа Сперанского. Жена Злобина ходила в большом кокошнике на голове и телогрейке, вся одежда ее была из золотой парчи и усыпала жемчугом крупными бриллиантами и другими драгоценными камнями, кокошнику нее так был велик, что не мог пройти в двери, и входила она всегда боком. По рассказам, бриллиантовых вещей у нее было так много, как ни у одной из тогдашних ари-

стократок.

В Екатерининское время в Петербурге существовало восемь немецких карточных фабрик, из них одна принадлежала Воспитательному дому. Позднее, в начале нынешнего столетия учрежденная под покровительством императрицы Марии Федоровны Александровская мануфактура стала выделывать по способу Деларю по 14 000 колод ежедневно, но за всем этим она не могла удовлетворить требованиям тогдашнего общества, и карты всегда распродавались быстро, без всякого остатка. Наши карты отличаются достоинствами высшего качества.

Первые у нас карты были тарокко, это собственно название итальянское: карты для игры, называемой *тарокк* оттого, что, как говорят, были изобретены в провинции Таро, в Ломбардии, впервые стали употребляться в Польше, откуда и перешли к нам. Тарокковые карты представляют фигуры самые странные. Они употребляются во Франции для составления так называемой большой игры (*grand jeu*) у карточных гадалщиц.

В Англии игральные карты появились ра-

нее, нежели во Франции. Там в обществе существует два рода игральных карт, английские карты употребляются в Соединенных Штатах и в Канаде.

В Германии карты сохранили некоторые отметки средних веков: к королям, дамам и валетам был присоединен четвертый род фигур – рыцарей. Полная колода карт французских – 52, в Германии колода долго заключала в себе 64 карты и между ними – 21 козырных, носивших названия *дьявола, смерти* и т. п.

Карты тарокко состоят из 78 штук, в Италии, в Швейцарии и во Франции тарокко по сейчас сохранило свой первоначальный вид: масти тарокко называются *чаши, динарии палки и мечи*, а в козырях те же старые аллегорические фигуры средних веков христианской эры. Испанские карты, или карты Гомбре – числом 48, такие карты выделываются в большом количестве в Германии для вывоза в Южную Америку, в Мексику и Калифорнию. В прежние времена спинка карт была белая, на спинках только тарокко и испанских были рисунки или крап; от этого и получилось название *крапленые* присвоенное картам, име-

ющим это украшение. Впрочем, последнее название у нас теперь понимается иначе крапленые карты – это такие, которые побывали до игры в руках шулеров.

Игральные карты имеют большое применение в гаданьях у людей суеверных, прибегающих к дознанию будущего. Искусство узнавать будущее по распоряжению игральных карт не особенно старо и у нас в России восходит не ранее начала нынешнего столетия. Привезено оно к нам из Франции, матерью гаданий надо признать известную девицу Ленорман. Многие из наших офицеров, бывших в 1814 году в Париже, посещали из любопытства квартиру этой знаменитой ворожеи на Турнонской улице, под № 5. Девица Мария Ленорман приобрела себе славу во время Консульства и Империи. Искусством прорицания девица Ленорман занималась более пятидесяти лет. Пишущему эти строки приводилось знать в Москве одну богатую помещицу госпожу Кр-ну, судьбу которой Ленорман предсказала как по-писаному. Эта барыня в силу ее предсказания, что она умрет ночью, никогда не спала ночью, когда спят люди, а

спала днем и, чтобы не знать часа смерти, приказывала во всем доме испортить все часы с боем, чтобы не знать времени. В числе странностей этой барыни было также и то, что она не употребляла никогда для мытья воды, а на место последней какую-то мазь. Кр-на ездила несколько раз в Париж к Ленорман и раз по просьбе Аракчеева, портрет и оттиск с ладони которого возила к ней для узнания судьбы временщика.

Деятнадцати лет от роду Ленорман уже была известна как хорошая предсказательница и нередко за свои предсказания платилась тюрьмой. Славу Ленорман сделал Наполеон: она предсказала молодому артиллерийскому поручику по чертам на ладони, что он выиграет не одно сражение, покорит царства, будет владычествовать и удивит мир. Эта Сивилла во всех случаях давала советы и императрице Жозефине, которая и покровительствовала ей в благодарность за ее блистательные предсказания.

В Петербурге известных гадалщиц на картах было немного: в начале этого столетия – старуха-немка Штольц и в сороковых годах –

на Бердовом заводе чухонка, известная под именем Марфуши.

III

Гроза на картежников в Павловское время. – Случай с Бесковым, рассказы С. Глинки. – Петергофская дорога и ее картежные притоны. – Картежная Аспазия. – Игра на ярмарках. – Л.Д. Измайлов. – Характеристики этого игрока. – Редкий проигрыш и отыгрыш. – Игроки брата Н-ы. – Проигрыш крупного состояния. – Савва Яковлев

В царствование императора Павла I особенно строгие меры последовали против игроков. Полиция в то время имела приказание прямо являться в дома, где велась игра, и забирать играющих. С. Глинка в своих воспоминаниях рассказывает о том, что после строгого запрещения банка в 1797 году и всяких поздних собраний в столице тогдашний обер-полицмейстер Эртель, проезжая раз ночью Арбатом, увидев свет во втором этаже одного каменного дома, поспешил туда войти и застал игру. На беду здесь случился поручик Архаровского полка Бессонов, казначей своего

батальона. Не участвуя в игре, он спал в комнате на диване. Обер-полицмейстер разбудил его, Бессонов сказал:

– Оставьте меня, завтра нашему батальону ранний смотр. Вы видите, что я спал. Не стыдите меня перед начальником. Для меня честь дороже жизни.

– Ступайте, – прикрикнул Эртель.

– Иду! но только смотрите, чтобы вы не раскаялись.

Часа в четыре ночи привели игроков и Бессонова в дом начальника полка, где по тогдашнему обыкновению стояли и полковые знамена. Выходит Иван Петрович Архаров, разбуженный тревогою, в колпаке и халате. Взглянув на Бессонова, он сказал:

– Как, и ты здесь?

Посадили приведенных под знамена. На заботливые расспросы начальника полицмейстер признался, что Бессонова он застал спящим.

– Грешно было тебя, братец, будить!

Смущенный Эртель просил дозволения сказать Бессонову, что до него не будет дела.

– Не надобно было и заводить шума, – при-

бавил Архаров. – Поди, братец, поправь свой грех.

Эртель пошел к Бессонову и сказал, что он свободен.

– Поздно! – закричал Бессонов – Я говорил тебе, не води меня сюда, ты привел: вот тебе!

Была схватка, Бессонов отдан был под суд. Офицеры полка были судьями, они плакали, но в силу устава Петра I выставили в приговоре: «Лишение руки». Впрочем, до развязки не дошло, приговор хотя и был послан императору, но за примирением соперников Бессонов был прощен.

Тот же С. Глинка, рассказывая про большую азартную игру в то время, говорит, что С.Ю. Храповицкий, служа в Крыму, спустил все родовое имущество в бездну карточную. Последний намекает, что счастливым партнером последнего был известный герой Отечественной войны М.И. Кутузов, про которого тогда говорили его товарищи: «Кутузова и в картах никто не перехитрил». Но никогда так азартно игры у нас не процветали, как с восшествием на престол императора Александра I. Этот государь вынужден был издать указ

«об истреблении непозволительных карточных игр», где между прочим было сказано, что «толпа бесчестных хищников, с хладнокровием обдумав разорение целых фамилий, одним ударом исторгает из рук неопытных юношей достояние предков, веками службы и трудов уготованное». На этом основании в то время всех уличенных в азартных играх приказано было брать под стражу и отсылать к суду.

Особенно славилась в эти года Петергофская дорога своими трактирами, где велась тогда адская игра. Эта дорога в те времена была сильно оживлена, гвардейские полки стояли в Стрельне и в Петергофе, ездить в Петербург офицерам без разрешения великого князя не дозволялось. Подписанные дозволения осматривались на заставе. Вследствие этого обстоятельства как почтовые станции, так и все трактиры по этому тракту были полны офицерством, любившим, как тогда говорили, *сушить хрусталь и попотеть на листве*; последнее обстоятельство также называлось *бессменным советом царя Фараона*, т. е. тут метали банк от зари до зари.

Особенно сильная азартная игра велась в Красном кабачке, который содержала немка-маркитантка вся в медалях и крестах на груди; по рассказам, иггранных карт по углам комнат накапливалось так много, что каждый день их собирали лопатами и вывозили возами.

Там за зелеными столами нередко можно было видеть молодцов военных, которые только и знали, что карты и дуэли. Ужасные шрамы на их лицах, очевидно, свидетельствовали о их подвигах, у некоторых бывали и вечно зашнурованные рукава. Были и такие здесь красавцы-молодцы, у которых победы были больше мирные, и не проходило Божьего дня, в который бы они не притащили с собой или денег, или бриллиантов, или каких-нибудь других вещей от какой-нибудь пребогатой графини или княжны, предававшейся им и душой, и сердцем. И все эти вещественные отношения ставились на карточных дам.

Житье того времени носило характер бивуачный; много еще было в полках старых былых служак, участников наполеоновских

войн и походов за границу. Общество офицеров по большей части состояло из старого русского дворянства, жившего не только богато, но подчас и расточительно.

И нередко можно было найти по Петергофской дороге какую-нибудь по внешности развалившуюся крестьянскую избушку, внутренность которой была убрана с изумительной восточной роскошью: неровный и дырявый пол устлан разными персидскими коврами, дверь в избу завешена гобеленом, стены также убраны драгоценными коврами савонери, лавки покрыты красным сукном, простой деревянный стол с ковровой салфеткой, на котором стоял серебряный чайный сервиз, а на окнах расставлены серебряные принадлежности дорожного погребца. В углу стояла складная кровать, на которой подчас лежала молодая красавица, окутанная в дорогую шаль и в легком дезабилье, обшитом дорогами блондами и кружевами.

Такая Лаиса или Аспазия, интимная приятельница какого-нибудь усача-банкомета, была посвящена во все тайнства игры и во все плутни шулерства; она была здесь временная

гостья, дормез ее или каретка в четверку лошадей стояла на постоялом дворе. Госпожа эта приезжала сюда на денек или два помочь своему другу в картежных делах. Постоянная квартира у ней была в городе. Ее знала вся кутящая молодежь. Жизнь ее верно определял романс, говоря:

*Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал,
Всякий искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал...*

И нередко веселые гости такой прелестницы после нескольких бокалов «искрометного Аи», закладывали банчишко, в конце которого иной гость оставался без тугонабитого бумажника, а другой уходил домой и без родового имения.

Про азартную игру этих забытых былых времен находим несколько эпизодов в рассказах С. Славутинского и С.П. Жихарева. Так, последний рассказывает, как он был в Москве в гостях у известного откупщика П.Т. Бородина, и как в кабинете хозяина на двух больших круглых столах кипела такая чертовская игра в банк, что «от роду, – восклицает Жихарев, –

я не видывал столько золота и ассигнаций. На одном столе металы попеременно князь Шаховской, Чертков, Киселев и Рахманов (дядя известного гастронома, игрок, выигравший более 2 млн. руб.). На другом – братья Дурново, Михель и Раевский; понтировало много известных людей. Какой-то Колычев, небогатый вологодский помещик, проиграв 5 тыс. руб., очень хладнокровно заплатил и отошел». В другой раз Жихарев рассказывает, как, Ст. Шиловский выиграл 5 тыс. у генерала Измайлова, и тот заплатил ему деньги не только без неудовольствия, но еще впридачу подарил ему славного горского полевика. Этот Л.Д. Измайлов, известный рязанский и тульский помещик, любил все шумные и разгульные удовольствия, ради них он посещал Лебедянскую ярмарку, где тогда собирались для покупки лошадей все ремонтеры кавалерийских полков и помещики, коннозаводчики Тамбовской и соседних губерний, почти все считавшие обязанностью играть здесь бешено в карты, пьянствовать, кутить и буйствовать напропалую. Измайлов любил на ярмарке выказать во всей красе пред многими

достойными лицами свою бестолковую помещичью роскошь, свое крайне разнузданное самодурство. Измайлов был очень богат; здесь он проигрывал по 100 и более тыс., ставя на одну карту по 10 тыс. Измайлов любил только простые, русские потехи – псовую охоту, скачки на дальние расстояния, борьбу, кулачные бои, гулянки с попойкой и адской игрой по целым ночам.

Гости его всегда должны были быть готовыми на все, что ему было угодно. Он не чинился с ними, и провинившихся в потехах наказывали «лебедем», т. е. огромной пуншевой чашею, которую приходилось осушить в один прием, а также и арестом на хлебе и воде. Портрет Троекурова в повести Пушкина «Дубровский» списан с Измайлова.

Когда он командовал рязанским ополчением в 1812 году, то каждый день ополченские офицеры обедали и ужинали у него поголовно. Полтораста лихих троек находились в распоряжении их – кататься, сколько душе угодно!

Во время похода за границей он удивлял роскошью немцев; в заграничный поход из

собственных своих средств он истратил на ополчение громадную для того времени сумму – миллион рублей.

С лишком пятьдесят человек из крепостных служителей – камердинеры, официанты, простые лакеи, казаки, кучера и псары – сопровождали его; не забыл он тоже взять с собою несколько лиц и из женской прислуги, особенно печальном значении которых нечего и распространяться. Охотничьих его собак, борзых и гончих, везли в больших, нарочно для того устроенных фургонах. Лучшие из этих собак имели особенный костюм: какие-то епанечки на спинах, какие-то шапочки на головах.

У него был еще слуга под названием Гусек, обязанность которого была разъезжать по его деревням в особенном экипаже, называвшемся «лодкою», для сбора девок на генеральские игрища. У него находился целый штат песенниц и плясунов. Все почти рязанские дворяне так и льнули к нему, составляя постоянную его свиту, сопровождая его толпами на картежную игру, псовую охоту, на скачки, на игрища и всюду, где он изволил тешиться.

Жихарев про Измайлова говорит, что он, бывало, напоит мертвецки пьяными человек пятнадцать небогатых дворян-соседей, посадит их еле живых в большую лодку на колесах, привязав к обоим концам лодки по живому медведю, и в таком виде спустит лодку с горы в реку; или проиграет тысячу рублей своему приверженцу Шиловскому, вспылит на него за какое-то без умысла сказанное слово, бросит проигранную сумму мелкими деньгами на пол и заставит подбирать его эти деньги под опасением быть выброшенным за окошко!

Вот как описывает очевидец молодецкий проигрыш и еще более молодецкий отыгрыш Л.Д. Измайлова. Он понтировал у князя Урусова державшего огромный банк вместе с князем Шаховским и многими другими дольщиками. Измайлов приехал с какого-то обеда вместе со своими рязанскими приспешниками. Войдя в залу, сел в некотором отдалении от стола, на котором метали банк, и задремал. Банкомет спросил его, не вздумает ли он поставить карту. Измайлов не отвечал и продолжал дремать. Банкомет возвысил голос и

спросил громче прежнего:

– Не поставите ли и вы карточку?

Измайлов очнулся и, подойдя к столу, схватил первую попавшуюся ему карту, поставил ее темною и сказал:

– Бейте пятьдесят тысяч рублей.

Банкомет положил карты на стол и стал советоваться с товарищами.

– Почему же не бить? – сказал князь Шаховской. – Карта глупа; а не бивши – не убьешь.

Князь Урусов взял карты и соника убил даму. Измайлов не переменялся в лице, отошел от стола и сказал только:

– Тасуйте карты, я сниму сам.

Банкомет стасовал карты и посоветовался еще раз с товарищами. Измайлов пошел опять к столу и велел прокинуть. Урусов прокинул. Фоска идет 50 тыс.! – и по втором абцуге Измайлов добавил 50 тыс. мазу. У банкомета затряслись руки, и он взглянул на товарища так жалостно, что князь Шаховской не выдержал, усмехнулся и сказал ему:

– Ну, что ж? Знай свое, мечи да и только.

Банкомет повиновался, и через несколько

абцугов трефова девятка проиграла Измайлову. Окружающие его дворяне стали шептать ему на ухо, что не перестать ли, потому что, кажется, не везет, но этого довольно было, чтобы совершенно взволновать.

Измайлова, который все любил делать наперекор другим: он схватил новые карты, выдернул из середины червоную двойку и сказал: «Полтора ста». Банкомет помертвел и остолбенел: минуты две продолжалась его нерешимость, но князь Шаховской опять ободрил своего собрата:

– Чего испугался? Не свои бьешь.

Урусов заметал; долго не выходила поставленная карта, и все присутствующие оставались в каком-то необыкновенно-томительном ожидании, устремля неподвижные взгляды на роковую карту, одиноко белевшуюся на огромном зеленом столе, потому что другие понтеры играть перестали. Наконец князь Урусов против обыкновения своего стал метать, не закрывая карт своей стороны, и червонная двойка упала направо «Ух!» – вскрикнул банкомет. «Ух!» – повторили его товарищи. «Ух!» – возгласила свита Измайлова, но-

сам он, не изменившись в лице и не смутившись, отошел от стола, взял шляпу, поклонился хозяевам и сказал:

– До завтра, господа, утро вечера мудренее. – И вышел вон добрее, чем вошел.

Тут начались совещания: надобно ли будет завтра продолжать метать ему банк или удовольствоваться этим выигрышем. Большинство голосов решено было метать до миллиона, но проигрывать не больше настоящего выигрыша. На другой день в Москве ходили уже слухи, что Измайлов проигрался. Чтобы забыть о проигрыше, Измайлов купил знаменитого рысака Красика у Лопухина, заплатив за него почти баснословную цену по тому времени – 7 тыс. руб. Вечером Измайлов был опять у Урусова. Долго шла игра, но Измайлов как будто не решался принять в ней участие. Только после ужина придвинулся он к столу и поставил на две карты 75 тыс. руб. Банкомет метал уже без робости. Обе карты выиграли Измайлову, он загнул их и сказал: «На следующую талию». Урусов стасовал карты. Измайлов поставил две новые карты и, не взглянув на них, загнул каждую мирандомом. По

второму абцугу он вскрыл одну карту, которая оказалась десяткою и уже выигравшею соника; он перегнул ее и сказал: «По прикидке», – вскрыл между тем другую карту, которая тоже оказалась десяткою и, следовательно, также выигравшею, он перегнул и положил на первую очень спокойно, как будто дело шло о десятках рублей, а не о его родовом имени Деднове, с которым он в случае дальнейшего проигрыша решился расстаться. У князя Урусова заходили руки, но делать было нечего, карты поставлены мирандолом и отступить не было возможности. После нескольких абцугов десятка опять выиграла; банкомет бросил карты и встал из-за стола, а Измайлов прехладнокровно предложил ему загнуть мирандоль, но банкомет не согласился.

– Ну, так мы квиты? – сказал Измайлов и тотчас же уехал домой, где его уже ждали с поздравлениями цыгане, с песнями и плясками по случаю покупки Красика.

Мне передавал покойный коннозаводчик И.П. Петровский про Измайлова, которого он знал лично в своей молодости, что последний

для игры приезжал всегда со скачки в Петровский парк к содержателю одного французского ресторана, у которого для игроков в саду была выстроена особенная беседка. Здесь метал крупный банк, и шла такая азартная игра, которая и не снилась нынешним игрокам. За зелеными столами там заседали такие тузы, как братья Мосоловы, Всеволожские, Чемменский, побочный сын графа Орлова, Чемоданов, Савелов, Яковлев-Собакин, Гундоров, Гусятников и многие другие. Измайлов до игры садился всегда в большие вольтеровские кресла и после легкого всхрапа протирал глаза, выпивал холодного квасу, подымал с полу первую валявшуюся карту и ставил, если это была не фигура, на каждое очко по тысячам и после выигрыша или проигрыша в несколько тысяч с вольным сердцем молча выходил из комнаты, садился на линию и возвращался домой.

Много рассказов ходило в Москве про двух братьев Н.; игру одного из них считали даже нечистою. При посещении этого игрока в кабинете его изумленный посетитель на одном из столов находил целую меняльную лавку.

Здесь в правильных столбиках стояла звонкая российская монета всякого достоинства, начиная от золотых лобанчиков и полуимперялов до серебряных пяточков и рублевишков. Он не играл иначе, как на звонкую монету, и таким привлекательным видом золота и серебра соблазнял не одного молодого игрока. Рассказывал также, что у него на диване лежала подушка, набитая скомканными ассигнациями. По рассказам, годовой его оборот на зеленом поле исчислялся не одним миллионом рублей, и чтобы играть с ним, некоторые из любителей азартной игры играли только своими картами. Так, рассказывали, что он ухитрился выиграть у известного московского богача М. П-на все его миллионное состояние. Последний, чтобы застраховать себя от его мошенничества, играл с ним только у себя дома и своими картами, которые держал в шкафу под замком. Н. ухитрился подкупить слугу М. П-на и обменять все нижние игры карт на свои.

В один прекрасный вечер игра у М. П-на началась с Н. всерьез, и когда играли первыми верхними колодами, Н. проигрывал, но

как дело дошло до нижних, то М. П-н оказался чист, как сокол, даже без своего чудного дома на Тверском бульваре. Это так его поразило, что он не пережил недели и умер от удара. Карточную крупную карьеру братьев Н-в погубили известные на поприще казнокрадства братья-хлебосолы – один из братьев Н-в умер чуть ли не в крепости.

Большое недоверие к чужим картам питал и известный богач Савва Яковлев, но и его вскоре поддели на хитро придуманную штуку. Яковлев играл тоже только своими картами, которые держал под замком, но их сумели подменить краплеными ловкие шулера и в один вечер выиграть на них сотню тысяч. Рассказывали, что во время пребывания Яковлева в Париже он где-то играл, не выпуская из объятий одну французскую Цирцею. Покрываемый поцелуями красавицы, сидевшей у него на коленях, он не задумался поставить на одну карту миллион франков. Карта была проиграна. Яковлев сознался, что у него столько нет денег, чтобы сейчас расплатиться, и даже такой суммы не найдется и у его здешнего банкира. Но вот он дает документ,

и, эксцентричный во всем, он тщательно вырезает кружок зеленого сукна с ломберного стола и на нем пишет мелом: «Миллион франков, проигранный в Париже, – долг чести, уплачиваемый в Петербурге. Савва Яковлев». Сукно это тщательно было вставлено под стекло и отослано в Петербург, где и было уплачено в конторе отца-самодура.

IV

Игра в Английском клубе. – Шулерские плутни. – Центры азартных игр. – Шулер-иллюминат Перрен. – Князь А.Н. Голицын и его жена. – История рулетки. – Рассказы про старых шулеров. – Чудесная табакерка и не менее чудодейственный портсигар. – Азартная игра в Сибири. – Исторические шулера: Чивеничи и Долгашев

Игра в старину большая велась и в Английском клубе, и старые старшины говорили, что записные игроки суть корень клуба – они дают пищу его существованию, прочие же члены служат только для его красоты, его блеска. Доход от карт в былые годы доходил ежегодно почти до полутора тысяч

рублей. Можно судить, как велика была здесь игра. Я думаю, еще многие из членов этого клуба помнят генерала Су-а, что играл в пикет и палки по 25 руб. за фишку. Опытные игроки говорят, что всякая игра более или менее азартна, т. е. более или менее подвержена случайности. Обыкновенно азартными играми называют игры безкозырные. Но и так называемые коммерческие игры иногда опаснее неопытным новичкам: против них могут действовать умение противника и случайность в сдаче ему хороших карт, не говоря уже о некоторых соображениях, при которых хорошие карты непременно очутятся в его руках. В старое время, как мы выше говорили, общепринятая игра была *бостон*. Кто-то сказал, что в ней неминуемо иметь дело с двумя неприятелями и одним предателем, который идет тебе в вист. Всякая игра – бой: умение умением, но есть и доля счастья и несчастья, т. е. случайности, следовательно, азарта. Есть люди, предопределенные роковою силою неминуемому проигрышу. Американец Толстой говорил об одном из таких обреченных, что, начни он играть в карты сам с собою, то

и тут найдет средство проигратся.

В сороковых годах в N-ском гусарском полку служил богатый смоленский помещик Бавов, который очень любил играть в карты, но и очень боялся играть с незнакомыми. Он платил большие деньги за объяснение разных шулерских приемов. Так, у него была серебряная шестерка, которая при загибе угла превращалась в семерку. Она была так искусно подделана под настоящую, что даже самый опытный глаз не мог этого заметить. За эту шестерку он заплатил какому-то искуснику 2 тыс. руб.

Тоже некогда наделавшая столько шуму в обеих столицах зрительная труба с сильно увеличивающими стеклами, изобретенная каким-то моряком В., настоящим профессором карточной пестрой магии, была им куплена чуть ли не за 5 тыс. руб. Эта труба наводилась на играющих и из другой комнаты давала возможность легко отличать не только карты, но даже читать на них едва заметный теневой крап, т. е. меченый.

Нигде азартные игры не достигали таких чудовищных размеров, как в Москве; в этом

отношении также славился в былые времена и Тамбов. В Москве беспрестанно случались самые скандальные истории, где главная роль принадлежала картам. Так, в первых годах нынешнего столетия там был накрыт русским Сартином, обер-полицмейстером Н.П.Архаровым, большой игорный дом, содержимый парижским искателем приключений Дюкро, известным более под именем Перрена. Ловкий француз был большой мастер своего дела: он выдавал себя за несчастного эмигранта, потерявшего все состояние во время революции, но, в сущности, это был прехитрый шулер, погубивший многих молодых людей из лучших фамилий. У него была для виду квартира на Мясницкой, в доме Левашова, в доме Мартьянова, где собирались играть и кутить. У этого содержателя притона было много помощников обоего пола. В Кожевниках содержала квартиру мадам Пике и жила с хорошенькою швеею Шевато. Здесь играли в фараон, какой-то немец Мозер в качестве домашнего друга держал банк. По показанию хозяйки дома Пике, что в этом доме делалось, она сказать не могла, т. к. некоторые посети-

тели не встречались друг с другом и их принимали в особых кабинетах и они при входе виделись только с одним Перреном. Там бывали и женщины, и, как признавалась мадам Питке, как низко она сама ни упала, но стыдится объяснить все то, на что эти женщины решались и на что способны решиться. Когда был сделан обыск этой квартиры, то в особом кабинете была найдена небольшая лаборатория, собрание разных физических и оптических инструментов, много книг и рукописей по части алхимии, астрологии и магии, наконец несколько тетрадей с разными рецептами и средствами к сохранению молодости, красоты, обновлению угасших сил, возбуждению сердечной склонности, пропасть склянок с разными настойками и другими неизвестными жидкостями, множество заготовленных на разных составах конспект и, главное, сверх того большое количество фальшивых и крапленых карт и подделанной зерни. Как содержатель этого игорного дома Перрен, так и его сотрудники все были высланы за границу.

Главной жертвой этого Перрена был князь

Алекс. Ник. Голицын, внук знаменитого фельдмаршала князя Михаила Михайловича Старшего и сын обер-гофмаршала Екатерины II, князя Николая Михайловича. Этот князь Голицын отличался крайним самодурством, за которое в Москве его прозвали именем оперы, бывшей в то время в большой моде, *Cosa cara*. Про Голицына рассказывали, что он отпускал ежедневно кучерам своим шампанское, что он крупными ассигнациями зажигал трубки гостей, что он бросал на улицу извозчикам золото, чтобы они толпились у его подъезда, и проч. и проч. Голицын имел 24 000 душ крестьян – разумеется, все это громадное состояние пошло прахом. Голицын проиграл Перрену несколько сот тысяч; он подписывал векселя не читая, сумма прописанных денег на последних ставилась не буквами, а цифрами, так что заимодавцы на досуге легко приписывали к означенной сумме по нулю, а иногда по два и по три. Все прочие действия и расходы этого барина были в таком же поэтическом и эпическом размере. В последние годы своей жизни он получал личное денежное содержание от племянни-

ков своих, светлейших князей Меншиковых и князей Гагариных. Никогда он не сожалел о своей прежней пышности и о прежнем своем высоком положении в обществе, а наслаждался по возможности жизнью, был всегда весел духом, а часто и навеселе. Князь Вяземский говорит: уже принадлежавши Екатерининскому времени, он еще братался с молодежью и разделял наши невинные и винные проказы. В старости он сохранял вельможескую наружность. Жуковский, нашедши его по приезде в деревню к молодому Вяземскому близким домашним человеком и пеняя ему за некоторые другие его знакомства и связи, похвалил его за то, что он умел привлечь к себе такого степенного и почтенного старичка. Разумеется, он вскоре разглядел его и часто сам смеялся над своим скорым и опрометчивым приключением. Жена этого Голицына, урожденная Вяземская, при жизни его вышла замуж за графа Льва Кир. Разумовского. Князь Голицын, несмотря на шум в обществе, который наделал этот брак, не переставал вести дружбу с графом Разумовским, часто обедал у своей жены и нередко даже с нею пока-

зывался в театре.

Жена Разумовского, «отпущенница» Голицына, графиня Марья Григорьевна, под старость,[12] как и ее первый муж, сильно любила азартную игру. Играла она больше в рулетку на водах и особенно в Монако, куда ее привозили почти дряхлой старухой. Страсть наших бар к публичной азартной игре в Гомбурге, Эмсе, Бадене, Аахене, Спа и др. развилась почти с учреждением в этих местах игорных домов, и многие из русской знати избрали постоянным своим местом пребывания преимущественно Баден и Гомбург, где купили себе прекрасные виллы и дома. Начало рулеток в курортах надо приписать закрытию публичных игорных домов в Париже. Хотя последнее обстоятельство и расплодило там множество тайных притонов игры, но доход с этих заведений обогащал хорошеньких патронесс и их молодцев-греков. Здесь кстати сказать, откуда взялось название во Франции шулера «греком». В конце царствования Людовика XIV один греческий дворянин, по имени Апулос, был допущен ко двору. Он участвовал там в игре так удачно, что вскоре возбудил подозре-

ние по своему огромному счастью. Однако, несмотря на удивительную ловкость, он был пойман в плутовстве и сослан на галеры на 20 лет. Это происшествие наделало много шума, и с этого времени всякого желающего поправить свои дела бесчестным образом начали называть Апулосом или просто греком.

Но, возвращаясь к истории рулетки, мы видим, что рыцари *trente et quarante* по закрытии их домов в Париже оставались в бездействии и праздности, теряя даром золотое время. Привыкшие к огромным барышам, такие хозяева игорных домов – Беназе и Бри-соль – придумали найти для своих операций новое местечко, и вот они отправились на благодатный немецкий Рейн, на берегах которого было рассеяно много владений мелких немецких князей, и предложили им самые выгодные, самые щедрые предложения, получили привилегию, и рулетки с *trente et quarante* раскрыли свои заманчивые столы, и в курзал Бадена стало съезжаться народу более, чем в двадцать раз против прежнего. Из всех мест на Рейне, где шла публичная игра, самая сильная была в Гомбурге. Банк отвечал

там 400 000 франков и высшая маза или ставка 12 000 франков. Игра там продолжалась с 11 часов утра до 11 часов ночи. В Гомбурге некто Гарсия выиграл более миллиона франков, и три наши соотечественника сорвали несколько банков. Рулетка изобретена в Париже и введена в употребление в первый раз в салонах отелей Живри и Суасон, знаменитых по страшной игре, которая там происходила. Впоследствии братья Перрены усовершенствовали ее. Сначала они имели только нумера, числом 36, и два цвета – черный и красный. Перрены прибавили к ней чет и нечет, *manque* и *passé*, первую, вторую и третью дюжину, три колонны и главное два зеро, т. е. два плие или два такса, при которых все проигрывали. Игра в рулетку – самая азартная из азартных, в несколько минут можно потерять все состояние; в *trente* и *quarante* есть еще какой-нибудь расчет, который может руководить опытного и благоразумного игрока, в рулетке же – никакого. Рулетку не раз подвергали своим плутням шулера: один из таких, старый геометр, сделал рулетку, в которой черные клетки были несколько по-

больше, чем белые, для того чтобы шар в своем ходе имел более шансов падать на первые, чем на вторые. Чуть ли некогда в Петербурге, в одном игорном доме, прозванном «Мельницей», было сделано очень хитрое такое усовершенствование, и в игральном столе находили скрытый механизм, который направлял по воле хозяина в клетку чет или нечет. Маленькое движение под столом сжимало все четы, если он видел, что в чете стоит больше денег, и шар принужден был идти туда, куда не был прегражден вход. В то время, как это происходит, понтер считает красные и белые, справляясь с вероятностью, но что значит самые ученые выкладки против легкого движения коленом.

Вообще наши шулера ни в чем не уступали французским грекам. Сколько почти невероятных рассказов известно про их подвиги на ярмарках между ремонтерами и помещиками. В начале нынешнего столетия жил в Петербурге один из таких шулеров с совсем спокойною совестью, в довольстве и с многочисленными друзьями. Он выстроил себе в Петербурге великолепный дом, окруженный

садом (дом этот принадлежит одному из богатейших князей). По рассказам, в его кабинете между разными картинами первых мастеров Европы висела в золотой рамке пятерка бубен; повешена она была хозяином в знак признательности за то, что она рутировала ему в штос, который он когда-то метал на какой-то ярмарке и выиграл миллион.

В Москве в пятидесятых годах был известен один барин, принадлежавший к высшему кругу общества, с которым даже в коммерческие игры садились играть не иначе, как с условием, чтобы он никогда не тасовал и не сдавал карт, и он покорялся этому требованию с величайшим хладнокровием. Другой такой же профессор карточной магии и уверял, что только одни дураки могут играть в карты не наверное, и очень наивно признавался что он всего только два раза в жизни передернул.

– Помилуйте, господа, – говорил он, – войдите в мое положение: я метал банк, карта шла на 60 000, я подумал: «Жена, дети, семейство!» – подумал и передернул; поверьте, всякий, кто обладал бы таким же талантом, как я, сделал бы то же самое на моем месте.

Про этого же самого господина рассказывает Н. Макаров. Однажды в Москве он долго метал банк, понтеров было много, карт стояло еще более, за которыми надо было следить с напряженным вниманием. Утомившись, он посадил вместо себя своего товарища, а деньги, бывшие в банке, и выигрыш положил под подсвечник, как это часто делается. Игра шла своим чередом, игроки разгорячились и стали увеличивать куши. Товарищ, метавший банк, видя одну карту, которая пала на очень большой куш, передернул, но как-то неловко, так что мошенничество это тут же было замечено. Тот, у кого шла карта, схватил подсвечник и ударил им по лицу метавшего, другие понтеры схватили деньги и стали делить их между собой. Тогда наш господин, посадивший за себя товарища обратился к игравшим с следующей речью.

– Господа! На что это похоже! Он осел, личность его я предоставляю вам, делайте с ним что угодно, но деньги то брать не следует, это неблагородно!

Еще недавно здравствовал в Москве один барин, который играл только в коммерческие

игры, и играл так счастливо, что ему все завидовали, и если бы не один случай, то тайна его счастья так и умерла бы вместе с ним. Дело было в том, что этот господин, садясь играть, клал подле себя табакерку, на крышке которой находилась небольшая миниатюра артистической кисти Пето с изображением анакреонтической сцены. Партнеры любовались этой миниатюрой, брали в руки табакерку и рассматривали вблизи. Когда же начиналась игра, владелец подвигал табакерку к себе, брал из нее щепотку табаку и в это время незаметно трогал скрытую пружину, отчего на место миниатюры являлось небольшое выпуклое зеркало, с помощью которого он, сдавая карты и держа их над табакеркой, видел их все благодаря отражению в зеркале. Когда не надо было, он опять выдвигал медальон и вежливо предлагал своим жертвам понюхать табак. Но раз как-то скрытый механизм заупрямился, и предательница-табакерка выдала тайну коварного счастливица.

Аналогичная история с этим произошла и в наши дни на Николаевской дороге. Лет пятнадцать тому назад ехал в Петербург извест-

ный племянник не менее известного московского миллионера. Путь держал он в обществе очень богатого купца, но очень жадного на верный выигрыш, и еще некоего театрального мужа. Последний, как говорила скандальная хроника, владел чудодейственным портсигаром, внутренность которого сияла лучше всякого бриллианта и венецианского зеркала, выдавая предательски владельцу все карты его партнеров. Путь был дальний, друзья после приличного возлияния засели перекинуть в бакара; результат игры вышел такой, что магический портсигар помог артистическому мужу выиграть от благодушной слепоты 14 000 руб.

По рассказам сибиряков, там до того в старое время доходила азартная игра, что приказные ставили на кон своих жен и дочерей. Золотопромышленники во время золотой горячки играли везде, где только могли, и бывали случаи, что азартная игра возгоралась и между рабочими при выходе из промыслов. Так, на Енисейских промыслах на реке Ангаре по дороге идут деревни, названия которых явно свидетельствуют, что здесь предавались

азартной игре с неистовством. Вот клички этих поселков по порядку Мотыгино, Погорюй, Потоскуй, Поиграй и т. д. Счастливицы, как рассказывают, набив карманы ассигнациями, от кабака до кабака ездили в санях, запрягая на место лошадей баб и выходя в аршинную грязь, бросали ассигнации и ступали по ним.

Особенно процветала между служившими на промыслах игра в ремешок, искусство состояло в том, чтобы суметь попасть шилом в петлю и зацепить ремешок. В эту игру проигрывали немало денег тогдашние золотопромышленники С-вы, З-вы, Г-вы, С-вы. При Омском губернаторе служил один чиновник-немец, который ухитрился выиграть в эту игру до полумиллиона рублей. В Томске в старину было немало игорных домов. Из крупных был известен один, который держал ссыльный француз, известный под кличкой Тала бала. Другой содержатель такого же игорного дома, еврей Х, настолько был жаден на выигрыш, что когда все гости входили домой, то он садился играть с своим слугой и отбирал от него все деньги, которые он выручал

с гостей за карты.

Во время существования кабинетских крестьян в городе Барнауле карточная игра между горными инженерами доходила до колоссальных размеров. Там играли суток по двое подряд, пока не сваливались под стол. В этом городе существовала в одном доме, отделанном с полуазиатской роскошью, «академия игры», где метали банк и играли в другие азартные игры на сотни тысяч в вечер.

Как ловкий шулер в Москве и Петербурге был известен в двадцатых годах некто Чивеничи; он служил прежде в одном из кавалерийских полков, существовал же игрою в карты, да покупкою, меною и продажею лошадей. Жизнь он вел очень открытую и богатую.

Чивеничи прославился по крупному мошенничеству. Он воспользовался бывшим в Петербурге большим наводнением, сочинил Высочайший рескрипт на имя одного московского богача, грека Сивениуса, подписался под руку императора Александра I, в рескрипте повелевалось Сивениусу ссудить его величество полумиллионом рублей ассигнациями для вспомоществования пострадавшим от

этого несчастного события, вручить эту сумму высочайше командированному Чивеничи, с этим еще в рескрипте значилось, чтобы Сивениус доверил еще Чивеничи и драгоценную жемчужину, которую государю благо-угодно было показать прибывшим тогда заграничным августейшим особам, причем вменялось ему обо всем этом хранить величайшую тайну.

Чивеничи, явясь к Сивениусу, вручил ему поддельный рескрипт, а этот богач, обрадованный таким милостивым вниманием государя, поспешил выдать Чивеничи как требуемые деньги, так и жемчужину. Получив сокровища, Чивеничи приехал в Петербург, затеял там свадьбу с классной дамой Смольного монастыря, любимицей покойной императрицы Марии Феодоровны, и намеревался, вступив в брак, уехать немедленно за границу. Но случилось, что вскоре обман его нечаянно был открыт Московским Военным генерал-губернатором князем Голицыным. Последний немедленно дал знать об этом в Петербург, Чивеничи был схвачен и посажен в Петропавловскую крепость, жемчужина и

деньги, за исключением небольшой суммы, проигранной им, были от него отобраны и возвращены Сивениусу. Чивеничи впоследствии, в 1826 году, был вместе с женою изгнан за границу, в Турцию, там он тоже что-то напроказил и едва ли избег смертной казни.

Не меньшею славою такого же карточного хищника гремел в конце двадцатых и начале тридцатых годов в Петербурге некто Долгашев, он же Смоленский – очень загадочная и непонятная личность. Этот весьма вредный господин был самый искуснейший игрок как на билиярде, так и в картах, в игре на билиярде ему не было соперников в Петербурге; он почти жил у ресторатора Лефана (потом Дюссо), где особенно ловко обыгрывал своих жертв, особенно молодых и богатых людей. Квартира этого Долгашева была в Морской, отделана очень роскошно и изящно и полна всевозможными редкостями, на окнах стояли драгоценные амфоры чуть ли не времен Сарданапала, этрусские вазы, современные Аннибалу, сыну Амилькара, саксонский фарфор времен короля Августа, мебель Людовика XVI и других царственных особ Франции и Ита-

лии. Кровать, на которой он почивал от трудов своих, принадлежала несчастной королеве Марии Антуанетте. Долгашев вполне понял, что наши жуиры снизойдут до каких угодно ступеней, только умеете обставить грязь известным блеском изящества. Он хорошо знал, что наши благородные игроки с тугими бумажниками любят комфорт и покой для того, чтоб их занятие вышло как можно изящнее. На этот высший тон игры и избранное общество очень манится, в особенности разные зажиточные интенданты, купцы, банкиры, которые после денег всегда больше всего гоняются за избранным обществом. Разнужданный порок скорее всего отталкивает не потому, чтобы он возмущал нравственное чувство своего изящного поклонника, но потому что он оскорбляет чувство изящного, — этого соблазнительнейшего покрова всякой страсти. Долгашев имел вид барина, всегда со вкусом хорошо одетого; он называл себя фридрихсгамским первостатейным купцом, по происхождению будто бы был якобы белевским мещанином, звали его Александром Герасимовичем. В ресторанах он был больше

известен под именем Смоленского. Впоследствии Долгашев был временным Первой гильдии с-петербургским купцом и участвовал даже в откупах в польских губерниях. По всем данным, Долгашев был не тем, что всячески желал из себя представить, – он не был простолюдин; в сильно пьяном виде, что с ним встречалось весьма редко, он иногда проговаривался на превосходном французском и немецком языках; языкознание он тщательно скрывал от всех. Также более всего поражали его странные, но случайно вырывавшиеся у него выходки: так он вприсонках командовал, подобно полковому командиру, а на обеих ногах его на щиколотках были глубокие следы оков.

В течение своего более полутора десятка лет пребывания в Петербурге Долгашев обманул и обыграл многих богатых и небогатых людей. Хорошо знавшие его говорили, что он нередко привозил домой большие узлы из салфетки, в которых было множество пачек ассигнаций различного достоинства.

Мы в одном из наших фельетонов «Петербургская старина» рассказали о крупном мо-

шенничестве Долгашева, которое в свое время в Петербурге наделало много шума и осталось до сих пор покрытым мраком неизвестности.

V

Игроки тридцатых годов. – Московская Шайка. – Игрок Разумовский. – Американец Толстой и Волконский. – Случай с композитором Алябьевым. – Прodelки петербургских игроков. – Проигрыши казенных денег господами Клевенским и Политковским. – Картежные дома в позднейшее время

В тридцатых годах нынешнего столетия проделки рыцарей зеленого поля были особенно смелы и часты. В обеих столицах существовало несколько и горных домов, где шайки шулеров действовали с необыкновенною наглостью. Без товарищей, один, шулер ничтожен, одному играть рискованно, и в случае разоблачения проделки за него некому вступить и принять его сторону, в споре ему необходимы помощники. В игре в банк и ей подобных один – его кажущийся антагонист если нужно, он скажет «атанде», если то-

варищ-банкомет забыл число прометанных абцугов, он ловко напомним и т. д. Другой товарищ – его дольщик: он держит банк с ним пополам, значит, имеет право прометать за него или дать ему другую колоду; сбился баламут[13] или абцужный, он его поправит, пришлось делать переборку на большее число абцугов, он, шая, сделает ее, ему это ловко, он сидит рядом с банкометом и на него никто не обращает внимания. В коммерческих играх один товарищ тоже необходим: играть одному – нахальная дерзость, тогда он должен сам делать и подбор, и вольт, что не может остаться незамеченным. Товарищество в шулерах необходимо: они связаны общим интересом и каждое лицо необходимо в компании. Один – техникой неуловимо делает держки, вольты и прочее; другой имеет дар завлекать, дружиться и «путать»; третий отлично живет, имея богатую квартиру с приманками для пижонов; четвертый обладает талантом пронюхать, у кого можно выиграть, пятый всегда в деньгах, у него хорошее знакомство и т. д. Таким образом, хорошо организованная шайка шулеров живет как нель-

зя лучше, и стоит только попасть туда богатому пижону, редкий из них отделается тысячью, а другой всем состоянием. Эти милые люди увлекут хоть кого своими ужинами с очаровательными девицами; в конце ужина всегда завязывается игра, о результате которой нетрудно догадаться.

Такая хорошо организованная шайка действовала особенно нагло в Москве в описываемое время, она при помощи своих агентов узнавала о прибывающих в первопрестольную столицу богатых лицах, только что получивших наследство провинциалах или просто зажиточных людях и ловко завлекала таких неопытных людей к себе, где красивые барыни были особенно любезны с ними. На вечерах шампанское было в изобилии. К вину нередко подмешивали одуряющие наркотические средства; особенно одно время был известен так называемый кукельванец. Он имел такое странное свойство, что не лишал пижона физических сил, но, затмевая рассудок, совершенно отнимал у него память о том, что происходило с ним и вокруг него. Опоенный «кукельванцем» делался положи-

тельно автоматом, бессознательно исполняя все, что ему прикажут. Очень понятно, что тогда ловкие, отборные артисты не дремали и метали банк и гости проигрывали все свои наличные деньги. Но этим дело еще не ограничивалось, являлись еще из дальних комнат невидимые лица с заемными письмами, векселями, с нотариальными книгами. Пьяного заставляли подписать заемное обязательство и его копию в книге. После такой проделки пижона отвозили домой, где он просыпал целые сутки и, проснувшись, ни о чем уже не помнил. Векселя такие, как рассказывает в своих воспоминаниях О.А. Пржеславский, обыкновенно писались на срок шести месяцев. В течение этого времени они переходили в третьи или в четвертые руки, а с наступлением срока подавались к взысканию. Мошенничество было обставлено такими псевдозаконными формальностями, что судебные власти того времени, связанные буквою закона, не допускающею протеста по безденежности заемных обязательств, и не могли воспрепятствовать взысканиям. Мнимые должники, ничего не помня, крайне удивлялись, всеми

силами протестовали против взыскания, нот. к. не могли оспаривать своей подписи ни на вексель, ни в нотариальной книге, то в конце концов должны были уступить и платить. В Москве одна такая шайка, пожелавшая заполучить сразу большой куш, попалась на следующем мошенничестве. В те года прибыл в Белокаменную повеселиться один молодой богатый офицер, единственный племянник старушки-миллионерши. Члены шайки, все люди «светские», постарались сблизиться с ним. Устраивали у себя вечера с ужинами как во времена регента, с обильными возлияниями и полудевицами. После ужина метали небольшой банк. Офицер посещал вечера, но не пил вина и не играл ни во что. Шулера придумали с ним следующую штучку. Одна из присутствовавших на ужинах прелестница, по-видимому, очень нравилась ему; они заставили ее назначить ему свидание. Место, выбранное для rendez-vous (свидания), было в глухом переулке между огородами и садами. Возле самого дома стояла полицейская будка. Офицер приехал в дом, его впустил лакей, заплатил извозчику и велел ему ехать прочь,

сказав, что господин здесь остается на ночь. Войдя в очень плохую квартиру, офицер не нашел той женщины, которая к нему писала: вместо нее приняли его какие-то незнакомые личности самого непривлекательного вида. Офицер обошел квартиру и, подозревая мышеловку, хотел уйти, но нашел все двери закрытыми, а принявшие его личности сказали ему, что он ранее от них не уйдет, пока не исполнит одного неперемennого условия. Последнее состояло в том, что он должен подписать на гербовой бумаге и в нотариальной книге заемное обязательство в 150 000 руб. задним числом и сроком на шесть месяцев, на имя какого-то незнакомого господина. Офицер отказался от этого; тогда мошенники заявили ему, что его будут сечь розгами до тех пор, пока он не поумнеет и не сделает того, к чему его они принуждали. Когда и за этим офицер не соглашался, то его раздели и секли нещадно. На его крики никто не являлся. Наконец пытаемый согласился на все и подписал все. Его отвели в какую-то каморку и уложили в постель полуживого. Придя в себя, ему удалось выскочить в окно и кой-как

добраться до гостиницы, где он жил. Утром он отправился к губернатору и рассказал, что с ним случилось. Загорелось огромное дело. Розыски долго не приходили к хорошему результату, и только один случай помог к открытию. Пьяный писец нотариуса проговорился. Обнаружилась связь московских шулеров с петербургскими.

Расхищена шулерами была также часть колоссального богатства одного из Разумовских, графа Петра Алексеевича. Назначенный чиновником особых поручений при Новороссийском генерал-губернаторе герцог Эммануил де Ришелье, он окружил себя всякого рода греками, евреями, его обиравшими. Он в короткое время проиграл свой московский дом, полный всякого великолепия: мебель, картины, гобелены, портреты, бронза, фарфор – все это пошло за бесценок для расплаты за карточные долги. Проигравшись совсем, граф под Одессой на хуторе близ Молдаванки выстроил себе с безвкусными затеями дачу. Под дачею он велел вырыть лабиринт, многочисленные извилины которого ему лишь одному были известны. Туда он забирался играть в

карты, когда к нему являлись неожиданные гости.

В двадцатых годах в обществе также много говорили про азартную игру известного Толстого-Американца; говорили, что игра его на самом деле была небезупречна. Толстой и сам сознавался в этом, отказав раз своему приятелю, князю С.Г. Волконскому, метать ему банк.

– Нет, мой милый, я вас слишком для этого люблю. Если бы вы сели играть, я увлекся бы привычкой исправлять ошибки фортуны.

Новосильцев приводит рассказ, как Толстой сошелся с Нащокиным, с которым он не расставался по смерти и умер у него на руках. Вот как описывает он первую встречу друзей. Шла адская игра в клубе; наконец все разъехались за исключением Толстого и Нащокина, которые остались за ломберным столом. Когда дело дошло до расчета, Толстой объявил, что противник должен ему заплатить двадцать тысяч.

– Нет, я их не заплачу, – сказал Нащокин. – Вы их записали, но я их не проиграл.

– Может быть, это и так, но я привык руководиться тем, что записываю, и докажу это

вам, – отвечал граф.

Он встал, запер дверь, положил на стол пистолет и прибавил:

– Он заряжен, заплатите или нет?

– Нет.

– Я вам даю десять минут на размышление.

Нацокин вынул из кармана часы, потом бумажник и отвечал:

– Часы могут стоить пятьсот рублей, а в бумажнике двадцатипятирублевая бумажка; вот все, что вам достанется, если вы меня убьете, а в полиции вам придется заплатить не одну тысячу, чтобы скрыть преступление; какой же вам расчет меня убивать?

– Молодец! – крикнул Толстой и протянул ему руку. – Наконец-то я нашел человека!

В продолжение многих лет друзья жили безотлучно, кутили вместе, играли и попадали вместе в тюрьму.

В эти годы также много наделала шуму в Москве криминальная история, случившаяся во время азартной игры; виновником оказался молодой адъютант начальника корпуса генерала Бороздина, известный в то время лю-

бимый композитор Алябьев; последний играл в карты на крупный куш с князем Н. в доме не пользовавшегося хорошей репутацией господина, слывшего в обществе под кличкой калмыка. Ал-ву везло очень; раздосадованный на неудачу князь крикнул на всю залу:

– Здесь наверняка играют, у вас баламут подтасован!

– Как баламут? – вскрикнули партнеры во главе с Ал-ым.

Последний в азарте ударил шандалом по голове князя и прямо угодил в висок; после удара князь не вставал и отдал Богу душу. Ал-в был судим и отправлен в каторжную работу в Сибирь. На этот случай написан Писемским роман «Масоны».

Пржеславский в своих воспоминаниях упоминает, когда при министре внутренних дел Перовском начато было гонение на шулеров, то открыто было, что, кроме мелких трактирных и кабачных искусников, вращавшихся в низших слоях населения, всему городу были известны шулера высшего полета, принимаемые в обществе, как-то: господа С, Г., Б., Л., К., Е., князь О., Г., К., и т. д. Некоторые

имели свои дома и давали вечера. Они-то постоянно обыгрывали Карабахского хана. Все они были привлечены к следствию, но никто из них не был пойман на деле и никто не признался в азартной игре. А как это происходило в то время, когда еще требовалось собственное признание, то следствие кончилось ничем. В производстве его наиболее замечательно было объяснение одного из этих господ С, который, как всем было известно, все свое значительное состояние приобрел игрою. На допросе он показал, что он не играет ни в какую игру, а карты знает только по пасьянсу, который часто раскладывает. Все люди домашней прислуги подтвердили его слова. Но по обыску открыт был большой сундук, стоявший и передней. В нем оказалось большое количество карт, углы и края которых были загнуты в виде паролей и на «пэ», что и составляло наглядное доказательство, что в доме играли в банк или в штос. Но камердинер и тут нашелся. Он сказал, что эти карты служили для чистки золоченых пуговиц на фраках их господина, и то что имело вид паролей, делалось для охранения самого платья

от последней чистки.

Поводом гонения и обнаружения шаек петербургских шулеров послужило следующее обстоятельство. На углу Гороховой и Малой Морской в собственном доме жила княгиня Голицына, мать тогдашнего московского генерал-губернатора, известная в высшем обществе под названием Усатая княгиня. Она имела у себя первого в Петербурге повара-француза, обеды у нее считались самыми гастрономическими, и нередко на них присутствовали высочайшие особы. В таких случаях княгиня обыкновенно приказывала сервировать обед на серебре, подаренном императором Петром I одному из предков княжеского дома. Раз, когда высокопоставленное лицо должно было обедать у княгини, вошел к ней дворецкий и, став на колени, со слезами заявил, что исторический сервиз не будет подан к обеду, потому что он заложил его в ломбард и не имеет возможности выкупить; причиною этого поступка было, по словам виновного, то что он, произведя какую-то коммерцию, проторговался, залогом этим хотел поправить свои дела и тогда выкупить сер-

виз. Княгиня тотчас же распорядилась о выкупе, и сервиз к обеду был готов, дворецкий был замещен другим, более надежным лицом, а вместе с тем стало известно, что он никакой торговли не производил, а играл в карты и был обыгран шулерами; тогда же узнали, что игра производилась в особых комнатах трактира «Вена», напротив дома княгини Голицыной.

Описание одного петербургского игорного дома находим в воспоминаниях В.Н. Гетуна; последний, еще молодой человек, был введен туда одним из приятелей, там метал 25-тысячный банк известный в то время игрок грек Полукучи, против него пункировало более двадцати человек, и все, как и надо было ожидать, оставались в проигрыше. Этот картежный дом содержал некто Смагин, тайны этого притона открыл Гетуну некто майор Гарновский, который за большую картежную игру был выслан из Петербурга и проживал в Твери под надзором полиции. Этот Гарновский впоследствии испросил разрешения возвратиться в Петербург с обязательством его подпискою, чтобы он впредь в карты не играл; он

признавался Гетуну, что он, хотя в доме Смагина не бывает, а барыши от игры получает, он уверял, что между картежниками существует своего рода честность и одного к другому доверенность, без чего компания их не могла бы существовать. В Москве и в Петербурге лет пятьдесят тому назад существовало три аристократических картежных дома – это были в Петербурге дома господ Ж. и Р. и в Москве – Б. По рассказам, если в Петербурге Ж. и Р. не успели обыграть кого-нибудь вконец, то в Москве Б. пускал его просто по миру, – так велико было его искусство в азартной игре.

Шулера в старину жили широко и открыто, многочисленные наши ярмарки были поприщем их подвигов и богатою жатвою. Шулера ездили артелью, знакомились с богатыми помещиками, питали также особенную привязанность к ремонтерам и казначеям. В конце сороковых и начале пятидесятых годов особенно часты были проигрыши казенных денег; так, много шуму наделал в свое время в Петербурге проигрыш 300 000 казенных денег, сделанный чиновником Управы благочи-

ния действительным статским советником Клевенским. Правда, часть этих денег он проиграл не в азартную игру, а в преферанс, в выигрыше от него участвовали лица, прикосновенные к сфере блюстителей благочиния и были не кто иные, как полицмейстеры 2-го и 3-го отделения города Петербурга полковники Трубачев и Ломачевский. Клевенский был предан военному суду и приговорен к лишению всех прав состояния и отдаче в арестантские роты, что были тогда в городе Нарве.

Другой случай проигрыша казенных денег был сделан тайным советником Политковским, про роскошную жизнь последнего рассказывали просто невероятные вещи – по богатству его называли петербургским Монте-Кристо. Вид этого господина не представлял ничего особенного. Политковский был брюнет, низенького роста, довольно тучный, с манерами в высшей степени самоуверенными. Он держал танцовщицу Волкову на содержании. Тогдашнее общество не допытывалось до источника дохода этого барина – все полагали, что тут главную роль играли карты. Политковский долго гремел своим богат-

ством. Вдруг в одно прекрасное утро сделалось известным, что в Инвалидном капитале оказалось похищение нескольких миллионов рублей. В действительности украдено было 1 100 000 руб. В тайне похищения участвовали чиновники счетного отделения Путвинский, Рыбкин и Тараканов, довереннейшим лицом Политковского собственно был первый чиновник, страшный гуляка и забубённая голова. Дело, как ходили слухи, началось с 10 тыс., которые при первой поверке инвалидной суммы налицо не оказались. При известии об этом Политковский заболел и спустя несколько дней умер накануне ревизии. Слухи носились, что он отравился.

После проигрыша казенных денег Политковским особенно строго стали следить за игорными домами и картежниками, с этого времени известная в Петербурге местность – угол Тюремного переулка и Офицерской улицы, прозванная в шутку игроками *Le passage des Termopiles* (Фермопильский проезд) – не стала уже по вечерам гореть огнями в двух угловых домах и манить проезжающих по улице то направо, то налево. По рассказам, в этих

двух домах всевозможные приманки и соблазны были собраны для посетителей: груды золота, прелестные женщины, дорогие вина и роскошные яства – все было к услугам посетителей. Игра здесь шла самая ужасная, самая адская. Известно, что все игроки суеверны, а эта местность – в виду тюрьмы, Литовского замка, и жилища палача – считалась самою благополучною для игры. Как известно, еще во времена процветания Венецианской республики таким суеверием не брезгали и на небольшой площадке, против самого дожевского дворца, где возвышаются колонны св. Марка и св. Федора и где между этими колоннами предавались казни повешением все неполитические преступники, – там то и было единственное счастливое место, где шла азартная игра и стояли золотые столы с грудями золота, за которыми совершенно спокойно сидели банкеты с картами в руках, не пугаясь царством палача.

О крупных проигрышах близким к нашим дням мы могли бы рассказать целую книгу. Много еще сравнительно не так давно говорили о большом выигрыше одного страстного

игрока И., что взял в час миллион рублей с одного одесского грека. Про этого героя зеленого поля рассказывали, что он держал у себя даже управляющего имением, тоже страстного игрока. Когда этот барин проигрывался, то посылал приказы в деревню к управляющему стричь овец. И раз на такой приказ долго не получал ответа. Когда же пришел ответ, то оказалось, что ни шерсти, ни овец уже не существует и все проиграно управляющим, на такую телеграмму была послана другая, лаконическая «Кому?» Злые языки уверяли, что когда барин узнал имя счастливца, то поспешил сам приехать в деревню и в один час отобрать от него все им выигранное и вдобавок за беспокойство довольно крупную сумму. Я думаю, еще живы старожилы в Варшаве, помнящие проигрыш целого города Д-ны, поставленного на одну карту князем Л-м, или в Петербурге проигрыш миллиона рублей господином А-ою М-ву, или выигрыш князя В. с графа Ш. 225 000 руб. в прихожей, в шубе, при возвращении домой после проведенного вечера за зеленым столом.

Заканчивая нашу статью, мы не можем не

сказать, что страстные игроки были везде и всегда. Но нигде карты не были в таком употреблении, как у нас. В русской жизни карты, как говорит поэт Вяземский одна из непреложных и неизбежных стихий. Но мы здесь говорим о мирной, так называемой коммерческой игре, о карточном времяпрепровождении, свойственном у нас всем возрастам, всем званиями и обоим полам. Одна русская барыня говорила в Венеции:

– Конечно, климат здесь хорош, но жаль, что не с кем сразиться в винт.

Другой наш соотечественник, который провел зиму в Париже, отвечая на вопрос, как доволен он Парижем, отвечал:

– Очень доволен, у нас каждый вечер была своя партия.

Карточная игра в России есть часто оселок и мерило нравственного достоинства человека. «Он приятный игрок», – такая похвала достаточна, чтобы благоприятно утвердить человека в обществе.

Приметы упадка умственных сил человека от болезни и от лет не всегда у нас замечаются в разговоре или на различных поприщах

человеческой деятельности, но начини игрок забывать козыри – и он скоро возбуждает опасение своих близких и сострадание общества. Карточная игра имеет у нас свой род остроумия и веселости, свой юмор с различными прибаутками и поговорками.

Моды и модники старого времени

I

Гонение на модников в XVII веке. – Стрижка и бритье волос. – Уборы женщин. – Боярские ферязи, кафтаны, тердики и проч. – Нововведения в одежде при Петре I. – Поборники старинных одеяний. – Публичное осмеяние одежд и обычаев старины. – Исторические модники В.В. Голицын и М.П. Гагарин

В XVII столетии наша русская знать приобрела большую склонность к новомодным платьям и прическам. Указом 1675 года стольникам, стряпчим и дворянам московским и жильцам повелено было, «чтоб они иноземских, немецких и иных избычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, тако ж и платья кафтанов и шапок с инозем-

ским образцом не носили и людям своим потому ж носить не велели, а буде кто впредь учнет волосы постригать и платья носить с иноземного образца, или такое ж платье объявится на людях их, и тем от великого государя быть в опале и из высших чинов написаны будут в нижние чины».

С времен татарского ига русские, по обычаю врагов, плотно стриглись, а иногда даже и брили себе голову. Перед каждым большим праздником все считали долгом непременно остричься. На обритуемую голову надевали тафью (скуфью), на тафью – колпак, а на колпак – гарлатную шапку. Чем выше была шапка, тем знатнее был носивший ее. Шапку не скидали и в присутствии самого государя. Приходя домой, такой боярин шапку натягивал на болванец, расписанный нарядно иконописцами и составлявший украшение в доме. Попадавшие в царскую опалу или терявшие близких родных отращивали на голове волосы в знак печали. Волосы были так длинные, что висели по лицу и плечам. Женщины же наоборот в знак печали остригали себе волосы. По понятиям века для замужней жен-

щины считалось и стыдом, и грехом оставлять напоказ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для нее большим бесчестием. По словам Костомарова, в Новгороде вошло было даже в обычай замужним женам брить себе волосы, но этот обычай не одобрялся церковью. Правило скромности переходило в щегольство, и некоторые женщины, укрывая волосы под волосняком (скуфьей), стягивали их так туго, что едва могли моргать глазами; это казалось им красиво. У детей женского пола волосы всегда были острижены, точно как у мальчиков, и девочку можно было узнать только по небольшим пукам волос на висках.

Русские женщины не заботились ни об изяществе формы, ни о вкусе, ни о согласии цветов в одежде – лишь бы блестело и пестрело. В их одеждах не было талии, они были мешки. О том чтобы платье сидело хорошо, не имели понятия. По мнению русских, красота женщины состояла в толстоте и дородности; женщина стройного стана не считалась красавицею; напротив, ей предпочитали мясистую и тучную. По свидетельству иностран-

цев, русские считали особенною красотою, чтобы у женщины были продолговатые уши и некоторые записные щеголихи вытягивали их себе насильно.

На пестрых платьях женщине накладывалось множество украшений; на шее и на груди висело множество крестов на цепях; на голове и по платью было нашито также много жемчуга. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надели после взятия во дворец, было так тяжело, что у ней заболели ноги. На головах девиц были венцы, имевшие форму городов и теремов, с жемчужными повязками. В торжественных случаях женщины, поверх своего и без того тяжелого платья, надевали еще «подволоку или проволоку». Это был род богатой мантии из шелковой щербатой или белой материи, но чаще золотой или сребротканой; края этой мантии были особенно нарядно разукрашены золотым шитьем, жемчугом и драгоценными камнями.

Не довольствуясь своими пестрыми и богатыми одеждами, русская женщина белилась и румянилась так, что приводила в смех иностранцев. Она так налепляла на лицо краски,

что, по замечанию Олеария, казалось, будто бы кто-нибудь размалевал их кистью. Этого мало, они размалевывали себе шею и руки белой, красной, голубой и коричневой красками, окрашивали ресницы и брови и притом самым уродливым образом – чернили светлые, белили черные. Красавицы, которые знавали за собою пригожесть, все-таки принуждены были это делать, чтобы не подвергаться насмешкам.

Главнейшую часть убора, как женщин, так и девиц, составляли серьги и запястья или запявья. Первые обыкновенно бывали золотые, длиною иногда дюйма в два, всегда почти с яхонтами, изумрудами или гиацинтами. Серьги носили и мужчины, но только в одном ухе. Запястья были широкие, серебряные или золотые, очень искусного ювелирного дела с жемчугами и драгоценными камнями. Не последнее украшение были и кольца или перстни, и затем разного рода монеты и особенно жемчужины. В руках у женщин был шелковый с золотыми каймами и кистями платок, называемый «ширинкою». Зонтики также у богатых женщин были в употреб-

лении: их носили над ними рабыни.

Бояре еще в первые годы царствования Петра Великого на место нынешних мундиров надевали богатые золотые, бархатные и объяристые ферези, в которых, по указу 1680 года, должны были являться ко двору. Ферезею называлось и женское платье; последнее они носили с поясом. Обыкновенно русские ходили без перчаток. Только цари и знатные особы надевали «персчатые рукавицы» и то зимою от холода; по величине они делились на рукавицы и рукавки. Для мужских одежд людей среднего состояния употреблялась материя зуф, род камлота; у людей богатых наружная одежда была шелковая; тогдашний вкус требовал самых ярких цветов – черные и темные цвета употреблялись только в печальных случаях или так называемых смиренных одеждах, т. е. траурных. По понятиям века яркие цвета внушали уважение и потому начальствующие лица, по приказу царя, рядились в такие цветные одежды. Преобладающий цвет в народе был красный и особенно красно-фиолетовый (червчатый); даже духовные особы носили рясы красных цветов.

Богатые и чиновные люди на летний терлик надевали охабень (последний был изменен при царе Федоре Алексеевиче и строго было приказано в нем не пускать не только во дворец, но и в город Кремль) или обнорядок, очень длинный с рукавами и капюшоном, богато убранный жемчугом. Поверх его вельможи, выходя из дому, надевали длинный кафтан камлотовый, очень похожий на охабень, только без капюшона и воротника. Голый затылок русских бояр закрывался стоячим воротником, шириной от трех до четырех пальцев; последний был унизан жемчугом и драгоценными камнями. Воротники даже у самых рубаш были без складок около шеи; последние всегда искусно вышивались, потому что предки наши дома ходили в одних рубашках. Сверх рубашки носили легкое шелковое платье с пуговицами длиною до колен. На него надевали кафтан узкий, подпоясанный персидским кушаком, за который затыкали нож или кинжал. Кафтаны обыкновенно были бархатные, объари или сукна кармазинного цвета, иногда же из золотой парчи.

Между богатыми старинными одеждами были известны еще фофудии или с поясами кафтаны; затем род шуб, которые употребляли цари на охоту под названием *бостроги* или *терлики*, последние были бархатные с золотыми шнурами и кистями на лучших соболях или чернобурых лисицах. Между княжескими одеждами были известны еще кожухи или шуба русская. Так, о царе Михаиле Федоровиче сказано: нарядившись в кожух золотной аксамитный на соболях да в шубу русскую соболью, крыта бархатом золотным, застав полы назад за плеча (Описание торжества при бракосочетании царя Михаила Федоровича). В военное время употребляли род епанчи, называвшейся в древности *корзнь*.

Исподнее платье шивали атласное белое или из золотой парчи. Бояре, как мы выше уже говорили, на голову надевали высокие, дорогие гарлатные шапки – верх шапок бывал парчовый или бархатный и исподь из соболей или рысей. Шапка унизывалась жемчугом и наверху ее дельвались кисти, иногда с дорогими камнями. Обыкновенно же в первые годы царствования Петра Великого бояре

носили черное бархатное платье, по краям унизанное жемчугом и драгоценными камнями.

К числу старинных нарядов надо причислить и ожерелья, которые носили особы царского рода. Лжедмитрий, въезжая в первый раз в Москву в 1605 году, имел на шее у себя ожерелье, которое тогда ценили в сто пятьдесят тысяч червонных.

Принятие разных нововведений в одежде приписывают Петру Великому, но еще ранее его царь Федор Алексеевич, женатый на Агафье Семеновне из польского рода Грушецких, в угоду последней, как передают летописцы, снял с себя и с бояр женские охабни, велел стричь волосы, брить бороду и ходить по-польски с саблей и носить кунтуш. Царь только одного не делал: не брил бороды, и то потому, что у двадцатилетнего монарха борода еще не показывалась. Но на бороду гонение было еще ранее Федора Алексеевича. Во время татарского владычества начало было входить в обычай бритье бород, и великий князь Василий Иванович последовал этому обычаю; это обыкновение продолжалось до Иоанна

Васильевича; с его царствования духовенство вопияло против бритья, и Стоглав предал неблагословению церкви дерзавших отступить от дедовского обычая. Под влиянием церкви, — как говорит Костомаров, — борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человека, и если у кого от природы не росла борода, к тому имели недоверие и считали его способным на дурное дело — и все тогда носили бороды, и чем бороды были длиннее, тем осанка человека считалась почтеннее и величественнее. Богатый человек холил ее, берег и расчесывал гребешком из слоновой или моржевой кости. Царь Борис Годунов, стараясь ввести многие немецкие обычаи, приказывал тоже брить бороды, но приказ этот плохо привился, и только Петр Великий почел нужным истребить наружные знаки, отличавшие всех подданных его от иностранцев, т. е. длинные платья и бороды. В 1699 году вышел указ царя, по которому, исключая крестьян, монахов, священников и дьяконов, всем велено было брить бороды. В 1705 году повелел государь платить за бороды пошлину; последняя была

следующих размеров: царедворцам и другим чиновникам – по 60 руб., гостям первой статьи – по 100 руб., средней и меньшей статьи – гостинные сотни, торговым и посадским первой статьи – по 60 руб., средней и меньшей статьи боярским людям, ямщикам, извозчикам и церковникам (кроме попов и дьяконов) и всем прочим, кроме хлебопашцев в деревнях живущих, – по 30 руб. в год. Вносившим эту бородовую пошлину вместо квитанции давали медные знаки. С этого времени у нас стали употреблять прическу волос, пудру, помаду, носить парики, и в это же время вошли в моду шляпы и картузы.

В 1699 году вышел указ: всем, за исключением попов, дьяконов, монахов и крестьян, носить платье европейского фасона; в первое время государь приказал носить венгерское платье, но потом отменил это и приказал носить мужчинам верхнее – саксонское и французское, а камзол и нижнее платье – немецкое, а женщинам приказал наряжаться в немецкое платье. Но чтобы повеление это исполнялось точно, на ослушников наложил штрафы, и на городских заставах в воротах

повелел всякого, кто окажется в русском платье и бороде, брать с пеших по сорока копеек, а с конных – по два рубля с человека. В это же время повелено было в лавках русского платья не продавать и портным такого не шить, под опасением наказания.

С этого также времени вошли в употребление галстуки и манжеты, а между женщинами – кофты и юбки.

Относительно обуви в старину уже известна была некоторая роскошь, так, богатые носили сапоги с серебряными подковами и гвоздями, указанные по швам, на носках и каблуках жемчугом, а иногда и драгоценными камнями. При царе Михаиле Федоровиче люди обоего пола нашивали короткие сапоги сафьяновые или другой цветной кожи, униженные тоже жемчугом. С самого начала прошедшего столетия начали уже носить у нас, по примеру иностранцев, башмаки и на них серебряные пряжки, иногда тоже униженные бриллиантами или другими драгоценными камнями.

Петр Великий строго смотрел, чтобы не носили старинную одежду и только предостав-

лял рядиться в старинный наряд одному князю-кесарю Ромодановскому. Последний по одежде, обычаям и роду своей жизни служил сатирой на старое время.

Князь Ромодановский отличался бескорыстием и честностью. Нартов рассказывает, что когда Петр I, объявив войну шведам, сильно печалился о том, что у него нет денег и хотел уже обобрать все монастырские сокровища, то Ромодановский передал царю громадное количество серебряной монеты и голландских ефимков. Деньги эти с грудями серебряной и позолоченной посуды были на хранении у Ромодановского, но никто не знал об этом, т. к. царь Алексей Михайлович приказывал Ромодановскому сберегать и деньги и посуду в особой камере при Тайной канцелярии и выдать сохраняемые там деньги только в случае войны, при самой крайней необходимости. Если бы Ромодановский желал ими воспользоваться, то он мог бы это сделать без всякой ответственности.

В век преобразования России Петром I, борьбы старины с новизной, осмеяния древних причудливых нарядов, обычаев и обря-

дов (не раз производившегося публично), – так описывает Желябужский, современник таких случаев, – в мельчайших подробностях был выполнен в 1702 году старинный обряд трехдневного празднования свадьбы «остромнолитного Феофилакта (Ивана) Шанского, многоутешного шута и смехотворца, женившегося в 1702 году на сестре князя Ю.Ф. Шаховского. Сам император принимал участие в таком пиршестве, им затеянном и устроенном по его вкусу к подобным потехам. Там он был одет по старине, в бархатный опашень, в охабень из вишневой зуфи, сверх его – ферязь камчатная, на голове была шапка заячья, черная, на ногах – сапоги желтые, сафьянные. В свадебном поезде были бояре с боярынями окольничие, думные стольники и дьяки в мантиях, ферязах и гарлатных шапках. Лицо царя представлял князь-кесарь Ромодановский, в старинной царской одежде, лицо царицы – жена Бутурлина, патриарха – князь-папа, прозванный также патриархом Пресбургским, Заяузским и всего Кокуя (т. е. Немецкой слободы), – учитель Петра I, Зотов».

«Первая ночь у новобрачных, – говорит

Желябужский, – была на башне у Курятных ворот и тут пили три дня. Настоятельно потчевали же гостей по старине только горячим вином и крепким пивом и медом. Сам государь при этом острил, обращаясь к поборникам старины, употреблявшим эти напитки „А старинные обычаи всегда лучше новых“, – и т. д. Последствия такого потчеванья для некоторых были печальны.

В другой раз в Москве, в 1715 году, Петр Великий опять посмеялся над старыми нарядами русскими и в декабре назначил уличный маскарад, в котором, начиная от самого именитейшего лица и до простого смертного, все были одеты в курьезные старинные платья. Так, в числе «дамских персон» была Бутурлина в нагольной шубе и летнике, князь-игуменья Ржевская – в шубе и телогрее. В руках у этих лиц был какой-нибудь инструмент, гудок или балалайка. Так смеялся преобразователь России над старыми обычаями и нарядами. В ряду исторических модников резко выделяются две личности, князь Василий Васильевич Голицын и князь Матвей Гагарин. Первый из них, сын боярина князя Василия

Андреевича, получил в свое время почти необыкновенное образование, он говорил на трех языках – латинском, греческом и немецком. Начал он службу при дворе царя Федора стольником и чашником. Когда Ланевин представлялся ко двору, то Голицын говорил с ним по-латыни. По словам современников, он отличался «умом, учтивостью и великолепием» и терпеть не мог горячих напитков. Внешностью он был красавец и прибегал к таким косметикам, употребление которых у мужчин кажется смешным. Так, он румянился и белился, завивал усы, холил разными специями свою небольшую светлую бороду. Одевался в атласный бирюзового цвета кафтан на соболях, расшитый золотом и унизанный жемчугом и драгоценными камнями. Боярская его шапка стоила более десяти тысяч червонцев; она была из редкого, так называемого красного соболя или, вернее, белого. Каменный дом его, в Москве, не уступал убранством своим лучшим дворцам Европы; он вмещал богатую коллекцию картин известнейших иностранных живописцев; стены палат были обиты богатыми тканями, потолки

были зеркальные или расписные. Крыша дома была медная и горела на солнце от чистоты, как золотая. Существует предание, что он на Москве первый дал пример богатым строить каменные дома. Библиотека Голицына в свое время была из редчайших в России. Он первый выписал из Греции 20 докторов. Этот всеильный вельможа во время правления царицы Софии думал содержать министров при главнейших дворах европейских. Он широко заботился о просвещении, убеждал бояр, чтобы они обучали детей своих, отправлял в Польшу и другие государства. Голицын приглашал к себе иностранцев-наставников и звал всех иноземцев в Россию; он хотел ввести свободное вероисповедание. Часто устраивал у себя ученые беседы, особенно с иезуитами, которых изгнали из Москвы на другой день падения Голицына. Голицын собрал записки о состоянии и образе правления разных государств. Он первый построил от Москвы до Тобольска на каждом пятидесяти верстах избы для крестьян, снабдив каждого хозяина тремя лошадьми, с условием, чтобы их содержали в всегдашнем комплекте и взима-

ли с проезжающих за десять верст по три копейки на лошадь; он же велел расставить по дорогам длинные шесты во всей России вместо верст. Василия Голицына современники за дела называли великим. Но, обладая просвещенным умом, он не мог освободиться от предрассудков своего века. Так, однажды находившийся в свите его дворянин Бунаков, шедший за ним по улице, внезапно упал в припадке падучей болезни и по суеверию взял с того места горсть земли, которую завязал в платок. Голицын, сочтя Бунакова чародеем, велел пытаться за то, что он «вынимал» будто бы «след его для порчи». Также по его приказанию сожжен живым в Москве на болоте, при многочисленной толпе народа, мечтатель Квирин-Кульман за ересь. Но при таких отрицательных качествах Голицыну приписываются в Москве и такие великолепные вещи, как постройку деревянных мостовых на Москве, сооружение зданий в Кремле, Посольского приказа, постройку великолепных каменных палат для присутственных мест, затем Каменного моста на Москве-реке с двенадцати арками. Постройка этого моста каза-

лась в свое время каким-то чудом. Изобретателем и зодчим моста, по народному преданию, был какой-то монах, которого имя, к сожалению, неизвестно. Вбивши дубовые сваи в русло реки и настлав их брусьями, он выводил на них каменное здание. Это сооружение по тому времени казалось столь дорогим, что даже вошло в народную поговорку: «Дороже каменного моста».

По рассказам современников, Голицын выводил в чины людей ничтожных (?), уважая в них истинное достоинство, и не любил бояр, когда с знатным происхождением они были бесполезны для отечества. По его инициативе было уничтожено местничество в России и преданы огню книги, причинявшие раздор между семействами и вред службе. Голицын кончил свою карьеру очень печально. По воле Петра ему был прочтен приговор; главные вины его были, что он и приверженцы его докладывали царевне, а не государям все государственные дела, писали от них грамоты и печатали имя Софии в книгах без соизволения царского, что от неудачных походов в Крым Голицына казна понесла великие убыт-

ки. За все эти преступления велено отнять у Голицына боярство и чины и сослать в город Яренск (Вологодской губернии) и отписать на имя государей все поместья, дома и пожитки. При описи найдено было в его сундуке 100 тыс. червонцев и 400 пуд. серебряной посуды, кроме разных монет. Князь Голицын умер в ссылке в Пинеге 80-ти лет.

Другой такой модник в Петровское время был князь Матвей Петрович Гагарин, сибирский губернатор в городе Тобольске. Этот вельможа удивлял всех своею царскою пышностью. Он в первое время пользовался большим доверием императора и потому почти самовластно управлял такою обширною и богатою странною, как Сибирь.

У него за столом подавали кушанья на пятидесяти серебряных блюдах; сам же он ел только на золотых тарелках. Колеса его кареты были также серебряные, и лошади подкованы серебряными и золотыми подковами. Парадный мундир князя Гагарина был залит алмазами. Пряжки его башмаков стоили десятки тысяч. Князь был видом очень невзрачный, невысокого роста, черноватый, с быст-

рыми движениями.

Князь Гагарин выстроил в Москве, в Белом городе, обширные и роскошные палаты, где стены были зеркальные, а потолки – из стекол, на которых плавали в воде живые рыбы. Эти великолепные палаты, на образе венецианских, воздвигнуты были, вероятно, по проекту какого-нибудь иностранного архитектора. Четырехэтажные комнаты выходили фасадом на Тверскую улицу, образуя портал с двумя павильонами; в уступах между ними, в арках, устроена была открытая терраса с балюстрадаю.

В бельэтаже у портала и обоих павильонов висели балконы из белого камня, украшенные вычурною резьбою. Наличники и сандрики над окнами состояли из орнаментов, искусно высеченных из камня. Над подъездными воротами видно было клеймо, увенчанное княжескою короною и запечатленное следующей надписью: «Боже, во имя Твое спаси».

Из бельэтажа на улицу по обе стороны ворот были красивые крыльца с оборотами, с фигурами, балюстрадами и т. д. На заднем фасаде дома на дворе был длинный балкон с ху-

дожественными орнаментами.

Внутреннее великолепие палат соответствовало и внешнему: разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, серебро и золото, все было употреблено на украшение покоев. Зеркальные потолки отражали в себе блеск жирандолей, люстр, канделябр, в висячих больших хрустальных сосудах плавали живые рыбы, разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры. Одни оклады образов его в спальне, осыпанные бриллиантами, стоили по оценке тогдашних ювелиров более 130 тыс. руб. В числе его несметных сокровищ был самый драгоценный из всех доныне известных в целом свете рубин, привезенный ему из Китая. Сын этого князя, путешествовавший за границу, так сорил деньгами, что его иностранцы прозвали набобом.

Князь Гагарин был уличен Петром I в лихоимстве и повешен на площади перед Сенатом, на страх другим, не унимавшимся в то время лихоимцам, и все его имение было конфисковано. Несколько тысяч крестьян, принадлежавших ему, были отданы производившему над ним следствие Егору Пашкову,

потомство которого оттого и заняло впоследствии видное место между богатыми фамилиями.

II

Выезд бояр. – Поезда архиереев. – Мода на кареты. Великолепная карета Разумовского. – Езда с форейторами. – Петиметры и амурицики. – Блеск двора при императрицах Анне и Елизавете. – Рассказы Миниха и Манштейна. – Модные лавки и волосочесы. – Парикмахер Леонард. – Пудра, букли и парики. – «Красные каблучки». – «Модные дома вельмож и богачей». – Старый дворянский быт

В старину при московских царях вся роскошь богатых придворных бояр обращалась на выезды и конские уборы: арчаки и седла украшались драгоценными камнями, стремена иногда делались золотые, попоны, шитые золотом и серебром, унизанные жемчугом. Такие уборы сохранялись в богатых семействах по десяткам лет и переходили из рода в род. Конями особенными русские не славились; лошади в употреблении были татарские, пригоняемые во множестве из Астраха-

ни. Щеголяли лошадьми русские, особенно белыми. Боярин в древности ехал ко двору со звоном бубенцов и грохотом литавр; у верховой лошади на ногах, сверх копыт, привешивали маленькие колокольчики, а сзади у седла прикрепляли небольшие литавры, медные или серебряные: всадник ударял в них бичом для возбуждения охоты в лошади и для того, чтобы проходящие давали дорогу. Такие поездки по улицам запретил Петр Великий. В XVII веке стали ездить у нас в каретах в несколько лошадей и зимою, и летом. В 1681 году было указано, что только бояре могут ездить на двух лошадях, а в праздники – на четырех, во время же свадеб и стоговоров – на шести. Все прочие, не исключая и стольников, должны ездить летом непременно верхом, а зимою – в санях на одной лошади. Олеарий говорит, что езда в санях считалась почетнее езды на колесах; в торжественных случаях сани употреблялись и летом, особенно духовными лицами. Так, патриарх иерусалимский, приезжавший в Москву для посвящения в патриархи Филарета, ехал в Успенский собор в санях, хотя это было 24 июня. Архиереи

обыкновенно езжали к обедне в санях и летом, как и зимою, спереди служка нес посох, позади также шли служки. Колымага или карета единственно употреблялась для двора, в них запрягалось по шести и более лошадей. Чтобы иметь понятие о древних наших каретах, опишем одну из них, которую царь Борис Годунов послал в подарок жениху дочери своей, датскому принцу Иоанну: «Возок б лошадей серых, шлеи на них червчатые, у возку железо посеребрено, покрыт лазоревым сафьяном, а в нем обито камкою пестрою; подушки в нем лазоревы и червчатые, а по сторонам писан золотом и разными красками; колеса и дышло крашены». В старину подарки-экипажи у коронованных особ были самыми излюбленными. Так, английская королева Елизавета прислала Годунову карету, обитую бархатом. В богатой же карете в 1606 году въезжала в Москву Марина Мнишек; карета была обита снаружи алым сукном, а внутри – красным бархатом, подушки были парчовые, унизанные жемчугом. Эта драгоценная карета была запряжена, по словам летописцев, двенадцатью чубарыми жеребцами, до того

искусно подобранными, что, несмотря на пестроту шерсти, трудно было отличить одну лошадь от другой. При этом выезде была и коляска, запряженная шестернею. Впоследствии, как увидим, мода на роскошные экипажи не имела уже границ. В царствование же Петра I в Петербурге карет было очень немного, и во всем городе только одна наемная, которую иногда пользовались приезжие иностранцы. При Анне Иоанновне, как выражается Щербатов, «экипажи тоже великолепиие восчувствовали», явились кареты позлащенные, с точеными стеклами, обитые бархатом, с золотыми и серебряными бахромами и с шелковыми кутасами, богатые ливреи, лучшие лошади, серебряные и позолоченные шоры. При Елизавете Петровне экипажи богачей блистали золотом, дорогие лошади были не столько удобны к езде, сколько для вида. Золоченные колеса, красная сафьяновая сбруя с вызолоченным набором, кучера в бархатных кафтанах, с бобрового опушкою, являлись на улицу при ежедневных выездах богатых. В торжественные же дни поезд снаряжался еще великолепнее, у некоторых богатых господ

парадные кареты с зеркальными стеклами были вызолочены снаружи, цуг отличных коней с кокардами и бантами на головах. Кучера без бород, но с усами, в треугольных шляпах, пудренные, с косами, позади карет стояли рослые гайдуки, одетые егерями или гусарами, впереди кареты бывали скороходы, и они, опираясь на длинные булавы, делали размашистые скачки, одеты были эти бегуны в легкие куртки с ленточными бантами на коленках и локтях, такой наряд они носили и в самые сильные морозы, на головах у них были бархатные шапочки с кистями и страусовыми перьями. Владельцы этих скороходов употребляли их не только для парада, но и вместо почты. В описываемые годы жил в Москве, на Басманной, С.К. Нарышкин, слывший первым щеголем в свое время. Он ко дню бракосочетания Петра III выехал в богатой золотой карете, в которой везде были вставлены зеркальные стекла, даже на колесах, карета эта стоила ему около 30 тыс. руб. Кафтан у Нарышкина был шитый серебром, на спине его было вышито дерево, сучья и листья которого расходились по рукавам.

В блестящий век Екатерины II уже при дворе и у наших вельмож появляются кареты, по цене стоящие наравне с населенными имениями, на дверцах иной раззолоченной кареты пишут пастушечьи сцены такие великие художники, как Ватто или Буше. Императрица Екатерина II получала даже в подарок драгоценные кареты, украшенные, помимо живописи, драгоценными камнями, одну такую ей шлет Людовик XVI и другую великолепную двухместную карету посылает ей Фридрих Великий. В это время безумная мода на кареты доходит до того, что Андрей Кириллович Разумовский заказывает карету для своего отца в Лондон, ценою в восемнадцать тысяч рублей, за одно показание ее мастер собирает сумму в несколько тысяч рублей. По привозе этой кареты Павел Петрович велит привезти ее на Каменный остров для осмотра. В конце царствования стали ездить в каретах шестериком с двумя форейторами «на унос», передовой фореитор, трогаясь от крыльца дома, при разъездах кидался как угорелый, ему вменялось в обязанность непременно вывезти первого с бала своего барина,

хотя бы в разбитой карете. При таких разъездах общая свалка и давка доходили до невероятия, не только вдребезги ломали экипажи, но давили насмерть лошадей и людей, после каждого бала, если крепостные кучера кого-нибудь задавили, то хвастались, как будто выигранной победой.

При вступлении на престол Павла I варварская мода езды с форейторами приутихла, но зато с воцарением императора Александра I вновь появилась старая упряжь с кучерами в русских армяках и форейторами. Особенно щеголяли такими закладками в Москве. Жихарев рассказывает, что в 1805 году под Новинским в числе таких упряжек обращала на себя внимание карета, чрезвычайно нарядная, какого-то Павлова, голубая, с позолоченными колесами и рессорами, соловые лошади с широкими проточинами и с гривами по колено, в бархатной пунцовой, с золотым набором сбруе. Коренные, как львы, – на позолоченных цепях, а подручные – на кубертах. Старомодные кареты попадались еще в Москве в сороковых годах, так, в эти годы еще жила фрейлина Екатерины II, княжна П.М.

Долгорукая, которая ездила в двухместной карете, которая имела вид веера (*en forme d'eventail*). В Екатерининское время прогулки в экипажах ежедневно делались у Гостиного двора. Здесь, на Ильинке, около лавок можно было встретить всю аристократию; все волокиты в то время назначали свидания. На это купцы неоднократно жаловались царице, говоря, «что петиметры и амурщики только галантонят» и мешают им продавать. Приезды на прогулки в эти места наших бар отличались большою торжественностью. Большие высокие кареты с гранеными стеклами, запряженные цугом больших породистых голландских лошадей, всех мастей, с кокардами на головах, кучера в пудре, гусары, егеря сзади и на запятках, с скороходами, бежавшими впереди экипажа, берлины, с боковыми крыльцами, широкие сани с полостями из тигровых шкур, возницы, фореиторы в треуголках с косами, вооруженные длинными бичами. Чинные и важные поклоны, приветы рукой, реверансы и всякие другие учтивости по этикету того времени представляли довольно театральную картину на улицах

Москвы и Петербурга.

Роскошь и блеск нашего двора начинаются со времен Анны Иоанновны; чтобы быть на хорошем счету у государыни, тогда требовалось расходовать очень большие суммы, и чтобы не затеряться в раззолоченной толпе, наполнявшей дворцовые апартаменты, человек, не обладавший миллионами, неминуемо должен был продавать ежегодно не одну сотню «душек», по нежному выражению майора Данилова. Придворные чины, по словам Миниха-сына, не могли лучшего сделать императрице уважения, как если в дни ее рождения, тезоименитства и коронации приезжали в новых платьях во дворец. Манштейн в своих записках пишет: «Придворный, тративший на свой туалет в год не более 3 тысяч рублей, был почти незаметен».

Блеск двора Елизаветы Петровны был еще более изумителен; даже французы, привыкшие к блеску своего Версальского двора, не могли надивиться роскоши нашего двора. Щегольство и кокетство дам наших было в большом ходу, и все женщины только и думали, как бы перещегоолять друг друга. Елизаве-

та сама подавала пример щегольства; так, во время пожара в Москве в 1753 году у нее сгорело 4 тыс. платьев, а после ее смерти Петр III нашел в гардеробе ее с лишком 15 тыс. платьев, частью один раз надеванных, частью совершенно не ношенных; два сундука шелковых чулок, лент, башмаков и туфель до нескольких тысяч, более сотни неразрезанных французских материй и т. д.

В Екатерининское время уже появились в обеих столицах французские модистки и разные модные лавки: последние появились под названиями: «Au temple de goût» (храм вкуса), «Musée de Nouveautés» (Музей новинок) и т. д. Существует предание, что введением французских нарядов в моде Россия обязана Кириллу Разумовскому и другу его Ив. Ив. Шувалову. В их время в Москве славилась модистка Виль, которая продавала модные «шельмовки» (шубки без рукавов), чепцы, рожки, сороки, «королевино вставанье» а la грек, башмачки-стерлядки, улиточки, подкольный женский кафтан, распашные кур-форме и фурро-форме, разные бантики, кружева. Модистка Кампании предлагала своим покупа-

тельницам цветы, гирлянды для наколок на дамские платья и т. д. Уборщик и волосочес Бергуан рекомендовал всем плешивым помаду для отращивания волос; из духов – «Вздохи Амура»; он же делал изобретенную им новую накладку для дамских головок, в виде башен с висячими садами а la Семирамид. Другой такой же французский парикмахер Мюльет предлагал мужчинам парики из тонких белых ниток, которые так легки и покойны, что весят только девять лотов; надевая их, не надо помадить волосы толстым слоем сала и обсыпать мукою. Были между парикмахерами великие артисты своего дела, так, Леонар, парикмахер несчастной королевы французской Марии Антуанетты, очень прихотливо распоряжался громадными дамскими куафюрами, пудрой, голубиными крыльями (ails de pigeon) и т. д. Когда революция поколебала французский трон и снесла высокие головные уборы, он переехал из Франции. Про него существует следующий анекдот: раз, причесывая графиню Разумовскую, которая спешила на бал и хотела блеснуть новою прическою, но для этого ничего не было под рукою –

цветы, перья, бриллианты, все это уже было старо – графиня сообщает свое горе Леонару. Парикмахер ходит по комнатам, ожидая вдохновения. Вдруг в уборной графа видит он короткие штаны из красного бархата. Он их хватает, разрезает ножницами, собирает огромным пухом и устраивает графине оригинальный, дотоле невиданный головной убор, имевший громадный успех.

В Екатерининское время за туалетами просиживали целые часы, иная щеголиха засядет в пудермантеле, горничная рвет бумажки, а девчонка бегают, раскаляет щипцы. Одевались тогда более по произволу, хотя и прибегали к модным портнихам, чепечницам и волосочесам. Употребительная прическа молодых красавиц была следующая: делали посередине головы большую квадратную буклю, будто батарею, от нее шли по сторонам косые крупные букли, словно пушки, назади шиньон и вся прическа была не менее полуаршина вышины, что называлось «le chien couchant» (западная собачка). Употребляли пудру разных цветов – розовую, палевую, серенькую, а la vanille (ванильного цвета), а la

fleur d'orange (апельсинного), mille fleurs (разноцветную). Щеголиха держала длинную маску с зеркальцами из слюды против глаз, и парикмахер пудрил дульцем, маленьким мехом или шелковой кистью. Некоторые имели особые шкафы, внутри пустые, в которых пудрились, барыня влезала в шкаф, затворяли дверцы, и благовонная пыль нежно опускалась на ее голову. Девицы ходили в волосах с гирляндами, перьями на головах, иногда с заколками. Старики ходили распудренные в буклях, в парике и с кошельком назади, некоторые носили локоны, бархатные сапоги, трость в руке. Тростями щеголяли – у иного важного вельможи трость стоила не одну тысячу. Трость графа Кирилла Разумовского оценивалась в 20 тыс. руб. – была она вся из агата с алмазами и рубинами. Князь Лобанов-Ростовский имел у себя целую коллекцию тростей, которую купил у него граф И.И. Воронцов-Дашков за 75 тыс. руб. Замужние женщины в конце прошедшего столетия носили на голове троки заколки, тюрбаны с бриллиантами, перьями и платья круглые молдаван с хвостами из бархата, штофа, атласа, люстри-

на, гродетура, гроденапля. Ко двору надевали робы вышитые шелками, с глазетовыми юбками, с длинными, аршина в полтора хвостами или русские с рукавчиками назад, последние стоили по тогдашней цене не менее тысячи рублей. К этому наряду прибавляли фижмы, обшитые обручи, по аршину с боков, которые поддерживали, сжимали, опускали пожеланию. Смешно было видеть двух таких щеголих дам в четырехместной карете. Они корчились, высокая прическа достигала империала, а огромные фижмы высывались из окон кареты. Запросто выезжали в платьях из линобатиста, тарлатана, кисеи, в шляпках, чепцах, летом с зонтиком, зимой в бархатных шубах с золотыми петлицами и с муфтами со большими или из ангора с длинной шерстью. Веер служил занятием для рук, он защищал от солнца, помогал скрыть смех, шепнуть словцо. Белились, румянились очень прилежно, а также сурьмили брови, налепляли мушки величиною с гривенник и кончая мелкою блесткою. Мушка имела значение: большая у правого глаза называлась *тиран*, крошечная, на подбородке – *люблю, да не вижу*, на щеке –

согласие, под носом – разлуку.

В Екатерининское время вошло в моду ходить на красных каблучках (*les talons rouges*). Красные каблуки означали знатное происхождение. Эта мода была перенята у французов, где существовал этот аристократический обычай при последних трех королях.

При Екатерине II, когда на куртагах явилась роскошь в женских туалетах, для дам были придуманы мундирные платья по губерниям, и какой губернии был муж, такого цвета и платья у жены. Юбка у таких платьев была атласная, а сверху что-то вроде казакина или сюртука, довольно длинного, из стамеди, цвета губернии, с шелковой оторочкой другого цвета.

Пудра в начале нынешнего столетия начала исчезать. Молодые модники стали являться в большом свете без пудры, буклей и кошельков. Сначала на это смотрели как на неслыханное новшество, введенное якобинцем Шампаньи и его свитою. Но мода очень скоро взяла свое, и над пудрою в щегольских гостиных стали подсмеиваться. Однако при дворе и в некоторых гостиных, где строго еще

держались старых правил, без пудры никто не смел являться. Молодые щеголи, после визитов в такие гостиные, когда им хотелось побывать еще у кого-нибудь, принуждены были наскоро бежать домой, чтобы вымыть себе голову и предстать в салоны, как того требовала новейшая мода.

Но при императоре Павле никто не смел и подумать о том, чтобы без пудры носить волосы или надеть французское платье. Пудру перестали носить только после коронации императора Александра I, когда она была отменена для солдат. Когда молодой государь перестал употреблять пудру и остриг волосы, то, глядя на него, и другие сделали то же. Но все-таки еще до тридцатых годов нынешнего столетия были знатные старики, которые гнушались новой модой. К таким принадлежали в Москве князь Юсупов, Куракин, Лобанов, Остерман и еще некоторые другие отставные сановники, которые появлялись в обществе во французских кафтанах, в белом жабо, белом пикейном камзоле, в чулках и башмаках.

Богатые вельможи без должностей, начиная с века Екатерины, стали переселяться в

Москву, где они щеголяли роскошью и разными модными нововведениями. Дома их походили на дворцы. В чертогах их были штоф, позолота, бархат, картины, бронза, гобелены, полы из цветного паркета с коврами, у дверей – дюжины официантов в галунах, буклях и шелковых чулках. В таких домах содержалось по пяти докторов, как бы в больнице: один для мужа, другой для барыни, третий для детей и два для слуг. Тогда про лекарей говорили: «Мой знаменит, твой любезнее, прочие подешевле»; гостиная такого барского дома была загромождена софами и новомодными диванами; последние впервые у нас появились после взятия Очакова, название они получили от Потемкина. Перед диванами на столах имели обыкновение раскладывать фарфоровые куколки и игрушки «рококо», стоящие иногда несколько тысяч руб.; такая модная гостиная в то время скорее походила на магазин и служила вывескою безрассудного тщеславия.

В дни балов и модных собраний или раутов, на лестнице с бархатными коврами делали целую рощу из померанцевых деревьев, а

шпалерник представляли лакеи, расставленные по ступеням; за ужином аршинные стерляди, малины и вишен целые горы, несмотря на январь месяц; приезжали гости на такие праздники в семистекольных каретах, цугом, назади два араба или егеря, впереди два вершника и два скорохода.

Богатыми в Екатерининское время слыли такие, кто имел до 9 тыс. руб. дохода – эти счастливицы выходили из общего уровня, держали более слуг, лошадей и т. д.

Дома такие помещики имели в столицах собственные; последние переходили от одного поколения к другому и оставались в роду без переделок; до начала нынешнего столетия не выводили ни одного дома с колоннами, всюду господствовала простота. На лестнице рядом были кладовая с железною дверью и двое огромных сеней, одни за другими, которые перегораживали строение; особой прихожей не было, частенько босая девка отворяла дверь. Одноэтажный дом стоял из семи-восьми комнат под сводами: для хозяев – спальня, кабинет; для дочерей и сыновей, сколько бы их ни было, с учителем, также по

одной, столовая, гостиная, девичья; полы дощатые. В приемной комнате – софы, кресла из черной кожи с медными гвоздиками или плетеные из ремешков, обои с грубыми разводами петушками, с человеческими лицами коричневого и с облаками зеленого цветов; трюмо из составных стекол, окрашенные, с одной резьбой, заменяли зеркала; в окнах мелкие переплеты – такие дома походили на темные архиерейские кельи. Раз заведенный порядок в таких домах не нарушался; поутру собирались к чаю, затем расходились: барышни – за рукоделья, мальчики – за уроки. Обед в этом доме в полдень, яства самые простые: щи, каша в горшках и бутылки с квасом; хозяин в тулупе, хозяйка в салопе; за столом каждый день обедал приходский поп, который сидел по правую руку, рядом с ним – приходский учитель и шут; по левую сторону – толпа детей, старуха-нянька, мадам и гувернер-немец. Такой хозяин дома был обыкновенно старый князь, владелец тысячи душ крестьян, помнящий страх Божий и воеводство.

Обеду него из деревенских запасов, придет гость, к столу прибавят левашники или

дутый пирог и бутылки белого вина; после обеда отдых, хозяйева спят и потом все обедающие сходятся вместе, раскладываются карты, хозяин читает печатные ведомости, отписки из деревень, супруга вяжет чулок; вечером горят сальные свечи, казачок снимает с немцами или щипцами нагоревшую светильню; в десять часов все уже члены семейства спят. Слуги такого дома оборваны, грубы, вечно пьяны; в прихожей старые лакеи сидят и вяжут чулок. Комнаты без обоев; на стенах висят произведения кисти крепостного художника по обыкновению, картины со следующими сюжетами: Юдифь, держащая окровавленную голову Олоферна над большим серебряным блюдом, или обнаженная Клеопатра с румяными грудями, которые кусает огромная змея.

Такой помещик имел также свой штат: у него жили бедные дворянки с детьми, мамы, няни, барские барыни; первые жили на покое, вторые выдавали сахар, кофе, чай, наблюдали за хозяйством; барские барыни одевали госпожу, смотрели за ее гардеробом, чистотою комнат, выезжали с барынею по го-

стям. Из мужчин главными лицами были дворецкий, дядька сыновей, затем казначей, парикмахер, стряпчий, были еще в доме купчины; стряпчие хлопотали всякий день в присутственных местах, редкий помещик не имел тяжбы; второй – раза два поутру сбегает в ряды за шпильками, булавками, за палочкой сургуча. Спали мамы, няни в детской на сундуках, скамейках; мужской персонал – в столовой, передней, на войлоках. Слуги тогда по большей части отличались высоким ростом, дородством и важной осанкой. В числе домашних забавников стояли за стульями во время обеда господ карлики, шуты и дураки; шуты были в шелковых разноцветных париках, с локонами, в чужом кафтане, в камзоле по колено; они передразнивали господ, ругали их, им позволялось говорить правду, дураки были одеты в одежде из лоскутков, над ними все смеялись, дергали, толкали, мазали их горчицей по губам и всячески им надоедали.

III

Модная галломания. – Подражание иностранцам. – Характеристика московских модников. – Республиканские прически. – Ще-

голи и щеголихи начала XIX столетия. – Знаменитая «гардероба» графа Разумовского. – Щегольство графини Разумовской

Мода ко всему французскому и введение французского языка во всеобщее употребление в России начались в царствование императрицы Елизаветы Петровны; в то время так она вкоренилась в обществе, что даже в официальных бумагах многие казенные учреждения стали появляться под французской кличкой. Так, например, Российская Академия наук в это время стала называться «Дасианз академия». В эти годы двор, как и дворянство, стали бредить, подражать и преклоняться всему, что приходило из Парижа. По словам современников, в те годы приезжий иностранец не имел нужды в своей ложке и тарелке: везде двери для него были отворены: «Милости просим, чем Бог послал – кушай на здоровье, не брани». Подражанием иностранцам, кажется, посейчас еще страдает русское общество. Такие рабские подражания французам осмеяли наши лучшие тогдашние драматурги Княжнин и Фонвизин. Первый в лице героя

Фирюлина модной в то время пьесы «Несчастье от кареты», и второй – в «Бригадире», душа сына которого, как говорит одно из действующих лиц комедии, принадлежит французской короне. И.А. Крылов еще злее посмеялся над тогдашней столичной и провинциальной галломанией. Смеялся также много и граф Ростопчин над французским языком и полубарским воспитанием значительной части дворянского сословия. В первых годах нынешнего столетия, кажется, все хотели прослыть иностранцами. Посетивший в 1810 году Москву поэт Батюшков вот что о ней писал в письме к своему приятелю: «Здесь все картавят и кривляются. Зайдя в конфектный магазин, на Кузнецком мосту, где жид или гасконец Гоа продает мороженое и всякие сласти, я видел большое стечение московских франтов, в лакированных сапогах, в широких английских фраках и в очках, и без очков, и растрепанных прическах. Этот, конечно, англичанин – он, разиня рот, смотрит на восковую куклу. Нет, он русак и родился в Суздале. Ну, так этот француз, он картавит и говорит с хозяйкой о знакомом ей чревовещателе, кото-

рый в прошлом году забавлял весельчаков парижских. Нет, это старый франт, который не ездил далее Макарья и, промотав родовое имение, наживает новое картами. Ну, так этот немец, этот бледный, высокий мужчина, который вышел с прекрасной дамою? Ошибся! И он русский, а только молодость провел в Германии. Но по крайней мере жена его иностранка: она насилу говорит по-русски. Еще раз ошибся: она русская, любезный друг, родилась в приходе Неопалимой Купины и кончит жизнь свою на святой Руси. Прошу заметить еще пожилого человека в шпорах. Он изобрел в прошлом году новые подковы для своих рысаков, дрожки о двух колесах и карету без козел. Он живет на конюшне, завтракает с любимым бегуном и ездит нарочно в Лондон, чтобы посоветоваться с известным коновалом о болезни своей английской кобылы».

В иностранных книжных лавках Батюшков видел беспрестанно покупающих модниц, не уступающих парижским в благочестии, которые с жадностью читают глупые и скучные проповеди, лишь бы только они были написаны на языке медоточивого Фенело-

на, сладостного друга почтенной девицы Гион. Придя в городе, здесь он видел совершенно восточный базар: тут были грек, татарин, турок в чалме и в туфлях; там сухой француз в башмаках, искусно перескакивающий с камня на камень, тут важный персиянин и т. д.

На модном тогда Тверском бульваре опять целая толпа праздных жителей. Хороший тон и мода требовали, чтобы сюда приходили франт и кокетка, и старая вестовщица, и жирный откупщик и т. д. Какие странные наряды, какие лица! Здесь вы видите приезжего из Молдавии офицера, внука придворной венской красавицы, наследника подагрика, которые не могут налюбоваться его пестрым мундиром и невинными шалостями. Тут вы видите провинциального щеголя, который приехал перенимать моды и который, кажется, пожирает глазами счастливец, прискакавшего на почтовых с берегов Секваны – в голубых панталонах и в широком безобразном фраке. Здесь красавица ведет за собою толпу обожателей; там старая генеральша болтает со своею соседкой и возле них откупщик, тяжелый

и задумчивый, который твердо уверен в том, что Бог создал одну половину рода человеческого для винокурения, а другую – для пьянства, идет медленными шагами с прекрасною женою и с карлом. Университетский профессор в епанче... пробирается на пыльную кафедру. Шалун напевает водевили и травит прохожих своим пуделем, между тем как записной стихотворец читает эпиграмму и ожидает похвалы или приглашения на обед.

В конце прошедшего столетия особенно сильно подражали французам: бывшие моды и революции Версаля уже не появлялись у наших щеголей и щеголих; последние из маркиз превратились в диан, галатей, венер, аврор, весталок и омфал. Платья на манер этих древних богинь вывели из употребления фалбалы и палатины на польский и немецкий лад и другие наряды на английский манер. Прическа мужчин и женщин состояла из коротко подстриженных на шее волос, так, как стригли волосы тем, которых гильотинировали. Такая прическа называлась *ala Titus* и *a la Гильотен*. Вместо башмаков женщины носили сандалии на босую ногу, и на пальцы ног

вдевали бриллиантовые кольца. Греческие моды, подобно Франции, у нас держались довольно долго, и женщины носили сперва обтянутые батистовые платья, надевали на обыкновенные рубашки, потом вместо таких прозрачных носили кисейные на батистовых рубашках и после совершенно уничтожили рубашки и надевали трико, украшая ноги и руки золотыми обручами, которые надевали даже выше колен. У мужчин вошли еще безобразнее одеяния: фраки с длинными и узкими фалдами, жилеты из розового атласа, сапоги с кистями и огромные галстуки, закрывающие подбородок, длиною в несколько аршин, которые надлежало обматывать вокруг шеи.

С 1800 года модные женские платья не были особенно красивы: платья носили очень узенькие, пояс под мышками, спереди нога видна по щиколотку, а сзади у платья хвост; вскоре платья совсем окургузели и вся нога стала видна; на голове начали носить какие-то картузы; безобразие чепцов и шляп было такое, что теперь себе нельзя представить. Только у пожилых дам туалеты были

еще хороши и несравненно богаче; тогда замужние женщины носили материи, затканые серебром, золотом и цельные глазетные. Роскошь в нарядах после коронации Александра I была большая: с того времени современники стали замечать большое великолепие, особенно в бальных платьях, и с этой же эпохи стали отделять роскошно комнаты в домах и начали обедать часа в четыре и пять – не так, как прежде, в двенадцать.

В эти годы мужчины на балы являлись всегда в шелковых чулках и башмаках, явиться в сапогах на бал никто не посмел бы, и только военные имели ботфорты, статские все носили башмаки, на всех порядочных людях были дорогие кружева, это много придавало щеголеватости. Кроме того, пудра на других очень красива. Женщины и девицы еще румянились, от этого не бывало зеленых и желтых лиц. Сутра румянились слегка, но вечером, перед балом, румянились сильно, были и щеголи, которые прибегали к этому тоже. Обычай румяниться на Руси – самый древний и, по словам иностранцев, бывших у нас в XVIII веке, румянились у нас все женщины, начи-

ная от княгини до последней крестьянки. Из исторических щеголей известен Лев Разумовский, в свое время он превосходил любезностью и щегольством всех своих современников. Не раз отцу этого франта приходилось уплачивать долги молодого щеголя. Однажды к отцу его явился портной со счетом в 20 000 руб. Оказалось, что у графа Андрея в «знаменитой его гардеробе» одних жилетов было несколько сотен. Разгневанный отец повел графа Андрея в кабинет и, раскрывая шкаф, показал ему кобеняк и мерлушечью шапку, которую носил в детстве.

– Вот что носил я, когда был молод, не стыдно ли тебе так безумно тратить деньги на платье, – сказал гетман.

– Вы другого платья и носить не могли, – хладнокровно отвечал сын. – Вспомните, что между нами огромная разница, вы – сын простого казака, а я – сын российского фельдмаршала.

Гетман, любивший и сам отпустить острое словцо, был обезоружен ответом сына.

Жена брата этого Разумовского, графиня Мария Григорьевна, отличалась еще боль-

шею безумною роскошью в своих туалетах. Страсть ее к нарядам доходила до того, что когда в 1835 году в Вене собиралась она возвратиться в Россию, то просила проезжавшего через Вену приятеля своего, который служил в Петербурге по таможенному ведомству, облегчить ее затруднения, ожидавшие ее в провозе туалетных пожитков.

– Да что же намерены вы провезти с собою? – спросил он.

– Безделицу, – отвечала она. – Триста платьев!

Графиня Разумовская очень любила Париж и, как простодушно сознавалась, любила его потому, что женщины немолодые там носят туалеты нежных светлых оттенков «Ах, улица эта губит меня», – шутя говаривала она на другой день после приезда своего, гуляя по rue de la Paix. В Париж она уезжала каждые три года. Перед коронацией покойного государя графиня решила туда съездить, чтобы заказать приличные туалеты для готовящихся торжеств в Москве. Петербург не был еще связан сетью железных дорог с Европою. Путешествие было долгое и утомительное. Гра-

финя, нигде не останавливаясь, одним духом доехала до Парижа – ей было тогда 64 года, приехала она довольно поздно вечером, а на другой день, утром как ни в чем не бывало гуляла по любимой своей rue de la Paix. В то время в Париже находилась старая венская приятельница и ровесница графини, княгиня Грасалькович, урожденная Эстергази, славившаяся тоже необыкновенною своею бодростью, несмотря на свои преклонные лета. Узнав, что Разумовская одним духом доскакала до Парижа для заказа нарядов, княгиня с завистью воскликнула: «После этого мне остается только съездить на два дня в Нью-Йорк».

Мода на драгоценные камни у нас существует исстари, еще московский великий князь Василий Иоаннович к немалому соблазну своих современников следовал моде записных щеголей Западной Европы, навешивал на себя пуговицы, ожерелья, на руках носил множество перстней, мазался благовониями, притирал себе губы, сурьмил брови, румянил и белил щеки и т. д. По свидетельству епископа Алансонского Арсения, присутствовавшего на парадном приеме, сделанном

в Золотой палате царицею Ириной Годуновой, женою царя Федора Ивановича, на царице так много было драгоценностей, что смотреть на нее без удивления нельзя было, наряд ее был весь покрыт алмазами, изумрудами и жемчугами. Историки, видевшие венчание царя Алексея Михайловича, говорят, что на царице так много было драгоценностей, и брачный наряд так был тяжел от драгоценных камней, что царица вынуждена была переодеться. То же самое повторилось и с императрицею Анной Иоанновной в день ее коронации. Один только император Петр I не особенно уважал блеск драгоценных камней, хотя и посылал за ними первых разведчиков, голландцев и итальянцев, на Урал. Но зато его любимец Меншиков у себя имел их на миллионы. Миних в своих воспоминаниях рассказывает, что императрица Анна в угоду временщику Бирону тратила много миллионов рублей на покупку бриллиантов и жемчугов для его жены. Платье последней стоило до 400 000 руб. и другое, осыпанное жемчугом, 100 000 руб. Бенигна Бирон носила на себе бриллиантов на 2 млн. руб. При императрице

Елизавете Петровне, по рассказам бриллианщика Позье, бриллиантов при дворе было столько, как ни у одного европейского двора. Он говорит, что когда в первое время по восшествии своем на престол император Петр III выписал из Германии своего дядю принца Георга Голштинского и его семейство, то он принужден был им наделать несколько уборов из фальшивых камней разных цветов, подобранных и перемешанных с бриллиантами, чтобы, когда они явятся ко двору, то наши дамы не сказали бы: «Смотрите-ка, эти иностранки чуть не голые приехали к нам». Бриллианты всегда были мерилom богатства. Хотя у многих наши аристократок были и поддельные, и одно время, в начале нынешнего столетия, был обычай на балы даже являться в чужих бриллиантах, и случалось даже так, что сегодня взятые напрокат бриллианты были надеты на одной и завтра на другой, хотя все это знали, но не считали это предосудительным.

Царствование императрицы Екатерины II можно назвать веком моды на бриллианты и цветные камни. Царедворцы ее века все щего-

ляли драгоценными камнями. Кирилл Разумовский имел целый мундир, залитый бриллиантами. Потемкин носил на голове шляпу, всю осыпанную бриллиантами. У него на празднике в Таврическом дворце танцевали двадцать четыре пары из значительных фамилий в костюмах, украшенных бриллиантами, которые в итоге стоили десять миллионов рублей. Граф Нельи рассказывает про модника Екатерины II Зубова, что его мундир был залит бриллиантами и что он имел страсть носить в кармане камзола алмазы, которые пересыпал на руке, любуясь их игрою и блеском.

Дочь графа Орлова-Чесменского владела коллекцией драгоценных камней, которые в сложности стоили не один миллион. У ней на шее была длинная нить крупного жемчуга, в несколько раз обвитая вокруг шеи, она спускалась до пояса. Каждая жемчужина была величиной, как две самые крупные горошины, положенные одна возле другой, т. е. продолговатые и удивительного блеска. Нить этого жемчуга оценивалась в 600 тыс. руб. Покойная императрица Александра Федоровна го-

ворила: «Je n'ai pas de perles telles que la comtesse Orloff».[14]

Дорого стоившею страстью – собирать бриллианты – известна была Татьяна Васильевна Юсупова, в числе ее драгоценных камней был между прочим ею куплен знаменитый бриллиант, называемый «Полярная звезда»; она купила также диадему бывшей королевы неаполитанской Каролины, жены Мурата, и жемчужину, известную под именем «Перегрины», стоившую 200 000 руб. и принадлежавшую некогда королю испанскому Филиппу II. Кроме того, у нее было огромное собрание камней с вырезанными на них эмблемами и девизами.

В начале нынешнего столетия мода на драгоценные камни особенно сильно процветала, и были даже особы мужского пола, которые ими себя украшали. Вигель в своих воспоминаниях описывает одного такого, который в пятьдесят лет румянился, белился, сурьмил себе брови, чернил волосы и, следуя старинной моде, носил двое часов или по крайней мере от них две цепочки с брелоками, которые длинно висели из жилетных его

карманов и которыми он побрякивал. Табакерки из яшмы, перстни бирюзовые, аметистовые, коими покрыты были его пальцы, и наконец две цепочки из разных камешков, которые поверх жилета носил он крестообразно; всего же примечательнее в его сокровищнице был огромный лалл, который при важных оказиях в виде застежки являлся у него на груди.

Мода на драгоценные камни немного упала в начале царствования императора Александра I. Это случилось после расхищения гардемебля во Франции, когда все легковесные драгоценности были увезены из Парижа и фортуны раздробились, сравнялись; новая мода, которую война и торговля потом так быстро создали, не успела еще составиться, и женщины вместо бриллиантов принуждены были украшаться камнями и мозаиками, их мужьями и родственниками награбленными в Италии.

Нам и тут надобно было подражать: бриллианты, которыми наши дамы были богаты, все были попрятаны и предоставлены для ношения купчихам. За невероятную цену стали

доставать тогда резные камни, оправлять золотом и вставлять в браслеты и ожерелья. Это было гораздо античнее. В Москве в это время проживал богатый помещик Голо-ов, который на украшение из камеев потратил все свое состояние. Он платил за одну камею какого-нибудь античного мастера по пяти тысяч рублей и более.

IV

*Страсть к духам и косметикам. – Доктo-
Сра. – Модные обмороки и нервы. – Модная
страсть к минеральным водам. – Лекарство
от всех болезней. – Эпоха танцевального увле-
чения. – Страсть к музыке. – Обожание певцов
и певиц*

Косметики и духи вошли в употребление у нас только в конце прошедшего столетия; с этого времени наши придворные дамы, кроме гулявной воды (розовой) да зорной и мятной настойки (холодец), других духов не знали. Первыми явились в моду при Екатерине II «Амбровые яблоки», род саше; последние считались предохранительным средством от чумы и других эпидемических болезней. Вместе

С ними стали получать из-за границы кармскую мелисную воду, затем лоделаван (лавандная настойка). Общеупотребительный теперь одеколон появился после похода наших войск в Францию; последний очень любил Наполеон I и мыл им плечи и голову. Щеголихи Екатерининских времен для восстановления своей увядшей телесной красоты брали молочные и земляничные ванны. Первые духи были «Вздохи амура» и затем «Франжипан», изобретенные итальянцем Меркурио Франжипани. В числе косметических средств наши красавицы-прабабушки употребляли для лица следующие простые вещи: для мягкости кожи обкладывали лицо на ночь парной телятиной; от веснушек натирали лицо раздавленными сорочьими яйцами; для гладкости и белизны употребляли дынное семя, тертое с бобовой мукой, также огуречное молоко; прыщи с лица сводили отваром травы исоба. Мыло первое у нас стало известно казанское яичное, ввели его в употребление татары. Пудра первая была привезена из Франции, называлась она а la марешаль; там она явилась во время регентства. Первые фран-

цузские помады для волос стали употреблять в Павловское время, цена за небольшую банку стояла очень высокая, не менее одного рубля. Для белизны лица наши барыни натирали лицо свинцовыми белилами, румянились кошенилью и также втирали в щеки бодягу. Мушки, как мы уже говорили, тогда играли большую роль; изобретены они были в Лондоне герцогиней Нью-Кастель – под ними она скрывала прыщи, бывшие у нее около рта. Мушки у нас готовили из черной тафты, носили их всегда при себе в очень изящных золотых, черепаховых и перламутровых маленьких табакерках; мушки имели самые прихотливые рисунки звезд, луны, собак, лиц и даже карет, запряженных четвернею лошадей. Были также еще известны в старое время косметические маски Поппеи; последние надевали на ночь на лицо и после утрома употребляли утиральники Венеры; это были куски замши, натертые спермацетом с белилами; надевали на ночь такие же перчатки и на руки. Очень модным в конце прошлого столетия считалось на груди носить блошные ловушки на шелковой ленточке или золотой

цепочке; ловушки делались из розового дерева, слоновой кости, из серебра или золота; это были небольшие трубочки со многими дырочками, снизу запертые, а вверху открытые, в которых ввертывался ствол, намазанный кровью, медом, сиропом или какою-нибудь липкою жидкостью.

Также в числе модных всяких увлечений в русском обществе была и страсть к докторам и разным лекарственным панацеям. Иностранные медики еще в царствование Екатерины II считались не лучше цирюльников и в полках у полковых командиров и штаб-офицеров как бы жили в услужении; при их домах исполняли домашние поручения, как, например, расчесывали их парики и прочее. Но в 90-х годах доктора уже стояли в большом почете и за визиты им платили слишком щедро – рублей десять, двадцать пять и даже за визит в уездах рублей сто. Первые иностранные доктора были выписаны из Англии в 1581 году; скорее это были фельдшера. Назначение докторов зависело от первенствующего в государстве медика, носившего звание *архиатера*; звание это у нас существовало до

учреждения медицинской коллегии 12 сентября 1763 года, последний архиатер был Кондоиди. За иностранными лекарствами у нас нарочно посылались доктора в иностранные земли, но были медикаменты и отечественные; последние собирались под видом особой подати, для чего заведены были особенные записные книги. Так, например, из поволжских губерний и Астрахани привозили солодковый корень, из Сибири – барьян, от болгар и китайцев – ремень; последний продавался долгое время исключительно от казны. При царе Алексее Михайловиче разведены вдоль западной стороны Кремля и в селе Измайлове аптекарские огороды; к собиранию и распознаванию трав служили так называемые травники, державшие рисунки и описание растений. Первая русская лечебная книга была переведена с польского языка в 1588 году; русские лекаря и рудометы (кровеветатели) получили образование от прибывших медиков-иностранцев; первые такие были набраны из стрелецких детей. В древности у нас у каждой царевны была своя бабка-лекарка; лишь Наталья Кирилловна, первая царица,

лечилась у мужчины, гортанного лекаря Ивашки Губина. Страсть к знахарям и знахаркам у нас долго держалась. Кирилл Разумовский тоже пользовался от подагры у какой-то бабы, которая грызла ему ногу и прикладывала сопранизированных котов в виде припарки. Орлов-Чесменский тоже был вылечен знахарем Ерофеичем, давшим свое имя известной водочной настойке. Женские нервы в конце нынешнего столетия не были еще известны, хотя и тогда прекрасные половины падали в обмороки. Обмороки в это время вошли в большую моду и последние существовали различных названий: так, были *обмороки Дидоны*, *капризы Медеи*, *спазмы Нины*, *ваперы Омфалы*, *обморок кстати*, *обморок коловратности* и проч. и проч. Нервы стали известны чуть ли не в двадцатых годах нынешнего столетия; стали входить они в моду вместе с искусственными минеральными водами или, как их тогда называли, кислыми.

В ряду модных явлений обыденной общественной жизни в двадцатых годах нынешнего столетия особенно резко сказалась страсть аристократического общества к лечению ми-

неральными водами. Новизна и мода влекла праздное общество к питью кислых вод. В эти годы весною вся аристократическая Москва просыпалась уже в пятом часу утра и катила на всевозможных экипажах в заведение старого московского врача Лодера, устроенное над Москвой-рекой близ Крымского брода. Лодер вместе с молодым доктором Енихеном первый завел в России искусственные минеральные воды. Помещались они в очень обширном саду с галереями. Здесь уже в пятом часу утра гремела музыка и бродили толпы гуляющих больных. В первые годы больше всего лечились дамы и затем старики-сановники от неизлечимой болезни старости. Слава заведения Лодера искусственных вод была настолько сильна, что сюда съезжалась публика со всей России. В Петербурге минеральные воды открыли только в конце тридцатых годов. По предписанию Лодера при питье вод больные должны были ходить три часа; это ходьба, на взгляд простолюдина бесцельная, и вызвала поговорку, характеризующую праздную гуляку: «Лодерем ходит». Названное заведение в короткое время получило та-

кую известность, что в Москву на минеральные воды не только что приезжали из Петербурга, да и из Сибири. Особенно сильно на них тянуло прекрасный пол. В «Московском вестнике» 20-х годов встречаем следующее интересное описание этих вод: «Янсон! Янсон! Взгляни в окно: верно пожар? Скачут, стучат... невозможно долее спать! Шестой час и некому, кроме пожарных, будить Остоженку». – «Нет, сударь! не видно ни огня, ни дыму, небо ясно, но множество карет, колясок и дрожек тянутся... Странное дело! в шестом часу утра такой разъезд, это что-то необыкновенное». Спрашивающий одевается и выходит на улицу, здесь он встречает своего знакомого, который объясняет ему причину такого движения. Он идет с ним в заведение вод, и когда приходит к нему, то видит: весь его двор уставлен экипажами, сотни лакеев толпились перед крыльцом, посетителей была масса, они наполняли и здание минеральных вод, и большой сад. Мальчишки, раздававшие воду, едва успевали наполнять кружки и снабжать подходивших листочками шалфея для очищения зубов. Подрумяненные старуш-

ки, румяные женщины, бледненькие дочки, кавалеры всех сортов и рангов тянулись непрерывною цепью к источникам здоровья, к мальчикам, разливавшим воду. Убогий оркестр наигрывал старинные марши и жосезы. Только ливреи и бороды, не постигая фантазии своих господ, забавлялись на их счет; один кучер уверял, что господ обманывают: «Я сам видел, как брали воду из Москвы-реки». Один москвич, пивший эти воды, почтил их следующими стихами:

*Лишь только пять часов пробьет,
Жена моя уже одета.
И под крыльцом стоит карета,
И мы с пяти часов утра
Уж едем с нею со двора.*

и т. д. В эти же года явилось много излюбленных лекарств, или панацей, которыми лечились от всех болезней; к таким принадлежали: жизненный эликсир шведского столетнего старца; это была настойка из сабура, шафрана и горьких пряных кореньев; затем большой эффект производили также Гарлемские капли, будто бы добываемые со дна Гарлемского озера; затем наши отечественные

лекарства были: *самохотовский эликсир* от ревматизма, *майский бальзам* надворного советника Немчинова, *аверин чай от золотухи*, *камергерский шауфгаузенский пластырь*, последний даже рекомендовался «от неловкого шага (?)» и, как гласило описание, приготовлялся из каких-то червей. Также с этих лет вошло в большое употребление носить фонтанели на руках и лечиться китайским иглоукалыванием и т. д. Потребность общественной жизни в больших городах была причиной открытия и модных клубов. Первые такие дворянские собрания открылись в Петербурге и Москве в царствование Екатерины II. Начинались они 24 ноября, в день именин императрицы, и кончались 21 апреля, в день рождения государыни, и если этот день приходился не в Пост, то этим днем и оканчивались собрания. Съезжались обыкновенно сюда в 6 часов, и в 12 часов все разъезжались по домам. В Москве, например, великолепная и обширная его зала, окруженная с трех сторон колоннами, за ними балюстрада отделяла возвышенные площадки, где играют в карты, сидят, приходят, а в середине беспрерывно

танцуют. Танцевальный зал в былые годы вмещал до пяти тысяч посетителей. В старину ни один из клубных дней не был пропущен обычными посетителями; тогда не входило в обычай переменять всякий раз платье, и небогатая провинциалка стояла рядом с первою щеголихою. Здесь не считали генеральши унижительным находиться в обществе с ассессоршами и секретаршами; составлялись кадрили и танцевали от души до упаду. К Масленице приезжали из Петербурга гвардейские офицеры и в польских, в экосезах заключали брачные союзы. Но в первое время по учреждении собрания танцующих бывало немного, потому что менуэт был танец премудреный: поминутно, то и дело, что или присядь, или поклонись – и то осторожно, а то с чужим лбом стукнешься, или толкнешь в спину, или оборвешь чужой хвост платья и запутаешься. Танцевали только умевшие хорошо танцевать; то и дело было слышно: „Пойдемте смотреть, танцует такая-то с таким-то“, – и потянутся из всех концов залы, обступят круг танцующих и смотрят, как на диковинку, как дама приседает, а

кавалер низко кланяется: тогда в танцах было много учтивости и уважения к дамам, вальс тогда еще не знали, и в первое время, как он стал входить в моду, его считали неблагопристойным танцем, как это – обхватит даму за талию и кружит ее по зале.

Позднее, как описывает англичанин Ж.К. Пойля в своих мемуарах, для летучих вальсов в целой Европе мастера только были русские, и кроме русских дам, этих чересчур быстрых, почти воздушных, не выдержит ни англичанка, ни немка, ни француженка. В самом деле, тогда быстрота с ловкостью в вальсе составляли всю славу наших танцев, и потому аристократический круг нашей молодежи, так сказать с детства сроднившийся с ловкостью вальсировать, резко отделял себя от экосезных и от экосезов, не трудных всякому. При императора Павле на вальс, или, как его тогда называли, *вальсон*, вышло запрещение. Но особенно при Екатерине II вошел у нас на балах в большое употребление полонез или польский. Им начинался каждый бал. Огинский и Козловский обессмертили его, написавши каждый по прелестному такому поло-

незу. Обыкновенно в полонезе в первой паре шел хозяин дома с почетнейшею из дам, мужчины выступали в нем сановито и выделявали величавые па, меняли руки и т. д. Полонез длился по получасу; все приглашенные гости принимали в нем участие. В начале нынешнего столетия, как пишет П.М. Дараган, полонез, заменив менуэт, исполнялся на петербургских балах под названием «круглого польского» вместе с вальсом. После польского шли на балах ала греки, котильоны, англезы, гавоты, тампеты, матрадуры и манимаски.

Первый из названных танцев исполнялся двумя парами; котильон, по определению танцевального словаря, то же что и контрданс, его плясали от четырех до восьми пар, и каждое лицо представляет свою роль попеременно. *Англез* по идее была пантомима любви и ухаживанья: женщина выделявала эволюцию следующего рода: то она убегала и уклонялась от ухаживания кавалера, который ее преследовал, то опять, подразнивая и кокетничая с ним в обольстительной позе, будто отдавалась ему, но когда он приближался, то мгновенно ускользала от него.

Гавот был старинный французский танец медленных телодвижений. *Тампет*, как и название его – буря, выражал страстность и бурю телодвижений; *матрадура* – был танец вроде нынешнего кадрили, а *манимаска* – очень красивая полька с фигурами. Русские танцы, которые иногда танцевали и при дворе, были по большей части хороводные и самый популярный *метелицы*, род кадрили. Такие русские пляски и хороводы устраивались при дворе Екатерины в дни Святков и на Масленице и также в старину в барских домах на девичнике, где съезжались родственники, молодые подружки, тогда там пели песни, под которые плавно в хороводе ходили павами танцующие девицы; вот под какие песни плясали: «Отставала лебедушка от стада лебедино-го», «Недолго веночек висел на столпике», «На море купалась утица, полоскалась серая» и т. п. Хором веселили помолвленную. Этот древний обычай означал прощальное торжество семейства. Особенно славилась своею русскою пляскою дочь чесменского героя, графиня Анна Алексеевна Орлова. В Александровское время русская пляска вошла в боль-

шую моду и на сцене, и в обществе исполняли ее с большим жаром. В Павловское время все танцы носят строго серьезный характер – сам государь на придворных балах принимал в них участие. Волкова в своей «Грибоедовской Москве» рассказывает про эпоху 1810 года, что тогда плясали без отдыха, каждый день и не только по вечерам, на непрерывных балах, но и по утрам, на «завтраках с танцами».

Известный балетмейстер Глушковский, рассказывая про эту эпоху, говорит, что все первоклассные учителя балльных танцев были завалены уроками, и что престранную картину представляли иногда тогдашние танцклассы. Тут можно было видеть мальчика лет восьми, с булочкой в руке, прыгающего чижиком, немца-старичка с подвязанными зубами, который задыхается, но танцует до поту лица, армянина в национальной одежде, пожилых и молодых барынь, в папильотках на голове, которые со всеми грациями стараются выделять падезефир и, поглядывая на всех, как будто спрашивают. «А что, какковы мы?». По словам Глушковского, реперту-

ар тогдашних бальных танцев был самый обширный; в то время танцевали: экосез, вальс, котильон, французскую кадрили в восемь фигур, гротфатер, полонез-сотан, пергурдон, гавот, вестриса, мазурку в четыре пары; характерные танцы – русскую, па-де-шаль, фанданго, матлот, венгерку, краковяк, алеманд, падекозак. В 1810 году завезена к нам из Парижа мазурка; последняя в эти годы вошла в большую моду, ее танцуют в четыре пары; по словам Глушковского, ее очень красиво танцевал актер Сосницкий: танцуя мазурку, он не делал никакого усилия, все было так легко, зефирно, но вместе увлекательно. Сосницкого приглашали наперехват во все аристократические дома как бального кавалера, так и танцмейстера. В сороковых годах сделалась самым модным танцем полька-редова и затем просто полька.

Осторожная, простая жизнь не могла пребывать в одном положении и постепенно изменялась. Прогресс внедрялся, показались прихоти, вкус, молодые красавицы вышли из-заперти. До сороковых годов нынешнего столетия девицы проводили время не лучше, как

в монастырях: сидели за пядьцами или вязали кошельки, подвязки, шнурки и быстро перекидывали коклюшки. Мама в очках, с чулком в руках забавляла рассказами о красоте своей. В молодости или как нападали на помещиков разбойниками, и как господа охотились в старые годы. Книг в то время было очень мало, читали всякую, без разбора, особенно сильное впечатление производили страшные романы мадам Радклиф или чувствительные Дюкре-Дюмениля. Матери редко брали дочерей с собою и то к старушкам – бабушкам, тетушкам; редко также бывали у девиц подруги. Всякое сообщество с мужчинами строго запрещалось, они и близко не подходили к ним. Увидели бы их разговаривающих – Боже упаси! Такая бы молва пошла. Дочь неотлучно находилась при матери. Но минуло это время, девицы не стали бояться мужчин, молодые красавицы вышли иззапирти, в домах слышалось бряцанье клавикордов, пение итальянских арий и т. п.

Увлечение музыкой в дворянских домах началось еще со времен Елизаветы Петровны, и наши молодые аристократки стали

брать уроки музыки на арфе. Все наши молодые дипломаты были тоже записные меломаны. Петр III превосходно играл на скрипке, Корсаков, Ланской, Андрей Разумовский тоже были хорошие виртуозы на этом инструменте. Первые клавишины – первообраз нынешних фортепьян – у нас появляются в конце царствования Екатерины II. Потемкин тоже очень любил музыку; у него неотлучно жил самородок скрипач и балалаечник Хандошкин. К Потемкину под Очаков собирался приехать Моцарт; Андрей Разумовский тоже не расставался с Гайдном и сам участвовал в квартетах; знаменитого Гайдна поражало в русском меломане тонкое музыкальное чутье, благодаря которому в сочинениях Гайдна он угадывал самые сокровенные побуждения, остававшиеся для большинства публики недоступными. Бетховен тоже находит в Разумовском вдохновенного покровителя и друга. Потемкин в своих походах возил с собою итальянскую оперу вместе с известным композитором Сарти, а также большой оркестр и капеллу певчих. Нарышкин, Безбородко, Строганов также щеголяют своими оркестра-

ми. Особенно наши вельможи любили кататься по Неве на катерах со своей музыкой, и эта мода у нас особенно сильно процветала в царствование Александра I. А.Л. Шлецер рассказывает: «В душный летний вечер сижу я за своим письменным столом и слышу, вот идет Григорий Орлов на яхте вниз по Неве, за ним – вереница придворных шлюпок... впереди лодка с сорока приблизительно молодцами, производящими музыку, какой я в жизни не слышал, а я воображал, что знаю все музыкальные инструменты образованной Европы. Казалось, как будто играли на нескольких больших церковных органах с врытыми трубами в двух низших октавах, и вследствие отдаленности звук казался переливающимся и заглушенным». Это было так же ново для уха, как изобретенная впоследствии гармоника. Играл оркестр роговой музыки, изобретенной в России в 1757 году капельмейстером Нарышкина Марешем. По словам графа Кемеровского, междутогдашними меломанами ревность к искусству и к артистической славе породила зависть и соперничество. Великосветские музыканты не гнушались иногда иг-

рать со своими крепостными артистами. В описываемое время молодой князь Репнин состязался на флейте с придворным виртуозом, и его игра ставилась знатоками выше; в его же время слыла большой музыкантшей на клавесине княжна Кантемир. Сподвижница царицы Екатерины II Дашкова тоже известна была как музыкантша. Музыка в это время входила в круг образования великосветских людей, особенно дамы и барышни пели и играли на разных инструментах. В Москве и Петербурге баре учреждали хоры певчих, где сами пели вместе с крепостными людьми. Славились в то время в Москве хоры: Чашниковский, Бекетовский и Колокольниковский, в последнем участвовали купцы-любители, некоторые из них получили образование в Италии. Из этого хора вышел известный певец В.М. Самойлов. Увлечение церковным пением было до того сильно, что в церкви, где пели названные певчие по воскресным дням, съезжалась вся Москва, и к стыду были случаи даже аплодирования после исполнения ими концертов, как это сообщают очевидцы Вигель и Жихарев. Слабость к пе-

нию у многих из наших бар доходила до помешательства. Так, известный богач граф П.М. Скавронский вообразил себя большим певцом и композитором и окружил себя певцами и музыкантами; он разговаривал с прислугой своей по нотам речитативами; так, дворецкий докладывал ему бархатным баритоном, что на стол подано кушанье. Кучер объяснялся с ним густыми октавами, фореиторы – дискантами и альтами, выездные лакеи тенорами и т. д. Во время парадных обедов и балов его слуги, прислуживая, составляли трио, дуэты и хоры, сам барин отвечал им также в музыкальной форме.

Граф Ростопчин, по поводу увлечения наших дам итальянцами, пишет: «Наши дамы обезумели; певец оперы-буфф Мандини доводит их до крайних дурачеств. Из-за него они спорят, завистничают, носят девизы, которые он им раздает... Княгиня Д. аплодирует ему одна, вне себя кричит из своей ложи „Фора, браво“, – а княгиня К. с восторгом рассказывает, что Мандини провел у нее вечер в шлафроке и ночном колпаке. Жена его, публичная парижанка, повсюду принята ради мужа». Не

менее увлекались талантами итальянцев, и лет тридцать тому назад еще многим, я думаю, памятни бенефисы Патти или Тамберлика, когда за ложу бельэтажа поклонники платили по пятисот и более рублей.

V

Модные инвенторы. – Помещики-прототипы Кошкарлова. – Поезда помещиков. – Страсть к лошадям и скачкам. – Мода ездить верхом. – Чудаки-спортсмены Новосильцов и Демидов. – Балы аристократов-самодуров

В конце царствования Екатерины II у наших богатых помещиков явилось увлечение французами-агрономами, называли их тогда *инвенторами*. Против таких управляющих-самозванцев восстали сперва печать, потом и правительство. Известный в то время агроном Друковцев особенно стал сильно обличать «выезжих французских обманщиков». «Разоренных от них, – писал он, – видал я довольно, а обогащенных – никого». Полезные французские искусства, уверял он, здесь состоят в том: чесать волосы, вымышлять и на-

ряжать дам в разнovidные уборы, обирать безбожно, сколько возможно обмануть больше тех, кто им поверит. Против них в академическом регламенте явился указ: чтобы таковых прожектеров и инвенторов в знании их искусства в науках свидетельствовать в Академии, а без свидетельства никуда не определять. Прототипы гоголевского Кошкарва в описываемое время уже встречались; многие из помещиков жили на широкую ногу, комнаты украшались выписною мебелью, французская бронза, ковры, картины, турецкие диваны; множество экипажей, лошади; штат служащих при них был премногочисленный, свои художники, чтецы, секретари, парикмахеры, французы-повара и т. д. Также помещиков разоряла и неумеренная страсть к охоте; случаи, где меняли на борзых псарей и семейства людей с деревнями, были нередки. Когда такой барин ехал к себе в имение, обоз его ничем не отличался по длине от поезда железной дороги. В одном из журналов нынешнего столетия мы встречаем описание поездки одного помещика в деревню. Барин с барыней, перекрестившись, сели в велико-

лепную коляску в шесть лошадей, за ними потянулась вереница других экипажей. Первая фура была нагружена «Московскими ведомостями» и грудой сочинений в стихах и прозе, поднесенных помещику его почитателями. За библиотекой следовала кухня на трех повозках, за кухней ехали пять поваров: француз, итальянец, немец, русский и поляк; далее следовало десять поваренков, еще далее ехали доктор и цирюльник с домашней аптекой. В остальных экипажах находились актеры, актрисы, стихотворец, плясуны, музыканты, живописец, чтец, письмоводитель, горничная, камердинеры, парикмахеры, два шута; потом следовал гардероб барина и барыни. Владелец всего поезда в атласном шлафроке и зеленом сафьянном картузе гордо посматривал из своего экипажа на проходящих. По случаю этого выезда в деревню стихотворцем, находившимся в поезде, было написано аллегорическое стихотворение под названием «Аллегорическое шествие Аполлона и Дафны в село Талантов». Во время движения поезда чтец и трагический актер декламировали первое явление из «Эдипа», певцы и певи-

цы пели «Лишь только занялась заря», шуты хохотали с горничными. Когда поезд добрался до деревни, крестьяне с такою же радостью и торжеством встретили своего барина, с какою был встречен прибывший в свою деревню Тентетников. Впереди шел старик в зеленой куртке и вел за руку мальчика лет двенадцати в полосатом затрапезном халате. Когда поезд приблизился, раздался общий крик: «С приездом поздравляем, батюшка наш кормилец, Гаврило Петрович, и матушка наша Анна Семеновна!» Староста поднес хлеб-соль, старостиха – яйца, а мальчик в халате, размахнув руками, произнес речь, начало которой было следующее: «Высокородный господин! Когда усердие и благоговейное изъявление преданной покорности с сим хлебом-солью и яйцами является лучезарному лику твоему, да позволено будет дерзнуть излить пред тобою, высокородный господин, чувствование глубоко тронутого сердца». За речь мальчик получил от барина гривну. Когда барин вошел в приготовленные для него покои, человек в зеленой куртке, бывший приказчиком, предшествуя и растворяя двери, говорил:

«Вот официантская, ваше высокородие, вот зала, ваше высокородие, вот гостиная, вот диванная, ваше высокородие, вот спальная, ваше высокородие», – и т. д. Когда барин пошел осматривать село, приказчик рассказывал ему, где река, где луга, где пруд, где сады и прочие уголья.

Мода на большие парадные поезда была необыкновенно пышна: в начале нынешнего века богатый и сановитый помещик, отправляясь из Москвы в деревню, иногда имел свиту более, чем в двести человек. Так, например, известный орловский помещик Неплюев в своем вояже имел три восьмиместных линии, две или три же кареты четвероместные, многое множество колясок, кибиток, фур, дрожек, телег, и все это было переполнено разным народом. Подле главных экипажей, тянувшихся ровным шагом, шли скороходы и гайдуки, на запятках стояли и сидели вооруженные гусары и казаки. Вся внутренность экипажей разбита была, как сад, из всякого рода цветистых компаньонов и компаньонок, шутов и шутих и даже из дур и дураков, последние припрыгивали и взвизгивали голоса-

ми всяких животных. Сам хозяин в богатом гродетурном зеленого цвета халате, украшенном знаками отличий, лежал на сафьянном пуховике в одной из колясок; на голове его был зеленый же картуз с красными опушками, отороченный, где только возможно, галунами. Из-под картуза виднелся белый колпак, ярко-пунцовый рубчик которого, оттеняя зелень картуза, составлял на самом лбу помещика какого-то почти радужного цвета кайму. Руки помещика держали гигантской величины трубку, малиновый индийский носовой платок и ужасную дорожную табакерку с изображением одного из мудрецов Греции. Даже небогатый помещик имел в дорожной своей свите несколько экипажей и до десятка-двух людей. Обыкновенно первой в поезде шла опять такая линия, за ней дорожная карета, потом коляска, две кибитки и, наконец, огромная фура с домашним скарбом. В числе свиты были непременно один настоящий казак и один такой же солдат-гусар и затем несколько собственных казаков, переряженных из конюхов, и до пяти солдат с унтерами, выпрошенных у начальства для конвоя. В те

времена дороги не были безопасны от разбойников. В свите почти всегда следовали компаньоны-помещики, какой-нибудь бедный дворянин, уволенный шкловский кадет, гувернер-француз, французенка-мадам, непременно в колоссальной шляпке. Не обходилось также и без певца, гитариста и флейтраверсиста. Казаки ехали верхами возле барской кареты во всем вооружении; гусары, егеря, унтер-офицер и солдаты были рассажены по всем экипажам. Главная путевая должность возлагалась на военных людей: они содержали неусыпный караул при экипажах, по приезде на станции они отводили квартиры и проч.

В старину считалось необходимою отличить себя новым егерем или новым гусаром-красавцем. Мода на таких выездных людей была самая губительная. Одна одежда егеря, а особенно гусара, доходила от пятисот рублей до тысячи, что составляло, если брать нынешнюю стоимость денег, до четырех тысяч. Но самая разорительная мода у наших помещиков была на лошадей и конские заводы с легкой руки графа Орлова-Чесменского,

который сделал у нас почин кровного коннозаводства и с ним тесно связанного скакового дела. Первые такие публичные скачки на призы в Москве были в 1785 году; граф Орлов выписал первоклассных скакунов из Англии; по его примеру в скачках с ним стали участвовать и другие богатые помещики, и также повыписывали из Англии лошадей. Соперником лошадей графа был также проживавший тогда в Москве царственный пленник, крымский хан Сагин-Гирей. Заведенные графом в Москве скачки продолжались до самой его кончины по четвергам весь май и июнь месяцы, и в них участвовали Д.М. Полторацкий, Муравьев, бригадир Чемоданов, братья Мосоловы, Савельевы, Загряжский, Д.Н. Лопухин, Темиряев, братья Всеволожские, К.И. Воейков и другие.

Один Орлов выписал из одной Англии 38 жеребцов и 53 кобылы, которые и вошли как элементы в созданные им породы: верховую и рысистую. Приобретение же арабских лошадей было произведено во время командования им флотом в Турецкую войну с 1770-го по 1774 год.

Выезды этого с другими коннозаводчиками на скачки и другие публичные увеселения, по словам современников, отличались необыкновенною торжественностью – граф ездил постоянно на фаворитном своем коне Свирепом, граф был всегда в парадном мундире и обвешанный орденами, азиатская сбруя, седло, мундштук и чепрак были буквально залиты золотом и украшены драгоценными камнями. С графом всегда ездала и дочь его в сообществе нескольких дам; сопровождали Чесменского, по обыкновению, его побочный сын А.А. Чесменский, князь Хилков, Д.М. Полторацкий, А.В. Новосильцов и множество других особ. За ними следовали берейторы и конюшие графа, не менее сорока человек, из которых многие имели в поводу по заводской лошади в нарядных пополах и богатой сбруе, тянулись и графские экипажи, запряженные цугами и четверками одномастных лошадей. Современник графа С.П. Жихарев говорит о нем, что, когда он доживал свой громкий славой век в Москве, какое-то очарование окружало богатыря Великой Екатерины, отдыхавшего на лаврах в простоте частной жизни, и

привлекало к нему любовь народную. Чесменский герой был типом русского человека: могучий крепостью тела, могучий силой духа и воли, он с тем вместе был доступен, радужен, доброжелателен, справедлив; вел образ жизни на русский лад и вкус имел народный. Эти свойства графа Орлова необходимо должны были покорить ему сердца всех окружающих, а окружающими его были все московские граждане, — они нечувствительно приняли его направление как в образе жизни, так и во вкусах. Со времени удаления графа от государственных дел любимым его занятием была конская охота, и вот все московские обыватели сделались конскими охотниками. С легкой руки графа Орлова между нашими помещиками быстро и широко развилась охота к рысакам. Привоз из Англии многотысячных лошадей стал повторяться чаще и чаще, — были такие любители, что платили по 15 тыс. руб. за одного выписного жеребца. В начале нынешнего столетия московское аристократическое общество считало самым модным обычаем ездить верхом и появлялось на улицах Москвы на своих многотысячных

скакунах в более чем роскошной сбруе.

Вышеупомянутый Новосильцов, живя в Москве, поражал москвичей своим пышным выездом. Он выезжал на великолепном коне, покрытом вышитым золотом чепраком: вся сбруя была составлена из богатых золотых и серебряных отличного чекана цепочек. Во время таких пышных своих уличных поездок в сопровождении богато одетой свиты он курил трубку. Последнее обстоятельство поражало всех и заставляло простонародье снимать перед ним шапки. В те времена куренье на улицах было строго запрещено. Новосильцова подразумевает Грибоедов в своем «Горе от ума», про него говорит Фамусов, называя его Максимом Петровичем.

Существовали в Москве и такие затейники, как, например, богач Демидов, который выезжал в таком экипаже, что глазам трудно было верить, в котором все было наперекор симметрии и здравому смыслу. На запятках – трехаршинный гайдуки карлица, на козлах кучером – мальчишка лет десяти, а фореитором – старик с седой бородою, левая коренная – с верблюда и правая – с собаку. Ездил

один также на Москве зимою на колесах, а летом в санях. Проживал еще в Москве один ярый спортсмен Лавр Львович Демидов, который даже носил особенное платье, приспособленное для верховой езды: летом ходил он в куртке серого сукна, панталоны в обтяжку в сапоги и круглая шляпа на голове. Зимой надевалась им длинная куртка на лисьем меху, теплый ваточный картуз, а на ноги белые вязаные лохматые сапоги, какие обыкновенно носились в то время женщинами. Собою Демидов был худ, держал себя прямо, копируя во всем англичанина. Он имел свой дом на краю города, в улице Ольховцы, близ Сокольников. В доме у него и во всем хозяйстве, в особенности же в конюшне, был полный порядок, экономия и чистота; и если эту чистоту нарушала даже муха, то и тогда следовало если не взыскание, то выговор, и выговор строгий по домочадцам. О пыли нечего и говорить. На дворе его всегда бегало с дюжину маленьких шавок – «позвонков». Беленькие, косматые, совершенно похожие одна на другую, они приветствовали каждого входящего в калитку таким звонким, учащенным лаем,

и вертелись около него так быстро и дружно, хотя и без малейшего вреда, что невольно заставляли останавливаться и выжидать, когда на лай выйдет кто-либо из всегда запертых дверей дома. Ворота решетчатого забора были всегда затворены и отворялись только тогда, когда хозяин в удовлетворение своей страсти «к лошадам» выезжал верхом или летом на беговых дрожках, а зимою в санках, промять застоявшуюся лошадь, что делалось каждый день, перемененно несколько раз. Демидов никогда не отлучался из дому и даже не ходил в церковь; однажды на вопрос знакомого, отчего он не был у обедни? «Нельзя, – отвечал он, – у меня три лошади стоят с развязанными на блоки хвостами, англизируются. Это очень опасно-с, хвост может зарости на сторону, я из конюшни почти не выхожу, там я сплю и чай пью, и обедаю». Когда открылась Николаевская железная дорога, Демидов выехал посмотреть на невиданное движение. Стал на полверсты от дебаркадера, возле дороги, на ровном месте, и когда, тронувшись, поезд поравнялся с ним, он пустился скакать вперегонки. «Нет, не обгонишь, – говорил он

после. – Лошадь, знаете, устает, а машина идет себе все шибче-с и шибче».

Страсть к верховой езде почти в то время была необходимостью. По рассказам старожилов, в Москве в осеннюю и дождливую погоду, дорога были совершенно недоступны для экипажа и подмосковные помещики почти все отправлялись в Москву верхом. Так, однажды въехал в Москву и фельдмаршал Сакен. Утомленный, избитый толчками, он приказал отпрячь лошадь из-под форейтора, сел на нее и пустился в путь. Когда явились к нему московские власти с изъявлением почтения, он обратился к губернатору с вопросом: были ли он уже губернатором в 1812 году, и на ответ, что не был, граф Сакен сказал: «А жаль, что не были! При вас Наполеон никак не мог бы добраться до Москвы».

В старое время, когда еще были живы Орловы, Шереметевы, Остерманы и другие представители московской аристократии и когда все эти магнаты жили с необычайной роскошью, то эта роскошь была совершенно азиатская, как и нравы, в то время господствовавшие, огромные дома по большей части убра-

ны без всякого вкуса, бесчисленное множество слуг, крепостные театры, доморощенные танцовщицы, домашние оркестры, ежедневные обеды, богатые не качеством, но количеством блюд, и балы, на которые съезжалась вся Москва. Вот картина одного из балов 1801 года. По всему дому – бесчисленное множество слуг, и богато, и бедно одетых. В танцевальной зале гремит музыка, в ней почти все гости и сам хозяин, который в полном мундире и во всех орденах сидит посреди первых сановников и почтенных московских дам. Этот аристократический круг, эти кавалерственные дамы и седые старики в лентах и звездах, толпа молодых людей, тоже вся без исключения в мундирах, – все это придает какой-то важный и торжественный вид балу, который во всех других отношениях, конечно, не мог бы назваться блестящим. Ужин отличается великолепным серебряным сервизом, да полнотою и обилием блюд. После ужина танца начинаются бесконечным а ла греком, одна фигура сменяет другую, и кавалер первый пары, несмотря на свои шестьдесят лет, решительно не знает усталости, он начи-

нает престранную фигуру, очень похожую на хороводную фигуру, все пары путаются, общий хохот, суматоха, беготня; вдруг во время танцевального разгула хозяин привстает и кричит громовым голосом «гераус», т. е. вон! Музыка умолкает, кавалеры раскланиваются с дамами, и в две минуты во всей зале не остается ни одного гостя. Гости такой обиды не понимают и через неделю опять танцуют у невежливого хозяина, только он на этот раз не кричит уже «гераус», а протрубит на валторне тоже нечто, что означает «Ступайте вон!» На это тоже никто не сердился, – вообще приличие зажиточные люди в доброе старое время понимали очень условно и знали только одно «показание к житейскому обхождению», напечатанное по повелению блаженной и вечnodостойной памяти Петра Великого. Книга эта учила, как держать себя в обществе, сохранять светское приличие и т. п. Так, эта книга не советовала придворному человеку «руками или ногами по столу везде колотобродить, но смирно есть, вилками и ножиком по тарелкам и скатерти не чертить» «Когда говоришь с людьми, – наставляла эта книга, –

то будь благочинен, учтив, не много говори, а слушай. Если случится речь печальная, то надлежит быть печальну и иметь сожаление. В радостном случае – быть радостну и являть себя весело с веселыми. От клятвы, чужеложства, игrania и пьянства должен себя вельми удержать; придворный прямой человек не должен носом храпеть и глазами моргать, и ниже шею и плеча, яко бы из повадки, трясти. Не зван и не приглашен в гости – не ходи, ибо говорится: кто ходит не зван, тот не отходит не бран. Во всех пирах, банкетах и прочих торжествах отнюдь никакой скупости или грабительства да не являет, дабы не признали гости. Также излишняя роскошь и прихотливые протори зело не вохваляются. Не малая гнусность есть, кто часто сморкает, яко бы в трубы трубит, или громко чхает и тем малых детей устрашает и пужает. Еще зело непристойно, когда кто платком или перстом в носу чистит, якобы мазь какую мазал, а особливо при других честных людях», – и т. д.

При императрице Елизавете Петровне явилась новая книга светских приличий: «Грациан, придворный человек». Книга эта учила,

что «большая вежливость – учтивый обман, а истинное учтивство – одолжение, а притворное лукавство – обхождение, всегдашняя наука в жизни, чего ради в нем великой осторожности потребно, всякое излишнее вредно, а наиначе в обхождении. Когда ты в компании, то думай, что в шахматы играешь». «Безмерная хвала пристойна к прикрытию лжи и злословия». «Никогда большого места не кажи». «Благодарность скорому забвению подвержена и зело тягостна», «Зависть все твои пороки приметит, а добродетели ни одной не увидит», «Обман входит ушами, а выходит глазами», «Великого вопрощика так надобно храниться, как шпиона», «Шутками наибольшие правды выведаны» и т. д.

При Екатерине II вышла в свет «Модная книга» со светскими наставлениями; она принадлежала к так называемой шуточной литературе – сатира была направлена против французских модников и модниц, гонящихся безрассудно за модами. Автор в предисловии обращается к господам и госпожам, у которых поднимаются модные теперь пары (vareurs); сочинитель говорит, что зеленый

цвет, подобно прочим модам, продолжается не более недели и потому предлагает им наилучший румянец, подобный тому, который «сияет на их жестоко раскрашенных лицах и способный, по мнению докторов, рассеять и избавить их от ваперов».

Позднее было издано еще несколько книг с правилами вежливости и светских приличий, были и такие, которые предлагали эти правила в стихотворной форме. Так, в одном из таких уже изданий в сороковых годах предлагаются такие, например, советы:

*Старайся, чтоб твой нос был
свеж и чист
Не фыркал, не сопел, не издавал
бы свист,*

или

*Старайся за столом так руки
держать,
Чтоб платья дам не замарать...*

и т. д. Учителями светских приличий в Екатерининское время были французы-эмигранты. Положение эмигрантов тогда было ужасное, многие из них не имели ни приста-

нища, ни куска хлеба, были и исключения, которые могли назваться богатыми и привезли с собою значительные капиталы. Люди чиновные и знатные вступали в русскую службу и, по милости императрицы, жили сообразно своему званию Загоскин упоминает об одном таком эмигранте, чуть ли не герцоге, которого он знал в своем детстве. Ему было за шестьдесят лет, но никто не мог ему дать этих лет, тон и манеры его были неподражаемы. Шитый французский кафтан, стальная шпага, парик а-лел-де-пижон, распудренный, бриллиантовые перстни на пальцах, золотые брелоки у часов и пуандалансоновы манжеты. Все это делало его щеголем. Ловкость его была тоже удивительная, бывало, закинет ногу на ногу, развалится в креслах, почти лежит. Сделай это другой, так будет невежливо и даже неблагопристойно, а к нему все шло – начнет ли он играть своей золотой табакеркою или обсыпит табаком жабо и отряхнет пальцами манжеты. А посмотрели бы вы, как он это делал. В каждом его движении были такие грацы, такая прелесть. «О, конечно, в этом отношении старые французы, – добавляет повест-

вователь, – были неподражаемы!»

Пристрастие дворян к воспитанию детей в названное время французами-эмигрантами с великосветским лоском доходило до смешного. В журналах того времени часто встречаем выведенных таких господ, так, в «Московском вестнике» описан такой состоятельный помещик, который ищет учителя для своего маленького сына. Учителем непременно должен быть француз и притом трехтысячный, потому что дешевые – или пьяницы, или воры. Он ни слова не должен знать по-русски, потому что с таким учителем легче выучиться говорить по-французски. В «Литературных листках» тоже выведен один пятнадцатилетний сын помещика, прекрасно говорящий по-французски и танцующий, как Дюпор (известный балетный танцовщик, которому наша дирекция платила по 1 700 руб. в вечер). По внушению родителя, он хочет любить свое отечество, но не умеет, потому что не знает его.

VI

Воспитание по моде. – Французские «мадамы и мусье». – Столетие первого модного

журнала. – Моды сто лет назад. – История фрака. – Шалуны и повесы. – Военное удалство и кутежи. – Мода на золото и портреты. – Уродливые моды времен директории. – Гонения и указы на французские моды. – Моды Александровских времен. – Плащ *coltsua la Quiroga*, и шляпа *la Bolivar* «Воспитание по моде», состоящее в содержании у себя в доме «французской мадам и мусье», писатель XVIII столетия Н.И. Страхов, редактор «Сатирического вестника», характеризует так: «Если случилось, – говорит он, – что сии господа разругали вас в глаза, то стоит только послать слугу в Английский кофейный дом, и на другой день передняя ваша наполнится множеством мусьев, хотя известная наша склонность к французскому языку, а паче наша неразборчивость лишила Париж половины слуг, однако ж можете вы между ними найти таких, которые у знатных людей исполняли должность почтенных господ-камердинеров» причем он дает совет не справляться, знают ли они учить правильно языку, но вслушиваться, хорошо ли говорят они по-французски. Исчисляя прочие предметы, входящие в

состав модного воспитания, необходимо нужного для «щеголеватых девушек и молодцов», Страхов упоминает о танцевании. Обращаясь к молодым девицам, автор иронически замечает: «Дабы не уменьшилось достоинство ног, продолжайте обучаться танцеванию целый век. Почитайте оное главнейшим приданым вашим и таким достоинством, которое составляет душу всех ваших дарований». Молодым щеголям он дает такой же совет: «Поместить в йоги веете достоинства, которые не влезли в их голову». Относительно музыкального воспитания он тоже предлагает только запомнить и заучить итальянские музыкальные термины.

В 1891 году в апреле месяце исполнилось ровно сто лет, как у нас стал выходить первый модный журнал под названием «Магазин английских, французских и немецких мод». Издателем его был, по мнению господина Неустроева, известный Н.И. Новиков. Первый, впрочем, такой модный журнал, под заглавием «Модное ежемесячное сочинение, или Библиотека для дамского туалета», появился ранее несколькими годами, но содер-

жание этого журнала не соответствовало своему названию и не давало никаких известий о модах, кроме самых кратких объяснений приложенных к нему четырех модных картинок. Магазин мод иллюминирован был рисунками и, кроме «известий и обстоятельных описаний каждой примечания достойнейшей моды, появившейся за границей в отношении к платью и нарядам обоого пола, мебелиам столовым и прочим приборам, экипажам, расположению домов, комнат и украшению оных» и т. д. давал описания образа жизни, публичных увеселений и времяпровождений в знатнейших городах Европы. Магазин этот не ограничивался одною только историею чужестранных мод, но от времени до времени давал известия о господствующих и у нас в столице появлявшихся уборах, платьях, экипажах и вкусе. Моды, обещаемые в журнале, как гласило объявление, будут появляться через полтора месяца после их появления на горизонте парижских щеголей и щеголих.

В первом номере, явившемся в апреле, про мужские туалеты писалось, что кавалеры теперь отличаются крайней простотою, под-

ходящею весьма близко к деревенщине (rusticite). Во фраках не последовало никакой отмены, но по случаю сырой погоды носят сверх оных сюртуки. Далее советуется: «Чтобы походить во всем на англичанина, должно иметь новомодные английские кожаные шпоры, которые прежде были серебряные или стальные, теперь делаются из жесткой черной кожи, и только назад к ним пришивается небольшая шейка из металла». Дамы, как писал парижский корреспондент, одеваются опять великолепно – бальные платья из темно-зеленого полуатласа двух родов: первое наподобие Эвфросины (habitementa l'Euphrosine), получившее название от новой пьесы, и другое – а l'Amadis. В шляпах и дамском уборе bonnets a cylindre, т. е. чепец или накладки на манер цилиндра, вышиною равняющиеся настоящей сахарной голове, так что по причине вышины прически в залах собрания все люстры и жирандоли повешены гораздо выше прежнего для предупреждения пожара на головах наших красавиц. В письме из Гамбурга в этом журнале между прочим говорится об успехе пьес Коцебу, которые по

справедливости принадлежат к модным театральным пьесам. Вскоре эти пьесы доходят и до нас в переводах и держатся на сцене отечественного театра чуть ли не более десятка лет – эти драматические произведения у нас носят название *коцебятинь*.

Интересно также сообщение о новой моде на карманное оружие. Кто бы мог подумать, что веселые и всегда поющие парижане дойдут до того, что будут иметь при себе вместе со скляночками, наполненными благовонными водами и спиртами, с золотыми сувенирами, с бумажниками, с фальшивыми часами и прочими очень галантерейными вещами еще итальянский кинжал, пару карманных пистолетов, трости с саблями и шпагами. Мода эта продолжалась недолго, у всех модников, явившихся в Тюльерийском дворце, были опорожнены все карманы и наполнили этими галантереями несколько коробов. Таких франтов позднее стали обыскивать на улицах и провожать пинками и толчками. Наши русские петиметры и петиметрессы, прадеды и прабабушки, щеголяли в Москве; в то время появлялись в следующих нарядах для балов и

В торжественные дни дамы надевали русские платья из обЪярей, двойных тафт и заграничных материй, шитых шелками или каменьями, или другого цвета, рукава имели одинакового цвета с юбкою, пояса носили по корсету, шитые шелками или тоже каменьями, на шее – околки или род косынок на вздержке из блонд или кружев, на грудь надевали закладку или рубашечку из итальянского флера на вздержке, голова причесывалась буклями большими или малыми, виски же подрезывались наравне с ушами, шиньон гладкий и конец его завивался буклею; на волоса накалывались ленты с перьями и цветами. Для выездов на обыкновенные балы, на свадьбы употреблялись сюртуки без фраков, флеровые и тафтяные полосатые, с цветочками, с белыми флеровым юбками, на шею платки и рубашечки с мужскими воротниками, рукавчики такие же, как и к русскому платью, пояса из лент с концами и с бантами и пряжки к поясам стальные или с каменьями, на голове носили тюрбаны из цветных флеров, также и заколки. Для выездов в клуб и вокзал в тогдашнее модное гулянье употребительней-

шие платья дам были сюртуки с фраками – с высокими воротниками, узенькими и короткими, вроде туркезов, рукавчики расшнурованы ленточками, лацканы также такие и на пуговицах, юбки из линобатиста, на голове шляпка *a la cloche* (наподобие колокола), вокруг шляпы черные и белые блонды, другие же употребляли шляпки *a la bergere* (по-пастушьи), надевались последние на волосы на один бак с гирляндами из цветов, лент и с перьями.

Мужские московские моды были: суконные фраки разных цветов с длинным лифом и стальными пуговицами; весной и летом употребляли для фраков шелковые полосатые материи и английские полусукна, на шее носили косыночки из линобатиста или кисеи, обшитые кружевом или вышитые по краям разными шелками, повязывались они бантом наперед с распущенными концами, жилеты носили шитые по канифасу белыми и разноцветными шелками. Рубашки – из английской шелковой или полотняной материи с узенькими полосочками, по сторонам ставились только потри пуговицы. Прическа голо-

вы – в три букли на стороне, одна возле другой и широкой а ла вержет. Шляпы к фракам круглые, остроконечные, перевязанные лентами. Чулки шелковые, половинчатые, наподобие сапожков до половины икры темного цвета, а от икры до колена белые. На фрак с начала нынешнего столетия стали нападать как в литературе, так и в обществе с легкой руки Грибоедова, определившего его так:

*Хвост сзади, спереди какой-то
чудный выем,
Рассудка вопреки, наперекор стихиям.*

Фрак стал гоним; как и теперь, резко своего он вида не терял – то подыметя, то опустится лиф, воротник или рукава сделаются то уже, то шире, то длиннее, то короче. Загоскин написал о вреде его целую статью уверяя, может ли быть что-нибудь смешнее и безобразнее фрака. Долговечность последнего, надо думать, объясняется тем, что в старину, когда чинопочитание царствовало повсюду, один только фрак, который нашивали и служащие, и не служащие, все без исключений, иногда уравнивал между собою и полковни-

ка, и гвардейского сержанта, но и тут без вежливости фрак не спасал шалуна или повесу. А повес в то время было много, такие ходили с толстыми палками в руках, последние носили название геркулесовой дубины, эта мода явилась тоже из Франции. В те года на улицах Парижа и в публичных собраниях палки и расправа палкой играли большую роль. Всякий спешил отвечать на грубое слово, на насмешку и просто даже на тесноту ударами палки. Тогдашние щеголи не покидали ни на минуту своих тростей и часто пускали их в ход. Вежливость считалась предрассудком, и молодые люди разговаривали с женщинами, надвигая шляпу на лоб. Когда старики выказывали вежливость, молодые осыпали их насмешками. Большими повесами и шалунами в начале нынешнего столетия были молодые кавалеристы; характер, дух и тон военной молодежи и даже пожилых кавалерийских офицеров составляли в ту эпоху молодечество, удальство. «Последняя копейка ребром» и «жизнь – копейка, голова ничего» – вот какие были поговорки и какие девизы тогдашних офицеров. Не надо забывать, что большая

часть тогда эскадронных командиров и ротмистров были суворовские воины, крещенные в кровавых битвах и опаленные в пороховом дыму. Поэт партизан Денис Давыдов пел:

*Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мой золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!*

Теперь все перешло в предание! Ни эха, ни следа прежних лет. Старые офицеры искали и в войне, и в мире опасностей, чтоб отличиться бесстрашием и удальством. Попировать, подраться на саблях, побушевать, где бы не следовало, это входило в состав военной жизни и в мирное время, пишет современник того времени Ф. Булгарин «Молодые кавалерийские офицеры были то же, что немецкие студенты-бурши и так же вели вечную войну с рябчиками (так в старину кавалеристы называли штатских). Военная молодежь не покорялась никакой власти, кроме своей полковой, и непрерывно вела войну с полицией. Буянство, хотя и подвергалось в то время наказанию, но не считалось пороком и не помячало чести офицера, если не выходило из

известных границ. Стрелялись очень редко, только за кровавые обиды, за дела чести, но зато рубились за всякую мелочь. После таких дуэлей бывал пир и дружба. Общество офицеров в полку было как одна семья, все было общее – и деньги, и время, и наслаждения, и неприятности, и опасности. Старшие офицеры требовали от молодежи исполнения службы, храбрости в деле и сохранения чести мундира. Офицер, который бы изменил своему слову или обманул кого-либо, не был терпим в полку. Офицеры, правда, делали долги, но в крайности за них складывались товарищи и платили их. Офицерская честь высоко ценилась, хотя эта честь имела свое особенное, условное значение. Гвардия тогда была малочисленна. В Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках был особый тон и дух. Офицеры этих полков принадлежали к высшему обществу, они слыли танцорами, господствовали в них придворные обычаи и общий язык был французский, когда, например, в других полках между удалою молодежью французский считался неприличным и говорить между собою позволялось только

по-русски. Офицеров, которые отличались светскою ловкостью и французским языком, называли *хрипунами*, последнее название произошло от подражания парижанам в произношении буквы р. Конногвардейский полк был нейтральным, он соблюдал смешанные обычаи, Лейб-гусары, павловцы, измайловцы и лейб-егеря следовали господствующему духу удальства и жили по-армейски. Во флоте было еще больше удальства. В старые времена офицеры кутили в Екатерингофе, Красном кабачке и на Крестовском острове, сюда ездили, как на охоту, и горе было бедным немцам-ремесленникам, которых находили здесь с семействами. Начиналось обыкновенно так: заставляли толстых маменек и папенек вальсировать до упаду, потом спаивали весь мужской пол, за прекрасным полом все волочились, обыкновенно это и оканчивалось батальей. Кутили всю ночь до утра и в 9 часов все являлись к разводу – кто в Петербург, в Стрельну, Царское, Петергоф – и как будто ничего не бывало. Через несколько дней приходили жалобы, и виновные тотчас сознавались по первому спросу, кто был там-то. Лгать

было стыдно. На полковых гауптвахтах всегда было тесно от арестованных офицеров, особенно в Стрельне, Петергофе и Мраморном дворце. Каратыгин рассказывает, как гвардейские офицеры возвратясь из славного похода в Париж, однажды ночью после веселого ужина разбрелись потешаться по Невскому проспекту и в продолжение ночи переменили несколько вывесок. Поутру у булочника оказалась вывеска колбасника, над аптекой – гробовщика и т. д. Нынче немыслимы такие шалости, но в то время ночной полицейский надзор был очень слаб и инвалиды-будочники дремали у своих старозаветных будок.

В 1791 году вошло в большое обыкновение у дам носить много золота в виде ожерелий, с большими золотыми сердцами, серьги в виде блонд и проч. Господствующий для всякой обшивки цвет был пунцовый, и единственным ему соперником было только золото. Появилась в те года еще новая мода обшивать платье черным или желтым цветом, она названа была *a la contiejevolution*, но последняя скоро вышла из употребления. Года два спустя появилась большая мода на миниатюрные

портреты на слоновой кости, которые носили в медальонах на шее. Мода эта вошла сперва в Париже, где был знаменитый живописец Изобей, рисовавший такие портреты в совершенстве. Этот род портретов очень распространился по всей Европе и держался очень долго и у нас.

Еще в конце тридцатых годов всякая молодая девушка, выходящая замуж, дарила жениху медальон с своим портретом на кости. Убила это обыкновение окончательно фотография.

В конце 1791 года в столичном обществе самым употребительнейшим женским платьем был *молдаван*; его носила сама императрица Екатерина II. Платье было с короткими рукавами, шилось из атласа, флеру, из турецких тонких парчей, обшивалось кружевом, блондами, бахромою, лентами, юбки к этому платью носили белые и одинакового цвета с корсетом. Также носили *пиеро* из лино, шитые шелками и фуруферме с большим шлейфом. Головы причесывали в букли и в расческу – узко, вроде мужских голов. Носили султаны с золотым и золотыми колосьями и фоль-

ГОВЫМИ ЦВЕТАМИ.

В 1793 году вошли в большую моду дамские сюртучки, к сюртучку надевали камзольчик, глазетовый из какой-нибудь дорогой материи, у сюртучков были длинные шлейфы. Уменьше управлять длинным шлейфом считалось признаком большой аристократичности. В это же время явилась *corps* (тело, туловище) – ужасная машина, сжимающая женщину до того, что она превращается в статую; скоро «*corps*» изгоняется корсетом, *фижмы* также перестают носить и заменили на *des bouffantes* (с напуском), которые делались из волосяной материи, кроме того, чтобы сделать платье пышнее, употреблялось проклеенное полотно, называемое *la criarde* (крикливое). Эта ткань шумела страшнейшим образом при малейшем движении. Модные цвета в это время носили следующие сентиментальные названия: сладкой улыбки (*doux sourire*), нескромной жалобы (*plainte indiscrete*), совершенной невинности (*candeur parfait*), заглушённого вздоха (*soupir etouffe*) и т. д.

В описываемые годы мода на наряды на-

столько усилилась в русском обществе, что явилось несколько изданий, которые «в беспристрастном начертании» желали открыть некоторым людям глаза и убедить их во вреде, причиняемом модами, роскошью, вертопрашеством и прочими пороками, которые являются повсюду в современном обществе.

Самая крупная сатира на моды явилась в книге «Переписка безруких мод»; в книге этой сказано, что «моде», попавшей во Францию в самый разгар революции, когда владычество ее рушилось, не оставалось ничего более делать, как пробраться в землю подражательности – Россию, где она и была встречена с распростертыми объятиями. Автор представляет любопытную характеристику слабостей и пороков современного ему русского светского общества.

После Французской революции ввелись в моду у мужчин лорнеты и жабо выше подбородка и головы были отстрижены *a la Titus* и *a la Каракалла* и коротенькие косы *flambeau d'amour* (факел любви). Императрица Екатерина II приказала нарядить будочников в сюртуки, в жабо и дать им лорнеты в руки,

будочники подходили к франтам, щурились в стеклушки и говорили им, как друзьям «Bonjour!». И жабо, и лорнеты быстро исчезли. Фраки в то время носили с длинными и узкими фалдами, жилеты из розового атласа, сапоги с кистями, галстуки, закрывавшие подбородок в несколько аршин, которые надлежало обматывать вокруг шеи. Трудно представить большее безобразие. К описанному наряду надо прибавить еще треугольную шляпу, которую прежде носили под мышкой, чтобы не смять волос, да и вообще и прежде шляп не употребляли; большой парик и без того согревал голову.

Шляпы, существующего вида цилиндры, появились в 1785 году в Англии; носить их на головах стали у нас только с уничтожением париков. С появлением английских мод водворяется страшное смешение: женщины носят камзолы, жилеты, мужские рубашки; мужчины – муфты. Эти муфты носили зимою и летом; самая модная была белого цвета, из шерсти ангорских коз и украинских; муфта носила название *манька*; были такие и очень дорогие из соболей и других ценных мехов.

Особенно такой *манькой* щеголял Леон Разумовский. В числе меховых костюмов, кроме шуб и кирей, носили еще модные *винчуры*; последние у наших бар были очень ценны. Так, у известного любимца Екатерины II графа Мамонова была такая из меха туруханских волков, ценою в 15 тыс. руб.

С воцарением императора Павла I появились гонения и указы против французских мод; указом наистрожайше было подтверждено, чтобы никто в городе, кроме треугольных шляп и обыкновенных круглых шапок, никаких других не носил; воспрещалось также с подпиской всем находившимся в городе ношение фраков, жилетов, башмаков с лентами, а также увертывать шею безмерно платками, косынками и т. д. Повелено было также о строгом и неупустительном наблюдении, дабы штатские чины и приказные служители и все отставные отнюдь не носили курток, панталон, никаких фраков, толстых галстуков и других платьев, кроме мундиров по высочайшеопробованным образцам. Обязательно было в это время для всех жителей Российской империи как состоявших на службе, так

и бывших в отставке с каким бы то ни было мундиром – военным, морским или гражданским – носить длиннополый, прусской формы мундир, ботфорты, крагены, шпагу на поясице, шпоры с колесцами, трость почти в сажень, шляпу с широкими галунами и напудренный парик с длинною косою.

Державин писал про это время, что тогда зашумели шпоры, ботфорты, тесаки, и будто бы по завоевании города ворвались в покои везде военные люди с великим шумом. С восшествием на престол Александра I моды резко изменились. Булгарин говорит: «Откуда-то вдруг явилось у всех платье нового французского покроя *l'incroyable* (невероятный), представлявшее собой резкую противоположность прежней оципанной, кургузой прусской форме. В прическе франтов появились какие-то неведомые *oreilles de chien* (собачьи уши), эсперансы и, к невыразимому ужасу Павловских блюстителей благочиния, модники, вместо саженных тростей, стали носить сучковатые дубины с внушительным названием *droit de l'homme* (право человека)».

Такие львы носили кличку петиметров.

Первым таким франтом в петербургском обществе явился известный М.Л. Магницкий. Щеголяли эти модники в шляпах а la Robinson, в очень узеньких панталонах с узорами по бантам и в сапогах а la husard.

Женские наряды той эпохи были очень поэтичны, напоминающие древние статуи. По словам современника Вигеля, если бы не мундиры и не фраки, то на балы можно было бы тогда глядеть, как на древние барельефы и на этрусские вазы. И, право, было недурно: на молодых женщинах и девицах все было так чисто, просто и свежо, собранные в виде диадемы волосы так украшали их молодое чело. Не страшась ужасов зимы, они были в полупрозрачных платьях, которые плотно обхватывали гибкий стан и верно обрисовывали прелестные формы, казалось, что легкокрылые Психеи порхают на паркете. Но каково было пожилым и дородным женщинам – им не так было выгодно выказывать свои формы.

Мужские платья стали делать в то время из разноцветных сукон, а также на балы надевали бархатные фраки с металлическими и

перламутровыми пуговицами, при панталонах из Кашмира или шелкового трико, всегда одного цвета с фраком, надеваемых под сапоги в виде ботфуртов с желтыми иногда отворотами по утрам, но без них после обеда. Черный галстук не существовал при фраке, а был белый, атласный или батистовый, рубашка – батистовая, с брыжами туго накрахмаленными. Позднее появились черные атласные галстуки с бриллиантовыми булавками. Это называлось американскою модою.

Существующего вида брюки сверх сапог первый ввел в Петербурге герцог Веллингтон, генералиссимус союзных войск и русский фельдмаршал. Брюки носились со штрипками, называли их тогда «велингтонами». Этот же герцог познакомил петербуржцев и с новым плащом, длинным, черным, без рукавов, плотно застегнутым. Плащ носил название *cools* (воротник). Немного позднее стал входить в моду другой еще плащ, а *la Quirogo* – он был необъятной ширины, им можно было обернуться три раза. Уважались такие плащи, которые были сделаны без швов, из одного куска сукна. С ним вошли в

моду сапоги со шпорами и усы, а также и шляпа, воспетая Пушкиным, а la Bolivar, поля которой были так широки, что невозможно было пройти в узкую дверь, не снимая с головы шляпы. В сороковых годах все модники оделись в пальто *сан* (мешок) и шляпу (*дагер*), в честь изобретателя дагерротипа Луи Жака Манде Дагера (1787–1851), затем, в пятидесятых годах, а la Palmerston и т. д.

Начало зрелищ, балов, маскарадов и других общественных увеселений в России

I

Древние скоморохи. – Рассказы Олеария. – Кукольные комедии, «райки», «вертепы», представления «халдеев», «пещное действо», придворные потешники. – Заезжие игрецы на органах. – Первые театральные представления. – Комедийная храмина. – Драматическое искусство. – Мистерии. – Спектакли царицы Софии. – Ученические представления. – Первая актриса и бояре-актеры

Скоморохи всегда были любезны русскому

народу, они были не только музыканты, но соединяли в себе разные художества: одни играли на гусях, гудке, сопели, сурме (трубе), другие били в накры, бубны, третьи плясали, четвертые показывали медведей, собак. Были и глумцы, стихотворцы— сказочники, умевшие прибаутками и сказочными присказками потешать и разглаживать морщины слушателя. Некоторые из них носили на голове доску с движущимися фигурами и забавляли зрителя позорами или сценическими действиями, такие наряжались в скоморошное платье, надевали на себя хари, личины и т. д.

Непрерывный ряд обличений, которыми духовенство всегда громит любезных народу скоморохов, свидетельствует о распространности и давности скоморошества. Скоморохи возбуждали охоту в зрителях, и последние сами принимали участие в их игрищах, принимаясь петь и плясать. Скоморохи ходили большими труппами, человек в пятьдесят и более из села в село, из посада в посад, представляя свои позоры преимущественно в праздники, «ленивые, безумные невегласы дожидаются недели (воскресного дня), чтобы

собираться на улицах и на игрищах, – говорится в предисловии к слову о неделе св. Евсевия, – и тут обрящеши ина гуляша ина плещуца, ина поюца пустотная, пляшуша, ови борящаяся и помазающая друг друга на зло».

Н. Костомаров говорит: «В самый праздничный день гульба начиналась с самого утра, народ отвлекался от богослужения, и так веселье шло целый день и вечер за полночь. Местами представлений были улицы и рынки, от этого самое слово „улица“ иногда означало веселое игрище, и старые, и малые глазели на них и давали им кто денег, кто вина и пици. Но нередко скоморохи, лишенные всякого покровительства власти, терпели и насилие от частных лиц. Последние зазывали их в дома и вместо того, чтобы давать им, отнимали у них то, что они получали, ходя по миру, да вдобавок еще колотили. Правительство, иногда следуя внушениям церкви, и само не раз приказывало воеводам ломать и жечь их инструменты и хари, и бить батогами тех, кто созывал к себе песенников и глумцов.

В поучениях о казнях Божьих Феодосия Пе-

черского встречаем упоминание в числе других искушений рода человеческого и о скоморохах с гусями, сопелями и всякими играми и делесы неподобными». В житии последнего святого, писанным Нестором, представляется целая картина пира при дворе Киевского князя. Придя однажды к князю, Феодосии застал его окруженным множеством певцов и скоморохов: одни играли на гуслях, другие на органах, иные на голосах пели песни. Феодосии смутил князя на мгновение вопросом, так ли будет на том свете, и веселье на время прекратилось, чтобы возобновиться по уходе святого, так таков был обычай у князя».

Другие обличения духовенства рисуют нам скоморохов главнейшими участниками народных обрядов. На свадьбе они играют одну из первых ролей и идут всегда с песнями, плясками во главе свадебного поезда. Настанет ли тризна по умершим или сойдется ли толпами народ на кладбище, являются скоморохи, настроение меняется, печаль уступает место необузданному веселью, и «мужи и жены от плача преставше начнут скакати и плясати, и в ладони бити, и песни сатанинские

пети». Купальские и колядные обряды также не обходились без участия скоморохов. Игра на замрах или зурнах, домрах, гудках, шутовские песни, целые сцены с правильными распределениями ролей между членами скоморошьей труппы, одетыми в пестрые костюмы, увешанные бубенчиками, переряженные в звериные шкуры или людские наряды и маски (хари, скураты), – все это практиковалось скоморохами.

Участвуя в народных обрядах, они входили во внутренний быт народа, проникали в семейную жизнь и славились остроумием и находчивостью, нередко ставились посредниками в решениях важных семейных вопросов.

Даже в пословицах, с виду иронически относящихся к скоморохам, слышится расположение к ним: «Волынка да гудок, собери нам домок», «Соха да борона разорила нам дома», «Бог дал попа, а черт – скомороха» и т. д.

Впечатление скоморошьих игр было до того сильно, что увлекало за собой даже представителей того начала, которое искони было враждебно всякому остатку древней жизни. В поучениях митрополита Даниила говорится:

«Нецыи от священных яже суть сии пресвитеры и диаконы, и иподиаконы, и четци, и певцы, глумяся играют в гусли, в домры, в смычки в песнях бесовских и безмерном, и пренюгом пьянстве, и всякое плотское мудрование и наслаждение паче духовных любяще».

Как мы выше уже говорили, одно время, особенно при царе Михаиле Федоровиче, противодействие духовных властей встречает поддержку и в светских властях. Так, при этом царе однажды в Москве не только у скоморохов, но и вообще в частных домах музыкальные инструменты отбирали и сожигали; таким образом их было тогда истреблено на костре пять возов. Из патриаршей грамоты этого времени видим, что по праздникам в Москве великие бесчинства творятся, и вместо духовного торжества и веселья жители предаются играм и кощунам бесовским, сзывают по улицам медведчиков[15] и других скоморохов, приказывают их на торжищах и распутиях сатанинские игры творити, в бубны бити, в сурны ревети и руками плескати и плясати, и иная неподобная деяти.

По свидетельству Олеария, при царе Алек-

сее Михайловиче у нас уже устраиваются переносные сцены с представлениями марионетных пьес. «Для этого, – говорит он, – они обвязывают вокруг своего тела простыню, поднимают свободную сторону ее вверх и устраивают над головой своей таким образом нечто вроде сцены, с которою они и ходят по улицам, и показывают на ней из кукол разные представления». Иногда же вместо подобного устройства скоморохи носили на голове, как мы уже выше говорили, простые доски с подвижными куклами, придавая им различные забавные положения; такие скоморохи, как говорит тот же Олеарий, были как русские, так и голландцы; представляемые ими фарсы были в духе и характере народного вкуса, и все они носили на себе яркий отпечаток сальности и цинизма. На такие неблагопристойные представления стекалась большая толпа, и на них не только с жадностью смотрела молодежь, но и дети, и женщины. Цинизм фарсов заключался в передаче движениями марионеток, речами и даже телодвижениями скоморохов сладострастных сцен, причем не стеснялись изображением их

в самых грубых формах, оскорбляющих стыдливость обоих полов. Сюжеты тогдашних кукольных комедий, надо полагать, мало разнились от наших петрушек. Такие комедии по сейчас еще играют в Москве под Новинским и на дворах в столице. Содержание этих представлений и теперь большою скромностью похвалиться не может. Тот же цыган, продающий лошадь, та же Варюша, петрушкина невеста, и тот же козел, квартальный и черт. В старину также известны были еще вертепы или райки; в Малороссии с ними ходили ученики семинарий по домам граждан в Рождество и на Пасхе. Такие вертепы были не что иное, как те же театрики марионеток, они существовали в Польше уже в давние времена, назывались они там *яселки* или *szopka*. Представления по городам и селам начинались с конца декабря и продолжались до февраля. При яселках речи действующих лиц произносил ученик, скрытый позади сцены, а товарищи его пели рождественские канты, представлялось: Христос, лежащий в яслях на сцене, осел и воз стоят при яслях; Иосиф, св. Дева принимают лиц, приходящих на покло-

нение. На этой же сцене потом идет светское представление, и из боковой башенки выходит здоровенный поляк с деревянною саблею, к нему присоединяется его жена в чепце, после взаимных поклонов они танцуют польский и уступают место смуглому украинцу, который, поклонясь зрителям, лихо выплясывает со своей сударушкой, является затем немец в панталончиках в обтяжку, а за ним с трудом следует толстая немка, далее бурливый забияка с толстой палицей шумит и достаёт своим оружием носы любопытных зрителей, малорослый, но крепкий краковяк в живописном костюме своей родины, отправив до дому свою Катюшу, вступает в драку с забиякой. После Ирод, со скипетром в руках и в сопровождении своего наперсника-жидка, произносит угрозы на весь мир, но потом умирает в ужасных муках, жидок подвергается той же участи, а жена Ирода, Ревекка, оплакивающая судьбу его, увлекается нечистыми в ад, вместе с телом мужа. Затем колдунья масло пахтает, а дьявол выпивает у ней сметану. Напоследок дряхлый старик с мешком для денег просит себе смерти, и тем кон-

чается представление.

Олеарий еще рассказывает о так называемых халдеях, которые получали от патриарха ежегодно позволение перед Святками и Масленицей производить свои представления. Халдеи одевались, совершенно как немецкие актеры карнавальных празднеств, в деревянные расписные шапки, бороды у них были обмазаны медом для того, чтоб не поджечь их огнем, халдеями они назывались потому, что представляли рабов царя Навуходоносора, которые разводили огонь в печи для наказания трех отроков. О древнерусских халдеях, по свидетельству профессора Архангельского, в первый раз упоминается в приходо-расходной книге новгородского архиепископского дома. Представление халдеев носило название *Пещное действо*, совершалось оно в Москве, Новгороде и Вологде. Действо совершалось за неделю перед Рождеством, в воскресенье, во время заутрени. Посреди церкви ставилась печь. Такая печь сохранилась по сейчас в музее Академии художеств: она состоит из двенадцати столбов, украшенных резными и скульптурными изображениями

святых. В церковь входили отроки, набранные из певчих или монастырских служек. На них были надеты шапки, обшитые заячьим мехом и сверху позолоченные и раскрашенные, одеты они были в длинные платья из красного сукна, халдеи снабжались белыми убрусами (полотенцами), которыми в назначенное время должны были связать руки отрокам и затем вести их к печи. У халдеев были в руках еще какие-то длинные трубы. Кроме этих лиц в действе участвовал еще так называемый учитель отроческий. Отроки собственно в печь не ввергались, а стояли подле нее, под печь ставили горн с горячими углями, и при печи стояло до 50 подсвечников. Обряд действия был связан тесно с богослужением. Среди служения однообразно звучали речи халдеев: товарищ зовет одного, когда отроки отказывались поклониться золотому тельцу «Чаво?» – отзывается другой. – «Это дети царевы». – «Нашего царя повеления не слушают?» – «Не слушают и златому тельцу не поклоняются». – «Не поклоняются?» – «И мы вкинем их в печь. И начнем их жечь». Ответы отроков на требования халдеев были

следующие: «Видим мы печь, – говорит один из них, – но не ужасаемся ее; есть бо Бог наш на небеси, Ему же мы служим», – и т. д. В последнюю минуту является ангел с небеси. Ангел спускался в трубе «зело велице», на деле же это не исполнялось, и ангела заменял образ, на котором был изображен архангел, образ этот почему-то был подбит кожей. По рассказам, впрочем, очевидца Флетчера, ангел слетал с церковной крыши, к величайшему удивлению зрителей, при множестве пылающих огней, производимых посредством пороха халдеями, по другим рассказам, дьяконы и причетники кидали горсти плауна (*Semen luscurodium*) на свечи и направляли вспыхивающие искры на халдеев.

Скоморохи известны с XV столетия, но только середину XVII века можно назвать эпохой скоморохов. В эти времена, помимо странствующих скоморохов, были и такие, что жили постоянно при царском дворе или при домах богатых и знатных бояр. В былине о «Чуриле Пленковиче» говорится о придворном постельнике, что, по должности и обязанности службы сидя у изголовья, потешал

князя и княгиню игрой на гусях, у царя Иоанна III был на службе при дворе органный игрец, по имени Иван Спаситель, каплан белых чернецов Августинова ордена. При Иоанне Грозном придворные скоморохи уже играли при царском столе видную роль, с ними сам царь иногда пел разгульные песни и плясал в «машкарах».

По писцовым книгам 1500 года между прочими людьми и ремесленниками упоминаются скоморохи в некоторых погостах. Особенно ими изобилует город Ямы. В нем стояли двор Игнач-скоморох, двор Куземка Олухнов-скоморох, двор Олексейко-скоморох, двор Зелена-скоморох, двор Офоноско – да Радивонки-скоморохи. Не зная никакого ремесла, они потешали народ музыкой и своими штуками. Очень понятно, что в тогдашнем обществе скоморохи не пользовались таким почетом, какой теперь воздают преемникам музыкально-сценического ремесла их. Дворы их поставлены в писцовых книгах наряду с дворами пастухов, которые тоже считались последними людьми в городе.

В следующем столетии при дворе царя Ми-

хаила Федоровича уже служат разные заезжие игроки на органах и клавикордах, а также разные цимбальники скрипичники, научившиеся этому искусству у иноземцев. При дворе царя Алексея Михайловича разная *шпильманская хитрость* уже находит полное применение. Московский двор того времени отличается блеском и пышностью, просвещенный боярин той эпохи Артамон Сергеевич Матвеев, из дома которого была взята царица Наталья Кирилловна, дает вкус веку и имеет модное влияние на придворную жизнь. Он вызывает из-за границы многих актеров и музыкантов, и в его время царь уже преследует грубое скоморошество и на своей свадьбе заменяет прежние музыкальные потехи пением. Так, в описании царской свадьбы (Рос. вивлиофика. Ч. XIII. С. 214) мы читаем: «Да на прежних же государских радостях бывало в то время, как государь пойдет в мыленку, во весь день с вечера до ночи на дворе играли в сурны и в трубы и били по накрам; ныне великий государь на своей государевой радости накрам, трубам быти не изволил. А велел государь в свои государски столы

вместо труб и органов, и всяких свадебных потех пети своим государевым певчим, дьякам, всем станицам, переменяясь, строчные и демественные большие стихи от праздников и в триодей драгие вещи со всяким благочинием». Многие из придворных царя, как, например, князь Ив. Ив. Шуйский, князь Д.М. Пожарский и князь Шейдяков, имеют своих собственных скоморохов. Олеарий рассказывает о позитиве (органе) и всякого рода других музыкальных инструментах, которые имел у себя друг немцев великий боярин Никита Иванович Романов. По свидетельству «дворцовых разрядов», на комедийных потехах в то время играют уже иностранцы-музыканты, да еще дворовые люди боярина Матвеева; последний в 1673 году заводит даже театральное училище, подготовлявшее актеров и музыкантов русского происхождения. В эпоху тишайшего царя, масса отечественных скоморохов увеличивается большим количеством захожих иноземцев, комедиантов, фокусников и т. д.

По свидетельству современников, этот царь в первый раз слышал музыку на орга-

нах, фиолах (скрипках), трубах и других инструментах в своем дворце 2 октября 1672 года. Такое исполнение музыкальных пьес было исполнено вновь прибывшим в Москву немецким оркестром под управлением Готфрида Грегори. Оркестр очень понравился царю; последнее обстоятельство дало смелость Грегори испросить у государя позволение и на театральное представление; репертуар Грегори состоял из пьес духовного содержания; сам он был тоже духовное лицо – пастор. Царь дал согласие на открытие таких представлений, назначив местом их свой дворец в селе Преображенском, и ровно через месяц состоялось первое представление: давали комедию «Как Олоферну-царю царица голову отсекла». Участвовал в представлении сам Готфрид Грегори и «его компания», хор же музыки состоял из смешанного русско-немецкого оркестра, обученного из дворовых людей боярина Матвеева немецкими придворными музыкантами и органистами. Успех первой пьесы был блистательный, актеры были вознаграждены царем щедро, а самая пьеса была переплетена в сафьяне с золотом.

Впоследствии труппа пастора Грегори состояла из посадских детей, отданных во науку Грегори боярином Матвеевым. На первый раз таких учеников ему отдано было 26 человек, на содержание их было положено от казны поденно, пока «будут в учении у магистра, – как тогда называли Грегори, – по четыре деньги человеку на день». Грегори жил в Новонемецкой слободе, и там же помещалась школа «Комедийного действия».

Содержание, отпускаемое на школу казною, по-видимому, было крайне недостаточное, и в сохранившейся жалобе учеников говорится, что «корму им не учинено, и что они, ходя к магистру, платишком ободрались и сапожишками обносились и пить-есть нечего». Костюмы шились также на казенный счет, равно как изготовлялись на деньги Приказа парики, бороды и мелкие бутафорские вещи. Так, Грегори было однажды выдано на платье ангелов и на молодого «Тавию и на спутьшествеников его 30 рублей». В другой раз выдано на «бороды евреев и на иную меньшую починку пять рублей».

На первом представлении царь был без се-

мейства, позднее мы видим, что представления уже давались в присутствии царицы и всей семьи. Чтобы скрыть царицу от публики, говорит А. Веселовский, прибегали к средству, употребляемому нередко при торжественных выездах иностранных послов в Москву, на которое царица и великие княгини смотрели из закрытых помещений около ворот Кремля, в театре была устроена галерея с опускаемыми решетками. Как сцена, так и места, отведенные для царя и его приближенных, покрывались коврами и красным сукном. Простые же зрители сидели на лавках, весьма незатейливых, которые покупали у подгородных крестьян. Сцена скрывалась от зрителей занавесом, который висел на продольной проволоке, укрепленный на ней медными кольцами. Театр освещался сальными свечами, вставленными в деревянные подсвечники.

За первым представлением последовал целый ряд других спектаклей. Особенно понравилась также еще пьеса об «Артаксерксе и Амане». На заговенье был исполнен дивертисмент, в котором играли только на органах

и танцевали. Дивертисменты, составленные из декламации и плясок, исполнялись, по-видимому, чаще пьес; у Рейтенфельса, известного путешественника по России, сохранилось о представлении, бывшем в субботу на Масленице 1675 года: перед началом балета на сцену выступил актер, одетый Орфеем, и обратился к царю с речью в стихах, в ней он прославлял торжественный день, в который труппа снова дерзает потешать великого государя. Затем до небес превозносил прекрасные свойства души Алексея Михайловича и в заключение, обращаясь к двум пирамидам, стоявшим по бокам его расsvеченным разноцветными огнями и покрытым транспарантами в честь царя, он пригласил их танцевать с собою. За этими словами начался балет.

Самый же театр был построен в 1673 году; 22 января царь отдал приказ об устройстве комедийной храмины над аптекой; на работу было выслано 25 плотников, которые работали с замечательной поспешностью днем и ночью, так что не прошло четырех дней, как все уже было готово; к спектаклям стали приглашать и местных музыкантов; в докумен-

тах, изданных Калачовым, видим, что были посылаемы «приказу галицкие чети молодые подьячие по три дня в Новонемецкую слободу по полковнику по Миколая фон Стадена и по музыкантам да по Тимофея Газенкруха с товарищи, как им велено быть в комедийных палатах для потехи». В составе оркестра видное место занимали небольшие органы, затем употреблялись фиолы, накры и трубы; были и другие «страменты».

Кроме пастора или магистра Грегори, во главе руководителей московского драматического искусства в последний год царствования тишайшего царя состоял еще некто шляхтич Степан Чижинский, бывший учитель Киево-Братской духовной академии. Профессор Буслаев полагает, что он явился в Москву не случайно. Представления Грегори, дававшие буквальные и часто тяжелые переводы немецких пьес, никак не могли удовлетворить тогдашнее русское общество; они могли представлять интерес случайный лишь на первые разы, но затем неизбежно должны надоедать; боярин Матвеев, по-видимому, был озабочен тем, чтобы придать первому театру

чисто русский или славянский характер. Чижинский поставил несколько пьес, лучшая из них была «Давид с Голиафом». Труппа, которую он обучал, состояла из 80 человек разного звания людей; каждый учившийся получал по алтыну в день. Из писателей народных драм известен был еще Сильвестр Медведев; родом он был из курских подьячих, ученик и друг Симеона Полоцкого. Он известен так же, как автор записок о первом Стрелецком бунте. Медведев, в угоду царевне Софье, написал две пьесы: небылицу в лицах «Меч-кладенец» и первую русскую сатирическую комедию «Шемякин суд». Автор этих пьес, Сильвестр Медведев, был казнен в 1690 году вместе с Щегловитым за участие в заговоре с стрельцами по доносу греков Лихуд, основателей Греко-латинской академии.

Но самый продолжительный успех из сценических представлений имели мистерии Симеона Полоцкого; последний заимствовал такие театральные представления из Ветхого завета и из притчей Евангельских. Эти мистерии имели назначение укреплять в вере посредством изображения в лицах ее таинств,

чудес и славы. Существует любопытный библиографический памятник одной такой мистерии, некогда хранимый в собрании господина Кастерина. Мистерия эта была отпечатана в 1685 году в Москве и играна была в селе Преображенском, название ей «Комедия-притча о блудном сыне»; книга состоит из 57 восьмушек, на которых с одной стороны оттиснут гравированный на меди текст комедии, по местам украшенный тридцатью восемью картинками, изображающими главные сцены с декорацией, освещенными площадками, и с зрителями на первом листке (после заглавного, где вырезано: «История, или Действие Евангельския притчи о блудном сыне, бываемое лето от Рождества Хр. 1685»), изображен комедиант в немецком платье, с усами. На другом листе следует пролог или Комедии-притчи пролог:

*Благородные благочестивые госу-
дари милостивые!
Не тако слово в памяти держит-
ся
Якоже аще что делом явится
Христову притчу действием про-*

*явите
Зде умыслихом и чином вершити
О блудном сыне вся речь будет на-
ша,*

*Аки вещь живу узреть милость
ваша,
Всю на шесть частей притчу раз-
делихом,
По всяцей оных нечто примени-
хом,
Утехи ради ибо все стужает,
Еже едино безвремени бывает
Извольте убо милость сию явити*

*Очеса и слух к действию приклони-
ти,
Тако бо слабость будет обретаема
Не токмо сердцам, но и душам
спасена
Велию пользу может притча да-
ти,
Токмо извольте прилежно внима-
ти.*

Сказав пролог, комедиант делает поклон до земли.

Из действия видно, что комедианты тогда

были люди смиренные. Так и в конце блудный сын обращается к зрителям, читает эпиграмм, начиная его словами «Вашим милостям сицев поклон отдаю»; в заключение, после слов: «Конец и Богу слава», – сказано по поклону до земли всем сущим ту, семо и овамо. В списке Новикова (Российская вивлиофика. Т. VIII) сказано только «ту вси исшедшие поклопялися, а мусикие запоет и тако разъедутся гости». Там после каждого действия прибавлено: «и пойдут вси за завесу и певцы поют и будет intermedium», чего нет в экземплярах господина Кастерина, где зато на картинке изображено все, что применил автор для разнообразия, без которого все слушает иже без перемен бывает. На 22-й картинке изображено, как прелестницы бьют блудного сына кочергой и обливают из окна водою; на 29-й картинке его держат и в весьма комическом положении бьют палками за то, что он, голодный, съел у свиньи корм. Неужели так было представлено и на сцене? В списке Новикова сказано «Поведут блудного сына за завесу и бьют плетьюми, а он кричит: „Государь, пощади!“». Можно полагать, что Новиковский спи-

сок был цензурирован для сцены. Впрочем, он совершенно сходен содержанием с текстом библиографической редкости Кастерина.

Царствование царя Федора Алексеевича, как говорит Ф. Кони, имело значительное влияние на судьбу русского театра и на развитие самобытной драматической литературы. Здесь впервые являются пьесы из исторической жизни русского народа, и начинается знакомство с знаменитыми драматургами Запада. При дворе царя дают концерты, составляются хоры из знатных людей, которые выполняют духовные канты и особенно в честь царя сочиненные гимны. Царь сам ими руководил, он был воспитанник Симеона Полоцкого, по времени очень ученого духовного лица, знавшего основательно и музыку. В эту эпоху почти все первые духовные иерархи пишут трагикомедии; царевна София тоже сочиняет духовную драму в стихах «Екатерина Великомученица», которая ставится у ней в терему. Карамзин видел это сочинение в рукописи и отзывался о ней с большою похвалою. Известный театрал князь А. Шаховской

говорит: «Мне известно по семейным преданиям, что прабабка моя, Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня царевны Софьи, представляла лицо Екатерины-мученицы и что Петр Великий, бывая всегда при этих театральных зрелищах, прозвал Арсеньеву „Екатериной Мучительницей большие глаза“. Известный Иван Аф. Дмитриевский имел перевод комедии Мольера „Лекарь принужденный“, слог перевода которой принадлежит к полуцерковному и, как ему передавали, был сделан самой царевной». Пьеса эта была играна в день рождения царевны, 17 сентября. По поводу этой комедии существует следующее предание, которое рассказывает в своих записках Доарвиль, живший в России в ту эпоху. В 1657 году царь Алексей Михайлович так сильно занемог, что все старания врачей оказывались бесплодными. Поэтому было объявлено всенародно, чтобы знахари, умеющие лечить подобные болезни, являлись во дворец. За излечение обещана была огромная награда, зато было также известно, что неуспех мог повести на плаху. Жена одного взыскательного и крутого мужа, заведя интрижку,

желала избавиться от его ревнивого надзора и побоев; она воспользовалась этим случаем и дала знать в дворцовый приказ, что муж ее знает многие спасительные зелия и вылечивает почти все болезни. Мужа потребовали к царю, он должен был его освидетельствовать и, несмотря на все отговорки, принялся за лечение. Бедняк придумывал все домашние средства, которые ему случалось в жизни испытать или о которых он слышал, и к величайшему удивлению его самого и всего тогдашнего врачебного персонала ему удалось восстановить здоровье царя. Это же самое событие описано и у Олеария, но он относит его к Борису Годунову. Показание первого, должно быть, вернее, потому что обнаружено ранее и потому что при Алексее Михайловиче было слишком много хороших иностранных врачей. Пьеса Мольера слишком близко подходит к этому событию, которое, как видно, было очень известно в народе, потому что даже и иностранные писатели о нем узнали; и поэтому немудрено, что царевна выбрала именно эту пьесу для перевода. Вот названия, данные ею действующим лицам, и распреде-

ление ролей между придворными. Станарель, дровосек – князь Ю.А. Долгорукий; Мария, его супружница – княгиня А.И. Хованская, Роберт, сосед его – князь В.В. Голицын, известный любимец царевны, один из образованнейших людей своего времени; Герон, боярин – князь Як. Н. Одоевский, Луцында, дочь его – княгиня Н.И. Барятинская; Валериан, дворецкий – князь Д. Щербатов; Лука, прислужник Герона – полковник С.Ф. Грибоедов, Акулина, жена – А.Б. Шереметева, Федот, мужичок – князь М.Я. Черкасов, Перин, сын ее – князь Г.Аф. Козловский, Леандер, суженый Луцынды – князь К.О. Щербатов. Любимой еще пьесой как у царевны Софьи, так и у царицы Натальи был «Кающийся грешник». Вот содержание ее по князю А. Шаховскому – последний слышал ее от Дмитриевского, который еще играл ее в царствование императрицы Елизаветы Петровны на Придворном театре. Сцена изображает пустынный вид; посреди стоят три существа, единственные действующие лица в пьесе: грешник, его ангел-хранитель и демон. Грешник в белой одежде, скрытой под черными нашивками, на которых написаны

все его прегрешения. Речи ангела и демона дополняются двумя невидимыми хорами их собратий. Ангельский хор восхваляет милосердие в благость Божьи, и грешник готов покаяться, но, опустив глаза, он видит свою одежду, ужасается бездны греховной и богохульствует; ад радуется новой добыче. Но ангел воспевает прощение разбойника; это обуздывает отчаяние грешника, и он от всего сердца начинает молитву. По мере покаяния нашивки спадают одна за другой, и наконец обнаруживается белая одежда, символ безгрешности. Но борьба одолела человека, смерть близка, он испускает дух, душа его возносится к небу при пении ангелов, тогда как в аду слышатся отчаянные крики и скрежет зубов.

Не менее еще была известна в то время и другая комедия, под названием: «Ужасная измена сластолюбивого жития с прискорбным и нищетным, в евангельском миролюбце и Лазаре изображенная»; в ней была представлена в лицах известная притча Спасителя к ученикам. Эта комедия давалась при «запустных пиروваниях». Она представлена была и

действием благородных великороссийских младенцев в новосияющих словено-латинских Афинах в Москве, в ноябре 1701 года.

Комедия начиналась прологом, в котором «образне является всего действия вещь и событие» В прологе, в первой сцене представляется сластолюбие, входящее в мир на семиглавом змие; во 2-й – является пиролюбец в светлой одежде за трапезою и засыпает при пляске домовых отроков. Явление 3-е: во время его сна является Иов на гноищи и тщетно увещевает его оставить сласти мира. Явление 4-е изображает пир богатого, на который приходит Лазарь, но, не получив ничего, уходит и полагается на гноищи. В это время среди ликования богатый видит подобное себе лицо, мучимое в геенне огненной, устрашается, но вскоре «сабельное ликование» разбивает скорбь его. Это действие заключается песнею хора. Явление 5-е: Лазарь вскоре получает подкрепление с неба. Явление 6-е: суд Божий изрекает слово блаженства Лазарю и определение погибели богатому. Явление 7-е: Лазарь умирает, утешаемый ангелами, и при пении их душа его возносится на небо. Явление 8-е:

ангел, имеющий ключи бездны, угрожает пиролюбцу и отверзает студенец геенский, из которого исходят вопли нечестивых, огонь и дым. Засим следует песнь хора. Явление 9-е: смерть изливает в чашу ликующего пиролюбца смертоносный яд, и он в жестоких муках умирает. Явление 10-е: душа пиролюбца пре-пирается с телом о причине своей гибели, но ангел смерти низвергает тело на землю, а душу в ад похищает. Явление 11 —е: тело, пораженное громом, пожирается разверзшеюся землею. Явление 12-е: Лазарь в лоне Авраама, а богатый – в геенне. Беседа между ними, оканчивающаяся горьким рыданием богато-го. Эпilog: церковь скорбит о гибели пиролюбца и людям, подобным ему, преподает спасительное врачевство от тяжкого греха сластолюбия – святой пост.

В комедии между прочими лицами являются и лев хромый, и слава на орле с трубою, и лютая гидра, и девы с тимпанами, и гусли сретают Давида, поют торжественные песни, и танцуется офицерский танец с словесными похвалами оружия и воинства, и затем следует «интермедиум». Комедии того времени по

внешней форме были взяты с греческих трагедий; они состояли из пролога, хора, нескольких явлений и эпилога. Хор объяснял смысл явлений, которые состоят в символическом-мимическом изображении известного действия; часто в песни хора слышатся или нравственные наставления, или звуки скорби о делах порока и звук радости о славе добродетели.

Регламент московской Славяно-греко-латинской академии позволял студентам «игру на мусикийских инструментах и делать комедии», «что зело полезно к наставлению и к резолюции, сиесть честной смелости». Возвращаясь опять к первым театральным представлениям, мы видим, как это говорит Ф. Кони, что на третий день брака царя с Марфой Апраксиной в селе Преображенском играли бояре и боярыни комедию: «Баба-Яга, костяная нога»; распределение ролей было следующее: Ягу-Бабу играла копенгагенская актриса Анна Паульсон, тогдашняя европейская знаменитость, приглашенная в Россию боярином Матвеевым. Ивана-Царевича играл князь Ив. Пронский; Людмилу, его суженую, княгиня Н.

Барятинская; черного бога – полковник Грибоедов; подруг Людмилы – Любашу, Надюшу и Таню – княжны Куракина, Черкасова и Одоевская. Это был последний спектакль при царе Федоре Алексеевиче. 27 апреля 1689 года царь скончался.

Профессор Тихонравов отвергает совсем существование спектаклей при царе Федоре. Он основывается на словах господина Замысловского, автора книги «Царствование Федора Алексеевича», который говорит, что еще в декабре 1676 года царь приказал очистить палаты, которые были заняты на комедии.

II

Т*еатр при Петре Великом. – Народный театр на Красной площади. – Комедиант Славский. – Первые русские актеры. – Характеристика их. – Наказание батогами. – Рассказы иностранцев. – Афиши. – Силач и его рекламы. – Первое апреля. – Театр царевны Наталии. – Танцевальное искусство. – Казачок. – «Шпильманская хитрость». Лубочное искусство. – Птичьи выскисты. – Балансеры, шпрингеры, собачья комедь. – Конские ристания. – Афиша первого циркиста*

Первый придворный спектакль в царствование Петра I в селе Преображенском был назначен в день бракосочетания царя с Евдокией Лопухиной, 19 января 1689 года. Этот спектакль состоял из пьесы «Илья Муромский богатырь и Соловей-разбойник» и был разыгран следующими придворными; Илью Муромца играл Ив. Троекуров, Владислава, князя черниговского – князь Пронский, Силопера, его конюшего, исполнил И. Языков, известный постельничий царя Федора, достигший в весьма молодых летах к соблазну всего двора сана боярина, – он заведывал Стрелецким приказом и был убит во время Стрелецкого бунта, Прикрасу, княжну болгарскую, играла княжна Козловская, дочь окольного, славившаяся бойкостью и красотой; Буриной, отец ее, был К. Щербатов, Сновида, дочь Силопера, была Марья Скуратова, а самого Соловья-разбойника исполнял М.П. Головин, боярин, которому было поручено «надлежащим правлением ведать Москву». В этом же году спектакли шли в Кремлевской палате царевны Софьи.

Но самая живая эпоха драматического искусства начинается с первых годов XVIII столетия, когда Петр Великий перенес театр из царского терема на площадь, некогда царскую потеху, доступную для немногих, обратил в насущную потребность образованного народа. Театральные представления этих первых годов остаются по форме теми же, что были и прежде, но основным в этих зрелищах являются прославление подвигов царя и его побед, и в назидание еще вводится сатирический элемент, в котором на сцену выводятся староверы с их заблуждениями, несчастный ставленник, которого надувают подьячие, берущие взятки, дьячок, который не хочет отдавать детей в науку и т. д. С этого времени начинают появляться подстрочные переводы разных иностранных драматических пьес и в их числе, например, произведения Мольера, отрывки из «Дон-Жуана» и т. д.

В декабре 1701 года комедианта Яна Сплавского, поступившего на службу к царю еще в 1698 году, отправляют за границу в Гданьск (Данциг), для вербования в Москву театральной труппы, на расходы ему выдается 200 руб.

В Данциге Славский уговаривает с антрепренером Иоганном Кунштом. По прибытии с труппою в Москву «царскому величеству всеми вымыслами, потехами, угодить, и к тому всегда доброму готовому полезному были», и за все это ежегодно получать за 5 000 ефимков. Кроме этого ему следовало оказать пособие на счет казны при постройке здания для театра, при шитье костюмов и приготовлении декораций. Актеры Куншта, кроме комедиального действия, обязывались исполнять еще и разные должности при театре; так, один из них, Антон Ротакс, должен был быть в труппе парикмахером и изготовлять парики и накладки, другой, Яган Эрдман, облечен был в должность портного. Труппа Куншта прибыла в Москву в 1702 году: по прибытии Куншт обратился в Посольский приказ с просьбою о выдаче ему на обзаведение денег, при этом он предлагал приступить к постройке «делательного двора» и испрашивал для этого разных мастеров. Все требования Куншта были удовлетворены. Деревянная комедийная *храмина* была построена в Москве, на Красной площади, а в ней театрум – хоры,

лавки, двери и т. д. При этом еще в Немецкой слободе, в доме генерала Франца Лефорта, в большой палате для поспешения, покамест та храмина построится, сделан театрум. «Великого иждивения» не пожалели, новая комедийная храмина Москвы должна была послужить рассадником будущего народного театра. Первым условием новой комедии был поставлен русский язык. «Комедию отправлять ему на немецком языке?» – спрашивали дьяки первого директора русского театра Головина. Последний отвечает: «Надобно, конечно, на русском, и тому Сплавскому, как посулил, чтоб таких вывез, приказано, чтоб умели исполнить». Труппа Куншта вскоре стала ссориться со своим антрепренером; актеры, по словам последнего, вели разгульную жизнь и не слушались его. В октябре того же года Головин приказал набрать русских актеров из подъячего разных приказов. Набранные люди были отданы в науку Куншту. За преподавание науки ему было дано в прибавку жалования еще 500 руб.

Вот имена первых актеров: из ратуши – Федор Буслаев, Семен Смирнов, Н. Кондратов,

Лев Небезик; из Сибирского приказа – Яковлев, Советов, Степанов; из Монастырского приказа – Гневышев, Потапов; из ратуши – Петр Быков, Долгов, Меньшой, Комарской, Егоров, Евсеев; из Померной – Василий Кошелев; из посадских – а был в истопниках – Василий Теленков.

Куншт не был доволен своими учениками; он не раз жаловался в Посадский приказ, чтобы обязали их являться на представления в одно время; затем он докладывал, что «невозможно русских комедиантов во всех комедиях своими театерскими платьями, перьями, накладными волосами, башмаками, чулками, рукавицами, лентами и иными вещами наряжать, понеже им таких вещей на полгода не будет, а мне, Куншту, больше 1500 рублей стали опричь турецких и персидских, которые еще готовить надобно». В 1703 году русским актерам «для их скудости» и потому, что, «ходя в немецкую слободу по вся дни, платьем и обувью обносились и испроелись», царь приказал выдать с октября 1702-го по январь 1703 года 100 руб. В 1703 году Куншт умирает; в марте следующего года является новый ан-

трепренер и учитель театрального дела Артемий Фюрст. На него вскоре подает донос актер Быков, что он не занимается обучением актеров, а потому «которые комедии они» комедианты, выучили и те комедии за нерадением его в комплиментах и за недознанием в речах действуют не в твердости для того, что он иноземец, их русского поведения не знает».

Из бумаг 1705 года видно, что для театральных представлений были выписаны из-за границы и музыканты. В первый раз они прибыли из Гамбурга чрез иноземца Матвея Понца в числе семи человек; двоим из них было назначено жалованье по 149 руб., а остальным – по 114 руб.; затем нанято было еще четыре музыканта с жалованием по 150 руб.

У академика Пекарского находим чрезвычайно интересный доклад того времени, как для истории той эпохи, так и для оценки тогдашнего состояния у нас драматического искусства. Этот доклад относится к 1705 году. Вот он вполне: «Ученики-комедианты русские без указа ходят всегда с шпагами, и мно-

гие не в шпажных поясах, но в руках носят, и непрестанно по гостям в ночные времена ходя, пьют. И в рядах у торговых людей товары емлют в долги, а денег не платят. И всякие задоры с теми торговыми и иных чинов людьми чинят, придираясь к бесчестию, чтоб с них что взять нахально. И для тех взятков ищут бесчестия своих, и тех людей волочат и убыточат в разных приказах, мимо государственного посольского приказа, где они ведомы. И взяв с тех людей взятки, мирятся, не дожидаясь по тем делам указа, а иным торговым людям бороды режут для таких же взятков. И в том на тех комедиантов разных чинов людей словесное многое челобитье. А комедий, которые по приказу боярина Федора Алексеевича (Головина) велено им списывать, писать не хотят, а те комедии для лучшего обучения надлежит им списывать. А в посольском приказе тем комедиантам вышеупомянутых непристойных дел чинить заказывают, одноко ж они так приказ презирают и чинятся во всем непослушны, а именно в вышеупомянутых причинах явились комедианты. Василий Теленков (он же Шмага пья-

ный), да Роман Амосов, взят в ряду у торгового человека, у Иванова сына Полунина, сукна и не хотят денег платить, били челом в ратуше, мимо посольского приказу, в бесчестье и в том волочили его многое время и потом, нечто с него взяв, помирились. А ныне тот же комедиант, Василий Теленков, бил челом мимо посольского приказу в судебном приказе на ратушного подьячего Якова Новикова в бесчестье же, а по свидетельству посторонних людей явилось, что в том задоре и брань была от него, комедианта, а не от того подьячего. И для того посылали из посольского приказу на него, комедианта, приставы чтоб его в том унять. И он, комедиант, в посольский приказ по многое время не пошел. А потом от дьяков посыпал к нему комедиант Федор Буслаев говорить, чтобы он таких противных дел чинить перестал. И он, комедиант, Василий Теленков, ему, Федору, говорил с великим криком, что он никого не слушает и не боится, и судить его некому, и притом многие противные слова говорил. И того числа тот комедиант в по-сельском приказу сыскан, и до указу велено его содержать в приказе. А в комедиях

действие комедийное за ним не станет, потому что не во многих комедиях действо его есть, и дела за ним мало, только бесчестья много, а у того дела и быть он не потребен. А есть ученики комедийные русские добрые, которым велено быть до убылых окладов в прибыли (т. е. сверхкомплектных). И о тех слушниках и бесчинниках что чинить?» Доклад этот был послан к боярину Головину, который из похода прислал такое решение: «Комедианта пьяного Шмагу, взяв в приказе, высеките батогами да и впредь его, также и иных, буде кто из них, комедиантов, явится в каком плутовстве потому же, взяв в приказе, чините им наказанье, смотря по вине, кто чего достоин, не отписывая ко мне». Позднее из дела об актерах мы видим, что с ними особенно не церемонились; так, из дневника Бергхольца вычитываем, что в день представления актеры разносили афиши, и один из них придумал даже извлекать из того выгоды, выпрашивая вознаграждение, за что и был наказан до спектакля батогами, в спектакле же он исполнял роль короля, товарищ этого актера тоже получил удары батогами. Иностранцам

казалось в то время удивительным, что наказанный так недавно батогами играл опять на театре вместе с княгинею и благородными девицами: одна из них, игравшая роль генерала, действительно была княжеского рода, а супруга наказанного батогами короля – родная дочь маршала вдовствующей царицы.

В записках иностранцев, бывших тогда в России, находим несколько интересных сведений о старинном русском театре. Так, по словам Бассевича, московский театр был просто варварский и посещаем был только одной чернью. Пьесы, которые там давались, разделялись на несколько действий, каждое из последних на столько явлений, что пьесы доставало на представления в продолжение целой недели, и каждый день давалась из нее треть или четверть. Между антрактами представлялись шутовские интермедии при пособии кнута и палочных ударов. Немецкие пьесы, по словам тех же иностранцев, были сборищем площадных фарсов, где удачное выражение и ловкая сатира терялись в безобразной смеси романических чувств, разглагольствований, декламируемых королями и рыцаря-

ми, с шутовством Ванюшек-дурачков, их наперсников и т. д.

Вкус императора, всегда верный и здравый даже в искусствах, не совсем ему знакомых, побудил его обещать премию актерам, если они дадут трогательную пьесу без этой любви, которую всюду навязывают, что надоедало царю, и веселый фарс без шутовства. Конечно, представленные по этому случаю пьесы не удались, но для поощрения им выдана была награда. Вот один из спектаклей у вдовствующей царицы, бывшей супруги царя Иоанна Алексеевича, который видел Берхгольц, — он застал царицу в спальне, около нее сидели некоторые из членов Синода, как то архиепископ Новгородский, архимандрит Троицкий и другие. Когда наступало время начать театральное представление, дали знать о том присутствующим. Тогда царицу перенесли в кресле в залу, где уже было большое общество. Комедия началась в 5 часов. Занавес поднялся. Театр устроен очень изящно, только костюмы актеров не совсем хороши. Герцогиня Мекленбургская дирижировала всем, только пьеса из плохих. Дня через

три театр посетил вместе с Берхгольцом и герцог Голштинский с значительными лицами своей свиты. Герцогиня в оправдание своего театра называла его детской забавой и не считала его достойным присутствия знатных гостей. На этом-то спектакле и играл вышеупомянутый битый батогами актер. Представление иностранцам не понравилось, в особенности сердило их, что занавес беспрестанно опускался, и зрители оставались совершенно в потемках, по этому случаю герцог несколько раз повторил: «Что за дрянная комедия», – и самому Берхгольцу стоило много старания, чтобы удержаться от смеха. «В прошлый театр, – говорит Берхгольц, – у меня стянули из кармана табакерку, а в нынешний у двоих наших вытащили шелковые носовые платки...»

«Другой раз он присутствовал в театре, устроенном в госпитале тамошними учениками. Сам император присутствовал в нем до конца пьесы и, казалось, был очень доволен ею. Пьеса продолжалась четыре часа. Этот театр был узкий и невзрачный, там находилось уже несколько немецких дам и очень мало

значительных лиц. Комедию играли молодые люди, ученики доктора Бидлау, очевидно, никогда не выдавшие театра. Сюжетом пьесы была история Александра Македонского и Дария; состояла она из 18 актов, из которых девять давались в один раз, другие акты шли на другой день; между антрактами были забавные интермедии, последние были очень плохи и оканчивались всегда потасовкой. Первые актеры жалованье получали небольшое – большой оклад давался только актрисам. Так, первая актриса в труппе Фюрста, исполнявшая первые женские роли, жена генерально-го доктора Паггенкампа, в русских документах переделанная попросту в Поганкову, получала 300 руб., а другая, девица фон Вилих, имела жалованья 150 руб.

В первое время появления театральных зрелищ, как надо думать, печатались и афиши о представлениях. Мы выше уже говорили, как один из актеров даже пострадал за них. Академику Пекарскому удалось видеть одну такую афишу; напечатана она была на одной стороне листа, внизу было отмечено, что она вышла в свет в С.-Петербурге, марта

17-го 1719 года. Озаглавлена афиша была так: «Объявление о чудном муже, его же иные вторым Сэмпсоном нарицают», – всей этой библиографической редкости не выписываем. Но вот краткая выдержка из нее. Герой ее, силач, поднимал пушку от 2 000 до 2 500 фунтов одною рукою, на которой стоял барабанщик. «Оную пушку держал одною рукою так долго, пока другою рукою про здравие господ смотрителей (sic!) рюмку вина выпьет. Двух или трех сильных лошадей припрягает к себе, которые, хотя всеми силами тянут, однако ж с места сволочь не смогут. Канат перервет руками, которого две лошади перервать не могут. Подымет лошадь одною рукою, на которой человек или два сидели бы, и до тех мест, подняв, держит, пока вина рюмку выпьет. Ляжет на землю и велит на себя двум тяжелым человекам стать, с которыми он встанет и станет на стул, который на столе стоит. Подымет от 10 до 12 человек самых тяжелых и, подняв одною рукою, так долго держит, пока рюмку выпьет вина. Железный гвоздь в фут длиною, а в дупло шириною, свернет, как пыжевник. Возьмет в зубы палку и велит

двум сильным людям тянуть, которую не могут у него изо рта вытянуть». Цена местам у этого Сампсона за первое – полтину, за другое – десять алтын, а в третьем или в последнем – пять алтын. Из этого объявления видно, что афиша Петровских времен как по искусству заманивать зрителей, так и по дороговизне мест едва ли чем отличается от нынешних подобного рода. Этот Самсон, как говорит Берхгольц, обманул собравшихся зрителей раз первым апрелем. Таким обманом воспользовался и другой немец, Манн, устроивший театр у нынешнего Полицейского моста, на Мойке. Профессор Штелин в своей немецкой хронике театра в России рассказывает этот случай, который не может повторяться в наше время. Манн великолепной афишей известил публику о необыкновенном новом представлении, назначенном на первый день апреля. Стечение народа было страшное, за билеты платили втрое, потому что театр не мог вместить всех желавших видеть представление. Наконец приехал и государь. Музыка загремела, занавес взвился, и вместо спектакля перед изумленными зрителями

явилось белое полотно с гигантскими словами. «Нынче первое апреля». – «Нечего делать! ступайте по домам! – сказал государь, улыбувшись. – Это вольность комедиантов». По поводу 1 апреля Берхгольц рассказывает еще другой случай, бывший при нем в Петербурге в Петровское время. «В полночь увидели мы сильный огонь за императорским садом, начали звонить в набат, бить в барабаны, а ночные караульщики весьма прилежно действовали трещотками. Почти весь город был на ногах, а между тем этот огонь был не что иное, как шутка, чтобы многие тысячи народа обмануть в апреле. Когда подходили к огню, то поставленная там стража отвечала, что сегодня последнее число марта. Но как многие другие о том ничего не знали, то все-таки стекались на предлагаемый пожар. Это немало забавляло Петра Великого, и он каждый год около того времени выдумывал что-нибудь подобное». Штелин еще рассказывает о необыкновенном спектакле, который в старину давали на Масленице служители царских конюшен; представляли эти импровизированные актеры в рогожных костюмах, да-

вали они представления в разных местах.

Для извещения о том публички на окне выставлялся бумажный фонарь и играли на рожках. Представление носило название «игрище» или как он называет «Sottises the'btrales». Зрители за места платили от 1-й до 4 коп.

Находятся также свидетельства, что актеры старого времени принимали участие в похоронных процессах; так, на пышном погребении боярина Головина, известный антрепренер Фюрст принимал участие в церемонии, и на этот конец ему были выданы из театрального платья «латы добрые, всем воинские одежды и с поручи и с руками».

Вебер, мекленбургский посланник, бывший в Петровское время в Петербурге, дает нам описание театра любимой сестры царя, великой княжны Натальи. Театр ее помещался в огромном пустом доме, где был устроен партер и ложи; посещать этот театр был волен всякий. Здесь давались трагедии и комедии, сюжеты которых были заимствованы из Библии или из обыкновенных вседневных приключений. Труппа состояла из десяти рус-

ских актеров и актрис самого ординарного качества. Про представления он рассказывает, что роль Арлекина поручена была одному обер-офицеру, и он вмешивался со своими шутками туда и сюда в продолжение всего действия; потом выходил оратор и рассказывал ход и содержание пьесы, а наконец следовала и самая пьеса, где была изображена неудачность восстаний и всегда несчастный конец их. В этой пьесе, как объясняли Веберу современники было выведено на сцену одно из последних стрелецких возмущений. Представления же в Народном театре на Красной площади давались по понедельникам и четвергам, в эти дни ворота в Кремле, Китай- и Белом городе не запирались до девяти часов вечера, и с проезжающих как русских, так и иностранных людей проездной пошрины не брали, «дабы смотреть того зрелища ехали охотно».

С царствования императора Петра в России появилось все, что только интересовало современную жизнь в остальной Европе, и русские начали понемногу отвыкать от своих вековых предрассудков, хотя формы, введен-

ные в общественную жизнь Петром, все-таки были сухи и казенны, полной свободы не было, в обращении царил придворный этикет, натянутый и церемонный. Все общественные увеселения того времени, как, например, маскарады и ассамблеи, в сущности, были не что иное, как церемониалы, которыми при Петре Великом ознаменовывалось почти каждое более или менее замечательное событие в государстве. Так, к торжественному вшествию победоносного над шведами государя, приказано было изготовить театральное представление, в котором в аллегорическом виде были изображены победы его и побежденные им генералы.

На ассамблеи и балы придворные и военные съезжались большею частью как на известную церемонию, вторая больше стесняла и утомляла, чем вносила веселье. Первые танцы были тоже церемонны, и за ними только следовали обыкновенные. Приличие того времени требовало, чтобы мужчина, желавший танцевать с дамою, подходил к ней не прежде, как после трех церемониальных поклонов, во время танцев едва касаться паль-

цами ее пальцев, а когда оканчивал, тогда целовал ее руку. Дамы также не отличались нынешнею свободой. Одетые в европейские платья, выученные танцевать, они все-таки сохраняли старую застенчивость девушка, например, с мужчиною не смела вступать в разговор, не могла танцевать два раза в вечер с одним кавалером. Хотя и существовали свободные постановления ассамблей, но на вечерах их не было свободы и оживленности. Император, любивший свободное обращение без чинов там, где нужно было веселиться, ввел на ассамблеях особенный танец на манер немецкого гротеска, в котором все собрание, мужчины и женщины, под звуки медленного, почти похоронного марша, также медленно двигались по комнатам, вдруг по знаку маршальского жезла музыка переходила в веселую, дамы оставляли своих кавалеров, брали новых между не танцевавшими, кавалеры ловили дам или искали других, поднималась ужасная толкотня, беготня, шум, крик, даже лица царской фамилии не были изъяты от этого; за ними бегали, гонялись, как и за всеми другими, сами они лови-

ли других, наконец по новому сигналу маршала все опять приходило в прежний порядок, и те, которые оставались без дам, подвергались наказанию осушить кубок большого и малого орла. Этот огромный кубок обыкновенно находился в одной из комнат, и от осушения оно виновный не освобождался никакими отговорками.

При отце императора, как говорят предания, существовал один только танец – это *Казачок*: буйный, удалой, занесенный в белокаменную малороссийским казачеством, – но он не сближал оба пола. Одни суточные посиделки и вечерницы развязывали несколько затворническую теремную жизнь. Ассамблеи при Петре давались по очереди всеми придворными. Царь лично утверждал список их, и сам присутствовал на них со своим семейством. Хозяин обязан был только хлопотать об угощении, а о поклонах, встрече и проводах гостей он не заботился. Под ассамблеи занимали четыре комнаты: в одной беседовали старики; в другой танцевала и веселилась молодежь; в третьей курили табак и пили вино, а в четвертой играли в шахматы и шашки. На

ассамблеи скликали обыкновенно барабанным боем и прибитыми на перекрестках улиц объявлениями.

Император считался первым танцором, он танцевал ловчей и приятнее всех. Между дансёрами в его время отличались граф Ягужинский, князя Трубецкой и Долгорукий и граф Головкин. Из дам первые танцовщицы были великая княжна Елизавета Петровна и княжна Кантемир. Общественная жизнь, хотя при Петре и изменилась, приняв светские формы, но нужно помнить, что это случилось только в высшем обществе, между знатью и придворными.

В царствование императрицы Екатерины I и Петра II придворные и частные балы почти прекращаются, и существовал ли тогда на Красной площади театр, сведений не имеется, известно только, что в это время процветают немудреные спектакли в главном госпитале, где лекарские ученики завели у себя постоянный театр, настилая досках на порожние кровати, разгораживали сцену пестрыми ширмами и вылечивали своих больных веселой забавою, а здоровых морили со смеху комедия-

ми своего изделия, в которых уже появляются настоящие русские народные лица. К ним вскоре примкнули и питомцы корабельного училища Сухаревой башни и стали тоже давать спектакли. Со вступлением на престол Анны Иоанновны всякие удовольствия, зрелища, торжества и праздники входят в большую моду, двор в это время отличается великолепием и пышностью. Польский король Август II отправляет к императрице лучших артистов дрезденского театра – как музыкантов так и танцовщиков. Из числа замечательных артистов в службу к императрице вступает знаменитая певица Казанова, мать известного авантюриста, и комик-певец Педрильо, впоследствии любимый шут императрицы. Спектакли того времени уже отличаются роскошью в костюмах и декорациях. В это же время в обеих столицах появляются разные немецкие кунштмейстеры, эквилибристы, позитурные мастера, великаны и проч. На Святой и на Масленице строятся балаганы и лубочные шалаши, – от них и произошло впоследствии слово «лубочное» как самое низменное в искусстве.

Из старых забав чисто народных стали опять процветать медведь с козю – до первых у нас были такие охотники, что держали у себя их в домах, и они, срываясь иногда с привязей, причиняли большое беспокойство жителям. Кроме таких ученых медведей, появляются и ученые собаки, но последним художеством преимущественно отличались только немцы, здесь требовались особенно тонкие приемы, не слишком доступные русскому человеку, специальностью которого преимущественно были одни медведи. Зато в другом чем, как говорит И.Е. Забелин, отличался русский человек. Это были «птичьи высвисты», где он доходил до изумительного совершенства. На старинных гуляньях простые мужички составляли иногда целые хоры самых разнообразных птичьих голосов, начиная с соловья и до малиновки. Особенно славились этим тверские ямщики, которые, по словам Нащокина, на известной свадьбе князя Голицына-Квасника в Ледяном доме, «оказывали весну разными высвисты по-птичьи».

Петр Великий не любил разных штукмейстеров, английских шпрингеров, балансеров

и тому подобных людей, удивлявших своим дотоле невиданным искусством русских людей, которые платили за их шутки полновесными старинными рублями. Он их не слишком уважал, и когда одна труппа балансеров прибыла к нему, он принял ее с большим неудовольствием. Для народа он приказал им показывать свое искусство даром, а для богатых назначил таксу – не больше гривны с каждого зеваки – и потом велел труппу выводить из города, заметив, что «нам нужны художники, а не фигляры пришельцам, шатунам сорить деньги без пользы грех». Зато после Петра шатуны эти стали появляться в России в большом количестве. Газеты того времени сохраняют в целости имена этих увеселителей и описывают их шпильманскую хитрость, которую те проделывали перед публикой. Вот что напечатал английский «эквилибрист Штуард» о новопостроенном им комедиальном доме подле земляного вала между Красными и Покровскими воротами, что у Лесного ряду. Этот Михайло Штуард за свои «чрезвычайные и здесь еще невиданные, весьма достойные зрения во многих

разных штукаках балансирования» брал за места с публики, за первое – по 1 руб., за второе – по 50 коп., за третье – по 25 коп. с персоны. Господские служители без платежа денег впущены не будут. Представления начинались ровно в пять часов и давались каждый день, кроме суббот. Позднее этот штукмейстер объявлял в газетах, что находящийся здесь «английский шпрингер и позитурный мастер, свой театр будет растворять о святой неделе на третий и на четвертый день праздника».

Приезжал еще французский механик Петр Дюмолин с различными курьезными машинами, показывал он публике их в Немецкой слободе в доме девицы Нагет. Машины эти были: «1) маленькая бернская крестьянка, которая шесть лент вдруг ткет, так что оных от 18 до 20 дюймов в минуту поспеваает, а между тем играют куранты; 2) машинка, сделанная канарейкою, которая так натурально поет, как живая; 3) разные движущиеся и перемещающиеся весьма курьезные и чрезвычайные картины». Затем он еще извещал публику, что у него добавлена электрическая машина,

которую он будет делать разные и весьма курьезные эксперименты. Картины, представляющие ландшафт, в котором видны будут многие движущиеся изображения дорожных людей и юзов, и многие работные люди, которые упражняются в разных вещах так натурально, как бы живые, другая картина представляет голову движущуюся, которой действия так удивительны, что всех зрителей устрашают. Русский мужик, который голову и глаза движет так совершенно, что можно его почесть живым. Движущийся китаец, который так хорошо сделан, что не можно вообразить, что эта была машина. Сии две фигуры имеют величину натуральную». Этот же Дюмулен извещал публику, что он недавно окончил лягушку движущуюся, над которой он долго трудился. «Сия лягушка знает время на часах и показывает оное, плавая на судне». В том же доме, где показывались эти машины, заезжий немец показывал «с платежом по полтине с персоны» великолепное строение славной римской церкви св. апостола Петра, сделанное с модели. Приезжал в Москву еще некто голландский кунштмейстер

Иозеф Заргер, показывал он голову Цицерону и другие голландские куншты и сверх того представлял комедию «о докторе Фавсте» большими итальянскими двухаршинными куклами, которые разговаривали, тут же и ученая его лошадь действовала. Наезжали и итальянские марионетки, веселые комедии и также «новая комедия», которую выхлопотал себе вольный комендант Иоганн Нейгоф с женою Иоганною-Елеонорою в городах, Петербурге, Риге, Москве и Ревеле. Новая комедия состояла из больших итальянских марионеток или кукол длиною в два аршина, которые по театру свободно ходят и так искусно представлять себя будут, как почти живые. Комедия, которая с куклами представлена быть имеет, называется «Храбрая и славная Юдифь».

Приезжали еще курсаксонские рудокопы с курьезною и удивительною машиною, которая показывает статуями в движении так, как натуральные люди работают в горах, подкопах и ямах для сыскания руды серебряной и золотой, показывалась еще в Немецкой слободе любопытная машина «оракул», которая

на разные предлагаемые ей вопросы дает ответ. За вход платили по одному рублю. За этим механиком наезжал еще другой Тезы: он показывал «новую действительно физико-оптическую машину, которая во многих отношениях заслуживала любопытства москвичей»; этой машиною он удивительным перспективным представлением по правилам архитектуры показывал города, замки, церкви, сады, гавани, триумфальные ворота и прочие любопытства достойные вещи, которые зрителей довольно приводят в удивление. Сверх того он показывал и мореплавание кораблей, которое потом, к удивлению всех, превращается в прекрасную из светлых колеров состоящую живопись, а наконец в приятные сады, плоды, цветы и проч. Он же дает наставление, как рисовать, так и мешать краски, и то обучение оканчивает в восемь дней. Еще показывал он корабль, разбившийся при острове Мартинике об скалу, на которую человек из упомянутого корабля был выброшен, который три месяца питался камушками, проглатывая разные каменья, данные ему для еды. Желающие сие видеть сыскать

помянутого механика могут у Красных ворот в доме князя Трубецкого, у французского трактирщика М. Оттона. Причем с каждой персоны брано будет 25 коп., а знатным особам ничего не предписывается, но паче оставляется на их щедрость, сколько каждая по своему соизволению пожаловать соизволит.

Прибывала также целая труппа искусников, танцующих на веревке, прыгающих, ломающихся и представляющих «пантомиму». Был приезжий итальянец Иозеф Юлиан Швейцер с некоторым числом больших и малых собак, приученных к разным удивительным действиям. За смотрение он брал сперва по рублю с персоны, а затем по полтине, а с простого народа – по 10 коп. с персоны.

Смотрела Москва также африканскую птицу *струс* или страуса; объявлялось, что эта птица больше всех птиц на свете и притом чрезвычайно скоро бегаёт, распустя крылья, и особенную силу имеет в своих когтях, которыми на бегу может схватить камень и так сильно оным ударить, как бы из пистолета выстрелено было; она ж птица ест сталь, железо, разного рода деньги и горящие уголья.

За смотрение оной каждый из благородных может заплатить по своему изволению, а с купечества брана будет по 25 коп. Простому же народу будет при самом входе цена объявлена.

Первый цирк или конские ристания открыл английский берейтор Батес, уведомив публику следующей афишею: «По Высочайшему позволению недавно приехавший сюда славный английский берейтор Батес, который чрез долговременную науку до нынешнего совершенства в берейторском искусстве дошел, так что ни в Англии и нигде еще никто не видал, будет показывать охотникам следующее искусство: 1) ездит он верхом на двух лошадях на открытом поле несколько раз кругом во всю прыть. 2) Ездит вдруг на трех лошадях во всю прыть; переметывается между тем с одной на другую удивительным образом. 3) Ездит на трех лошадях; обе отпускает, и скачет на третью, не препятствуя лошадям к бегу. 4) Едучи на одной лошади во всю прыть, соскакивает с оной и опять вскакивает с удивительным проворством и через нее прыгает. Он (Батес) просит притом, чтоб

зрители никаких собак не приводили, дабы ему в езде не сделалось помешательств. С каждого человека брано будет по одному рублю». Наезжали также еще карлики и маленькие люди без рук и знаменитый в свое время великан Бернард Жилли ростом 3 1/2 аршина. Каждая персона за смотрение платила по 40 коп., знатым же особам ничего не предписывалось, но оставляется на их соизволение, сколько кто пожаловать заблагорассудит. Этот великан имел большой успех, и вскоре даже явилась лубочная картинка, как он прогуливается по Девичьему полю на гулянье 13 мая. В царствование Анны Иоанновны, как мы выше уже говорили, царица при дворе пышность представлений; государыни очень полюбилась итальянская интермедия, и в Петербург была выписана труппа итальянцев для игранья комедий, с которыми в перемену однажды в неделю представлялись итальянские интермедии с балетом, где фигурантами бывали кадеты сухопутного корпуса, обучаемые танцмейстером Ланде. Между танцовщиками-кадетами были такие, что ничем не уступали итальянцам; особенно славился Чо-

глоков, впоследствии камергер и придворный императрицы Екатерины II. Придворные балы также в то время были блистательны, дамы поражали блеском своих бриллиантов, жена временщика Бирона являлась под тяжестью бриллиантов в несколько миллионов рублей. В шахматы и шашки тогда уже не играли, а заменили их картами, тяжелых grosфатеров не танцевали, а являлись в *а ла грEMI хлопушке*, мед и вина отошли тоже на дальний план, и пили только оршад и лимонад. Двор не принимал участия в частных балах, а стал давать их сам по нескольку ежегодно; особенною роскошью отличались такие балы в честь послов – китайского, турецкого и бухарского – и по случаю разных торжеств. Только одна Масленица была посвящена русским играм и забавам, пляске и песням по старине. Императрица заботилась и о том, чтобы русская национальность не утратилась совсем.

III

Маскарады. – *Метаморфозы*. – *Благородные фигуранты*. – *Балы*. – *Значение слова «бал»*. – *Маскарады Локателли*. – *Катальные*

горы. – Увеселительные сады вельмож. – Вокзал Медокса. – Адмирал Розенштейн. – Павловская эпоха. – Цветение бульваров при Александре I. – Пресненские пруды. – Первые садовые капельмейстеры. – Фейерверки и иллюминации. – Ив. Ив. Излер. – Французская оперетка

С воцарением Елизаветы Петровны вошел в потребность маскарад, родился он еще в XVI столетии – русский народ тогда рядился в хари и маски; шаман, коза и медведь были самые употребительнейшие костюмы. Но эта потеха, как мы выше уже говорили, строго преследовалась нашим духовенством, обычай рядиться считался богопротивным. Переряжение к нам было перенесено новгородскою вольницею, которая переняла его у Ганзы.

Первоначальные маскарады наши ограничивались тем, что представляли свет на выворот, т. е. мужчины одевались в женское, а дамы – в мужское платье. Такие маскарады носили название «метаморфоз». Первый из них был устроен в Москве в 1744 году. Что может

быть проще и наивнее этого? Самой царице очень шел мужской наряд: узкий мундир превосходно обрисовывал ее красивые формы. Женское кокетство не оставалось без успеха, и то что могло быть недостатком в женском платье, отлично пряталось в ботфорты и прикрывалось лампасами. Девственная скромность исчезала под свободными приемами мужчины. В это время только постигли всю прелесть балов и маскарадов и все выгоды сближения, все очарование женской прелести. Ловкий танцмейстер Ланде начал учить будущих тансеров российского войска; первый шляхетный корпус достался ему в передел, и все русские ноги сделались тогда благовоспитанными. Прыжки, пируэты ворвались во дворец, в обращение вошли грация и ловкость, ноги шаркали с душою, поклоны стали ниже и фигурнее, улыбки выразительнее. Ланде публично на всю Европу говаривал: «Кто хочет видеть, как правильно, нежно и непринужденно менуеты танцевать надобно, тот должен приехать к императорскому российскому двору». «Сие изречение, – замечает Штелин, – конечно, не происходило от при-

страстия, ибо всему свету известно, что императрица Елизавета Петровна совершеннейшая была своего времени танцовщица, подававшая собою всему двору пример правильного и нежного танцевания; она также чрезвычайно хорошо танцевала и природные русские танцы, которые, хотя вообще и не употребляются больше при дворе и в знатных домах, однако ж иногда, а особливо во время придворных маскарадов их танцуют».

При дворе Анны Иоанновны, как мы уже упоминали, в известные дни во дворце танцевали по-русски нарочно для того избираемые гвардейские унтер-офицеры со своими молодыми женами, между которыми бывали отличнейшие танцовщицы, с ними иногда танцевали по-русски и придворные кавалеры. Современники-иностранцы о «русском» отзывались с большой похвалою и говорили: «Все роды европейских танцев не могут сравниться с природным русским, когда прекрасная русская девушка в русском своем платье его танцует, и смело можно сказать, что в целом свете нет другого танца, который бы в прелести мог русский превзойти». Первые балеты

также исполняли будущие воины – кадеты сухопутного шляхетного корпуса. Известный драматург А.П. Сумароков составлял для них либретто балетов. Так, в день тезоименитства императрицы Елизаветы и по случаю одержанной 1 августа над прусскими войсками победы при Франкфурте был игран его пролог: «Новые лавры» и затем его же балет «Прибежище Добродетели» – нечто похожее на драму в пяти актах.

В царствование Екатерины II празднества, маскарады и балы давались уже совершенно по-европейски. Распространение и усовершенствование хореографического искусства требовало и разных общественных и домашних банкетов и балов. Кстати, небезынтересным считаем здесь сказать, откуда взялось у нас слово «бал». Это выражение получило свое начало в Германии в XV столетии. Бал – Ball – слово чисто немецкое, означающее «шар», «мяч». «Давать балы» немецкий писатель Нахтигаль объяснял старинным германским обычаем. В немецких деревнях на второй и третий день Пасхи молодые девушки обыкновенно собирались с тем, чтобы под-

несть своим подругам, вышедшим замуж, по мячику, набитому шерстью или пухом. Сперва мячик натыкался на длинный шест, и его носили по всей деревне с песнями; потом шест вдевали в землю перед домом новобрачной, а ей самой подносили мячик. Молодая обязывалась угостить все общество и поставить девушкам и юношам безвозмездно угощение и музыку для танцев. Сколько было молодых замужних женщин, столько давалось мячей или балов, т. е. вечеринок с танцами.

Одно время в царствование императрицы Елизаветы в Москве и Петербурге давал публичные маскарады и балы итальянец Локателли; цену за вход на такие маскарады Локателли по тому времени назначил очень высокую: он брал за вход с персоны по 3 руб. Этот Локателли первый познакомил русских с итальянской оперой – его опера-буфф, по словам современников, производила постоянный восторг и при дворе, и в обществе; в его опере тогда участвовали лучшие артисты, выписанные им из Италии и Германии; певцов тогда называли оперистами и оперистками; у Лока-

тели были также выписные танцоры и музыканты. Премьеру него был знаменитый кастрат Манфредини. Театр его стоял у Красных ворот, назывался он Оперным домом. Позднее, при Екатерине, во время коронационных торжеств, в нем давались маскарады и благородные спектакли с балетами. Особенно богато был здесь поставлен балет «Радостное возвращение к аркадским пастухам и пастушкам богини весны»; этот балет ранее был представлен в Головинском дворце, где принимали участие графиня Сиверсова – дочь обер-гофмаршала, М.П. Нарышкина, графиня Строганова, урожденная графиня Воронцова, граф Петр Александрович Бутурлин и др. Весь оркестр тоже состоял из придворных вельмож.

Маскарады в то время извещались афишами, носили они название «Локателиев» или «Локателев маскарад» Вот одна из таких афиш: «Чрез сие объявляется, что для удовольствия знатного дворянства и прочих здешнего столичного города жителей, что с будущего воскресенья начнутся здесь вольные маскарады. Желающие в оные маскара-

ды приезжать имеют платить с каждой персоны за вход по три рубля Кто ж пожелает ужинать, также кофе, чаю и питья, оные будут получать в том же доме за особливую плату. Маскарады будут начинаться концертом, пока съедутся столько масок, чтоб бал зачать можно было; и от сего времени съезд в маскараде имеет быть всякое воскресенье в 7 часу пополудни, а без маскерадного платья, тако ж и подлые люди никто впущены не будут. Билеты ж и маски всякого сорту могут желающие покупать в том же доме от 8 часов утра до разъезду», Служившая у этого Локателли танцовщица Ниоден публиковала также не раз в газетах, что она «обучает благородных танцевать минаветы, контратанцы и верхние танцы», т. е. придворные.

В ряду разных увеселений старого времени первое место занимали также катальные горы, карусели, качели и т. п. игры, вошедшие в большое употребление в царствование Екатерины II. Все эти удовольствия были устраиваемы на площадях для увеселения народа во всю Масленицу, и всякий мог туда «собираться, смотреть разные игралища, пляски, коме-

дии кукольные, фокус-покус и разные телодвижения и катанья с гор во всю неделю, с утра и до ночи, в маске или без маски, кто как похочет всякого звания люди». Такие катальные горы и другие затеи были устроены в Москве при Покровском дворце, куда императрица, по примеру своих предшественниц, ездила веселиться со всем двором. Катальная гора там была устроена по образцу существовавших в Ораниенбауме и Царском Селе. Горы были зимние и летние, двухэтажные, в нижнем была устроена машина с колесами и со всеми инструментами, действовавшая посредством лошадей; при ней канат чрез всю гору на четырех медных шкивах. С верхнего этажа спускался по лугу к Яузе форс или скат из сосновых брусьев длиною в 186 сажень 1 аршин, шириною в 4 сажени. Для зимнего катанья этот форс настилали льдом по снегу; льдины распиливали толщиной в 3–4 вершка, клали их и поливали водою. С одной стороны форс устроен был ящик или канал шириною в 4, глубиною в 5 вершков для «хождения каната», которым обратно поднимали наверх санки и коляски Зимною по бортам форс

прибивались для украшения елки. В юнце форса, куда скатывались, устроен был щит шириною в 16 1/2 сажен. К весне, к маю, этот щит был украшен тридцатью прешпективными картинами. Для зимнего катанья употреблялись санки и лодки, обитые сукном, на стальных полозьях на «головашках»; у одних было резное изображение льва, а у других – лебедя, также были еще два лебедя белых с крыльями, обитые холстом, на зимнем ходу, – одни с рулем, другие с полозком. На горе стояли две деревянные резные статуи, на которые надевались бумажные, крашенные черною краскою головы для снимания их копьями налету во время катанья. Таких голов при этих статуях было еще десять.

На горе в летнее время были устроены карусели, качели и т. д., и сама гора преобразована: лед сколот, и по форсу устроено летнее катанье на колясках. Некоторые коляски отличались необыкновенным великолепием. Эти увеселительные затеи сперва были доступны одним дворянам, но затем вскоре отдавались на откуп антрепренерам-иностранцам, которые здесь, как некий Берлир, торго-

вали винами и сладостями и допускали уже кататься на ней и простым людям, взимая плату на горе с персоны по 10 коп., с коляски, т. е. с двух персон 20 коп за один раз. На карусели обернуть 20 раз с персоны – 10 коп., на круглой качели обернуть 20 раз – также по 10 коп., а с прочих игор – с фортуны, с кегельной игры, сваяшной игры, с висячего шара, с ворона и с веревочной качели и с коленной игры платы не брали.

Затем к истории увеселений надо причислить и попытки частных лиц открытия увеселительных садов. Так, в ведомостях 1769 года явилось объявление, что в саду графа Сиверса, состоящем близ церкви Богоявления Господня, что в Ехалове, «имеют быть увеселения под присмотром Жоржа и Куровского, на подобие славных лондонских, парижских и венских садовых гульбищ, о чем об оных чрез нарочно напечатанные объявления публике уже знать дано; да в оном же саду по пруду будет плавать судно наподобие корабля, которое разными огнями будет иллюминировано и на оном играна быть имеет разная музыка, что зрителей немало увеселять может». С по-

сетителей здесь брали входную плату.

Но были в Москве и такие вельможи, которые для народа у себя устраивали в подмосковных праздники с потешными огнями, музыкой, песенниками, играми и другими затеями. Таковы были графы Шереметев, Орлов и многие другие. Затем еще для народа в Москве на Девичьем поле был открыт в 1768 году Народный театр, где представления были «комедиантские увеселительные», «интермедии» и «курьезные шпыринмейстерские действия». Давались они для публики бесплатно, и содержал их канцелярист Илья Соколов в течение трех лет, получая за каждое представление от казны по 10 руб.

В Москве еще известен был как увеселительный сад «вокзал Медокса», известного содержателя Петровского театра: в этом вокзале был Летний театр, где играли небольшие комические оперы в одном или двух действиях. За представления в театре следовал бал или маскарад, который кончался прекрасным ужином – за все это тогда бралось с персоны по 5 руб.

Память о старинном московском вокзале

сохранилась только в песне, также теперь забытой, а тогда сочиненной по случаю прибытия в Москву шведского адмирала Розенштейна, взятого в плен в битве между островами Аспо, Легмою и Леллером 13 августа 1789 года. Розенштейн был красивый, видный мужчина и еще молодой. Московские дамы сходили по нем с ума и наперерыв старались обратить на себя его внимание. Они хотели довершить победу – любезностью, красотой и нарядами. В песне, между прочим было сказано, что модные матушки и дочки, в суетливом кружении голов, тотчас все бросились на Кузнецкий мост за нарядами, «как сказали, что в вокзале будет шведский адмирал». Но Розенштейн был настоящий «розовый камень» и оставался верен своей фамилии – цветущий, как роза, и твердый, как камень, он, отдав шпагу русскому военачальнику, не сдавал сердца русским красавицам.

В Петербурге в эту эпоху существовал тоже «вокзал барона Вонжура» или, вернее, сад на Мойке, где теперь помещается Демидовский дом трудящихся, – в нем показывали свое искусство разные заезжие мастера этого дела, и

там же устраивались балы и маскарады. Помимо этого вокзала, в Петербурге было тогда чуть ли не четыре уже клуба и несколько музыкальных обществ, устроенных на широкую ногу, с роскошными обедами, балами, и также масса загородных дач наших вельмож, в которые впуск был свободен для всех званных и не званных.

В суровое царствование императора Павла I всякие общественные гулянья прекратились; в это время строго преследовались в частных домах даже некоторые танцы, как, например, *вальсонт*. е. нынешний вальс. С восшествием на престол императора Александра I всякая общественная жизнь закипела снова ключом – пошли опять всякие карусели, праздники, дивертисменты, балы, маскарады и проч. В Москве в это время стали славиться гуляньями бульвары, Кремлевский сад и Пресненские пруды – особенно последние стали щеголять аристократическою публикою. В Николаевское время загородные царственные сады стали блистать фейерверками и иллюминациями, стоящими по несколько тысяч рублей.

Первыми капельмейстерами петербургских садов были Лабицкий и Германн, преемники Ланнера, Иоганна и Иосифа Гунгля; за ними второстепенные – Гильман, Шиндлер, Лааде и многие последователи их – мало-помалу до такой степени пристрастили публику к садовой музыке, что последняя стала как бы летнею необходимостью, наравне с воздухом и зеленью. К оркестрам этим постепенно присоединялись цыганские хоры, тирольские арфисты, казанские, малороссийские и иные певцы, ученые обезьяны, лошади, чревовещатели, профессора магии, эквилибристы и силачи.

Все это, освещаемое китайскими иллюминациями и потехами пиротехники, с разнообразными и бесконечными затеями были впервые введены Излером сначала в 1847 году в Безбородкином саду, а потом при здании искусственных минеральных вод, где он долго процветал в ряду более или менее счастливых соперников своих, учредителей разных скоротечных «плезиров» и «альгамбр», не доживших до почета развалин.

Надо отдать справедливость Излеру – по-

сле него никто удачнее дел не вел – и воды все-таки стали иссякать; тогда жаждущая публика устремилась к новому источнику, где стали ее потчевать непредусмотренную в греческой мифологии богиней – опереткой. Первая такая оперетка, «La grande duchesse» («Великая герцогиня»), была поставлена в 1868 году тем же И.И. Излером. Первая имевшая у нас фурор шансонетная и опереточная певица была госпожа Аннета Нобль, приглашенная в Петербург из театра «Follies Bergeres» («Фоли Бержер).

Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России

Маскарад «Торжествующая Минерва». – Турниры на Царицыном лугу. – Маскарад в Царском Селе. – Празднество у Л.А. Нарышкина. – Великолепие праздников обер-камергера графа Л.Б. Шереметева. – Аллегорическое празднество по случаю мира с Портою. – Последний из каруселей на открытом воздухе. – «Сюрпризы» в Эрмитаже. – «Вольные дома». –

Публичные маскарады

В блестящий век Екатерины эстетическая забава и наслаждения получили широкое развитие. Роскошь и великолепие ее общественных пиров и торжеств доходили до степени сказочного азиатского волшебства. Ряд таких блестящих празднеств начался с прибытием императрицы в Москву для коронации. Первый такой большой исторический праздник был назначен на шестой месяц по совершении коронации. За месяц до этого торжества появилась афиша, которою извещалось: «Сего месяца 30-го и февраля 1-го и 2-го, т. е. в четверг, субботу и воскресенье, по улицам: Большой Немецкой, по обеим Басманным, по Мясницкой и Покровке, от 10-ти часов утра за поздни, будет ездить большой маскарад, названный „Торжествующая Минерва“, в котором изъяснится гнусность пороков и слава добродетели. По возвращении оного к горам начнут кататься и на сделанном на то театре представят народу разные игрища, пляски, комедии кукольные, фокус-покус и разные телодвижения, станут до-

ставать деньги своим проворством охотники бегаться на лошадях и прочее; кто оное видеть желает, могут туда собираться и кататься с гор во всю неделю Масленицы, сутра и до ночи, в маске и без маски, кто как похочет, всякого звания люди».

Устройство маскарада стоило больших хлопот; программу, по приказанию императрицы, составлял известный первый русский актер Федор Григорьевич Волков (1729–1763), объяснительные стихи к программе сочинил М.М. Херасков, а хоры к маскараду написал А.П. Сумароков. Машины и другие аксессуарные вещи делал механик итальянец Бригонций.[16]

Всех действующих лиц в этом маскараде было более 4 000 человек, двести огромных колесниц были везены запряженными в них от 12-ти до 24-х в каждой разубранными юлами. Это торжественное шествие уподоблялось бывшим в древности римским увеселениям.

Подробности этого маскарада описаны в книжке, напечатанной в 1763 году в Москве при университете, с таким заглавием: «Торжествующая Минерва, общенародное зрели-

ще, представленное бывшим маскарадом в Москве 1763 года, генваря (?) дня».[17] Маскарадное шествие открывалось предвозвестником торжества со свитою и разделено было на отделения. Пред каждым несли на богато украшенном шесте особенный знак. Первый знак был Момуса, или пересмешника, на нем были куклы и колокольчики с надписью «Упражнение малоумных», за ним следовал хор комической музыки, большие литавры и два знака Момусовых. Театры с кукольщиками, по сторонам двенадцать человек на деревянных конях с погремушками. Флейтчики и барабанчики в кольчугах. Далее ехали верхом Родомон, Забияка, храбрый дурак, за ним следовал паж, поддерживая его косу. После него служители Панталоновы, одетые в комическое платье, и Панталон – пустохваст в портшезе, который несли четыре человека. Потом шли служители глупого педанта, одетые скарамушами(?), следовала книгохранительница безумного вряля; далее шли дикари с ассистентами, несли место для Арлекина; затем два человека вели быка с приделанными на груди рогами; на нем сидящий человек

имел на груди оконницу и держал модель кругом вертящегося дома; перед ним двенадцать человек в шутовском платье, с дудками и погремушками. Эту группу программа объясняет так: «Мом, видя человека, смеялся, для чего боги не сделали ему на грудях окна, сквозь которое бы в его сердце можно было смотреть; быку смеялся, для чего боги не поставили ему на грудях рогов, и тем лишили его большей силы, а над домом смеялся, отчего не можно его, если у кого худой сосед, повернуть на другую сторону».

Момус с своею свитою заключал первое отделение маскарада. Второе отделение представлял Бахус; знак – козлиная голова и виноградные кисти; надпись – «Смех и бесстыдство».

Затем – пещера Пана, окруженная пляшущими и воющими нимфами; далее пляшущие сатиры и вакханки с виноградными колосьями, тамбуринами, бряцалками и корзинами с виноградом.

Сатиры ехали на козлах, пересмехаемые бегущими за ними; двое подвигались на свиньях и двое с обезьянами. Колесница Бахуса,

заложенная тиграми, и сатиры с тамбуринами и бряцалками; далее сатиры вели осла, на котором сидел пьяный Силен, поддерживаемый сатирами; наконец, пьяницы тащили сидящего на бочке толстого краснолицего откупщика; к его бочке были прикованы корчемники и шесть крючков. Затем следовали целовальники с мерками и насосами и две стойки с питьем, на которых сидели чумаки с гудками, балалайками, с рылями и волынками. Отделение Бахуса заключал хор пьяниц. Перед третьим отделением маскарада был знак с надписью «Действие злых сердец»; он представлял ястреба, терзающего голубя, паука, спускающегося на муху, кошачью голову с мышью в зубах и лисицу, давящую петуха. «Нестройный хор музыки, где музыканты наряжены в виде разных животных; забияки, борцы и кулачные бойцы окружают дискордию, или несогласие, бьются, борются, бегают с убийственными орудиями и три фурии с ними».

Четвертое отделение представляло «Обман»; на знаке была изображена маска, окруженная змеями, кроющимися в розах, с над-

писью «Пагубная прелесть»; за знаком шли цыгане и цыганки, пьющие, поющие и пляшущие колдуны, и ворожеи, и несколько дьяволов. В конце следовал обман в лице прожектеров и аферистов.

Пятое отделение было посвящено посрамлению невежества; на знаке изображены были черные сети, нетопырь и ослиная голова, надпись «Вред и непотребство». Хор представлял слепых, ведущих друг друга; четверо, держа замерзших змей, грели и отдували их. Невежество ехало на осле. Праздность и злословие сопровождала толпа ленивых.

Отделение шестое изображало «Мздоимство». На знаке было изображение гарпии, окруженной крапивой, крючками, денежными мешками и изломанными весами. Надпись гласила: «Всеобщая пагуба».

Ябедники, сопровождаемые духами ябеды, и стряпчий-крючкотворец открывали шествие. Подьячие шли со знаменами, на которых написано было крупными литерами: «Завтра». Несколько замаскированных длинными огромными крючьями тащили за собою зараженных акциденциею, т. е. взяточ-

ников, обвешанных крючками; поверенные и сочинители ябед шли с сетями, опутывая и стравливая идущих людей разного звания; хромая «Правда» тащилась на костылях с переломленными весами; сутяги и аферисты гнали ее, колотя в спину туго набитыми денежными мешками. Затем везли взятку, или акциденцию, сидящую на яйцах, из которых вылуплялись гарпии. Два друга Криво-суд-Обиралов и Взятколюбов-Обдиралов ехали, беседуя о взятках, при них состояли пакостники, которые рассыпали вокруг на пути крапивные семена. В конце за ними шли оборанные тяжущиеся с пустыми мешками, печально опустив головы.

Седьмое отделение изображало мир наизуворот, или «Превратный свет», на знаке виднелось изображение летающих четвероногих зверей и человеческое лицо, обращенное вниз, надпись – «Непросвещенные разумы». Хор шел в развратном виде, с одеждой наизнанку, два шли задом; слуги в ливреях везли открытую карету, на которой разлеглась лошадь; вертопрахи-щеголи везли другую карету, с посаженной в ней обезьяною;

несколько карлиц с трудом поспевали за великанами, за ними подвигалась люлька со спеленутым в ней стариком, которого кормил грудной мальчик. В другой люльке лежала старушка, играла в куклы и сосала рожок, а за нею присматривала маленькая девочка с розгою; затем везли свинью, покоящуюся на розгах, за нею брел оркестр певцов и музыкантов, в котором действующие лица были поющий осел и козел, игравший на скрипке, при них состояло несколько лиц, одетых развратно, далее везли химеру, которую разрисовывали четыре плохих маляра и песнословили два рифмача, ехавшие на коровах; Диоген с фонарем в руке катился на бочке.

Гераклит и Демокрит, т. е. смех и горе, несли земной глобус, а за ними шесть странно одетых с ветряными мельницами представляли любителей празднословия.

Восьмое отделение глумилось над спесью, знак украшался павлиньим хвостом, окруженным нарциссами, а под ними зеркало с отразившеюся в нем надутою харей с надписью: «Самолюбие без достоинств». Хор составляли рабы с трубачами и литаврщиками, за

ними шли скороходы, лакеи, пажи и гайдуки, предшествуя пышному рыдвану спеси и окружая его.

Отделение девятое представляло «Мотовство и бедность с их свитами». На знаке виден был опрокинутый рог изобилия, из которого сыпалось золото, по сторонам – курящиеся кадилъницы; надпись гласила: «Беспечность о добре». Хор шел в платьях, обшитых картами; два знамени были составлены из множества сшитых карт, потом шли рядом пиковый валет, король и дама, за ними трефовый валет, король и дама, после того червонные и бубновые фигуры карт. За ними следовала слепая фортуна, затем счастливые игроки и несчастные с растрепанными волосами, брели и двенадцать нищих с котомками. Затем еще толпа картежников и костырников, шестая замыкала колесница развращенной Венеры с сидящим возле нее Купидоном. К колеснице были прикованы гирляндами цветов несколько особ обоего пола, затем шла «Роскошь» с мотами-ассистентами. Хор поющих бедняков и скупость со своими последователями, скрягами в характерных мас-

ках; четырнадцать кузнецов шли за скрягами с их инструментами, за ними подвигалась часть горы Этны, на которой Вулкан с циклопами ковал громовые стрелы на поражение пороков.

За этим отделением начиналось самое торжественное и великолепное шествие – маскарад; открывалось оно колесницей Юпитера-громовержца, и затем следовали персонажи, изображавшие Золотой век.

Впереди этой группы шел хор пастухов с флейтами, за ними следовали двенадцать пастушек и хор отроков с оливковыми ветвями, славя дни Золотого века и пришествие Астреи на землю. Двадцать четыре часа в одежде, блестящей золотом, окружали золотую колесницу, в которой Астрея призывала радость; вокруг нее теснились стихотворцы толпой, увенчанные лаврами, призывая мир и счастье на землю; далее появлялся целый Парнас с музами и колесница для Аполлона; потом шли земледельцы с их орудиями, несли мир в облаках, пожигающий военные орудия, затем шла группа Минервы с добродетелями; впереди были трубачи и литаврщики;

за ними науки и художества при торжественных звуках труб и литавр предшествовали колеснице добродетели, которую окружали маститые старцы в белой одежде и лавровых венках герои, прославленные историей, ехали на белых конях, за ними шли законодатели, философы. Хор отроков в белых одеждах, с зеленеющими ветвями, с венками на головах предшествовал на колеснице торжествующей Минервы. Над нею видна была Виктория (победа) и слава. Хоры и оркестры роговой музыки гремели:

*Ликовствуйте днесь,
Ликовствуйте здесь,
Воздух и земля, и воды!
Веселитесь, народы,
Матерь ваша, россы, вам,
Затворила Яна храм.
О Церера, и Помона, и прекрасная
Флора,
Получайте днесь,
Получайте здесь
Без препятств дар солнечного
взора!
О душевна красота,
Жизни сей утеха, жизни сей отра-*

да,
*Раствори врата
Храма своего, Паллада!*

Маскарадное шествие заключалось горой Дианы, озаренною лучезарными светилами.

Три дня двигался этот маскарад по московским улицам, собираясь на поле пред Аннинским дворцом или Головинским, против Немецкой слободы, за Яузою, и шел через всю слободу Басманную и возвращался по старой Басманной чрез мосты Елохов и Салтыков, к зимним горам, иллюминированным разноцветными фонарями. Несмотря на холодную погоду, все окна, балконы и крыши домов были покрыты любопытными, [18] и кроме того толпы народа провожали эту процессию.

Народ ликовал непритворною радостью, везде раздавались веселые песни, звук дудок, флейт, бой барабанов и т. д.

Вот что пели хоры, участвующие в процессии. Хор сатиров пел:

*В сырны дни мы примечали,
Три дня и три ночи на рынке
Никого мы не встречали,
Кто б не коснулся хмеля крынке,*

В сырны дни мы примечали.

*Шум блистает,
Шаль мотает,
Дурь летает,
Хмель шатает,
Разум тает,
Зло хватает,
Наглы враки,
Сплетни, драки,
И грызутся как собаки,
Примиритесь!
Рыла жалейте и груди!
Пьяные, пьяные люди,
Не деритесь!*

Хор пьяниц пел:

*Двоенные водки, водки скляница!
О Бахус, О Бахус, горькой пьяница!
Просим, молим вас, Утешайте
нас,
Отечеству служим мы более
всех,
И более всех Достойны утех,*

*Всяк час возвращаем кабацкой мы
сбор
Под вирь-вирь-вирь, дон-дон-дон,*

протчи службы вздор.

Хор к обману пел следующее:

*Пусть мошенник шарит, невели-
ко дело
Срезана мошонка, государство це-
ло,*

*Тал-лал, ла-ла, ра-ра!
Плуту он пара*

*К ябеде приказной устремлен до-
гадкой
Правду гонит люто крючкомтво-
рец гадкой*

*Тал-лал, ла-ла, ра-ра,
И плуту он пара*

*Откупщик усердной на Руси наро-
ду
В прибыль государству откупает
воду,*

Тал-лал и т. д.

*К общу благоденству кто пре-
рвет дороги,*

*Ежели приставить ко лбу только
роги! Тал-лал и т. д.*

Хор невежества пел:

*То же все в ученой рожке,
То же в мудрой коже
Мы полезного желаем,
А на вред ученья лаем,
Прочь и аз, и буки
Прочь и все литеры из ряд!
Грамота, науки
Вышли в мир из ада.
Лучше жить без заботы,
Убегать работы.
Лучше есть, и пить, и спати,
Нежели в уме копати.
Трудны к тем хоромам
В гору от земли подъезды.
В коих астрономам
Пялиться на звезды.*

Хор к мздоимству пел:

*Если староста бездельник, так и
земский плут,
И совсем они забыли, что ремен-
ной кнут.
Взятки в жизни красота,
Слаще меда и сота:*

Так-то крючоктворец мелит,
Как на взятки крючком целит;
Так-то староста богатой,
Сельской насыщаясь платой, —
Так их весь содом.
Крючоктворцев жена —
Такой же сатана!
А от эдакой наседки —
Таковые же и детки;
С ними тварьми одинаки
Батраки их и собаки:
Весь таков их дом.

Хор к превратному свету:

Приплыла к нам на берег собака,
Из заполненного моря,
Из-за холодного океана;
Прилетел оттоль и соловейка,
Спрашивал гостью приезжу,
За морем какие обряды,
Гостья приезжая отвечала:
Многое хулы там достойно,
Я бы рассказать то умела,
Если бы сатиры петь я смела,
А теперь я пети не желаю,
Только на пороки я полагаю;
Соловей, давай и оброки.
Просвищи заморские пороки —

свист

За морем хам-хам-хам-хам и т. д.

Хор к гордости исполнял:

*Гордость и тщеславие выдумал
бес,*

Шерин да берин, лис-тра-фа,

Фар-фар-фар, люди-ер-арцы,

*Шинда-шиндара, трандру-тран-
дара,*

Фар-фар-фар-фар и т. д.

Хор игроков голосил:

*Подайте картежникам мило-
стинку;*

*Черви, бубны, вины, жлуди всех
нас разорили*

*И, лишив нас пропитанья, голодом
поморили.*

Хор к Златому веку воспевал:

Блаженны времена настали

*И истины лучом Россию облиста-
ли,*

Подсолнечно, внемли!

Астрей на земли,

*Астрей во странах российских во-
дворилась,*

*Астрея воцарилась,
Рок щедрый рек:
Настани россам ты, златой же-
ланый век
И се струи российских рек,
Во удивление соседом,
Млеко текут и медом.*

Хор к Парнасу пел:

*Лейтесь, токи Ипокрены,
Вы с Парнасския горы,
Орошайте вы долины
И прекрасные луга!
Наполняйтесь, россияне,
Теми сладкими струями.
Кои Греция пила,
И, имея на престоле,
Вы афинскую Богиню,
Будьте афиняне вы!..*

Государыня смотрела на маскарад, объезжая улицы Москвы в раззолоченной карете, запряженной в восемь красивых неаполитанских лошадей, с цветными кокардами на головах. Императрица сидела в алобархатном русском платье, унизанном крупным жемчугом, с звездами на груди и в бриллиантовой диадеме на голове. За нею тянулся огромный

поезд высоких тяжелых золотых карет с крыльцами по бокам, карет, очень похожих на веера, на низких колесах, в которых виднелись распудренные головы вельможных царедворцев, бархатные или атласные кафтаны, расшитые золотом или унизанные блестками с большими стальными или стеклянными пуговицами, пюсовые камзолы, лосиные чинчирри в обтяжку и т. д. В других осьмистекольных ландо виднелись роскошно одетые дамы в атласных робронтах и калишах на проволоке, в пышных полонезах, в глазетовых платьях и длиннохвостых робах с прорезами на боку, с фижмами или бочками, головы были также распудрены – прическа а la la Valiere, или палисадником, ноги в белых атласных башмаках стерлядкою (т. е. остроносые). Лакеи сзади карет стояли одетые турками или албанцами, были и настоящие арабы.

Отъезд императрицы в Москву на свою коронацию по отчетам полицейским потребовал на переезд до 19 000 лошадей и около 80 000 народа. Петербург на это время совершенно делался пустым: на его улицах не было видно ни одной кареты, и даже улицы за-

росли травую.

В первые года царствования Екатерины в Петербурге часто происходили карусели или турниры на царицыном лугу. Этими играми императрица воскресала времена рыцарства.

Великолепная такая первая карусель была дана в Петербурге летом, в 1766 году, 18 июля. На эту карусель была выбита золотая медаль, на которой с одной стороны – изображение императрицы Екатерины II, с надписью: «Б.М. Екатерина II, императрица и самодержица всероссийская». На обороте представлено в отдалении ристалище, над которым парит орел с венком, а на первом плане гений, с надписью: «С Алфеевых на Невские брега». Вейдемейер говорит: «Богатство одежды, доспехи, панцири, драгоценные камни, красота женщин – все это представляло зрелище необыкновенное».

Участвовавшие в карусели были в костюмах разных народов и разделялись на четыре кадрили: славянскую, индийскую, римскую и турецкую. Над последними двумя начальствовали графы Григорий и Алексей Орловы. Церемониймейстер в французском платье но-

сил на поясе шарф с золотою бахромою, и в конвое его были 1 унтер-офицер, 8 человек конных и 2 трубача. Для вспоможения дано ему восемь человек герольдов; каждый из них имел при себе четырех конных и одного трубача. При кавалерах особые люди несли дротики, значки; участвовавшие в турнирах выказывали свою ловкость, отрубая головы куклам, изображавшим мавров, и пронзая копьями тигров и кабанов, сделанных из картона. На места, назначенные для карусели, пускали по билетам. Две великолепные ложи были приготовлены – одна для императрицы, другая для великого князя. Судьи, в числе которых был главным фельдмаршал Миних, приехали в придворных каретах и вошли в свои ложи, причем играли трубы и литавры. Посреди карусельного места находилась трибуна, в которой присутствовал главный судья; он чрез трубачей давал сигнал к въезду и выезду карусельных кавалеров. Кроме него было 12 судей, записывавших число выигранных призов, сохранял ли рыцарь на лошади должное положение, с правой ли ноги лошадь начинала скачку и не сбивалась ли с

ноги. Позволено было и неизвестным кавалерам принимать участие в турнире, стем однако, чтобы они избрали для себя девиз и знак, какой заблагорассудят, и чтобы при появлении своем извещали обер-шталмейстера императрицы о своем имени и фамилии с доказательством о дворянстве, а обер-шталмейстер ручался бы своею честью сохранить тайну ненарушимо, и никому оной без дозволения того кавалера не объявлять. Если неизвестный кавалер не хотел открыться и обер-шталмейстеру, то мог назвать кого-либо из знатных особ, присутствовавших на карусели, которая бы ручалась за его дворянство.

По окончании турнира судьи и кавалеры возвращались во дворец, кавалеры в особой зале ожидали назначенных призов; судьи присуждали их по большинству голосов, решительное определение делал главный судья. По окончании этого, обер-церемониймейстер со всеми герольдами вводил кадрили в залу для получения призов.

Фельдмаршал Миних как главный судья произнес речь на французском языке; вот она в переводе:

«Знаменитые дамы и рыцари! Всем вам известно, что не проходит дня, ни минуты, когда бы не выражалось внимание ее императорского величества, нашей всемилостивейшей государыни, к умножению славы ее империи и благоденствия ее подданных вообще и в особенности к возвышению блеска ее дворянства. Сия несравненная монархиня назначила сей день, чтобы доставить случай избранному дворянству ее империи ознаменовать свое искусство в воинских упражнениях блистательной карусели, какой до сих пор еще в России не было видано. Кто не разделит со мной чувства удивления и благодарности, которые она так справедливо внушает своею благостною и прозорливостью материнскими. Знаменитые дамы и рыцари! Сии благородные упражнения выполнены вами достойным образом и так, что вы можете быть уверены в благоволении ее величества, его высочества цесаревича и во всеобщем одобрении».

Потом, обратясь к графине Бутурлиной, которой был присужден первый приз, он сказал: «По поручению ее величества, вам, мило-

стивая государыня, должен я вручить первый приз, приобретенный ловкостью необыкновенной, заслужившей всеобщее одобрение: позвольте, милостивая государыня, мне первому принести поздравление с сим почетным отличием, доставляющим вам право на раздачу из рук ваших прочих заслуженных призов».

В 1770 году во время приезда принца Генриха, брата короля Прусского, императрица Екатерина II всячески старалась сделать его пребывание в Петербурге приятным. При дворе почти ежедневно были даваемы праздники; особенно был замечателен маскарад, данный для него в Царском Селе: императрица, великий князь, принц Генрих и разные придворные особы, числом шестнадцать, сели, когда смерклось, в огромные сани, запряженные шестнадцатью лошадьми, и поехали из Петербурга в Царское Село; сани были внутри и снаружи; обставлены двойными зеркалами, отражавшими все бесценные предметы внутри и снаружи; за этими санями следовало более двух тысяч других саней; сидящие в них все были замаскированы и одеты в домино.

В семи верстах от Петербурга они проехали сквозь большие триумфальные ворота, великолепно освещенные. Затем на пути чрез каждые семь верст стояла пирамида, искусно иллюминированная, и противнее гостиница, в каждой из них сидели люди различных наций, которые плясали и играли на инструментах. На Пулковской горе был представлен Везувий, извергавший пламя, – это извержение продолжалось во всю ночь. От Пулковской горы до Царского Села стояли деревья, на которых висели разноцветные фонари в виде гирлянд; по прибытии в Царское Село дворец был освещен а giorno (как днем); после танцев по выстрелу из пушки бал прекратился, вместе с ним погасли и все огни во дворце; затем все стали у окон и увидели великолепный фейерверк. Новый пушечный выстрел дал сигнал, и моментально опять загорелся дворец; затем последовал роскошный ужин. Принц Генрих после этого бала отправился в Москву и прибыл туда с изумительною быстротою – в 36 часов!

Не менее торжественными и богатыми бывали маскарады и другие празднества, кото-

рые давали в честь императрицы богатые вельможи ее царствования. Так, известный Л.А. Нарышкин дал для Екатерины маскарад, стоивший ему более 300 тыс. руб. Описание этого маскарада мы берем из прибавления к № 85 «Московских ведомостей» 1772 года.

«29-го июля 1772 года Л.А. Нарышкин всеподданнейше просил государыню Екатерину II удостоить высочайшим присутствием своим его приморский дом, именуемый Левендаль, где в роце предназначил он быть маскараду и представлению увеселительных огней, на что, получа высочайшее благоволение, старался заблаговременно пригласить чрез билеты как чужестранных министров и знатных особ обоего пола, так и именитое купечество. По приглашению в 3 часа пополудни как благородство, так и гражданство в великом множестве начали собираться, и прежде б часов вся роца наполнена уже была народом, гуляющим между деревьев и с приятностию взирающим на различие предметов, вкуса услаждающих. Одни с удивлением смотрели на дома и беседки, по вкусу и образцу китайцев состроенные, другие, входя в

рощу, читали на разных языках изображенное на доске от хозяина дозволение в следующей раз. „Хозяин здешнего дому весьма будет рад, если приезжие пожелают посещать сие место своим гуляньем, когда угодно“. Некоторые осматривали места, испещренные всякого рода цветами, кустами различных растений, иные восхищались изгибистым течением речки, протяжением островов, дикостью буераков, безразмерным ведением дорог, непрозрачною густотою леса, мрачностью пещер, возвышением при удолиях гор и другими привлекающими внимание явлениями. Между тем при наступлении семи часов изволили прибыть из Петербурга императрица с его высочеством и со всего двора своего свитою. При приближении императрицы к даче играла музыка на трубах и литаврах в горней китайской беседке, стоящей при входе в рощу. При приезде государыня вошла в покои хозяина, затем изволила пойти в провожании домохозяина в рощу, куда вскоре последовал и цесаревич. Звук разной музыки раздавался по всей роще, и каждое оной место украшено было особливового рода увеселения-

ми. Остров, где находятся качели и другие игры, наполнен был представлением разных забавных игр и позорищ. Государыня, пройдя это место по излучистой дорожке, обсаженной кустами и деревьями, незаметно пришла в густоту дремучего леса, внутри которого находилась глубокая пещера, мохом и дерном обросшая; цветы и плоды, служащие пищею и увеселением пустынных жителей, находятся на поверхности оной. При осмотре всего императрица вдруг услышала голос пастушьих свирелей. Следуя сему эху, нечувствительно приближалась к холму, покрытому лесом и испещренному цветами, наверху коего стояла пастушья хижина; под нею на пологости горы видны были пастухи, стерегущие овец, и пастушки, упражняющиеся в собирании цветов для украшения хижины своей, но как только увидели они императрицу, вдруг музыка умолкла, и две первенствующие пастушки, Филлида и Лиза (это были дочери Нарышкина – Наталья и Екатерина), будучи одеты в простое, но приятное пастушьё платье, и держа в руках увитые цветами посохи, разговаривали с собою о прибытии столь драго-

ценной гостьи и спешили на дол для приглашения ее в свою хижину. Ее величество изволила сидеть у подошвы горы, сев, на сделанной из дерну скамейке, и, вняв усердному сих пастушек прошению, благоволила к хижине их воспрять путь, который усыпали они благовонными и прекрасными цветами. Но не меньше их, как и всех зрителей, было удивление, как гора, к которой государыня подходила, вдруг расступилась, и вместо хижины открылся огромный и великолепный храм победы, состроенный о двух жильях, для входу в который сооружены были крыльца; при дверях каждого входа стояли истуканы, представляющие победы, на море и на сухом пути торжественным оружием императрицы одержанные. В середине сводов был виден орел с распростертыми крыльями, у коего на груди было вензелевое имя императрицы, а в когтях свиток с надписью: „Екатерине II победительнице“.

Сей храм окружали два перехода, наполненные вооруженными ратниками. Вид орудий и звук военной музыки взору и слуху приятнейшее представляли зрелище. Столпы,

увитые лаврами, пальмы и трофеи, поставленные всюду, услаждали очи каждого. Глава храма украшена огненными сосудами. Слава, стоящая на поверхности, трубою своею возглашала Вселенной торжество победоносных оружий императрицы.

Гений победы (Дмитрий Львович Нарышкин), вышед для сретения государыни при входе в храм, из ее руках сплетенный из лавра венец, подавал оный государыне, изъявив причиной произнесенною перед нею речью, которая купно с речьми пастушек и с планом храма особою книжкою напечатана на французском языке, и с планами храма и горы дана была присутствующим тут зрителям. Лишь только императрица изволила вступить в храм, украшенный трофеями, завоеванными у турок и татар, как по выстрелу из пушки картины, представлявшие трофеи, превратились в изображения побед, которых содержание было следующее: 1 —я картина представляет взятие Хоты на 9-го сентября 1769 года. Над городом и войском окруженное сиянием божество держит надпись: «Супротивлениебылобы тщетно»; 2-я картина – сра-

жение при реке Ларге 7-го июля 1770 года. Здесь сидящая на облаках Слава гласит тако: «Не сим одним окончится»; 3-я картина – сражение и победа при реке Кагуле, 21-го июля 1770 года. Тут Минерва, взирающая со сводов небесных, на свитке держит сии слова: «Число преодолено храбростно»; четвертая картина – флот Оттоманский, сожженный и истребленный на архипелаге при Чесме, 24-го июня 1770 года. Тут виден на воздухе парящий орел и испускающий молнию со словами на свитке: «Небывалое исполнилось».

Пятая картина – взятие Бендер 16-го сентября 1770 года; здесь видится на тверди небесной, испещренной звездами, Беллона, мечущая на город стрелы, в одной руке горящий факел, а в другой держит хартию с сию надписью: «Что может постоять?». Шестая картина – покорение Кафы и всего Крыма 1771 года. На высоте зрится Слава, держащая в руках лавры для венчания российских героев. Крым, веселящийся владычеством премудрыя обладательницы, изъявляет радость свою сими на свитке написанными словами: «Коль сладок ныне жребий мой». Осмотря все сие,

государыня изволила пойти к так называемому «Китайскому урочищу», где построены дома, сады и птичники во вкусе китайском, наполненные птицами; служители домов этих, одетые китайцами, играли на разных китайских музыкальных орудиях. Между этими домами была воздвигнута из редких морских камней, раковин и окаменелостей горка; на площадках стояли высокие мачты, украшенные китайскими с колокольчиками пагодами и разнообразными флагами. Государыня, здесь отдохнув немного, пошла через маленький мостик в правую сторону роци, где слышен был раздающийся от рожков деревенских пастырей и пение ликующих поселян голос. Здесь, посреди леса, на лугу, видны были шалаши хлебопашцев, а немного подалее открылись их дома, огороженные плетнями и вмещающие в себе все, чем семейные и зажиточные крестьяне изобиловать могут. Любящие деревенское хозяйство с восхищением видели живое и наглядное представление здесь деревни; любители полей, жатв и пчельников – каждый с удовольствием находил тут соответствующий своему вкусу предмет. Госу-

дарыня оттуда пошла к площади храма, намощенной досками для танцев, которые тотчас и открылись при игрании в переходах храма огромной музыки. Государыня после пошла в верхние покои, где накрыт был великолепный вечерний стол, с кушанием и десертом из редчайших плодов нынешнего времени года на 80 персон, прочие же, коих было более 2 000 лиц, угощаемы были по разным беседкам и покоем в роще, на нарочно устроенных столах, наполненных кушанием и питием. В это время проспекты, рощи, здания и все места, как и крыльца верхних покоев и ограда всего дома, освещены были налитыми воском глиняными и стеклянными сосудами и разноцветными слюдяными и другими фонарями.

По окончании ужина при реке, именуемой Красной, зажжен был фейерверк, коего щит представлял Астрею возвращающую Золотой век; в одной руке держала она весы равенства, а в другой – рог изобилия, внизу видны были пастухи, веселящиеся спокойно паствою овец и удаляющиеся от них в виде фурий несогласия и раздоры; по сторании щита пущено вверх несколько тысяч ракет и увесели-

тельных огненных шаров; причем зажжены и разные огнемечущие колеса, представлявшие глазам наиприятнейшее зрелище. Ее величество и его высочество изволили сию огненную потеху смотреть из нарочно поставленного для сего на лугу намета, из которого лишь только изволили выйти, то открылось между дерев другое прозрачное огненное явление, представляющее в колеснице Феба, держащего в руках озаряющее всех пресветлыми лучами освещенное вензелевое имя императрицы, под которым внизу виден был образ престарелого индийского брамина, стоящего с благоговением между пальмовым и расцветающим алоевым деревом, и творящего воздеянием рук сему им обожаемому светилу поклонение. У корня одного из этих деревьев был изображен герб домохозяина. Когда это зрелище окончилось и все полагали, что оно последнее, как вдруг увидели еще освещенный сиянием среди перспективы мраморный столб, наверху которого виднелся двоеглавый орел, с вензелевым именем государыни, а внизу, на подножии, состроенном из дикого камня на медных досках, бронзовы-

ми буквами была изображена следующая надпись: «Сей из обретенного в Сибири мрамора сделанный и от всецедрой государыни Екатерины Второй в дар полученный столб, в незабвенный знак к ее императорскому величеству благодарности на сем месте поставил Лев Нарышкин, лета, в кое российский флот прибыл в Морею и истребил турецкие морские силы». Наверху сего показалось приятнейшее зрелище восходящего солнца, лучами своими озаряющего всю рощу, так что если бы часы не показывали полуночи, то можно бы подумать, что наступил уже день. Некто из находившихся тут стихотворцев при открытии сего явления начертил карандашом следующую надпись:

*О новое, что видит здесь народ!
В необычайный час зрим солнечный
восход.
Конечно, Феб, узнав приход Екате-
рины,
Вознесся в полночь здесь, оставив-
ши пучины,
И не хотя идти еще на твердь
небес,
Узреть ее предстал во Левендаль-*

ский лес.
Блеск радостных огней собой усугубляя
И храм побед ее сияньем окружая,
Простря свои везде чистейшие лучи,
Чем изъявил он тут пресветлый
день в ночи.
Монархиня! тебе круг солнечный
дивится,
Так дива ль, что народ твой, видя
зрак, чудится?

После осмотра всего этого императрица и ее двор отправились в храм, где продолжались танцы. Мрак, тихость и теплота ночи и приятность летней погоды соответствовала празднику. В час ночи его императорское высочество и в начале третьего часа государыня, изъявив хозяину свое удовольствие, изволили возвратиться в Петергоф, в четыре часа ночи и все гости, оказав хозяину благодарение, разъехались по домам. В заключение чего выпалено несколько раз из пушек, чем празднество сие окончилось».

По смерти этого Нарышкина, сын его Ал. Львович, удивлял Петербург тоже своими

праздниками, подобия которых, как говорил фельетонист того времени, «находили только в повестях Востока, где многолюдные торжища Бассоры, Багдада, бывшие театром приключений забавных и вместе удивительных, могут непрерывным шумом, разнообразием картин, деятельным движением сравняться с подобными зрелищами, виденными у него на праздниках. Ал. Львович Нарышкин возобновил петербургские серенады, бывшие в большом употреблении в царствование императрицы Екатерины II. Перед домом его (Английская набережная), в продолжение почти трех летних месяцев, богатых светлыми ночами, с шести часов вечера до поздней ночи, разъезжали по Неве шлюпки с разного рода музыкою, роговою, духовою, хором певчих с рожками, бубнами и тарелками; набережная во время таких прогулок была покрыта народом. Этот Нарышкин был впоследствии очень хорошим директором театров; расточительность его не имела границ, и он частенько нуждался даже в небольших суммах.

Между вельможами века Екатерины также отличался широким гостеприимством

и великолепием своих праздников обер-камергер граф Петр Борисович Шереметев. У него часто устраивались праздники, маскарады и спектакли, в которых участвовал и цесаревич. Особенно интересен был спектакль 21 февраля 1766 года, распорядителями которого были: директором – генерал-поручик граф Ив. Гр. Чернышев, указательницею мест – его жена, собирателем билетов граф Зах. Гр. Чернышев, директором оркестра тайный советник князь П.Н. Трубецкой, капельмейстером – баронесса Е.И. Черкасова, музыкантами в оркестре были: князь П.И. Репнин, А.А. Нарышкин, тайный советник А.В. Олсуфьев и многие другие вельможи двора. На театре давали сочинение де ла Гранжа комедию «Le contretemps» (помеха); действующими лицами в комедии были: князь Щербатов, две дочери хозяина, графиня Чернышева, граф Сольмс, прусский посланник, граф Строганов и другие высокие особы; в заключение дана была комедия Клюзака «Зенеида»; в числе актеров был и цесаревич, графиня Шереметева и две графини Чернышевы; на четырех лицах, в ней игравших, было бриллиантов на

два миллиона рублей. Но особенно великолепный праздник граф Шереметев дал в честь императрицы в своем подмосковном имении Кускове, во время проезда ее через Москву из Крыма. В этот день по дороге из Москвы до села были устроены арки и триумфальные ворота с аллегорическими эмблемами и надписями; в устроенных над ними галереях во время проезда царицы гремели трубы и литавры. Граф с семьей встретил государыню на границе своего села, при въезде в которое были устроены ворота ионического ордера, расписанные под мрамор, белый с красным, с затейливой золотой резьбой и с четырьмя золочеными гербами, изображавшими Нептуна, Аполлона, Марса и Меркурия. Внутри ворот изображена была летящая Слава с трубой, вокруг которой надпись гласила: «Течением приумножает славу свою»; на боковой стене верхняя картина представляла город и часть моря, озаренные солнечным сиянием; в середине их – вензелевое имя Екатерины с надписью: «Лучами своими озаряет». Другая, нижняя картина изображала в окружности цирка пьедестал в виде большой непо-

колебимой скалы, на которой лежала книга, озаглавленная «Учреждение законов», щит, шлем и меч, связанные лавровым фестоном, с надписью: «Утверждают и охраняют». На другой стороне верхней картины было изображено солнечное сияние с вензелевым в середине именем государыни, а под ним в перспективе город Москва с надписью: «Веселящаяся присутствием», нижняя картина изображала в перспективе Кусковский сад, часть оранжерей и мраморный обелиск. Наверху ворот – галерея, на которой во время проезда государыни играла музыка. Пред воротами по обе стороны находились вызолоченные цирки с нишами, в которых были поставлены поморанцевые и лимонные деревья, обремененные плодами. За каретами царицы иностранных посланников и придворных тянулся нескончаемый ряд экипажей почетных гостей. Когда императрица подъехала к селу, ее салютовали пушечною пальбой с берега пруда, с яхты и других судов, красиво испещренных разноцветными, полоскающимися в воздухе флагами. На шоссе выступили попарно кусковские жители, одетые в цвета графской

либри, с корзинами, полными цветов; за ними шли девицы в белых платьях, с цветочными венками на головах, и устилали путь царицы живыми цветами. Государыня осмотрела весь дом графа, затем отправилась садом в новопостроенный для этого случая театр, в котором была представлена опера: «Самнитские браки с балетом». Вечером сад был ярко иллюминирован, в нем горел шит с изображением имени Екатерины II и парящей над ним Славы. Шумящие каскады были тоже в огне, на большом озере стояла на якоре раззолоченная шестипушечная яхта, качались шлюпки, ходили по воде челноки, ботики, гондолы с разноцветными флагами; по водам также разъезжали песенники в русских костюмах. Перед фейерверком Екатерине поднесли голубя; с ее руки полетел он к щиту, и осветилось все Кусково. После всего государыня пошла в покои, где играла в карты; в 11 часов был сервирован в галерее роскошный ужин на 60 кувертов, с золотыми ложками, тарелками и проч. Перед государыней стояло [19] изображение горы с каменной руиной, украшенной алмазами, изумрудами и жемчу-

гами; вазы и другие украшения были осыпаны бирюзой, рубинами и другими драгоценными камнями. Во время стола гремела музыка, и пел хор певчих.

На возвратном пути в Москву дорога ярко была освещена плашками и смоляными бочками. Когда государыня въезжала в Москву, били уже утреннюю зарю.

Так же необыкновенно великолепен был праздник, данный в честь императрицы Шляхетным кадетским корпусом в 1775 году по случаю мира с Портою, заключенного в этом году. Описание этого аллегорического праздника мы берем из редкого периодического издания того времени «*Journal de litterature et choix de musique*», вышедшего в 1783 году в Цвейбрюккенском герцогстве; вот перевод описания:

«Один только рассказ об этом чудесном празднике уже дает возможность верить в великолепие публичных игр, устраиваемых древними греками и римлянами; но заглянув в это описание волшебства, которое мы сейчас представим читателям, остается только изумиться блестящему воображению устрой-

теля праздника. Каков же был эффект при выполнении всех его предначертаний! [20]

Везде, как и в России, для исполнения подобного праздника можно найти декораторов, архитекторов, музыкантов, актеров, машинистов, но что является в этом случае единственной принадлежностью Петербурга, это 700 молодых дворян, обученных декламации, искусствам плавания, верховой езды, единоборства и прочим телесным упражнениям, введенным у древних народов. Эти молодые люди и были главными исполнителями праздника, к ним присоединили еще 300 других лиц, что составило вместе 1 000 человек, которыми господин Пошэ и воспользовался с редким умением.

Посреди площади, более обширной, нежели Тюльерийский сад, был по плану господина Пошэ выстроен вокруг центрального пункта амфитеатр, настолько удобный, что все зрители в количестве 1 200 человек могли, не оборачиваясь и не двигаясь, видеть все, что происходило во всех концах этой обширной окружности. Центральным пунктом, по сторонам которого воздвигалось это строение,

являлась триумфальная колонна в 5 футов вышины, украшенная вверху статуей богини Славы, окруженной знаменами и значками, отнятыми у турок. Богиня при звуке трубы давала сигнал к началу упражнений, предписанных актерам и статистам. К амфитеатру вели четыре аллеи, обнесенные перегородками из земли, в промежутках которой на известном расстоянии были поставлены статуи и вазы, наполненные апельсинами и другими фруктами. Аллеи эти освещались гирляндами разноцветных огней. Амфитеатр, видимо, подавлял своим величием повергнутые около него аллегорические фигуры Лживой политики, Мора, Пожара и Возмущения, изображенные в страдальческих Положениях.

Зрелище (или, вернее, четыре отделения зрелища), устроенное два раза в течение июня месяца, начиналось в полночь, под сводом неба, бывшего в то время, по счастью, чистейшего лазоревого цвета и покрытого звездами. Взор зрителя не отвлекался по сторонам благодаря устройству амфитеатра, позволявшего видеть только то, что было перед глазами.

1-е аллегорическое зрелище[21]

При звуках трубы, возвещенных богинею Славы представлялась среди выполненных артистически украшений обширная арена, изображавшая остатки развалин храма; вокруг их поверженные колонны, вазы и подножия занимали сцену. Одна только статуя находилась на своем пьедестале – это эмблема Любви к отечеству. В глубине театра возвышались горы, покрытые деревьями, колеблемыми ветром.

Аполлон, осужденный стеречь стадо Адмета, услаждает скуку своего нового положения, оказывая всевозможные благодеяния. Соседние пастухи, наученные его примером, живут счастливо и безбоязненно под сенью мира. Их невинные сердца, тронутые благодеяниями Аполлона, воздают ему почтение, тем менее льстивое, что они не подозревают его божественного происхождения. Пастушка Сильвия, украшенная всеми дарами природы, возбуждает в Аполлоне живейшую страсть, отвечая ему взаимною нежностью. Любовники уже готовы увенчать свои стремления пред алтарем любви к отечеству, как вдруг в са-

мый момент торжества они видят себя разлученными Лживой политикой, которая, завидя их счастью, вооружила против них всех фурий ада. Вдруг статуя Любви к отечеству оживает и, став во главе Витязей благодарности, берет на себя защиту любовников; она побеждает чудовищей и приковывает их к колоннам храма. Эту минуту богиня судьбы находит удобною, чтобы возвратить Аполлону его божественное начало: счастье бога искусств оказывается совершенным, — тем более, что в Сильвии он узнает богиню Благополучия, которая укрылась под видом пастушки, чтобы разделить участь любимого ею бога, с которым она и соединяется навсегда. Между тем театр украшается иллюминированными транспарантами; колонны, вазы, пьедесталы и другие остатки храма благополучия внезапно поднимаются, занимают старые места и образуют триумфальную колоннообразную галерею, украшенную трофеями. Горы исчезают и заменяются триумфальной аркой, образующейся при звуках марша, в продолжение которого группы рыцарей в торжественных колесницах увлекают за со-

бой в своем шествии Лживую политику и закованных в цепи фурий. С одной стороны виден корабль, ведомый тритонами; это новый памятник славы, воздвигнутый в честь богини Благополучия. Богиня вместе с Аполлоном замыкает шествие. Она садится на колесницу, сделанную в виде плуга и запряженную четырьмя белыми быками, руководимыми Любовью к отечеству. Этот блестящий кортеж окружен 400 рыцарей, сидящими на поддельных лошадях, удививших зрителей правдивостью и точностью их движений.

Эпизод этот оканчивался соединением обоих любовников у алтаря Любви к отечеству, помещенному под триумфальной аркой. Празднуя счастливое событие, большинство рыцарей исполнило воинственные танцы при многократных возгласах Витязей благодарности, в разгар их игр в виду всех появился двуглавый орел, спускавшийся над аркой с августейшим вензелем Екатерины II, окруженным лавровыми листьями и гирляндами, которые и образовывали вокруг триумфальной арки некоторый род балдахина.[22]

2-е аллегорическое зрелище

При звуках трубы «Славы» амфитеатр с 1200 зрителей поворачивался вокруг своего центра и направлял взоры зрителей на новую арену, на которой изображался балет-пантомима следующего содержания, сходного с аллегорическим смыслом с воспитанием его императорского высочества великого князя, его женитьбой и учреждением новых губерний, созданных мудрыми предначертаниями Екатерины II.

Театр представлял храм бога искусств, в котором находилось несколько гениев, приведенных в уныние и обессиленно склонившихся перед своими начатыми созданиями, представлявшими ряд аллегорических фигур, извлеченных гениями из глыб мрамора.

Богиня Благополучия, которую несчастья разлучили с детьми, питомцами Аполлона, находит по своем возвращении гения.

Заслуги (аллегорический намек на его сиятельство князя Панина, воспитателя великого князя), который, как новый Пигмалион, оказывается влюбленным в свое произведение. При виде богини вдохновение артиста в нем пробуждается; он показывает богине свою ра-

боту: изображение гениев Правды и Добродетели, находящихся в объятиях друг друга и изваянных славным скульптором из лучшего паросского мрамора. Гений Заслуги высказывает богине желание видеть ожившим свое произведение. Богиня Благополучия, взяв лиру у Аполлона и вдохновленная тремя грациями, дает жизнь произведению гения Заслуги. Следуя примеру богини, Аполлон оживляет все статуи, наполняющие театр. Эти новые питомцы богини Благополучия окружают ее; Аполлон и грации образуют картину благодарности; они держат в руках знамена с изображением на каждом герба какой-нибудь губернии. Тогда храм Аполлона превращается в великолепный транспарантный сад, украшенный каскадами и фонтанами; показывается богиня Изобилия, дочь богини Благополучия, сопровождаемая 24 гениями, которые обогащают своими дарами алтарь богини.

3-е аллегорическое зрелище

Удивительное упоение зрителей прервалось опять сигналом, данным богинею Славы, вследствие которого амфитеатр вновь обернулся около своего центра к третьей сцене.

Там было изображено Марсово поле в виде цирка; арена длиною в 700 футов оканчивалась тронем в китайском вкусе, на котором помещалась богиня Благополучия с двумя питомцами. Заслуги по бокам и окруженная толпой мандаринов, бонз и т. п.

Игры, служившие основанием этому новому зрелищу, представляли повторение тех упражнений, которые входили в программу воспитания кадетов корпуса и которые были введены в это заведение господином Пошэ. Сцена освещалась 200 хрустальными люстрами с 25 свечами в каждой. Цирк был украшен с правой и левой сторон арками, между которыми на скамьях помещались витязи благодарности, принимавшие участие в первом зрелище. Посреди цирка питомцы благополучия занимались всевозможными упражнениями, сгруппированными таким образом, что все зрители в одно и то же время наслаждались их лицезрением.

Одни из них старались перескочить через ров в 15 и 20 футов ширины; другие молодые люди вступали в единоборство или состязались в фехтовании; некоторые бросались оде-

тые в пруд, стремясь взобраться первыми на скользкие мачты, воздвигнутые среди пруда; и они возвращались оттуда, неся в руках стрелы, пущенные их товарищами в чучела птиц, прикрепленных к мачтам высотой в 60 футов.

Это гимнастическое состязание сопровождалось каруселью, во время которой воспитанники гарцевали на настоящих лошадях, стараясь вызвать благосклонный взгляд или рукоплескания их благодетельницы.

Празднество заканчивалось раздачею наград, которые были розданы получившим их самой богиней, выступавшей вперед с своим кортежем при звуках цимбалов. Любовь к отечеству и бог Искусств сопровождали это блестящее шествие, имея в главе гения заслуги и воспитанников, удостоенных награды.

4-е аллегорическое зрелище

Радостные возгласы были прерваны звуком трубы богини Славы, по знаку которой амфитеатр в последний раз обернулся к новой стороне зрелища, долженствовавшего должным образом увенчать этот волшебный праздник.

Театр представлял храм Януса, смежный с храмом Моды. В нем была представлена небольшая лирическая комедия сочинения господина Пошэ под названием «Мода, личина коей сорвана гением любви к отечеству». 24-летнее пребывание автора в России дало ему возможность изучить эту страну и передать ее дворянству несколько полезных идей, могущих принести добрые последствия.

По смерти императрицы Елисаветы финансовое положение государства было в большом беспорядке. Любовь к роскоши и страсть к игре вошли в обычай у знатнейших фамилий империи, всегда готовых следовать примеру двора. Императрица Екатерина II по восшествии своем на престол решилась заняться искоренением этих злоупотреблений; но чтобы вернее от них избавиться, надо было найти способ искусно на них подействовать. Тогда-то и родилась идея устроить знаменитый аллегорический и сатирический маскарад, под названием «Извращенный мир», составление программы которого было поручено господину Пошэ. Там можно было видеть колесницы, запряженные ослами, волами, сви-

ньями, сопровождаемые обезьянами, и более 1 000 лиц, представленных в смешном виде: судей, переодетых лисицами, офицеров – сурками, купцов – щеголями и наконец ворон и коршунов, разрядившихся в павлиновые перья и т. п. Аллегория эта являлась в слишком мягком виде, чтобы раскрыть глаза русскому дворянству относительно его смешной страсти к моде и других пороков; беспорядочность оставалась по-прежнему, несмотря на постоянные усилия императрицы вырвать с корнем обычаи, могшие послужить к разложению нации. Славная повелительница поставила, наконец, себе за правило: удаивать своей благосклонностью только лиц, заслуживших это, и устранять от дел и занятия почетных постов тех лиц благородного сословия, которые были заражены пороками прежней придворной жизни.[23] Правило это послужило основанием комедии «Мода, личина коей сорвана любовью к отечеству». Вот ее фабула:

Меркурий, завидуя могуществу Благополучия и не имея возможности помешать счастью Аполлона, у которого он успел только с

помощью бога Момуса похитить лиру, решается из жажды мести развратить нравы поданных Благополучия. Мода, будучи предметом их поклонения, является в самом прихотливом виде. Ее несут на богатом паланкине, взятом в долг и никогда не оплаченном; голова ее украшена самыми пахучими цветами; она шествует в сопровождении Момуса, превратившегося в ее управляющего, жаждущего ее же разорить, наемного адвоката, картежника-офицера, лживого храбреца, лихоимца и взяточника-таможенника; этот кортеж замыкают эмпирики и аптекари, представляющие все вместе поклонников Моды, приобретенных ею во владениях Благополучия.

Является бог Любви к отечеству, держа в руках зеркало истины. Он подходит к питомцам Благополучия, ослепленным модою. Возвратив им зрение, он разбивает аптекарские сосуды и извлекает из них огни оливкового цвета, отражающиеся на лицах поклонников моды. Он пользуется этим моментом и представляет им зеркало истины. Устыдясь видеть себя в непривлекательном и смешном виде, они отрекаются от своего заблуждения

и при радостных восклицаниях насмежаются над модой и ее единомышленниками, которые со стыдом удаляются, видя себя уличенными в глупости в то время, когда надеялись быть повелителями. Любовь к отечеству освобождает из цепей лиц, возвращенных им к истине, и предлагает одной из особ собрания основной конец гирлянды, служившей им целью. Вдруг внезапно по искусному знаку, непостижимому даже для особы, взявшейся за гирлянду, глубина театра воспламеняется и образует фейерверк из китайских огней, изображающих разрушенный храм Моды. Этот фейерверк оставляет место для статуи Петра I, изображенного в виде Конфуция как законодателя империи. Это новый памятник, воздвигнутый Любовью к отечеству в честь Благополучия.

В то время, как более четверти часа продолжался фейерверк, Любовь к отечеству и ее новые сподвижники пригласили собрание сойти с амфитеатра и повели зрителей, как бы желая дать им возможность опомниться, под своды, иллюминированные разноцветными огнями. Когда зрители были приведе-

ны к концу этой темной аллеи, бог вручил ключ фельдмаршалу князю Голицыну. Тот отпер дверь, и собрание вошло в ротонду, разделенную на 12 зал, представлявших 12 знаков зодиака. Там находились столы, покрытые редкими яствами, фонтаны и каскады, бившие прохладительными напитками. Но что представляло в данном случае верх иллюзии, так это новая триумфальная арка, воздвигнутая над ротондой в форме галереи, где можно было видеть всех лиц, действовавших в исполнении праздника.

В это время музыка пригласила желающих к танцам; и в течение двух дней, как продолжалось вышеописанное зрелище, собрание не расходилось раньше зари.

В программе находятся некоторые подробности, упущенные нами, и с небольшой помощью воображения читатель может себе представить все волшебство картин, только что описанных нами».

Последний из каруселей на открытом воздухе был дан при Александре I в Москве, на обширной равнине, против Александрийского дворца и сада Нескучного:[24] здесь был

выстроен огромный амфитеатр с галереями и ложами для пяти тысяч человек, в окружности до 350 сажений. В назначенные дни зрители, почти из одних дворян, по билетам наполняли амфитеатр; а кругом его стечение народа бывало до 30 000 человек. По первому сигналу главные ворота в цирк отворялись, и рыцарские кадрили, каждая с особенною своею музыкою, выезжали из ближайшего дворца и в виду народа, восхищавшегося таким необычайным зрелищем, приближались к воротам. Все рыцари, составлявшие кадрили, были верхами на лошадях редкой красоты, с богатыми чепраками. Одежда их поражала зрителей своим вкусом и великолепием. Почти на всех блистали драгоценные камни. Проехавши несколько раз кругом лож и галерей, рыцари производили свои турниры с копьем, на всем быстрейшем скаку копьями попадали в цель и повешенные небольшие кольца. Много было и других эволюции, совершаемых с необыкновенным искусством. В этом особенно отличались Всеволод Андреевич Всеволожский и Алексей Михайлович Пушкин. При кадрили Всеволожского был хор

музыкантов, едва ли не первый тогда в России. Его сравнивали даже с оркестром князя Эстергази в Вене, где был Гайдн капельмейстером. Хором Всеволожского управлял известный в то время Мауер. Правила карусели были заимствованы из исторических сведений времен Людовика XIV. При нем, как известно, карусели были любимым занятием высшего дворянства. В них участвовал и сам король, поражая всех своим искусством и богатством наряда.

Устройство московской карусели произведено с высочайшего соизволения генералом от кавалерии Ст. Ст. Апраксиным, об устройстве которой и правилах первый подал мысль он сам; жена его, Екатерина Владимировна, была избрана для раздачи отличившимся рыцарям приличных призов при звуке труб и литавр.

Рыцари подъезжали к ложе госпожи Апраксиной, салютовали своими копьями и получали из рук ее назначенные призы.

При императрице Екатерине II каждую пятницу при дворе бывали маскарады, на которые допускались все, кто имел право но-

сильную шпату, впрочем, купечеству отводилась особая зала, но она имела сообщение с дворянской, и не запрещалось купцам ходить по другим комнатам.

От двора к каждому маскараду раздавалось до четырех тысяч билетов; в 6 часов пополудни публика начинала съезжаться; сама императрица имела обыкновение туда приходить в седьмом часу и, поговорив с некоторыми вельможами садилась за карты; в девятом часу она обыкновенно удалялась во внутренние покои. Во втором часу ночи маскарад кончался. Во время маскарада публике разносили разные напитки, закуски, конспекты и проч.

Особенно большою непринужденностью пользовались маскарады в Царском Селе. Это случалось более зимой; здесь давался особенный род маскарадов, в которых мужчины наряжались в женское платье, а дамы – в мужское. Узкий мужской костюм отлично обрисовывал красивые женские формы, девственная скромность исчезала под свободными приемами мужчины, и, наоборот, прямой мужской стан отлично приходился к молда-

вану и роброну. На таких маскарадах необыкновенно красив был в женском наряде известный приближенный Екатерины II Гр. Гр. Орлов.[25]

Весьма оживленные и веселые такие маскарады давались в Эрмитаже, которые носили название «Сюрпризы»: соберутся придворные, подойдут к театру, видят двери запертыми, с надписью на них: «Поворотить женщинам вправо, мужчинам – влево». Там гости находили платье двух цветов – пунцового и белого цвета, и вместо ожидаемого спектакля шли в маскарад. Иногда придворные получали весьма странные костюмы, их наряжали кого ветряною мельницею, кого – башнею, хижиною, кого – купцом, евреем, молочницею, гости, встречаясь, друг друга не узнавали. Однажды все явились на ужин и заняли места, слуги суетились, но раскрытые блюда оказались пустыми. Императрица встала с неудовольствием, гофмаршал был нем от испуга и оплошности кухни. Императрица обратилась к великому князю Александру Павловичу и сказала.

– Так мы пойдем к тебе, я есть хочу.

– У нас, – отвечал великий князь, – приготовлены кушанья только для нашего малого двора, мы вряд ли можем угостить все общество!

– Нет нужды, – проговорила императрица. – Мы разделим по куску.

Все общество направилось и нашло роскошный ужин с великолепными парадными блюдами.

Во время Шведской войны в день придворного маскарада было получено неприятное известие, и, чтобы не прервать вечера и скрыть несчастье от публики, императрица посылает за графом Строгановым.

– Я уверена, – говорит она, – что ты исполнишь, что я тебе прикажу.

– С усердием, государыня. Что прикажете?

– Садись же, подавайте скорее.

Приносят женское платье, убирают ему голову, граф не понимает, что бы это значило.

– Иди теперь в маскарад, – говорит императрица. – Дай руку моему кавалеру, сохрани мою походку и представь мою особу.

Граф повиновался и расхаживал по маскараду величавою дамою, и все принимали его

за царицу.

Но особенною прелестью в то время были для наших вельможтак называемые вольные дома с маскарадами, их посещали как все знатные обоюго пола, так и вся простая публика, маскированная и без масок. По словам Энгельгардта, императрица очень часто инкогнито, замаскировавшись, в сопровождении А.Д. Ланского, статс-дамы графини Браницкой и камер-фрейлины Протасовой посещала вольные маскарады. На последние приезжала она в чужой карете и всячески старалась скрыть себя, но полиция всегда узнавала государыню и ее свиту. Многие не догадывались или с намерением шутили, прыгали перед нею. Государыню это очень забавляло и смешило, иногда ей очень доставалось от тесноты. Павел Сумароков рассказывал: «Однажды императрица уселась подле знакомой госпожи Д-ской, которую очень жаловала и допускала к себе в кабинет, государыня, переменив голос, вступила с ней в разговоры и долго ее интриговала. Последняя, стораая от любопытства, желала узнать, кто ее интригует, и кого ни назовет, все получала отрицательный

знак головою. Наконец потеряв терпение, срывает маску с императрицы и, пораженная открытием, сильно смутилась и оробела. Императрица тоже не менее была удивлена дерзким поступком.

– Что вы сделали? Маска неприкосновенна! Вы нарушили права благопристойности! – проговорила государыня, затем встала и тотчас же уехала из маскарада. Смелая дама навек потеряла благоволение императрицы.

Не касаемся описания тех торжеств, что давал в своем Таврическом дворце князь Потемкин. Один последний праздник, устроенный им, походил на воссоздание сказок Тысячи и одной ночи, одного воска в свечах и шкаликах сожжено было на 70 000 руб., так что воска, бывшего в Петербурге, не достало, и за ним по почте посылали в Москву. На этом празднике, по описанию, танцевало двадцать четыре пары из знатнейших фамилий, в костюмах, украшенных бриллиантами, которые в итоге стоили десять миллионов рублей. Сам Потемкин имел на голове шляпу, которую по тяжести от бриллиантов не мог надеть, и ее носил за ним в руках один из его адъютантов.

Несмотря на такие роскошные частые празднества, тогдашнее высшее общество очень любило «вольные дома»; здесь оно освобождалось от оков этикета и вполне предавалось веселости и шалости, конечно, не выходя из пределов приличия. Грибовский в своих воспоминаниях рассказывает про канцлера графа Безбородко, что он был большой охотник там проводить свое время и почти ежедневно по выезде из дворца после доклада императрице надевал простой сюртук и такую же шляпу, пускался в такие дома, в общество прелестниц, которых покидал только тогда, когда видел подобного себе гостя. Грибовский говорит, что он был один из первых деловых людей, которые в то время подавали другим пример к вольной жизни.

Лучшие маскарады и вечера такого сорта в то время бывали на Мойке, как мы выше уже говорили, в увеселительном саду Нарышкина.

Основателем их был известный поддиректор императорских театров барон Ванжура. Здесь каждую среду и в воскресенье давались праздники и маскарады с танцами, с платою

по рублю с персоны. Вечера начинались с восьми часов вечера. Посетители могли приходить в масках и без маски. В зале для танцев играло два оркестра музыки: роговой и бальный. На открытом театре давали пантомимы и сожигали фейерверки.

Иногда здесь шли и большие представления, как, например, «Капитана Кука сошествие на остров, с сражением, поставленным фехтмейстером Мире», или «Новый год индейцев», народные пляски и т. д. При этих представлениях публика платила два рубля. Здесь показывали свое искусство «путешествующие актеры и мастера разных физических, механических и других искусств, музыканты на органах и лютне, искусники разных телодвижений, прыгуны, сильные люди, великаны, мастера верховой езды, люди со львами и другими редкими зверьями, искусными лошадьми, художники потешных огней» и т. д.

Затем еще публичные маскарады устраивали в большом каменном театре машинист Домпиери и танцовщик Ганцолес. Последние о днях маскарадов извещали публику афиша-

ми; приводим одну из таких афиш: «Машинист Домпиери и танцовщик Ганцолес, уведомляя почтенную публику, что первый их маскарад будет октября 14-го дня, просят покорнейше удостоить оный своим благосклонным посещением. Начало будет в 6 часов, за билеты платят по 1 рублю; паркет поднимется наравне с театром, так что будет одна просторная китайская зала, убранная и освещенная великолепнейшим образом, по сторонам которой будут разные покои, как то: залы для контратанцев, горница для играния в карты, иные для напитков, другие – со столами для ужина, иные – с лавками для продажи маскарадных платьев, масок, перчаток и прочих галантерейных вещей. Если кто пожелает иметь особенный ужин, то может оный заказать у Надервиля, содержателя французского трактира „Париж“, заблаговременно».

Танцы в этих публичных маскарадах начинались польским *открытым* (как говаривали), за польским следовали: *очаковская кадрили*, *штейн-басс*, чудный веселостью *контратанец*, с превычурными баланселями.

Для выучки этих танцев требовались то-

гдашние профессора хореографических вы-
правок и балансеев, разные господа Сабиоли,
Коссели, Парадиз, Морели. Далее в наших
танцах следовали кадрили французские, точ-
ные балеты, менуэты а la Reme (королевы), по
правилам танцевального искусства которых
ранее не начинали, как после трех церемони-
альных поклонов даме; во время же танцев
едва касались пальцами ее пальцев, а когда
оканчивали, то изъявляли свою благодар-
ность, целуя ей руку. Затем следовали про-
стые *польские, горлицы, аллеманы и круглый
польский* с эластическим расшаркиванием, с
премудрыми выгибами ног, приседаниями,
поклонами и проч. В конце концов танцы, по
обыкновению, заключались *Метелицею* или
Татьяною; здесь уже пары выступали особен-
ные, выряженные русскими молодками и мо-
лодцами. Это, впрочем, не были простые
смертные, а часто титулованные особы, уче-
ники и ученицы известного в свое время рус-
ского Вестриса, танцора Бублика.

В первых годах нынешнего столетия в Пе-
тербурге маскарады славились у Фельета.
Здесь, на месте нынешнего здания Главного

штаба стоял построенный полукругом великолепный дом графа Кушелева; в этом доме был театр с роскошными комнатами. Это был Пале-Рояль в миниатюре; лучшее петербургское общество здесь танцевало и проводило время, ресторатором здесь был француз Тардина, цены у него на вино и кушанья были весьма дешевы. Так, за бутылку красного вина платили 30 коп. и за жареного рябчика 20 коп. В этом же доме были лучшие иностранные магазины в столице.

Не менее превосходные маскарады в Екатерининское время давались в роскошном доме на углу Невского и Екатерининского канала, в доме, теперь принадлежащем Учетному банку.

В начале двадцатых годов придворные маскарады в Зимнем дворце составляли тоже эпоху. Более тридцати тысяч билетов раздавалось желающим быть в этом маскараде. По разнообразию костюмов и многочисленности посетителей маскарада подобного не бывало. С восьми часов вечера бесконечный ряд великолепных комнат дворца открывался и в какой-нибудь час времени заполнялся пестрою

толпою. Черкесы, грузины, армяне, татары в национальных костюмах, толпа купцов с окладистыми бородами, в длиннополых сибирках и в круглых шляпах, с женами и дочерьми в парчовых и шелковых платьях, в жемчугах и бриллиантах, офицеры, иностранные посольства, в парадных мундирах, и присутствие монарха с августейшею фамилиею и двором – все это делало такой маскарад вполне торжественным. Государь являлся всегда приветливым хозяином и удостоивал некоторых посетителей разговором и вниманием.

Во время маскарада раздавался желающим чай, мед и разные лакомства. В маскарадах этих царствовал необыкновенный порядок, сохранялся он без содействия полиции, которая сюда не допускалась. В тридцатых годах имела большой успех в интеллигентном обществе маскарадная затея следующего содержания. Несколько молодых людей разучивали одно из действий комедии «Горе от ума», преимущественно третий акт, и в костюмах и масках разъезжались по городу в каретах, с шестью или семью музыкантами и, останав-

ливаясь перед освещенными окнами своих хороших знакомых, посылали хозяевам свои визитные карточки с надписью: «3-е действие „Горе от ума“». Молодых людей приглашали войти; замаскированные являлись с своим оркестром, разыгрывали акт и оканчивали вечер веселыми танцами.

В сороковых годах блестящие маскарады давались в дворянском собрании и в Большом театре; такие бывали ежегодно на Масленице и раннею весною. Сюда относится так называемый маскарад томболо.

В последнем в час ночи на особой эстраде при звуках труб разыгрывали разные галантерейные вещи. Этим маскарадом оканчивались до осени бальные маскарадные собрания петербургской публики. К вышесказанному мы находим бесполезным присовокупить, что первые маскарады в России введены императором Петром Великим по случаю мира со шведами в

1721 году; они продолжались тогда при дворе семь дней сряду. В смысле святочных игр и переодеваний маскарады были еще известны при царе Иоанне Грозном. Маскарады

в Европе вошли в обиход в 1540 году; ученик Микеланджело Границци устроил первый такой торжественный маскарад в честь Павла Эмилия. Слово «маскарад» заимствовано с арабского «мушкара», что в переводе значит «шутка».

Полубарские затеи

«Собственные актеры» графа П.Б. Шереметева. – Театр Медокса. – Публичные и домашние театры. – Репертуар пьес и актеры

В начале нынешнего и в конце прошлого столетия в нашем дворянском быту театр и музыка получили широкое развитие, наши бары тогда сосредоточили особенное внимание на сценических представлениях; и не было ни одного богатого помещичьего дома, где бы не гремели оркестры, не пели хоры и где бы не возвышались театральные подмости, на которых и приносили посильные жертвы богиням искусства доморожденные артисты. Эти затеи бары, как ни были они иногда смешны и неудачны, но все-таки развивали в крепостных людях, обреченных коснеть в неве-

жестве, грамотность и понятия об изящном. Многие из крепостных актеров впоследствии сделали украшением отечественной сцены.

В Екатерининское время «собственными актерами» славилась большая труппа графа П.Б. Шереметева. У него существовало три театра – один в Москве и два в подмосковных селах: в Кускове и Останкине. В первом селе была еще устроена воздушная сцена из липовых шпалер с большим амфитеатром. Здесь по большей части, давали балеты и оперы; у графа был свой крепостной автор, переводчик пьес Василий Вороблевский; [26] на обязанности последнего лежало также ставить разные божественные эклоги, пасторали и т. д.

В 1787 году во время приезда Екатерины II в Кусково граф по поводу этого случая дал на своем театре оперу с балетом «Самнитские браки». Государыня так осталась довольна игрою актеров и актрис, что приказала их представить себе и «пожаловала к руке». [27] Сегюр, бывший на этом спектакле, говорит, что балет удивил его не только богатством костюмов, но и искусством танцовщиков и танцов-

щиц. Наиболее ему показалось странным, что стихотворец и музыкант, автор оперы, как и архитектор, построивший театр, живописец, написавший декорации, так и актеры и актрисы, – все принадлежали графу и были его крепостные люди.

Спектакли у Шереметева бывали по четвергам и воскресеньям,[28] сюда стекалась вся Москва. Херасков иначе не называл Кусково, как «новыми Афинами»; вход для всех был бесплатный.

Ввиду этого обстоятельства тогдашний держатель московского частного театра Медокс[29] обратился с жалобой к князю А.А. Прозоровскому на графа, в которой говорил, что он платит условленную часть своих доходов Воспитательному дому, а граф отбивает у него зрителей. На эту жалобу вот что ответил Прозоровский: «Фасад вашего театра дурен, нигде нет в нем архитектурных пропорций, он представляет скорее грудку кирпича, чем здание. Он глух, потому что без потолка, и весь слух уходит под кровлю. В сырую погоду и зимой в нем бывает течь, сквозь худую кровлю везде ветер ходит, и даже окна не за-

мазаны; везде пыль и нечистота. Он построен не по данному и высочайше подтвержденному плану. Внизу нет сводов, нет определенных входов; в большую залу один вход и выход, в верхний этаж лож одна деревянная лестница; вверху нет бассейна, отчего может быть большая опасность в случае пожара. Кругом театра вместо положенной для разъезда улицы – деревянное мелочное строение. Внутреннее убранство театра весьма посредственно. Декорации и гардероб худы. Зала для концерта построена дурно; в ней нет резонанса, зимой ее не топят, оттого все сидят в шубах; когда же топят – угарно. Актеров хороших только и есть, что два или три старых; [30] нет ни певца, ни певицы хороших, ни посредственно танцующих, ни знающих музыку. Поверить нельзя, что у вас капельмейстер глухой и балетмейстер хромой. Из вашей школы не вышло ни одного певца, ни актера, ни актрисы порядочных. В выборе пьес вы неудачны» и т. д.

Медокс позднее выстроил в Москве новый каменный театр – Петровский; архитектором был у него Розберг; открыт он был диалогом

Аблесимова «Странники»; кресла в нем стоили по 2 руб., а партер внизу и креслами – 1 руб. медью. Медокс этим театром удовлетворялся: вскоре он приобрел на Таганке у коллежского асессора Яковлева дом, где устроил «вокзал». Для открытия вокзала В.И. Майков сочинил оперетту «Аркас и Ириса», музыка Керцелли. Здесь потом представляли другие оперетты: «Бочар», [31] «Два охотника»; в последней главную роль играл медведь, затем здесь же имело большой успех «Несчастье от кареты». Вокзал Медокса привлекал множество публики – до 5 000 человек, входная плата была 1 руб. медью, а с ужином – 5 руб. На Вокзальном театре играли молодые артисты небольшие пьесы. Это был школьный театр. Сад по программе увеселений напоминал нынешние сады Аркадии и Ливадии.

Декорации прежних московских публичных театров почти все были на домашний лад; многие из них писывал, как тогда говорили, «Ефрем, российских стран маляр». Механическая часть московского театра шла также в таком виде; в костюмах крепостных

актеров играли первые роли: китайка, коломяика и крашенина. Только актеры-аристократы, такие, как Плавильщиков, Померанцев, Шушерин, имели свой гардероб. На Урасова, как на записного щеголя, работал лучший из московских портных Роберт. Что же касается до мест в театре, то они оставались на полной ответственности годовых абонентов; последние были обязаны ложи оклеивать на свой счет обоями, освещать и убирать, как хотели. Каждая ложа имела свой замок, и ключ хранился у хозяина ложи. Для театра ставились подле оркестра табуреты, где единственно и садились присяжные посетители театров. Рассказывали что Дидерот, в бытность в Петербурге, всегда сидел в театре зажмурясь. «Я хочу, – говорил он, – спится душою с душами действующих лиц, а для этого мне глаза не нужны; на них действует мир вещественный, и для меня театр мир отвлеченный!»

В ряду театров вельмож Екатерининского времени отличался своею царскою роскошью при постановке пьес театр графа С.П. Ягужинского; у него в числе крепостных актеров был

Мих. Матинский, личность крайне талантливая, с глубокими познаниями в науках; он, помимо таланта актера, обладал качествами музыканта и композитора. Опера его «С.-Петербургский Гостиный двор» долго не сходилась со сцены и имела три издания.[32] Имя другого крепостного актера князя Волконского под инициалом. О. Л. тоже встречается под многими и, весьма недурными переводами и драматическими произведениями прошлого века. В Москве на Знаменке в те года существовал обширный театральный зал графа С.С. Апраксина. В труппе С.С. Апраксина был известный буфф Малака и замечательный тенор Булахов (отец) с металлическим голосом и безукоризненной методой: он впоследствии пел на императорской сцене; про него итальянцы говорили, что если бы он родился в Италии и поступил на сцену в Милане или Венеции, то убил бы все известные до него знаменитости. Здесь помимо крепостной труппы игравали и благородные артисты. Из последних известны были Фед. Фед. Кокошкин и А.М. Пушкин. На этом театре иногда пьесы ставились с роскошью изумительной.

Так, во время представления оперы «Диана и Эндимион» по сцене бегали живые и, трубили охотничьи рога и слышался лай гончих собак. Театр Апраксина, кажется, судьбой был предназначен служить храмом искусства, здесь много играли императорские актеры и была опера итальянская, выписанная и учрежденная также при содействии Апраксина. Впоследствии этот дом, кажется, был Домом призрения сирот, оставшихся после родителей, умерших от холеры.

В царствование императора Павла домашние театры до того размножились, что в 1797 году главнокомандующий Москвы князь Юр. Влад. Долгорукий доносил о том императору и получил от государя следующий рескрипт: «По представлению вашему о начавшихся в Москве в партикулярных домах спектаклях, запрещать их никакой надобности не нахожу, а заметить нужным почитаю: 1) чтобы не были представляемы никакие пьесы, которые не играны на больших театрах и которые через цензуру не прошли. 2) Для таковых собраний, дабы в них был сохраняем надлежащий порядок, а равно для наблюдения за исполне-

нием предыдущим пунктом подписуемого, быть всегда частному приставу, который за то и отвечать должен».

В описываемое время вольности на сцене барских театров иногда бывали до невозможности безграничными. Князь Вяземский в своих воспоминаниях описывает один из таких спектаклей на крепостном театре А.А. Столыпина, где шла пьеса «Оленька», сочинения князя Белосельского-Белозерского[33] «Сначала, – говорит он, – все было чинно и шло благополучно. Благопристойности ничто не нарушало».

Но Белосельский был не раз бедам начало.

Вдруг посыпались шутки и даже не двусмысленно прозрачные, а прямо набело и наголо. В публике удивление и смущение. Дамы многие, вероятно, по чутью чувствуют: что-то неладно и неловко. Действие переходит со сцены на публику; сперва слышен шепот, потом ропот. Одним словом, театральный скандал в полном разгаре. Некоторые мужья, не дождавшись конца скандала, поспешно с женами и дочерьми выходят из залы. Дамы, присутствующие тут без мужей, молодые осо-

бы, чинные старухи следуют этому движению. Зала пустеет. Слухи об этом спектакле доходят до Петербурга, и спустя некоторое время, как рассказывает князь Вяземский, Белосельский тревожно вбегает к Карамзину и умоляет его, говоря: «Спаси меня, император Павел повелел, чтоб немедленно прислать ему мою оперу; сделай милость, исправь в ней все подозрительные места, очисти ее, как можешь и как умеешь». Карамзин, не теряя времени, тут же перемарывает и переделывает пьесу. Белосельский тотчас же печатает у себя в селе и отсылает в Петербург. История кончилась благополучно: ни автору, ни хозяину театра не пришлось быть в отлете.

Если бывали в то время представления не особенно целомудренные, то и были такие, которые отличались неслыханною чистотою нравов. Так, в 1798 году наезжал в Москву живший в своем ардатовском имении в селе Юсупове полковник князь Николай Григорьевич Шаховской. По рассказам Вигеля, он ужаснейшим образом законодательствовал в своем закулисном царстве. Все, что он находил неприличным или двусмысленным, он

беспощадно выкидывал из пьес. В труппе своей он вводил монастырскую дисциплину, требовал величайшей благопристойности на сцене, так чтобы актер во время игры никогда не мог коснуться актрисы, находился бы всегда от нее не менее как на аршин, а когда она должна была падать в обморок, только примерно поддерживать ее. Вся княжеская театральная труппа помещалась в особом, довольно большом деревянном доме, позади театра. Дом этот был разделен на две половины – мужскую и женскую, всякое сообщение которых друг с другом было строжайше князем воспрещено, под страхом неминуемого тяжкого наказания. За все провинности артистов против театральной нравственности тотчас же творились наказания, вроде так называемых «рогаток»; например, героя вроде Эдипа ставили на более или менее продолжительное время, смотря по степени вины, посреди комнаты и подпирали его в шею тремя рогатками. Для музыкантов существовал особый род исправления в виде стула с прикованной к нему железною цепью с ошейником; провинившегося сажали на такой стул,

надевали на его шею ошейник, и в таком положении несчастный свободный артист обречен был иногда находиться по целым дням; кроме этих специальных мер, еще общею мерою были розги и палки. Зорким Аргусом чистоты нравов театрального дела была приближенная князю госпожа Заразина, имевшая обязанностью подавлять в самом начале малейшее проявление эротических склонностей княжеской труппы не только в доме, но и на сцене.

Всех актеров в труппе князя[34] было более ста человек, из которых лучшими считались И. Залесский (трагедия и драма), Я. Завидов (драма), соединявших с драматическим талантом еще способности певца-баритона, музыканта, композитора и балетмейстера, А. Вышеславцев (водевиль) и кроме того тенор; Андрей Ершов, комик и певец-баритон; Д. Завидова и Н. Пиунова (драма), А. Залесская, Т. Стрелкова, Ф. Вышеславцев (комедия). Но главным украшением его сцены были певица Роза и Поляков, который больше был известен под именем Миная; он постоянно приводил публику в восторг, особенно в ролях Бога-

тонова («Провинциал в столице»), портного Фибса («Опасное соседство») и т. д. Театр Шаховского по архитектуре был незатейлив, хотя довольно вместителен: в нем было 27 лож, до 50 кресел, партер на 100 человек и галерея на 200 человек. Когда князь содержал театр в Нижнем, как говорит Вигель, из прибыли, то у него из экономических видов освещалась одна сцена, в партере можно было играть в жмурки, а в ложах, чтобы рассмотреть друга друга в лицо, каждый привозил с собою кто восковую, кто сальную свечку, а иные даже лампы.

В деревне князя в виде публики стонялись в театр крестьяне по наряду и «отбывали эту повинность бездоимочно», т. к. тому, кто бывал в театре, кроме удовольствия поглазеть и поохотатся доставалась еще чарка княжеской водки.

Нижегородский театр князя Шаховского, на котором играли его холопы, описывает князь И.М. Долгорукий[35] так: «Какого ожидать дарования от раба неключимого, которого можно и высечь и в стул посадить по одному произволу? Следовательно, и толпа его ак-

теров, которых очень много, играет точно так, как вол везет тяжесть, когда его черкас прутом гонит. Я не восхожу к причинам, отчего крепостной человек не может иметь превосходного таланта. Скажу только просто, что зрелища театральные весьма хороши в Нижнем для людей сего разряда, но, назвавши их актерами, почти нельзя без отвращения смотреть на их телодвижения: они не играют, а так сказать площадным словом, кривляются; повторим, что для холопей и это больше, нежели чаять должно». По словам Долгорукого, «в Нижнем существует хороший постоянный театр, но князь Шаховской всякий год еще ставит на скорую руку для театра дощатый сарай на ярмарке и на весь июль привозит свою труппу. Там она отличается ежедневно всякий вечер: в 8 часов комедия, и все места заняты; они разделяются на ложи и кресла. Рукоплескания не умолкают; после представления вызывают на сцену всех актеров по очереди, потому что каждый из них, особливо пригожие девки, кому-нибудь из зрителей понравятся. Самолюбие содержателя в превеликом торжестве, за которым сле-

дует и значительный прибыльток. Цена за вход московская, декорации изрядны, по крайности не отвратительны. Одевание, хотя и не всегда сообразно с характером пьесы, однако бредет. Оркестр княжий – из его же людей и слуху не противен. Освещение всего хуже потому, что везде горит сало и обоняние терпит». Про постоянный Нижегородский театр он говорит следующее: «Здесь даются представления от сентября месяца до Макарьевской ярмарки три раза в неделю. Ложи в театре по два ряда и над ними несколько лавок для партера. Этот порядок не такой, как в других театрах, где партер за креслами, имеет свою разумную причину: во-первых, сцена освещается салом и слишком близка к зрителям, и потому чем далее в глубине сидишь театра, тем меньше страждет обоняние и более удовлетворяется оптика. Оттенки сии гораздо чувствительнее для людей благородных, нежели для нижегородских рядовичей и подьячих, коими наполняется партер для усиления дохода. Кресла очень сжаты, и это несколько теснит зрителя. Ложи и кресла разбираются погодно, театр полон, публика

очень любит эту забаву; актеры иногда играют лучше, иногда хуже, но почти всегда только что сносно; призрак соблюден по возможности, комический актер один удачно отправляет свое мастерство и весьма нравится жителям. Они часто его выкликают и бьют в ладоши с восхищением. Из актрис трудно какую-нибудь заметить. Одеты всегда хорошо, прилично, согласно с характерами своих ролей. Мещанку не увидишь в театре в левантине с шлейфом или даму благородную – в стамедной робе, как иногда и не в Нижнем примечать удавалось». Говоря дальше об этом театре, он добавляет, что репертуар пьес был почти один и тот же: так, иные комедии так часто повторяются в зиму, что, кроме свидания с людьми, почти нет причины для самой комедии приезжать в театр. Князю Долгорукому пришлось здесь увидеть представление своей оперы «Любовное волшебство»; сам автор называет ее нелепицей. Он ее и не думал никогда отдавать на сцену. «К особому моему счастью или несчастью, – говорит он, – моя опера попала в руки князя Шаховского; он ее и соизволил изуродовать вдосталь». Опера

полюбилась и ее стали играть каждый день; самому автору Шаховской прислал раскрашенный билет с разными атрибутами и надписью: «Для входа в Нижегородский театр везде». Вот как описывает Долгорукий представление своей оперы: «Занавес поднялся. Начали актеры „трелюдиться“, и все пошло навыворот. На сцене представлен сенокос, жнецы поют хор. Тут я увидел мак на дощечках, который мужики пощипали и вынесли его с досками вон. По этому началу оставалось отгадывать и последствие. Недурна, – думал я, – выдумка театральной дирекции. Музыкальные инструменты не успевали переливать музыкальные трели, актеры волновались поминутно. Музыканты упирались всей бородой в скрипку и, тряся смычком, как плетью, насилу догоняли капельмейстера, который, как в набат, ударял своим компасом на налойчик для такта. Суфлер в поту ежеминутно кричал: „Меняй декорацию!“, – а машинист в мыле, как почтовая лошадь, не знал, куда бежать наперед, чтобы или лес спрятать, или опять его выставить. Буфа, который играл роль весельчака, забавлял чрезвычайно

своими телодвижениями; словом, экзекуция соответствовала произведению. Волшебство внезапное в чертоге, где садилась Венера и Амур на изумрудный престол, произошло отлично, а машинисту можно было дать на водку за труды. Публика любовалась на зрелище с восторгом, и моя опера не несчастлива в Нижнем, и ее долго будут играть здесь, и дай, Аполлон, моему театральному подкидышу много лет здравствовать! Чувствительно благодарю князя Шаховского за его ко мне внимание и ласку; я, приехавши домой, от всего сердца хохотал над собой как сочинителем и над моими тиранами, которые открыли необыкновенный опыт: из дурацкого произведения сделать еще нечто глупее, и под названием оперы представлять изумленному зрителю такую сумятицу, во время которой никому ни из движущихся, ни из сидящих тварей, образумиться нельзя на одну минуту. То-то хорошо! браво-брависсимо!!»

Этот Шаховской вместе со своим братом выведен князем А. Шаховским в комедии «Полубарские затеи». По смерти князя в 1827 году его театры со всем гардеробом и всеми

принадлежностями, как и домами, где жили актеры, купили за 100 000 руб. у наследников князя господина Распутин и Климов. Покупщики оставили актерам и актрисам[36] в обязанность, по получении от них вольных, играть на Нижегородском театре десять лет. Труппа Шаховского в Нижнем просуществовала до 1839 года.

В конце прошлого столетия в Алатырском уезде была еще труппа князя Грузинского; здесь особенно процветали балеты, оперетты, пасторали. Вот рассказ про эти представления бывшего дворового: «Когда занавес поднимется, выйдет сбоку красавица Дуняша, ткача дочь, волосы наверх подобраны, напудрены, цветами изукрашены, на щеках мушки наклеены, сама в помпадуре на пижмах, в руке – посох пастушечий с алыми и голубыми лентами. Станет князя виршами поздравлять, и когда Дуня отчитает, Параша подойдет, псаря дочь. Эта пастушкой наряжена, в пудре, в штанах и камзоле. И станут Параша с Дунькой виршами про любовь да про овечек разговаривать, сядут рядком и обнимутся. Недели по четыре девок, бывало, тем виршам с го-

лосу Семен Титыч, сочинитель, учил, были неграмотны. Долго, бывало, каются, сердечные, да как раз пяток их для понятия выдерут, выучат твердо.

Андрюшку-поваренка на веревках спустят, бога Феба он представляет, в алом кафтане, в голубых штанах, с золотыми блестками. В руке доска прорезная, золотой бумагой оклеена, прозывается лирой, вокруг головы у Андрюшки золоченые проволоки натыканы, вроде сияния. С Андрюшкой девять девок на веревках, бывало, спустят; напудрены все, в белых робронах; у каждой в руках нужная вещь, у одной скрипка, у другой святочная харя, у третьей зрительная труба. Под музыку стихи пропоют, князю веноч подадут, и такой пасторалью все утешены. Князь велит позвать сочинителя Семена Титыча, чтоб подарок пожаловать, но никогда его привести было невозможно. Каждый раз не годился и в своей горнице за замком на привязи сидел. Непокоен во хмелю бывал...»

В Симбирске в конце прошлого столетия существовали две труппы крепостных актеров: татищевская и ермоловская. Обе были

незамечательные.

В Казани известна была труппа Петра Вас. Есипова. Последний – старый холостяк – угощал своих друзей помимо театральных представлений, еще вакханалиями с крепостными актрисами. Ф. Вигель говорит, что он был один из тех русских дворян, ушибленных театром, которые им же потом лечились (он впоследствии содержал Публичный театр в Казани). Обед у этого помещика описывает Вигель так: «Я крайне удивился, увидев у него с дюжину довольно нарядных женщин. Я знал, что дамы его не посещают – это все были фени, матрешы, ариши, крепостные актрисы хозяйской труппы; я еще более изумился, когда они пошли с нами к столу и когда, в противность тогдашнего обычая, чтобы женщины садились все на одной стороне, они разместились между нами так, что я очутился промеж двух красавиц... На другом конце стола сидели – можно ли поверить? – авторы и музыканты Есипова, т. е. его слуги, которые сменялись, вставали из-за стола, служили нам и потом опять за него садились... После обеда все они наряжались и готовились по-

тешить нас оперой „Cosa гага“, или „Редкая вещь“»... Играли и пели они, как и все тогдашние провинциальные актеры, «не хуже и не лучше».

Когда Есипов уже держал публичный театр в Казани, то в нем произошло следующее событие, характеризующее тогдашние понятия и религиозное направление казанских татар. Есипов поставил однажды на сцену трагедию «Магомет»; в театре было много татар. Едва увидели они на сцене чалму Магомета и произнесено было имя его, между ними началось смятение: с криками «алла!» одни бежали из театра, другие, люди более простые, вообразили настоящего Магомета, который пришел для укоризны их за посещение иноверного собрания; они падали ниц и сбрасывали свои туфли тоже с криками «алла!». С этого времени татары долго не посещали театра.

Аксаков, в своих воспоминаниях рассказывая романтическую историю Феклуши, крепостной актрисы Есипова, говорит, что он первый образовал в Казани театр; последнее обстоятельство неверно: уже в 1728 году в Казани начались драматические представления

в архиерейской школе, и затем открытая в Казани гимназия начала конкурировать в драматических представлениях с семинарией.

При утверждении нового штата гимназии в 1760 году куратор Московского университета Шувалов предписал директору гимназии Веревкину достойным образом отпраздновать эту милость императрицы Елисаветы. Веревкин устроил обед на 117 человек, благодарственный молебен, и после обеда представлена была комедия Мольера «Школа мужей». Веревкин, описывая это торжество Шувалову, говорит: «Вот в Татарии Мольер уже известен». Позднее Екатерина II поручила губернатору Квашнину-Самарину содействовать гимназии устройству театральных представлений. В 1791 году губернатор князь Бартаев устроил под управлением приглашенного в Казань придворного актера Бобровского постоянный театр.

Театр Есипова существовал в Казани по 1814 год; актеры Есипова были: Федор Львов – герой и первый любовник; Михайло Калмыков – главный комик; Николай Комаков –

буфф-Арлекин; Анисья Комакова – любовница в драмах и комедиях; Фекла Аникиева – первый талант на роли первых любовниц в трагедиях, драмах, комедиях и операх; Марфа Аникиева – молодая любовница, предпочтительно в операх. Главные наемные актеры были: господин Волков – режиссер и театральный актер на выходные роли; господин Грузинов на роли благородных отцов; господин Расторгуев на роли молодых любовников, повес и весельчаков; господин Прытков на роли слуг.

О существовавшем в 1810 году крепостном театре в Полтаве мы находим небольшую заметку в путешествии князя И.М. Долгорукого в Одессу. Вот что он говорит о нем. «Мы взяли билеты и вошли, давали „Мещанина во дворянстве“. Двух актеров нет, которые бы одним наречием говорили кто по-русски, кто по-черкасски, кто по-малороссийски, иной и по-польски. Смешение языков полное! Никакой взаимности в общих вниманиях; один говорит, другой, отворотясь, шепчет про себя свою роль, чтоб не забыть того, что следует. Что за актрисы! Какое платьишко! Какие те-

лодвижения! Куклы на нитке не так надоедают, как эти живые машины. Сперва я досадовал, тужил, негодовал, наконец, рассудил хохотать и умер было со смеха! Говорят, что где-то актеры, подобные им, берут с зрителей деньги не за вход, а за выход; не худо бы им перенять этот образ контрибуции, они бы, верно, больший доход получили, потому что в сарай к ним набилось пропасть народу. Духота была страшная, воздух самый крепкий, можно бы, я думаю, впотьмах зажечь свечку; такой был пар от любителей театра. Освещение к тому же самое смрадное; ежеминутная копоть, креслы без дна, стулья без спинок. Представьте, что бы каждый из нас заплатил за то только, чтоб выпустить на чистый воздух. Вышел оттуда, я был счастливее узника, который почувал свободу».

В городе Орле, в начале нынешнего столетия, существовал Публичный театр Сергея Мих. Каменского,[37] сына фельдмаршала. Театр с домом, где жил граф и все его крепостные актеры, машинисты, декораторы и музыканты, занимал огромный четырехугольник на Соборной площади. Строения были все од-

ноэтажные, деревянные, с колоннами, внутренняя отделка театра была недурная с двумя ярусами лож, с райком наверху, нумерованными креслами и т. д. Для графа была устроена особая ложа, и к ней примыкала галерея, где обыкновенно сидели так называемые пенсионерки – дворовые девушки, готовившиеся в танцовщицы и актрисы. Для них было обязательно посещение театра, граф требовал, чтобы на другой день каждая из них продекламировала какой-нибудь монолог из представленной пьесы или протанцевала бы вчерашнее «па». В ложе перед графом на столе лежала книга, куда он собственноручно вписывал замеченные им на сцене ошибки или упущения, а сзади его, на стене, висело несколько плеток, и после всякого акта он ходил за кулисы и там делал свои расчеты с виновными, вопли которых иногда долетали до слуха зрителей. Он требовал от актеров, чтобы роль была заучена слово в слово, говорили бы без суфлера, и беда была тому, кто запнется, но собственно об игре актера граф мало хлопотал. Иногда сходит с кресла, которые для него были в первом ряду.

Во втором ряду, тотчас же за ним, сидела его мать и с нею две его дочери, а позади матери, в третьем ряду, госпожа Курилова, любовница графа с огромным его портретом на груди.[38] В антрактах публике в креслах разносили моченые яблоки и груши, изредка пастилу, но чаще всего вареный превкусный мед. Публика всегда собиралась во множестве, но не из высшего круга, которая только приезжала с компанией ради смеха над актерами. Раз посетил театр корпусный командир барон Корф вместе с дамами. Граф Каменский заметил их насмешки, велел потушить все лампы, кроме одной, и начадил в зале запахом масла. Прислуга при театре была в livрейных фраках с красными, синими и белыми воротниками. Билеты для входа граф продавал и раздавал сам лично, сидя у кассы с своим Георгиевским крестом 2-й степени. Шалуны того времени платили графу за ложи медными деньгами, которые пересчитывать ему иногда приходилось по получасу и больше.

Репертуар пьес, даваемых на театре, был самый разнообразный: ставили комедии, тра-

гедии, оперы и балеты.[39] Музыкантов было два хора – бальный и роговой, каждый из 40 человек, одетых в военную форменную одежду. Как актеры, так и остальная часть дворни жила на военном положении, на пайках, на общем столе, собирались на обед и расходились по барабану с валторной, и за столом никто не смел сидя есть, а непременно стоя, по замечанию графа «что так будешь есть досыта, а не до бесчувствия». Пьесы на театре часто менялись и ставились иногда более чем роскошно, так в «Калифе Багдадском» бархату, шелку, турецких шалей и страусовых перьев было более чем на 30 000 руб.

Главные персонажи труппы Каменского были господа: Барсов, Соколов, Жбанов, Протасов, Миняев, Ремизов, Щитов, Кравченко, две сестры Кобазины, Рычкова, большая Козакова, Кузьмина, Цветкова, Краснова, Кубышкина, Олешева и многие другие.

Выписываем качества актрис и актеров из имеющейся у нас рукописи: первый Барсов, в чине губернского секретаря, был вольноотпущенный графа и состоял режиссером труппы; Кузьмина, по словам рукописи, «своими от-

личными дарованиями приобретшая особенное внимание орловской публики, справедливое имеет перед прочими своими компаньонками преимущество в трагедиях и драмах; пленительные она чувства представляет наподобие славной Мантуани. В операх она является с великолепием и улыбкою неподражаемой Замбони (известная того времени итальянская певица), а в комедиях, по своей ловкости и веселости, кажется быть другая Кетнер.

Кожевникова, после Кузьминой, достойна иметь первое место. Она весьма способна к представлению великих и важных лиц. В роли богини, царицы и госпожи Кожевникова весьма привлекательна, чувствительна, исполнена величия и приятности.

Цветкова не только в комических, но даже и в трагических ролях весьма удачно и счастливо выдерживает свой характер. Как натурально она представляет или простосердечие доброй женщины, или капризы злобной и ветреной женщины, или же крик, плач и обморок.

Большая Козакова в комических ролях, ка-

жется, имеет большие дарования: ее ловкость, притворство и веселый характер не может не нравиться публике.

Рычкова довольно приятна в представлениях невинной девицы и ловкой служанки. В балетах она, кажется, превосходит других танцовщиц своими дарованиями. Краснова в представлениях деревенской девицы в опере «Ям и посиделки» умела соединить приятность голоса и пленительную наружность с невинностью и скромностью, приличною посянянке.

Олешева весьма утешительна и весела в своих представлениях. В «Филаткиной свадьбе» можно было видеть великую ее способность к комическим ролям.

Степанова при своей развивающейся способности к нежным и чувствительным представлениям обнадеживает публику скорым приведением своих дарований в лучшее совершенство.

Ремизова в роли служанок и деревенских девиц весьма хорошие имеет способности.

Лыгова к комическим представлениям весьма способна, ловка, проворна и смела.

Кубышкина в опере «Девушник и крестьяне» довольно удачно и приятно явилась перед публикою в роли Параша и Вари», и т. д.

Далее находим известие и про искусство крепостных актеров театра Каменского, таланты которых у всех коннессеров театра заслуживают всеобщее одобрение. Так, говорится, что «игра актера Барсова в трагедии „Коварство и любовь“ совершила весьма чувствительную картину, извлекающую слезы у зрителей»; актер Городецкий «умел вынести весьма удачно чрезвычайные терзания», а Протасов хорошо «представил коварного интригана». В драме «Юлия» появление господина Барсова, его терзания и любовь к дочери пленяли публику до слез.

Протасов в комедии «Бот» превосходно изобразил характер грубонравного и добродетельного английского купца, а Жбанов в роли полковника заставил нас иметь надежду, что незадолго будем в нем видеть непосредственного актера. В трагедии «Леар» («Король Лир»), сочинение Шекспира, господин Барсов оказал свои отличные дарования в трогательной роли древнего английского короля Леара;

Кузьмина – в любезной и чувствительной его дочери Корделии; госпожи Соколова и Миняева – в пленительных ролях приверженного к несчастному царю вельможи и геройского его сына, и т. д. В опере «Ям» восхищалась орловская публика музыкою Каменского и приятным пением его актеров Кравченко, Леженка и Жбанова, в этой опере забавно отыграл актер Пирожков безобразного Филатку, и т. д.

По словам графа М.Д. Бутурлина, все певцы и танцоры, восхваляемые неизвестным автором записок, были ниже всякой посредственности; вот что он рассказывает про этого хваленого первого тенора Кравченко: «Он был на сцене чистый холоп, пел столько же носом, сколько горлом, не расставаясь никогда с носовым платком, который он комкал в руках и в который поминутно плевал». Второй будто бы тенор Миняев более шевелил губами и махал руками, нежели выпускал звуки из уст, и потому трудно было определить, к какой категории принадлежал его голос. Чего-либо похожего на бас в труппе не было, хотя лица, предназначенные для басовых партий, силились реветь брюхом. Дворовая девка, дур-

нолицая примадонна, обладала пронзительным писклявым голосом, была превысокого роста и имела также свой собственный шик, состоявший в почти непрерывном поворачивании головы к одному плечу. В балетах особенно был хорош первый танцор Васильев, росту необыкновенно высокого, в телесно-цветном трико, с плохо обритою бородою, пускавшийся в грациозные позы. Когда он совершал прыжки, называемые антраша, голова его уходила почти в облака сцены.

Из балетов на сцене графа шли «Амуровы шутки», «Необитаемый остров» с морскими сражениями, кораблекрушением и громовыми ударами, «Русские пляски», «Сельские увеселения» и разные дивертисменты, из опер давали: «Дианино древо» с мифологическим костюмом, «Коза рара, или Редкая вещь» с испанским костюмом Бабы-Яги, «Три брата горбуны» с турецким костюмом, «Трубочист» и другие. Театральные декорации, по словам панегириста театра Каменского, бывали украшены проспектами городов, деревень, островов, крепостей, замков, роц, садов, полей, лесов, гор, моря и кораблей; при лучезарном

солнце, светлой луне, громах и молниях, пальбах, кораблекрушениях и сражениях на сцене являлись цари, царицы, герои, князья, графини и крестьянки, воины, граждане и купцы, ремесленники и поселяне, также философы и сочинители, профессора и доктора, судьи, приказные и полицианты. Кроме обыкновенных костюмов российских, французских, английских, случалось видеть древние костюмы, а также и мифологические великолепные и т. д.

Граф Каменский имел более 7 000 душ крестьян, но когда он умер, буквально нечем было похоронить его: от громадного состояния ничего не осталось, все богатство пошло на театр.

Точно такое же колоссальное богатство прожил на балет рязанский помещик Ржевский; он более чем до старости был предан хореографическому искусству. В богатом его доме в Москве на Никитской был сделан роскошный театр, здесь у него была также устроена танцевальная школа, где и образовывались из дворовых девок и парней будущие жрецы и жрицы Терпсихоры, из его труппы

поступили на московскую балетную сцену талантливые солистки: Ситникова, Харламова, две сестры Михайловы, Карасева и многие другие. Про него кажется находим намеку Грибоедова «на крепостной балет» и т. д.

До 1806 года, на московском императорском театре (Петровском) почти вся труппа, за небольшим исключением, состояла из крепостных актеров Ал. Емел. Столыпина. Этих артистов на театральных афишах отличали от свободных артистов тем, что не удостоивали прибавлять к их фамилии букву «г», т. е. «господин» или «госпожа».[40]

В 1806 году эти бедняки услышали, что их помещик намеревается их продать, они выбрали из своей среды старшину Венедикта Баранова, который от лица всех актеров и музыкантов подал 30 августа на имя государя прошение: «Всемилоостивейший государь! – говорил он в нем. – Слезы несчастных никогда не отвергались милосерднейшим отцом, неужель божественная его душа не внемлет стону нашему. Узнав, что господин наш Алексей Емельянович Столыпин нас продает, осмелились пасть к стопам милосерднейшего

государя и молить, да щедрота его искупит нас и даст новую жизнь тем, кои имеют уже счастье находиться в императорской службе при московском театре. Благодарность услышана будет Создателем вселенной, и Он воздаст спасителю их». Просьба эта через статс-секретаря князя Голицына была препровождена к обер-камергеру Александру Львовичу Нарышкину, который вместе с ней представил государю следующее объяснение: «Г. Столыпин находящуюся при московском вашего императорского величества театре труппу актеров и актрис, и музыкантов, состоящие с детьми их из 74 человек, продает за сорок две тысячи рублей. Умеренность цены за людей, образованных в своем искусстве, польза и самая необходимость театра, в случае отобрания оных могущего затрудниться в отыскании и долженствующего за великое жалованье собирать таковое количество нужных для него людей, кольми паче актрис, никогда со стороны не поступающих, требуют непременно покупки оных.

Всемилоостивейший государь! По долгу звания моего с одной стороны, наблюдая выгоды

казны и предотвращая немалые убытки театра, от приема за несравненно большее жалование произойти имеющие, а с другой, убеждаясь человеколюбием и просьбою всей труппы, обещающей всеми силами жертвовать в пользу службы, осмеливаюсь всеподданнейше представить милосердию вашего императорского величества жребий столь немалого числа нужных для театра людей, которым со свободою от руки монаршей даруется новая жизнь и способы усовершенствовать свои таланты, и испрашивать как соизволения на покупку оных, так и отпуска означенного количества денег, которого ежели не благоволено будет принять на счет казны, то хотя на счет московского театра с вычетом из суммы, ежегодно на оный отпускаемой.

Подписал обер-камергер Нарышкин 13-го сентября 1806 года».

Бумага эта была докладована государю 25 сентября 1806 года. Его величество, находя, что просимая господином Столыпным цена весьма велика, повелел господину директору театров склонить продавца на умеренную цену.

Столыпин уступил десять тысяч, и актеры по высочайшему повелению были куплены за 32 000 руб.

Из купленных актеров были в свое время известны следующие:[41] Кураев, Иов Прокофьевич – очень талантливый комик-буфф; А.И. Касаткин – певец и актер такого же амплуа; Як. Як. Соколов, молодой певец-тенор, замечателен был в опере «Иосиф» и в «Водовозе»; Лисицын, любимец райка, как говорил Жихарев, гримаса в разговоре, гримаса в движении, представлял роли дураков; Кавалеров играл роли слуг; актрисы: Баранчеева на ролях благородных матерей и больших барынь в драмах и комедиях; Караневичева, по словам Жихарева, роли молодых любовниц превращала в старых; Носова, водевильная актриса, с превосходным голосом, чистая натура; Бутенброк – недурная певица; сестра ее Лисицина играла роли старух – обе были очень талантливые актрисы. Последняя выдвинулась случайно: во время представления «Русалки», игравшая роль Ратимы. Померанцева внезапно была поражена ударом на сцене. Кто-то сказал, что молодая Лисицина, еще

неопытная актриса, может заменить ее; Сандунов убедил Лисицину согласиться сыграть за нее и сам разрисовал дебютантке лицо сухими красками, так что она долго плакала от боли, и когда надела костюм, то ее сестра и другие товарищи приняли ее за Померанцеву и с участием стали расспрашивать о здоровье. Лисицина провела свою роль хорошо и с тех пор стала любимицею публики.

В конце прошедшего столетия и в начале нынешнего, в Москве было до двадцати барских театров, со своими оркестрами и даже певчими. Такими владельцами театров были: князь В.И. Щербатов, граф П.Б. Шереметев, Д.Е. Столыпин, Н.Е. Мясоедов, князь М.П. Волконский, князь Б.Г. Шаховской. В.Е. Салтыков, А.Н. Зиновьев, И.Я. Блудов, С.С. Апраксин, В.А. Всеволожский, Н.А. Дурасов, П.А. Поздняков и др.

О дурасовском театре говорит мисс Вильмот,[42] по ее словам, когда она раз посетила его театр, у него на сцене и в оркестре появлялось около сотни крепостных людей, но хозяин рассыпался насчет бедности постановки, которую он приписывал рабочей поре и жат-

ве, отвлекавшей почти весь его персонал, за исключением той горсти людей, которую успел собрать для представления. Самый театр и декорации были очень нарядны, а исполнение актеров весьма порядочное. В антракте разносили подносы с фруктами, пирожками, лимонадом, чаем, ликерами и мороженым. Во время представления ароматические курения сожигались в продолжение всего вечера.

В Москве на Никитской на углу Леонтьевского переулка, до нашествия французов и после славился крепостной театр П.А. Позднякова; спектакли у него ставил известный актер Сандунов; в доморощенной его труппе находились актеры и певцы не без дарований; в труппе этой славилась певица Любочинская, которая превосходно исполняла роль жены президента в «Водовозе» и Раису в «Оборотнях». На спектаклях и маскарадах Позднякова бывала вся Москва. В маскарадах сам Поздняков всегда ходил наряженным персиянином или китайцем. Нет сомнения, что про него сказал Грибоедов: «На лбу написано: театр и маскарад». У него же Грибоедов

слышал «певца зимой погоды летней». Это был его садовник-бородач, который превосходно щелкал соловьем. Пример Москвы действовал и на провинциях, особенно в Пензе в это время существовало много крепостных театров – господ Арапова, Бекетова, Панчулялева и В.О. Мацнева. Затем в городе был один еще Публичный, гладковский; стоял он на склоне горы, которая вела от присутственных мест; содержал его помещик крайне беспутный, В.Г. Гладков. Здание было тоже весьма неряшливой внешности; труппа состояла частью из крепостных людей Гладкова, частью из местных чиновников. Первый персонаж этого театра был Гришка, отчаяннейший из всех существовавших трагиков, как говорит Инсарский.[43] Гришка этот даже вне сцены наводил на всех трепет; он постоянно, как и его барин, был «в подпитии»; другая звезда на этом театре был другой трагик, Бурдаев; последний служил столоначальком гражданской палаты, служению же драматического искусства предавался из любви к театру. Был там еще трагик Кондагаров. Женский же персонал был весь крепостной; первую певицу

звали Сашкой, первую танцовщицу называли Машкой. По рассказам Инсарского, на этом театре в одно время давалось два представления: одно шло на сцене, другое неизбежное перед сценой, где главным и единственным артистом являлся сам хозяин театра, Гладков. Публика хорошо знала привычки его и следила за ним с вниманием едва ли не большим, чем то, какое отдавалось представлению на сцене. Возгласы сценические смешивались с возгласами Гладкова. В то время, когда какой-нибудь царь или герой в лице Бурдаева или крепостного Гришки ревел на кого-нибудь из своих подданных, Гладков, нисколько не стесняясь, изрыгал громы на этого царя или героя и называл его дураком или скотиной, смотря потому, чего он заслуживал вследствие эстетической оценки хозяина театра.

Этого мало. Часто по окончании какого-нибудь явления, Гладков на виду всех бурно срывался со своего места и грозно летел на сцену. Все знали, что этот неистовый полет имел целью немедленную расправу с артистом или артисткой посредством пощечин

или зуботычин. После подобной расправы действующее лицо появлялось на сцену с раскрасневшимися щеками и заплаканными глазами.

В 1830-х и 40-х годах в Орловской губернии славился театр очень богатого помещика Василия Сергеевича Танеева. В его имении Елецкого уезда (в 40 верстах от Ельца и в 50 верстах от города Задонска Воронежской губернии), в селе Архангельском, устроено было два театральные здания. Одно деревянное, вновь выстроенное, имело все приспособления для больших представлений, как то: машины, подъемы, люки, полеты. Все было доставлено из Москвы. К этому театру вела торцовая дорога из барского дома. В нем давались драматические представления, балеты и оперы. Исполнителями были обученная крепостная прислуга вперемешку с разными провинциальными актерами. В другом театре, переделанном из каменного барского дома, преимущественно давались благородные спектакли, в которых в качестве исполнителей являлись сам помещик, его жена, урожденная Новикова, сестра и братья жены, род-

ственники, соседние семейства и некоторые лица из губернской знати. В начале сороковых годов в Архангельском спектакли бывали почти ежедневные в течение осени и зимы. Оркестр состоял из 45 человек крепостных. Съезды иногда были так велики, что для порядка необходимо бывало нечто вроде полиции, с каковою целью в эти дни охотники (т. е. служившие в охоте помещика при псарном дворе) сажались на своих коней, одевались в особую форму и разъезжали около театра в качестве конных жандармов. Последний спектакль у Танеева состоялся в январе 1848 года в «благородном» театре, т. е. каменном. Давалась комедия «Харьковский жених».

В 1849 году последовало разорение, и все имения были проданы с аукционного торга. Архангельское досталось генералу Красовскому.

Жизнь В.С. Танеева послужила его родственнику князю Г.В. Кутушеву, фабулой для известной повести «Корнет Отлетаев», напечатанной в 50-х годах.

В Курске были известны труппы крепостных актеров господ Анненкова и графа Вол-

кенштейна; из последней вышел М.С. Щепкин.

В Петербурге в Николаевское время славились домашние театры с балетами, живыми картинами у господ Мятлевых и князя Дондукова; последний первый ввел на сцену живые картины, которые у него обставлялись иногда с царскою пышностью. Дома, где давали спектакли с благородными артистами и крепостными, были следующие: графини Васильевой, Грибоедова, князя Долгорукого, князя И.А. Гагарина, графа Комаровского, у Резановых, Авдулиных, И.А. Кокошкина и Д.И. Кокошкина, Храповицкого, Титова, Комаровых, Бакунина, Ганина, у последнего разыгрывались только пьесы самого хозяина, в последних сам автор играл роли бессловесных животных, появляясь перед публикой на четвереньках, в роли лютой тигры.

В двадцатых годах в Петербург приезжал по зимам со своим деревенским оркестром, актерами, певчими и собаками богатый толстяк А.А. Кологривов,[44] ходивший в огромном парике и в коричневом фраке.

Все артисты этого барина были подстриже-

ны в скобку и окрашены черной краской.

Когда Кологривова спрашивали, зачем он привозит в Петербург своих артистов, то он отвечал:

– У меня на сцене, как я приду посмотреть, все актеры и певчие раскланиваются. К вам же придешь в театр, никто меня знать не хочет и не кланяется.

Пятьдесят лет тому назад процветали театры петербургских богачей-меценатов на даче Рябово за Охтой, у Всев. Анд. Всеволожского, да еще у другого, тоже соседа последнего, Алек. Ник. Оленина, на даче его Приютино; для этого театра писал небольшие пьески задушевный друг Оленина Ив. Ан. Крылов.

Вместе с сценоманией наших бар рядом шла мода составления и хора певчих. Любовь к певчим у последних восходит до времен Елисаветы Петровны, когда известные регенты придворных певчих, Рачинский и Березовский, помаленьку стали вводить в церковное пение западную музыку. При Екатерине II Галупи, Керцель, Сарти, Бортнянский уже совсем водворяют в нашу церковь пение концертное. Павел I против этого издал указ

(1797 года, мая 18-го), в котором говорится: «Усмотрев, что в некоторых церквях поют стихи, сочиненные по произволению, повелеваю никаких выдуманных стихов в церковном пении не употреблять и вместо концертов петь или приличный псалом, или обыкновенный каноник». Хоры певчих в Александровское время были известны; В.А. Всеволожского, Н.А. Дурасова, Бекетова, Чашникова и купца Колокольниковова. Певчие последнего были свободные из купцов; он посылал детей последних в Италию, где те обучались пению; из хора Колокольниковова вышел родоначальник артистической семьи Самойловых; певчие хора Колокольниковова каждое воскресенье пели в церкви Никиты Мученика в Басманной улице – здесь был съезд лучшей московской публики не для моления, но более для слушания пения и свидания. Во время чтения или службы священника большая часть знатной публики разговаривала и даже переходила с места на место, но как скоро запоют певчие, то все умолкало и слушало. Жихарев[45] говорит, что от них черномазый Визапур,[46] не знаю – граф или князь, намеред-

ни пришел в такой восторг, что осмелился заплодировать. Полицмейстер Алексеев приказал ему выйти.

В Петербурге позднее пользовались такою славою хоры певчих фа-фа Шереметева и Дубенского.

Наш театр в эпоху Отечественной войны

Отражение патриотизма на сцене. – Последнее театральное представление в Москве. – Генерал Боссе и его французская труппа. – Бегство французов из Москвы. – Возрождение московского театра

В знаменательный год Отечественной войны деятельность русского театра в Петербурге не прерывалась. Напротив, репертуар новых патриотических пьес каждодневно обогащался; появилось даже много балетов, относящихся к военным событиям того времени. Спектакли в этот год давали только на Малом театре (нынешний Александрийский) и в доме Кушелева, где теперь Главный штаб. На первом играли французы и русские, на вто-

ром – немцы и молодая русская труппа, составленная из воспитанников театрального училища и немногих вновь определяющихся дебютантов.

В то тяжелое время всеобщий патриотизм сильно отразился на нашей сцене. Каждый стих, каждое слово применимое к тогдашним военным обстоятельствам, вызвало целую бурю рукоплесканий и самые неистовые иступленные крики «браво!», «бис!». Когда, например, в трагедии «Фингал» – актер говорил:

«Могила храброго отечеству священна!», или в «Дмитрии Донском»:

«Умрем, коль смерть в бою назначена судьбою!», или когда боярин возвещал Ксении победу, произнося:

«Разбитый хан бежит, Россия свободна!», оглушительные единодушные аплодисменты неслись и раздавались повсюду. Актер стоял, безмолвствуя по получасу, не смея продолжать монолога.

При исполнении драмы С.И. Висковатова «Всеобщее ополчение», один из зрителей, видя, как на сцене все приносят в дар отечеству свое имущество, до того забылся, что бросил

на сцену свой бумажник, вскричав: «Вот возьмите и мои последние 75 рублей!»

В этой пьесе маститый семидесятилетний старец И.А. Дмитриевский исполнял главную роль унтер-офицера Усердова, который, не имея уже силы идти в ополчение, приносит свои медали в пользу ополченцев, артист изображал больного дряхлого мужа, убеленного сединою, с открытым челом, в рубище, то одушевленного порывом патриотизма, то плачущего о своем бессилии, то трепещущего за святую свою родину. Около старца веяло какой-то святыней, и минуты его увлечения были высокие минуты. Все плакали от умиления, сам Дмитриевский рыдал и не мог выговорить слова, когда после единодушного вызова хотел благодарить публику. Заслуженного артиста почти без чувств привезли домой. На другой день рано он получил запечатанный ящик, в котором лежал драгоценный перстень с запиской: «Истинному сыну отечества и великому актеру».

Это был подарок великого князя Николая Павловича.

В этот же патриотический спектакль шел

балет сочинения Вальберха и Огюста «Любовь к отечеству» с хорами и пением, музыка сочинения Кавоса; певец Самойлов представлял русского генерала и пел арию. В драме и балете вся труппа была на сцене.

В тот день, когда было получено известие о Клястицком и Кобринском сражениях, шла русская опера «Старинные святки», и Сандунова играла Настасью. Когда по обыкновению она запела песню: «Слава Богу на небе, слава», – то вдруг остановилась, подошла к рампе, и с самым пламенным чувством запела:

*Слава храброму графу Витгенштейну,
Поразившему силы вражески! Слава!
Слава храброму генералу Тормазову,
Поборовшему супостата нашего!
Слава!*

Театр загремел и потрясся от рукоплесканий и криков «ура!». Когда же певицу заставили повторить, то она снова подошла к рампе и медленно запела тихим, дрожащим голосом:

*Слава храброму генерату Кульне-
ву,
Положившему живот свой за
отечество! Слава!*

На этот раз весь театр залился слезами вместе с певицей. Энтузиазм артистов нередко заходил и далее, актеры и актрисы забывали свои роли и неудержимо предавались патриотическому чувству. Так, знаменитая трагическая актриса К.С. Семенова, узнав нечаянно за кулисами о новом торжестве русского оружия, с радости выбежала на сцену и закричала «Победа! Победа!!» Разумеется, этого ни в пьесе, ни в роли ее не было.

Театр ежедневно давал что-нибудь патриотическое, и зала театра всегда была полна; восторг зрителей при каждом слове, имеющем какую-нибудь аналогию, доходил до иступления. Любимыми в то время пьесами были: «Пожарский», «Дмитрий Донской», «Всеобщее ополчение», «Илья-Богатырь»; в последней пьесе куплеты. «Победа, победа русскому герою», – всегда приводили публику в патриотический восторг. Балет «Любовь к отечеству» и множество дивертисментов, в

которых Н.А. Корсаков вставлял свои куплеты, всегда приходились по вкусу зрителям.

При вступлении русских в Париж и по получении о том известия, поставлен был на сцене балет Огюста «Гений благости». Это был аллегорический апофеоз виновнику славы России, Александру Благословенному. При перемене декораций аллегория оканчивалась, и победители являлись в Париже, где побежденные и победители вместе праздновали торжество «Гения благости». Стихи:

*Честь Александру,
Хвала царю царей!*

петые актером Бобровым, не певцом, производили громовой эффект. В комедиях «Модная лавка» и «Урок дочкам» насмешки и карикатуры на французов вызывали также полный и неудержимый смех.

Иногда и французские актеры, игравшие в то время в Петербурге, жертвуя своим родным патриотическим чувством, разыгрывали русские патриотические пьесы на французском языке. Так, известный в то время актер Дальмас поставил в свой бенефис Озеровско-

го «Дмитрия Донского», а знаменитая трагическая актриса Жорж исполняла роль княжны Ксении. Но такие спектакли в петербургской публике не находили сочувствия и встречали одно холодное внимание.

Вся высшая аристократия, с открытием войны, перестала посещать французский театр. Рассказывают, что перед объявлением войны случился в нем следующий казус.

В то время существовал обычай возвещать со сцены состав спектакля на следующий день, и актеры, выхода всегда с тремя обычными поклонами, говорили «Monsieurs, demain nous aurons lhonneur de vous dormir...»[47] – и проч. Когда же началась война, то однажды первый актер Дюрен, выйдя для анонса и начал свою всегдашнюю фразу: «Messieurs!» – увидал, что в зале всего сидит один зритель, и то, кажется, должностное лицо, а потому тотчас же переменил начало речи и сказал: «Monsieur, demain nous aurons ltionneur...» – закрыть спектакли, распустить труппу и т. д. Ненависть к французам в годы войны в народе была чрезвычайно сильна. Много людей пострадало за то только, что не

оставило обыкновения говорить на улице по-французски. Просто народ останавливал таких господ, подозревал в шпионстве и передавал в руки полиции. Чуть-чуть за такую привычку говорить по-французски не поплатился жизнью директор петербургских театров князь Тюфякин, заговоривший в Казанском соборе во время обедни со своим знакомым на этом ненавистном в то время языке. Только находчивость и распорядительность ловкого полицейского офицера спасла жизнь князя. Он пробился сквозь толпу и учтиво попросил князя Тюфякина последовать за ним к главнокомандующему, графу Вязьмитинову. Князь повиновался и несколько сот людей последовали за ним в Большую Морскую. Толпа эта беспрестанно возрастала дорогою; все твердили, что поймали важного шпиона, неприязненное и враждебное расположение толпы на дороге все увеличивалось, и без полицейского конвоя, едва ли князь остался бы жив. Граф избавил князя от печальных сцен, выпустив его из других ворот и выслал к народу полицмейстера Чихачева с объяснением, что приведенный человек вовсе не шпи-

он, а русский князь. В Петербурге за все время войны спектакли не прерывались. Но в Москве их уже не было. Грозный гром битвы под Бородином уже гремел – и жрицы Талии и Мельпомены испуганно бежали из пределов белокаменной.

Князь Долгорукий в «Капище моего сердца» рассказывает два эпизода из бегства наших актеров из Москвы во время вступления французов. «Когда партизаны неприятельские уже начинали грабить около нашей подмосковной, тогда мы снабдили подводами семейства актеров Мочалова с женою и дочерью и певицу Носову с матерью и доставили им возможность дотащиться до Ярославля, куда из Москвы выехали их начальники. При всем горе и несчастьи, в котором всякий из нас тогда находился, были минуты, в которые нельзя было не расхохотаться. Например, когда я увидел, что Носова натягивала дугу у телеги и сама в нее впрягала лошадь. Носову, которую я помню в театре, дающую оперу в свой бенефис, которой, кроме четырех тысяч сбору в один вечер, летали еще из партера на сцену кошельки с особенными подарками

признательности, видеть ее же около лагуна с дегтем и клячи было жалко и смешно... не меньше был забавен и Мочалов, когда он вдруг прибежал к матери моей и трагически вопиял против невежества нашего управителя. Дело было в следующем: Мочалов, видя, что мы слишком стеснены, желал нанять квартиру на заводе, от которого мы жили в версте расстояния. Управляющий заводом, узнав, что он актер, запретил ему отдавать квартиру, говоря, что Господь покарает весь завод за то, что он приютил в такое тяжкое время грешника-актера».

Последнее театральное представление в Москве давали 30 августа 1812 года во вновь построенном театре у Арбатских ворот. Шла драма С.Н. Глинки «Наталья, боярская дочь». Главную роль в этой драме играл пожар. Представление это было дурным предзнаменованием. Театр не простоял и двух месяцев, и с первых же дней представления он неохотно посещался публикой и сборами едва окупал ежедневные расходы. Граф Ростопчин, тогдашний губернатор Москвы, по открытии его, сказал: «Чтоб поддержать его, нужно ку-

пить две тысячи душ крестьян и приписать их к нему, т. к. на одну публику надеяться нельзя». В том театре шли спектакли на русском и французском языке – последние, впрочем, уже очень неохотно посещались – были даже такие ненавистники французов, которые публично выражали свое неудовольствие к французским актерам. В числе таких был некто Гусятников, человек почтенных лет, из купеческого сословия, но вращавшийся в лучшем московском обществе. Он был большой театрал и поклонник певицы Лизаньки Сандуновой, допевавшей уже свои арии. В то время, о котором говорим, приехала из Петербурга в Москву на несколько представлений известная французская певица Филис Андрие. Русские театралы взволновались и вооружились против француженки. Поклонник Сандуновой и всего отечественного Гусятников стал во главе недовольных и в первый же спектакль садится в первый ряд кресел, и только что начинает Филис делать свои рулады, он затыкает себе уши, встает с кресел и с заткнутыми ушами торжественно проходит всю залу, кидая направо налево

взгляды презрения и негодования на всех французолубцев, как их тогда уже называли с легкой руки патриота С.Н. Глинки.

При вступлении Наполеона в Москву ни одного уже театра не существовало. Префект двора императора, генерал Боссе, искал театра для придворных представлений. Во время занятия Москвы французами уцелел от пожара, но не от разграбления, один только частный театр Позднякова, на Никитской улице, где теперь дом князя Юсупова. Этот театр славился в старой Москве роскошью, своим зимним садом и своими затеями вельмож прошедшего века. Его спектакли привлекали массу посетителей. Крепостная труппа Позднякова была вполне прекрасная. Вся Москва так и рвалась смотреть их.

Этот-то дом Позднякова и избрал генерал Боссе для представления уцелевшей французской труппы во время пребывания Наполеона в Москве.

Несколько лет еще до вступления Наполеона в Москву существовала труппа французских актеров под управлением даровитой госпожи Бюрсей. Забытая всеми во время всеоб-

щего бегства из Москвы, семья этих артистов приютилась в огромном доме князя Гагарина, в Басманной, в части города, совершенно противоположной той, куда должна была вступить армия.

Вот как описывает актриса Фюзи свое пребывание в то время в Москве (см.: «Souvenirs d'une actrice, par madam Louise Fusil»[48]): «Начался пожар Москвы; от сильного ветра огонь разливался с необычайною быстротою. Ночью мы не зажигали свеч, потому что было гораздо светлее, нежели днем. По временам раздавались взрывы, вроде ружейных выстрелов. Дом, в котором мы думали найти безопасное убежище, загорелся и мы с трудом успели вынести нужнейшие из своих вещей в сад.

Мы хотели искать убежища в Петровском, где жил Наполеон, но без военного конвоя не смели туда отправиться. Блуждая из улицы в улицу, из дома в дом, мы везде находили следы грабежа и опустения. Между тем приказано было отыскать артистов, живших в Москве, из которых одни должны были петь во дворце, другие – играть комедии. Исполне-

ние такого приказа казалось весьма затруднительным в городе, начисто ограбленном; где было найти нужных декораций, свеч, масла для ламп и т. д. Короли кулис утратили свои пурпуровые мантии и облеклись в одежды сермяжные. Лапти заменили им державные сандалии. В таком печальном положении нашел питомцев муз генерал Боссе. Он доложил императору о печальной участи артистов. Император приказал немедленно им выдать значительную сумму денег». Госпожа Бюрсей представила генералу Боссе всех членов своей труппы, которая состояла из господ Адне, первого трагика парижского театра Сен-Мартен, Перу, Госсе, Лефевра и госпожи Андре, Перигюи, Лекен, Фюзи, Ламираль и Адне.

Но в каком жалком виде предстали эти артисты перед взором своего начальника: первый трагик явился в фризовой шинели и шапке ополчения; первый любовник – в семинарском сюртуке и треугольной шляпе; благородный отец – без сапог и с дырявыми локтями; злодей – без необходимейшей части туалета, без штанов, в коротеньком ис-

панском плаще. Дамы были еще скуднее одеты – вся труппа была разряжена, как будто шла в маскарад нищих и бродяг. Одна только директриса, госпожа Бюрсей, была одета в красной душегрейке на заячьем меху и в головном уборе Марии Стюарт с черным страусовым пером и в чалме, в которой некогда играла в «Трех султанах» и «Заире».

Полуразрушенный театр Позднякова был приведен в порядок. Его очистили, выбелили, ложи одели драпировкою, занавес сшили из цельной парчи, которой довольно нашлось в золото-кружных рядах, спасенных от ограбления. Повешено было стосемидесятиместное паникадило из чистого серебра, которое некогда украшало храм Божий. Сцена была убрана с роскошью. Богатейшая мебель, драгоценные украшения, мраморы, бронзы явились в изобилии. Их извлекали из-под пепла и из погребов, куда москвичи прятали свои сокровища, предавая жилища огню. Кремлевские палаты, галереи Чудова монастыря и колокольня Ивана Великого были битком набиты всевозможными сокровищами и драгоценностями.

Граф Дюма, которому Наполеон поручил надзор за Кремлем, все это отрыл в подземельях и радушно открыл эти богатства перед новым директором театра, которые и обратил их в бутафорные и гардеробные вещи. Гардероб наполеоновского театра мог щегольнуть богатством и роскошью невиданною и неслыханною. Здесь не было ничего мишурного, все было чистое золото и серебро. Фюзи рассказывает: «Нельзя себе представить той жадности, с которою оборванные, почти нагие артисты бросились вскрывать тяжелые сундуки бояр московских. Мужчины делили дедовские кафтаны русских, женщины отнимали друг от дружки старинные атласные робранды бабушек и т. д. В порыве восторга актеры и не замечали, что под пышною одеждою у них недоставало самого необходимейшего – белья». Три дня спустя после приказа Наполеона, театр был открыт для военной публики. Вот первая афиша, которую передаем с фотографическою точностью.

*Theatre Francais a Moscou
Les comediens francais auront l'honneur
mercredi prochain 7 octobre 1812 Une*

*premiere representation du jeu de l'amour
et du hasard, comedie en 3 actes et en
prose de Mariveau suivie
de L'amant auteur et valet comedie en 1
acte et en prose de Ceron.*

*Dans le «Jeu del'amour»: M-rs Adnet
PerroucL, St Cm-BeLcour, Bertrand M-mes
Andre, Fusil.*

Prix de places

*Premieres galleries.....5
roubles ou 5 franck*

*Parquet.....3
roubles ou 3 franck*

*Seconde galerie.....1
rouble ou 1 franc.*

*On commencera a 6 heures precises. La
salle du spectacle est dans la grande
Nikitskaia, maison de Posniakoff.[49]*

Первый спектакль прошел блистательно, зрители не переставали аплодировать и кричать «браво». Весь партер был занят солдатами, из которых старые драбанты гвардии сидели в первых рядах в полной форме, с крестами Почетного легиона на груди. Оба ряда лож были заполнены чиновниками штаба и офицерами всех войск и наций. Публика при всякой верной оказии кричала. «Vive

l'Empereur! Vive Napoleon!» (Да здравствует император! Да здравствует Наполеон!). Немного женщин можно было насчитать в театре, из присутствовавших женщин почти все были обитательницы Кузнецкого моста, модистики и несколько гувернанток без мест. Оркестр состоял из лучших музыкантов гвардии и был вполне превосходный. Между тем как солдаты аплодировали и кричали «браво» артистам, товарищи их поочередно охраняли театр. Кой-где разложены были огни, и чрезвычайное множество бочек с водою и ведер стояло около самого театра. По всей же Никитской и по бульварам тянулись сторожевые кордоны и пикеты, такие строгие меры предпринимались на случай пожара, могущего произойти на сцене.

За все время пребывания французов в Москве дано было одиннадцать представлений. Пьесы, имевшие особенный успех, повторялись несколько раз, давали «Три султана», «Figaro» («Фигаро»), «Le procureur arbitre» («Третейский судья»), «Side et Zaira» («Сид и Заира») и многие другие.

Но невесело было актерам и актрисам. Вот

что говорит Фюзи: «Когда нам велели играть комедию, мы думали, что над нами шутят. У нас не было ни платья, ни белья, ни башмаков. Однако ленты и цветы посыпались на нас градом, их находили в казармах нашей гвардии; к стыду французов эти казармы гвардии, где развевались ленты, были святые соборы: Кремлевский, Успенский, Благовещенский и Архангельский». По преданию, сам Наполеон не удостоил своим присутствием ни одного представления. Впрочем, Фюзи в своих записках рассказывает, что он заходил однажды в спектакль, когда давали пьесу «Открытая война».

Но для императора префект Боссе устроил совершенно другого рода удовольствие: между иностранцами, жившими в Москве и уцелевшими при общем погроме, нашли итальянца – певца Таркинио. Он пользовался известностью в Москве как преподаватель пения. К нему добыли пианиста Мартини, сына автора оперы «Редкая вещь» (*La cosa rara*) и «Дианино древо». Еще взяли певицу романсов и ариеток госпожу Фюзи. Артисты были представлены ко двору и каждый вечер составля-

ли Наполеону концерт из пьес любимых его авторов.

Вот как описывает один из таких концертов госпожа Фюзи: «Я пела романс, которым прославилась в московских гостиных. В присутствии Наполеона зрители не аплодировали; но романс, никому не известный, произвел некоторое впечатление. Наполеон, разговаривая с кем-то во время пения, не слышал романса, однако ж, шум в зале заставил его спросить о причине графа Боссе. Мне приказано было повторить романс. С тех пор меня беспрестанно мучили этим романсом. Король Неаполитанский выпросил у меня музыку. Романс был написан в рыцарском духе...»

На театре также привлекал особенное внимание военной публики род балета или разнохарактерного диверсимента, который целиком был взят французскими актерами у русских. Он состоял из разных танцев и преимущественно из русской пляски, которую превосходно плясали две сестры Ламираль, по рождению русские. «Седьмого октября, — рассказывает граф Боссе в своих воспоминаниях, — император призвал меня и стал рас-

спрашивать об улучшениях касательно театра. Он начал перечислять артистов, которых можно взять с Театра Большой комедии в Париже, не вредя его составу. Отмечая имена их карандашом на лоскутке бумаги, он говорил о мерах, которые нужно принять для скорейшего доставления их в Москву. Список не был еще кончен, как наши занятия были прерваны неожиданным приездом адъютанта Мюрата „Что нового“ – спросил император, все еще рассматривая свой список... „Государь! Мы разбиты!“ – отвечал посланный. Наполеон ждал от русского императора мирных переговоров, он писал к нему. Ответ этот был – поражение короля Неаполитанского под Тарутином войсками Бенингсена».

В тот же вечер был отдан приказ выступить из города и строиться за Калужскою заставой. Эта внезапная весть изумила все войско. Граф Боссе поспешил уведомить о ней свою труппу, предоставляя на волю актеров: оставаться в разграбленной Москве или следовать за войском.

Выступление французов из Москвы продолжалось несколько дней сряду. Сперва вы-

ступили команды с заграбленными сокровищами, потом пошли обозы, лазареты, наконец, потянулись и самые полки в разные заставы. Девятого октября маршал Мортье вывел из Москвы последний остаток войска.

Очень немногие из актеров Наполеона вернулись на родину. Выехали артисты из Москвы довольно забавно: первый любовник поехал верхом, трагики и комики поместились в лазаретном фургоне. Первая любовница, госпожа Андре, вместе с директоршей, госпожой Бюрсей, раздобыли ландо и выехали на тройке лошадей, подаренных им префектом. До Смоленска еще кое-как они дотащились, но уже в Смоленске обрушились на них всевозможные несчастья. Пероне, первый любовник, потерял там своего Буцефала и отморозил ноги; при выезде же из Смоленска в лазаретной фуре он был безжалостно брошен на большой дороге и умер с голоду. Адне, первый сюжет труппы, тоже скоро изведаль всю превратность судьбы человеческой: в Смоленске он забыл застаться рукавицами и валенками и на пути отморозил себе руки и ноги, а при переправе через Березину утопил

свою коляску и жену. Госпожа Андре и Бюрсей долго путешествовали на одной хромой кавалерийской лошади в старом зарядном ящике, но под конец на одном из привалов во время партизанского наезда ядро раздробило их колесницу и тяжело ранило госпожу Андре, отчего первая любовница скоро на пути и умерла. Сам директор, граф Боссе, долго путешествовал верхом на пушке, отморозил себе ноги и кое-как добрался до Франции. Одна водевильная актриса Фюзи, последовательница этого скорбного путешествия, благополучно и без особенных приключений добралась до пределов родины и еще ознаменовала свой поход делом человеколюбия; во время входа французских войск в Вильно в суматохе какие-то родители потеряли ребенка; Фюзи взяла его под свою защиту, и при всей своей бедности она делилась с приемышем последнею крохую и воспитала девочку, которую французы прозвали «виленской сироткой». Впоследствии ее история дала повод Скрибу написать драму «Ольга, русская сирота».

По выходе французов, первый посетил придворный театр императора Наполеона из-

вестный драматический писатель князь А.А. Шаховской. Вот какое печальное зрелище он увидел: на сцене валялись дохлые лошади и падаль, лестница, коридоры и залы были загромождены мебелью, зеркалами, инструментами. В уборных валялись обрезки парчовых и бархатных материй, из которых артисты выкраивали себе кафтаны, а артистки сооружали юбки, береты и шпенсеры и т. д.

В ожидании возрождения Москвы и московского театра некоторые из московских артистов жили в Петербурге, хотя и считались московскими.

Это были Злов, Толченев и Сандунов; все они под конец перешли на здешнюю сцену, только перед смертью Сандунова покинула Петербург и умерла в Москве.

Театр московский возродился в 1814 году. Первая пьеса, имевшая на московской сцене большой успех и игранная более тридцати раз кряду, была драма Бориса Федорова «Крестьянин-офицер, или Известие о прогнании французов из Москвы».

В 1814 году в Москве первоначально театральные представления давали в доме Ст. Ст.

Апраксина, на Знаменке. Спектакли открылись 30 августа любимую в то время оперою «Старинные святки»; затем, помимо названной нами пьесы, имели большой успех драмы, «Храбрые кириловцы при нашествии врагов», сочинения Вронченки. Затем «Освобождение Смоленска», «Всеобщее ополчение» и комедия Бориса Федорова «Прасковья Борисовна Правдухина».

Даже балеты были применены к обстоятельствам того времени и носили чисто патриотические характеры; вот они: «Любовь к отечеству», «Русские в Германии», «Русские в Париже», «Казак в Лондоне», «Праздник в стане союзных армий».

Позднее, в 1815 году, большой успех производил дивертисмент «Семик, или Гулянье на Марьиной роще»; в этом дивертисменте русские солдаты славили подвиги русского оружия, лучшие певцы и певицы пели патриотические песни, и балетные артисты рисовались в русской пляске в богатых национальных костюмах. Здесь же знаменитый в то время песенник Лебедев пел со своим хором. Этот семик был перенесен балетмейстером

Глушковским на сцену Останкинского театра, где и давался во время пребывания там короля Прусского.

День генералиссимуса Суворова

Ч*астная жизнь и домашние привычки, странности и пристрастия*

Русский «чудо-богатырь» Суворов остался загадкой для потомства. Быстрый, решительный, предприимчивый не только в военных действиях, но и в своих поступках, разнообразный до бесконечности, как разнообразны были окружавшие его обстоятельства, великий вождь, и в то же время странный старик, который то шалит как ребенок, то обнимает мыслью целый мир, решает в своем уме самые сложные вопросы, касавшиеся счастья миллионов людей, или судьбы государства. Человек, обладавший всеми способами и средствами своему знанию, но не пользуется ими, презирает роскошь, спит на соломе, пьет воду, довольствуется солдатским сухарем, борется с собственными страстями, обуздывает их и остается победителем в этой борьбе, как

и в действительной войне. Истинные свои замыслы он всегда прикрывает фарсами и лаконическими остротами.

Деяния Суворова принадлежат истории, мы их не коснемся, но возьмем одну его частную жизнь и домашние привычки, которые почерпнем из рассказов его приближенных и слуг.

Всех его слуг было пятеро; старшим из них был его камердинер, Прохор Дубасов, более известный под именем Прошки. Этот верный слуга фельдмаршала пережил своего барина и умер в 1823 году, восьмидесяти лет. В уважение заслуг его господина, в день открытия памятника Суворова на Царицыном лугу,[50] он был пожалован императором Александром I в классный чин с пенсиєю в 1 200 руб. в год. Помощником этого камердинера, или, как его называли, подкамердинер, был сержант Иван Сергеев; он находился при Суворове шестнадцать лет безотлучно и поступил к нему в 1784 году из Козловского мушкетерского полка; впоследствии он находился при сыне героя, Аркадии Александровиче, до самой его смерти, постигшей сына в той же реке, кото-

рая доставила отцу славное имя «Рымникского». Третьим подкамердинером, или, вернее, денщиком Суворова, был сержант Илья Сидоров, затем прислуживал генералиссимусу еще фельдшер, который по временам пускал ему кровь. В те года кровопускание считалось единственным средством от многих болезней, и многие прибегали к нему. Пятым приближенным слугою Суворова был повар Матька. Вся эта прислуга спала при спальне Суворова, на первый призыв его являлась к нему.

День Суворова начинался с первыми петухами, в первом часу он приказывал будить себя, но в военное время он пробуждался еще ранее, и даже нередко и в мирное время он делал ученье полкам в ночное время. «Ночной бой, – говаривал Суворов, – выгоден тому, кто отважен и смел, ибо тут число войска не видно и мало значит, да и от стрельбы толку мало. Ночной поход тоже служит в пользу тому, кто любит являться перед неприятелем внезапно». Суворов приказывал себя будить, не слушая никаких его отговорок. «Если не послушаю, тащи меня за ногу!». Спал Суворов

на сене, укладенном так высоко, как парадная постель. Над сеном постилалась толстая парусинная простыня, на нее – тонкая полотняная, в головах его – две пуховые подушки, которые всюду за ним возились; третья простыня служила ему вместо одеяла. В холодное время он сверх простыни накрывался своим синим плащом. Ложился в постель Суворов без рубашки. Встав с постели, не одетый, нагишом, он начинал бегать взад и вперед по спальне, а в лагере по своей палатке; нередко в летнее время он бегал в таком виде в сад, где и маршировал в такт. Это продолжалось с час времени, во время таких эволюции он держал в руках тетрадки и твердил татарские, турецкие и карельские слова и разговоры. Для практики в последнем языке он у себя держал несколько карелов из собственных своих новгородских вотчин. После такого урока он умывался; ему по обыкновению приносили в спальню два ведра самой холодной воды и большой медный таз; в продолжение получаса он выплескивал из ведер воду себе на лицо, говоря, что это помогает глазам. После этого его камердинер должен был оставшую-

ся воду тихонько лить ему на плечи, так чтобы вода стекала ручейком, катилась по локтям, для чего он и держал локти в таком положении. Мытье оканчивалось во втором часу ночи. Обтирался Суворов перед камином; в это время входил в спальню его повар Матька с чаем; он только один имел право наливать ему чай и даже в его присутствии кипятить воду. Налив половину чашки, он подавал ему отвеदывать; если чай был крепок, разбавлял водою. Суворов любил черный чай лучшего качества и еще приказывал его просеивать сквозь сито. Чай он выписывал из Москвы через своего управляющего и при выписке наказывал, чтобы прислать ему «наилучшего, какой только обретаться может... По цене купи, как бы тебе дорог ни показался, выбери его через знатоков, да перешли мне очень сохранно, чтобы постороннего духа он отнюдь не набрался, а соблюдал бы свой дух весьма чистый».

В скоромные дни он пил по три чашки со сливками, без хлеба и без сухарей; в постные дни без сливок и строго соблюдал все посты, не исключая среды и пятницы. А во время

Страстной недели Суворов ничего не ел, а только пил один черный чай без хлеба.

При подании чая, требовал белой бумаги для записывания своих уроков и вытверженного им. Суворов не писал чернилами, а всегда тушью. Письма он писал на толстой бумаге, иногда на небольших клочках, самым мельчайшим почерком; слог его был краток и мужествен и в выборе выражений так меток, что он никогда написанного не поправлял. Запечатывал он их самым дорогим сургучом и огромной печатью со знаменами, пушками и саблями с надписью «Virtute et ventate», т. е. «Доблесть и верность» – девиз Суворова.

После чая он спрашивал повара, что он будет готовить и что будет у него для гостей. Повар отвечал, что будет «А для меня что?» – спрашивал Суворов. В постный день повар отвечал: «Уха», а в скоромный: «Щи»; вторым блюдом было жаркое. Сладкого Суворов никогда не ел, соусов также. Большой же званый обед для гостей у него был из семи блюд и никогда более. Если кто желал угостить обедом Суворова, то приглашал к себе его повара; другойстряпни он не ел. Суворов очень лю-

бил, когда у него обедали и говорили много за столом, но кто много ел, он терпеть тех не мог. Раз один приезжий иностранец обедал у него и удивил его и всех присутствующих своим аппетитом. Всякое блюдо быстро исчезало. Суворов смотрел с изумлением. На другой день не мог он позабыть этого посещения и сказал: «Ну, спасибо гостю, он первый изволил отдать справедливость искусству моего повара, ел, как будто у него нет желудка. Он не подходит под указ Петра Первого об отпуске прожорам двух пайков; для него мало и четырех». Суворов неохотно тратил деньги на парадные обеды. Потемкин много раз напрашивался к нему на обед. Суворов всячески отшучивался; но, наконец, вынужден был пригласить его с многочисленной свитой. Суворов призывает к себе Матоне, метрдотеля, служившего у Потемкина, заказывает ему роскошный обед и просит его не щадить денег на яства, а для себя приказывает своему повару изготовить два постные блюда. Обед вышел роскошнейшим и удивил даже самого Потемкина, привыкшего к роскоши. По выражению Суворова, за столом «река виноград-

ных слез несла на себе пряности обеих Индий». Но сам он, кроме двух блюд, под предлогом нездоровья, ничего не ел. На другой день, когда Матоне представил ему счет, простиравшийся за тысячу рублей, то Суворов отказался платить его и только написал на нем: «Я ничего не ел», – и отправил его к Потемкину, который тотчас заплатив, сказал «Дорого стоит мне Суворов!»

Но возвратимся опять к утру Суворова. После чая он, все еще не одетый, садился на софу и начинал петь по нотам духовные концерты Бортнянского и Сорти; такое пение продолжалось целый час; он очень любил петь, голос у него был бас. У Суворова в московском доме, близ церкви Вознесенья, у Никитских ворот, жили даже крепостные певчие и музыканты. Он их там держал для усовершенствования в музыке и пении, и приказывал ходить учиться к другим, славившимся тогда по Москве, как, например, голицынским. В одном из своих писем к управляющему Суворов говорит: «А простое пение всегда было дурно, и больше его, кажется, испортил Бочкин, великим гласом с Кабацкого». Во время своего житья в

деревне певчие эти переводились из Москвы в имение.

После пения Суворов спешил одеваться; туалет свой он совершал не более как пять минут и в конце последнего еще умывал лицо холодною водою. Вслед за тем он приказывал своему камердинеру Прошке позвать своего адъютанта, полковника Данилу Давыдовича Мандрыкина, с делами.

Ранее еще семи часов Суворов отправлялся на развод и здесь каждый раз прочитывал свой катехизис, состоящий из следующих военных афоризмов: «Братцы! Смелость, храбрость, бодрость, экзерципия, победа и слава! Береги пулю на три дня. Первого коли, второго коли, а третьего с пули убей... Ученый один, а неученых десять. Нам мало трех! Давай нам шесть, давай нам десять на одного... всех побьем, повалим в полон, возьмем... Стреляй редко, да метко; штыком коля крепко. Пуля обмишуются, а штык не обмишуются, пуля дура, штык молодец».

К разводу Суворов выходил в мундире того полка, какой был тогда в карауле. После развода, если не было докладов и дел, он призы-

вал инженерного полковника Фалькони для чтения иностранных газет. Суворов выписывал до двенадцати заграничных газет: шесть французских и шесть немецких и кроме того «Московские» и «Петербургские ведомости». Из оставшихся после Суворова расходных книг видно, что он на газеты тратил в год около трехсот руб.

По окончании чтения газет Суворов спрашивал, подано ли кушанье. Садился он за стол в 8 часов утра, а когда у него был парадный обед, то часом позднее. Перед обедом он пил рюмку тминной сладкой водки, иногда наместо ее золотой, а когда страдал желудком, то выпивал рюмку пеннику с толченым перцем. Закусывал водку всегда редькой. Прибор за столом у него был самый простой: оловянная ложка, нож и вилка с белыми костяными черенками, на серебре он не ел, говоря: «В серебре есть яд». Суворов никогда не садился на хозяйское место, а всегда сбоку, по правую сторону стола, на самом углу. Перед обедом, идучи к столу, он читал громко «Отче наш». Кушанья не ставили на стол, а носили прямо из кухни, с огня, горячее в блюдах, об-

нося каждого гостя, и начиная со старших. Суворову подносили не всякое блюдо, а только то, которое он кушал; Суворов наблюдал величайшую умеренность в пище, он часто страдал расстройством желудка. Камердинер его Прошка всегда стоял позади его стула и не допускал его съесть лишнее, прямо отымая тарелку, не убеждаясь никакими просьбами, потому что знал, что в случае нездоровья Суворова, он же будет в ответе и подвергнется строгому взысканию: «Зачем давать лишнее есть?» И если в такой момент разгневанный его барин спрашивал, по чьему приказанию он это делает, то он отвечал: «По приказанию фельдмаршала Суворова». «Ему должно повиноваться», – говорил Суворов. Часто Прошка обходился весьма дерзко со своим барином, что случалось по большей части оттого, что он был постоянно пьян, но Суворов снисходил ему потому, что он некогда спас его жизнь. Король Сардинский, Карл Эммануил, прислал Прошке две медали на зеленых лентах, с изображением на одной стороне императора Павла I, на другой – своего портрета, с латинскою надписью: «За сбережение здоро-

вья Суворова». Прошка всегда носил их на груди...

В продолжении обеда Суворов пил немного венгерского или малагу, а в торжественные дни – шампанского. Суворов никогда не завтракал и не ужинал. Лакомств и плодов он не любил; изредка только, вместо ужина подавали ему нарезанный ломтиками лимон и обсыпанный сахаром, да иногда ложечки три варенья которые он запивал сладким вином.

Во время походов Суворов никогда не обедал один; стол его накрывался на пятнадцать, на двадцать персон для генералов и прочих чинов, составлявших его свиту. За столом Суворов имел предрассудки: не терпел, чтоб брали соли ножом из солонки, двигали ее с места или ему подавали: каждый должен был отсыпать себе на скатерть соли, сколько ему угодно, и тому подобное...

После стола всегда крестился три раза; вообще он молился очень усердно и всегда с земными поклонами, утром и вечером, по четверти часа и долее. Во время Великого поста в его комнатах всякий день отправлялась Божественная служба, а когда говел он, во

всю неделю пил один чай, без хлеба. Во время Божественной службы у себя дома, как и в деревне, он всегда служил дьячком, зная церковную службу лучше многих причетников. О Святой неделе, отслушав заутреню и раннюю обедню в церкви, он становился в ряду с духовенством и христосовался со всеми, кто бы ни был в церкви. Во все это время его камердинеры стояли сзади его, с лукошками крашеных яиц, и Суворов каждому подавал яйцо, а сам ни от кого не брал. Во всю Святую неделю пасха и кулич не сходили с его стола и предлагались каждому из гостей.

В Троицын день и Семик он праздновал по старинному русскому обычаю; обеживал всегда с гостями в роще под березками, украшенными разноцветными лентами, при пении певчих или песенников и при хорах музыки. После обеда сам играл в хороводах с девушками и с солдатами. В походах во время Святков, если это случалось в городах, то всегда праздновал их шумно, приглашая множество гостей, забавляя игрою в фанты и в другие игры, и особенно очень любил игру «Жив, жив курилка». На Масленице он очень любил

гречневые блины и катанье с гор. А также на этой неделе давал балы, иногда раза три в неделю.

Сам он на них присутствовал до обыкновенного своего часа сна, и когда тот наступал, он потихоньку уходил от гостей в спальню, давая гостям веселиться до утра. Именины и день своего рождения никогда не праздновал, но всегда с большим почтением праздновал торжественные царские дни: в эти дни он бывал в церкви во всех орденах и во всем параде и после обедни приглашал гостей, а иногда делал бал.

В обыкновенные дни после обеда Суворов умывался, выпивал стакан английского пива, с натертой лимонной коркой и с сахаром – этот напиток тогда ввела в употребление княгиня Дашкова – затем раздевался совсем догола и ложился в свою постель спать часа на три. Встав после сна, он одевался очень быстро. Одежда его, кроме белья состояла из канифасного платья с гульфиками; садясь на стул, он надевал наколенники и китель, белый канифасный с рукавами. Это был его домашний, комнатный наряд. И в заключение надевал

на шею Аннинский или Александровский орден. Зимой ни в какой мороз не носил он мехового платья, ни даже теплых фуфаяк или перчаток, хотя бы целый день должен был стоять на морозе. Плаща и сюртука не надевал в самый большой дождь. В самые суровые морозы под Очаковым Суворов в лагере был в одном супервесте с каской на голове, а в царские дни – в мундире и в шляпе, и всегда без перчаток. Императрица Екатерина II пожаловала ему дорогую соболью шубу польского покроя, крытую разрезным зеленым бархатом с золотыми петлицами и кистями. Но Суворов никогда не надевал ее и только из повиновения раза два надевал, когда выходил из кареты, в которой с большим уважением возил ее. Зимой Суворов любил, чтоб в комнатах его было так тепло, как в бане; дома он разгуливал без всякого платья по комнатам. В Варшаве и в Херсоне его квартиры были всегда с садом, по которому он и бегал всегда в одном белье и в сапогах. Квартира его состояла по большей части из трех комнат. Первая комната была его спальня, и вместе с тем кабинет, вторая шла за столовую, гостиную и залу, а

третья назначалась для его слуг. В спальне его всегда до рассвета горели две восковые свечи, а в камердинерской возле его спальни горела одна сальная, в тазу, во всю ночь.

Суворов часто спал навзничь и оттого подвергался приливам и кричал во сне; во время таких припадков прислуга должна была будить его. Суворов очень любил мазаться помадою и прыскаться духами; особенно он любил оделаван, которым всякий день смачивал узелок своего платка. Табаку он никогда не курил, но любил нюхать очень часто рульный табак. Табакерку в будничные дни он имел золотую, а в праздники – осыпанную бриллиантами; таких у него было несколько, все подарки царственных особ; он не любил также, чтобы нюхали его табак. Исключение было только для князя Г.С. Волконского, с которым он был в большой дружбе. Он не терпел, чтобы в доме его были зеркала, и если в отведенной ему квартире оставались такие, то их закрывали простынями. «Помилуй Бог, – говорил он, – я не хочу видеть другого Суворова». Если же случалось ему увидеть незакрытое зеркало, то тотчас отвернется и

во всю прыть проскачет мимо, чтобы не увидеть себя. Однажды только в Херсоне по усиленной просьбе дам позволил он поставить в дальней, задней комнате маленькое зеркало, которое он прозвал «для дам, кокеток», и сам в ту комнату не входил. Да и дамы после такого его отзыва не решались туда идти. Во время пребывания Суворова в Таврическом дворце по приказу императрицы самое точное внимание было оказываемо к причудам фельдмаршала, уже не говоря о том, что все зеркала были завешены и дорогая мебель вынесена; но и комнаты были приспособлены так, как у него в доме. Так, для спальни назначили комнату, где есть камин; для кабинета же особой комнаты не дали. В спальне фельдмаршала, посредине, к стене настлали сена, которое покрыли простыней и одеялом; в головы положили две большие подушки, что составляло всегдашнюю его постель. У окна поставили стол для письма, двое кресел и маленький столик, на котором его повар Матька разливал чай. Кушанья для Суворова под надзором последнего приготавливали в пяти горшочках. В скоромные дни были: варе-

ная с разными пряными веществами говядина, под названием духовой, щи из свежей или кислой капусты; иногда калмыцкая похлебка – башбармак, пельмени, каша из разных круп и жаркое из дичи или телятины. В постные дни: белые грибы, различно приготовленные, пироги с грибами, иногда жидовская щука; готовилась она так: снимают с щуки кожу, не отрезывая головы, и, очистив мясо от костей, растирают его с разными пряностями; фаршируют им щучью кожу и, сварив, подают с хреном... Суворов любил и просто варную щуку, под названием щуки с голубым пером.

Суворов не менее зеркал не терпел и своих портретов. Кажется, курфюрст Саксонский первый упросил его списать с него портрет для Дрезденской галереи. Он прислал к нему известного живописца Миллера. Суворов очаровал его своими разговорами.

– Ваша кисть, – сказал он ему, – изобразит черты лица моего: они видимы, но внутренний человек во мне скрыт. Я должен сказать вам, что я лил кровь ручьями. Трещину, но люблю моего ближнего; в жизнь мою никого

не сделал я несчастным, не подписал ни одного смертного приговора, не раздавил моею рукою ни одного насекомого, бывал мал, бывал велик!

При этих словах он вскочил на стул, спрыгнул со стула и прибавил:

– В приливе и отливе счастья, уповая на Бога бывал я неподвижен так, как теперь. – Он сел на стул. – Вдохнитесь гением и начинайте, – сказал он Миллеру.

– Твой гений вдохновил меня! – воскликнул Миллер. Суворов при себе не носил никогда ни часов, ни денег, также и в доме его никогда не было часов; он говорил, что солдату они не нужны и что солдату и без часов должно знать время. Когда надо же было идти в поход, никогда в приказах своих не назначал часа, но всегда приказывал быть готовыми с первыми петухами; для этого он выучился петь петухом и когда время наставало, выходил и выкрикивал: «Кукареку». Голос его немедленно раздавался, и войска выступали в поход. Также не держал при себе Суворов никаких животных, но, увидев на дворе собаку или кошку, любил их приласкать; собаке

кричал «гам, гам», а кошке «мяу, мяу», подражая их голосу.

Живя в деревне с Покрова или в Великом посту, в одной из своих комнат устраивал род садка; пол горницы приказывал устилать песком, наставить там елок и сосен, поставить ящики с кормом и напустить туда скворцов и всякой мелкой птицы. Так, до Святой недели там и жили птицы у него, как в саду. А в Великий праздник, когда станет теплее, велел их выпустить на волю. «Они, – скажет, – промахнулись, рано прилетели, и на снегу им было взять нечего... Вот теперь до тепла, пускай у меня поживут на елках».

В Новгородском своем имении Суворов в домашней жизни был еще неприхотливее: точно так же рано вставал, ходил в церковь, по праздникам звонил в колокола, играл с ребятами в бабки; на Масляной неделе строил ледяную гору; на Святой – качели, катаясь по льду на коньках, любил угощать всех вином, но никогда не пил и не любил пьяных; даже зимой приказывал обливать водой у колодца таких крестьян, которые шибко пьянствовали. Простота его в жизни

доходила до того, что он вместо лодки переправлялся на реке в чану, утвердив канат с берега на берег. Суворов говорил: что военному надо уметь на всем переплывать реки – и на бревне, и на доске.

Суворов ежедневно ходил до десяти и более верст, когда уставал, то бросался на траву и, валяясь несколько минут на траве, держал ноги кверху, приговаривая: это хорошо, чтоб кровь стекла!» То же приказывал делать и солдатам. Докторов, как мы выше уже говорили, он сильно недолюбливал, и когда его подчиненные просились в больницу, то он говорил им: «В богадельню эту не ходите. Первый день будет тебе постель мягкая и кушанье хорошее, а на третий день тут и гроб! Доктора тебя уморят. А лучше, если нездоров, выпей чарочку винца с перчиком, побегай, попрыгай, поваляйся и здоров будешь».

Когда Суворов захворал смертельно, и когда сыпь и пузыри покрыли все его тело, то он слег в постель и велел отыскать аптеку блаженной памяти Екатерины: «Она мне нужна только на память», – говорил Суворов, не любивший лекарств.

Простота и воздержанность Суворова сроднила его с недугами и научила их переносить легко и без ропота, суровая жизнь закалила тело его от невзгод и была хорошей боевой школой. Школа Суворова хоронилась под его причудами, только не сразу до смысла причуд можно было добраться. Граф Сегюр говорил в своих записках, «что Суворов прикрывал блестящие достоинства странностями, желая избавить себя от преследования сильных завистников». Потемкин сказал о нем: «Суворова никто не „пересуворит“». Екатерина, желая вывести Потемкина из ошибочного его мнения об уме Суворова, посоветовала ему подслушать их разговор в соседней комнате. Удивленный глубокомыслием и умом Суворова, Потемкин как-то упрекнул его за то, что он с ним не говорил так: «С царями у меня другой язык», – отвечал Суворов. Однажды, разговаривая о самом себе, он сказал окружавшим его «Хотите ли меня знать? Я вам себя раскрою: меня хвалили цари, любили воины, друзья мне удивлялись, ненавистники меня поносили, при дворе надо мною смеялись; я бывал при дворе, но не придвор-

ным, а Эзопом и Лафонтеном, шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре и благодетельствовал России, кривлялся и корчился. Я пел петухом, пробуждал сонливых, утомлял буйных врагов отечества; если бы я был кесарь, то старался бы иметь всю благородную гордость души его, но всегда чуждался бы его пороков».

Отец Суворова

От денщика и переводчика до генерал-аншефа. – Записки Андрея Болотова. – Авдотья Федосеевна Манукова. – Анна Васильевна Горчакова и Мария Васильевна Олешева

В нашей исторической литературе нет совсем биографии Василия Ивановича Суворова, а между тем это был человек далеко незаурядный. Для облегчения будущего биографа В. И. Суворова я сообщаю в настоящей заметке те немногие и отрывочные сведения о нем, которые мне удалось найти как в печатных, так и в рукописных источниках.

Отец генералиссимуса Суворова, гене-

рал-аншеф Василий Иванович Суворов родился в 1705 году в Москве; отец его, Иван Григорьевич, был в царствовании Петра Великого генеральным войсковым писарем.

Вот что говорит о своих предках фельдмаршал Суворов: «В 1622 году выехали из Швеции Наум и Сувор и по их челобитью приняты в российское подданство; именуемые честные мужи разделились на разные поколения и по Сувору стали называться Суворовы».

Из документов, представленных в 1786 году фельдмаршалом Суворовым в Московскую Дворянскую опеку, видно, что отец его, Василий Иванович, был крестником Петра Великого и начал службу в должности денщика и переводчика, и, по кончине императора, императрицей Екатериною I был выпущен лейб-гвардии от бомбардир сержантом.

Вскоре Вас. Ив. Суворов был пожалован прапорщиком в Преображенский полк, где он продолжал службу до капитана. При императрице Анне Иоанновне он служил в полевых войсках прокурором и в это время участвовал вместе с Ушаковым в Тобольске в розыске над князем Иваном Александровичем Долго-

руким, известным фаворитом и обер-камергером императора Петра II, мужа не менее известной княгини Натальи Борисовны.

В царствование императора Иоанна VI Суворов февраля 2-го 1741 года уволен от должности полевой службы прокурора и определен к гражданским делам с чином коллежского советника. В том же году он назначен прокурором в Генерал-Бергдиректориум в ранге полковничьем. В 1753 году марта 29-го Суворов был представлен Сенатом в обер-прокуроры Синода, но по высочайшей резолюции пожалован в бригадиры и в декабре того же года повелено его произвести в генерал-майоры и назначить членом Военной коллегии.

В числе дел Военной коллегии за 1754 год находится указ об отставке из Оренбургского гарнизона Пензенского полка подполковника Романа Державина за имеющимися у него болезнями от воинской и штатской службы, подписанный января 31-го генерал-майором Василием Суворовым. В 1758 году, января 7-го, Вас. Ив. Суворов производится из генерал-майоров в генерал-поручики, с оставле-

нием присутствовать в военной коллегии; апреля 20-го 1760 года Суворов командируется к русской армии, находящейся за границей и состоит при провиантском правлении. На дорожные его с штабом издержки выдается две тыс. руб.

Во время его пребывания за границей в этой должности императрица Елисавета поручала ему большие денежные операции, очень благоволила к нему, и в июне этого же года пожаловала орденом святого Александра Невского. В этом же году государыня ему писала: «Реляция ваша, из Познани от 6-го июля к нам отправленная, причинила нам особое удовольствие. Что в Познани, несмотря на все бывшие затруднения, однако столько вами провианта запасено, что армия наша с собою с лишком на месяц возьмет; то потому уповаем мы, что ревностным вашим старанием и в Калиш не с меньшею скоростью потребный магазин успеет и армия наша в своем походе и операциях затем отнюдь остановлена не будет. Чего ради все милостивейше опробуем заключенный вами с графом Гуровским и комиссаром Циманом на то контракт и за пере-

дачу не ставим, что шляхтич Ян Остен за меньшую сумму несколько дешевле взять хотел. Старайтесь токмо, чтобы время притом упущено не было, а хлеб теперь уже поспевет, и так, конечно, в провианте недостатку не будет. Что до денег принадлежит, то, во-первых, повторяем вам наше благоволение и признанием за знак прямого усердия все трудности превосходящего, что вы и не имея денег, сколько однако ж запастись успели, что в Познани будут и остатки; а потому контракты свято наблюдать надлежит. Но как теперя и деньги не весьма скоро к вам доставляемы быть могут, хотя вскоре знатные суммы отправятся, то коротко рекомендуем вам нужную экономию хранить; однако ж больше того смотреть, чтоб армия в пропитании недостатка, а в походе остановки не имела, в чем мы на вас совершенно полагаемся и для того почитаем, что всемерно надлежит вам лучше ближе к армии быть, нежели далеко позади в Познани оставаться. Мы пребываем к вам императорскою милостью благосклонны. Дан в Царском Селе июля 18-го 1760 года».

Августа 16-го того же года государыня на-

значила Суворова сенатором; в сентябре, 12 числа, состоялся другой указ на имя его: «О невызове из армии до окончания кампании назначенного 16-го августа в сенаторы Суворова» В декабре того же года государыня назначила его в должность генерал-губернатора завоеванной части Пруссии. Указ о назначении был тоже очень милостивый.

«Отзывая нашего, – говорилось в нем, – генерал-поручика из Пруссии губернатора Корфа сюда для определения генерал-полицмейстером, высочайше восхотели мы определить вас на его место точно на таком же основании и с таким жалованьем, какое он получал. Почему и имеете вы немедленно в Кенигсберг ехать и его сменить, а мы уверены пребываем, что и в сем новом poste с той же ревностью службу вашу продолжать станете, о которой мы всегда оказывали вам наше удовольствие и благоволение, пребывая императорскою милостию вам благосклонны. Дан в С.-Петербурге декабря 1760 года по именному ее императорского величества указу. Подписали: князь Трубецкой, граф Михаил Воронцов, граф Александр Шувалов, граф Шувалов

(второй), Иван Неплюев, князь Яков Шаховской, статский советник Волков».

Числа в указе не было выставлено; но т. к. курьеры из Петербурга в Познань приезжали в девять дней, то следует полагать, что это назначение состоялось 12 декабря 1760 года.

Известный Андрей Болотов, в своих записках, дает нам характеристику. В.И. Суворова. Из разговора его с ним по приезде в Кенигсберг он заметил, что Суворов был «довольно обо всем сведущ», но только в нем не было ни малейшей пышности и великодушия такого, какое привыкли они видеть в прежнем губернаторе. Губернатором он был разумным, деловым и притом крайне трудолюбивым; вставал он так рано, что уже в два часа пополуночи бывал всегда одет и можно было его всякому видеть. Стол его был очень умеренный, гостей к себе он никогда не звал и вообще отличался расчетливостью. Он входил во всякое дело с основанием и не давал никому водить себя за нос. Дела при нем шли очень хорошо, усердие его к службе было так велико, что он не только наблюдал, но и исправлял все, чего требовал его долг. Но сло-

вам Болотова, он денно и ночью помышлял и о том, как бы доход, получаемый тогда с королевства и простиравшийся только до 2 млн. талеров, из которых 1 млн. тратился на расходы по королевству, сделать больше и значительнее. В конце концов, Суворов своими стараниями и трудами дошел до того, что сократил многочисленные расходы и увеличил почти целым миллионом доходы с маленького тогда Прусского государства, чем и приобрел особенное благоволение императрицы Елисаветы.

Жил он вдали от всякой пышности и великолепия и редко, только в торжественные дни, звал на обеды, но когда к нему приехали две его дочери, то он стал жить несколько открытее, и изредка для дочерей стал давать балы; обе дочери уже были тогда невесты, и одну из них он вскоре выдал замуж за генерал-провиантмейстера лейтенанта князя Ивана Романовича Горчакова. Приезжал к нему в Кенигсберг на короткое время и будущий фельдмаршал, в то время еще подполковник, но уже слывший за большого чудака и оригинала.

При восшествии на престол императора Петра III, Суворов был уволен от губернаторства и на место его назначен генерал-поручик Панин. Указ об отзывании его из Пруссии состоялся 27 декабря 1761 года. Болотов пишет, что «все сожалели искренне доброго, усердного и исправного губернатора», все привыкли к его кроткому и хорошему нраву и считали как бы своим родным. Его проводили со слезами. Прощаясь со своими прежними подчиненными, он расцеловал всех их дружески, пожелав им всех благ на свете. Суворов перенес немилость государя мужественно, не выказав ни малейшего недовольствия, тотчас сдал всю команду и все правление новому губернатору и немедленно отправился в Россию.

30 января 1762 года генерал-лейтенант Василий Иванович Суворов назначается на место Соймонова Тобольским губернатором, но, как следует думать, в Тобольск не уехал, так как спустя полгода находился еще в Петербурге.

В записках Штелина о последних днях царствования Петра III говорится, что В.И. Суво-

ров вместе с Ад. Вас. Олсуфьевым был послан в Ораниенбаум с отрядом гусар и конной гвардии для арестования гольштинского генералитета со всеми обер- и унтерофицерами и прочими войсками. Здесь гольштинцы отдали Суворову свои шпаги и тесаки, после чего он объявил их военнопленными и заключил в крепость.

Суворов приказал составить опись всем находившимся во дворце денежным суммам и драгоценным вещам. На другой день Суворов сделал разбор всем арестованным офицерам и нижним чинам. Из них русские, малороссияне и лифляндцы были приведены к присяге в дворцовой церкви, а гольштинцы и другие иноземцы посажены на суда и перевезены в Кронштадт. Вечером в тот же день Суворов объявил офицерам, что правительство полагается теперь на их присягу и разрешило им разойтись по квартирам, с тем чтобы они на следующий день готовы были ехать в Петербург. На другой день все оставшиеся в Ораниенбауме войска препровождены были под прикрытием гусар в Петергоф. Затем, на следующий день, они выступили в Петербург и

вечером расположились по квартирам в Московско-Ямской. Этим и ограничились действия В.И. Суворова в знаменательные дни для вступления императрицы Екатерины II на престол. Государыня произвела его в лейб-гвардии Преображенский полк премьер-майором, в лейб-гвардии Измайловский – подполковником.

В начале августа 1762 года губернаторам и воеводам были посланы указы собрать справки о том, сколько где имеется нерозданных засек и диких полей, а также лесов и всяких угодий, и представить ведомости в Сенат.

Императрица повелела продавать эти земли с публичного торга в С.-Петербургской Вотчинной конторе под главным ведением сенатора В.И. Суворова. В начале же 1763 года была учреждена под его председательством особая комиссия о продаже казенных засек и «в дачах не бывалых земель». В конце того же года императрица наградила Суворова чином генерал-аншефа, а через три года, в день восшествия своего на престол, пожаловала его орденом св. Анны первой степени.

Вас. Ив. Суворов умер в Москве в 1775 году

генерал-аншефом и сенатором. Родовой его дом находился на Царицыной улице, нынешняя Большая Никитская, дом этот был третьим от церкви Вознесения. В те года эта церковь была иноческая обитель во имя Феодора Студита, основанная родоначальником дома Романовых. За алтарем этого храма даже после 1812 года существовали могилы родителей великого Суворова, покрытые деревянного крашеной кровелькой, впоследствии камень с высеченною на нем надписью от небрежения утратился или употреблен на починку церкви.

По рассказам старожилов-прихожан, фельдмаршал, когда бывал в Москве, всегда служил панихиду, а в церкви за обеднею читал Апостол и раздавал милостыню нищим за упокой родителей своих. Теперь уже нет никакого признака могил родителей Суворова, они сравнены с землей.

Дом Суворова был каменный, одноэтажный; над ним надстроен другой этаж только в шестидесятых годах нынешнего столетия. Незадолго до 1812 года он был куплен каким-то доктором. В тридцатых годах им вла-

дел купец Вейер, а в семидесятых годах дом принадлежал барону Шеппину.

В.И. Суворов был очень экономен, вернее, скуп до скаредности, и очень сведущ в сельском хозяйстве. Из приказов генералиссимуса по имениям видно, что он часто приказывал своим управляющим строго придерживаться порядков, существовавших при покойном его отце.

В.И. Суворов знал несколько языков и перевел известное сочинение Вобана «Основание крепостей».

Женат был В.И. Суворов на Авдотье Федосеевне Мануковой; отец ее служил при Петре I дьяком и описывал Ингерманландию по урочищам. Во время празднования свадьбы князя-папы он участвовал в потешной процессии, одетый по-польски, со скрипкою в руках. При императрице Анне Иоанновне он был Петербургским воеводой и в конце 1737 года судился за злоупотребления по службе. Дочь его, Авдотья Федосеевна, как это видно по раздельной записи, принесла в приданое дом в Москве и имение в Орловском уезде.

Вышла она замуж в конце 20-х годов. В1760

году Авдотьи Федосеевны в живых уже не было; в переписке ее сына за все время его долгой жизни не говорится о ней ни слова, также не встречается ни одного намека или воспоминания.

В.И. Суворов имел двух дочерей и сына – старшая его дочь Анна Васильевна,[51] как мы упоминали, была замужем за генерал-поручиком князем Иваном Романовичем Горчаковым; родилась в 1744 году и умерла в 1813 году, похоронена в Москве в Донском монастыре близ главной церкви; на семейной могиле Горчаковых три черных урны – на средней из них следующая эпитафия:

*Здесь прах почитет той, что славы
и сребра
Средь мира тленного в сей жизни
не искала,
Но добродетельми на небо возле-
гала
Се Горчакова мать – Суворова
сестра!*

Внизу сказано: «сочинял Г. Державин». Младшая дочь В.И. Суворова, Марья Васильевна, была замужем за действительным стат-

ским советником Алексеем Васильевичем Олешевым, служившим Вологодским губернским предводителем дворянства. Олешев жил в роскошно устроенном своем имении Ермолове, в 12-ти верстах от Вологды. Он был человек весьма образованный по тому времени, имел у себя хорошую библиотеку и сам писал и переводил книги философского и нравственного содержания; таких книг и переводов известно до пяти. Как жена генералиссимуса, так и он сам с сыном живали у него в имении. Олешев прожил с женой всего три года и впоследствии был женат на другой. Он был очень дружен с известным в свое время поэтом, также вологжанином, Мих. Ник. Муравьевым. Олешев умер в 1788 году, в Петербурге, и похоронен в Невском монастыре на Лазаревском кладбище. На могиле его находится следующая эпитафия:

«Сие из мрамора и металла надгробие положила оставшаяся по нем вторая жена и рожденный от него сын его, неутешно сетующие о разлучении с ним и горько оплакивающие его кончину.

Останки тленные того сокрыты

тут,
Кой вечно будет жить чрез свой
на свете труд,
Чем Шпальдинг, Дюмулин и Юм
себя прославил,
То Олешев своим соотчичам
оставил.
Был воин, судия, мудрец и эконом,
Снискавший честь сохой, и шпа-
гой, и пером.
Жил добродетельно и кончил
жизнь без страху.
Читатель, ты, его воздав почте-
нье праху,
К Всевышнему мольбы усердны
вознеси,
Да дух блаженствует его на небе-
си».

Стародавние старчики, пустосвяты и юродцы

Тимофей Архипыч. – Ксения Григорьевна. – Семен Митрич. – Михаил Дурасов, Евгений, Соломония и Неонилла. – Аннушка. – Иван Яковлевич. – Цыган Гаврюша. – Андрей-старчик. – Кирюша-старчик. – Второй Кирюша. – Матушка-кувырок. – Никола-дурачок. – Феодосий-веригоносец да Петр-прыгунок. – Иван Степаныч и Ксенофонт, отрок его. – Данило-пустосвят и Феодор. – Мандрыга-угадчик. – Дуня Тамбовская. – Агаша. – Марфа-затворница и Маша-пещерница. – Марья Ив. Скачкова. – Татьяна босая. – Голубица. – Батюшка Шамшин и мещанин Кочуев. – «Дядя домой». – Андреюшка. – Фекла болящая. – Вера Матвеевна. – Старец Глеб. – Антон Воздержник. – Устинья-пророчица. – Тамбовский Симеон. – Солдат Ванюшка. – Блаженный Егорушка. – Пьяница Машка. – Иванушка-дурачок и Иванушка Рождественский. – Кузька-бог. – Воронежский Никанор. – Антонушка. – Отец Серафим. – Полицейский колдун. – Блаженный Антонушка. – Старец Алексей. – Томский Осинь-

ка. – Ссылная Домна. – Лже-Разумовский. – Лже-Александр. – Данилушка на кровле. Авраамий – Диомид юродивый. – Старец Вася

В самом начале появления юродивых уже являлись люди, которые для своих корыстных целей пользовались легковерием народа. Иоанн Грозный во втором послании к собору жалуется, что «лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы бегают из села в село, нагие и босые, с распущенными волосами, трясутся и бьются, и кричат, св. Анастасия и св. Пятница велят им» и проч.

В следующем затем столетии злоупотребления в этом отношении достигли крайних пределов, так что патриарх принужден был запретить пускать в церкви юродивых и нищих. «Понеже, – сказано было в окружной грамоте 1646 года, – от их крику и писку православным христианам божественного пения не слышать; да тее в церкви Божия приходят аки разбойники с палки, а под теми палки у них бывает копейца железные, и бывают у них меж себя брани до крови и лая смрадная».[52] В начале XVIII века в обеих столицах

развелось особенно много юродивых и других странных и полупомешанных людей, которые являлись в церкви в «кощунных одеждах», кричали, пели и делали разные бесчинства во время богослужения – единственно из корыстного желания обратить на себя внимание богомольцев.

Такие беспорядки в церквах вызвали со стороны Святейшего Синода следующее постановление от 14 июля 1732 года: «Юродивых по церквам в столицах бродить не допускать, в кощунных же одеяниях и в церквах не впускать, а в приличном одеянии они могут входить, но стояли бы с должною тихостию не между народом, но в удобном уединенном месте. А буде они станут чинить каковые своеволия, и их к тому не попускать и показывать за то им, яко юродивым, от священноцерковнослужителей угрозыительные способы. А ежели они от того страху никакого иметь не будут, то их во время всякого церковного пения из тех церквей высылать вон. Каковые же ныне юродивые при здешних церквах суть, тех сыскать в духовное правление и какими возможно способы испыты-

вать, наипаче о том, не притворствуют ли они, и потом следовать как надлежит: чей он крестьянин, как и отколь сюда пришел и где пристанище имеет, и отколь пищу и одежду получает, и собираемые от подателей деньги куда они отдают».

Из этого указа видно, что Синод преследовал не юродство, а только соблазнительные недостатки юродивых; тем более, что в то время некоторые из юродивых жили даже при дворе, и им поручались многие благочестивые дела, как, например, раздача милостыни и проч. Императрица Анна, пугливая и подозрительная, с особенным вниманием следила за появляющимися в разных вотчинах, как она выражалась, «якобы святыми», т. е. теми типическими проходимцами через всю историю России, так называемыми «юродивыми», нередко вещавшими в иносказательной форме о разных тягостях и печалях народных, о злоупотреблениях власти и т. д. При дворе матери императрицы Анны Иоанновны, набожной царицы Прасковьи Федоровны, находилось множество разного рода калек и юродов. Историк Татищев, посещав-

ший царицу, рассказывает, что у нее был целый госпиталь уродов, юродов, ханжей и шалунов. Из числа их особенным почетом пользовался некто Тимофей Архипыч; у него целовали руки, просили благословения, ждали пророческих сказаний, и каждому его простому слову придавали загадочное и таинственное значение.

I Тимофей Архипыч

К. Тромонин[53] говорит о нем следующее: «1731 года, мая в 29-й день, при державе благочестивейшей великой государыни нашей императрицы Анны Иоанновны всея России, преставился раб Божий Тимофей Архипов сын, который, оставя иконописное художество, юродствовал миру, а не себе; а жил при дворе матери ее императорского величества государыни императрицы благочестивейшей государыни царицы и великой княгини Параскевии Федоровны двадцать восемь лет и погребен в 30-й день мая в Чудовом монастыре, в стене Церкви Михаила Архангела, наружу с южной стороны».

К этому Тромонин добавляет, что «над

гробницею его (т. е. Архипыча) находится картина, где Тимофей изображен лежащим в гробе; возле него стоит, как изустно по преданию, императрица Анна Иоанновна».

Болтин[54] говорит про Тимофея Архипыча, что он умел ловко подмечать рельефные черты окружающего его общества и весьма метко определить противоречивые свойства характера Анны Иоанновны. За ее склонность к благочестию и монашеству он называл ее Анфисой и предрекал ей монастырь, а ее строптивость и самодурство выражал в следующем присловье, которое произносил постоянно при виде Анны Иоанновны: «Дон, дон, дон! – царь Иван Васильевич!»

Татищев рассказывает, что Тимофей Архипыч его недолюбливал за то, что он не был суеверен и руки его не целовал. «Однажды, – пишет Татищев, – перед отъездом в Сибирь, я приехал проститься с царицей; она, жалую меня, спросила одного шалуна: скоро ли я возвращусь? Он отвечал на это: „Руды много накопает, да и самого закопают“».

Пророчество это однако не сбылось.

Друг царицы Прасковьи, Настасья Алек-

сандровна Нарышкина, питала к Тимофею Архипычу чувство глубокого уважения и доверия, чтילה его память и после его смерти. Ее правнучка, Елис. Алек. Нарышкина, сообщает о Тимофее Архипыче следующее:[55] «По занятиям этот блаженный был живописец и с юных лет расписывал храмы; последней его работой были в Чудовом монастыре, где он, между прочим, по преданию, поместил портреты царицы и ее друга Нарышкиной; все полученные там им деньги за работы, как и все свое остальное имущество, он раздал бедным, и последние годы своей жизни употребил на странствования по Святым местам».

Далее та же именитая дама приводит следующий религиозно-мистический и суеверно-поэтический рассказ, который мы передаем в сокращении:

«В последние годы жизни Н.А. Нарышкина, по обыкновению своему, пребывала в своей моленной. Однажды, более чем когда-либо озабоченная будущностью своего потомства ввиду возмущавших ее душу преобразований и реформ, введенных в Россию Петром I, она

пала на колени и в пылу религиозного увлечения возносила к небесам молитву о том, чтобы род ее неизменно оставался верен истинному православию и не прекращался никогда. Внезапно ее озаряет видение: она видит перед собою, на воздушных, коленопреклоненным Тимофея Архипыча, держащего в руке свою длинную седую бороду. Обращаясь к ней, он произнес: „Настасья, ты молила Бога, чтобы род твой не пресекался и пребывал в православии; Господь определил иначе, и молитва твоя услышана быть не может. Но я замолил Всевышнего, и доколе в семье твоей будет сохраняться в целостности моя борода, желание твое будет исполнено, и род твой не прекратится на земле“». Устрашенная и взволнованная этим видением и словами, Нарышкина упала и лишилась чувств. Когда ее подняли, и она пришла в себя, то в руках ее оказалась длинная седая борода, «та самая, которую я, – прибавляет ее правнучка, – видела у свекра моего, Ив. Алек. Нарышкина, родного внука Наст. Алек. Нарышкиной». Борода эта сохранялась в особенном ящике, на дне которого лежала шелковая подушка с выши-

тым на ней крестом, и на этой подушке покоилась эта реликвия, или семейный талисман.

«Мне особенно памятна эта борода, – продолжает Е.А. Нарышкина, – потому что вскоре после моего замужества свекровь моя настояла, чтобы я временно перевезла ее к себе в дом в надежде, что ее присутствие в нашем доме принесет с собою благословение Божие и что у нас с мужем будут дети. Не могу теперь достоверно определить, в какую именно эпоху борода исчезла и, несмотря на самые тщательные розыски, не могла быть отыскана. Когда хватились бороды и не нашли ее, то, после многих тщетных поисков, мы остановились на том убеждении, что мой свекор, переезжая в новый дом, вздумал поместить в этом ящике свою коллекцию белых мышей, которых он очень любил и для которых счел это помещение весьма удобным хранилищем при переезде. Затем остается предположить, что мыши привели эту бороду в такое состояние, что сам Нарышкин, боясь упреков жены, выкинул ее по приезде в новый дом, или прислуга, приводя в порядок шкатулку, забросила или потеряла эту бороду; при этом достой-

но замечания, что в год исчезновения бороды получены были известия от старшего брата мужа, проживавшего с семьей за границую, что у единственного сына его Александра появились первые признаки того тяжкого недуга, который свел его в могилу; т. к. он наследников после себя не оставил, эта ветвь Нарышкиных, после кончины моего мужа, действительно пресеклась».

II

Ксения Григорьевна

Во время императрицы Елисаветы Петровны известна была юродивая Ксения Григорьевна,[56] жена придворного певчего Андрея Федорова Петрова, «состоявшего в чине полковника». Ксения в молодых годах осталась вдовою (26 лет); раздав все свое состояние бедным, она надела на себя одежду своего мужа и под его именем странствовала сорок пять лет, не имея нигде постоянного жилища. Главным местопребыванием ее служила Петербургская сторона, приход св. апостола Матфея, где одна улица называлась ее именем: «Андрей Петров». По преданию, Ксения пользовалась большим уважением у петер-

бургских извозчиков, которые, завидя ее где-нибудь на улице, наперерыв один перед другим предлагали ей свои услуги, в том убеждении, что кому из них удастся хотя несколько провезти Ксению, тому непременно повезет счастье. Год смерти Ксении неизвестен; некоторые уверяют, что она погребена на Смоленском кладбище еще до первого наводнения, случившегося в 1777 году; при жизни предсказала жителям Петербургской стороны смерть императрицы Елисаветы Петровны 25 декабря 1761 года. Ксения ходила по Петербургской стороне и говорила жителям: «Пеки-те блины, вся Россия будет печь блины». На другой день императрица внезапно скончалась. По другим рассказам Ксения скончалась в царствование Павла Петровича, но это неверно: в списках кладбищенских за это время имя ее не встречается.

По преданию, в скором времени после ее погребения посетители разобрали всю могильную насыпь. Сделана была другая, и усердствующими лицами на могиле положена плита. Но плита скоро была разломана и разнесена по домам. Другая плита также

недолго оставалась целою. Ломая камень и разбирая землю, посетители бросали на могилу Ксении посылные денежные пожертвования, а кладбищенские нищие этим пользовались и забирали деньги себе. Тогда к могиле прикрепили кружку и на собранные таким образом пожертвования над могилою Ксении поставили памятник в виде часовни, которая существует и теперь. Здесь же находится кружка, куда жертвователи опускают свои приношения. Половина собираемой таким образом суммы поступает в пользу попечительства, а другая остается в церкви на неугасимую лампаду на гробе Ксении. Всей суммы в течение года высыпается из этой кружки около 300 руб. серебром. Могила Ксении посещается ежедневно на Смоленском кладбище массою посетителей, и ни на одной из могил не служитя столько панихид. Надпись на могиле Ксении следующая: «Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения своей души».

В распоряжении нашем находится крайне интересный архивный документ, касающийся пророчества этой юродивой. Это собственно прошение о бедности к императору Павлу

I, поданное надворным советником Думашевым, 15 июня 1797 года. Вот извлечение из него, касающееся нашего повествования: «Прими, монарх славы, о чем доношу, есть либо со мною все то не совершилось поднесь и с особою вашею умолк бы навсегда, но теперь на совести лежит, чтоб вам не донести. В 1766 году, генваря 10 дня, был день моего рождения; накануне моих именин, прожив я с моею женою девять месяцев в Петербурге, не получил никакой милости кроме крайнего прожитку, и надобно нам было отъезжать в Москву. Мы жили тогда в доме вместе с покойною несчастною фрейлиною Анною Алексеевною Хитрово, именным повелением нам приказано жить с нею и ехать вместе в Москву; жена моя ей была внучатая сестра, по одному родству она нам была и приурочена.

Вдруг в оное число вышла к нам Богу угодная юродивая женщина, называемая Андрей Федорыч, весь город ее знал и почитал таковою. Мы все весьма обрадовались ее приходу и испугались, за счастье считали – к кому она войдет в дом. Между многими от нас вопросами она мало говорила, и надобно вслуши-

ваться, что скажет; о прошедшем случае матери моей и несчастью с нею сказала догадками; что я завтра именинник и что мы этот день будем плакать и молиться и все люди наши: я спрашивал: «Да за что и отчего?» – она сказала: «Ну да царь заставит вас плакать от радости, и после еще много слез будет у вас»; я говорю: «Какой царь, скажи мне» – «Ну да как запоют Христос Воскресе, увидишь», [57] – показала руками на свою голову, и окружила и пальцами сделала крест; мы, государь, изумились. Говорит: «Он очень будет счастлив»; жене моей говорит: «Ты у меня так дородна, как его жена». – «Какая жена и чья?» – спрашивали. «Ну, вон его жена!» – указала на ваш портрет; она вместе, опять показала пальцами крест, Даже мы, монарх, трое друг с другом не смели говорить, – совершилось подлинно в нынешнем году в свои самые именины генваря 11 дня, получил известие от Дмитрия Прокофьевича Трощинского [58] о ваших ко мне милостях пожалованием денег на оплату долгов; рыданий и молений много было сие число, а паче меня удивило, взяла за мою ногу, шпоры украли, и плакала,

то донесу об оном, когда государь в несчастии матери моей накануне вашего отъезда из Петербурга...

Государь! Ваш родитель, мой отец и боже-ство мое, изволил матери моей сто, а мне пятьдесят червонных прислать на дорогу и мне шпоры с своих ножек, с тем, чтоб это было негласно; оные шпоры во весь Прусский поход неоцененным даром при мне хранились, и когда я бывал за майора, всегда на мне, но, по возвращении из Пруссии в Россию, на Валдаях, меня в ночи всего обокрали, остался в чем был, много плакал об оных шпорах, последняя сказала: «Я не дождусь праздника Петра и Павла, а вы доживете». Далее, государь, умолчу описать подробно, что она говорила о царе; дай, Боже! чтоб оное осталось в России по ее предсказанию, и она сказала покойному Николаю Ивановичу Рославлеву, он тогда был в гвардии майором, и был посылан к оной Андрею Федорычу; после он нам пересказывал за секрет пред своею смертью, – все сбылось, что она ему сказала, в предшедшем 1796 году.

Государь, не приемли от вашего вам под-

данного за выдумку и слог, клянусь присягою вам, крестом и Евангелием и моею головою, а вашим мечом, что все сие поднесь истинная правда».

III Семен Митрич

Самым замечательным на поприще юродства в Москве в начале нынешнего столетия, был Семен Митрич (родился в 1770 году, умер 31 декабря 1860 года). В молодости он занимался башмачною торговлею на Смоленском рынке, начало его юродства можно отнести к эпохе Новинского в Москве пожара, в 1804 году. У него сгорела лавка; потеря всего имущества сильно подействовала на него. «Пламя пожара осветило перед ним всю нищету и суетность земных забот и попечений», – говорит его анонимный биограф в «Домашней беседе» В.И. Аскоченского. По другим сказаниям, было в Москве одно купеческое семейство, состоявшее из отца и сыновей; жили они хорошо, но, по смерти отца, сыновья поссорились и разделились; при разделе один обманул другого, и вот начали жить они отдельно, проклиная друг друга. Один из

братьев скоро умер, успев отдать свою дочь в Никитский монастырь, где она жила до последнего времени, а другой весь прожился, стал юродствовать и наконец сделался Семеном Митричем. Он сперва приютился на паперти при церкви св. Троицы, где исправлял между прочим должности чтеца и певца. Во время нашествия французов он не выходил из Москвы и бродил по пустырям и обгорелым местам. В 1816 году он поселился на Арбате, в доме купца Дронова, а в 1821 году, при встрече на улице с московским обер-полицмейстером Шульгиным, взят был в сумасшедший дом. При испытании его не признали умалишенным и выпустили на свободу. Семен Митрич вырыл себе землянку во дворе дома купца Ильина, но вскоре пожелал опять на Арбат, к тому же Дронову. Наконец, в 1826 году он переселился на житье в приход св. Николая, что на Щепках, в доме купца Чамова; отсюда он выходил редко, а с 1836-го до 1852 года почти постоянно оставался в саду, летом и зимою.

Прежде он все зимой бегал на реку умыться, бегал босой, в одной рубашке, в какую

бы то ни было погоду зной, стужа, 20 мороза для него не существовали. Ходил он с открытой головой, иногда напевал вслух; но ни у кого ничего не брал и не просил. Потом он засел дома и начал предсказывать. Чтобы попасть к нему, надо было, выйдя в ворота, пройти через грязный переулок на заднем дворе, спуститься в подземелье, и тут направо была кухня, где он жил.

Кухня – вроде подвала со сводом, прямо – русская печь, направо – окно и стена, уставленная образами с горящими лампадами; налево, в углу, лежал на кровати Семен Митрич; возле него стояла лохань; в подвале мрак, сырость, грязь, вонь.

Прежде Семен Митрич лежал на печи, потом лег на постель, с которой ни разу не вставал в продолжении нескольких лет. Представлял он из себя какую-то массу живой грязи, в которой даже трудно было различить, что это – человеческий ли образ или животное, лежа на постели, Семен Митрич совершал все свои отправления. Прислуживавшая ему женщина одевала и раздевала его, иногда по два и по три раза обтирала, мыла и пере-

меняла на нем белье.

«Если же не доглядишь, – рассказывала она, – он и лежит... А то, – прибавляла, – и ручку, бывало, замарает: ты подойдешь к нему, а он тебя и перекрестит».

Такую жизнь Семена Митрича почитали за великий подвиг. Церкви он не знал, Богу тоже не молился; не любил, чтобы его спрашивали о чем-нибудь; прямых ответов он не давал, а о себе говорил в третьем лице. Понимать его надо было со сноровкою. Спроси, например его кто-нибудь о женихе или о пропаже, или, как одна барыня спросила, куда ее муж убежал, он или обольет помоями, или обдаст глаза какою-нибудь нечистью.

По рассказам современников, он будто бы обладал глубокою прозорливостью, но для уразумения его ответа опять нужна была сноровка, потому что он иногда говорил, что ему взбредет на ум: «Полено, таракан, доска, воняет, вошь», – и т. п. Почитательницы его над каждым его словом ломали голову, отыскивая в нем таинственное значение. Как гласит надпись над его гравированным портретом: «Он узнавал настоящее и прошедшее, даже

предсказывал некоторые случаи, и они исполнялись; другие же от самых ударов его получали облегчение».

Богатая купчиха из Рогожской выдавала дочь замуж и приехала спросить у Семена Митрича, каков жених? Выдавать ли за него дочь и т. п. Вошла и села она, а он и говорит: «Доски». – «Что за доски? – спрашивает купчиха. – Какие у меня доски! У меня все сундуки, набитые шелком, да бархатом!».

– А мы отвечаем ей, – говорила его прислужница, – что не знаем, а сами думаем: «Как не знать, известно, что значит доски – гроб». Так ведь и сделалось: дочь-то купчихи умерла.

Сам Семен Митрич умер на девяностом году от рождения. Во время его агонии целая толпа купчих не отходила от него. В день похорон его стечение народа было страшное. Хоронили его штабс-капитан Заливкий да его супруга из купеческого рода. Где лежало тело, тут нельзя было пролезть. Двор постоянно был полон. Все имущество его растащили на память; один тащит подушку его, другой какую-нибудь его тряпицу, третий ложку, кото-

рою он ел, четвертый его опорки и т. д. Хоронили его на четвертый день после смерти, но многие сердились, зачем так скоро его хоронят. Переулки, примыкавшие к дому, где он жил, были переполнены народом. В церкви, во время обедни, у гроба его стояла стена почитателей: все лезли, кто приложиться, кто только чтоб до него дотронуться. И вся эта масса народа по окончании отпевания подняла гроб и понесла на Ваганьково кладбище.

Впереди всей процессии скакал не известный никому юродивый, босиком, в черной рубашке. Скачет, скачет, скачет – остановится, три раза поклонится гробу и снова скачет... Потом несли образ, шли певчие, духовенство, затем народ, несший на головах гроб, и, наконец, экипажи. На кладбище ревнителями было устроено обильное угощение (разошлись поздно). И долго еще Москва известного круга ни о чем больше не говорила, как о Семене Митриче. Двое, по рассказам, в то же время стали писать его житие: студент и священник, но, к сожалению, жизнеописание Семена Митрича в печати не появилось.

Михаил Дурасов, Евсевий, Соломония и Неонилла

В царствование императора Александра I в Москве, кроме Семена Митрича, пользовались известностью еще несколько юродивых. Так, в Симоновом монастыре проживал Мих. Зин. Дурасов, в мире носивший чин генерал-лейтенанта, жил он в монастыре тайно с высочайшего дозволения, и чин его был известен одному настоятелю монастыря. Он был ревностный ученик и последователь знаменитого Саровского подвижника Серафима и отличался самою строгою подвижническою жизнью. Нередко он казался весьма странным, совершенным юродивым, но под этою странностью, по словам знавших его, он скрывал цель высокого своего любомудрия и уклонял от себя мир со всеми прелестями его. Дурасов скончался 20 июня 1828 года, 56 лет, погребен он в Симоновом монастыре.

В Страстном монастыре проживал в это же время монах Евсевий (скончавшийся в 1836 году) Это был тогда самый популярнейший юродивый в Москве Он отличался вполне безупречною жизнью и, по словам монахов,

«был славен особливо по великому терпению разных поношений и биений не понимавших его сокровенной духовной жизни»

При отпевании и несении тела его из Страстного монастыря до Симонова, многие тысячи народа окружали и сопровождали гроб его. Над прахом его было сказано, что в лице его «было видимое торжество веры и нищеты духовной, которая славнее и величественнее всякого блеска богатых и сильных земли»; это надгробное слово говорил известный в то время проповедник архимандрит Мельхиседек.

В то время в Симоновом монастыре, у юго-восточной башни, было отведено особенное место для юродивых, на котором обитель и давала безвозмездное последнее пристанище всем странникам и нищим духом, которых в народе зовут также блаженными. Еще до сих пор там целы могильные плиты двух знаменитых в свое время женщин-юродивых, девиц Соломонии и Неониллы. На памятнике первой написано: «Под сим камнем погребено тело рабы Божьей девицы Соломонии, скончавшейся 1809 года, мая 9, на 55-м году от

рождения». На памятнике второй: «Под сим камнем погребено тело рабы Божьей девицы Неониллы болящей, скончавшейся в ноябре 29-го 1824 года».

V

Аннушка

В Петербурге, в царствование императора Николая I, пользовалась большою популярностью юродивая старушка Аннушка или Анна Ивановна. По внешности это была небольшого роста женщина, лет шестидесяти, с весьма тонкими красивыми чертами лица, одетая всегда бедно, с ридикюлем в руках, всегда полным разных даяний. Особенностью этой юродивой была страсть к нюхательному табаку. Анна Ивановна происходила из знатной фамилии, говорили даже, что она была княжеского рода, воспитание она получила чуть ли не в Смольном институте, прекрасно говорила по-французски и по-немецки, в молодости влюбилась в гвардейского офицера, который женился на другой. Тогда она покинула Петербург и, спустя несколько лет, явилась в нем юродивой. Она, несмотря ни на какую погоду, ходила по городу, собирала мило-

стыню и раздавала ее другим; большею частью она проживала на Сенной, у одного домовладельца Дурышкина, и в квартире священника Чулкова, известного отца Василия, вышедшего из народа и пользовавшегося самою большою популярностью между купцами, мастерами и всяким бедным людом.

Раз, бродя по городу, Аннушка зашла в Лавру и, встретившись здесь с одним архимандритом, предсказала ему получение епископского сана. Действительно архимандрит вскоре был хиротонисан во епископа и оставлен в Петербурге викарием. Он определил Анну Ивановну в Охтенскую богадельню под вымышленной фамилией Ложкиной. Впрочем, и после определения в богадельню она гораздо чаще жила на Сенной, у своих благодетелей, – говорят, потому что жизнь богаделенок ей не нравилась. Да и сама она не слишком-то нравилась богаделенкам за сварливость и частые ссоры. Одета в отвратительные лохмотья, она заводила ссоры, бранилась с извозчиками и нередко вместо платы за провоз била их палкой. Такая товарка богаделенкам не могла быть приятною, зато на Сен-

ной площади она пользовалась чрезвычайным уважением. Торговцы, мастера, чернорабочие и даже весьма многие духовные лица в Петербурге видели в ней юродивую Христа ради и не соблазнялись ее наружностью. Мне передавал один из старожилов Петербурга следующий факт, случившийся в доме его отца:

«Анна Ивановна часто бывала у моего отца; у него жил бедный аптекарь. Раз, придя к отцу, она спросила:

– Где аптекарь?

Когда последнего позвали к Анне Ивановне, то она положила ему в рот десятирублевую бумажку, сказав:

– Крепко будешь париться в бане, немец!

Не прошло и двух дней после этого, как аптекарь, составляя что-то на плите, жестоко обжег себе лицо и грудь и долго после того лечился в больнице».

Незадолго до своей смерти Анна Ивановна пришла на Смоленское кладбище, принесла покров и, разостлав его на земле, просила протоиерея отслужить панихиду по рабе Божией Анне. Когда панихида была отслужена,

она пожертвовала покров в церковь с тем, чтобы им покрывали убогих покойников, и просила протоиерея похоронить ее на этом месте. После этого приходили к ней монахини из женского монастыря и предлагали место на своем кладбище, но она отказалась. При погребении ее присутствовали почти все обитатели Сенной площади. На могиле ее стоит деревянный крест и положена плита с надписью. Могила постоянно посещается народом; посетители берут землю из-под плиты и уносят ее с собою как средство от болезней.

VI

Иван Яковлевич

Из всех известных лжепророков ни один не пользовался такою большою известностью, как живший в Москве, в половине нынешнего столетия, Иван Яковлевич Корейша. Он должен занимать первенствующее место в истории различных чудачеств. Про него почитатели его говорили: «Он от писаний скажет и эллинской премудрости научит, и табачок освятит!»

Иван Яковлевич Корейша родом происходил из смоленских священнических детей;

обучался в Духовной академии, затем жил в Смоленске, управляя чем-то, но наделал что-то недоброе и ушел в лес, решивши юродствовать.[59] Крестьяне нашли его в лесу копающим палкою землю, без шапки и без всякого имущества; они построили ему избушку, стали к нему ходить, и скоро имя Ивана Яковлевича сделалось известным во всей окрестности. Такое начало подвижнической жизни Ивана Яковлевича было в древнерусском духе. В старину все старцы и старицы уходили в лес, в пустынные места, в особенности на север, где у них являлась землянка или келья. Вскоре молва о пустынноике достигла деревень и сел, и толпа собиралась, чтобы принять благословение, послушать вещей речей и т. д.

Но строгой подвижнической жизни Ивана Яковлевича не суждено было дальнейшего развития. В двадцатых годах в Смоленске жила одна богатая и знатная дама; у ней была дочь-невеста, стоворенная за одного военного, героя Двенадцатого года. Свадьба была уже назначена, но невесте вздумалось съездить к Ивану Яковлевичу. И вот мать с дочерью едут

в лес, к землянке Ивана Яковлевича, и спрашивают у него: счастлива ли будет замужем такая-то раба Божия?

Иван Яковлевич вместо ответа вскакивает со своего места, стучит кулаками о стол и кричит: «Разбойники! воры! бей! бей!»

Воротившись домой, невеста объявила, что она замуж за своего жениха не пойдет, потому что Иван Яковлевич назвал его разбойником. Жених, узнав причину отказа, тотчас же отправился к Ивану Яковлевичу, изрядно поколотил его, а потом просил губернатора избавить общество от полоумного изувера, расстраивающего семейные дела.

Так как дома для умалишенных в Смоленске не было, то Иван Яковлевич был отправлен в московский «безумный дом», как тогда его называли. Невеста же замуж совсем не пошла, а переселилась в монастырь, где была игуменьей и вела переписку с Иваном Яковлевичем по свою смерть.

Ехал Иван Яковлевич в Москву, а слава о нем бежала вперед, распространяя слух, что едет пророк, чудесно все угадывающий и предсказывающий. По приезде в Москву,

Иван Яковлевич был помещен в дом умалишенных. Вот описание его комнаты и его самого, заимствованное нами из газет того времени: «В его палате стены уставлены множеством икон, словно часовня какая. На полу, пред образами, стоит большой высеребрянный подсвечник с массой свечек; в подсвечник ставят свечи.

Налево низко молится странник с растрепанными волосами и в порыжелом от солнца кафтане. Направо, в углу, еще ниже молится баба. Прямо на диване сидит молоденькая девушка, на полу возле него – известная московская купчиха З. Увидав вошедших людей, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое кверху, чтобы не замарать его на полу, подвела к нему под благословение своего ребенка, потом сама подошла, поцеловала его руку и лоб, перекрестила его и вышла.

Направо, в углу, на полулежит Иван Яковлевич, закрытый до половины одеялом. Он может ходить, но несколько лет предпочитает лежать; на всех больных надето белье из полотна, а у Ивана Яковлевича и рубашка, и одеяло, и наволочка из темноватого цвета. И

этот темный цвет белья, и обычай Ивана Яковлевича совершать все пищевые потребности, как то обеды и ужины (он все ел руками – будь это щи или каша – и о себя обтирался) – все это делает из его постели какую-то темно-грязную массу, к которой трудно и подойти.

Лежит он на спине, сложив на груди жилистые руки. Ему лет около восьмидесяти; лоб высокий, голова лысая, лицо какое-то придавленное. Он молчит или почти не отвечает на все предлагаемые ему вопросы. Сторож ему говорит:

– Иван Яковлевич, что же вы не скажете ничего господам? Скажите что-нибудь им.

– Я устал, – отвечал он, но потом сказал кое-что очень обыкновенное».

По Великим постам он велел приносить себе постные и скоромные кушанья, мешал их вместе и сам ел, и других кормил. За обедом и ужином принимал он и водочку Купчихи, которые дома не обходятся без постного сахара, ели у Ивана Яковлевича скоромные кушанья, веруя, что это богоугодное дело.

Вообще же мешанье кушаньев имело в глазах почитателей его какое-то мистическое

значение. Принесут ему кочанной капусты с луком и вареного гороху, оторвет он капустный лист, обмакнет его в сок и положит к себе на плешь, и сок течет с его головы; остальную же капусту смешает с горохом, ест и других кормит: скверное кушанье, а все едят. Впрочем, поклонники его и не это делали. Князь Алек. Долгорукий[60] рассказывал, что он любил одну госпожу А.А. А., которая, следуя в то время общей московской доверчивости к Ивану Яковлевичу, ездила к нему, целовала его руки и пила грязную воду, которую он мешал пальцами. Князь добавляет, что «я на нее крепко рассердился за это и объявил ей, что если она еще раз напьется этой гадости, то я до нее дотрагиваться не буду. Между тем, спустя три недели, она отправилась вторично к нему – и когда он по очереди стал опять поить этой водой, то, дойдя до нее, отскочил и три раза прокричал: „Алексей не велел!“».

Более сорока лет он предсказывал о женихах, угадывал о местах, пророчествовал о морозах, о засухе, бурях, холере, о войне и т. д. Ему несли дары «с упованием некия пользы»,

но сам он ничем не пользовался, а раздавал окружающим.

Кроме того, при доме умалишенных была устроена кружка, куда доброхотные датели клали свои лепты, нередко и красненькие бумажки, как это делали замоскворецкие купчихи. Приносимые же ему дары состояли обыкновенно в калачах, яблоках и нюхательном табаке. Принятые Иваном Яковлевичем, такие дары приобретали в руках его какую-то необыкновенную чудесную силу, потом же раздавались всем приходящим к нему и производили мнимые чудеса.

Одна барыня, услышав однажды голос неверия, рассказывала, как у ней болел палец на руке, и медики присудили его отрезать, сказав, что если она не отрежет пальца, то скоро нужно будет резать ей всю руку. Несколько дней продолжалась ужасная боль в ее пальце, и не знала она, что ей делать и куда деваться. И вдруг вспомнила, что в ее комоде лежит сверток табаку, подаренного ей Иваном Яковлевичем, с надписью: «Табак от Ивана Яковлевича». Она велела подать себе этот табак, посыпала им палец, и – чудо! – па-

лец тотчас же перестал болеть и скоро зажил.

– Таким образом все ваши доктора, – продолжала она, – шарлатаны, а Иван Яковлевич истинный целитель.

Кроме нюхательного табаку, другим служили лекарством записочки, которые он раздавал проходящим. Записочки эти носили на кресте; они исцеляли зубную боль, но главное, по смыслу написанного в них указывалась судьба.

Писал Иван Яковлевич очень четко, но вместо слов иногда делал каракульки, чтобы в его писании было больше чудесного.

С этою же целью употреблял он греческие и латинские слова. Предсказания его и записочки были всегда загадочны до отсутствия всякого смысла, в них можно было видеть все и ничего не видеть, а потому, объясняемые с известною целью, они постоянно сбываются.

В последнее время своей жизни Иван Яковлевич редко писал записочки; писанием их занимался его послушник Александр Васильевич, который был прежде дьяконом и все это к батюшке ходил, а под конец, как передавали поклонницы Ивана Яковлевича, выпро-

сился из дьяконов, да при нем и остался.

Вот несколько образчиков письма Ивана Яковлевича писано к одной даме, имевшей с ним сношение в продолжении более двадцати лет. Каждый шаг этой дамы, вся участь ее детей, все это предварительно подвергалось обсуждению его. Например, дама писала «Что ожидает Петра – женитьба или монастырь? О чем думает Петр?» Ответ Ивана Яковлевича был следующий: «Я не думала и не гадала ни о чем в свете тужить. А когда пришло времячко: взяла грудь тамить и несть под лексом (законом), но под благодатью!»

Вопрос: Идти ли рабе Божьей в монастырь?

Ответ: Цорная ряза не спасает, а альпа (альба, т. е. белая) риза у ереси не уводит. Будьте мудри, яко ехидны, и цели, яко колюмп(б)ы (голуби) и нетленен яко ар(б)порс (деревья) кипариси и певки и кедри 1832 года мензис (месяц) Иулия XXII студент холодных вод Иоанус Иаковлев.

Вопрос: Скоро ли получит раб Божий Николай (семинарист)?

Ответ: Во вселия (т. е. в селы).

Вопрос: Женится ли Х.?

Ответ: Без працы не бенды колацы (sic!).

Вопрос: Велят ли выдать мне проценты?

Ответ: В мефу дать аргент (серебро) боится.

Вопрос: Что случится с рабом Александром?

Ответ: Александр Львос Филипа Василавсу Македону Урбсу (sic!).

Надо заметить: московский прорицатель не церемонился с буквами и писал вместо «б» «п» и т. д.

Незадолго до своей смерти Иван Яковлевич[61] написал к одному лицу в Москву следующее письмо: «Иоан Яковлевич оттенок нетленного света тышет к лучю нетленного света бессмертного луча и света[62]... на брэнной земле... свет миру, а луч православный на земли и на водах ей витийствует Дух да почиет свет от трудов своих; не приветствуя Вас... как всегда готовою для всемирной славы, тако мир благовествую. Более гораздо квадратных лет ради Бога с его народами тружусь у печки на двух квадратных сажнях. Кто ищет Царствие Небесное нудится, а нуждницы восхищают. Благодарю Создателю мое-

му, что Он меня, пораженного болезнями, не отринул, послал исцеление. Ты, Господи, вся стихиею сотворил еси; Души праведных в руке Божий, от нетленного Света бранный свет питается... обратите милостивое ваше внимание на Ивана Яковлевича, исходатайствуйте ему свободу из больницы на чистый прохладный безболезненный воздух к родной племяннице моей, диаконице Марии в село Петровское, за таковое ваше милосердие воздаст вам Бог и Господь и Дух Святой воздаяние во Единой Троицы славимый. Аминь».

По этому письму Ивана Яковлевича хотели выпустить из дома умалишенных, но когда ему объявили это, то он сказал, что «идти никуда не хочет, а тем более в ад». Из разных способов, которым приписывалась врачующая сила Ивана Яковлевича, замечательны были следующие: девушек он сажал к себе на колени и вертел их; пожилых женщин он обливал и обмазывал разными нечистотами, рвал им платья, дрался и ругался; всему этому придавали суеверы символическое значение.

Княгиня В., больная, поддерживаемая двумя лакеями, приехала к нему спросить о сво-

ем здоровье. В это время у Ивана Яковлевича были в руках два больших яблока. Ничего не говоря, он ударил княгиню этими яблоками по животу. С ней сделалось дурно, она упала и потом, как говорили, болезнь как рукой сняло: она выздоровела.

Прыжов в своей книге[63] приводит некоторые семейные воспоминания о Корейше «Бабушка моя, тетушка и матушка, – говорит он, – были усердными почитательницами Ивана Яковлевича. У бабушки жила шутиха, некая Лизавета Ивановна, старая безнравственная девка, забавлявшая всех такими же шутками, какие Берхгольц видел при дворе Прасковьи Ивановны. Отправляясь раз к Ивану Яковлевичу, бабушка взяла с собой Лизавету Ивановну, у которой тогда болела голова. Вот вошли они на двор „безумного дома»; Лизавета Ивановна шла впереди. Увидев ее, Иван Яковлевич, гулявший тогда по саду, бросился на нее, повалил ее на землю, сел на нее верхом и начал бить ее по голове моченым яблоком и бил до тех пор, пока не измочалил все яблоко. Еле-еле убралась от него Лизавета Ивановна, и – представьте, что сделалось! – у

нее от побоев перестала болеть голова».

Из почитателей Ивана Яковлевича известны господин Олсуфьев, купчиха Заливская и госпожа Г. Рассказывали, что последняя дама имела в Москве судебное дело, в котором отказано ей было во всех инстанциях. Подавала она несколько просьб начальству, и кончилось тем, что ее обязали подпиской не беспокоить более начальства. Что ей делать? Она бросилась к Ивану Яковлевичу; он ей сказал: «Не бойся! ступай в Питер и проси священника Александра». Она поехала в Петербург, говела там, исповедалась нарочно у священника Александра и выиграла дело. У нее же за долги было назначено в продажу имение. Завтра аукцион. Что ей делать? Она к Ивану Яковлевичу. «Не бойся, – говорит он ей на своем мистическом языке, – все будет хорошо!» Она, грешная, не верит, идет домой... и что ж? ей дают займы денег, она платит их, и имение остается за нею! Но не ко всем добр бывал Иван Яковлевич. Приезжают раз к нему три жирные и очень известные московские купчихи в тысячных салопах, и одна из них, беременная, спрашивает: кого она ро-

дит – мальчика или девочку? Иван Яковлевич выгнал их всех и не стал с ними говорить.

Приехала к нему известная некогда красавица-купчиха Ш. и спрашивает его, о чем ей было нужно, а он поднял ее платье и говорит. «Все растрясла – поди прочь!»

Настоящих дураков Иван Яковлевич терпеть не мог и гонял от себя, но особенно он не любил, когда к нему обращались с нелепыми вопросами.

В числе его почитателей много было важных лиц, и когда они приезжали, то к нему никого больше не пускали.

Таким почитателем Ивана Яковлевича считалось одно известное лицо, которое, по его записочкам, написанным на клочке серой бумаги, оказывало покровительство его родственникам. Так, например, племянник Ивана Яковлевича был переведен из села Петровского в село Черкизово.

Эти черкизовские родственники сильно хлопотали, чтобы взять к себе Ивана Яковлевича и таким образом открыть у себя торговлю. Им помогал некто В.; говорят, что последний был прежде дьяконом, потом женился на

купчихе, был учителем, по ходатайству одного лица перед губернатором, князем СМ. Голицыным, поступил в совет, где, по милости князя же, дослужился до коллежского асессора, потом поступил в монахи, а теперь опять сделался светским. Он подавал тоже прошение, чтоб взять Ивана Яковлевича из сумасшедшего дома.

Иван Яковлевич недели за три до своей смерти впал в беспамятство, и все это время уста его не говорили вещей слов, посетители выходили от него с грудой нерешенных вопросов; за все время его агонии публика входила в его комнату бесплатно.

Из предсмертных его особенных действий известно, что за восемь дней до смерти он приказал купить восемь окуней и сварить ушку, покушав последней немного, он отложил ее до утра. Потом, раз ночью, выдвинулся он на середину комнаты и лег ногами к образам, как прилично покойнику, но внимательными заботами сторожа был водворен на прежнее место, в угол к печке.

Наконец пришел роковой час, и Ивана Яковлевича не стало. Скорбная весть о его

кончине быстро пронеслась по всем концам Москвы. Множество поклонников спешило к нему, и все несли ему уксусу, спирту, масла, духов для умащения его тела.

Два дня стоял он в своей комнате, и масса народа не отходила от него, прикладывалась к нему и помазывала его для уничтожения появившегося зловония. Благоразумные поклонники, опасаясь, что от усердного натирания труп окончательно испортится, сочли нужным вынести его в часовню.

«Московские полицейские ведомости» сообщали, что умершего в Преображенской больнице Ивана Яковлевича Корейшы отпевание тела будет в воскресенье, 10 числа, в 10 часу утра, в приходской, что в Екатерининском богадельном доме, церкви, а погребение – в Покровском монастыре.

В назначенный день чем свет стали стекаться к нему почитатели; но погребение не состоялось за возникшим спором, где именно его хоронить. Говорят, что чуть не дошло до драки, и брань уже была, да и порядочная. Одни хотели везти его в Смоленск, на место его родины; другие хлопотали, чтоб он был похо-

ронен в мужском Покровском монастыре, где даже вырыта была для него могила под церковью; третьи умиленно просили отдать его прах в женский Алексеевский монастырь, четвертые, уцепившись за гроб, тащили его в село Черкизово, где у покойного осталась племянница в замужестве за дьяконом, который поэтому нажил себе благодетелей. На последней стороне больше всего было силы, и она одолела.[64] Из опасения, чтобы не украли тело Ивана Яковлевича, стоявшее в часовне, сначала приставили к нему сторожа, а потом внесли в церковь, откуда уже никак нельзя было его украсть. Во все это время шли дожди, и была везде страшная грязь, но, несмотря на это, во время перенесения тела из квартиры в часовню, из часовни в церковь, из церкви на кладбище женщины, девушки, барышни падали ниц, ползали под гробом, ложились по дороге, чтоб над ними пронесли гроб. Принесли его в церковь. Близ гроба поставили три кружки, и эти кружки быстро наполнялись деньгами, а затем деньги, которые не взяли в кружки, посыпались на гроб.

Гроб до самой могилы несли мужчины и

женщины. Хоронили его за счет господина Заливского, хотя он был католического вероисповедания. Этот же самый Заливский хоронил и Семена Дмитрича.[65]

К выносу праха из церкви собрались отовсюду уроды, юроды, ханжи, странники, странницы. В церковь они не входили за теснотой и стояли на улице.

И тут, среди белого дня, среди собравшейся толпы, делались народу поучения, совершались явления и видения, изрекались пророчества, хулы, собирались деньги, издавались зловещие рыкания и проч., и проч.

Господин Скавронский[66] указывает еще несколько особенностей погребения Ивана Яковлевича. В продолжение пяти дней его стояния отслужено более двухсот панихид; псалтырь читали монашенки, и от усердия некоторые дамы покойника беспрестанно обкладывали ватой и брали ее назад с чувством благоговения; вату эту даже продавали; овес играл такую же роль; цветы, которыми был убран гроб, расхватаны вмиг; некоторые изуверы, по уверению многих, отрывали даже щепки от гроба.

Бабы провожали гроб воем и причитаниями: «На кого ты нас, батюшка Иван Яковлевич, оставил, покинул сиротинушек (последнее слово пелось и тянулось таким тоном, что звенело в ушах), кто нас без тебя от всяких бед спасет, кто на ум-разум наставит, батюшка-а-а?».

Многие ночевали около церкви. Могила выстлана была камнем, наподобие пещеры: многие в нее спускались и ложились. Долгое время на могиле служили по двадцати панихид в день. Московские купчихи, завертывая в дорогие турецкие шали свечи и ладан, едут на могилу Ивана Яковлевича и, отдавая там свои дары, говорят: «Свечи и ладан нашему батюшке, а шаль священнику».

С. Калошин, редактор «Зрителя», описывает день похорон следующим образом: «Я видел, как среди двора окруженные разнородными фигурами, горячо спорили два священнослужителя, городской и сельский, имея безмолвным ассистентом третьего. Состязатели оказались равно тонкими диалектиками, но наконец столичное красноречие превозмогло. Вынос Ивана Яковлевича отличался боль-

шою торжественностью. Шли певчие и духовенство; гроб несли женщины на головах; под покров, распростертый в виде шатра, проходили, как, видел я, проходят под образа. Гроб был украшен цветами, к нему беспрестанно прикладывались, отрывая листья и цветы, подносили детей, брали опять зерна из-под покрова и т. д. По окончании панихиды какая-то женщина из простонародья стала метаться у гроба и произнесла несколько таких слов, что ее вывели. Рев и вой в народе не прекращался, крикуньи орали, как зарезанные, и метались, как бесом одержимые; на кладбище была страшная давка».

Ниже Калошин говорит: «Я видел в Москве похороны двух известных русских людей, Гоголя и Ермолова; того и другого провожала толпа. Но это были не те проводы, не те и почести: за Гоголем с благоговейным сознанием шел университет, к которому примыкала горсточка просвещенных людей, свет, привыкший к университетской церкви, где стоял прах великого человека. За Ермоловым народ валил потому, что тут были войска, пушки, музыка, — словом, даровое зрелище. И тени

той торжественности, которою были проникнуты последние почести Ивана Яковлевича, никто не видал вокруг останков гениального поэта и славного вождя». Неутешная толпа, по словам газет, прямо с похорон пошла в сумасшедший дом и венчала там на место Ивана Яковлевича нового юродивого, который уже лежал на его месте, испив малую толику от зауспокойной чаши.

Новый преемник Ивана Яковлевича еще при жизни писал записочки; говорил он не уставая, говорил много, но совершенно безотносительно к нуждам посетителей, и все больше о политических неурядицах иностранных держав, до которых поклонникам святоши дела не было.

Несмотря на то, что прошло несколько десятков лет, а ревнители умершего Ивана Яковлевича до сих пор не могут забыть своего любимца и глубоко скорбят о своей невозвратной потере.

VII

Цыган Гаврюша

Лет десять тому назад Замоскворечье с величайшим наслаждением упивалось раз-

ными рассказами некоего отца Гавриила Афонского, или попросту Гавриила Федоровича. Этот кудесник был происхождением из молдаванских цыган, но про себя он рассказывал, что он был черногорский магометанин и перешел в православие вследствие какого-то совершившегося с ним чуда.

Видом он был сухощав, с небольшою седою бородою. Разные чудеса, впрочем, к неописанной радости его почитателей, никогда не покидали отца Гавриила, и разные демонские искушения не оставляли его ни днем, ни ночью.

По словам его, демоны все больше норовили совратить его блудною страстью и являлись к нему в виде нагих прелестниц и разных морских чудовищ, разных аспидов и василисков.

Отец Гавриил во всем этом видел перст, указывающий ему один возврат на Афон; но так как туда дорога была дальняя и путь не дешев, то усердные подачки на дорогу и сыпались ему за голенище от доброхотных дателей ежедневно.

На пение же юниц и на танцы Иродиад он

не взирал и затыкал свои уши воском, как хитроумный Улисс. Таким образом, набирая деньги и выходя чуть ли не десяток раз из Белокаменной, он набрал состояние в несколько тысяч рублей.

Для временного пребывания в Москве один богатый его поклонник, купец, устроил ему в саду келью, где и проживал отец Гавриил. У купца этого, впрочем, в самое короткое время пустынный сумел вселить в семье такой раздор, что под конец был изгнан с позором.

После этого слава его немного поколебалась, и он должен был идти в один скит близ Москвы, но и тут ему не жилось; и вот, спустя несколько лет, он появляется в Москве, заходя к старым знакомым с разными образками, сделанными из кости рыбы-единорога, с прошивками и слезками Богородицы.

Богатое купечество всегда радо было видеть его дорогим своим гостем и угощало его стерляжьей ущицей, которой он был большой охотник, так же как и до почестей, вроде целований рук и земных поклонов.

В разговорах он всегда был груб и говорил

более категорически. За батюшкой Гаврилом Федоровичем богатые купчихи высылали всегда готовый экипаж, в котором он кататься весьма любил.

По слухам, он был негласным участником в лошадиной торговле известного московского барышника Б-ва, у которого цыган прежде служил работником на дворе, когда тот еще держал звериную травлю.

Также Гаврила Федорович слыл в Москве за хорошего коновала, умевшего давать людям «обратную падь» и пускать кровь из «сколка».

VIII

Андрей – старчик

Другой такой же пустосвят известен был в Москве под именем отца Андрея, он родом был из духовного звания и воспитывался в Петербургской духовной академии, «но убоялся премудрости и возвратился вспять». После выхода из Академии за разные неблаговидные проделки он попал в острог и там принялся юродствовать.

Сначала он ходил по Москве босиком, в белой поярковой шляпе, но, развиваясь поне-

многу, стал рядиться в разные костюмы для разных случаев. В дом церковного старосты, в день храмового праздника, он являлся в одежде послушника, подпоясанный ремнем, на голове скуфейка; в дом богатой барыни он входил в сюртуке и шляпе с лорнеткой; на гуляньях он одет был купцом или крестьянином.

Видом он был похож на порядочного человека, у него очень длинные вьющиеся русые волосы и красивая такая же борода, правильные черты лица; он хорошо говорил по-французски, да еще таким мягким и вкрадчивым голосом. Явившись к богатой аристократке, он выдавал себя за дворянина знатной фамилии, рассказывал, что он бросил почести и все земное «Бога ради» и что с малолетства возымел желание спасти свою душу подвигом юродства.

В обществе старух, ханжей и купчих он толковал о смерти и аде, о своих великих согрешениях и т. п.

В доме благочестивых он надевал на себя вериги и облакался в рубище; если его оставляли там ночевать, то он не ложился на кро-

вати, а где-нибудь на полу. «Поспишь здесь мягко – уснешь там жестко», – говорил он. Также прикидывался он великим постником в доме ханжей, съедал только два грибка, да соленый огурчик. Где-нибудь в трактире, между кутящими купчиками, он был первый собеседник и делался душой общества, пел скабрзные песни, пил больше всех, плясал и т. д.

Он проживал долгое время во Ржеве, у некогда поселившейся там молодой ханжи, богатой почетной гражданки М-ной, но здесь не ладил с известной ее опекуншей Б., известной тоже пустосвяткой и лицемеркой, пять лет назад судимой за мошенничество и сосланной в Сибирь.

По рассказам москвичей, отец Андрей впоследствии покончил с юродством и в компании с некоторою разбитною женщиною занялся другим предприятием в собственном общеувеселительном заведении.

IX

Кирюша-старчик

Некогда в Москве проживал на Зацепе лже-прорицатель, морочивший благодушную

слепоту; с виду очень благообразный, сухоощавый, начитанный и красноречивый старик Кирюша, родом из крестьян. На вопрос, кто он и что он, у него был один ответ: «Аз есмь раб Божий Кирюша».

Носил он всегда на груди сумку, которую никогда не снимал. Сначала он ни к кому не ходил, и его трудно было позвать в гости.

– Батюшка Кирюшенька, – спрашивает его какая-нибудь купчиха. – Зайди чайку откушать!

– Не пойду, не пойду, – отвечает он. – Рад бы в рай, да грехи не пуцают.

Такие темные слова только щекотали и раздражали женское любопытство.

Раз, впрочем, одна лабазница, известная в Москве богатая купчиха, как-то обманом залучила его. Войдя на двор, он начал креститься, но, не дойдя до крыльца, закричал благим матом:

– Полы не мыты, полы не мыты, псы были! – и ушел. Купчиха перетолковала это так и рассказала всем:

– Батюшка-то угадал, вчера у меня был учитель дочери, немец – значит, бусурман,

нехристь...

Учителя тотчас прогнали, полы вымыли, окна и двери окропили святой водой и отслужили молебен – потом послали за Кирюшей, предварительно пригласив всех знакомых посмотреть, как блаженный будет показывать свою святость.

Когда все были уже в сборе, тихой поступью вошел в комнаты и Кирюша, войдя, снял свою сумочку и, обращаясь к собравшимся дамам, спрашивал их:

– Мужатые вы или вдовицы?

Когда последовал ответ, что мужатые, т. е. замужние, то Кирюша спросил:

– Соблюдаете ли себя? Чисты вы или нет? Если нечисты, то не приступайте – иначе обличены будете!

Последовал робкий и нерешительный ответ, что все чисты; тогда он приказал всем кланяться до земли и став на колени, начал вынимать из сумки разные вещи.

– Вот, – говорил он, – покажу вам прежде тьму египетскую, что напущена на фараона, – и показал черную скляночку, к которой все прикладывались, а вот часть младенца, уби-

того Иродом; а вот перышко из крылышка Михаила Архангела; вот косточка Кузьмы-Демьяна; вот камень, взятый Моисеем при переходе через Чермное море; вот копыто валаамской ослицы; вот кость от того кита, в котором пребывал Иона; вот щепочка той лестницы, что видел Иаков во сне.

Из всего показанного все было раскуплено за дорогую цену знакомыми лабазницы.

Кирюша отчитывал больных, лечил младенцев от бессонницы, жен благочестивых от бесплодия и т. д. Но сам не мог уберечь себя от сетей прекрасного пола и, посещая одну набожную портниху, влюбился в ее мастерицу, которую и взял на содержание, открыл ей магазин; но та, как только отобрала у него все деньги, выгнала его вон, а сама вышла замуж за писаря из участка. Репутация блажененького после этого пала, он стал загуливать и, казалось, погиб невозвратно, но потом снова поправился, опять начал пророчествовать и поправившись во второй раз, уже занялся торговлей, долго был в Москве кулаком-старьевщиком.

Второй Кирюша

Не менее описанного Кирюши был известен в Москве проживавший в доме княгини Н. другой Кирюша, известный еще более первого своими странностями; родом он был из одного села Борисоглебского уезда. Проявил себя этот пустосвят сначала в двух губернских городах – Туле и Воронеже.

Остриженный и обритый, в легком черном демикотоновом полукафтани, без шапки на голове, он зиму и лето ходил по улицам. В правой его руке постоянно был жезл с привязанным на конце букетом свежих цветов; палка эта была внутри пустая, налитая свинцом, что придавало ей большую тяжесть; букет цветов имел вид постоянно свежий, даже и зимою, чем, конечно, был обязан своим почитателям прекрасного пола. Лицо у Кирюши цвело здоровьем. Чтобы лучше обморочить простодушных своих поклонников, он притворился немым и более полугода ни с кем не говорил; но когда, по его соображению, настало время окончательно одурачить суеверов, он заговорил. Эта выходка поразила всех: «Заговорил, так неспроста!» – твердили его обо-

жатели. Кирюша в свою очередь тоже смекнул, чего от него ожидают, и начал пророчествовать. Несколько точно сказанных по известным обстоятельствам фраз составили Кирюше громкую славу великого прорицателя и открыли ему двери богатых домов Воронежа, где он широко и пользовался разными дарами, и разъезжал в богатых экипажах. Особенно баловало Кирюшу купечество. Одно время жил он в доме почтенных граждан А-х, в нижнем этаже ему была отведена особая комната, зная, что все домашние, от прислуги до хозяев, жадно следят за ним, Кирюша вел себя осторожно. Каждый вечер он затворялся в комнате и усердно клал земные поклоны. Любопытные смотрели на него в дверную скважину, и чтобы отвязаться от последних, он вдруг, не оборачиваясь, говорил: «Знаю, знаю, что вы на меня смотрите!» Зрители, внутренне укоряя себя в любопытстве, со страхом расходились, крестясь. Один только человек в доме этого купца прилежно наблюдал за похождениями блаженненького; это был кучер Николай, и любопытный не остался в накладе – он подсмотрел, что после моления Кирю-

ша имел привычку пересчитывать свою выручку, добрался как-то до нее и утянул весь капитал лжепророка.

В одну ночь, когда кучер уже не видел ничего любопытного в надзоре за Кирюшей, последний поднял страшный крик в доме; все сбежались; Кирюша волновался в припадке злости, но о деньгах не говорил ни полслова.

– Пустите меня вон отсюда! – кричал он неистово – Не хочу больше здесь оставаться...

После уже узнали о покраже у него. Отправившись из Воронежа в Тулу, Кирюша там поселился на жительство у богатого купца Д.; для него была отведена особая комната, которая и носила название Кирюшиной.

В Туле он пользовался большою популярностью, и по рассказу, который находим в книге двадцати шести московских лжепророков (с. 143), в тот год, когда в Туле был большой пожар, Кирюша перед отходом своим в Воронеж был в доме купца М-ва; посмотрев в окна, он указал на город и проговорил: «Скоро, скоро будет большая суета... все будет чисто...». Спустя немного времени по уходе Кирюши из Тулы город сторел; слава лжепроро-

ка через это утвердилась.

В Москве, как мы уже говорили, княгиня N. отвела для него в своем доме особую комнату, которая постоянно вся была убрана цветами. По прихоти Кирюши каждый отцветший горшок с цветами был заменяем новым, цветущим. Так блаженствовал Кирюша целый год. Наконец совесть заговорила в нем: ремесло обманщика надоело ему, и он, отрастив себе бороду и волосы на голове, уехал в свое родное село, где первым долгом сделал на свой счет иконостас для сельской церкви и выстроил себе дом с хорошим плодовым садом. Когда он раз, проездом через Тулу, зашел по старой памяти в гости к почетному гражданину Л-ву, где когда-то он постоянно жил, тот спросил его за чаем: не приходит ли ему и теперь еще когда-нибудь охота блажить по-прежнему? Кирюша простодушно отвечал:

– Нет! никогда! подурачился, да и будет!..

По словам А-ва, из бывшего пустосвята вышел очень хороший садовод.

XI

**Матушка-кувырок. – Никола-дурачок. –
Феодосий-веригоносец, да Петр-**

прыгунок

В числе нравственных уродов в Москве был некогда известен Матюша, родом из крестьян, небольшого роста, с русой бородой; ранее своего пустосвятства он был нищим в городских рядах, где для именитого купечества кувыркался турманом, ходил колесом, пел петушком и т. д. Устав на этом поприще, он поступил в монастырь, но его оттуда скоро удалили за хитростное неоднократное пронесение в монастырь «оловастры мира, сиречь водки».

После этого Матюша уже является в преображенном виде, в послушническом наряде, ходит по купцам, как некий начетчик духовных книг и прозорливый старец, поздравляет их с праздником, с ангелом, собирает на скиты и монастыри и изрекает ужасные слова: «жупел», «собаче», «геенна огненна» и т. д. Из числа служивших потехою честному купечеству стоит тоже внимания некий Николаша-дурачок. Его приютила московская матросская богадельня, известная соседством с тем безумным домом, где проживал Иван Яковлевич. Т. к. в этой стороне нет ни теат-

ров, ни балаганов, ни увеселительных садов, то благодетельное купечество, глядя на Николашу, утешало себя, надрывая свои животики.

Николаша был очень простое, доброе и слабое существо, великий охотник до репы и, к несчастью, до мати-сивухи, к которой приучили его благодетели-торговцы Преображенского рынка. Они выучили его также петь отвратительные песни; наряжали его в шутовской костюм, например, в ливрею, лакеем, и заставляли его петь и плясать, а сами хохотали над ним и дразнили его, как собаку, заставляя чихнуть раз пятьдесят, зевнуть раз сто; он зевал и чихал до поту, до изнеможения. Словом, этот несчастный представлял для московского захолустья обычную его уличную идиллию.

Известен также был в Москве, на грустном пути пустосвятства, некий отец Феодосии, родом он был из крестьян Дмитровского уезда и проживал в Хамовниках. Ходил он всегда босиком, носил железные вериги и пророчествовал. Видом он был здоровый мужик, лет сорока, с окладистой бородой, плешивый. У

него была дочь, молодая девушка, которая и отбирала у него деньги. С ним же всегда ходил другой юродивый, Петр Устюжский, в послушническом полукафтаные, подпоясанный ремнем. Он ходил вприпрыжку, отчего и носил кличку «бегуна».

Петрушка очень любил все съестное – в особенности сладкое – и баб, которых называл *вербочками, пеночками, кинареечками, лапушками* и т. д. Верующие ставили ему это в добродетель юродства.

Он отличался настолько большим аппетитом, что зараз съедал целый арбуз, как бы он велик ни был, при виде арбуза он кричал: «Искушение, искушение, великое искушение!» – и затем, взяв его в коленки, ел до тех пор, пока от него оставались одни корочки.

С такою же прожорливостью накидывался он на икру и не переставал ее жевать, пока не останется ни зернышка. Поклонники, зная его пристрастие к этим яствам, угощали его до отвала, видя в этом какой-то подвиг юродства.

XII

Иван Степаныч и Ксенофонт, отрок

его. – Данило-пустосвят и Феодор

В числе лжепророков на Москве знаменит был и Иван Степанович, старик-мужик, одетый в послушническое платье. Говорил он довольно красноречиво; родом из крестьян, прежде он был извозчиком-лихачом, стоял у Ермолая на Садовой, возле Козихи. Он одно время ходил по Москве босиком и пророчествовал. Полиция привлекла его за бродяжничество и бесписьменность и посадила в острог. Выйдя из последнего, он стал уже ходить пристойнее, в сапогах и бросил юродство, но посещать дома купцов стал уже как «наставник в благочестии».

Вскоре он успел сколотить этими делами капиталец, купил на реке Пахре домик, в котором и основал свой приют.

У купчихи Замоскворечья и на Самотеке Иван Степанович пользовался каким-то особенным расположением; приход его в дом считался особенною благодатью. Придет Иван Степанович невесел – и все думают, что быть беде. Захворай кто-нибудь после его посещения – хотя бы через год – и все говорят: «Иван-то Степанович был невесел, вот и за-

хворала Акулина Михайловна!». Умри кто-нибудь через полгода: «Вот, – скажут, – Иван Степанович-то все хмурился, вот оно к чему!» – и т. д.

Иван Степанович очень любил читать поучения, и все они клонились к тому, чтобы вызвать поболее пожертвований от благодушной слепоты.

Под конец жизни у Ивана Степановича был свой скотный двор, откуда он и посылал своим благодетелям мясную дичину, молоко, творог, сметану и яйца.

У этого Ивана Степановича был и ученик, некто Ксенофонт Пехорский, ходивший босиком с большою палкой в руках, с непокрытой головой, постящийся и будто бы болящий мужик.

Явился он в Москву в 1848 году, во время холерного времени: в такое время чернь особенно падка на этих фокусников. Начал он юродствовать следующим образом: ел он мало, по ночам читал книги, в речи вставлял тексты из Священного Писания, чаю пил мало, да и то не иначе, как с деревянным маслицем из лампадки, смотрел вниз, вздыхал

громко, с горничными не заигрывал, вообще вел себя смиренно.

Раза три в год ходил он на богомолье, собрав предварительно хорошие деньги на монастыри. Промыкав так несколько лет, он решился пересчитать свой капиталец и, найдя не одну тышчонку, в одно прекрасное утро скинул с себя шутовской костюм и сделался прасолом, женился и стал поживать припеваючи, под хмельком рассказывая о своих похождениях а la Казанова между московскими купчихами и другими барынями, величая их разными сдобными именами.

Среди других московских пустосвятов-юродивых личность Данилушки Коломенского облекается ореолом какой-то псевдосвятости. Масса неправдоподобных рассказов о его прозорливости, чудесах и т. д. возбуждала некогда в среде московского купечества и мещанства особенное к нему сочувствие и любопытство. Он был одно время центром, к которому приплеталось все чудесное и таинственное, хотя бы оно и не принадлежало ему.

Родом Данилушка был из села Лыкова, Московской губернии, Коломенского уезда.

Отец его был крестьянин, богатый закоренелый раскольник, и имел у себя в доме модельню; мать его считалась большою начетчицею старых духовных книг. Данилушка не был любимцем родителей и рос одиноко, даже играть со сверстниками ходил в другое село, верст за десять.

В детстве Данилушка считался лучшим игроком в бабки и, несмотря на то что был очень близорук, наигрывал их в неделю на хорошую сумму, которую и отдавал на церковь церковному старосте. Последний любил Данилушку за сиротливость, кормил, поил, оставлял нередко у себя ночевать и приучал его к церкви, заставлял его петь на клиросе по слуху и торговать свечами. Отец Данилушки сердился на старосту и жаловался на него своему барину. Барин, когда узнал, что Данилушка – мальчик смирный и добрый, взял его к себе в дом, сделал казачком, стал одевать и хотел даже учить его грамоте; но Данилушке вскоре надоело все это, и он в одно утро снял с себя одежду и сапоги и принес барину, сказав, что ходить в этом не может, потому что все падает с него; после этого Данилушка уж

никогда больше не носил сапог. В праздники и в будни он постоянно пребывал в церкви, а когда не бывало службы в селе, то бегал за две, за три и за пять верст в соседние села. На дворе еще темно, а Данилушка уже бежит куда-нибудь к заутрене, и как бы рано она ни начиналась, а он уже верно успеет к началу. Его не останавливал никакой мороз, хотя бы в тридцать градусов. В одной рубашке, по колени в снегу, по оврагам и полям бежит он к заутрене; если, случалось, придет он раньше благовеста, то пойдет к ближайшему крестьянину и там дожидается. Когда он покинул свое село и пришел в город Коломну, то обыватели приняли его как настоящего юродивого.

Там босиком ходил он по улицам, по церквям, ему давали денег – он деньги брал, опускал их за пазуху и вечером относил в свою квартиру к купцу К. Раз в неделю навещал его церковный староста и обирал у него деньги. Данилушка, собирая деньги, любил шутить с купцами. Если купец был толст, то, потрепав его по плечу, говорил: «Эй ты, кошелка», одного он называл «синим», другого – «звон-

ким». Если, смеясь, они говорили ему: «Данила, ноги-то отморозил», – то он отвечал: «Сам отморозил», – и, заложив руки за спину (его обыкновенная походка), продолжал идти далее и напевал про себя: «О всепетая мати» или «Милосердия двери отверзи».

Так, живя несколько лет в Коломне, он успел собрать денег на постройку целой колокольни. Самая же церковь в его селе на его собранные подаяния была расписана внутри и снаружи.

Воспитание Данилушки, совершившееся в среде благочестивых купцов, шло вперед, и вот он вскоре начал предсказывать. Толковали бабы, что Данилушка три раза предсказывал пожар в Лыкове, а на третий раз сказал, что Лыково сгорит в Великую субботу, и вместе сгорит и его отец, – что и сбылось.

Набегал Данилушка в Москву очень часто, здесь ему жилось в Замоскворечье как нельзя лучше: там он был гость желанный.

Где-то в пригородной слободе, на даче богатого купца, проживал пустосвят Феодор[67] с двумя малолетними сыновьями; ходил он в черном засаленном полукафтаны, с длинны-

ми волосами, без шапки и босой во всякое время года. На голове у него был какой-то обруч, обернутый черною сальною тряпицею, с нашитым на ней позументным крестиком, носил он длинную палку с железным на нижнем конце острием, на верхнем же сделан был крест, обшитый шелковыми тряпичками, на которых развешаны были металлические и стеклянные образки.

В таком виде он свободно ходил по улицам, площадям, церквам и монастырям города, громко распевая духовные псалмы. Нередко случалось, что пением своим он нарушал порядок церковной службы и с желавшими воздержать его вступал в громогласный спор.

Обыкновенным местом пребывания его была монастырская галерея, в известные времена года битком набитая богомольцами из сел и деревень. Иногда он громко пел, а иногда молча молился Богу, делая размашистые кресты с сильными ударами по голове, груди и плечам; земные поклоны его сопровождались сильным стуканьем лба о пол. Около него группировались толпы любопытных, богомольцев и наделяли его милостынею, при-

говаривая: «Помяни за упокой или за здравие такого-то»; Феодор молча брал деньги и громко творил поминовение.

По окончании церковной службы, когда весь народ скопился около монастыря, он становился среди монастырской площади, оставлял одну руку с жезлом для целования креста в тряпицах, где, по его словам, защиты были частицы мощей, а другую протягивал для сбора денег. Каждый богомolec подходил, прикладывался к образам на палке и давал копейку.

Беспрерывный перечень душ, которые он обязывался поминать, надоедал ему, и вот, едва крестьянин или крестьянка откроет рот и успеет вымолвить: «Помяни», – пустосвят прерывал начатую фразу лаконическим возгласом и киваньем головы: «Знаю! знаю, кого!..» Удивленные богомольцы благоговейно крестятся и шепчутся между собой: «Вот уж подлинно-то святая душенька! ты только рот разинешь, а уж он и знает, кого нужно помянуть...» Этот пустосвят прежде долго морочил жителей Воронежа, но какая-то история скверного свойства открыла там глаза ослеп-

ленных.

XIII

Мандрыга-угадчик. – Дуня Тамбовская. – Агаша. – Марфа – затворница и Маша-пещерница

В 60-х годах в Москве проживал человек неизвестной национальности, по внешности персиянин или еврей сухощавый, небольшого роста, черноволосый, с небольшими черными глазами. Популярность его была значительна, он в короткое время успел нажить домик за Донским монастырем, у ворот которого с утра до вечера стояли экипажи. Мандрыга занимался гаданьем, давал назидательные поучения житейской мудрости, у него в комнате стоял аналой, на котором лежала Священная книга; в праздники происходило служение, которое отправлял сам пустосвят в фантастической одежде; множество его поклонниц ловили каждое сказанное им слово и крестились усиленно.

Дерзость этого пустосвята в одно время дошла до геркулесовых столбов, и он за кощунство был сослан в Соловецкий монастырь, где в начале восьмидесятых годов и умер, нахо-

дьясь на покаянии.

В ряду пустосвятов, подвизавшихся на поприще юродства и блажи, известна была в шестидесятых годах в Москве проживавшая где-то на Таганке Евдокия Тамбовская, женщина лет пятидесяти, сухая, бледная, вечно босая, в черном коленкоровом платье, повязанная черным платком. Она останавливала проходящих на улице со словами: «Миленький братец (или миленькая сестрица), благословите на копеечку!» Если миленький братец или миленькая сестрица подавали просимую копеечку, то подавшего она начинала крестить и целовать, а если ей не давали, то она стращала «жупелом огненным» и всякими геенскими муками; придя же к кому-нибудь в дом, она садилась на пол и рассказывала о разных явлениях и видениях.

В разговорах она была не прочь попросить и водочки. Если же при этом кто-либо замечал, что водку ей пить не подобает, то на это она отвечала:

– Водку-то? Водку-то можно пить, поелику мы люди такие: водку просим – воду пьем, воду просим – водку пьем!

В жизни среднего купечества, где нет разумно выработанных отношений, где нет общества в полном значении этого слова, где жизнь идет по издавна пробитой глухой колее, в быту, в котором к разумному все безучастно, такие разговоры находят полное сочувствие, и тянутся они долгими часами, благо затянуло жиром уши православных, чуткие только к подобным разговорам и колокольному звону. Весь их идеальный мир нейдет дальше, как к белорыбице, к здоровеннейшему кучеру, да к какой-нибудь псевдоюродивой или пустосвяту, или гадалелю.

Другая такая старуха, с бледным лицом, в заячьей шубке и повязанная белым платком, по прозванию Агаша, тоже собирала вокруг себя большие толпы купчих и разных праздных барынь, сперва в Алексеевский монастырь, где она проживала, а потом, когда его упразднили, в Вознесенский монастырь.

И ходила, бывало, эта старушка по церкви, расставляя свечки перед образами и приговаривая: «Это тебе, Иванушка! Это тебе, Николаша, одна от меня, а другая от рабы Божией Марьи».

А раба Божия Марья слышит это и начинает усиленно молиться, креститься да кланяться.

Не менее была известна в Хотькове другая такая пустосвятка, по прозванию «Марфа Герасимовна Затворница». По рассказам, она пребывала в закупоривании чуть ли не 30 лет и выходила на свет Божий только в экстренных случаях. Каждый такой выход принимался за предзнаменование какого-нибудь большого несчастья, возбуждал говор и наводил на всех ужас; начинали являться разные видения и слышаться разные глаголы...

– Гляди, – говорили кумушки – Мать Марфа Герасимовна вышла... быть беде... быть беде... – И неслось это слово повсюду, и слышали, как звонил в полночь колокол на колокольне; другая видела самого домового или ведьму, как она прилетала на метле. В воздухе даже пахло гарью, грудные дети по ночам вздрагивали в страхе, – даже кухонные коты и кошки жались сиротливо к печкам и всех пугались.

Но Марфа Герасимовна входила снова в затвор и начинала опять плести кружева, из-

редка высовываясь из своего могилыща в окошко, изрекая оттуда кару или спасение, смотря как ей вздумается. И снова толпы купчих и разных барынь теснятся у ее окошечка, ожидая милости, как манны небесной.

К ней по большей части приезжали купчихи попросить благословения на брак дочери и получить знамение, т. е. кружева. Даст кружев – целуют и прячут, не дала – плачут: это великое несчастье. Окружающие распрашивают, какой кусочек дала – короткий, широкий или узкий, – и, смотря по ответу, делают приличные предзнаменования.

И каких примеров не наблюдается в купеческом быту при отдаче невесты, и откуда эти суеверия? За неделю до свадьбы бедную невесту совсем замытарят по гадалкам – дня три до брака она говеет, просфора да святая вода. Сколько боязни, сколько забот о будущем счастье – и все-таки мирное, тихое, светлое семейное счастье так редко в купеческом быту.

Деньги, которые давали Марфе Герасимовне, она копила, тщательно их пряча. После смерти нашли у нее целые кучи серебряных и медных монет и бумажек, успевших совсем

превратиться в прах.

В двенадцати верстах от Москвы, в селе Бусине, жила Маша-пещерокопательница. Подвигами юродства последняя начала заниматься с пятнадцати лет. Народная молва пронесла про нее, что когда она роет пещеру, в то время все кругом нее освещается необыкновенным светом, а роет она по особенному, бывшему ей гласу, что она тут должна вырыть икону.

Все шли и ехали, чтобы посмотреть Машу; пещера, где она жила, была не что иное, как глубокая яма, на стене которой висела икона с горевшей лампадой; на полулежала ветхая одежда труженицы, а она сама, с заступом в руках, босиком, в одной рубашке и с распущенными волосами, распевала звонким голосом духовные песни.

Приходившие опускали ей в яму деньги, калачи, сайки, а взамен из ямы брали песок и щепочки. Слава о ней быстро росла и привлекала толпы народа.

Вскоре в это дело вмешалась полиция. Машу взяли и отвезли в Москву, где она на допросе показала, что была научена это делать

корыстными родными.

Маша была отдана на покаяние в один из женских монастырей и под конец жила в селе Свиблове, на суконной фабрике Кожевникова, в суконщицах.

XIV

Марья Ив. Скачкова. – Татьяна босая

В одной из московских богаделен лет пятьдесят назад жила богаделенка из купеческого рода Скачковых, Марья Ивановна. Старуха страдала всеми физическими недостатками; была хрома, глуха и кривонога, в богадельне она жила с лишком уже сорок лет, [68] как вдруг стала всем рассказывать, что ей привиделось во сне и даже слышался ей голос, говоривший ей «Марья, благословляй воду на исцеление других!» Видение это повторялось несколько раз.

Но вот однажды приходит в богадельню какой-то мужик и спрашивает Марью Ивановну: ему снился сон, чтобы он шел в Москву, в такую-то богаделенку, и попросил ее, чтобы она благословила воду для исцеления его жены.

Скачкова исполнила просьбу мужичка.

Спустя несколько дней после этого приходила в богадельню барыня, отыскивая Скачкову, тоже по сонному видению, для благословения воды.

Слава Марьи Ивановны росла, к ней съезжались московские барыни и купчихи; наконец она вылечила одного откупщика. Последний взял ее из богадельни, поместил в Мещанской улице, в богатой квартире; у ней был повар, карета и пара лошадей, на которых она разъезжала по монастырям. С этих пор Марья Ивановна приобрела славу великой целительницы и в подмогу к себе взяла бедную дворянку, для которой впоследствии купила дом. Благодарный откупщик с этих пор не знал, как угодить Марье Ивановне, и всякую ее прихоть исполнял. Раз, уезжая в Петербург, он испрашивал у нее благословения и при этом спросил, какого бы гостинца привезти ей.

– Привези мне, – говорит Марья Ивановна, – орган, который бы играл обедню.

Как ни трудно было отыскать такой орган, который бы играл обедню, но откупщик отыскал такой.

Не один откупщик дарил Марью Ивановну. Отовсюду ей везли и несли, что ей только хотелось – и чего у ней не было! И табакерки с музыкой и с поющими птичками, и шитые ковры, и священные книги, дорогие подушки и всякие лакомства.

Особенно боготворил ее один генерал, занимавший очень видное место. По словам неизвестного биографа Скачковой, он, бывало, придет, соберутся еще двое-трое важных стариков, ее усердных поклонников, запрягутся все они в колясочку на рессорах и катают Марью Ивановну по саду.

Марья Ивановна со всеми своими знакомыми общалась свысока и даже весьма грубо, что еще выше поднимало ее в общем мнении. Всех она без различия звания и пола называла одними именами: Иван, Петр, Степан, Катерина, Анна, Александра и т. д.

В ее гостиной решались разные общественные и домашние дела; тут восстанавливался мир между мужем и женою, отцом и сыном и т. д. Очень понятно, что примиренные несли ей дары. Через нее получались выгодные места. «Иван, дай место Петру», – гово-

рила она, и место давалось беспрекословно. Или: «Григорий, определи такого-то», – и такого-то определяли. В доме ее писались и подписывались духовные, о которых в другом месте и заговаривать не смели. У ней также заключались браки, и все новости столицы были ей известны. Ходила Марья Ивановна вся в черном, волосы стригла по-мужски и голову иногда покрывала шапочкой. С собой она была худощава, мала ростом, имела пронизательные глаза и резкий голос. При ее выездах огромные лакеи брали ее на руки и несли в карету и из кареты.

В последний год ее жизни ее звали переехать в Петербург, где приискали ей богатую квартиру; после больших просьб она выехала из Москвы, но на дороге захворала и в Торжке скончалась; похоронена она была с большим парадом. Все богатство она завещала своей компаньонке Катерине, которая впоследствии поступила в монастырь, где и умерла в постриге.

В сороковых годах на московских улицах была известна молодая девушка, недурная собой, стройная, с распущенными волосами и

босая, покрытая черным платком. Юродивая девушка эта сначала называлась Татьяной, а потом Татьяной Степановной Босоножкой.

Родом она была из купеческого семейства; после родных осталась сиротой и жила в одном дворянском доме, где получила образование. После одного неудачного любовного похождения она покинула дом своих воспитателей, познакомилась с ханжами и сама начала ханжить и юродствовать. Жила она с сестрами на Плющихе в своем доме, где отчитывала порченных и больных; потом распустила слух, что явилась у ней в доме чудотворная икона, и толпы народа осаждали ее с утра и до ночи.

Она продавала свечи, пузырьки с деревянным маслом, вату и т. д.

О себе она рассказывала, будто в сновидениях ей бывают разные гласы и явления. Старухи-ханжи, старые девы и несчастные молодые девушки, которые по ее советам отказывались выходить замуж, жили у ней с утра и до ночи, а иные и ночевали. Эти постоянные собрания у босоножки, недоказанные чудеса и разные неблагоприятные сцены, бывавшие тайно по ночам, обратили на нее внимание

полиции; икона была взята в один монастырь, а босоножке было приказано прекратить сборища.

После этого Босоножка все собиралась выйти замуж, но не вышла; затем занималась сватовством. Дом ее постоянно был наполнен неувядаемыми вдовицами с моськами и болонками на руках; разные отставные усачи и другие выхоленные джентльмены искали у ней протекции и занятий. Ее жилые комнаты носили какой-то специфический запах; свежего человека, как только войдет, так и обдал запах белил, румян, пудры и тому подобных снадобий. Босоножка вскоре уже стесняться не стала и открыто стала заниматься прибыльной профессией известной «мадамы».

XV Голубица

В ряду известных таких женщин-пустосвяток, пройдох и ханжей сияла, как алмаз, в Москве и Петербурге в пятидесятых годах толстая и красивая баба лет сорока пяти, с лицом белым и беззаботным. Называлась она Ольга Макарьевна или просто Макарьевна;

величала, впрочем, себя она «вдовицей», «странницей», «птицей небесной», «голубицей» и «оливанной». Старые петербургские гостинодворцы еще должны помнить, как она бродила по лавкам, в черном суконном подряснике с широкими рукавами, подпоясанная большим ременным поясом, на голове у ней красовалась черная остроконечная бархатная скуфья, но нередко хаживала она и повязанная красным фуляровым платком с распущенными по плечам волосами. В руках у ней была огромная палка, которую она называла «жезлом иерусалимским»; в руках же она по большей части держала пучок восковых свечей; на шее надеты были четки с большим крестом, а иногда и несколько образов, писанных на финифти и вытесненных на единороге иерусалимской работы.

Всех встречных Голубица благословляла и давала им целовать свои руки. Говорила она всегда иносказательно, о себе же простодушным купчихам болтала всякую ложь, только в самых выпретенных и велеречивых словах: – Вам, друг мой милый, – говорила она какой-нибудь купеческой благодушной слепо-

те, – жена я была боярская, ездила в карете драгой и устроенной муссиею и серебром, и имела аргамаки и кони многи с гремьчими чепьями. Лепота лица моего сияла, яко древле во Израиле вдовы Юдифи или древней Деворы или Эсфири, жены царя Артаксеркса. Но раз в нощи бысть мне видение и клич неподобный: «Жено, почто очи твои на нищих и убогих не взирают?» И, восстав от сна и памятуя эти слова, пала я ниц, прося отпуска грехов своих. Персты же рук моих возношаще на чело, на пуп и на обе раме. Из очей моих слезы яко бисерие драгое, исхождаху, а из глубины сердца бысть вопль велий – воздыхания же терзаху утробу, яко облацы воздух возмущаху. И с того часу ноzi мои дивно ступание возымели по темницам, по весям и распутиям, нося милостыню от дома своего, нося деньги к ризы и другая потребная – овому рубль, а инде десять, а иному и сотенный билет. Ближние же моя меня, яко зверие дикие, за это терзаху сердце и плоть рваху...

Заканчивала она свои разглагольствования по большей части разными выпрашиваньями, начинавшимися такими словами: «Я

и тебе, свету моему, о своих бедах и напастях возвещу».

Родом Макарьевна была московская мещанка. Под конец своей жизни она уже не выезжала из Москвы и жила между купчихами Таганки и Замоскворечья, где пользовалась большим уважением и почетом, и считалась необходимою принадлежностью на всех поминках, похоронах, свадьбах, при отпуске невест под венец; помимо ее, никто не смел подвязать в мешочках, в которые кладут четверговую соль, кусочек хлеба, уголек, иголку, булавку, маковую головку, ладанку, плакун-траву, корень Петров-крест.

На поминках и на похоронах она играла тоже роль утешительницы: надевала на плачущих четки, крест с себя, говорила разные подходящие тексты и т. д., садилась за столом между духовенством, толковала о рае и аде и проч.

На девешниках она благословляла сундуки, куда будут класть приданое, клала кусочек хлеба с солью, в каждый угол по серебряному пяточку, подвязывала невесте известный карман с мячкинским[69] снадобьем, в

состав которого вместе с названными выше вещами входила еще богоявленская свеча, и другая свеча от иконы Гурия, Самона и Авива, деревянная палочка с двенадцатью зарубками, розовая шелковинка и какое-то заклинание от порчи.

Терла она также купчих в банях, пользуясь от разных недугов, пользовала и от бесплодия какой-то косточкой.

Особенно молодые вдовы и молодые жены, а также и молодые мужья любили посещать ее квартиру.

Круг действий Макарьевны не ограничивался одной Москвой, она посещала Нижегородскую, Коренную и другие ярмарки.

Некоторое время она держала при себе девушку, одним выдавая ее за дочь, другим – за воспитанницу. Девушку эту под конец она выдала замуж за консисторского чиновника, дав за ней приданого тысяч десять.

Жила Макарьевна подчас очень весело, и вечерком нередко можно было встретить ее катающейся на извозчике-лихаче, красивом и румяном. По смерти у ней осталось более семидесяти тысяч капитала, который и получи-

ла ее воспитанница или дочь.

XVI

Батюшка Шамшин и мещанин Кочуев

В самое недавнее время в Петербурге славились своими пророчествами помещанный Шамшин; содержался он сперва на Удельной, затем был переведен в больницу Николая Чудотворца, где и умер. По словам Петербургской газеты», на четвертый день его приезда в Петербург уже стали притекать «верующие» в него. Управление больницы однако твердо охраняло покой больного Шамшина от «вопросителей», но жар веры притекающих от этого не унимался.

В церкви больницы, как говорит «Газета», шла ежедневная служба, и желающие видеть батюшку Шамшина приходили в церковь с надеждою его там встретить. Но это было напрасно: Шамшин к церковной службе не ходил. Сильно верующие в него принимали другие меры и делали энергичные опыты.

В Страстной понедельник два купца одушевились так, что даже явились в контору больницы с настоятельным требованием, чтобы Шамшин был им «выдан», так как он

будто бы вовсе не помешан, а находится в полном рассудке, и «отец Иоанн благословил им его вынуть».

Требование было так настойчиво, что главный доктор вынужден был приказать вывести этих благословенных людей вон, что, разумеется, и было исполнено, но благословенные, по удалении из конторы, перешли в церковь и здесь тоже не имели успеха. Вместо Шамшина они случайно насладились несколько религиозною беседою Эвенского, имеющего величественную манию о своих будто бы непосредственных соотношениях с Богом. Больной же Шамшин помещался в одной из общих палат во втором отделении. Он был совершенно тих и не говорил ни с кем ни одного слова. Весь день он сидел на своей кровати или вставал и молча, в одиночестве прохаживался тихими шагами по коридору. Он был светлый блондин, лет за сорок на вид, с приятным чистым золотистым отливом в цвете волос, острижен по-русски «в скобку», борода русая, длинноватая и раздваивающаяся. Голубые глаза смотрели чрезвычайно кротко, со смешанным выражением доброты

и грусти или даже, пожалуй, страдания. Смотрел он на говорящего с ним внимательно, но не уставляясь, а как подстреленная птица. Не отвечал никому ни на какие вопросы. В редких случаях прилагал руку к сердцу и тихо кланялся, как бы извиняясь или прося оставить его в покое. Кушал досыта, но без всякой жадности и ничего не просил. Спал он спокойно; руки у него были чистые, белые и красивой продолговатой формы, каких не бывает у людей, занимавшихся черными работами.

Писал он плохо, как пишут мелочные лавочники, но письменно отвечал на все вопросы коротко и очень вежливо. Вообще это была натура мягкая, и все движения его были тихие, и по-своему даже грациозные, симпатичные.

Молитв он за последнее время писать не хотел. Писал он карандашом, держа бумажку на колене. Написав один ответ и начиная писать другой, он всегда прежде зачеркивал в первом ответе последнее слово. Незадолго до смерти Шамшина его посетил один хорошо знакомый нам литератор, который перед тем был опасно болен. Он попросил его написать

что-нибудь на листке памятной книжки. Шамшин скоро взял карандаш и написал нечто очень подходящее, а именно: «Я не знаю, чево вам писать, вам написанного не перечитать. От болезни вас Господь спас», – последнюю фразу он подчеркнул, потом прижал руку с карандашом к сердцу и умоляющим взглядом просил, чтобы карандаш ему оставили, что и было исполнено с разрешения тут же бывшего доктора.

Помешательство Шамшина было самое тихое. На вопрос литератора – напишите мне что-нибудь в том роде, как другим делали, Шамшин дал ответ:

– Я давал тем, кто правды жаждал. Слепому подавал свет. А вам правда известна, вы не слепой.

По словам Н. Аристова,[70] в первой половине настоящего столетия в Симбирской губернии был особенно сильный урожай на юродивых, которые бродили большею частью с целью распространения раскольничьих знаний. Другие, впрочем, прикидывались блаженными, чтобы ради мнимой святости добывать безбедное существование без всякого

труда и работы. Третьи наконец, действительно скорбные главой от природы, бродили по миру как нищие и лишние члены общества. Все они внушали населению суеверный страх и почтение; им приписывали разные необычайные силы духовные, особенно дар предвидения и предсказания будущего; каждое действие, жест, слово или мычание непременно старались считать не простым явлением, а знаком таинственного выражения глагола Божия, и это не одни простолюдины, но и помещики.

В двадцатых годах жил в Симбирске мещанин Кочуев, который считался Божьим человеком, хотя был раскольничьим начетчиком. Он служил приказчиком у макарьевского купца Олонцева, который послал его по делам в Астрахань. Недолго удалось ему пожить спокойно: за распространение раскола и за бесписьменность его хотела арестовать полиция, но он успел скрыться и поселился в Жигулевских горах; здесь он старался вести строгую отшельническую жизнь и прикинулся совершенно молчальником. Такое появление пещерного затворника среди рыбаков пора-

зило их, и последние, в знак любви и привязанности к нему, стали носить ему свежую рыбу; потом распространившаяся молва стала привлекать к нему массу пришельцев из раскольничьего мира. Наконец, слава о нем, как о святом муже, пошла далеко, и толпы уже осаждали его пещеру и самую воду родника, находившегося недалеко от его жилища, стали считать священной и пить для исцеления разных болезней. Наконец симбирские коноводы разбойников Валдышевы вывезли его из Жигулевских гор, поместили в своем доме и окружили дольствием. Юродивый все выдерживал свою задачу молчалиника при всех, исключая одной девицы, с которой завел любовную связь; их взаимные отношения были открыты, когда подслушали тайный разговор молчалиника с девицей и поняли, что она беременна.

Тогда от неприятностей Кочуев убежал к киргизским старцам и потом поселился в Москве. Он собрал много рукописей и старых книг и впоследствии сделался видным человеком между московскими раскольниками, утверждают, будто он первый подал мысль

учредить старообрядческую иерархию и искать архиереев.

XVII

«Дядя домой»

Другой юродивый симбирский, Павел, происходил из города Алатыря, он известен был всюду под названием «дядя домой», потому что кроме этих слов, не говорил ничего, притворяясь немым. Он двадцати лет от роду скрылся из родительского дома и через два года явился в родном городе, но уже совершенно в другом виде. Летом и зимой ходил он босиком, носил легкое длинное, до пят, полукафтанье, которое не менял по году. Он был высокого роста и красивой наружности, распускал свои длинные волосы по плечам и никогда не покрывал головы, в руках он держал высокую палку, наверху которой навязаны были разноцветные ленты, и каждому встречному выкрикивал одно и то же: «Дядя домой!» Так он держал себя с лицами незнакомыми, а кто принимал его с усердием и кому он доверял, тех удостаивал своей тайной беседы. Когда давали ему серебряные деньги, он брал их, медные же бросал на землю. Сво-

им наружным благочестием Павел привлек к себе много людей, особенно барыни и купчихи были его поклонницами. В селе Стамасе «дядя домой» очень часто ходил в дом зажиточного крестьянина, у которого был сын Федор, парень лет 16-ти; этот юноша сильно привязался к юродивому и вскоре пропал из дома. Через год стамасские крестьяне увидели его в лесу, верст за двадцать от села, вместе с Павлом и другим юродивым-бродягою из города Алатыря, они сидели втроем на поляне, но, увидев людей, разбежались в разные стороны. Спустя несколько времени все они явились в село Стамас: Павел в своем подряснике, а Федор и алатырский беглец в одних длинных рубашках и босые. В разных домах этого села и соседнего они привлекли к себе многих молодых девушек, которые стали называться старицами, ходить в черном одеянии и обязывались не вступать в супружество. По вечерам молодые парни и юные старицы сходились в одну избу, где юродивые учили их читать, писать и петь. В собраниях участвовали только посвященные лица; не одни сельские девицы попадались к ним в ло-

вушку, но иногда и образованные девушки. В то время в городе Алатыре жила девица благородных и набожных родителей, только что окончившая курс в Смольнинском институте; в дом к ним заходил немой юродивый, молодой и красивый мужчина, лет двадцати пяти, ему подавали всякое угощение и наделяли деньгами. Однажды во время закуски юродивого институтка осталась с ним вдвоем в комнате и любовалась его выразительной физиономией, роскошными волосами и атлетической фигурой: вдруг немой юродивый обратился к ней с речью на отличном французском языке.

– Вот, по вашим святым, чистым и девственным молитвам, – сказал он, – Господь не только развязал мне язык, но и наделил разумом и даром разных глаголов.

Потом он стал говорить по-русски очень умно и красноречиво, но просил никому не сообщать об этой благодати.

От величайшего изумления институтка разинула рот и не могла вымолвить слова, точно сама превратилась в немую юродивую, так поразило ее неожиданное чудное явление.

После этого чаще и чаще навещал институтку загадочный молодой человек, говорил с ней один на один по-французски о возвышенных божественных предметах в мистическом направлении, а при других молчал.

Живые таинственные речи о любви Христовой, об олицетворении между людьми Царства Божия на земле и о пребывании Святого Духа внутри человека воспламенили молодую девушку до того, что она стала разделять с мнимым юродивым любовь земную.

Эта связь тянулась недолго: немого юродивого арестовали за распространение секты «людей божиих» и за побег от симбирского помещика из Парижа, где он служил более пяти лет помощником повара. Такое неожиданное открытие для гордой и нервной барышни оказалось гибельным, и она отравилась, может быть, еще и потому, что чувствовала плод чрева своего. Этот рассказ господин Аристов слышал от алатырского доктора В.В. Преображенского.

Этот Павел нередко заходил к архиепископу симбирскому Феодотию. Владыка не доверял ему и считал его юродство притворным.

Он убеждал его бросить юродство, но Павел на все вопросы отвечал только: «Дядя домой». Преосвященный предостерегал его: «Смотри, не улети домой по широкой дороге в Сибирь!»

Предсказания преосвященного оправдались: полиция заподозрила Павла в каких-то мошеннических делах и отыскала в глухом лесу, около озера, его келью с секретными подземными ходами. Говорят, когда полицейский пришел к запертой келье Павла, ведя его с собою, он сказал: «Дядя, домой! Получишь за это 500 рублей» Но тот отвечал, что теперь уже поздно, и нашел у него спрятанными в келье много денег и серебряной посуды и все отобрал. На следствии он чистосердечно покаялся во всех своих похождениях и дал подписку впредь не юродствовать.

XVIII

Андреюшка

В числе юродивых шарлатанов в Симбирске находились и настоящие юроды и дураки. В ряду таких был там юродивый Андреюшка, сын бедного мещанина Огородникова, лишенный с самого рождения всех даров природы: немой, не могший без движения стоять

на одном месте, а, подобно маятнику, качавшийся из стороны в сторону, переминаясь беспрестанно и издавая какие-то звуки. Он ходил всегда в одной только длинной рубашке и босой даже в сильные жестокие морозы, и, бегая по снегу, он не обнаруживал никаких признаков ощущения стужи. Он любил пить только один чай; занятием его было целовать полы, стены, углы и вещи, которые ему попадались в руки или на глаза; голосом издавал он одни дикие членораздельные звуки; черный хлеб предпочитал белому и любил его есть намазанным медом. Не лишен он был органа слуха и на вопросы отвечал звуками, движением рук и головы. Он был весьма неопрятен, но любил мыться в бане, вода должна была быть чуть теплая, и мыть его надобно было, начиная с головы до ног, если же чуть порядок нарушался, то никто его в бане не мог удержать, и он убегал нагой. Холодной воды он чрезвычайно боялся, и словами: «Подайте Андреюшке воды!» – обыкновенно выгоняли его из дома, где посещения его надоедали. Когда священник давал ему целовать крест при водосвятии, то он придержи-

вал своей рукой кропило и мазал им все лицо... В церквах он бывал редко и то на минуту, всегда с полным равнодушием, и никто не видал чтобы он молился в ней когда; только часто он один толкался на паперти церковной с обычным ему выражением – подобие медведя, сосущего лапу.

Бегая по улицам, он подбирал лоскутки, щепочки и раздавал их встречным, даже кидал в экипажи – все эти действия считались пророческими предзнаменованиями. Он носил сумку, в которую ему клали подаяние, при этом он иногда оставался спокойным и молчал, а иногда выбрасывал подарки и монеты в сторону. Подаяние раздавал сам другим, кто ему взглянется, и без счета, сколько захватит, будто без цели и размышления, все это почитали каким-то особенным даром от него, и многие сберегали и деньги, и пустые вещи. Торговцы все наперерыв даром приглашали его брать из лавок, что ему угодно, но он по какому-то чутью у одного кого-нибудь возьмет какую-нибудь ничтожную вещь, а у другого ни по какому убеждению и значительной вещи не возьмет. Когда насильно да-

вали ему что-нибудь, то он изорвет, если это какая-нибудь материя, или бросит с презрением в сторону, хотя бы вещь стоила и значительной цены. Если пьяные причиняли ему побои и оскорбления, то он с терпением и кротостью все переносил.

В годину бедствий, в 1812 году, когда набожность развилась во всех сословиях более обыкновенного и когда многие значительные особы симбирские ездили в Саровскую пустынь к затворнику Серафиму, последний отказывал в благословении богомольцам, отсылая их в Симбирск к юродивому Андрею.

Андреюшка прожил в Симбирске около семидесяти лет; перед его кончиной народ толпами осаждал квартиру его, так что полиция вынуждена была для порядка приставить чиновника с командой. Кончина его взволновала не одних жителей города, но и окрестное население; стечение народа было чрезвычайное... По словам его биографа: «Откуда-то явился и возвысился великолепный гроб на серебряных ножках, обитый бархатом, показались два дорогие покрывала, открылось кругом гроба множество подсвечников с пылаю-

щами денно и ночью восковыми свечами. В богатый гроб его положили в том же облачении обыкновенном, в каком он всегда ходил, т. е. в одной рубашке и босого. Прочее все соответствовало особенной пышности, даже до самых мелочей, и все это сопровождалось усердием значительного дворянства и богатого купечества... Градской глава с обществом купцов просил у преосвященного Феодотия позволения положить его среди города, около Вознесенской церкви. Архиепископ, не постигая безотчетной народной признательности к умершему и убеждаясь народным голосом, как голосом Божиим, расположился принять покойного в место, огражденное при архиерейском доме, что в Покровском монастыре, на конце города, где с незапамятных времен погребают знаменитые дворянские роды. Чтобы удовлетворить народному какому-то безусловному энтузиазму, он дозволил до погребения на сутки перенести гроб юродивого в Вознесенскую церковь, чтоб продолжить время усердствующему народу успеть проститься с таким замечательным покойником. Народ держал его четверо суток в хижине, а

одни сутки в церкви; подобно обильной реке, беспрестанно притекал ко гробу и с особенным благоговением касался бранных останков умершего. Но в четверо суток духота и жар не имели влияния на тело умершего, и никакого не происходило запаха, а это в особенности поддерживало к нему народное признание и сопровождено весьма многими толпами. Только на лице, сначала белом, показались синие пятна, но это надобно отнести к жару и непрерывному прикосновению к его лицу... При выносе и при погребении юродивого тот только из жителей города оставался в своем доме, кому не было возможности сделать одного шага, даже закоренелые раскольники разных сект решились присутствовать в церкви во время литургии и погребального чиноположения и тоже с благоговением проводили его гроб до места. Хоронил Андрея архимандрит, ректор семинарии, с городским и сельским духовенством; одних священников было до тридцати душ. Гроб несли с хоругвями и звоном на пространстве более версты, при ежеминутных переменах носильщиков: лучшее купечество и дворяне напере-

рыв один у другого перенимали гроб, стараясь улучшить случай повторить это несколько раз, и оттого около гроба теснота и давка была невыносимая. Экипажей счесть нельзя. Из двух дорогих покровов чернь сильно домогалась один приобрести, чтобы разорвать его на куски в воспоминание покойного, но не допущена к тому полицией, без помощи коей могло бы случиться даже насилие».[71]

В числе других юродивых, пользовавшихся большею известностью в Симбирске, надо еще упомянуть об Илье Герасимове, помещицьем крестьянине села Арской слободы, сначала он был только болящим, потом прикинулся юродивым и стал пророчествовать; ходил он в длинной рубахе и босой. Пользуясь уважением крестьян, он весьма удачно совращал их в поморское согласие.[72]

XIX

**Фекла болящая. – Вера Матвеевна. –
Старец Глеб. – Антон Воздержит. –
Устинья-пророчица**

В городе Петровске, Саратовской губернии, известна была Фекла болящая. Жила она, что называется, «и в людях, и на усторонье»,

одинок на реке Медведице в своем домишке. Заболеет ли кто в городе, другое ли какое горе приключится кому-либо, сейчас к Фекле болящей. Слыла эта Фекла за богобоязненную женщину и была хорошо знакома с монахинями Кирсановского монастыря, которые всегда останавливались у Феклы во время поездок «за сбором». Разузнает она у монахинь те или другие сведения о богомольцах, да и воспользуется этими сведениями по-своему, на утешение всех проходящих к ней. От болезней она лечила одним секретом – «водицей», а сама все-таки оставалась болящею, да так и Богу душу отдала.

В Кирсановском уезде прославлялась некая слепая и убогая Вера Матвеевна. Эта раба Божия жила не одиноко, а с какою-то другою старицею. Хижина Веры Матвеевны была в лесу, на реке Вороне. Злые языки говорили, что у Веры много приюта давалось рабам воровства, стяжания и других напастей, при посредстве которых она знала, где и когда что украдено; могла угадать, найдется ли украденное. Последнее обстоятельство всегда зависело от количества лепты, принесенной ра-

бе Божьей. Если украденная вещь не стоила тех денег, какие приносились с просьбой «прозреть» грабителя, то указывалось место или случай, при котором вещь найдется, и затем украденное или подбрасывалось, или зарывалось в землю, а потом «прозорливая» давала указание, и таким образом пропажа «чудодейственно» возвращалась к хозяину или хозяйке. А как в критику дела никто не входил, то Вера Матвеевна упорно слыла «прозорливицею» и открытые воровства приписывались набожными людьми ее молитвам. Для монахинь Кирсановского монастыря у Веры Матвеевны был излюбленный приют, которым все сестры этой обители дорожили и пользовались матвеевниным гостеприимством во время своих объездов «по сбору».

Вообще Кирсановский уезд богат был разными пустосвятами: так, здесь известен был подвижник Глеб Лаврентьевич, родом из крестьян; славился он, между прочим, своим строгим воздержанием. Но это только дома, т. к. Глеб Лаврентьевич занимался более путешествиями по Святым местам: в Киев, Воронеж, Москву и другие города. И ходил он все-

гда пешком, делая по 60–80 верст в сутки; потому воздержание его было крайне сомнительного свойства. К чести Глеба Лаврентьевича нельзя не отнести того обстоятельства, что во время своих путешествий, собирая милостыню, он сумел на собранные деньги выстроить в селе Панике, где он жил, великолепный храм, блестяще украсил его и снабдил богатою церковного утварью, как удалось ему это сделать – судить трудно.

Популярность его стала особенно заметною по поводу его предсказания своей смерти. В один прекрасный день раб Божий Глеб вдруг объявляет односельчанам, что ему нужно идти в город Ломов и там умереть. Отправился он в Ломов к местному городничему, где был всегда любезно принят и там действительно скончался. Глеб был торжественно похоронен при соборной церкви города Ломова.

В Саратове и Пензе знаменит также был некто Антон Григорьевич, из купеческого звания; известен он был как постник и человек, всею душою ненавидевший пьянство. Кофе и чаю он вообще не пил, табаку не курил и не

нюхал и терпеть не мог табачников. В Саратове раз он заметил, что один из священнослужителей понюхал табак в алтаре. Вскипела душа Антона Григорьевича, влетает он в алтарь и, несмотря на то, что слыл за человека богобоязненного, со всего размаху угостил нюхавшего табак двумя полновесными здоровыми оплеухами. Приведен он был за это происшествие в суд к местному Каиафе, а потом и к архиерею; но преосвященный постарался замять дело и отпустить раба Божия Антона безнаказанно, что было восторгом для последнего.

Жил Антон Григорьевич всегда окруженный массою нищих, калек вольных и невольных, слепых, глухих, хромых и прочей братии. Ради этой жизни купец бросил торговлю, дом и семейство.

Умирая, он завещал похоронить его непременно в белом шелковом халате, наподобие древних, чтимых церковью юродивых, что и исполнено было одним из петровских купцов господином Лысковцевым.

В Саратовской губернии известна была некая пророчица Устинья, пришедшая из

земли Иркутской. Появившаяся пророчица творила чудеса в селе Каменке; жила она у одного старообрядца на огороде, принимала же учеников и предсказывала в моленной.

Пророчица являлась одетая вся в белом, подпоясанная розовою шелковою лентою и с распущенными волосами. Предсказывала она за столом с курящеюся ладаницею.

Говорила она больше следующие слова: «Приходят, людие, последнее время, небо и земля потрясется, чистые звезды на землю скатятся; сойдет Михаил Архангел и затрубит в трубу живогласную; вставайте все живые и мертвые на суд к Богу. По правой стороншке идут души праведные – в лицах все светлеют, волосы яко ковыль-трава, ризы на них нетленные. Идут они на суд к Богу, радуются. Встречает их владычица мать-Богородица; подите, мои христоробивые избранные, да похаянные, посрамленные, вот вам царство уготованное. Принимает их сам Господь, Царь Небесный. По левой стороншке идут души грешные, в лицах темнеют, одеяние страшное. Идут они на свою муку и слезно плачут: „Господи, царь небесный! Почто ты нас в цар-

ствие непустишь? Мы все люди, христиане“.

Глаголет Господь, Царь Небесный: „Подите вы, грешные, проклятые, во три пропасти земли: вы не в мою веру веровали. Да провалятся все грешные в преисподнюю!“ Составит Господь все муки в одну, не взвидят грешные свету белого, не взвидят они солнца светлого, не вслышат они гласу ангельского. Во веки веков, аминь...»

Но главное пророчица отгадывала воров и находила спрятанное, как говорило простонародье, «сокровенная человеческая» узнавала. И ходили к ней каждодневно бабы и мужики, спрашивая:

– Скажи мне, боголюбивая жена, кто у меня украл недавно холсты с огорода?

– Злые люди, – отвечала пророчица, – которые схоронили их на реке, у плотины, под хворостом, – сходи и обрящешь.

Или говорил мужичок: «Поведай мне, избранная Божья раба, кто увел у меня старого мерина или гнедую кобылу?».

– Завистники злые, – отвечала пророчица и указывала место, где кони привязаны. – Пойди и найдешь.

Понятно, народ верил сначала в чудеса, но

потом частые покражи навлекли и на пророчицу подозрения, и в конце концов она была уличена полицией в соучастии в этих воровских проделках и уводах лошадей. И пророчица опять была сослана на место своей родины.

XX

Тамбовский Симеон. – Солдат

Ванюшка. – Блаженный Егорушка. –

Пьяница Машка. – Иванушка-дурачок и

Иванушка Рождественский

В городе Тамбове любил щегольнуть своей «ревностью по вере блаженнейший купец Симеон»; он тоже был «болящий». Зимой он не показывался – холодно, а летом обыкновенно ездил в своей кибитке, любил останавливаться посредине улицы и всегда собирал толпу зевак.

Симеон-болящий любил наставлять, как нужно жить по-христиански. Все наставления его обыкновенно начинались и кончались почти одною и тою же фразой «В нераскаявшихся грешниках нет ни веры в Бога, ни самого Бога!»

Как веровал сам болящий, неизвестно, но

родные Симеона признавали его «блажен-
неньким» и содержали на свой счет, не дозво-
ляя ему собирать какую-либо лепту от добро-
хотных его слушателей.

Там же, в Тамбове, известен был «пророк»,
солдат Ванюшка Зимин. Он был сумасшед-
ший и жил в доме умалишенных, но легкове-
рующие тамбовцы веровали в него, как в про-
рока. Закричит Ванюшка ни с того, ни с сего:
«Пожар! пожар!» – записывают тамбовцы
день и час, когда кричал Ванюшка, и после
окажется, что действительно, в записанное
время где-нибудь в окрестностях Тамбова в
самом деле был пожар. Вот и «прозорли-
вство».

Говорил Ванюшка, как сумасшедший, все-
гда бессвязно, себе под нос, а тамбовцы ухит-
рялись понимать его слова по-своему и лома-
ли голову: что бы это значило, что сказал Ва-
нюшка?

Начнет Ванюшка кататься по земле – быть
беде и покойнику, придумает Ванюшка под-
нимать что-то им воображаемое и делает те-
лодвижения вроде тех, как бы перекидывает
вещи через забор – смотри, что будет где-ни-

будь кража; взбредет в голову Ване лить воду – значит, берегись: придется заливать пожар и т. д.

Замечателен был в Тихвине блаженный Егорушка. Это был высокого роста мужчина, ходил он всегда в разноцветных рясах, со священнической тростью в руке, в пуховых шляпах или с непокрытою головою, весь увешанный крестами, крестиками и образками на разноцветных лентах. Егорушка очень любил форснуть одеждою, которая обыкновенно носится у нас духовными особами. По умственному развитию Егорушка был простой и глупый человек. Говорить он ничего не говорил, а издавал только какие-то членораздельные звуки, но не был совсем лишен дара слова, выучился самой скверной брани и ругался охотою и отчетливо.

В церкви во время Богослужения Егорушка бродил среди богомольцев, заглядывал в лица молящихся, а сам никогда не молился, даже ни разу не осенял себя крестным знамением, не говоря уже о поклонах.

Несмотря на такое поведение в храмах, Егорушка слыл в Тихвине блаженным. Боль-

шинство тихвинцев и множество набожных людей, приезжавших в Тихвин на поклонение местной святыне, считали долгом хотя посмотреть только на Егорушку; если удавалось при этом повесить на блаженного какой-либо крестик, паломник тихвинской святыни уезжал домой вполне счастливый, с сознанием, что он удостоился зреть святого мужа и «воздел на него жертвицу».

Жил Егорушка постоянно у одного из тихвинских купцов, известного в местном простонародье под именем Мины. Купец этот хорошо торговал, и люди объясняли его удачу в торговле тою благодатью, которую ниспосылал Егорушка Мине своими молитвами, хотя Егорушка никогда никаких молитв не знал; на самом деле хорошая торговля Мины зависела от примерной добросовестности этого купца.

Живя в названном доме в особой комнате, уставленной киотами и образами и освещенной лампадами, Егорушка любил облачаться в священнические ризы, брал имевшееся в доме кадило и начинал служить, причем вместо молитвенных слов издавал одни крики.

Отслужив и накалившись вдоволь, Егорушка разоблачался и отправлялся путешествовать по улицам Тихвина. Он выбирал для прогулок сухие улицы и по грязи не любил шлепать, хотя ходил непременно посередине дороги. Идет Егорушка и поет, или, лучше сказать, воет ему одному ведомо что, а тихвинцы по высунут любопытные головы в окна и форточки и смотрят, любуются, слушают и изъясняют то, что поет.

Надоест Егорушке мычать, он начнет ругаться отборною бранью, отчетливо, отчеканивая каждое слово, причем берет, что попадет под руку – кирпич, камень – и начинает бросать камнями за забор или в огород какого-нибудь мирного гражданина.

– Ума не приложу, с чего это Егорушка начал ныне бросаться камнями и ругаться, да ведь какими еще площадными словами, – говорили суеверные тихвинцы, глядя на такое поведение юрода.

– Быть какой ни на есть беде, – отвечали на это такие же другие суеверы.

Иногда Егорушка исчезал из Тихвина и ходил по окрестным монастырям и селам. Лю-

ди, признавшие его за блаженного, говорили, что Егорушка молится в лесу, вдали от мира, за грехи людские, на самом же деле за молитвой никто никогда не видал Егорушку. Вполне обеспеченный в жизни вышеназванным купцом, Егорушка никогда не брал подаяний, хотя охотники жертвовать в его карман всегда нашлись бы. Будь это не идиот, а юродствующий проходимец, Егорушка воспользовался бы богатыми приношениями, но этот блаженный, если и получал когда-либо деньги, то или разбрасывал их тут же по улице, или рвал на мелкие куски, если это были кредитные билеты.

Ублажавшие Егорушку тихвинцы ухитрились придавать и этому бесцельному уничтожению денег значение каких-то пророчесственных действий, прощать и извинять которые можно было, только понимая Егорушку как неразумного ребенка, оставшегося неразумным и до старости лет.

Когда Егорушка умер, то погребен был с большим почетом в местном мужском монастыре.

В том же Тихвине слыла за юродивую ка-

кая-то отвратительная грязная женщина, ходившая всегда в лохмотьях, часто босая и вечно с кошелем, в который клала и куски хлеба, подаваемые ей суеверами, и тряпки, найденные на улице, и щепки с камнями, поднятые на дороге, и т. д. В тот же кошель клала она и деньги. Простой народ, мужики звали эту идиотку Машкой, потому что видели в ней часто пьяную глупую бабу, но женщины благоволили к этой глупой бабе. Ругаться площадными словами Машка умела тоже отчетливо, но женщины уверяли, что она неумет ругаться, а мычит только. При виде полиции Машка стихала.

Был в Тихвине также еще блаженный Иванушка-дурачок, родом бывший причетник, спившийся с круга. Ходил Иванушка часто босой, с тяжеловесной железной палицей, вроде лома, в руках, в монашеской скуфейке, которая была сделана из железного листа, одевался Иванушка в подрясник. Этот человек заслужил репутацию блаженного и юродивого, между прочим, потому, что ни с кем никогда не говорил ни слова. Если же кто начинал насмехаться над ним, то он убегал или в сторо-

ну, или за самим насмешником, смотря по виду человека смеющегося, или же произносил какой-либо текст из Нового Завета.

Подаяния Иванушка очень любил, но никогда о них не просил и брал даваемое ему молча. Подпоясанный кушаком, Иванушка всегда за пазухой носил кучу разных разностей. Судя по вздутому красному носу этого блаженного, иные предполагали, что он очень любил тоже полштоф водки, который, вероятно, и имел место у него за пазухой.

Полицию этот Иванушка не совсем-то любил и ходил всегда по таким местам и улицам, где рассчитывал полиции не встретить.

Суеверными тихвинцами Иванушка очень уважался и встреча с ним считалась за счастье.

В Вологде были известны два юродивых: Алеша и петропавловский дьякон – оба они отличались строгою подвижничествою жизнью, последний – даром прозорливости.

В селе Рождествене Царскосельского уезда, в бывшей вотчине царевича Алексея Петровича, с 1799-го по 1835 год проживал у мещанки Русаковой юродивый Иванушка. Росту он

был среднего, лицо имел смуглое, волосы и брови черные, тело всегда грязное. Зимой ходил он в одной рубашке, без шапки, босой, заложив руки за спину; ел, что ему давали; спал на печке, хотя бы даже горячей, зимой и летом; милостыни не собирал; деньги, которые ему давали, опускал в часовенный ящик. Когда по случаю болезни ноги он пролежал, не собирая денег, то в часовенном ящике было денег на 60 руб. меньше. Опуская деньги в ящик, он говорил. «Спасибо, ступай домой». И спустив деньги, бежал домой, крича: «Спасибо! Бог дал». К церкви он был усерден, по словам местного духовенства, но к службе ходил не всегда; крестился всем кулаком; сильно бил лбом о пол; если хвалил службу, то говорил: «Спасибо, поп! страх». Покойников провожал до могилы, к священникам был почти-телен.

Он много предсказывал: так, в 1831 году сиворицкому священнику Евтихию Литвину предсказал смерть: одной крестьянке предсказал скоропостижную смерть ее мужа, жившего в Гатчине; князю Гагарину, командиру квартировавшего здесь кирасирского эскад-

рона, предсказал, в 1832 году, пожар гумна, в котором стояло несколько лошадей; в 1836 году, за год до смерти, предсказан пожар села Рождествена; во время польского мятежа в 1831 году, провожая ехавшего через село императора Николая, бросал вслед его щебенку и кричал: «Ах, спасибо! Бог даст», – предсказывая этим прекращение мятежа, как это объяснило местное духовенство. Свою хозяйку Иванушка отвратил от раскола. Стащив ее с печки и поставив в передний угол, пред иконой, он сказал: «Бабка, молись Богу, Бог в церкви, Бог даст». Одной лужской помещице предсказал выздоровление больной ее дочери, за что дочь сшила ему рубашку; графу Ростопчину, ехавшему в Киев с больной дочерью, не владевшей ногами, Иванушка предсказал выздоровление, за что Ростопчины подарили ему белую камилавку, обшитую золотым газом, привезенную из Киева от Иоанна Многострадального. В этой камилавке Иванушку и похоронили.

Пред смертью Иванушка страдал болезнью ноги, приключившейся от попавшего ему в ногу стекла. Стекло вытащили, и при этом он

сказал пожалевшей его хозяйке: «Спасибо, бабка, пора домой!»

На погребение его собрался народ во множестве. Над его могилой впоследствии был поставлен «голубец» вроде домика с крестом наверху.

XXI Кузька-бог

В Нижегородской губернии, между Нижним городом и Арзамасом, где обитает племя мордва-терюхане, в начале нынешнего столетия жил замечательнейший пустосвят, лжепророк Кузька-бог или Кузя-бог.[73] Память о нем посейчас жива в местном крае, хотя сказания уже приняли легендарный характер. Мордва-терюхане произносят имя его с благоговением, несмотря на то, что все они почти обрусели.

Кузька проживал в мордовской деревне Макраше и слыл между сельчанами за великого знахаря и кудесника. Кузьма представлял собою явление довольно небывалое в мордовском народе: он был грамотный, обыкновенное его занятие было – лечить людей и скот, отыскивать покраденные вещи, откры-

вать воров, выгонять нагайкой шайтанов из кликуш-мордовок, а иногда и из русских баб, предугадывать будущее и делать другие фокусы.

Кузька все свои действия облакал видом непосредственного содействия небесных сил. Нагайка, которою он выгонял чертей из бешеных баб, хранилась у него в почетном месте, в особом ящике, вместе с медными образками по тайному разглашению мордовского знахаря, эта нагайка была та самая, которою Михаил Архангел согнал с небес нечистую силу в преисподнюю бездну.

При таких условиях вскоре распространилась молва между мордвами русскими, что Кузя – святой, пророк, чудотворец и «человек боговой», и что к Кузе по ночам летают ангелы и т. д.

Хитрый и ловкий мордвин в короткое время завоевал себе эту славу, и просторная его келья с утра до вечера была наполнена приходящими мордвинами и русскими. Видом Кузька был довольно высок ростом, черноват, с густой, окладистой и широкой бородой; чрезвычайно рябое и некрасивое лицо его бы-

ло какого-то сурового очертания; осанка важная, глаза мелкие, лукавые, умные, взгляд тяжелый, притом повелительный; речь его была грубоватая, резкая и таинственная; во всей его физиономии проглядывало что-то злое.

Волос он не стриг и носил с прямым пробором на лбу, закидывая их за уши, подобно лицам духовного звания, одевался опрятно, в темный кафтан, похожий на причетнический подрясник, подпоясанный широким кожаным ремнем. В Кузьке понятие о грамотности успел возбудить друг его отца, один богатый раскольник из секты «душителей», у которого даровитый мальчик долго жил и успел перенять в полном совершенстве искусство лицемерить и морочить людей и пользоваться верой для корыстных целей.

Кузька в доме этого раскольника был часто свидетелем религиозных обрядов «душителей», при которых сам учитель изображал Христа, несколько мужиков были апостолами, несколько баб представляли Богородицу, жен-мироносиц, и эта секта имела девизом: «Не согреша, не умолишь»; в ней также прак-

тиковалось душение самовольных мучеников, и после каждого общественного моления допускался свальный грех.

Поселившись в деревне, Кузька сделался религиозным шарлатаном и обманщиком вследствие следующих причин. Часто бывая в Нижнем по торговым делам, он останавливался в одном постоялом дворе, где в одной из комнат проживал пьянчужка приказный вместе с хорошенькой женой. Несмотря на свою степенную и некрасивую наружность, Кузька был очень влюбчив. Эта несчастная страсть развилась в нем во время воспитания в распутной раскольнической секте и не покидала во всю жизнь, которая вся и была непрерывною историею заблуждений этого рода.

Вместо того чтобы ездить с товаром в Арзамас, Лысково или Казань, Кузька стал ездить в Нижний и вместо того, чтобы кончить дело в сутки, затягивал их на неделю и больше. Здесь он, невзирая на свою мощную душу, познакомился с едкою сердечною тоскою и с изнурительными бессонными ночами. Несколько слов, сказанных шепотом, вскружили ему

голову и распалили страстное его сердце, и он влез в расставленные для него сети.

Однажды, когда пьяный подъячий спал мертвецки, красавица-жена шепнула ему, чтоб он ночью постучался к ней в дверь. Кузька с замиранием сердца исполнил это, и в тепленькой горенке с занавешенным окном и с двуспальной кроватью в углу Кузька извдал наслаждение любить и быть любимым вполне. Но когда он, на утро, очнулся от сна, то не нашел ни своей кисы, ни денег. За наслаждение быть любимым бескорыстно он поплатился всем своим состоянием. Кузьку хотя и прошиб холодный пот и была лихорадка, но он, призвав на помощь все присутствие своего крепкого духа, ободрился и затаил убийственную скорбь в глубине своего сердца.

Потеряв все состояние так глупо, в одну ночь, он должен был начать трудовую жизнь без денег. Но это бедствие не осилило его, а только заставило переменить образ жизни.

В жизни своего наставника-раскольника, который богател, лежа на печи, он видел единственный теперь идеал своей жизни. И

вот, приехав домой, Кузька притворился больным на несколько дней. Во время болезни к нему неоднократно являлся во сне Христосик с ангелами и накрепко ему наказывал немедленно оставить торговлю, деньги раздать нищей братии, самому отойти в келью на уединение и молитву. Выздоровев от небывалой болезни, он, собрав некоторые долги, ушел в святые места на богомолье, чтобы расточить небывалое богатство на монастыри и нишую братию. Вернулся Кузька домой уже в черной ермолке, в монашеском подряснике и подпоясанный широким ремнем.

Первою его заботою по возвращении домой было построить келью, в которую он вскоре и удалился от всех сует мира. Здесь он расположился следующим образом: на столе его постоянно лежала раскрытая большая книга «Староверский псалтырь». Каждую ночь перед иконами в его келье горела неугасимая свеча, и при занавешенных внутри волоковых окнах казалось извне, будто он все ночи простаивает на молитве.

Между тем мнимый богомолец, забившись ночью со свечой в подполье, делал там опыты

над бумажными вырезками, изображающими светозарных ангелов и с помощью долгих опытов довел это искусство до такого совершенства, что трудно было издали различить изображение от живого существа.

И потекли к Кузьке-отшельнику легковерные набожные старухи-мордовки, потом и русские. Но к Кузьке влекли людей не одни религиозные нужды: он был и лекарем всевозможных болезней, и советником в мирских делах, и прорицателем будущего, и открывателем сокровенного, и всем для всех.

Когда Кузька был уже провозглашен богом, то каждую ночь стали навещать его в келье ангелы с разными наказами от Христосика. Кузька-бог угощал летающих к нему ангелов сыченым пивом, медовым квасом, зеленым вином, лучшей мордовской стряпней, до которых они, дескать, были большие охотники.

Мордва по случаю посещения ангелов завалила Кузьку предметами ангельского угощения. Кузька раз намекнул обиняками, что если кто в такую-то ночь около первых петухов заглянет в окно его кельи, тот сподобится

увидеть прилетевших к нему ангелов.

Между тем Кузька в назначенное время поставил в простенке между окнами своей кельи три закрытых ящика, наглухо отделенных друг от друга; в стенках ящиков, обращенных к противоположной стене, повесил по бумажному вырезку, занавесил каждый тонкой непроницаемой бумагой, а перед вырезками приготовил по свече; противоположная стена состояла из темной и плотно сколоченной дощатой ширмы; перед доской поставлен был стол, на котором стояло несколько бураков, деревянных стаканов, крашеных деревянных блюд со стряпней и лакомства.

В сумерки около кельи Кузьки зашшукала толпа любопытных мордочек. Мордва так и пялилась в непроглядно темные окна. Кузька, наблюдавший за движением толпы, зажег все три свечи в закрытых ящиках, потом быстро снял все три занавески, и на противоположной стене мгновенно появились, словно проникли сквозь стену, три светлых ангела, которые осветили стоящий перед ними стол, сидящего перед ним Кузьку и всю келью. Кузька, посредством протянутой ниточ-

ки, пошевеливал свечами – и ангелы шевелились.

Пораженная нечаянностью и чудным видением, мордва отскакивала от окон, давая простор глядеть другим; через несколько минут ангелы мгновенно исчезли, мелькнув в воздухе и оставив после себя в келье мрачную темноту; мордовки пришли в ужас, закричали, завизжали и разбежались без памяти по домам, разглашая виденное ими чудо.

Божественная карьера Кузьки очень удачно утвердилась; совершаемые им чудеса вознесли его в мнении народном на необъятную высоту; слава о нем быстро распространилась по всему краю не только между мордвою, но и между русскими. Всеобщая уверенность в сверхъестественных силах Кузьки помогала ему лечить болезни самыми пустыми средствами. Для него часто достаточно было ободрить больного одним словом, чтобы больной почувствовал облегчение. Неизлечимые болезни Кузька угадывал с необыкновенною точностью вследствие своей наблюдательности и долговременной практики, и от неотвязчивых докук в этом случае он очень удач-

но отделялся популярным изречением «Так на роду написано», – или что скорая смерть раба божия уже написана в большой книге Христосика.

Пользуясь доверием народа, он знал непосредственно многие тайны, и это обстоятельство, в соединении с его особенною проницательностью, помогало открывать ему воров и краденые вещи. Он очень оригинально выпутывался в тех случаях, когда не мог открыть тех или других. «Летающие по свету ангелы, – говорил он обкраденному, – не доглядели вора, да и не попали на то место, где лежит покража».

Богослужение, утвержденное Кузькой, состояло из трех элементов: древней мордовской веры, из богослужения православной церкви и из обрядов знакомой ему раскольнической секты. Моление по Кузькиной вере происходило на лесной поляне; сам Кузька играл здесь роль архиерея: на груди его висело божественное изображение; это изображение, по словам его, вышивала Христосикова матушка со святой Пятницей; в богослужении участвовали двенадцать верных «апосто-

лов» и святая Пятница (солдатка Степанида, его любовница). Первое моление началось следующими словами: «Будьте же вы, рабы Божий, моими апостолами; а ты, раба Божия Степанида, будь моей Пятницей. Служите мне, да Христосику, верою-правдою! Унимайте народ Богов от воровства, от мотовства, от пьянства, от распутства да от тех недобрых дел; а вы, православная мордва, люди Боговы, их слушайтесь! Наказываю всем вам сохранить вашу святую веру в тайной тайности. А кто не сохранит нашей тайности, того я велю разорвать вон на этих двух дубах согнутых. Верный мой апостол Григорий, покажи пример, чтобы все казнились, от малого до великого».

Апостол Григорий, получивший приказание, схватил за плечи приготовленного теленка и направился к согнутым дубам. Там он привязал теленка задними ногами к вершинам того и другого дуба и, повесив его, повел лезвием косы по толстой веревке, связующей согнутые вершины. Дубья с визгом выпрямились; живой теленок разорвался так быстро, что не мог усмотреть глаз; разорванные части

мелькнули в воздухе, мельчайшие брызги теплой крови понеслись по поляне и в виде красноцветного пара охватили народ и ближайшие вещи; оторванная голова взвилась вверх и упала в сотне саженьях от места; большая половина туловища, оторвавшись от веревки, шлепнулась на землю; меньшая, обвивши вершину, повисла на ней. «То, православная мордва, люди Боговы, – сказал Кузька, – что вы теперь видели, будет всякому, кто скажет русским про нашу веру и укажет место, где мы собираемся на моленье». После того Кузька выбрал для себя трех чистых девиц-красавиц для послушания и поручил их своим апостолам, чтобы они выучили избранных молиться в два перста да по четкам. Обязанность же Пятницы была – свидетельствовать девиц в отношении чистоты телесной. По окончании богослужения Кузька облачался в свою обыкновенную одежду и выходил на поляну, где почетнейшим старикам давался обед и раздавалась милостыня нищим медными деньгами.

Мы не описываем обряда пострижения девиц и воя, и завыванья родных над бедными

будущими затворницами. Кузька, сказав им приличное слово, постращав их карою за несоблюдение девства, объявил, что Христосик велел ему таких, связав по руке да по ноге с любодеем, обоих живых закопать в землю. «А вы, верные мне апостолы, десять воскресений сряду наряжайте сюда по двадцати пяти копальщиков – рыть могилы глубокие для устрашения девиц, да других двадцать пять человек те могилы закапывать».

Послушания девиц начались тем, что каждая из них должна была дежурить по ночам в келье сладострастного Кузьки. Боязнь быть закопанной в могилу оказала мало сопротивления: Кузька уверил девиц, что любовная связь с ним совсем не то, что с простым человеком, не составляет никакого греха и не лишает девушки чистоты и непорочности. И непорочные девицы исполняли послушание у Кузьки каждую ночь. Сам Кузька посещал их каждодневно, обращался с ними ласково и носил им орехи, пряники, изюм и другие сладости. Через год тайного владычества Кузьки-бога над мордовским народом духовенство не могло не заметить, что мордва явно холо-

деет к церкви, посещая ее все реже и реже и в меньшем количестве. Из содержателей окружных кабаков по случаю непитья водки мордвою многие доходили до банкротства; губернские власти тоже стали замечать, что частные доходы от мордовско-терюханского населения совершенно прекращаются.

Слухи между тем о каких-то мордовских жертвоприношениях начали ходить во всем местном крае. Но мордва, поголовно преданная Кузьке, хранила «тайное таинство». Когда священники начали серьезно приставать с вопросами к своим прихожанам, то Кузька приказал поить их вином «до положения» и выдавал им от миру золотые монеты. Таким образом мордва отделавшись и от разных назежающих на них чиновников, которые, поживившись на месте, представляли дело высшему начальству в наибелейшем цвете.

Но любовные похождения этого лжепророка наконец довели его до законного возмездия. Надо сказать, что Кузька сильно, безумно привязался к последней своей любовнице, Афросинье, та в свою очередь так же безумно привязалась к молодому парню Пахомке-си-

ротинке, которому во время своих тайных свиданий пересказала все штуки этого обманщика. Пахом, возмущенный этим, передал все духовенству. Последнее, взяв сотских, отправилось отыскивать место тайного жительства Кузьки-бога, но ночью заблудилось и чуть не погибло в болотах.

Кузька, узнав про это, казнил несчастного Пахоматой бесчеловечною смертью разорвания на дубах, которою он казнил для примера в начале нашего рассказа теленка. Афросинья была свидетельницей этого зверства, от ужаса она тут же сошла с ума и вскоре утопилась в колодце.

Кузька с потерей своей любимицы потерял всю энергию, всю силу своего характера и окончательно пал духом.

Весть о страшной казни Пахома быстро облетела весь местный край и на всех жителей навела суеверный страх. Вслед за этой вестью стали ходить слухи, что двух заплутавшихся в лесу мужиков, случайно попавших на священную поляну, мордва убила дубинками и тела их затопила в ближнем болоте.

Чтобы наполнить свое тягостное одиноче-

ство и избавиться от неотвязной тоски, Кузька стал предаваться чувственным удовольствиям до необузданности, умножая свой гарем до десятка молодых послушниц, а иногда уединялся в своей келье и жил истым аскетом, склоняя к тому же и своих молодых послушниц.

Фанатики его вполне овладели им и помыкали своим идолом по своему произволу: они заключили Кузьку безвыходно на священной поляне и окружили его обожаемую особу неусыпным караулом. И вскоре вся мордва принудила его учредить самовольное крещение младенцев, венчание браков, отпевание покойников и исправление всех треб, с которыми до того времени обращались к русским священникам, и таким образом довела свою веру до осязательной гласности.

В духовные и гражданские суды Нижнего Новгорода полетели от местной администрации разные доносы, раскрывающие мордовского бога и мордовскую веру с религиозной и уголовной сторон. К заблуждающимся стали посылать по распоряжению духовного начальства красноречивейших увещателей.

Мордва встретила их тоже красноречиво – с дубинами в руках. Наконец, захватить Кузьку-бога было поручено нижегородскому капитану-исправнику, и тот, собрав понятых в количестве более 500 человек, двинулся на поляну.

Мордва, узнав об угрожавшей их богу опасности, поголовно ополчилась на его защиту и устроила за собою поперек дороги несколько завалов из хвороста, тяжелых деревьев и разного лесного мусора, а также разобрала все мосты через ручьи и овраги.

Первая экспедиция во главе с исправником кончилась для последнего весьма печально. Человек десять разъяренных фанатиков окружили экипаж, в котором ехал исправник, вытащили его оттуда, скрутили ему руки, повели к известным двум дубам, которые были согнуты, и повторили над ним зверскую историю Пахома-сиротки.

Собранные части разорванного исправника с ругательствами и проклятиями были отнесены и брошены в ближнее болото, где мордва и затоптала их. Русская партия, лишившись своей главы, повернула назад, бо-

лее всех трусили разные мелкие чиновники, резвые ножки которых прежде всех явились в город.

Через неделю в село прибыл из Нижнего сильный отряд солдат с начальником и новым исправником. Кроме палок, нагаек и розог, в судейском поезде были уложены какие-то особые орудия, употреблявшиеся тогда только в редких случаях. Несколько завалов, сделанных поперек дороги по-прежнему, были быстро расчищены, по являющимся мордовским партиям был дан залп из холостых ружей, и партия, наконец, достигла священной поляны, но в длину всей поляны стояла целая стена вооруженной мордвы, грудью загородив собою избу Кузьки-бога. Исправник стал увещевать, чтобы они выдали своего Кузьку-бога, обнадеживая их прощением, но мордва не соглашалась выдать Кузьку. Тогда был дан залп из ружей, от которого мордва и разбежалась.

Команда вошла в дом Кузьки, где нашла его «апостола» Григория Бакунина.

– Отвечай, где ваш плут-Кузька? – грозно вскричал исправник.

– Я никакого плута-Кузьки не ведаю, а нашего святого Кузьку-бога ведаю, – твердо ответил Бакунин – И хоть знаю где он, но не скажу.

Долго уговаривал этого изувера исправник, наконец добился от его сына, что Кузька находился в подполье.

Тотчас же изба была раскидана по бревну, подземный ход был разрыт, и в конце его, под самым сараем, найден был Кузька-бог, который, прижавшись в угол, трясся, словно в лихорадке.

На допросах Кузька-бог во всем признался, касательно убийства исправника он показал, что оно совершено против его воли крестьянином Бакуниным; в растлении девиц он оправдывался тем, что это растление не было сопряжено с насилием. Суд решил наказать мордвина Кузьму Пеляндина ста ударами кнута на кобыле и, по вырывании ноздрей и наложении клейм, сослать его в каторжную работу.

Казнь Кузьки происходила в сентябре в торговом селе Константинове, в день казни в село мордва-терюхане собрались почти пого-

ловно. Кузька, когда его привязывали к кобыле, поклонился на все четыре стороны и лег на кобылу без сопротивления.

Мордовский бог страшно похудел и поседел, что подало повод мордве утверждать, что истинный, подлинный Кузя-бог взят на небеса, а здесь подменен другим человеком. Во время самой казни поднялся всеобщий вой и рев мордовского народа.

После казни целые девять лет мордва-терюхане ожидали появления на землю с небес Кузи-бога и во все это время свято исполняли все его наказы и заповеди. Самые преданнейшие из них ходили украдкой на разоренную поляну и там молились, выли и ревели; некоторым чудились там сверхъестественные явления, которые долго поддерживали в мордве Кузькину веру.

XXII

Воронежский Никанор. – Антонушка. – Отец Серафим. – Полицейский колдун

В деле темного и дикого суеверия не отстал и город Воронеж. Вот подвиги некоторых пустосвятов, которые мы берем в кратком виде из «Воронежской беседы» господина де Пу-

ле.

В 30-х годах жил себе уединенно на Богоявленской горе бывший помещичий крестьянин господина Викулина, ловкий малый по прозвищу Никанор. Присмотревшись к толпам богомольцев, отовсюду стекавшихся для поклонения вновь открытым мощам св. Митрофана, он крепко соблазнился возможностью собрать ни за что ни про что множество трудовых, но легко бросаемых грошей. И вот Никанор облачается в черную власяницу, отращивает себе бороду и волосы и превращается таким образом в отца Никанора. В этом новом чине он сначала терся около чистосердечных пришельцев, мужичков и баб, потом, приискав себе ловких «пид-брихачей», вдруг скрылся. Затем разнесся слух, что Никанор затворился и жаждущим истины прорицает будущее. Для этой новой профессии он придумал следующую приличную обстановку: избрал себе тесную келью, в которой устроил уставленную сверху донизу иконами божницу с неугасимыми лампадами и свечами, а посреди комнаты вставил черный гроб, вмещавший в себе последние атрибуты жизни –

покрывало, свечи и ладан.

В этой-то светлице, в присутствии посторонних, падал он ниц и молился. Усердные глашатаи зазывали богомольцев удостоиться чести побывать у затворника Никанора. Толпами валил темный люд в открытую западню с посильными приношениями. Никанор, ничем не стесняясь, благословлял посетителей и врал им все, что мог придумать.

Удавшаяся спекуляция и жажда славы, соединенной с богатыми дарами, довели его до дерзкого кощунства в келье Никанора, посредством проверченной в потолке дыры, стал слышаться глас свыше, отпускающий грехи лежащим на полу в покаянном смирении бабам. Но, к счастью, глас этот, при всей своей мягкости, достиг до слуха полиции, и отец Никанор был изгнан из затвора, а потом женился. Дальнейшая судьба этого проказника окончилась ссылкой в Сибирь за какие-то новые деяния.

В Задонске жил и наезжал на Воронеж небольшого роста, с редкой седенькой бородкой, в серой свитке, пожилых лет, от природы дурачок-мужичок Антонушка. Худощавый и

слабосильный от природы, Антонушка был совершенный ребенок; при полном отсутствии рассудка он редко говорил; если же проговаривал иногда два-три слова, то уже твердил их несколько раз безостановочно. «Видим этого пустосвята в ранние годы своей юности, – рассказывает автор его биографии. – Как теперь, представляется нам фигура этого старичка с всклокоченными волосами, в сером низко подпоясанном кафтанишке, с камнями и всякою дрянью за пазухой. Вот он сходит с церковной паперти, его окружает толпа женщин и детей всех сословий и с благоговением целует его грязные руки».

Антонушка имел постоянное пребывание в Задонске и славился там как великий прорицатель и чудотворец. Многие приезжали к нему с больными детьми просить исцеления. Так, Усманьского уезда, села Чалмыка, мещанка Елена Солодовникова, у малолетнего сына которой поражены были неизлечимым недугом ноги, ходила с ним в Задонск к Антонушке. Придя к нему в комнату, мать больного поднесла ребенка и просила совета, чем лечить его. Антонушка поплевал на ноги боль-

ного, потер их своими слюнями и сказал: «Теперь будет здоров». Предсказание однако не исполнилось.

Жители Воронежа очень желали иметь Антонушку у себя, и одна сметливая ханжа взялась доставлять по временам воронежскому обществу духовное наслаждение слышать бессвязный и бессмысленный лепет этого пустосвята и искать в нем таинственного духовного смысла пророчества. Вот образчик пророчеств Антонушки. В 183... году семейство богатого и уважаемого в городе купца Н.Н. С-ва пожелало благодатного присутствия Антонушки, за которым и послан был экипаж. Молодые члены семейства и особенно сыновья купца, учившиеся в то время в гимназии, желали видеть Антонушку просто из любопытства; но старички и старушки ждали его с полным убеждением в его святости, и потому некоторые из них во все время ожидания, затворившись, усердно клали земные поклоны, прося Господа о том, чтобы он сподобил достойно встретить лжепророка. После этого дерзко-наивного богохульства, когда раздался крик «Едет! едет!» – все вышли на крыльцо,

осадили желанного гостя, сняли его с пролетки, как дитя, и с благоговением ввели под руки в комнату. Пророк был в старом армяке, шапке и рукавицах.

Посредине комнаты встретила его почтенная старушка, глава семейства, она с подобающею честью протянула к нему сложенные одна на другую руки, преклонила голову и сказала: «Благословите, Антонушка!» Между тем Антонушка, едва переступив порог, начал повторять фразу: «Чи собаки брешут? чи собаки брешут?» Просившую благословения старушку, не снимая рукавиц, он слегка ударил по щеке; сконфуженная неожиданной выходкой дурачка, она отвернулась в сторону, потерла щеку и в утешение себе сказала: «Хорошо, что еще не дерется!» Затем посадили Антонушку на переднее место, под образа. Члены семейства, желая каждый услышать предсказание о будущем, выходили поодиночке из другой комнаты и показывались Антонушке. При входе одного из сыновей купца, он начал повторять: «Паромы плывут... паромы плывут...» Вышла девушка, Антон заговорил: «Чи дивка, без котов пришла, чи дивка, без

котов пришла». При появлении другой он сказал: «Вари кулешу, вари кулешу». Другому купцу, родственнику первого, Антонушка предрек: «Чи мене на поселенье сошлют? чи мене на поселенье сошлют?» Антонушку почествовали и отвезли восвояси.

В другой раз привезли Антонушку на двор, он расплакался, как дитя, и не хотел сойти с пролетки; его насильно втащили в комнату, но он вырвался и побежал к воротам, которые оказались затворенными; лжепророк бросился в подворотню, но один из сыновей купца схватил его за ноги и втащил обратно во двор. Начали ублажать Антонушку, как ребенка уговаривали, катали по двору на пролетке, но ничто не помогало, он рвался и плакал. Послали наконец за его опекуншей, которая, покатавшись с ним по двору, вошла в комнату и с таинственным благоговением объявила, что Антонушка не расположен сегодня говорить... с тем и увезли его домой.

Антонушка умер в Задонске и погребен в тамошнем монастыре. Рассказывают, что в день погребения в руках его неизвестно откуда явился запечатанный пакет с надписью

«На погребение Антонушки»; в пакете найдено 300 руб. Этот случай тоже обратили в чудо.

Последнее наше шествие блаженного фокусника на Воронеж было в 1859 году, а в это же время на смену ему появился уже другой чудотворец – государственный крестьянин Нижнедевицкого уезда, села Везноватки, Ермил Сидоров. Он бросил жену и семейство, преобразился в отца Серафима и пошел таскаться сначала по деревням и уездным городам, а потом пожаловал на вакантное место и в Воронеж. Хорошо обутый, одетый в суконное полукафтаные, с монашеской скуфеей на голове, он скоро втерся в несколько купеческих домов, где и пророчествовал, как только доставало умения. Одна почтенная старушка, купеческая вдова, имея собственный каменный дом, приютила у себя отца Серафима. При доме ее был сад, в котором находился флигелек в одну комнату; в нем-то и поселился Серафим.

Со вдовою жил ее сын, холостой человек, да приказчик, ее племянник, каждую ночь сын вдовы после ужина, прощаясь на сон грядущий с матерью, обращался к ней с прось-

бой:

– Маменька, позвольте мне пойти к отцу Серафиму – помолиться Богу!

– Ну, что ж, ступай, Христос с тобою! – было обычным ответом.

В один вечер сын ранее обыкновенного обратился к матери с подобною просьбою. Мать, хотя и благословила его, но подушка, которую он держал в своих руках и которую никогда не брал с собою прежде, поселила в ней какое-то безотчетное подозрение.

Спустя два часа, мучимая разными предположениями и сомнениями (сын любил немножко покутить), старушка позвала к себе приказчика.

– Гриша, а Гриша! Поди, батюшка, посмотри: что мой Ваня делает у отца Серафима?

Гриша, мужчина лет 47, тотчас же отправился по поручению хозяйки в сад, где, подойдя к дверям кельи, по обычаю монастырскому, пренаивно проговорил нараспев входную фразу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!»

– Аминь! – отвечал голос за дверью.

Гриша вошел и остолбенел от удивления,

на столе был штоф водки и осетрина, за столом сидела мертвецки пьяная женщина; Ваня был не в лучшем положении, Серафим, однако ж, не был пьян. Все виденное Гришей было передано вдове, и Серафима прогнали вон.

Из дома одного чиновника, где, было, нашел пристанище отец Серафим, выгнали его за то, что он, несмотря на тяжесть носимых им вериг, слишком уж заметно ухаживал за хозяйкою в отсутствие ее мужа.

Молоденькая купеческая жена Ф-ва, кончившая курс в одном из частных пансионатов, но насильно зараженная пустосвятством, очень ласково принимала Серафима и благоговейно выслушивала всю чушь, которую он городил ей. Вот что рассказывала одна молодая дама, хорошая знакомая Ф-й. У мужа первой пропали из комнаты деньги; пока производился розыск их полициею, она со своею сестрою-девушкою, зная, что у Ф-й будет Серафим, отправилась из любопытства туда – испытать его пророчество.

При входе последней с сестрою хозяйка поила чаем Серафима, а он, обращаясь к хозяйке, говорил.

– Ты мне послаже, послаже налей, положи побольше сахару, да варенья не жалей! не жалей! – потом, не обращая внимания на вошедших, он сказал: – Вот пришли! Они думают, что я цыган, буду им ворожить о деньгах. Деньги украла рыжая девка.

Но эта фраза не одурачила пришедшую женщину, она сейчас же догадалась, что плут Серафим уже слышал о пропаже денег из разговоров сестры ее, часто бывающей у Ф-ой, и потому не обратила особенного внимания ни на пророка, ни на пророчество.

Серафим показывал приехавшим свою скуфейку и говорил, что она не обыкновенная, а железная; показывал также вериги; называл сестру приезжей своей невестою, становился с ней перед образами и, сняв с ее пальца золотой перстень, надел его себе и сказал, что теперь они уже обручены друг другу. Перстень он унес с собою и не отдал назад.

Неизвестно, откуда он взял себе полную одежду схимника – схиму в то время в Воронежже из монахов никто не принимал; шарлатан этот ходил в схиме только у себя дома, во время богомолья. Не очень долго однако по-

шатался этот обманщик по Воронежу и вскоре куда-то исчез.

Случалось, что даже и сама полиция прибегала к помощи таких пустосвятов. У полковника Л. очень ловко была украдена шкапулка с драгоценными вещами. А на другой день обратился с просьбою о розыске вещей прямо к губернатору, который тотчас же приказал полиции принять все меры к отысканию. Должность полицмейстера временно исправлял в то время состоявший при губернаторе для особых поручений подполковник П. Последний кинулся искать горячо, сбил с ног всю полицию, измучился и сам, но вещи как в воду канули, даже следа не открыли. П. стал в тупик. Думал-думал он и наконец придумал, выписал из пригородного села известного по части колдовства бородатого мужика в смуром кафтане. Привезли его прямо в одну из городских частей и поместили в канцелярии; мужик объявил, что гаданье должно быть «на тощее сердце». На утро полицейские власти собрались в канцелярию части и с покорностью ожидали вещей слов мага. Бородатый плут потребовал миску чистой воды, по-

ставил ее на стол под образами и начал что-то нашептывать. Закончив свои заклинания, он отступил шага на три от столика с мискою, обратился к присутствующим и с суровой таинственностью сказал: «Молитесь все до единого в землю!» Чудная была картина, здоровый мужичище делал размашистые кресты и стучал лбом о пол; за ним с благоговейным смирением усердно клали земные поклоны подполковник, частный пристав, ратман и все предстоящие. Когда же окончилась молитва, знахарь взял миску и стал смотреть в воду. П. наострил уши и весь превратился во внимание. Знахарь описал приметы юра, объявил признаки места его жительства и, сказав о том, где спрятаны вещи, распустил честную компанию. П., раскинувши умом-разумом и посоветовавшись с кем нужно, приискал вора по приметам и сейчас же нагрянул на какой-то домишко. Всполошили всех соседей, перепугали хозяев дома, перевернули все вверх дном, но не только вещей, даже и следов подозрения не отыскали. Поехал П., понурив голову и чуть не плача, ну, знахаря, говорят, маленько посекали и отпустили восвояси.

Блаженный Антонушка

В Задонске жил до 50-х годов блаженный старец Антоний Алексеевич; родом он происходил из села Клинова, принадлежавшего некогда помещице Разумовой. Будучи семи лет, он раз во время сильной бури, пронесшейся по селу Клинову, скрылся из родительского дома и через три недели отыскан был в поле у ручья, близ которого рос горох, служивший для него пищею. На вопросы о причинах его скрывательства он или не отвечал, или отвечал невпопад.[74] Так, по преданию, началась блаженно-юродивая жизнь Антония Алексеевича, продолжавшаяся более ста лет.

Когда он возмужал, отчим заставил его обрабатывать землю. Но не спорилась у него работа, и нередко он подвергался бесчеловечным побоям. Когда мать Антония умерла, жестокий отчим выгнал своего пасынка из дома. С этого времени Антоний и стал проводить дни в лесу, чтобы не стеснять никого своим присутствием. Ходил он в кафтане из толстого белого сукна, подпоясанный красным ку-

шакон или ремнем, а обувался в суконные онучи и кожаные, особого покроя, коты. Он не разувался и не раздевался ни днем, ни ночью и ходил всегда с наполненной чем ни попало пазухою, из которой иногда давал встречавшимся с ним кому огурец, кому хлеб, а иному камень или стекло. И все это имело у него особенное значение. К деньгам он был вполне равнодушен, да и не знал им цены. В одно время отправился он купить рукавицы и, отдав за них 28 руб., с детским восторгом показывал, что купил – «за серебряныето»! Не заботился он нисколько и о чистоплотности. Люди, помнившие его, рассказывали, что он был необыкновенно кроток, послушен, со всеми обходителен, приветлив и с детской улыбкой на устах, которою невольно привлекал к себе сердце каждого, нередко он со свойственной ему лаской говаривал нуждающемуся в его ободрении и утешении человеку: «Сударик ты мой! я ничего: так Бог дал; знать, так мать тебя обрекла!» В другую же пору представлялся он как бы тревожным, озабоченным, иногда дерзким и подчас грозным; в такую пору он целые ночи проводил без сна, а

иногда целую неделю не принимал ни пищи, ни питья. В те дни он беспощадно обличал некоторых не только за пороки, а за малейшие слабости, несмотря ни на звание лиц обличаемых, ни на положение их в обществе. Взяв длинную палку, ходил он и бегал ночью по монастырю и выгонял кого-то с криком: «Урю! урю! Урю! эх их нашло сколько!» Или, схватив кочергу, выгонял кого-то из-под дивана, либо из печки, приговаривая: «Зачем ты сюда зашел? пошел вон в лес!» А на вопрос – кого он выгоняет, отвечал: «Бирюков», – т. е. волков. Иной раз вскрикнет: «Ах, как стонут-то, как горько там!..» – «Где, батюшка?» – спросят его. – «Ах, не слышишь, как бедненькие стонут-то там, под землею?»

Из числа многих предсказаний этого юродивого биограф его, епископ Герасим, описывает следующие случаи: однажды, встретившись с настоятелем монастыря, Антоний Алексеевич поцеловал у него на груди крест и сказал:

– Князь! Мы с Афонькой большие воры, уведем у тебя лошадей. Только бы завести нам их за угол, а там поминай как звали!

Архимандрит-настоятель принял слова эти за предсказание об обыкновенном конокрадстве, усилил караул, сделал новые заборы; однако ж не уберег лошадей, к которым был пристрастен: две из них, особенно любимые им, скоро пали.

К тому архимандриту в обитель пришел раз юродивый, лег против царских врат на амвон и скатился на пол. Потом, подойдя к панихидному столику, взял с него крест и, подавая архимандриту, сказал: «На, целуй его!» На слова же архимандрита, что он с ним делает, отвечал: «Не моя воля, так Бог велит!»

Ровно через год последовал указ об увольнении настоятеля на покой.

За несколько лет до открытия мощей святителя Тихона, беседуя раз с келейным казначея, Антоний Алексеевич вдруг изменился в лице и, как вдохновенный, воскликнул: «Сколько народу-то идет! видимо-невидимо!.. А денег-то, денег сколько несут! Один только Господь знает, да моя душенька!» На вопрос же келейного: «Куда это, батюшка, народ-то идет?» – «К Оське в яму!» – сказал Антоний Алексеевич. Под ямою разумел он гробовую

пещеру, где покоились тогда под спудом мощи угодника Божия Тихона, а Оською называл иеромонаха Иренея, служившего при мощах святителя Тихона около 20 лет.

В другой раз, сидя на крылечке с келейником казначея и указывая ему рукой на пустое место – это было в 1837 году – Антоний Алексеевич сказал: «Смотри-ка, какая большая церква стоит, да хорошая, новая!» Когда же послушник казначея отвечал, что не видит там никакой церкви, юродивый настойчиво утверждал, что стоит там церковь. Через 8 лет действительно на том самом месте был построен в обители храм.

В 1841 году в Задонске был большой пожар. За месяц перед этим пожаром блаженный заходил в те самые дома, которые после сгорели, и говорит: «Палки жарко горят! палки жарко горят! Воды надо, воды!»

Другой раз, остановившись близ одного дома в Задонске, он начал запруживать дождевую лужу и на вопрос, для чего это делает, отвечал, что вода будет нужна, потому что сюда прилетит красный петух. Согласно предсказанию, дом этот сгорел дотла.

Раз зашел он к квартальному надзирателю города Задонска; последний вывел к нему восьмилетнего своего сына и стал просить у юродивого благословения отдать его в училище. Но Антоний Алексеевич, посмотрев на ребенка, сказал: «Я возьму его на поляну». Через несколько недель после того сын квартального умер...

Зайдя раз к одному задонскому мещанину, юродивый спросил у него: можно ли на такой-то улице выстроить двенадцать домов? Тот отвечал, что все места уже застроены... «Нужды нет... – сказал юродивый. – Я-таки выстрою...» Через десять лет на этой улице действительно сторело двенадцать домов, которые и были выстроены заново.

Обратившись однажды к дочери того же мещанина, он говорит: «У тебя мать Анна, люби ее!» Девушка отвечает, что мать у ней – Екатерина, а не Анна. Но Антоний Алексеевич продолжал утверждать, что Анна, несмотря даже на личное присутствие матери, которой он как бы и не замечал. Спустя год мать ее Екатерина умерла, и отец девицы женился на другой жене, которую действи-

тельно звали Анной.

По смерти архимандрита Илария один брат спросил блаженного: «Кто будет у нас князем?» – «Князь у вас будет, – отвечал юродивый, – из дьяконов». И действительно заступивший место покойного архимандрита был из вдовых дьяконов.

Не раз Антония Алексеевича видели, как он в сильном беспокойстве ходил по двору около подэконома Задонского монастыря и, махая около него голиком, приговаривал: «Поди прочь! кто вас звал сюда?» Однажды вечером он в сильном беспокойстве пришел к одному брату в келью, где были еще двое из братии, и прилег, было, на постель; но, пролежав немного, вдруг вскочил и, сколько есть мочи, прокричал три раза: «Карпушка! Карпушка! Карпушка!» (так он обыкновенно звал этого послушника), – затем, понизив голос, сказал как бы про себя: «Ну, так и быть: схватил волк овечку!» Назавтра нашли этого послушника повесившимся в то самое время, как блаженный кричал: «Карпушка!»

Раз, придя к другому послушнику, потребовал он бумаги, чернил, сургуча и печать. По-

слушник подал ему все это. Юродивый написал что-то и запечатал: «На, возьми! это тебе подорожная!» Через неделю совсем неожиданно послушник этот отправился в Москву.

Одному послушнику при каждой почти встрече старец постоянно твердил, что уйдет он к отцу – пахать землю; послушник и слушать не хотел, но через семь лет действительно покинул монастырь.

В 1847 году, придя раз в келью к знакомому монаху, старец спросил его: «Чей это в сенях гроб, большой, пестрый?» – потом, немного помолчав, продолжал: «Дома бы и умирал: зачем приезжать опять в монастырь?» Через месяц монах, заболев, пожелал съездить на родину для поправления здоровья, но, пробыв там около месяца, возвратился в Воронеж, где вскоре от свирепствовавшей в то время холеры и умер.

Во время холеры Антоний Алексеевич заходил во многие дома обывателей Воронежа без всякого со стороны их приглашения, и где ставил он столы посреди комнаты и пел «вечную память», там почти все жильцы вымерли от холеры.

Проходя раз мимо одного каменного дома, двор которого обнесен был дощатым забором, Антоний Алексеевич остановился перед канавкой, по которой стекали со двора нечистоты и, немного подумав, пополз боком по этой канавке по двору и, пощупав у кладовых замки, тем же путем выполз на улицу, сопровождаемый дружным хохотом со стороны столпившихся свидетелей этой сцены. По прошествии нескольких дней эта загадка объяснилась: чрез ту самую канавку проникли во двор ночью воры, обообрали все кладовые и были таковы.

За год до своей кончины пришел Антоний Алексеевич к одной помещице, которая купила дом в Задонске, и говорит ей: «Вот и к вам, так Бог велел!» Потом, разболевшись, говорит хозяйке: «Мама (так он называл ее), пора мне умирать; похорони меня во спасение души твоей в монастыре и заплати за меня пять рублей ...» А когда та подумала, что едва ли можно будет похоронить его за такую сумму, Антоний Алексеевич, отвечая на ее мысли, присовокупил: «Ну, 500 рублей отдай вперед. Хотя у тебя и был нынче недород хлеба, да за-

то у меня его много. Вот, даст Бог, я перейду, тогда и тебя возьму к себе, да сшей мне новый белый кафтан с нижним бельем и купи новый кушак». Духовника своего, к которому всегда сам прихаживал, когда нужно было исповедаться или приобщиться, просил он сшить себе новые коты. А недели за две до Покрова говорит хозяйке дома: «Мама! Пеки блины в субботу, под Покров». Наступила эта суббота, и юродивый скончался на 120-м году жизни.

Тело его погребено было с большой торжественностью в Задонском монастыре под алтарем Вознесенской церкви. На похоронах его присутствовала многочисленная толпа народа.

XXIV

Старец Алексей. – Томский Осинька. – Ссылная Домна. – Лже-Разумовский. – Лже-Александр. – Данилушка на кровле

В Ростове был известен старец Алексей из вимения графа Панина; он юродствовал в Борисоглебском монастыре 32 года. Родом он был из духовного звания, жизнь вел воздержную, ходил в одной верхней одежде, босой зи-

му и лето. Временно жил он в сторожке монастырской, любил читать апостол за раннею литургиею. После ранней обедни в своем монастыре весьма часто уходил в Ростовский Успенский собор, отстоящий от Борисоглебского монастыря на 18 верст, к поздней литургии, где также читал апостол.

О скорой его ходьбе рассказывают следующий случай. Одна помещица, отправляясь в Ростов на богомолье на тройке лошадей, посетила у Бориса-Глеба чтеца Алексея и сетовала на то, что ей мало времени оставалось, чтобы подолее побеседовать с Алексеем, т. к. спешила в Ростов, чтобы поспеть к литургии в собор. Алексей, заметив это, сказал ей: «Мы увидимся в Ростове» К удивлению своему, помещица, приехав, заметила в соборе Алексея, который прибыл туда раньше ее, хотя она ехала на тройке лошадей. Вот как быстро ходил Алексей.

Старожилы еще рассказывали из его жизни, что однажды люди, встретившие его выходящим из леса, спросили: «Где ты был, Алексей Степанович?».

– В бане был, прекрасно выпарился, ни од-

ного места не осталось невыпаренным.

На самом же деле некоторые видели его в то самое время сидящим в муравейнике. Вот какова была его баня!

Часто он хаживал в некоторые дома борисоглебских жителей и никогда ни дверей, ни ворот не затворял. Несмотря на то, как рассказывали, ни скот со двора не уходил, ни похищения никакого не было.

Утверждали, что Алексей обладал и даром прозорливости. Так, будучи в доме, где мать сильно беспокоилась о том, что давно не получала никакого известия от сына, жившего в Петербурге, Алексей сказал: «Река Нева глубока, много в ней тонут» И действительно, через неделю мать получила известие, что сын ее утонул в Неве.

Однажды Алексей перед бурей размеривал пространство земли близ колокольни села Троицкого, что в Бору. Окружающие его спросили: «Что ты делаешь, Алексей Степанович?» – «А вот меряю, куда крест упадет с колокольни». Когда нашла буря, крест с колокольни сорвало, и он упал на то место, куда указал Алексей.

Пред пожаром в селе Вощажникове, в десяти верстах от Борисоглебского монастыря, Алексей Степанович расхаживал по улицам и говорил вслух: «Ах, как жарко! ах, как жарко!», – хотя на самом деле и не было жарко. В следующую ночь был сильный пожар в Вощажникове.

Умер Алексей 16 октября 1781 года и погребен за алтарем; после его смерти какой-то неизвестный выстроил над его могилой каменную часовню, где на стенах изобразил Алексея. Память об этом юродивом чтится в монастыре по сей час.

Город Томск исстари богат был разными пустосвятами. В числе таких некогда знаменит был там Осинька, который, судя по рассказу, переданному нам столетней старицей Марфой Леоновой, знаменит был тем, что всем показывал пальцы, да по ночам ходил и предсказывал пожары, говоря: «Стопочка сгорит, стопочка сгорит».

Не менее его была известна в этом городе старуха самой неряшливой внешности, таскавшая за плечами в мешке дохлых крыс, кошек и разную дрянь и отправлявшая все свои

физиологические отправления там, где ей это приходило в голову – в комнатах, церквях и т. д. Родом она была дворянка, помещица и была прислана в Сибирь за жестокое обращение со своими крестьянами. Известна она была под названием Домны Карповны, ходила зимой и летом босиком и жизнь вела ночную; знала только одну речь, которую и твердила постоянно: «Пресвятая Богородица, спаси от горячих бесов». Из рассказов о ней известен один, как она по дороге в город Каинск встретила архиерея и предсказала ему смерть.

Из заметных пустосвятов в этом городе был известен еще некто Разумовский, выдававший себя за гетмана. Этот самозванец особенными нравственными качествами не отличался; рассказывал старухам более про белую Арапию и о выползавших будто бы на гору из озера крокодилах, что мешали постройке будущего Томского собора, и тому подобные несуразности; в сущности, этот Разумовский был негласный содержатель томского веселого заведения и родом поляк, присланный в Сибирь за мошенничество.

В том же Томске у простого народа и особенно у купцов пользовался большим уважением некто столетний старец Федор Кузьмич или Александр; происхождения последний был неизвестного, но есть данные подозревать, что он некогда принадлежал к высшему петербургскому обществу. Наружность имел старец Федор красивую, величавую, роста был большого, с правильными чертами лица и большой окладистой бородой. Он знал языки, на которых говорил очень правильно, и отличался необыкновенным даром слова. Сибиряки в этом таинственном отшельнике видели будто бы покойного императора Александра I; как ни нелепо было это предположение, но оно крепко существовало в томском купеческом обществе. Старец Федор жил у купца Хромова за городом, на даче. Он похоронен в Томске, в ограде Алексеевского монастыря. На его памятнике существовала очень загадочная надпись, которую, в бытность мою в Томске в 1882 году, в мае месяце, стерли и закрасили, так что прочитать ее не было возможности. Старец Федор тоже будто бы отличался прозорливостью и предугадыванием

будущего: так, он одному из мужичков предсказал, что тот найдет золото, что и случилось. Жизнь он вел строгую.

В Томске был известен еще из ссыльнокаторжных некто Данилушка. Он также предсказывал и отличался большими странностями – жил в лесу, питаясь кореньями, а в городах – преимущественно на крыше дома, где и сидел целыми часами в созерцательном молчании.

XXV

Авраамий. – Диомид юродивый. – Старец Вася

Лет 50 назад в одной из сибирских губерний пронеслась молва, что явился отшельник Авраам, наделенный даром пророчества и чудотворения. Стоустная молва, варьируя эти рассказы, разнесла весть об отшельнике по всей Сибири.

В самом дремучем лесу, далеко от всякого поселения, жил в большой избе моленной отец Авраам. Когда все кругом леса погружалось в сон, у отшельника пробуждалась жизнь. Сотни поклонников тянулись к нему на молитву, где вместе с псевдорелигиозно-

стью пропагандировался чудовищный разврат.

Авраам считался основателем секты очищенцев. Последователи его, мужчины и женщины, входя, сбрасывали с себя верхнюю одежду и оставались в одних рубашках с босыми ногами. Учитель становился на возвышении и был одет в черной рясе, вроде монашеской. Обряд молитвы заключался в следующем:

– Да приблизится избранная моя! – провозглашал Авраам; в ответ на это входила на возвышение молодая девушка и становилась на колени.

– Облобызай нози мои! – говорил он... Девушка целовала его ноги.

– Творите, как я творю, братие.

При этих словах подле каждого мужчины становилась девушка и, по примеру избранницы Авраама, целовала ноги мужчине.

– Да будет плодородие ваше, яко плодородие маслины! – говорил Авраам, осеняя стоящих восковою свечкою. – Чисты ли и непорочны ли вы вси?

– Осквернены от рождения! – следовал об-

щий ответ.

– Имеете ли твердость истязанием плоти очиститься?

– Имеем! – отвечали все, падая на колени.

– Очиститесь же.

Вслед за этими словами каждый из очищенцев брал пук розог в руки и начинал бить им по плечам и по спине своих сестер.

Бичевание это продолжалось довольно долго, кровь струилась по обнаженному телу добровольных мучениц. После этого спрашивалось: «Очищены ли вы есте, сестры мои?» Следовал ответ, что очищены и чисты, как снег. «Очищены ли вы?» – обращался он к мужчинам. «Не очищены», – отвечали последние. «Очиститесь!» И снова начиналось истязание – истязуемыми на этот раз была мужская братия; после этого все очищенные удалялись из моленной.

Отец Авраам жил в скиту со своею избранницею, какой-то беглою солдатскою женою Аленою, и жил, благодаря богатым приношениям, весело, пока полиция не проведала о нем. Впрочем, Авраам успел улизнуть от рук правосудия, а его последователи сожгли мо-

ленную, чтобы она не попала в руки нечестивых. По их рассказам, Авраам чуть ли не живой был взят на небо вместе с Аленой. Авраам же, как оказалось после, жил в Москве у богатой купчихи С-овой в дворниках, и там его уже звали Семеном. Как мужик еще весьма красивый и притом ловкий, он пользовался особенным расположением своей хозяйки. Жизнь его у нее была самая беззаботная, подчас он кутил не хуже богатого купца.

Раз как-то его хозяйку посетил беглый раскольничий поп и, не застав хозяйки дома, зашел к дворнику, где за графином водки убедил Семена обокрасть купчиху и бежать. Результатом этой беседы было то, что в одно прекрасное утро у хозяйки исчезли шкатулка с 40 000 руб. и дворник Семен.

Как ни искала полиция похитителя денег, все розыски остались тщетными. Благодаря паспорту Авраама, красноярского мещанина, который промыслил ему поп, он благополучно добрался до Сибири и, поделив украденную сумму, поселился в лесу и опять начал проповедовать свое пустосвятство.

После исчезновения отца Авраама в одном

из наших губернских городов поселился богатый сибирский купец. Купил он себе дом и начал торговать хлебом. Спустя несколько лет имя его стало известно во всех промышленных понизовых губерниях.

В лесистой местности губерний Орловской, Смоленской и Калужской каждому из обитателей как городов, так и сел названной местности был известен лет 20 назад 80-летний старик, юродивый Диомид, ходивший по лесам и скрывавшийся там на деревьях, всегда босой, в одной рубашке зимой и летом, Диомид бродил по лесным дебрям. Это был вполне лесной человек, с ног до головы обросший волосами. Ходил он не молча, а всегда что-нибудь мурлыкал или напевал себе под нос. Откуда он был родом – никто не знал, и когда начал вести такую суровую бродячую жизнь – тоже покрыто было тайною. Бродя по селам, Диомид заходил иногда к мужикам, но отнюдь не к духовенству, которого он не терпел, бегал и боялся.

В Волхове в эти же года известен был старик Вася, вечно раздетый и босиком летом и зимою. Посещение его в домах обитателей

считалось очень желательным и счастливым, и каждый спешил зазвать его калачиком и водкой, до которой он был большой охотник. Вася был просто идиот, лишенный дара слова и ничем не отличавшийся от людей такого сорта.

Здесь перечислены все или почти все из «словущих» старчиков и юродцев, просиявших в недавнее время, во многих случаях противопоставляемое допетровскому периоду и времени самого императора Петра, который в великом ряде своих забот обращал внимание и на вред, причиняемый обществу святошеством старчиков и юродцев. Твердая рука первого императора не миловала этих пустосвятов, которые приносили тот несомненный вред, что понижали в людях понятие о промысле, выдавая себя за каких-то доверенных агентов, адвокатов и разъяснителей воли Бога, как будто нуждающегося в их посредстве и избравшего их для этого назначения. Петр I видел в этих поступках «лицемерие, глупость и зло-обычное нагльство к обману простодушных невежд». То же самое продолжало видеть в этом и все русское законода-

тельство при последующих императорах, и исполнительные власти постоянно считали себя призванными оказывать сопротивление пустосвятству юродивых и старчиков, но в обществе иногда встречалось столько незаслуженного доверия этим плутам или дурачкам, что исполнительные чиновники оказывали снисхождение и смотрели на дело сквозь пальцы. Это не перевелось и до сего дня, и наш список почитаемых старцев новейших времен представляет целую группу таких «достопоклоняемых» лиц, которые все были или плуты, или дурачки, или сумасшедшие. При этом из них только три-четыре человека обнаруживали некоторую доброту и мягкость в отношении к людям, а все остальные были грубы, несострадательны, злы, жестоки и чрезвычайно жадны. Наиболее же всем им общею и притом замечательною их чертою является выдающаяся склонность к промысловым предприятиям, к которым большинство старчиков и юродцев обращается после приобретения денежного капитала нужного для начала торговли.

Вывести это может только распростране-

ние настоящих христианских понятий и истинного просвещения во всех слоях общества.

Исторические колокола

*Колокол – это голос церкви зовущий
издалека и посылающий равномерный
привет дворцу и лачуге
Паоло Мантегацца*

I

Начало употребления колоколов. – Значение слова «колокол». – Клепала и била. – Легенда о Пронском биле. – Сказание о древних новгородских колоколах. – Чугунные, стеклянные, глиняные и деревянные колокола. – Подразделение колоколов. – История набатного или всполошного колокола. – Вечевые колокола. – Колокола красного звона. – Пленные и ссыльные колокола. – Царские золотые и лыковые колокола. – Отливка колоколов. – Замечательные по звуку колокола. – Криптографические надписи на колоколах. – Искусство звонить. – Крещение колоколов. – Надписи на колоколах. – Царь-колокол и его история. – Иван Великий. – Большой Успенский колокол. – Слу-

чай при поднятии этого колокола. – Колокола Реут, Вседневный, Медведь, Лебедь, Широкий, Слободской, Ростовский, Немчин, Глухой и Корсунские зазвонные

Начало употребления колоколов приписывается египтянам, по словам историков, колокола будто бы употреблялись при священнодействиях в праздники Озириса. Грекам также были известны колокола; у афинян при храмах Прозерпины существовали колокола с тою же целью, как у нас, – ими народ призывался к богослужению. Тибул Страбон и Полиций, жившие за двести лет до Р. Х, говорят о колоколах, а позднее Иосиф Флавий подробно описывает их в своих еврейских антиквариях. В Китае и Японии древность некоторых колоколов несколько не уступает древности Рима, Греции и даже Иудеи и Египта.

Слово «колокол», по догадкам некоторых ученых, имеет корень с греческого «калкун», означающее клепало или било. Первые колокола при церквях на западе введены в употребление в конце VI века. Литье первых колоколов приписывают Павлину, епископу

Нольскому, что в Кампанье; думают, что от этого и произошло латинское их название са-трапа и pola.

При христианских храмах колокола, надо полагать, вошли в употребление на Западе не раньше конца VI или начала VII века; существует предание, что когда в 650 году войска Клотария осадили Орлеан, то Орлеанский епископ Луп велел звонить в соборный колокол при церкви св. Стефана; осаждавшие, испугавшись этого звона, приняли его за голос ангела и поспешно сняли осаду города. На Востоке колокола употреблялись весьма редко; при взятии Константинополя турками колокола были уничтожены и сохранились только в немногих местах Сирии и Палестины. Турки запрещали колокола под тем предлогом, что будто бы звук их возмущает покой душ, витающих в воздухе.

Колокола, как у древних, так и у христианских народов употреблялись в разных случаях: звон их призывал народ в храмы, извещал о времени, возвещал о начале действий военных и выступлении войск в поход. В некоторых местах звонили в колокола, когда вели

на казнь преступников, случался пожар в городе или смерть царя, епископа и даже частного лица. В небольших городах, как мы уже заметили, колокола заменялись клепалами, билами или просто досками, как, например, в Греции, где их называли «симандрами»; это были просто деревянные и железные полосы, в которые били палками или колотушками. Подобные доски находились в XII и XIV веках в новгородских и псковских церквях – они и теперь еще употребляются на Алтае и в Сибири в старообрядческих скитах.

В слободе Плотной, составляющей одно из предместий нынешнего города Пронска, на колокольне тамошней приходской церкви, хранится такое древнее било, по преданию, заменявшее некогда в старину вечевой колокол. По рассказам старожилов, это било неизвестно для чего неоднократно переносили из Пронска верст за пять, в село Ельшину, но било опять уходило на старое место в Пронск. Предание говорит, что оно принадлежало женскому монастырю, ныне уничтоженному, бывшему на том самом месте, где теперь сооружена приходская церковь, сохранившая

еще доселе чудное било. У этой церкви похоронены многие княжны и княгини Пронские. Било это положено «кладью» в церковь с тем, чтобы оно принадлежало вечно одной и той же церкви. И, по народному поверью, никакою силою невозможно присвоить била с того места, которому оно завещано.

О колоколах новгородских упоминается с XI века, как это видно из повествования о приходе в Новгород литовского князя Всеслава Брючиславича, снявшего с Софийской колокольни колокола в 1066 году, и из жития преподобного Антония Римлянина, приплывшего в 1106 году во время утрени к Новгороду и слышавшего в нем великий звон.[75] Но колокола эти, вероятно, были другого устройства и едва ли сохранились до нас, хотя и признается преданием в Антониевом монастыре один небольшой колокол за колокол преподобного Антония Римлянина (1147).

О новгородской Филипповской церкви,[76] по случаю слития первого колокола в 70 пудов в 1558 году, сказано: «и не бысть колокола большого и никакова и от создания церкви каменных св. апостола Филиппа и великаго

чудотворца Николы 175 лет, а было железное клепало». Также в церковной описи Зверина монастыря за 1682 год показана в числе клепал доска железная. Впрочем, до XIV века еще упоминается о колоколах вечевых и корсунских (Карамзин), а с XIV и XV веков – о нынешних колоколах церковных. Первый из этих колоколов, как известно по летописям, слит в 1342 году к Софийскому собору московским мастером Борисом, по приказанию архиепископа Василия, а в XV веке при архиепископе Евфимии были литы колокола не только церковные, но и часовые.

Что касается XVI и XVII веков, то от этого времени осталось немало колоколов и даже с надписями русскими и иностранными, указывающими на русских и западных колокольных мастеров.

Колокола обыкновенно отливаются из так называемой колокольной меди, состоящей из сплава 78 % чистой меди и 22 % олова. Но бывали примеры, что колокола делались из чугуна, стекла, глины, дерева и даже серебра. Так, в Китае, в Пекине, существует один колокол чугунный, отлитый в 1403 году. В Упсале,

В Швеции, есть колокол из стекла, превосходного звука. В Брауншвейге, при церкви св. Власия, хранится как редкость один деревянный, тоже очень старый, лет около трехсот, называвшийся некогда колоколом св. великого пятка; он употреблялся во время еще католицизма, и в него звонили на Страстной неделе. В Соловецком монастыре находятся глиняные колокола, неизвестно когда и кем слепленные.

Колокола у нас существуют многих видов и названий. Так, известны *набатные, вечевые, красные царские, пленные, ссыльные, благовестные, полиелейные, золоченые* и даже *лыковые*; существуют еще небольшие колокола под названием *кандия* или *звонец*. Им дается знать звонарю на колокольню о времени благовеста или звона.

Первый из набатных колоколов висел в Москве, в Кремле, подле Спасских ворот, в настенном шатре или полубашенке;^[77] он назывался также царским, сторожевым и всполошным; в него звонили во время нашествия врагов, мятежа и пожара; такой звон назывался «всполохом» и набатом.^[78] На этой по-

лубашенке висел прежде, как полагали, вечевой колокол, привезенный в Москву из Великого Новгорода, после покорения его Иоанном III. Существует предположение, что Новгородский вечевой колокол был перелит в Московский набатный, или всполошный в 1673 году. По указу царя Федора Алексеевича, он сослан был

1681 года в Корельский Николаевский монастырь (где погребены дети Новгородской посадницы Марфы Борецкой) за то, что звоном своим в полночь испугал царя. На нем вылита следующая надпись: «лета 7182 июля в 25 день, вылит сей набатный колокол Кремля города Спасских ворот, весу в нем 150 пудов». К этой надписи прибавлена другая, вырезная «7189 года, марта в 1-й день по именованному великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея великия и малыя России самодержцу указу дан сей колокол к морю, в Николаевский-Корельский монастырь за государское многолетнее здравие и по его государским родителям в вечное поминовение неотъемлемо при игумене Арсение».[79]

По свидетельству старожилов, у другого набатного колокола, который висел на башне Спасских ворот после первого колокола и который теперь хранится в Оружейной палате, по приказу Екатерины II был отнят язык за то, что он во время Московского бунта в 1771 году сзывал народ: в таком виде он висел до 1803 года, когда был снят с башни и поставлен под каменным шатром у Спасских ворот вместе с большими пушками. По сломке шатра, он был сперва помещен в арсенал, а потом в Оружейную палату: на нем находится следующая надпись: «1714 года июля в 30 день вылит сей набатный колокол из старого набатного же колокола, который разбило, Кремля города ко Спасским воротам, весу в нем 108 пуд. Лил сей колокол мастер Иван Маторин».

Вот что находим о набатном колоколе в статье Г.В. Есипова:[80] в 1803 году стены и башни Московского Кремля во многих местах начали разваливаться и Московская Кремлевская экспедиция озаботилась их исправлением, главноуправляющий Кремлевскою экспедицею П.С. Валуев, командировал чиновника в набатную башню с приказанием снять осто-

рожно колокол и сдать его в экспедицию для хранения в кладовой, впредь до исправления башни. Когда сняли колокол и хотели его везти в кладовую, явился офицер с солдатами и заявил, что комендант приказал оставить колокол на площади, и поставил к нему двух солдат. Сконфуженный чиновник донес Валугу об аресте колокола. Валуга отличался непомерным самолюбием и послал к коменданту чиновника, который на словах заявил ему, чтобы он немедленно возвратил колокол. Комендант потребовал письменного объяснения. Валуга не замедлил такое послать, и немного резкое.

Комендант нашел тон письма, да и самое требование немного оскорбительным и пожаловался московскому главнокомандующему графу Салтыкову. Главнокомандующий тоже, вероятно, не совсем довольный тем, что Валуга обратился к коменданту помимо его, в тот же день уведомил Валугу, «что он находит действия коменданта совершенно законными и просит в подобных случаях обращаться к нему, главнокомандующему, и содержать коменданта в том внимании, какого он заслу-

живает по отличному усердию и исправности, в толиколетнем прохождении важного служения своего оказанными».

Валуеву стало понятно, что сделал ошибку, погорячился, и что главнокомандующий может довести об этом до высочайшего сведения, а главнокомандующий и Валуев, как два медведя в берлоге, жили не в ладу, и Валуев решил искать покровительства в любимце императора, Трощинском, мимо которого в случае жалобы графа Салтыкова дело это не могло пройти.

«Опасаясь, что главнокомандующий представит о деле своим манером на высочайшее усмотрение, доношу вашему высокопревосходительству (писал Валуев к Трощинскому), яко единственному благотворителю, о встретившейся неприятности от коменданта и главнокомандующего, душащими меня непомерно пустыми отношениями.

По понятию моему о пользе казны и славе моих государей, истребил я, без огласки, прошедшим летом два застенка, яко памятники времен жестоких и бесчеловечных, употребляя из оных материалы на исправление древно-

стей, заслуживающих быть сбереженными в позднейшие времена и что этим оправдал я ваше покровительство, снискал всеобщую жителям московских эстиму и заслужил монаршее благоволение. Руководствуясь таким же подвигом, *спрятан у меня давно язык известного колокола, служащего возвестителем всех возмущений стрелецких и возмущения во время чумы в царствование Екатерины Премудрой*».

После такого напоминания о своих заслугах, оказанных государю и отечеству и московским жителям, Валуев в письме к Троцинскому рассказывает, как комендант арестовал колокол и оставил его под караулом на площади, «где прохожие, может быть, делают о том разные толки и заключения, а главнокомандующий, не осмотрев места и не расспросив о том у меня, пишет ко мне отношение, которое я оставил без ответа, как для избежания дальнейших историй, так и потому, что ответственю, обязан бы я был объяснить его сиятельству, что колокол, им уважаемый, есть памятник зол российских, заслуживающий быть забыт всеми благомыслящими отече-

ства сынами, памятник бесславия покойного отца его, который, будучи главнокомандующим, от чумы и возмущения укрылся в подмосковную, за что и был отставлен, и дана преемнику его инструкция, в которой упомянуто о его побеге».

Изливши свою злость на главнокомандующего и даже на его покойного отца, Валуев принялся за коменданта:

«Комендант говорит, что без начальства колокола отдать не может. Бude колокола принадлежат к военной дисциплине и аккуратности, почему же не воспрепятствовать мне прошедшим летом разбирать колокола на башнях Спасской и Троицкой?

Обязан я был объяснить ему (главнокомандующему), что в моем чине, служа непорочно 50 лет, разуместь я должен, кому какие давать уважения, не погрешая против коменданта, о котором он сам отзывался, что он пьяница и знает только службу капральскую».

Вступив на дорогу сплетней и злоречия, Валуев не остановился на самых ничтожных мелочных объяснениях Салтыкова и коменданта:

«Злоба коменданта происходит от того, что не удовлетворяются его пустые требования о снабжении его дома невероятным числом дворцовыми мебельями, о набитии льдом его погребов и проч. и проч., понеже дом его не в ведомстве экспедиции; злоба главнокомандующего от неблагорасположенных ко мне окружающих его зятя Уварова и правителя канцелярии Карпова». Как ни старался Валуев в глазах Троицкого, который мог донести эти сплетни и выше, очернить коменданта и главнокомандующего, не постыдившись даже по случаю колокола вызвать тяжелые воспоминания фамилии графов Салтыковых о поступке одного из них семейства во время чумы в Москве 1771 года, как ни льстил Троицкому разными подобострастными и лакейскими фразами, но граф Салтыков остался цел и невредим и 28 мая 1803 года сообщил Валуеву, что государь император повелеть высочайше соизволил: «Набатный колокол сохранять навсегда на своем месте (т. е. на той башне, где он висел), в случае же починки башни сохранять колокол в надежном месте до исправления ее, а по исправлении

опять вешать на свое место».

Валуеву осталось, впрочем, утешение, что в решении ничего не было упомянуто о спрятанном им языке от колокола.

Кроме *набатных*, были еще колокола *вестовые*, они существовали в старину, в Сибири и во многих пограничных городах южной и западной России. Ими давали знать о приближении неприятеля к городу. Вечевые колокола у нас были в Новгороде и Пскове, и, как надо полагать, последние не отличались большим весом. Еще в начале XVI столетия во всей Новгородской области не было колокола более 250 пудов весом. Так по крайней мере говорит летописец, упоминая о колоколе «Благовестнике», слитом в 1530 году ко святой Софии повелением архиепископа Макария: «Слить бысть колокол вельми велик, яко такова величеством не бывало в великом Новгороде и во всей Новгородской области, яко страшной трубе гласящи».

Красными колоколами называли такие, которые имели звон красный, т. е. хороший, усладительный, веселый, красные колокола – то же, что красивые, благополучные. В

Москве, в Юшковом переулке, существует церковь святителя Николая «У красных колоколов»; этот храм более чем два века славился своим «красным звоном». Есть в Москве еще другой храм, за Неглинною, на Никитской улице, известный под именем «Вознесенье хорошая колокольница».

Но лучшие по тону колокола в России – это в Ростовском соборе. Колокольня этого храма замечательна своим устройством и музыкальными звонами колоколов. Звоны там названы по именам учредителей: Ионин, по имени митрополита Ионы Сысоевича, который с 1652-го по 1691 год в течение 39 лет правил митрополиею Ростовскою; особенно хороший, как говорят знатоки, принадлежал архиепископу Георгию Дашкову, правившему Ростовом уже по уничтожении митрополии с 1718 года по 1731 год, Иоакимовский, по имени архиепископа Иоакима, 1731–1741 годы. Колокола висят в линию и различаются весом: первый в 2000 пудов, второй в 1000, третий в 500 и т. д., до 20 пудов и менее. Всех колоколов тринадцать. Звонари становятся так, что могут видеть друг друга и соглашаться в

такте. Это одно из условий гармонии. Митрополит Платон приезжал слушать эти звоны и хотел учредить у себя такие же в Вифании. Но ему сказали: «Дайте такую же колокольню и такие же колокола». Исторические ростовские колокола: *Сысой, Полиелейный, Лебедь, [81] Голодар.[82] Баран, Красный, Козел и Ясак.*

Пленные колокола имеются на колокольнях многих наших церквей; особенно богатыми Петербургская губерния, отчасти Москва и затем Сибирь. Из замечательных шведских старинных колоколов один находится в Петербурге за Невской заставой на Фарфоровом заводе, весом в тридцать пудов, с латинскою надписью: «SoLi Deo gloria. Gloria in excelsis Deo. Me fundebat anno 1686[83] Holmiae Misael. Vader». По рассказам одних, этот колокол найден был в земле при постройке каменной церкви, на месте которой в старину стояла шведская кирка. По другим преданиям, он был взят в плен от шведов императором Петром Великим. Между колоколами Москвы пленных имеется тоже несколько. Замечателен там один *полиелей*[84] с буквами Е. Г. и сбивчивою надписью: «Espoir en tout... de se

cloche es Chonaem st tas en fraci». Этот древний колокол висит на колокольне церкви св. Николая, в Юшковом переулке.

В Красноярске, на соборной колокольне, имеется один колокол, исписанный какими-то восточными письменами. По преданию, он взят из Буддийского храма, по другим рассказам его нашли лет пятьдесят тому назад при разрытии одного кургана в Минусинском селе.

Во время войны царя Алексея Михайловича с Польшею в Сибирь было послано много пленных поляков и литовцев, а с ними отправлены и колокола. Некоторые из пленных колоколов привезены были даже в Енисейск. Но война с Польшею кончилась, и вследствие Андрусовских договоров, по царскому указу пленники, одушевленные и неодушевленные, потянулись обратно в свои прежние места. Впрочем, нет сомнения, что как многие из литовцев и поляков добровольно остались в Сибири и после поступили то в городовые, то в линейные казаки, так и колокола, по крайней мере некоторые, не возвратились на родину.[85]

Ссылных колоколов, кроме известного Углицкого, что висит в городе Тобольске, существует тоже несколько; по большей части они присланы в отдаленнейшие монастыри благочестивыми, но гневными царями.

Помимо Углицкого колокола, в Сибири известны еще *царские* колокола, жертвованные царственными особами. Так, в Сибирь к разным церквам прислано немало колоколов Борисом Годуновым.[86] Потом жертвовали к сибирским церквам и в монастыри цари Алексей Михайлович, Федор Алексеевич и Петр с Иоанном. Из этих колоколов три в 160, в 130 и 40 пудов, литые первый – в 1682 году, а два последние – в 1678 году и присланные в 1680–1684 годах, по сие время в целости существуют в Тобольске, на колокольне Софийского собора. Был на этой колокольне и 4-й царский колокол в 110 пудов, пожертвованный к собору царем Алексеем Михайловичем в 1651 году, но он растопился во время пожара, бывшего в 1688 году.

Кроме того, царских колоколов сохраняется один в Турханском монастыре, в 50 пудов, присланный Алексеем Михайловичем в 1660

году; и затем есть еще четыре колокола в Кондинском монастыре, присланные туда в 1679 году царем Феодором.

Золоченые колокола имеются, кажется, только в городе Таре, в Сибири, при церкви Казанской Божией Матери. Их там шесть: все они небольшие от одного до сорока пяти пудов. Вызолочены они тарским мещанином Семеном Можайтиновым по следующему случаю. Любимый брат этого мещанина, бью по торговым делам степи, попался в плен к киргизам; брат, узнав об этом, дал обет, что если пленник благополучно возвратится из плена, то он позолотит колокола. Брат вернулся, и горячность братской любви заставила выполнить данный обет. По другим рассказам, колокола вызолотил Можайтинов из любви к церковному благолепию.

Лыковые, как и *корноухие* колокола, тоже принадлежат к опальным и ссыльным. Лыковые колокола, это ранее разбитые и затем связанные лыком. Один из них имеется, как мне передавал Св. Максимов, в одном из монастырей Костромской или Вятской губерний; он прислан сюда из Москвы царем Иоан-

ном Грозным...

Лучшие колокольные заводы находятся в Москве, но есть также в Костроме, Валдае, Воронеже, Петербурге, на Урале – в Тагиле, и в Сибири – в Енисейске. Московские заводы на Балкане славятся около трех столетий; самые древние из них – Самгина и Богданова; последний замечателен тем, что большая часть больших московских колоколов отлиты на нем. Древний Царь-колокол отлит там же, мастером Маториным, от которого завод перешел к Слизову, от него – к Калинину, а от последнего в 1813 году – к М.Г. Богданову, который отливал и поднимал сам на Ивановскую колокольную нынешний московский большой колокол в четыре тысячи пудов. Московские заводы настолько хорошо делают колокола, что заказы получают из самых отдаленнейших мест Сибири и из-за границы. Медь для колоколов употребляется лучшего качества, иногда старый колокольный лом. Для расплавки 100 пудов меди сжигается до трех саженьей дров, для тысячи пудов – не менее десяти саженьей, для 10 000 пудов – до 30 саженьей. Когда медь совершенно расплавится, к

ней прибавляют минут за пять или за десять до отливки известное количество олова, полагая его 22 фунта на каждые сто фунтов меди, тщательно размешивая медь. При отливке некоторые из присутствующих, благоговейно крестясь, бросают в растопленную массу серебро, принося этим посильную лепту; другие же полагают, что от этого звон будет чище.

Отливка колокола сопровождается на Руси особенною церемонию. Хозяин завода до начала литья приносит в мастерскую икону, зажигает перед нею свечи, и все присутствующие молятся. Хозяин сам читает вслух особую, соответственную случаю молитву, а мастера и рабочие ее повторяют. После этого все двери затворяют, и хозяин дает знак начинать дело. Несколько рабочих проворно и ловко берут наперевес рычаг и, раскачав его, пробивают в плавильной печи отверстие пода, откуда тотчас же огненным ключом вырывается расплавленная медь. В это время нужны все искусство и ловкость рабочих для того, чтобы медь лилась ровно, исподволь, по мере ее вливания в форму, и не переполняла бы

желоба; в противном случае она тотчас же выступает из него и половина ее выльется на землю, а если ее неостанет хоть на половину ушей колокола, вся работа пропадает, и колокол надо вновь переливать. При литье колоколов обыкновенно литейщики распускали какой-нибудь самый нелепый слух.

На эти колокольные рассказы, известные под именем «литье колоколов», не раз полиция обращала внимание и брала с заводчиков подписки и делала им строгие внушения. Но с литьем колокола этот освященный веками обычай снова восставал в самой нелепой форме. Так из таких разблаговещенных рассказов в Москве обратил всеобщее внимание один, о котором упоминает А. П. Милюков в своих воспоминаниях. «Однажды на Покровке венчали свадьбу, и когда священник повел жениха и невесту вокруг аналоя, брачные венцы сорвались у них с головы, вылетели из окон церковного купола и опустились под наружные кресты, утвержденные на главах церкви и колокольни. Слух этот настолько был силен в Москве, что к церкви съезжались экипажи в таком количестве, что проходу не

было – нежные сердца к этому добавляли, что жених и невеста были родные брат и сестра и что они этого не знали – и что только чудо не допустило греховного брака».

Другой такой же дикий и нелепый слух, пущенный литейщиками, повествовал следующее. Дело было зимою в трескучие морозы. Рассказывали, что генерал-губернатор накануне большого праздника, кажется, Николина дня, давал бал, на который приглашено было полгорода. Дом горел огнями. Всю ночь продолжались танцы, и вот, во время полного разгара удовольствий, при громе бальной музыки, раздался с Ивановский колокольни первый удар благовеста к заутрене. При этом торжественном звуке люстры и канделябры в губернаторском зале в одну секунду погасли, струны на инструментах лопнули, стекла из двойных рам, звеня, попадали на улицу, и в страшной темноте волны морозного воздуха хлынули на обнаженные шеи и плечи танцующих дам. Раздался крик ужаса. Испуганные гости бросились толпою к дверям, но они с громом захлопнулись и никакие усилия не могли отворить их до тех пор, пока не кон-

чился в Кремле благовест. К этому поэтическому рассказу добавляли, что в большой зале найдено несколько замерзших и задавленных, и в том числе сам хозяин праздника.

По отливке колокол оставляется в земле иногда несколько дней, до тех пор, пока совершенно остынет.

После того, как колокол остынет, его отрываю́т осторожно, снимаю́т с него, или лучше разбиваю́т, ко́жух и перено́сят в то́чи́льню. Там его обтачиваю́т то́чи́лами – и вся работа колокольно-литейного дела кончена. Когда колокол совсем готов, призыва́ется священник для «чина освящения кампана». В молитве, читаемой при освящении колоколов, церковь мо́лит о ниспослании особенной благодати, влива́ющей в кампан силу, «яко услышавше вернии раби глас звука его – в благочестии и вере укрепя́тся и мужественно всем дьявольским наветам сопроти́во стану́т... да утоля́тся же и утиша́тся и приста́нут нападаю́щие бури ветряны́я, грады же и вихри и громы страшны́е и молнии злорастворения и вредны́е воздухи гласом его» и проч.

Народная мудрость так охарактеризовала

колокол в старинной загадке: «Выду я на гой, гой, гой, и ударю я гой, гой! Разбужу царя в Москве, короля – в Литве, старца – в келье, дитю – в колыбели, попа – в терему».

Главное достоинство колокола состоит в том, чтоб он был звонок и имел густой и сильный гул; последнее зависит от относительной толщины краев и всего тела. Если, например, края слишком тонки, то колокол выйдет звонок, но при лишней тонине звук его будет дробиться, напротив, при лишней толщине звук будет силен, но непродолжителен. В звуке колокола нужно различать три главных отдельных тона: первый звон есть главный, самый слышный тон, происходящий тотчас же после удара; если звон густ, ровен, держится долго и не заглушается другими побочными тонами, то колокол отлит превосходно. Такой тон зависит от математически правильной и соразмерной толщины всех частей колокола и происходит от дрожания частиц металла – главнейше, в средней его трети. Второй – гул, который хотя происходит тотчас же за ударом, но явственно слышится спустя несколько времени. Гул распространяется не

так далеко как звон, но держится долее его в воздухе, и чем он сильнее, тем колокол считается лучшим; гул происходит от дрожания частиц металла в краях колокола, или, вернее, в нижней его трети; оттого-то чем толще края его, тем гул сильнее, хотя от излишней толщины их он разносится не так далеко. Третий тон есть тот, когда колокол не звонит, не гудит, а звенит. Это звененье происходит от дрожания частиц металла в верхней трети колокола; звук этот довольно неприятен, он тем слышнее, чем толще дно и верхняя треть колокола и чем массивнее его уши. В небольших колоколах звук сливается с звоном и потому едва слышен, и то вблизи, но в больших он довольно силен и пронзителен; так, например, в московском большом колоколе в тихую погоду он слышен версты за две и не заглушается звоном всех окружных колоколов. Для устранения или по крайней мере для уменьшения его, верхнюю треть колокола и дно его стараются делать как можно тоньше, обыкновенно вдвое или втрое тоньше краев. Если размеры колокола правильны и пропорция меди и олова математически точна, тогда

звук колокола, происходящий от сочетания трех главных тонов, достигает необыкновенной чистоты и певучести. Такие колокола весьма редки. Из них по красоте звука известны только два знаменитые колокола, – это воскресный Симоновский в Москве и большой Саввино-Сторожевский в Звенигороде. В Симоновском колоколе 1000 пудов, лил его «мастер Харитонка Иванов, сын Попов, с товарищем Петром Харитоновым, сыном Дурасовым, в лето от создания мира 7186, а от Рождества Бога Слова 1677, месяца сентября 30-го дня при державе благочестивого великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича». «Слияся же сей колокол, – как гласит на нем надпись, – во главу и во славу Бога всемогуща в едином существе в трех лицах суща, и в честь родившия воплощенно слово; сей колокол состроен на Симонов, в обитель Успения Божия Матери, да гласом созывает во храм его верных, хвалу Ему о благах всяческих даяти, и о нуждах молитвы теплы проливати».

Знаменитый колокол Саввино-Сторожевского монастыря весит 2425 пудов 30 фунтов –

отлит мастером Григорьевым в 1667 году, сентября 15-го дня. Кроме превосходного звука, он замечателен и по двум надписям, из которых верхняя состоит из шести строк, окружающих колокол и отлитых старинным русским письмом, ясно сохранившимся и до сих пор. В ней упомянуты все особы царского семейства с полным их титулом и вселенские патриархи: Александрийский, Антиохийский и Московский.

Другая же, нижняя надпись, окружающая колокол тремя строками, состоит из криптографического или тайного письма, употреблявшегося у нас в XVII столетии иногда в дипломатических переписках, а иногда для записывания более или менее важных предметов, которые хотели скрыть от современников и сохранить для потомства. В письме этом с первого взгляда буквы кажутся славянскими, но, между тем, каждая из них до того изменена какою-нибудь чертою, точками или другими знаками, что делается совершенно непонятною; в этих чисто русских иероглифах значение имеют особенные титла.

Криптографическая надпись с этого коло-

кола в первый раз была списана историком Миллером и напечатана библиотекарем Академии наук Бакменстером, но оставалась неразобранною до 1822 года. Разобрали надпись археологи Скуридин и А.И. Ермолаев.

Есть предположение, что эту надпись утвердил сам царь; литейщик не посмел бы составить такую надпись из неизвестных знаков, которые тогда могли бы истолковать «за чародейство». Колокол слит на средства самого царя, и государь из набожности не желал, чтобы это было известно современникам при его жизни.

Искусство звонить в колокола зависит от большого навыка; звонят в них на два манера: раскачивают или язык, «ли самый колокол; последний способ употребителен только на Западе, но некогда он существовал и у нас, как существует еще в некоторых польских костелах, например, в Киеве. Звон с раскачиванием самого колокола гораздо гармоничнее и приятнее. От сильного и частого звона звонари нередко глохнут, но, чтобы сберечь слух, многие из них кладут в уши круглые ягоды, например, рябины, калины и клюквы; другие

затыкают уши просто ватой. В женских обителях женщины-звонарихи звонят с открытым ртом. Нигде нет такого большого звона, как в России, впрочем, и в Англии известны хорошие звонари. У нас хороший звон зависит от искусного перебора шести, семи, а иногда девяти и даже тринадцати колоколов, с соблюдением довольно ровного такта, зависящего от более или менее частых ударов в большой колокол. В этой колокольной музыке нет ни духовных гимнов, ни молитв; а между прочим, было время, когда у нас в некоторых церквах звонили по нотам, выражая, например, „Господи, помилуй“, „Святой Боже“ и проч.; об этом говорят изустные предания стариков-старожилов. Отец Аристарх Израилев, протоиерей в Рождественском монастыре в городе Ростове, описал замечательнейшие и оригинальнейшие звоны ростовские, носящие имена *Сысоевского*, *Акимовского*, *Егорьевского* и двух будничных. Он определил их научным образом и положил на ноты. Подобные сведения об акустических работах о. Израилева напечатаны в трудах отделения физических наук Императорского Обще-

ства любителей естествознания. Т. I. Отд. 2.

Царь Феодор Алексеевич любил звонить в колокола. Великий Суворов, живя в своей деревне, тоже забирался на колокольню и перезванивал на удивление духовных лиц и прихожан своего села Кончанского. Современная Англия по искусству звонить не имеет соперников во всем свете. Там издавна существуют так называемые общества любителей колоколов; древнейшее и замечательнейшее из этих обществ – Кумберландское в Норвиче, где звонарное искусство доведено до величайшего совершенства. Кроме Норвичского общества, в Англии не менее замечателен клуб звонарей в Лондоне, который также задает задачи колокольной музыки, выдает иногда за них огромные премии. Затем и другие города, как, например, Вестмерланд, Кембридж, Оксфорд, Бирмингем и другие имеют также звонарей-артистов, нередко дающих колокольные концерты, состоящие не в том, чтобы выполнить какую-нибудь ораторию, а просто чтобы прозвонить на пяти, шести или более колоколах всевозможные сочетания ударов, которые только можно получить при известном числе

колоколов. Так, например, в 1796 году члены клуба звонарей в Вестмерланде собрались на колокольню церкви св. Марии, в Кондоле, звонили три часа и двадцать минут и сделали в это время на семи колоколах всевозможные сочетания числа 7, т. е. 5 040 ударов, нисколько притом не отставая от хронометра. В Бирмингеме подобный концерт продолжался восемь часов и 15 минут и в это время сделано было с такою же хронометрическою точностью 14 224 удара.[87]

Колокола на Западе издревле пользовались большим уважением. У католиков существовал даже обряд крещения колоколов, причем были восприемник и восприемница, и колоколу, как новорожденному, давалось имя. Церковные колокола по указу французского короля Генриха IV запрещено было покупать, но дозволялось приобретать их в виде мены. Размер колоколов также подвергался цензуре. Так, например, монастырям строго запрещалось иметь такие колокола, которые бы заглушали приходские. Иностранные колокола часто украшались надписями, в которых по большей части колокол говорит о се-

бе. Слог надписей всегда краток и важен. Так, например, на Шернборнском колоколе в Англии, подаренном городу кардиналом Вольсеем надпись гласит следующее: «Дар Вольсеев Я измеряю время для всех и призываю людей к веселью, печали и в храм». Надпись на Шафгаузенском большом колоколе: «Vivos voco, mortuos plango, fulfura frango», т.е. «живых призываю, об умерших плачу, молнию сокрушаю». Эта надпись так понравилась Шиллеру, что он взял ее в эпиграф своей «Песни о колоколе». На большом Парижском колоколе при церкви Notre-Dame de Paris выбита надпись следующего содержания: «Славлю истинного Бога, сзываю народ, собираю клир церковный, оплакиваю усопших, прогоняю заразу, украшаю празднества», внизу выбита другая: «1683 года Флорентин де Гей... градоначальник Парижский вылил меня». Самым большим колоколом в Западной Европе считается соборный в Руане, весом в 900 пудов. За ним следует венский, в церкви св. Стефана, отлитый в 1711 году императором Иосифом из пушек, взятых у турок в 1683 году при осаде Вены; вес его 885 пудов, в языке 33 пуда,

раскачивают его 12 человек. В первый раз он зазвонил в 1712 году, при торжественном въезде императора Карла VI в Вену. После него, берлинский, отлитый в 1497 году, названный при крещении Maria Gloriosa (Славная Мария); вес в нем 690 пудов, на колоколе надпись: «Славною хвалою воспеваю святых и укрощаю молнию и злых демонов, созывая звуком народ во храм для священного песнопения. Герард Иван Компейский отлил меня в лето от воплощения Господня в 1497 году». Но замечательный из всех по звуку – это эрфуртский. Затем идут колокола страсбургский и бреславский; в первом весу 20 400 фунтов, во втором – 500 пудов. По величине славятся колокола китайские и японские, весьма древние. В Миако, возле главного храма Будды, висит огромный медный колокол, который весит 5 000 пудов, в Пекине колокола в три и четыре тысячи пудов – не редкость. Но самый большой колокол в свете это наш московский Царь-колокол.

В половине XVI века, на месте колокольной Ивана Великого стояла церковь Иоанна Листвичника и при ней висел небольшой Царь-ко-

локол,[88] весом в тысячу пудов, отлитый во времена опричнины Иоанном Грозным. При царе Алексее Михайловиче, в 1654 году, на место его был слит другой, уже гораздо больший колокол, весом в 8 000 пудов. Предание говорит, что т. к. никто не брался поднять его, то он остался без употребления до 1688 года, когда уже решился поднять его механик-самоучка – царский привратник. Колокол этот висел подле Ивановской колокольни, но в пожар 1704 года, июня 19-го, от жару или пролившейся на него воды он треснул. В 1731 году его сняли, а в 1734 году, по повелению Анны Иоанновны, приказано было к нему прибавить еще тысячу пудов весу, причем предполагали приделать к Ивану Великому особую меньшую колокольню для этой громады. Графу Миниху, сыну фельдмаршала, императрица поручила снести с славным тогда золотых дел мастером и членом Парижской Академии наук Жермешо. Миних пишет в своих записках: «Сей художник удивился, когда я объявил ему о весе колокола, и сначала думал, что я шутил, но, уверившись в истинности предложения, составил план, где до того

увеличил трудность работ и стоимость их, что императрица отказалась от их планов». Артиллерии колокольных дел мастер Иван Федоров Маторин взялся за работу и не подумал испугаться, когда колокол определено было вылить в 12 000 пудов. Устроили в Кремле литейную яму, между Чудовым монастырем и Иваном Великим, и Маторин принялся за дело. Ему отпустили 14 124 пуда и 29 фунтов меди, считая с старым колоколом, и тысячу пудов олова. Работа оказалась сначала неудачна. По перевесу после того, металла принято 14 814 пудов 21 фунт, олова отпустили еще 498 пудов 6 фунтов, что все вместе составило 15 312 пудов 24 фунта. Медь, прибавленная к старому колоколу, привезена из сибирских заводов; в ней оказалось серебро и золото, оттого колокол и отличается беловатым цветом; по испытаниям, сделанным в 1832 году, в нем нашли: на один пуд меди $1 \frac{35}{96}$ золотника золота и $313 \frac{96}{96}$ золотника серебра. По другим исследованиям, содержание золота и серебра в колоколе втрое против показанного количества.

В остатке после вторичной, уже счастли-

вой отливки, оказалось металла 2 985 пудов 8 фунтов, следовательно, вылитый колокол весил 12 327 пудов 19 фунтов.[89]

Его подняли над ямою и повесили на особых подмычках. Страшный пожар в 1737 году, в Троицын день, начавшийся от забытой копеечной свечки, зажженной пред образом женкою Марьею Михайловою, в доме отставного прапорщика Александра Милославского, опустошил Москву и Кремль. Колокол упал с обгоревших брусьев в ту яму, где лили его, и при падении ли вышиблен был из него край от удара, или от того, что, желая потушить огонь в яме, лили в нее воду, он треснул и из него вывалился большой кусок, таким образом к употреблению он уже не годился.

Императрица Елисавета Петровна хотела опять перелить его. Смета, ей представленная, в 107 492 руб. 47 ³/₄ коп. (прежнее отлитие, кроме металла, стало 62 008 руб. 9 коп.) показалась ей слишком большою, и исполин остался в своей яме. Много было потом относительно его проектов: в 1770 году архитектор Форстенберг брался припаять к нему отшибленный край, в 1797 году поручили меха-

нику Гирту составить план вынудения колокола из ямы; в 1819 году генерал Бетанкур поручал архитектору Монферрану осмотреть и описать его; потом велено было осмотреть его инженерному генералу Фабру. Император Николай I, узнав о новоизобретенном способе починки колоколов, предполагал вынуть колокол, починить его, построить для него особую колокольню и повесить его на ней. Но громадные размеры колокола заставили отложить такое намерение. Между тем он безобразил Кремлевскую площадь своею обширною ямою. Царь-колокол лежал в глубокой яме напротив Чудова монастыря, над ямою был настлан деревянный помост с подъемной дверью, от которой ключи хранились у звонарей Ивановской колокольни. Любопытные спускались смотреть колокол в подземелье по крутой деревянной лестнице, вслед за проводником, который шел вперед с зажженным фонарем. В 1836 году велено было вынуть колокол и поставить на гранитном пьедестале подле колокольни Ивана Великого. Монферран приступил к этой работе и после одного неудачного опыта 23 июля, в 43 минуты, два-

дцатью воротами, колокол был поднят из ямы, а 26-го поднят на пьедестал, где он и теперь находится. Наверху его утвердили позолоченное яблоко с крестом, а внизу, на мраморной доске, надпись золотом: «Колокол сей вылит в 1733 году, повелением государыни императрицы Анны Иоанновны, пребывав в земле сто и три года и волею благочестивейшаго государя императора Николая I поставлен лета 1836, августа в 4-й день».

Надпись на пьедестале сочинена архитектором Монферраном, и в ней сделаны две существенные ошибки. Первое: колокол вылит не в 1733 году – указ сенату о литье его последовал 26 июля 1730 года. В январе 1734 года, сенатская контора доносила, что болван и кожух колокола окончены и испрашивали позволения обжигать и приступать к литью, следовательно, он вылит, в 1734 году, но первая его отливка была неудачна и его отлили вторично уже в 1735 году. Затем: колокол пробыл в земле не 103 года. Пожар московский происходил в 1737 году, когда Царь-колокол упал, а вынули его в 1836 году, – следовательно, он пробыл в земле 99 лет.

На Царь-колоколе находятся две надписи: до настоящего времени впервой из них явственно сохранилось только несколько слов, а в другой – ни одного; верный печатный список с этих надписей помещен в «Горном журнале», 1833 года, т. I. Вот эти надписи; первая: «Блаженные и вечнодостоинья памяти великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России. Самодержца повелением, в первособорной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, слит был великий колокол, осмь тысяч пуд меди в себе содержащий, в лето от создания мира 7162, с Рождества же по плоти Бога Слова 1654; из меди сего благовестить начали в лето мироздания 7176, Христова же Рождества 1668 и благовестил до лета мироздания 7208, Рождества же Господня 1704 года, в которое месяца июня 19-го дня, от великаго, в Кремле бывшаго пожара, поврежден; до 7239 года от начала мира и Христа, в мир Рождества, прибыв безгласен». Вторая надпись: Благочестивейшия и Самодержавнейшия Великия Государыни Императрицы Анны Иоанновны, Самодержицы

всея России повелением во славу Бога в Троице славимаго в честь Пресвятыя Богоматери, в первособорной церкви славнаго Ея Успения, отлит колокол из меди прежняго осмь тысяч колокола пожаром поврежденнаго с прибавлением материи двух тысяч пуд, от создания мира в 7242, от Рождества же во плоти Бога Слова 1734, благополучнаго ея величества царствование в четвертое лето».

Колокол украшен наверху изображениями московских чудотворцев, а посередине – особ императорской фамилии; из них императрица Анна Иоанновна изображена во весь рост; но ясно вышли только голова и корона. Вышина колокола с пьедесталом 34 фута, вышина самого колокола 20 фунтов 7 дюймов, ширина в отверстии 22 фунта 8 дюймов Форма колокола очень красивая, отшибленный край лежит подле пьедестала.[90]

Самый большой колокол в Москве на колокольне Ивана Великого, называемый *Успенский* или *праздничный*, ударом в который дается начало торжественному звону всех московских церквей в великую ночь перед Пасхой. Весом колокол четыре тысячи пудов – он

перелит в 1819 году из старого, упавшего в 1812 году, при взрыве Кремля французами. До переливки он весил 3 355 пуд 4 фунта. Старый был отлит в 1760 году мастером Слизовым по приказу императрицы и, как говорит предание, был много лучше нового. На колоколе изображены Спаситель, Богородица, Иоанн Предтеча, Успение Богоматери и Петр и Алексей, митрополиты Московские, а под святыми – изображение императора Александра I и всей августейшей фамилии. На старом же колоколе были изображены те же святые с портретами Петра I, Екатерины I, Елисаветы, Петра III, Екатерины II и Павла I.

При подъеме этого колокола случилась следующая история, наделавшая в то время много шума в Москве. Еще до подъема митрополиту Серафиму донесли, что построенная мастером Богдановым каланча для подъема на колокольню Ивана Великого большого отлитого им колокола крайне непрочна, да и брусья на колокольне ненадежны. Слухи эти были настолько распространены в народе, что митрополит просил военного генерал-губернатора назначить архитектора для осви-

детельствования каланчи и колокольни. Назначенные губернатором графом А.П. Тормазовым чиновники подтвердили эти слухи, найдя постройку каланчи и брусьев ненадежною. Но Богданов стоял на своем и ручался за прочность. Такая уверенность Богданова расположила митрополита в его пользу, и преосвященный дал ему позволение поднять колокол. В назначенный для подъема день митрополит Серафим приехал в Успенский собор. Площадь была покрыта несметным количеством зрителей. Вдруг митрополиту докладывают, что Богданов сидит на крыльце и горько плачет. Весть эта Серафима крайне встревожила: ему показалось, что Богданов отчаивается в успехе, он приказывает позвать подрядчика и узнает от него, что тот плакал потому, что ему мешают. Преосвященный, успокоив Богданова, идет и освящает колокол по церковному чиноположению и затем благословляет поднимать его, колокол пошел очень ходко и ровно вверх и уже был на половине высоты, как вдруг раздаются со всех концов крики: «Иван Великий шатается, каланча падает!» К этим крикам присоединяют-

ся еще крики женщин и детей, кинувшихся бежать, — паника и теснота сделались ужасные! Обер-полицмейстер А.С. Шульгин не потерял присутствия духа и бросился в толпу, уверяя, что это выдумки мошенников. Народ, видя, что каланча не упала и Иван Великий стоит, понемногу пришел в порядок. Богданов во время этой суматохи не растерялся и, как и прежде, стойко управлял действиями многих ворот, посредством колокольчика и палочки с навязанным на ней платком и все время умел держать работников на своих местах и своею расторопностью отвратил большую беду. Но так как полиции на площади оказалось немного и боялись, чтобы карманные мошенники опять не произвели беспорядка, то преосвященный и распорядился приостановить поднятие колокола и объявить народу, что он будет поднят завтра. После этого толпы народа стали расходиться, и когда народу на площади осталось немного, то Богданов командовал рабочим продолжать поднятие, и через несколько минут колокол был поднят на колокольню благополучно. В день поднятия колокола Михаил Гаврилович Богданов был

приглашен к столу митрополита. За обедом Серафим спросил Богданова:

– Ну! если б я не согласился позволить тебе поднять колокол и послал бы бумагу спросить об этом в Петербург, что бы ты сделал?

– Я уже решился, – отвечал Богданов. – Я бы ночью привез колокол и поднял его потихоньку своими работниками.

Рассказывают, что несколько минут до поднятия колокола известный тогда иностранец-архитектор из сожаления к Богданову упрашивал его бросить это дело, доказывая ему невозможность поднять такую тяжесть, но Богданов ему отвечал: «Приходи завтра звонить в колокол».

В так называемой Филаретовой пристройке находятся еще три замечательных исторических колокола, всех же колоколов на этой колокольне – двадцать девять. Самый большой из колоколов это *Рвут* или *полиелейный*, как он назван по указу 1689 года патриарха Иоакима. На нем следующая надпись: «Божиею милостию повелением великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея России Самодержца, и по благословению

по плотскому рождению отца его государева, а по духовному чину отца и богомольца, великаго господина и святейшаго патриарха Филарета Никитича, московскаго и всея России, слит сей колокол в соборной церкви Успения Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев Петра, Ионы, лета 7130(1622), делал колокол пушечный мастер Андрей Чехов».

В этом колоколе, как полагают, до 2 000 пудов *Реут* замечателен тем, что при взрыве Кремля в 1812 году у него только отбило уши, которые впоследствии очень искусно вделали, колокол от этого не изменился в тоне. Этот колокол замечателен еще тем, что во время звона в него к присяге императора Александра II он упал в самый низ, причем пробил три каменных свода, два деревянных пола и чугунную лестницу. Колокол не повредился – только пострадали уши. Теперь в него не звонят, боятся за вделанные дважды уши.

Вседневный назван так тем же патриархом Иоакимом в 1689 году, слит он первоначально в 1652 году мастером Емельяном Даниловым и имел весу 998 пудов 30 фунтов; но так

как он оказался впоследствии треснувшим, то императрица Екатерина II приказала в 1782 году перелить его мастеру Якову Завьялову. Теперь он, как свидетельствует на нем надпись, весит 1017 пудов 14 фунтов.

Воскресный или *семисотенный* отлит в 1704 году Иваном Материным, вес его 798 пудов.

Из замечательных других колоколов в нижнем ярусе висят; перелитый в 1775 году из древнего новгородского (1501 год) *Медведь*; вес его 450 пудов. Другой колокол носит название *Лебедь*, весом 475 пудов, отлит в Москве в 1532 году; он перелит в 1775 году с сохранением прежнего веса и формы. Кроме надписи, на нем видны иностранные слова «*Nikiwas obracer, 537 год*».

Затем из исторических колоколов есть еще один, под названием *Новгородский*. Надпись на нем следующая: «Лета 7064 (1556) месяца сентембрия 8-го дня на честное Рождество Пресвятыя Богородицы, в царство Ивана Васильевича, при пастве митрополита Макария всея России, повелением преосвященнаго Пимена архиепископа Новгорода и Пскова, а ма-

стера Михайлова слит бысть сей колокол в богоспасаемый великий Новгород ко святой соборной церкви Софии Премудрости Божия». На этом колоколе наверху находится и другая надпись, из которой видно, что он перелит в 1730 году и весу в нем 420 пудов.

Полагали одно время, что этот колокол и есть знаменитый *Вечевой* новгородский, но это неверно, последний, как мы выше уже говорили, поступил на переливку для «набатного» московского колокола.

Широкий слит в 1679 году, весу в нем 300 пудов. Затем в этом же ярусе помещаются колокола: *Слободский* в 309 пудов, перелитый в 1614 году из старого *Слободского*; далее *Ростовский*; из надписи на нем видно, что он лит в 1687 году в Белогостинный монастырь находившимся в ростовской епархии мастером Филиппом Андреевым.

В среднем ярусе из старинных колоколов висит *Новый* или *Успенский*, вылитый в 1651 году, после него *Безыменный* с иностранною надписью. Затем идут *Даниловский* 1678 года, по преданию вылитый в городе Переяславле-Залесском, «Глухой» 1621 года; потом «Кор-

сунский», называется этим именем потому, что перелит из старого корсунского, по повелению Иоанна Грозного, в 1559 году, мастером Нестором Ивановым Псковитиновым. Есть еще колокол, называемый *Безымянным* и *Марьинский* со следующей надписью: «Лета 7176 (1663 год) марта в 23-й день вылит сей колокол в церкви Преподобной Марии Египетской по душах блаженныя памяти и боярина Бориса Ивановича Морозова, да по жене его боярыне». Там же висят еще пять других колоколов «переборные»; на одном из них надпись, свидетельствующая, что колокол приложен 1697 года стольником Ляпуновым в Коломенскую его отчину село Троицкое.

В верхнем ярусе находится еще десять колоколов. Из них историческое значение имеют только четыре, два так называемых *Корсунских зазвонных*; цвет они имеют беловатый и звук самый резкий, полагают, что в них много серебра. Колокола эти вывезены в Москву, как думают, одним из митрополитов греческих в то время, когда Москва заступила место Киева и была убежищем гонимых турками греков. В 1775 году колокола эти перели-

ты вновь. Третий колокол «Арсенева» с следующей надписью: «Лета 7193 (1685) марта в 13-й день сей колокол по стольнике Федоске Осиповиче Арсеневе в Соловский уезд, в Новгородской стан, в вотчину стольника Дмитрия Федосеевича Арсенева, село Покровское к церкви Покрова Богородицы с прочими угодниками, при священнике Киприане Кириллове сыне, дал сей колокол стольник Дмитрий Федосеевич Арсенев». Четвертый колокол боярина Феодора Ивановича Шереметева, отлитый в 1620 году.

Нелишним считаем прибавить, что на колокольне Ивана Великого всех ступеней считается 409, и в старину у колокольни читали царские указы громогласно, «во всю Ивановскую», как тогда говорили.

II

Колокола Троице-Сергиевой лавры: Большой, Годунов, Карноухий, Лебедь и Переспор – Колокола Киевской лавры: Успенский и Балык. – Исторические колокола Новодевичьего монастыря. – Переливка колоколов на пушки. – Тобольский большой колокол Демидова. – Колокол амстердамского литья. – Углицкий

ссылный колокол и его история. – Замечательные колокола Софийского собора. – Старые новгородские колокола и Осадный вечевой колокол города Пскова. – Муромский колокол князя Воротынского. – Казань-Керменский колокол в городе Полтаве. – Шведские колокола в Финляндии. – Замечательные колокола в Петербурге

Одной из первых по колоссальности колоколов считается колокольня Свято-Троицкой Сергеевой лавры под Москвой. На этой колокольне всех колоколов с часовыми 34. Главный из них весом в 4 000 пудов, он перелит был в 1746 году по именному указу Елисаветы Петровны на средства монастыря из старого разбитого лаврского колокола весом в 3 319 пудов. Второй колокол, «Годунов» сделанный вкладом бывшего царя Бориса Феодоровича Годунова, весом в 1850 пудов. Третий, *Корноухий* весом в 1275 пудов, литый 1684 году монастырскою казною. Четвертый, *Лебедь* весом в 625 пудов, вкладом конюшего боярина Бориса Феодоровича Годунова. Пятый, *Переспор* весом в 315 пудов 28 фунтов, лит в 1780 году.

В Киевской лавре нет ни очень больших, ни очень старых колоколов. Самый большой колокол здесь *Успенский* весом 1 000 пудов, а самый старый Балык вылитый в 1719 году, всех же колоколов – десять.

По величине замечательны колокола также на колокольне храма Спасителя в Москве; всех их с небольшими четырнадцать штук; отлиты они на заводе московского купца Н.Д. Финляндского; вес в них 4 008 пудов 39 фунтов, стоимость 88 184 руб. Из них самый большой колокол *Торжественный* весом 1654 пуда 24 фунта.

В Москве, в Новодевичьем монастыре, есть несколько колоколов, имеющих историческое значение. Старейший из них колокол «малый зазвонный», отлитый в 1551 году при царе Иване Васильевиче и архиепископе Макарии. На втором, отлитом в 1628 году, мая 3-го, находится следующая надпись: «Дал сии колокол в дом Пречистой Богородицы Смоленской в Новодевич монастырь князь Алексей Иванович Воротынской по кнегине Марие князя Ивана Михайловича Воротынского, по кнегине Марие Петровне, по своей матери

и по своих родителях». Третий отлит, как гласит надпись «Лета 7138 (1630), апреля в 13-й день при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея Руси самодержце в его государские державы в 17 лето и при благоверном царевиче и великом князе Алексее Михайловиче всея Руси и при великом господине святейшем патриархе Филарете Никитиче московском и всея Руси, поставила сей колокол матери государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси инока великая государыня старица Марфа Ивановна, в дом Пречистые Богородицы, Новодевич монастырь по своей душе; игуменьи с сестрами, которые в том монастыре будут за тот наш вклад душу мою в синадики написать, по вся дни поминати».

Четвертый, иностранного дела, с надписью: «*Me fecit Daventris a 1673 Henryck. Thor. Horst Amor vincit omnia*», т. е. «меня сделал в Девентере 1673 года Генрих Тор Горст. Любовь все побеждает». На наружной стороне этого колокола двуглавый орел, на груди которого изображен в клейме конь без всадника, похожий на единорога.

На пятом – следующая надпись: «Божиим изволением сии колокол поставили стрельцы Темирева приказу Засецкаго 500 человек великому чудотворцу Николе, что на горках за Москвою рекою».

На шестом колоколе надпись: «Слит сей колокол на Москве в дом Пречистые Богородице Одигитрие, чудотворные иконы Смоленския, Божию милостию повелением благовернаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича в Новодевич монастырь что за посадом, лета 7159 (1651) году сентября в 1 день, а деньги здавали вкладчики по обещанию. Мастер Микифор Баранов. Весу в сем колоколе 200 пудов».

Интересен седьмой колокол: «Лета 7192 (1684) месяца августа 3 дня сей колокол вылит в похвалу и славу и честь Богу в Троице славимому и Пресвятей Богородицы и всем святым в дом ея Пресвятыя Богородицы явления иконы Смоленския Одигитрия, нарицаемый Новодевичей монастырь, повелением благочестивейших, великих государей наших царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей всея великия и малыя и белыя России

самодержцев общими же с ними великими государи изволением и согласиём сестры их государския великия государыни, благоверныя царевны и великия княжны Софии Алексеевны всея великия и малыя и белыя России, понеже она, государыня, того святаго дома на давных лет строительница, а ныне наипаче имеет прилежное попечение к устроению, как от всех видимо. Весу в нем 540 пудов. Лил сей колокол мастер Феодор Маторин».

Восьмой колокол с точно таким же титулом и надписью, почти слово в слово, только лил последний колокол мастер Михаил Лодыгин и вылит он был 1 декабря 1688 года.

Судьба многих исторических колоколов в Москве решилась во время войн Петра Великого с шведами. До этого государя в древней столице считалось сорок сороков церквей, а другие насчитывали их более двух тысяч, из которых по крайней мере половина была приходских, и при каждой были колокола. В 1700 году после неудачи русских под Нарвою Петру Великому кто-то из приближенных к нему иностранцев, указал на непомерное множество колоколов как в Москве, так и в

других городах. Петр приказал лить разные крепостные и полевые орудия из тех колоколов, которые признаны будут лишними. И в тот же год зимою из них было отлито сто больших пушек, 143 полевые пушки, 42 мортиры и 13 гаубиц. Распоряжение царя вызвало почти общее неудовольствие. Вот что по этому поводу рассказывает С. Григоров[91] о так называемых в народе *Непокорных колоколах*, которые сопротивлялись указу царя. Русские люди, видевшие в колоколах украшение своих церквей, дорожили ими, и поэтому изыскивали всевозможные способы, чтобы не отдать своих колоколов на литье пушек, при этом, конечно, дело не обошлось и без чудес. Приводим здесь рассказ Гаврилы Тверитина об одном из таких чудес, списанный С. Григоровым с рукописи под № 432, находящейся в библиотеке Петербургской Духовной академии.

«Я и сестра моя Ирина, – пишет Гаврила Тверитинин, – в 1701 году были у Троицы-Сергиева монастыря, тогда от великого государя царя Петра Алексеевича был указ везде в городских монастырях и в Москве и у всех при-

ходских церквей братъ колокола и от всего звону четвертую долю меди веса на пушечный двор на литье пушек, и в том Сергиевом монастыре также, а в монастыре колоколов 26 было. Архимандрит и братия его великого государя указу противиться не смели и колокола с колокольни сымать повелели. Вечером некоторые указали снять один старинный колокол, весу в нем того не знали, а гласом был глух и не ярок, но за поздностью оно не сняли. Монастырь ночью кругом запирался и всегда, также и тою ночью, был заперт, наутро же архимандриту звонарь донес, что того колокола на колокольне нет, и братия не ведала, как и где он делся. Архимандрит же, услышав об этом, повелел везде искать по кельям у братии и в погребах, и когда нигде не могли обрести (занеже ему чудотворцу отдать сего не изволися), тогда архимандрит Ларион повелел другой снять, также весу в нем не ведая и тот снять повелел и разбить и медь свезти в Москву. Когда колокол сняли, человек, чтоб разбить оный, ударил по колоколу молотом, но колокол от того удара не расшибся, но начал глас от него трои сутки день и

ночь непрестанно». Вследствие этого «архимандрит и того колокола не велел везти к Москве, а повелел сымать два другие колокола нонешнего мастерства, но сих колоколов не могли снять никоими делами». В то время, когда «архимандрит и братия, боясь указа государева, с ужасом смотрели на сии колокола, колокола же сии два братьеника вдруг сами собой с колокольни соскочили, пали и стены обломили». Безвестный колокол в это время также отыскался за монастырем в пруде: «Во время тое на монастырь в погреб лед возили и уши оттого колокола видели, а потом его от воды того пруда взяли». Обо всем этом донесли Петру, который, по уверению Гаврилы Тверитинина, хотя «в монастырь приходил, плакал и прощения просил у чудотворца Сергия о своем соизволении, однако колокола два братьеника повелел везти в Москву, где оне в литье пушечного дела не пошли и не испорчены, потому что медь была жестка, в дело негожа, и доныне те колокола стоят на пушечном дворе целы, как и были».

Число колоколов в Москве в настоящее время далеко превышает количество трех ты-

сяч, а сколько их всех в России – трудно исчислить. Даже отдаленная Сибирь может похвастаться изрядным количеством их. Самый большой колокол там в Тобольском соборе, весит он 1 011 пудов и 22 фунта и лит, как значится по надписи на нем, в 1738 году на Тагильском заводе тщанием митрополита тобольского Антония и иждивением дворянина Акинфа Никитича Демидова; звук его прекрасный и вид красивый. Кроме Тагила, в Сибири лили колокола еще в Тюмени и Енисейске, но большей частью грубой отделки, небольшие и не особенно благозвучные. Сибирские колокола – преимущественно привозные и некоторые из них привезены из-за границы. Так, в Тобольске, в Богородицкой церкви, имеется один выписной из Голландии, надпись на нем гласит «te fecit Jan Albert de Grave Amstelodami Anno Domini 1719» (литя в Амстердаме Иваном де Граве в лето от Рождества Христова 1719-е).

Из привезенных в Сибирь колоколов в историческом отношении замечателен *Углицкий корноухий*, в который били в Угличе в набат по случаю умерщвления царевича Димит-

рия. Борис Годунов сослал изобличителей одушевленных в Пелым, а неодушевленного с отсечением уха в Тобольск в 1595 году. Этот неумирающий ссыльный висел сперва на Спасской колокольне, потом перемещен был на соборную и наконец в 1837 году, по распоряжению архиепископа Антония, снят оттуда и повешен подле архиерейского дома при крестовой церквн под небольшим деревянным навесом. Целью последнего перемещения было то, чтоб показать, если потребуется, эту историческую достопримечательность посетившему в 1837 году Тобольск наследнику престола. В настоящее время углицкий колокол сзывает к богослужению; но до этого времени, когда он висел на соборной колокольне, в него отбивали часы и при пожарных случаях били в набат. Вес в нем 19 пудов 20 фунтов, он корноухий, т. е. с отсеченным ухом; это сделано было, как выше нами сказано, по приказанию Бориса Годунова. Звук у него резкий и громкий; надпись на нем по краям вырезана, а не вылита, она гласит: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Димитрия, в

1593 году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку в град Тобольск к церкви Всемило- стивого Спаса, что на Торгу, а потом на Со- фийской колокольне был часобитный». Как склад надписи, так и форма букв новейшего времени.

В «Ярославских губернских ведомостях», в сороковых годах, было напечатано, что суще- ствует слух, будто этот колокол не настоящий углицкий, что углицкий по какому-то случаю разбился и его перелили, но ухо отсекли у вновь отлитого потому, что так было у его первообраза. Но из этого слуха никакого точ- ного вывода нельзя сделать. В бытность мою в 1882 году в городе Тобольске мне привелось лично видеть этот колокол; поверхность его, очевидно, очень старая, и от древности самая медь серого цвета, надпись же, несомненно, новейшая. При самом тщательном осмотре не найдется ни малейшего даже намека на то, что этот колокол не настоящий углицкий, а только перелитый из него, да и многовековая уверенность жителей не допускает ни малей- шего сомнения в его подлинности. Притом и летописи, и предания тобольские говорят, что

это действительно тот самый колокол, которым в 1591 году в роковой день 15 мая, в час послеобеденного сна, соборный сторож Максим Кузнецов и вдовый священник Федот, прозванием Огурец, встревожили мирный Углич, и что передаваемый «Ярославскими ведомостями» слух о разбитии и переливке его не заслуживает никакого вероятия и не может нисколько поколебать подлинности этого колокола.

В декабре 1849 года в Угличе возникла мысль о возвращении сюда ссыльного колокола, местные жители в числе сорока человек обратились к министру внутренних дел графу Перовскому с просьбою об исходатайствовании им высочайшего разрешения для возвращения из Тобольска на их счет колокола. По докладу министром означенной просьбы императору, поведено: «Удостоверясь предварительно в справедливости существования колокола в городе Тобольске и по отношении с обер-прокурором просьбу сию удовлетворить». Министр вошел в сношение с обер-прокурором, и по предложению последнего Синод обратился с вопросом о колоколе к то-

больскому архиепископу Георгию. Из ответного на этот вопрос сношения преосвященного Георгия оказалось, что в Тобольске при крестовой Святодуховской церкви тамошнего архиерейского дома действительно находится корноухий колокол, слывший ссыльным, и что в сочиненной в Тобольске книге, под названием «Краткое показание о сибирских воеводах», есть известие о присылке, в 1593 году, в Тобольск в ссылку корноухого колокола, в который били в Угличе в набат при убиении благоверного Димитрия-царевича. Затем Синод сделал предписание Ярославской духовной консистории «собрать самовернейшие сведения – не известно ли епархиальному начальству, или же духовенству города Углича, чего-либо положительного о том колоколе, о возвращении которого из Тобольска просят углицкие граждане». Вследствие этого и консистория, с утверждения тогдашнего архиепископа Ярославского и Ростовского Евгения, указом от 25 июля 1850 года, сделала подобное тому предписание углицкому духовному правлению. В этом предписании велено было обратить внимание и на архив правле-

ния; но так как хранящиеся в нем бумаги восходят не далее 1740 года, то, разумеется, он и не мог послужить никаким документом по вопросу о колоколе. Не оказалось также и по разысканию углицкого духовенства ничего относящегося к этому вопросу и при тамошних церквах. Но за всем тем некоторые лица из означенного духовенства выставили на вид местное предание, свидетельствующее о ссылке углицкого набатного колокола в Тобольск, и известия об этом же обстоятельстве, находящиеся в «Древней российской вифлиофике» Новикова, в «Истории государства Российского» Карамзина и в «Памятниках московской древности» Снегирева. Преосвященный Евгений, донося об этом Синоду, прибавил, что епархиальному начальству «ничего положительного об означенном колоколе неизвестно».

Синод, рассмотрев приведенные углицким духовенством сведения о колоколе, нашел их точно так же, как и сообщенные архиереем Георгием, неудовлетворительными, и в определении своем, подписанном 11 мая 1851 года, объявил, «что сими сведениями не под-

тверждается мысль, что сей колокол есть тот самый, которым возвещено было в Угличе убиение царевича Димитрия, и что, вероятно, мысль сия уже поколеблена в понятиях самих углицких жителей известием, напечатанном в „Ярославских губернских ведомостях“ 1850 года, № 5». Этим и окончилось дело о возвращении колокола. В 1888 году в Угличе опять возникло в среде граждан дело о колоколе, и в Петербург приезжал выборный от Городской думы господин Соловьев хлопотать о возврате его из города Тобольска, и, как слышно, в 1892 году колокол будет уже в Угличе.

В Новгороде, на колокольне Софийского собора, имеется несколько исторических больших колоколов. Самый большой из них вылит в 1660 году, в царствование Алексея Михайловича. Лил его софийский домовый мастер Ермолай Васильев.

Вседневный лит тоже в Новгороде, на деньги новгородского архиерейского дома, в царствование Феодора Алексеевича, в 1677 году, весом 300 пудов; лили мастера Василий и Яков Леонтьевы дети.

Интересны там еще два небольшие колокола, отлитые в 1566 году при царе и великом князе Иоанне Васильевиче, при церкви Вознесения Христова (которая уже не существует), находившейся в Прусской улице, усердием прихожан. Там находится еще небольшой колокол, литый в Тихвинский Введенский девичий монастырь, в 1637 году, женой одного гостя Ивана Юдина Ксению Феодоровою для поминовения сына ее, Григория, и родителей.

В Новгороде древних колоколов немало с надписями, как русскими, так и иностранными. Так, в Клопском монастыре есть два колокола XVI века один в 15, другой в 9 пудов; оба с одинаковою надписью: «Лето 7039 лит колокол сей обители Живоначальныя Троицы и чудотворца Николы и к Покрову Святыя Богородицы и святителю Михаилу, при благоверном и великом князе Василии Ивановиче всея Руси при архиепископе Великаго Новграда и Пскова владыке Макарье и при игумене Иеве».

В Хутынском монастыре *вседневный* колокол с надписью вверху и внизу: «Божиею милостию царя и государя вся Руси Владимир-

скаго и Московскаго и Новгородскаго, Псковскаго, Смоленскаго и Тверскаго, Югорскаго и Пермскаго, Вятскаго и Болгарскаго и иных, при державе царства благоверных и христолюбивых и великих князей Василия Ивановича» и проч. При некоторой сбивчивости, с какою читается надпись на колоколе, видно, впрочем, что он устроен в последний год княжения Василия III.

В Знаменском соборе колокол с надписью, из которой видно, что он слит в Новгороде к этому храму в 1554 году повелением и по завету преосвященного Пимена и всех православных христиан Великого Новгорода, «чтобы избавил нас Боги Пречистая Богородица православных крестьян (sic!) от смертоносныя язвы и от напрасной смерти»; лил мастер Иван.

В Успенской церкви упраздненного Колмова монастыря есть два колокола, литые при Иоанне IV.

В Духове женском монастыре три колокола XVI века. Из них интересна надпись на одном, «который поставил в 1589 году в Новгороде, в монастыре Сшествие Святого Духа и

Живоначальные Святые Троицы, конюшей боярин Борис Федорович Годунов».

По надписям заслуживают внимания в Хутыньском монастыре три колокола конца XVII века.

В Спасо-Нередицкой церкви есть колокол с надписью, что он отлит при царе Феодоре в монастырь к Спасу Нередицы – «да в тот колокол Феодосей приказал по себе и по своих родителех. Лил мастер Тимофей новгородец».

К описанным колоколам XVI века можно отнести небольшую металлическую кандию, находящуюся в ризнице Софийского собора. Она вроде небольшой чаши, вокруг поддона ее надпись: «Лета 779 (1541 год) поставил сию кандию в дом святому Николы на Боровно старец Андрей». При кандии небольшой железный язычок для ударения, которое совершалось в старину, например, во время чтения Евангелия в первый день Пасхи. В письменном уставе XVII века Софийского собора[92] на св. Пасху сказано: «И на всяком возгласе протодиаконове Евангелия ударяют в кугейнике по единоца в кандею и в вестовой колоколец». В «Древностях российского государ-

ства» (отд. I. № 76), кандия отнесена к числу трапезных чаш, в которую ударяли настоятели за братскою трапезою при перемене кушанья. В городе Ростове Ярославской губернии имеется одна такая кандия, носящая имя Ясак.

Почти во всех новгородских церквях имеются колокола XVII века с древними русскими, но есть колокола с польскими, латинскими и немецкими надписями. Так, в Борисоглебской церкви хранится колокол, на котором надпись: «Gloria in Exselsis Deo Anno 1636». В Воскресенской церкви на Мячине два колокола с одинаковою вылитую надписью на латинском языке по верхней части: «M. Kordt Kleiman me fecit». Другая одинаковая русская надпись на них вырезана внизу кругом: «Лета 7155 (1647) года; марта 1 дня при благоверном г. ц. и в. князе Алек. Мих. в. в и ли Р. самод. дали сии три колокола Великаго Новагорода церкви Семилюбнаго Спаса Нерукотворенному образу у Новинских ворот... Бога молить, а по смерти за их души их поминать доколе сей св. церкви Бог благоволит по вере христиан стояти, а прием подпи-

сан в 177 (1669) году мая 1 дня».

В Клопском монастыре колокол в 50 пудов немецкого литья. На нем вверху кругом вылита готическая надпись: «Kleiman aus Lubeck hat mie gegosen, aus dem feur ain ich geflossen anno 1647», т. е. «Клейман из Любека лил меня; из огня разом я вылился 1647 года». Другая надпись вырезана пониже первой и после ее спустя семь лет: «Лета 7162 (1653) года ноября 29 день при царе государе и в. князе Алек. Мих. дал сей колокол весом в 50 пудов в Клопский монастырь Живоначальныя Троицы и чудотворцу Михаилу государь дворянин Иван Лукин Лонежской». В новгородской Георгиевской церкви небольшой колокол с надписью: «Soli Deo, Assihus Koster me fecit Amstelodami 1671». В Никитской церкви два колокола с латинскими надписями; на одном: «1643 Gloria in Exselsis Deo», а на другом: «Аппо Domiani 1673 Al». В Приписной Феодоровской церкви на Торговой стороне колокол с латинскими надписями вверху около ушей: готическими немецкими четыре слова и год 1680. В Деревяницком монастыре есть колокол пятипудовый древней нерусской работы, на нем вылит

сидящий на троне апостол Петр с ключом и с надписью над главою: S P T; повыше апостола вылита латинская надпись, к сожалению, почти сгладившаяся.

Город Псков имеет также множество старинных колоколов, но большая их часть без надписей; они сходны между собою, как и храмы этого древнего города.

На колокольне Псковского кафедрального собора двадцать два колокола, из которых самый большой, имеющий в диаметре $3\frac{1}{2}$, аршина, весом 600 пудов.

Одним из старинных колоколов считали во Пскове колокол в церкви св. первоверховных апостолов Петра и Павла (на бою), основанной в 1373 году. Колокол этот упал с колокольни в 1804 году и уничтожил даже придел в церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы.

В церкви св. Василия Великого (на горке), основанной в 1413 году, находился некогда *осадный* колокол. Этот колокол во время приближения неприятеля давал знать об этом псковичам своим звоном.

Во Пскове существовал, как и в Новгороде,

свой *вечевой* колокол, но в воскресенье утром, 13 января 1510 года, в последний раз ударили в этот колокол, вместе с покорностью псковичей московскому царю; колокол был спущен с колокольни св. Троицы и свезен на Светогорское подворье, в подвал церкви Иоанна Богослова, при общих слезах псковичей о своей старине и утраченной ими воле. 26 января 1510 года, вместе с тремястами семейств псковичей, *вечевой* колокол был отвезен в Москву князем Михаилом Даниловичем Щенятевым. При отъезде же самого великого князя из Пскова он взял с собою и другой любимый псковичами, колокол называвшийся *Корсунским*, взамен которого уже в 1518 году прислал им к соборной Троицкой церкви большой колокол.

В Муромском уезде Владимирской губернии, есть село Мошка, в древности вотчина князей Воротынских. На колокольне этой церкви есть колокол с надписью, что он пожертвован в 1546 году князем Алексеем Ивановичем Воротынским. Колокол этот давно разбит; но народ бережет его как святыню, и каждый из стариков этого села во время Пас-

хи хоть один раз побывает на колокольне, чтоб ударить в разбитый колокол. Народное предание почему-то почитает этот колокол за святость.

Не менее замечательный колокол находится в Полтаве, в ограде соборной церкви. На нем следующая надпись:

*«В року тысяча шестьсот девять де-
сять пятом,
По славном Кази-Кармене от христи-
ан взятом,
За царство Росских царей Петра, Иоан-
на,
За гетманство Мазепы, Богом даро-
ванна,
Сооружен есть звон сей к Божией сла-
ве,
До храму Успения во граде Полтаве,
Из штук Кази-Керменских арматных
здобычных.
З придатками материй до звона при-
личных,
Коштом его милости войск Полтав-
ских вожа
Павла Семеновича Украины вожа».*

Внизу: «делал Афанасий Петрович», под

ушами вокруг колокола «Року 1695 ноемвриа дня 10»; направо от надписи – семиконечный крест в сиянии, потом герб Герциков, в щите – сердце (Herz) с четвероконечным равно-сторонним крестом (так называемом грече-ским), а сверху – из страусовых перьев выхо-дящая рука с копьем, острием влево, и након-ец, изображение Божией Матери, в рост с предвечным младенцем на десной руке; воз-ле, у главы Царицы небесной – херувимы, а внизу у самых ног – два ангела.

В брошюре Бучневича о Кази-Керменском колоколе неверно сказано, что упомянутое изображение представляет-де Успение (sic!) Богоматери, причем господин Бучневич опу-стил главное: по сторонам герба Герцика сто-ят вертикально буквы И. П. В. И. П., справа: Ц. В. З. П. С, т. е. их *пресветлыхцарских вели-честв войск запорожских, etc...*[93] Этот ред-кий памятник седой старины назначен к уни-чтожению по воле настоятеля Успенского полтавского собора – и в нынешнем году, в ав-густе месяце, он привезен в Москву на завод господина Финляндского для отливки из него нового колокола. Управление Московского ис-

торического музея поспешило сделать эстампаж с надписей на колоколе, а с остальных изображений – копии из гипса.

Неужели, в самом деле, не нашли никаких средств спасти от гибели этот замечательный колокол?

5 июня 1890 года в городе Харькове на колокольном заводе П.П. Рыжова состоялась отливка царского колокола из серебра – колокол предназначен для Успенского кафедрального собора. В первом ярусе колокольни устраивается из железа раковина, в которой и будет висеть колокол; благовест его будет раздаваться ежедневно в час крушения императорского поезда близ станции Борок. Этот колокол имеет 17 пудов 35 фунтов чистого серебра и незначительное количество меди и олова, необходимых для сплава. Сооружение этого памятника-колокола состоялось по мысли архиепископа Амвросия на пожертвования, поступившие от духовенства и других сословий харьковской епархии. Царский колокол имеет аршин с четвертью высоты; на лицевой стороне его находятся вензелевые изображения имен их императорских величеств,

а под ними расположены пять медальонов с надписями славянской вязью: Николай, Ксения, Георгий, Ольга и Михаил. На оборотной стороне надпись, кто соорудил колокол, а вокруг вала отмечено само событие, в ознаменование которого отлит колокол.

В православных наших церквах на Севере, и особенно в Финляндии, большая часть колоколов иностранного литья. Так, в Кексгольмском соборе колокол вылит в Стокгольме и имеет следующую надпись: «Аппо 1649 Gloria in Excelsis Deo. Duxett Gottes Hof. m Kurken Pudensen me fecit Stochotmen. Qvis contra nos, si Deus pro nobis».[94] В Сердобольске, в Петропавловской церкви, точно такой же шведский колокол с надписью: «Soli Deo Gloria, anno 1680. Gloria in excelsis; me funderat Holmiae» (Стокгольм).

В 72-х верстах от Петербурга, в селе Рождествине, в бывшей вотчине царевича Алексея Петровича, имеются два исторических колокола: первый из них – дар царя Феодора Иоанновича, в 1588 году – взят он из новгородского Антониева монастыря в 1713 году; второй – иностранный, с следующей надписью: «Laudo

Deum, populum solo. En ego campana nungam
denuncio vana. Congrego devum (?)Anno dom
1619 iuni. Iosephi Henrici Ledio fusa in Limingo».
[95]

Самый большой колокол в Петербурге на колокольне Исаакиевского собора, вес его 1 860 пудов 23 фунта, кроме языка, который особо весит 49 пудов 29 фунтов; всех же колоколов одиннадцать; общий вес их 4 349 пуд. 14 фун., стоимость 62 029 руб. 89 коп. Все они отлиты в С.-Петербурге валдайским колокольным мастером Иваном Макаровым Стуколкиным.

На Петропавловском соборе всех колоколов четырнадцать; самый большой из них 209 пудов. Но замечательными здесь являются часовые колокола, которых 38 различной величины; на каждом из этих колоколов имеется литая надпись на голландском языке, вес в них 16 506 фунтов, вес в молотках 1843 фунта. В Казанском соборе замечательны первые четыре колокола, бывшие на колокольне церкви Рождества Богородицы. Первый большой, *праздничный*, вылит в 1796 году мастером Антипом Дмитриевым, весу в нем 264 пу-

да 13 фунтов; второй колокол *полиелейный*; лил его в 1762 году алдерман Константин Слизов в Петербурге, весу в нем 129 пудов 25 фунтов; третий *повседневный* вылит февраля 9-го 1762 года тем же мастером, весу в нем 61 пуд 18 фунтов; он разбит и не употребляется. Четвертый колокол вылит в Петербурге «1734 года, ноября 30-го, лил его комиссар Семен Леонтьев» разбит и тоже без употребления. На Смольном соборе большой праздничный колокол, весом в 607 пудов, лил валдайский мастер Смирнов в Петербурге; третий *полиелейный* лил мастер Константин Слизов в Москве в 1757 году, вес его 240 пудов 5 фунтов. В Симеоновской церкви большой колокол, весом в 267 пудов 17 фунтов, лит в городе Валдае, в 1821 году. На Спасосенновской колокольне всех колоколов пятнадцать: главный из них весом в 542 пуда 18 фунтов; вылит в Москве в 1780 году января 20-го на заводе Ясона Струговщика; язык при нем железный в 17 пудов 5 фунтов; надпись следующая: «Ассесора Саввы Яковлева к церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Сенной». Существует предание, что при жизни Саввы Яковлева,

очень тщеславного человека, вышедшего из крестьян Тверской губернии, звонили в этот колокол только тогда, когда он это позволял, и будто бы язык к чему-то прикреплялся особую цепью, которую Яковлев запирает замком, а ключ держал у себя и выдавал его, когда хотел. Другой колокол, *Богородичный*, в 274 пуда 26 фунтов отлит в 1780 году. Более других древен колокол *повседневный* в 78 пудов 32 фунта, отлитый в 1762 году ко дню возвращения Екатерины II из Москвы, после коронации. В заключение следует еще сказать о двух колоколах, которые в Невской лавре. Первый, самый большой, висит на северной башне в числе других колоколов, вес в нем 800 пудов; он вылит в 1658 году иждивением известного патриарха Никона и перевезен сюда из Иверского монастыря в 1724 году. Другой колокол на южной башне *полиелейный*, весом в 200 пудов. Всех колоколов в Петербурге насчитывается более 1 500 штук, из числа которых едва ли треть будет прошедшего столетия.

В нынешнем году за границей изобретен инструмент, цель которого заменить колокола; название ему *кодонофон*. Новый инстру-

мент имеет вид шкафа. В нем помещается несколько десятков труб, по которым ударяет особенный молот. Говорят, что по силе звука кодофон не уступает самым мощным настоящим колоколам.

Примечания

Впоследствии у графа была другая собака – Дианка. Памятники этим собачкам «верному Жучку» и «миллой Дианке», с чугунными изображениями и мраморными плитами, находятся в его саду в Грузине. Под конец жизни Аракчеева любимым его четвероногим другом был Азор.

[^^^]

2

Радуйтесь жизни (нем.).

[^^^]

Срывай розу (нем.).

[^^^]

4

Князь, я бы вас обожал, если бы Вы были вашей сестрой (фр.).

[^^^]

5

Винсент! Я должен тебя наградить (фр.).

[^^^]

6

Игра слов: «старуха гор» – «старый демон»
(фр.).

[^^^]

Поощрение (фр.).

[^^^]

8

Vol – кража; terre – земля (фр.).

[^^^]

9

Имя вам – легион,5555Потому что вас много
(фр.).

[^^^]

Вы племянник знаменитого князя Таврического, не так ли? (фр.).

[^^^]

Этим именем государыня называет дипломатов (Букв. гороховые супчики).

[^^^]

12

Она умерла в 1865 г. 93-х лет от роду.

[^^^]

«Баламут» или «абцужный штос» на языке шулеров называется такой банк, в котором все карты биты, кроме двух первых абцугов, которые идут на счастье.

[^^^]

Даже у меня нет такого жемчуга, как у графини Орловой (фр.).

[^^^]

Представления с медведями, козы в сарафане
ввелись у нас во время Бориса Годунова – вы-
везены они были из Сибири.

[^^^]

Известный строитель Царскосельского театра, затем сцены Эрмитажного и Большого театров. Убытки при кладке фундамента государственного банка довели этого художника до сумасшествия, и он покончил с жизнью, бросившись в Фонтанку близ Летнего сада, по смерти его императрица запретила употребление машин на театрах.

[^^^]

Это описание было выпущено в крайне ограниченном количестве экземпляров. Краткие перепечатки из него были в «Маяке» 1840 года и «Москвитянине» 1850 года. Все перепечатки неполны и сделаны с большими пропусками. Мы воспроизводим теперь полностью из имеющегося у нас экземпляра этой редкой книжки.

[^^^]

Этот маскарад стоил жизни его автору Ф.Г. Волкову. Разъезжая верхом для наблюдения за порядком маскарада Волков сильно простудился и слег в постель. Он скончался 4 апреля 1763 г. См. Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб. 1772. С. 40.

[^^^]

Граф Комаровский в своих записках говорит: «Что на этом великолепном празднике более всего меня удивило, так это – плато, которое поставлено было пред императрицею за ужином; оно представляло на возвышении рог изобилия, все из чистого золота, а на возвышении том был вензель императрицы из довольно крупных бриллиантов». (См: Восемнадцатый век. Ч. 1. С. 322).

[^^^]

«Остроумный изобретатель этого праздника, руководивший и его исполнением господин Пошэ, бывший директор общественных удовольствий в с. – петербургском Шляхетном кадетском корпусе, в настоящее время состоит на службе его светлости владетельного герцога Цвейбрюккенского в качестве директора французской школы малолетних чужеземных комедиантов, о котором нам уже приходилось говорить в № 1 нашего журнала, от него-то мы и получили план празднества» (примеч. «Journalde litterature»).

[^^^]

«В этом аллегорическом зрелище, равно как и в трех следующих, господином Пошэ для довершения очарования, введены, во время важнейших моментов действия, лучшие отрывки из опер господ Глюка, Филидора, Пиччини, Монсиньи, Флокэ и Рудольфа; отрывки эти исполнялись оркестром из ста музыкантов» – (примеч. «Journal de litte'rature»).

[^^^]

«Благодеяния императрицы Екатерины II, оказываемые подвластным ей народам со дня ее вступления на трон, и составляют главное основание сюжета этой аллегии. Война, мир, пожары и наводнения, разорившие ее империю, прекратили на время благодеяния, которыми она всегда наделяла иностранцев равно так и покровительство, оказываемое ею изящным искусствам, автор делает здесь намек на все эти случаи и прославляет возвращение благоденствия для изящных искусств и общественного благосостояния» (примеч. «Journal de Utterature»).

[^^^]

«Некоторые из них доходили до такого самозабвения, что натирали оконечности пальцев пемзой для приобретения более нежного ощущения во время игры в карты; другие же из боязни кары, предназначенной против всех игроков, не осмелясь прибегать к игре в карты, придумали способ держать пари на быстрый бег тех отвратительных насекомых, даже названия которых избегают в наших странах. Стол заменяет песчаную равнину. Для этих бегунов в новом роде; игла, вбитая в середину стола, является достойным барьером в их соревновании. Один молодой русский умел так искусно готовить подобные иглы, уснащенные помадой, что из множества банков, которые выкладывались по этому поводу, две трети выигрыша выпадали на его долю» (примеч. «Journal de litterature»).

[^^^]

Описание берем из «Московских ведомостей»
1811 года.

[^^^]

В 1742 году вышел указ, как ездить в маскарады: «В хорошем, а не в гнусном платье – телогреях, полушубках и кокошниках», нечиновным запрещено было носить шелковую подкладку, только первые 5 классов могли носить кружева. Знать приглашалась иметь по больше лакеев, 1-й и 2-й классы должны были иметь от 8-ми до 12-ти лакеев по 2–4 скорохода, по пажу и по два егеря. Лица 4-го класса должны были иметь по четыре лакея у кареты и т. д.

[^^^]

См Вороблевский В.Г. Краткое описание села Спасского, Кусково тож, принадлежащего его сиятельству графу Петру Борисовичу Шереметеву. М., 1787.

[^^^]

См Вейдемейер А.И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. СПб, 1846. С. 45.

[^^^]

Публичные спектакли у Шереметева окончились в год его смерти в 1788 г.

[^^^]

Михаил Егор. Медокс, родом англичанин, был известен в свое время в Москве каждому. Ходил всегда в красном плаще – народ за это звал его кардиналом.

[^^^]

Эти старые актеры были: Померанцев, Плавильщиков, Шушерин, Сандунов; актрисы Сандунова, Синявская, Калиграфов.

[^^^]

Эта одноактная оперетта была переведена студентом Федором Геншем (напечатана в типографии Н.П. Новикова в 1784 г). Это была идилическая Арлекинада в лицах. Играл Бочара актер Ожогин, тогдашняя необходимость московского райка. Ожогин был актер высокого роста, с очень комической физиономией, вроде покойного Живокини, голос у него густой бас, довольно, впрочем, сиповатый. При всяком выходе Ожогина театр помирал со смеху. Ожогин был превосходным в «Мельнике» Аблесимова; но этот же мельник-Ожогин являлся в «Корадо де Герера», в опере «Редкая вещь», в «Бочаре Мартыне» и т. д.

[^^^]

«С.-Петербургский Гостиный двор» был напечатан в 1781, 1792-м и 1799 гг., книги Мих. Матинского известны: «Начальные основания геометрии», «Описание различных мер», «Басни и сказки Геллерта» и многие музыкальные и театральные пьесы.

[^^^]

«Оленька, или Первоначальная любовь». Село Ясное, 1796 г. Автор ее сенатор, князь Белосельский (1752–1809). В бытность посланником в Турине он написал еще три на французском языке: 1) «Circee cantate», 1792, 2) «De li en Italie». a Hague, 1778, 3) «Poesie franscaise d'un prince etranger». Paris, 1789.

[^^^]

Подробности о труппе князя можно найти в книге А.С. Гацисского «Нижегородский театр», затем в «Воспоминаниях» Ф. Вигеля, у Храмацовского «Нижегородский театр», «Пантеон», 1846 г. С романтическими прикрасами – драме П. Боборыкина «Большие хоромы» и в романе господина Михайлова «Перелетные птицы».

[^^^]

Описание это относится к 1813 г.

[^^^]

Всех артистов с детьми было 96 человек.

[^^^]

При составлении статьи о театре Каменского, мы пользовались рассказами орловских старожилов князя Д.М. Сонцова-Засекина, И.О. Мацнева и затем записками графа М.Д. Бутурлина (см. Театр графа Каменского в Орле. Из записок графа М.Д. Бутурлина //Русский архив. 1869, С. 1707), записками ИХ. Жиркевича (см. Записки И.С. Жиркевича//Русская старина. 1875, Т. XIII. С. 572) и неизданными, имеющимися в нашем распоряжении записками бывшего редактора журнала «Друг россиян», издававшегося в Орле в 1817 г. г-ном Ошменцом.

[^^^]

Если госпожа Курилова навлекала чем-нибудь на себя неудовольствие графа, то портрет этот от нее отбирался, и на место его давался другой, точно также отделанный, но на котором лица не было видно, но виднелась одна спина, портрет этот вешался ей тоже на спину, и в таком виде на соблазн всем должна была показываться всюду. Кроме этого наказания, назначалось и другое, несравненно жесточее. В квартиру Куриловой ставилась смена дворовых людей под командой урядника, которая каждую четверть часа входила к ней и говорила ей: «Грешно, Акулина Васильевна. Рассердили батюшку графа, молитесь». И бедная женщина должна была сейчас класть поклоны, так что ей приходилось не спать и по ночам даже не вставать с поклонов.

[^^^]

Так, находим в «Друге россиян», что театр графа Каменского в 1817 году, с начала своего открытия по 28 июля (за полгода) представил к увеселению публики 82 пьесы, из которых было 18 опер, 15 драм, 41 комедия, 6 балетов и 2 трагедии.

[^^^]

По словам Жихарева (см.: Дневник. СПб., 1859), с ними не особенно церемонились, и если они зашибались, то делали выговор особого рода.

[^^^]

Гораздо ранее (в 1793 году) из Столыпинской труппы была известна очень талантливая актриса «Варенька»: она вскоре вышла замуж за известного литератора того времени Н.И. Стрехова, издателя «Сатирического вестника».

[^^^]

См.: Письма из России в Ирландию 1806, 1805
и 1807 г.г. //Русский архив, 1873. Кн. 2. С. 1889.

[^^^]

См. Инсарский В.А. «Половодье». Картины провинциальной жизни прежнего времени. СПб., 1875.

[^^^]

См.: Записки академика Солнцева в «Русской старине».

[^^^]

См.: Жихарев С.П. Дневник... С. 31.

[^^^]

Бизипу, эмигрант-мулат, был женат на дочери купца Сахарова, от которой имел детей белых и черных; он был в 1812 г. расстрелян как шпион Наполеона.

[^^^]

Господа, завтра мы будем счастливы предложить вам...(фр.)

[^^^]

«Воспоминания актрисы, написанные Луизой
Фюзил» (фр.).

[^^^]

Французский театр в Москве
 Французский театр Комедии в ближайшую среду 7 октября 1812 будет иметь честь впервые представить *Игра любви и случая* Комедия в 3-х частях, сочиненная 2-ном Мариво, а вслед за нею «Слуга и возлюбленный». Комедия в 1-й части, сочиненная 2-ном Геро

В «Игре любви» участвуют: гг. Адне. Перу, Сен-Клер, Белькур, Бертран; также 2-жи Андре и Фюзи.

Цена за место:

Первый ярус5 рублей или 5 франков

Партер.....3 рубля или 3 франка

Второй ярус.....1 рубль или 1 франк

Начало представления ровно в 6 часов. Задано будет на Большой Никитской, в доме Позняковых.

Поставленным в 1801 году по модели ваятеля Козловского. Сперва на Марсовом поле, потом был отнесен к берегу Невы, по приказанию императора Александра I.

[^^^]

Анна Васильевна владела в Москве домом в приходе Трех Святителей на Большой Мясницкой, в 5-м квартале, по нумерации дома 2.

[^^^]

См.: Макарий (Бултаков М.П.). История Русской Церкви. Т. 8. Кн. 3. СПб., 1877. С. 238.

[^^^]

См.: Тромонин К.Я. Достопамятности Москвы.
М., 1842. № 6. С.73.

[^^^]

См.: Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненная генерал майором Иваном Болтиным. СПб., 1788. Т. 1–2. Т II. С. 497.

[^^^]

См.: Русский архив. 1874. № I. С. 612.

[^^^]

Сведение это мы берем из описания Смоленского кладбища, составленного священником Стефаном Опатовичем (См. Опатович СИ. Смоленское кладбище в С.-Петербурге. Ист. очерк//Русская старина. 1873. Авг. С. 168–200).

[^^^]

Император Павел I короновался в первый день Пасхи.

[^^^]

Обер-прокурор в царствование императора Павла I и министр при императоре Александре I.

[^^^]

См: Прыжов И.Г. Житие Ивана Яковлевича //
Наше время. 1860. № 34. С. 547.

[^^^]

См.: (Долгоруков А.В. Органон животного mesmerизма. Соч. кн. Долгорукова, магнетизера больниц ведомства Петербургских учреждений имп. Марии. СПб., 1860).

[^^^]

См.: Прыжов И.Г. Двадцать шесть московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков. М., 1863.

[^^^]

Письмо это не годится для печати и приводится нами с пропусками.

[^^^]

См.: Прыжов И.Г. Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве. СПб., 1860. С. 22.

[^^^]

См.: Сказания о кончине и погребении московских юродивых Семена Митрича и Ивана Яковлевича. М., 1862.

[^^^]

См.: «Северную Пчелу» о похоронах Ивана Яковлевича (Северная пчела 1811. Сентябрь).

[^^^]

См.: Скавронский Н. Очерки Москвы М., 1866.
Вып. 2.212 (Подлинное имя автора А.С. Ушаков).

[^^^]

См.: Прыжов И.Г. Двадцать шесть московских
лжепророков.

[^^^]

См.: Прыжов И.Г. Двадцать шесть московских
лжепророков.

[^^^]

Носит название от известной московской старухи-лекарки Мячкиной.

[^^^]

См.: Исторический вестник. 1880. Ноябрь.

[^^^]

Сказание о похоронах и жизни Андреюшки
написал какой-то симбирский пономарь.

[^^^]

См.: Православный собеседник. 1877. № 1
С. 46–49.

[^^^]

См.: Отечественные записки. 1866. Кн. 6–9,11.

[^^^]

См.: Блаженный Антоний Алексеевич. СПб., 1865.

[^^^]

О колоколах в Киеве упоминается в 1171 г.
См.: ПСРЛ Т. 1 С. 100.

[^^^]

Церковная летопись в Синодике XVIII в.

[^^^]

Государи российские после коронования своего входили сюда показаться народу, собиравшемуся на Красной площади.

[^^^]

См.: Снегирев И.М., Мартынов А. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества М., 1848.

[^^^]

См.: Щекатов А., Максимович Л.М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оного виде Ч. 1-7. М.,1801-1809.

[^^^]

См.: Исторический вестник. 1881. № 2. С. 418.

[^^^]

По словам отца Израилева, Лебедем этот колокол назван потому, что эта птица при помощи трубчатого устройства дыхательного горла своего производит громкий звук, подавший повод к сказке о Лебединой песне.

[^^^]

Назван так потому, что в него благовестят в Великий пост.

[^^^]

Слава единому Богу, Слава Всевышнему, Меня
отлил в 1686 году... (лат.)

[^^^]

Колоколом полиелейным называется такой, в который благовестят в большие праздники. Слово «полиелей» греческое и означает «многომилостивое».

[^^^]

См.: Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. М. 1838. Кн. 1. С. 198.

[^^^]

См.: грамоты, помещенные в Сибирской истории Миллера (Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. Пер. с нем.) Кн. 1. СПб., 1750, Гл. 6–8 2-й части печатались под загл. «Сибирской истории» в «Ежемес. соч. и изв. о ученых делах». 1764. Т. 20.

[^^^]

См.: Московские ведомости. 1850.

[^^^]

Впоследствии этот колокол был перелит с добавлением еще меди и повешен на пристройке к Ивану Великому, назван он был «праздничным»; в него ударяли три раза с большою расстановкою по смерти царя или кого-нибудь из его семьи, а также по смерти патриарха.

[^^^]

Для отливки этого колокола употреблено было одного кирпича 1 214 000! Из этого числа на одну печь пошло 330 000, на основание и под лицо 300 000 и на утрамбовку внутри болвана и снаружи кожуха 250 000!..

[^^^]

Известный знаток колоколов, протоиерей Израилев, как мы слышали, считает возможным перелить Царь колокол, дать ему гармонический тон и поднять на колокольную. На это, как он предполагает, надо будет затратить не менее 50 000 рублей. За последнее время было в газетах напечатано несколько проектов починки Царя-колокола.

[^^^]

См. Исторический вестник. 1880. № 8. С. 796.

[^^^]

См.: Макарий (Миролюбов Н.К.). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях//Соч. архим. Макария. М., 1860. Ч. 1-2.

[^^^]

И так далее (лат.).

[^^^]

Кто против нас, если Бог за нас (лат.).

[^^^]

Хвалю Бога, народ утешаю, Мой колокол никогда не звонит напрасно. Я общаюсь с Богом (?). Год 1619, июнь. Йозеф Ледью лил в Лимино (лат.).

[^^^]